

М•ЛЕРМОНТОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ • ПОЭМЫ

МАСКАРАД

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Михаил Юрьевич Лермонтов

Стихотворения. Поэмы. Маскарад. Герой нашего времени

В 93 том БВЛ включены стихотворения и поэмы М. Ю. Лермонтова, драма в стихах «Маскарад» и роман «Герой нашего времени». Юношеские сочинения (1828–1835 годов) представлены здесь не полностью.

Вступительная статья, составление и примечания Ираклия Андроникова.

Эта книга снабжена репродукциями с картин и рисунков самого М. Ю. Лермонтова.

Содержание

#1	0016
Подвиг	0018
Стихотворения	0032
Поэт («Когда Раф а эль вдохновенный...»)	0032
К Д...ву («Я пробегал стран ы России...»)	0033
Веселый час	0034
К друзьям	0036
Романс («Коварной жизнью недовольный...»)	0037
Портреты (1–6)	0038
Русская мелодия	0041
Романс («Невинный нежною душою...»)	0042
Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...»)	0043
Жалобы турка	0047
Черкешенка	0048
Два сокола	0049
Мой демон («Собрание зол его стихия...»)	0051
К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья...»)	0052
Элегия («О! Если б дни мои текли...»)	0053
Монолог	0055
Молитва («Не обвиняй меня, всеильный...»)	0056
«Один среди людского шума...»	0057

Звезда («Вверху одна...»)	0058
Кавказ («Хотя я судьбой на заре моих дней...»)	0059
К *** («Не говори: одним высоким...»)	0060
Н. Ф. И...вой («Любил с начала жизни я...»)	0061
Весна («Когда весной разбитый лед...»)	0063
Одиночество	0064
В альбом («Нет! — я не требую вниманья...»)	0065
Звезда («Светись, светись, далекая звезда...»)	0066
Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...»)	0067
Вечер после дождя	0068
Наполеон («В неверный час, меж днем и темнотой...»)	0069
Кавказу («Кавказ! далекая страна!..»)	0072
Утро на Кавказе	0073
Отрывок («На жизнь надеяться страшась...»)	0074
Элегия («Дробись, дробись, волна ночная...»)	0078
Эпитафия («Простосердечный сын свободы...»)	0080
Посвящение («Прими, прими мой грустный труд...»)	0081
К *** («Не думай, чтоб я был достоин	

сожаленья...»)	0082
Предсказание	0084
11 июля	0085
Песнь барда	0086
10 июля (1830)	0088
Нищий	0089
30 июля. — (Париж) 1830 года	0090
Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...»)	0091
Ночь («Один я в тишине ночной...»)	0093
«Когда к тебе молвы рассказ...»	0095
К *** («Когда твой друг с пророческой тоскою...»)	0096
Новгород	0097
Могила бойца (Дума)	0098
Смерть («Закат горит огнистой полосой...»)	0100
Пир Асмодея (Сатира)	0101
На картину Рембрандта	0105
К *** («О, полно извинять разврат...»)	0106
Прощанье («Прости, прости...»)	0107
Смерть («Оборвана цепь жизни молодой...»)	0109
Волны и люди	0110
Звуки	0111
Поле Бородина	0112
Мой дом	0115
1831-го января	0116

Стансы («Мне любить до могилы творцом суждено...»)	0117
Солнце осени	0118
Поток	0119
К *** («Не ты, но судьба виновата была...»)	0120
Ночь («В чугу́н печальный сторож бьет...»)	0122
К себе	0123
«Пускай поэта обвиняет...»	0124
Слава	0125
«Унылый колокола звон...»	0126
«Хоть давно изменила мне радость...»	0128
Земля и небо	0129
К *** («Дай руку мне, склонись к груди поэта...»)	0130
Из Андрея Шенье	0131
Сосед («Погаснул день на вышинах небесных...»)	0134
Стансы («Не могу на родине томиться...»)	0135
Мой демон («Собрание зол его стихия...»)	0137
1831-го июня 11 дня	0139
Романс к И... («Когда я унесу в чужбину...»)	0154
К*** («Всевышний произнес свой приговор...»)	0155
Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...»)	0157

Св. Елена	0159
Атаман	0160
Чаша жизни	0163
К Л. — («У ног других не забывал...»)	
(Подражание Байрону)	0164
К Н. И..... («Я не достоин, может быть...»)	0165
Воля	0167
Сентября 28	0168
«Зови надежду сновиденьем...»	0170
«Прекрасны вы, поля земли родной...» . . .	0171
Небо и звезды	0172
К кн. Л. Г — ой	0173
«Кто видел Кремль в час утра золотой...» .	0174
«Кто в утро зимнее, когда валит пушистый снег...»	0174
Ангел	0175
«Ужасная судьба отца и сына...»	0176
«Пусть я кого-нибудь люблю...»	0179
К другу («Забудь опять...»)	0179
«Пора уснуть последним сном...»	0181
Из Паткуля	0181
«Я не для ангелов и рая...»	0182
«Настанет день — и миром осужденный...»	0183
К Д («Будь со мною, как прежде бывала...»)	0185
Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске...»)	0186

Баллада («В избушке позднею порою...»)	. 0189
«Я не люблю тебя; страстей...» 0191
Стансы («Мгновенно пробежав умом...»)	. 0192
«Люблю я цепи синих гор...» 0193
Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...»)	. 0195
«Как в ночь звезды падучей пламень...»	. . 0198
К* («Я не унижусь пред тобою...») 0199
<В альбом Н. Ф. Ивановой> («Что может краткое свиданье...») 0201
<В альбом Д. Ф. Ивановой> («Когда судьба тебя захочет обмануть...») 0202
«Как луч зари, как розы Леля...» 0203
«Синие горы Кавказа, приветствую вас...»	0204
Романс («Стояла серая скала на берегу морском...») 0206
Прелестнице 0207
Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?...») 0208
«Измученный тоскою и недугом...» 0209
«Нет, я не Байрон, я другой...» 0210
Романс («Ты идешь на поле битвы...») 0211
Сонет («Я памятью живу с увядшими мечтами...») 0212
К* («Мы случайно сведены судьбою...»)	. . 0214
«Поцелуями прежде считал...» 0215
К* («Оставь напрасные заботы...») 0216
«Я жить хочу! хочу печали...» 0217

«Смело верь тому, что вечно...»	0218
«Приветствую тебя, воинственных славян...»	0219
Желанье («Отворите мне темницу...»)	0220
Два великана («В шапке золота литого...»)	0221
К* («Прости! — мы не встретимся боле...»)	0222
«Безумец я! вы правы, правы!..»	0224
«Она не гордой красотой...»	0225
«Примите дивное посланье...»	0226
Челнок («По произволу дивной власти...»)	0227
«Для чего я не родился...»	0228
«Что толку жить!.. Без приключений...»	0229
Парус	0231
Баллада («Куда так проворно, жидовка младая?...»)	0232
Тростник	0235
«Он был рожден для счастья, для надежд...»	0237
Русалка	0238
Гусар	0240
«На серебряные шпоры...»	0242
Юнкерская молитва	0243
«В рядах стояли безмолвной толпой...»	0244
«Когда, надежде недоступный...»	0245
Умиравший гладиатор	0246
Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..»)	0249

В альбом («Как одинокая гробница...»)	0250
«Великий муж! здесь нет награды...»	0251
Смерть Поэта	0252
Бородино	0256
Ветка Палестины	0260
Узник	0262
Сосед	0263
«Когда волнуется желтеющая нива...»	0264
Молитва («Я, мать божия, ныне с молитвою...»)	0266
«Расстались мы, но твой портрет...»	0267
«Я не хочу, чтоб свет узнал...»	0268
«Не смейся над моей пророческой тоскою...»	0269
«Спеша на север из далека...»	0270
<Эпиграмма на Ф. Булгарина, I>	0272
<Эпиграмма на Ф. Булгарина, II>	0272
Кинжал	0273
«Гляжу на будущность с боязнью...»	0274
«Она поет — и звуки тают...»	0275
«Как небеса, твой взор блистает...»	0276
«Слышу ли голос твой...»	0277
Вид гор из степей Козлова	0278
<А. Г. Хомутовой> («Слепец, страданьем вдохновенный...»)	0279
Дума	0281
Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...»)	0284

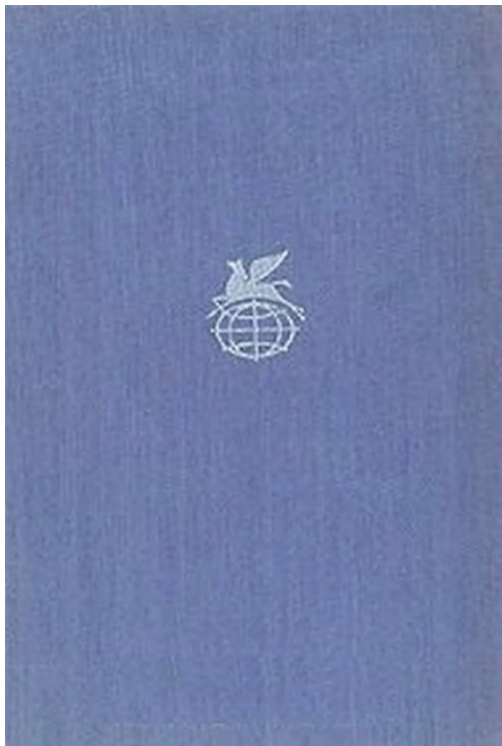
Казачья колыбельная песня	0287
«Ребенка милого рожденье...»	0289
Не верь себе	0290
Три пальмы (Восточное сказание)	0293
Молитва «В минуту жизни трудную...» . . .	0297
Дары Терека	0298
Памяти А. И. Одоевского	0301
«Есть речи — значенье...»	0305
«На буйном пиршестве задумчив он сидел...» . . .	0307
<Э. К. Мусиной-Пушкиной> («Графиня Эмилия...»)	0308
«Как часто, пестрою толпою окружен...» .	0309
И скучно и грустно	0312
Из Гете	0313
<М. А. Щербатовой> «На светские цепи...»	0313
Воздушный корабль (Из Зейдлица)	0315
Соседка «Не дожидаться мне, видно, свободы...»	0319
Журналист, читатель и писатель	0322
Пленный рыцарь	0329
<М. П. Соломирской> («Над бездной адскою блуждая...»)	0331
Отчего	0332
Благодарность («За все, за все тебя благодарю я...»)	0333
Ребенку («О грезах юности томим воспоминаньем...»)	0334

А. О. Смирновой («Без вас хочу сказать вам много...»)	0336
К портрету («Как мальчик кудрявый, резва...»)	0337
Тучи	0338
<Валерик> («Я к вам пишу случайно; право...»)	0339
Завещание («Наедине с тобою, брат...»)	0350
Оправдание	0351
Родина	0352
Любовь мертвеца	0354
«На севере диком стоит одиноко...»	0356
Последнее новоселье	0357
<Из альбома С. Н. Карамзиной> («Любил и я в былые годы...»)	0362
<Графине Ростопчиной> («Я верю: под одной звездою...»)	0363
Договор	0364
«Прощай, немытая Россия...»	0365
Утес	0366
Спор	0367
Сон («В полдневный жар в долине Дагестана...»)	0371
«Они любили друг друга так долго и нежно...»	0372
Тамара	0373
Свиданье	0376
Листок	0380

«Нет, не тебя так пылко я люблю...»	0383
«Выхожу один я на дорогу...»	0384
Морская царевна	0386
Пророк	0388
Стихотворения неизвестных лет	0390
Поэмы	0397
Последний сын вольности Повесть	0397
Измаил-Бей Восточная повесть	0432
Хаджи Абрек	0536
Сашка Нравственная поэма	0555
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	0659
Тамбовская казначейша	0688
Беглец Горская легенда	0721
Демон Восточная повесть	0728
Мцыри	0777
Сказка для детей	0807
Маскарад драма в 4-х действиях, в стихах	0826
#1	0826
Действующие лица:	0826
Действие первое	0827
Действие второе	0894
Действие третье	0969
Действие четвертое	1004
Герой нашего времени	1031
#1	1032
Часть первая	1035

Часть вторая (Окончание журнала Печорина)	1145
.....	1145
К иллюстрациям.....	1312

М. Лермонтов
Стихотворения
Поэмы
Маскарад
Герой нашего времени

На фронтисписе:

М. Ю. Лермонтов. Автопортрет. Акварель. 1837–1838. Государственный литературный музей. Москва».

Подвиг

1

Никогда не забудется тот мрачный январский день 1837 года, когда навеки закрылись глаза Пушкина. Но насколько стал бы он для нас еще чернее и горше, этот ужасный день, если бы Россия не узнала тогда стихов Лермонтова. Пушкин погиб, но не умолк голос великой поэзии. Новый, никому не известный поэт посмел сказать правду, о которой молчали даже пушкинские друзья: врагов поэта он назвал палачами, сказал, что они таятся под защитою царского трона, что их ждет в грядущем возмездие, ждет суд народа. Сколько свершалось до того смелых гражданских подвигов, сколько свершилось с тех пор, но Лермонтов навсегда останется одной из самых героических фигур в истории русской литературы и в истории русского общества.

Все удивительно в этой внезапной славе молодого поэта. И вызов, который он бросил придворному обществу. И голос общественно-го протеста, прозвучавший в этих стихах. И сочетание двух великих имен. И двух огром-

ных событий — гибели Пушкина и выступления Лермонтова. Все это воспринимается, как легенда, настолько легендарными кажутся и величие подвига, и одновременность случившегося. Вот прозвучало слово правды о Пушкине. И новый поэт уже обречен. И ему уготована такая же судьба и точно такая же гибель — на поединке. Вряд ли можно назвать в мировой литературе сочетание двух таких колоссальных трагедий. И таких блистательных эстафет, являющих великие силы народа, способного послать одного гения на смену другому — не фигурально, не образно, а подобно тому, как в сражении один заменяет другого, подхватывая упавшее из рук убитого знамя.

2

Только четыре года жил Лермонтов с того дня. Но эти четыре года составили этап в истории русской литературы, ограниченный датами 1837–1841. За эти годы в сознание читателя вошел целый мир поэтических представлений и образов, который способно обнять одно только имя — Лермонтов.

За эти четыре года Лермонтов создал эпи-

ческую поэму — «Песню про царя Ивана Васильевича...», которую справедливо ставят теперь рядом с величайшими творениями народной поэзии, и критика еще в прошлом столетии отметила сродство ее с гомеровским эпосом. Вслед за тем Лермонтов сочинил последнюю — грузинскую — редакцию «Демона», создал «Мцыри» — поэмы, принадлежащие к вершинам романтического искусства. Написал ироническую по отношению к себе и к романтическому направлению в поэзии вещь, названную «Сказкою для детей». Выпустил роман «Герой нашего времени» — удивительный по смелости изображения жизни, по психологической глубине, пластичности образов, совершенству литературного слога, — означавший важнейший этап в движении русской прозы по пути к реализму. Напечатал сборник стихов — двадцать шесть гениальных творений, каждое из которых раскрывает новую грань его дарования. Внес в свои записные альбомы новые вдохновенья, которых хватило бы на вторую книгу стихов... Все за четыре года!

В этот период происходит сближение с Бе-

линским, Лермонтов деятельно участвует в журнале «Отечественные записки». Если при этом подумать, что у него совсем не было времени для спокойной работы и почти все, что написано, сочинялось в почтовых кибитках, на постоянных дворах, в полку на дежурстве, в тюремной камере, в перерывах между боями, — подвиг Лермонтова предстает в несказанном величии. Еще более удивительной кажется его творческая сосредоточенность и великая преданность своему призванию, верность раз навсегда избранному пути. Какой же надо было обладать силой духа, какой фанатической страстью к творчеству, как много мог и должен был сказать этот человек миру, если не раз заставлял задумываться таких людей, как Белинский, не шагнул ли бы он еще дальше Пушкина, если бы пуля Мартынова не остановила его пути? До сих пор с восторгом и горестью закрывает томик Лермонтова пораженный читатель, не в силах постигнуть, как мог человек еще юный, еще не достигший полных лет зрелости, страдающий и гонимый, сказать так много, разнообразно и так современно, с такой философской муд-

ростью и такой неустрашимой гражданской страстью!

В продолжение долгих десятилетий читателю давали неверный адрес, не в ту сторону направляли воображение, пытались объяснить великое чудо поэзии — Лермонтова — усердным подражанием великим и невеликим писателям. Утверждали, что он прожил «однообразную и огражденную со всех сторон жизнь». Это писали о Лермонтове, чья жизнь полна самых драматических эпизодов и который знал и так понимал жизнь, как знали и понимали из его современников очень немногие. Он шел в своем творчестве не от литературы, но от жизни, и от жизни идей. А литературу блистательно знал, помня наизусть тысячи строк и читая по-русски, по-французски, по-немецки, по-английски и по-латыни.

С юных лет он готовился к подвигу — учился у декабристов, которые, как говорит Огарев, шли на гибель, зная, что их слово не умрет, потому что они вслух погибнут. И Лермонтов в ранние годы, подобно Наливайке Рылеева, подобно самим декабристам, мечта-

ет в стихах погибнуть за «дело общее», как звучал в их устах латинский термин «республика». В пятнадцать — шестнадцать лет он пишет, что его ждут изгнание и плаха. Борьба за вольность и за отчизну, за право свободно мыслить, жить и творить составляет пафос поэзии Лермонтова с первых лет его стихотворчества.

Он выступил как верный друг и защитник Пушкина, как его ученик и продолжатель его гражданского и литературного дела. Именно потому, что замолк голос Пушкина, он заговорил вслух, принял завет и пошел по пушкинскому пути. Однако в отличие от Пушкина, которого в юности окрыляли мечты о скорой свободе, Лермонтов начинал свой путь, когда мечты эти были уже развеяны, а мечты его поколения, по слову Герцена, всегда кончались Сибирью или казнью и никогда — торжеством.

В этих новых условиях надобно было сказать всю правду о времени. И сказать ее мог только тот, кто обладал характером политического деятеля. И если бы современники не сохранили воспоминаний о том, что у Лер-

монтова был «железный характер», предназначенный «на борьбу и владычество», — мы догадались бы сами, зная политические условия, в которых ему приходилось писать, и зная написанное. В своей «Думе» он сказал правду о сверстниках, подавленных крушением надежд 1825 года, отказавшихся от дальнейшей борьбы. Он сказал правду о своем современнике в романе «Герой нашего времени». Изобразив в лице Печорина «пороки... поколения», он дал понять, что они порождены общественной средой. Но, написав роман в защиту героя, он показал и то, как разрушителен эгоизм и сколь, даже при глубоком и остром уме, несостоятельны и ошибочны субъективные печоринские оценки людей и явлений. И создание такого романа было подвигом еще более трудным, ибо даже и те, ради которых он говорил эту правду, обвиняли его в клевете на современное общество.

В этом романе он выступил решителем важных вопросов жизни. Тут окончательно стало ясно, что пафос творчества Лермонтова, как пишет Белинский, составляет мысль о судьбе и правах человеческой личности.

Строку из лермонтовского «Демона» — «с небом гордая вражда» — современники расшифровывали как «отрицание духа и мировоззрения, выработанного средними веками или... другими словами — пребывающего общественного устройства». Лучшие люди лермонтовского поколения восприняли революционную сущность его поэзии. И увидели в ней выражение собственных устремлений и чувств. Понял ее и другой лагерь — противники Лермонтова, обвинившие его в клевете на современное общество, а затем сочинившие версию, якобы творчество Лермонтова лишено национальных корней.

3

Десять лет Лермонтов писал для себя и для малого круга лиц, ему преданных. Но как велико отличие этих юношеских откровений, среди которых есть и пламенное послание «К*» («Я не унижусь пред тобою...»), и удивительная «Русалка», и гениальный «Парус», от тех вещей, которые он создавал в ту пору, когда голос его слышала вся Россия. И это было результатом не только быстрого созревания таланта, но и ответственности, которая легла

на него после гибели Пушкина, — перед читателем, перед страной, перед историей, — ответственности, которая подавляет себялюбивых и слабых, но способствует могучему возрастанию талантов сильных и убежденных в праве своем учить и вести вперед. Многие у Лермонтова зависело также и от того, что раздвинулся тесный жизненный круг и снова увидел он то, что еще в детстве так поразило его, — свободный сражающийся Кавказ, героический мир, рождавший могучие характеры и трагические конфликты, где жизнь предстала перед ним уже во всем своем социальном и национальном разнообразии: степные русские помещики и лихие чеченские наездники, терские казаки и аристократы-гвардейцы, мирные горцы и великосветская знать, контрабандисты и участники декабрьского восстания... Новый круг людей простых, с которыми все чаще сводила его судьба во время странствований по Кавказу, все более определял темы и стиль его новых произведений. Его «Завещание» — потрясающий по простоте и точности монолог русского офицера-кавказца, свободный от поэтических украшений;

глухой голос умирающего, кажется, только сейчас был живым разговором и словно у нас на глазах отлился в стихи... «Валерик» поражает непринужденностью тона, с какой пишется это послание — рассказ о ненужной людям войне, о страданиях и о красоте человеческих чувств и пропасти, разделяющей очевидца сражения от петербургской гостиницы, где это послание прочтут с улыбкой любезной и снисходительной. А «Родина»!

*Но я люблю — за что, не знаю
сам —
Ее степей холодное молчанье.
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...*

Вдумаемся в эти слова: «колыханье» лесов. Да еще «безбрежных» — слово, более подходящее к рекам. А в соседней строке тоже безбрежные, уподобленные морям речные разливы. Но в этой строке, где оно, казалось, напрашивалось, слово «безбрежнее» не сказано. И рядом — «холодные» степи. И вот возникает ощущение огромных просторов России, переливающегося из слова «степей» в «безбрежных», в «разливы», в «морья». И ощущение хо-

лодной весны возникает. И долгих дорог. Каждое слово здесь необычно и сильно, но одно из них сдвинуто и тем самым обновлен целый ряд, обретающий новую точность.

Все органичнее входят в поэзию Лермонтова именно в эти годы образы народной поэзии, все большую простоту обретает поэзия собственная. И не удивительно, что многие из его стихотворений ушли в народ и распеваются до сих пор как безымянные народные песни. Но все это не исключало для него самого, как не исключает для нас, романтического сочетания фантастики и реальности в «Демоне» — поэме, где «бегущая комета», посылающая улыбку изгнаннику рая, и Казбек, уподобленный грани алмаза, увиденный сверху и в отдалении, поставлены в один ранг! Прекрасно и бесконечно поэтическое воображение, способное одновременно обнять явления и аспекты столь разные! И все за четыре года!

К началу 1841 года слава Лермонтова достигла зенита. Книга его стихов раскупалась нарасхват в обеих столицах. Не только в кругу многочисленных своих почитателей, но и на всем Кавказе он имел «славу льва-писате-

ля». Произведения его переводились на иностранные языки, уже являлись в заграничной печати отзывы, в которых говорилось о необыкновенном таланте... «Уже, — писал Белинский потом, — затевал он в уме, утомленном суетою жизни, создания зрелые», — рассказывал друзьям план трех новых романов из трех эпох жизни русского общества, связанных между собою единством действия... Но тут время остановилось для него навсегда! Не стало поэта, одного из самых гениальных по дарованию, какие когда-либо рождались на русской земле... Нет. В целом мире!

Всем своим творчеством Лермонтов отрицал официальную деспотическую Россию — то «общественное устройство», при котором ему суждено было жить. Он проклинал власть, убившую Пушкина. Оплакивал умершего декабриста. Презирал современников за раболепство перед престолом. Без слов понимал узника. Призывал к мщению за поруганную свободу. Отрицают у него «общественное устройство» царской России и простой человек, убивающий молодого опричника, и Мцыри, томящийся в монастырской неволе. И Де-

мон, восставший на бога. И не случайно в романе своем Лермонтов написал, что герой его умер, вернувшись на родину и вдохнув воздух империи.

4

Идут годы, десятилетия. Второе столетие перевалило за половину, а мы ощущаем Лермонтова как поэта живого и глубоко современного. Лиризм и страстная гражданская мысль воплотились в его сочинениях так слитно, что каждое лирическое признание неизбежно наводит нас на глубокие размышления — о смысле бытия, о взаимоотношениях людей, о категориях добра, зла, жизни, смерти, истории, современности, вечности. Не только произведения сюжетные — поэмы, «Маскарад», проза, — но даже и лирические стихотворения его свободны от созерцания и констатации, ибо исполнены глубокой и страстной мысли, высказанной с потрясающей искренностью, силой и смелостью, и пронзают при этом беспредельной магической музыкальностью самого «созвучия слов». И поэтому каждое создание Лермонтова, особенно зрелое, заставляет трепетать на-

ше сердце, будит мысль, зажигает воображение и устремляет его вперед.

ИРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ

Стихотворения

Поэт

(«Когда Рафаэль вдохновенный...»)

{2}

*Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой девы лик священный
Живую кистью окончал, —
Своим искусством восхищенный,
Он пред картиною упал!
Но скоро сей порыв чудесный
Слабел в груди его молодой,
И утомленный и немой,
Он забывал огонь небесный.*

*Таков поэт: чуть мысль блеснет,
Как он пером своим прольет
Всю душу; звуком громкой лиры
Чарует свет и в тишине
Поет, забывшись в райском сне,
Вас, вас! души его кумиры!
И вдруг хладеет жар ланит,
Его сердечные волненья
Все тише, и призрак бежит!
Но долго, долго ум хранит*

1828

К Д....ву
(«Я пробегал страны России...»)

{3}

*Я пробегал страны России,
Как бедный странник меж людей;
Везде шипят коварства змии;
Я думал: в свете нет друзей!
Нет дружбы нежно-постоянной,
И бескорыстной, и простой;
Но ты явился, гость незванный,
И вновь мне возвратил покой!
С тобою чувствами сливаюсь,
В речах веселых счастье пью;
Но дев коварных не терплю, —
И больше им не доверяюсь!..*

1829

Веселый час

^{4} (Стихи в оригинале найдены во Франции на стенах одной государственной темницы)

Зачем вы на меня,
Любезные друзья,
В решетку так глядите?
Не плачьте, не грустите!
Пускай умру сейчас,
Коль я в углу темницы
Смочил один хоть раз
Слезой мои ресницы!..
Ликуйте вы одне
И чаши осушайте,
Любви в безумном сне,
Как прежде, утопайте;
Но в пламенном вине
Меня воспоминайте!..

Я также в вашу честь,
Кляня любовь былую,
Хлеб черствый стану есть
И воду пить гнилую!..
Пред мной отличный стол,
И шаткий <и> старинный;
И музыкой ослиной
Скрыпит повсюду пол.

*В окошко свет чуть льется;
Я на стене кругом
Пишу стихи углем,
Браню, кого придется,
Хвалю, кого хочу,
Нередко хохочу,
Что так мне удается!*

*Иль если крыса, в ночь,
Колпак на мне сгрызает,
Я не гоняю прочь:
Меня увеселяет
Ее бесплодный труд.
Я повернусь — и тут!..
Послыша глас тревоги,
Она — давай бог ноги!..*

*Я сторожа дверей
Всегда увеселяю,
Смешу — и тем сытей
Всегда почти бываю.*

.....

.....

Тогда я припеваю

.....

.....

*«Тот счастлив, в ком ни раз
Веселья дух не гас.*

*Хоть он всю жизнь страдает,
Но горесть забывает
В один веселый час!..»*

1829

К друзьям

*Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить.*

*Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.*

*Но нередко средь веселья
Дух мой страждет и грустит,
В шуме буйного похмелья
Дума на сердце лежит.*

1829

Романс

(«Коварной жизнью
недовольный...»)

{5}

*Коварной жизнью недовольный,
Обманут низкой клеветой,
Летел изгнанник самовольный
В страну Италии златой.
«Забуду ль вас, — сказал он, —
друзи?
Тебя, о севера вино?
Забуду ль, в мирные досуги
Как веселило нас оно?»*

*Снега и вихрь зимы холодной,
Горячий взор московских дев,
И балалайки звук народный,
И томный вечера припев?
Душа души моей! тебя ли
Загладят в памяти моей
Страна далекая, печали,
Язык презрительных людей?»*

*Нет! и под миртом изумрудным,
И на Гельвеции^{6} скалах,*

*И в граде Рима многолюдном
Все будешь ты в моих очах!»
В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропал!*

1829

Портреты (1–6)

{7}

1

*Он не красив, он не высок;
Но взор горит, любовь сулит;
И на челе оставил рок
Средь юных дней печать стра-
стей.
Власы на нем, как смоль, черны,
Бледны всегда его уста,
Открыты ль, сомкнуты ль они:
Лютят без слов язык богов!..
И пылок он, когда над ним
Грозит бедой перун земной!
Не любит он и славы дым:
Средь тайных мук, свободы друг,
Смеется редко, чаще вновь
Клянет он мир, где вечно сир,*

Коварность, зависть и любовь!..

*Все проклял он, как лживый сон,
Как призрак дымных мечты.
Холодный ум, средь мрачных дум,
Не тронут слезы красоты.
Везде один, природы сын,
Не знал он друга меж людей:
Так бури ток сухой листок
Мчит жертвой посреди степеней!..*

2

*Довольно толст, довольно тучен
Наш полновесистый герой.
Нередко весел, чаще скучен,
Любезен, горд, сердит порой.
Он добр, член нашего Парнаса,
Красавицам Москвы смешон,
На крыльях дряхлого Пегаса
Летает в мир мечтанья он.
Глаза не слишком говорливы,
Всегда по моде он одет.
А щечки — полненькие сливы,
Так говорит докучный свет.*

3

*Лукав, завистлив, зол и страстен,
Отступник бога и людей;*

*Холоден, всем почти ужасен,
Своими ласками опасен,
А в заключение — злодей!..*

4

*Все в мире суета, он мнит, или
отрава,
Возвышенной души предмет
стремленья — слава.*

5

*Всегда он с улыбкой веселой,
Жизнь любит и юность румяну,
Но чувства глубоки питает, —
Не знает он тайны природы.
Открытен всегда, постоянен;
Не знает горячих страстей.*

6

*Он любимец мягкой лени,
Сна и низких всех людей;
Он любимец наслаждений,
Враг губительных страстей!
Русы волосы кудрями
Упадают средь ланит.
Взор изнежен, и устами
Он лишь редко шевелит!..*

Русская мелодия

{8}

1

*В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованьё;
Я цепью их связал между собой,
Я дал им вид, но не дал им назва-
нья;
Вдруг зимних бурь раздался гроз-
ный вой, —
И рушилось неверное созданье!..*

2

*Так перед праздною толпой
И с балалайкою народной
Сидит в тени певец простой
И бескорыстный и свободный!..*

3

*Он громкий звук внезапно разда-
ет,
В честь девы, милой сердцу и пре-
красной, —
И звук внезапно струны оборвет,*

*И слышится начало песни! — но
напрасно! —
Никто конца ее не допоеет!..*

1829

Романс

(«Невинный нежною душою...»)

{9}

*Невинный нежною душою,
Не зная в юности страстей
прилив,
Ты можешь, друг, сказать, с ка-
кой-то простотою:
Я был счастлив!..*

*Кто, слишком рано насладив-
шись,
Живет, в душе негодование скрыв,
Тот может, друг, еще сказать,
забывшись:
Я был счастлив!..*

*Но я в сей жизни скоротечной
Так испытал отчаянья порыв,
Что не могу сказать чистосер-
дечно:*

Я был счастлив!..

1829

Наполеон

(«Где бьет волна о брег высокой...»)

{10}

*Где бьет волна о брег высокой,
Где дикий памятник небрежно по-
ложен,
В сырой земле и в яме неглубокой*

—
*Там спит герой, друзья! — Напо-
леон!..*

*Вещают так и камень одинокой,
И дуб возвышенный, и волн при-
брежных стон!..*

*Но вот полночь свинцовый свой
покров
По сводам неба распустила,
И влагу дремлющих валов
С могилой тихою Диана осребри-
ла.*

*Над ней сюда пришел мечтать
Певец возвышенный, но юный;
Воспоминания стараясь пробужж-*

дать,
Он арфу взял, запел, ударил в
струны...

«Не ты ли, островок уединенный,
Свидетелем был чистых дней
Героя дивного? Не здесь ли звук
мечей

Гремел, носился глас его священ-
ный?

Нет! рок хотел отсюда удалить
И честолубие, и кровь, и гул воен-
ный;

А твой удел благословенный:
Принять изгнанника и прах его
хранить!

Зачем он так за славою гонялся?
Для чести счастье презирал?
С невинными народами сражал-
ся?

И скипетром стальным короны
разбивал?

Зачем шутил граждан спокойных
кровью,

Презрел и дружбой и любовью
И пред творцом не трепетал?..

Ему, погибельно войною принуж-
денный,
Почти весь свет кричал: ура!
При визге бурного ядра
Уже он был готов — но... воин
дерзновенный!..
Творец смешал неколебимый ум,
Ты побежден московскими стена-
ми...
Бежал!.. и скрыл за дальними мо-
рями
Следы печальные твоих высоких
дум.

.....

Огнем снедаем угрызений,
Ты здесь безвременно погас.
Покоен ты; и в тихий утра час,
Как над тобой порхнет зефир ве-
сенний,
Безвестный гость, дубравный со-
ловей,
Порою издает томительные зву-
ки,
В них слышны: слава прежних
дней,
И голос нег, и голос муки!..

Когда уже едва свет дневный от-
ражен
Кристалльною играющей волною
И гаснет день: усталую стопою
Идет рыбак берегов на тихий
склон,
Несведущий, безмолвно попирает,
Таща изорванную сеть,
Ту землю, где твой прах забытый
истлевает,
Не перестав простую песню
петь...»

.....

Вдруг!.. ветерок... луна за тучи за-
бежала...
Умолк певец. Струится в жилах
хлад;
Он тайным ужасом объят...
И струны лопнули... и тень ему
предстала:
«Умолкни, о певец! — спеши отсю-
да прочь, —
С хвалой иль язвою упрека:
Мне все равно: в могиле вечно
ночь.
Там нет ни почестей, ни счастья,
ни рока!

Пускай историю страстей
И дел моих хранят далекие по-
томки:
Я презрю песнопенья громки;
Я выше и похвал, и славы, и лю-
дей!..»

1829

Жалобы турка

(Письмо. К другу, иностранцу)

{11}

Ты знал ли дикий край, под зной-
ными лучами,
Где рощи и луга поблекшие цве-
тут?
Где хитрость и беспечность злобе
дань несут?
Где сердце жителей волнуемо
страстями?
И где являются порой
Умы и хладные и твердые, как ка-
мень?
Но мощь их давится безвремен-
ной тоской,
И рано гаснет в них добра спокой-
ный пламень.

Там рано жизнь тяжка бывает
для людей,
Там за утехами несется укориз-
на,
Там стонет человек от рабства
и цепей!..
Друг! этот край... моя отчизна!
P. S.

Ах, если ты меня поймешь,
Прости свободные намеки;
Пусть истину скрывает ложь:
Что ж делать? — Все мы челове-
ки!..

1829

Черкешенка

Я видел вас: холмы и нивы,
Разнообразных гор кусты,
Природы дикой красоты,
Степей глухих народ счастливый
И нравы тихой простоты!

Но там, где Терек протекает,
Черкешенку я увидал, —
Взор девы сердце приковал;
И мысль невольно улетает

Бродить средь милых, дальных
скал...

Так дух раскаяния, звуки
Послышав райские, летит
Узреть еще небесный вид:
Так стон любви, страстей и муки
До гроба в памяти звучит.

1829

Два сокола

Степь, синяя, расстилалась
Близ Азовских берегов;
Запад гас, и ночь спускалась;
Вихрь скользил между холмов,
И, трянувшись, в поле диком
Серый сокол тихо сел;
И к нему с ответным криком
Брат стрелою прилетел.
«Братец, братец, что ты видел?
Расскажи мне поскорей».
«Ах, я свет возненавидел
И безжалостных людей».
«Что ж ты видел там худого?»
«Кучу каменных сердец:
Деве смех тоска милого,
Для детей тиран отец».

Девы мукой слез правдивых
Веселятся как игрой;
И у ног самолюбивых
Гибнут юноши толпой!..
Братец, братец! ты что ж видел?
Расскажи мне поскорей!»
«Свет и я возненавидел
И изменчивых людей.
Ношею обманов скрытых
Юность там удручена;
Вспоминаний ядовитых
Старость мрачная полна.
Гордость, верь ты мне, прекрас-
ной
Забывается порой;
Но измена девы страстной
Нож для сердца вековой!..»

Мой демон («Собрание зол его стихия...»)

{13}

*Собрание зол его стихия.
Носясь меж дымных облаков,
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров.
Меж листьев желтых, облетевших,
Стоит его недвижный трон;
На нем, среди ветров онемевших,
Сидит уныл и мрачен он.
Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моленья отвергает,
Он равнодушно видит кровь,
И звук высоких ощущений
Он давит голосом страстей,
И муза кротких вдохновений
Страшится неземных очей.*

1829

К другу («Взлелеянный на лоне вдохновенья...»)

{14}

*Взлелеянный на лоне вдохновенья,
С деятельной и пылкою душой,
Я не пленен небесной красотой;
Но я ищу земного упоенья.
Любовь пройдет, как тень пусто-
го сна.
Не буду я счастливым близ пре-
красной;
Но ты меня не спрашивай напрас-
но:
Ты, друг, узнать не должен, кто
она.
Навек мы с ней разлучены судь-
бою,
Я победить жестокость не умел.
Но я ношу отказ и месть с собою,
Но я в любви моей закоренел.
Так вор седой заглохшия дубравы
Не кается еще в своих грехах:
Еще он путников, соседей страх,
И мил ему товарищ, нож крова-*

вый!..
Стремится медленно толпа лю-
дей,
До гроба самого от самой колы-
бели,
Игралищем и рока и страстей,
К одной, святой, неизъяснимой це-
ли.
И я к высокому в порыве дум жи-
вых,
И я душой летел во дни былые;
Но мне милей страдания земные:
Я к ним привык и не оставлю их...

1829

Элегия

(«О! Если б дни мои текли...»)

*О! Если б дни мои текли
На лоне сладостном покоя и за-
бвенья,
Свободно от сует земли
И далеко от светского волненья,
Когда бы, усмирив мое воображе-
нье,
Мной игры младости любимы
быть могли,*

Тогда б я был с весельем неразлучен,
Тогда б я, верно, не искал
Ни наслаждения, ни славы, ни похвал.
Но для меня весь мир и пуст и скучен,
Любовь невинная не льстит душе
моей:
Ищу измен и новых чувствований,
Которые живут хоть колкостью
своей
Мне кровь, угасшую от грусти, от
страданий,
От преждевременных страстей!..

Монолог

*Поверь, ничтожество есть благо
в здешнем свете.
К чему глубокие познания, жажда
славы,
Талант и пылкая любовь свободы,
Когда мы их употребить не мо-
жем?
Мы, дети севера, как здешние рас-
тенья,
Цветем недолго, быстро увяда-
ем...
Как солнце зимнее на сером небо-
склоне,
Так пасмурна жизнь наша. Так
недолго
Ее однообразное течение...
И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоску-
ет...
Не зная ни любви, ни дружбы
сладкой,
Средь бурь пустых томится
юность наша,
И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни ча-*

ша;
И уж ничто души не веселит.

1829

Молитва

(«Не обвиняй меня, всесильный...»)

{15}

*Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могиль-
ный
С ее страстями я люблю;
За то, что редко в душу входит
Живых речей твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, боже, не тебе молюсь.*

Но угаси сей чудный пламень,

*Всесожигающий костер,
Преобрати мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К тебе я снова обращаюсь.*

1829

«Один среди людского шума...»

{16}

*Один среди людского шума
Взрос под сенью чуждой я.
И гордо творческая дума
На сердце зрела у меня.
И вот прошли мои мученья,
Нашлись пылкие друзья,
Но я, лишенный вдохновенья,
Скучал судьбою бытия.
И снова муки посетили
Мою воскреснувшую грудь.
Измены душу заразили
И не давали отдохнуть.
Я вспомнил прежние несчастья,
Но не найду в душе моей
Ни честолюбья, ни участия,
Ни слез, ни пламенных страстей.*

Звезда
(«Вверху одна...»)

*Вверху одна
Горит звезда,
Мой взор она
Манит всегда,
Мои мечты
Она влечет
И с высоты
Меня зовет.
Таков же был
Тот нежный взор,
Что я любил
Судьбе в укор;
Мук никогда
Он зреть не мог,
Как та звезда,
Он был далек;
Усталых вежд
Я не смыкал,
И без надежд
К нему взирал.*

Кавказ

(«Хотя я судьбой на заре моих дней...»)

{17}

*Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от
вас,
Чтоб вечно их помнить, там на-
до быть раз:
Как сладкую песню отчизны мо-
ей,
Люблю я Кавказ.*

*В младенческих летах я мать по-
терял.
Но мнилось, что в розовый вечера
час
Та степь повторяла мне памят-
ный глас.
За это люблю я вершины тех
скал,
Люблю я Кавказ.*

*Я счастлив был с вами, ущелия
гор,*

Пять лет пронеслось: все тоскую
по вас.
Там видел я пару божественных
глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот
взор:
Люблю я Кавказ!..

1830

К ***

(«Не говори: одним высоким...»)

Не говори: одним высоким
Я на земле воспламенен,
К нему лишь с чувством я глубо-
ким
Бужу забытой лиры звон;
Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей;
Среди дружин необозримых
Был чуть не бог Наполеон;
Разбитый же в снегах родимых,
Безумцем порицаем он;
Внимая шум воды прибрежной,
В изгнанье дальном он погас —

*И что ж? Конец его мятежный
Не отуманил наших глаз!..*

1830

Н. Ф. И...вой
(«Любил с начала жизни я...»)

{18}

*Любил с начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Где укрывался весь в себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожаленье;*

*Счастливицы, мнил я, не поймут
Того, что сам не разберу я,
И черных дум не унесут
Ни радость дружеских минут,
Ни страстный пламень поцелуя.*

*Мои неясные мечты
Я выразить хотел стихами,
Чтобы, прочтя сии листы,
Меня бы примирила ты
С людьми и с буйными страст-
ми;*

Но взор спокойный, чистый твой
В меня вперился изумленный.
Ты покачала головой,
Сказав, что болен разум мой,
Желаньем вздорным ослеплен-
ный.

Я, веруя твоим словам,
Глубоко в сердце погрузился,
Однако же нашел я там,
Что ум мой не по пустякам
К чему-то тайному стремился,

К тому, чего даны в залог
С толпою звезд ночные своды,
К тому, что обещал нам бог
И что б уразуметь я мог
Через мышления и годы.

Но пылкий, но суровый нрав
Меня грызет от колыбели...
И, в жизни зло лишь испытав,
Умру я, сердцем не познав
Печальных дум печальной цели.

Весна

(«Когда весной разбитый лед...»)

{19}

*Когда весной разбитый лед
Рекой взволнованной идет,
Когда среди полей местами
Чернеет голая земля
И мгла ложится облаками
На полуюные поля, —
Мечтанье злое грусть лелеет
В душе неопытной моей;
Гляжу, природа молодеет,
Но молодеть лишь только ей;
Ланит спокойных пламень алый
С собою время уведет,
И тот, кто так страдал, бывало,
Любви к ней в сердце не найдет.*

1830

Одиночество

*Как страшно жизни сей оковы
Нам в одиночестве влачить.
Делить веселье — все готовы:
Никто не хочет грусть делить.*

*Один я здесь, как царь воздушный,
Страданья в сердце стеснены,
И вижу, как, судьбе послушно,
Года уходят, будто сны;*

*И вновь приходят, с позлащенной,
Но той же старую мечтой,
И вижу гроб уединенный,
Он ждет; что ж медлить над
землей?*

*Никто о том не покрушится,
И будут (я уверен в том)
О смерти больше веселиться,
Чем о рождении моем...*

В альбом

(«Нет! — я не требую вниманья...»)

{20}

1

*Нет! — я не требую вниманья
На грустный бред души моей,
Не открывать свои желанья
Привыкнул я с давнишних дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтоб здесь чрез много скучных
лет
От жизни краткой, но мятеж-
ной
Какой-нибудь остался след.*

2

*Быть может, некогда случится,
Что, все страницы пробежав,
На эту взор ваш устремится,
И вы промолвите: он прав;
Быть может, долго стих унылый
Тот взгляд удержит над собой,
Как близ дороги столбовой
Пришельца — памятник моги-
лы!..*

Звезда

(«Светись, светись, далекая звезда...»)

*Светись, светись, далекая звезда,
Чтоб я в ночи встречал тебя все-
гда;
Твой слабый луч, сражаясь с тем-
нотой,
Несет мечты душе моей больной;
Она к тебе летает высоко;
И груди сей свободно и легко...*

*Я видел взгляд, исполненный огня
(Уж он давно закрылся для меня),
Но, как к тебе, к нему еще лечу,
И хоть нельзя — смотреть его
хочу...*

Еврейская мелодия («Я видал иногда, как ночная звезда...»)

*Я видал иногда, как ночная звезда
В зеркальном заливе блестит;
Как трепещет в струях и серебря-
ный прах
От нее, рассыпаясь, бежит.*

*Но поймать ты не льстись и ло-
вить не берись:
Обманчивы луч и волна.
Мрак тени твоей только ляжет
на ней —
Отойди ж, — и заблещет она.*

*Светлой радости так беспокой-
ный призрак
Нас манит под хладною мглой;
Ты схватить — он шутя убежит
от тебя!
Ты обманут — он вновь пред то-
бой.*

Вечер после дождя

Гляжу в окно: уж гаснет небо-
склон,
Прощальный луч на вышине ко-
лонн,
На куполах, на трубах и крестах
Блестит, горит в обманутых
очах;
И мрачных туч огнистые края
Рисуются на небе как змея,
И ветерок, по саду пробежав,
Волнует стебли омоченных
трав...
Один меж них заметил я цве-
ток,
Как будто перл, покинувший во-
сток,
На нем вода блистаючи дрожит,
Главу свою склонивши, он стоит,
Как девушка в печали роковой:
Душа убита, радость над душой;
Хоть слезы льет из пламенных
очей,
Но помнит все о красоте своей.

Наполеон

(«В неверный час, меж днем и
темнотой...»)

(Дума)

{21}

*В неверный час, меж днем и тем-
нотой,
Когда туман синеет над водой,
В час грешных дум, видений, тайн
и дел,
Которых луч узреть бы не хотел,
А тьма укрыть, чья тень, чей об-
раз там,
На берегу, склонивши взор к вол-
нам,
Стоит вблизи нагбенного кре-
ста?
Он не живой. Но также не мечта:
Сей острый взгляд с возвышен-
ным челом
И две руки, сложенные крестом.*

*Пред ним лепечут волны и бегут,
И вновь приходят, и о скалы
бьют;*

Как легкие ветрилы, облака
Над морем носятся издалика.
И вот глядит неведомая тень
На тот восток, где новый брез-
жит день;
Там Франция! — там край ее род-
ной
И славы след, быть может, скры-
тый мглой;
Там, средь войны, ее неслися дни...
О! для чего так кончились они!..

Прости, о слава! обманувший
друг.
Опасный ты, но чудный, мощный
звук;
И скиптр... о вас забыл Наполеон;
Хотя давно умерший, любит он
Сей малый остров, брошенный в
морях,
Где сгнил его и червем съеден
прах,
Где он страдал, покинут от дру-
зей,
Презрев судьбу с гордыней преж-
них дней,
Где стаивал он на берегу морском,
Как ныне грустен, руки сжав кре-

стом.

О! как в лице его еще видны
Следы забот и внутренней войны,
И быстрый взор, дивящийся слабый
ум,
Хоть чужд страстей, все полон
прежних дум;
Сей взор как трепет в сердце про-
никал
И тайные желанья узнавал,
Он тот же все; и той же шляпой
он,
Сопутницею жизни, осенен.
Но — посмотри — уж день блес-
нул в струях...
Призрака нет, все пусто на ска-
лах.

Нередко внемлет житель сих бре-
гов
Чудесные рассказы рыбаков.
Когда гроза бунтует и шумит,
И блещет молния, и гром гре-
мит,
Мгновенный луч нередко озарял
Печальную тень, стоящую меж
скал.

Один пловец, как ни был страх велик,
Мог различить недвижный смуглый лик,
Под шляпою, с нахмуренным челом,
И две руки, сложенные крестом.

1830

Кавказу **(«Кавказ! далекая страна!..»)**

Кавказ! далекая страна!
Жилище вольности простой!
И ты несчастьями полна
И окровавлена войной!..
Ужель пещеры и скалы
Под дикой пеленою мглы
Услышат также крик страстей,
Звон славы, злата и цепей?..
Нет! прошлых лет не ожидай,
Черкес, в отечество свое:
Свободе прежде милый край
Приметно гибнет для нее.

1830

Утро на Кавказе

*Светает — вьется дикой пеленой
Вокруг лесистых гор туман ноч-
ной;*

*Еще у ног Кавказа тишина;
Молчит табун, река журчит од-
на.*

*Вот на скале новорожденный луч
Зарделся вдруг, прорезавшись
меж туч,*

*И розовый по речке и шатрам
Разлился блеск, и светит там и
там:*

*Так девушки, купаясь в тени,
Когда увидят юношу они,
Краснеют все, к земле склоняют
взор:*

*Но как бежать, коль близок ми-
лый вор!..*

Отрывок

(«На жизнь надеяться страшась...»)

*На жизнь надеяться страшась,
Живу, как камень меж камней,
Излить страдания скупясь:
Пускай сгниют в груди моей.
Рассказ моих сердечных мук
Не возмутит ушей людских.
Ужель при сшибке камней звук
Проникнет в середину их?*

*Хранится пламень неземной
Со дней младенчества во мне.
Но велено ему судьбой,
Как жил, погибнуть в тишине.
Я твердо ждал его плодов,
С собой беседовать любя.
Утихнет звук сердечных слов:
Один, один останусь я.*

*Для тайных дум я пренебрег
И путь любви, и славы путь,
Все, чем хоть мало в свете мог
Иль отличиться, иль блеснуть;
Беднейший средь существ земных,
Останусь я в кругу людей,*

Навек лишась достоинств их
И добродетели своей!

Две жизни в нас до гроба есть,
Есть грозный дух: он чужд уму;
Любовь, надежда, скорбь и месть:
Все, все подвержено ему.
Он основал жилище там,
Где можем память сохранять,
И предвещает гибель нам,
Когда уж поздно избегать.

Терзать и мучить любит он;
В его речах нередко ложь;
Он точит жизнь, как скорпион.
Ему поверил я — и что ж!
Взгляните на мое чело,
Всмотритесь в очи, в бледный
цвет;
Лицо мое вам не могло
Сказать, что мне пятнадцать
лет.

И скоро старость приведет
Меня к могиле — я взгляну
На жизнь — на весь ничтожный
плод —
И о прошедшем вспомяну:

Придет сей верный друг могил,
С своей холодной красотой:
Об чем страдал, что я любил,
Тогда лишь будет мне мечтой.

Ужель единый гроб для всех
Уничтожением грозит?
Как знать: тогда, быть может,
смех
Полмертвого воспламенит!
Придет веселость, звук чужой
Поньне в словаре моем:
И я об юности златой
Не погорюю пред концом.

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворен.
Мы сгинем, наш сотрется след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторо-
нам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим, чистейшим существам.

Не будут проклипать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,

Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

К ним станут (как всегда могли)
Слетаться ангелы. А мы
Увидим этот рай земли,
Окованы над бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вечность с целью одной:
Вот казнь за целые века
Злодейств, кипевших под луной.

1830

Элегия

(«Дробись, дробись, волна
ночная...»)

*Дробись, дробись, волна ночная,
И пеной орошай берега в туманной
мгле.*

*Я здесь стою близ моря на скале,
Стою, задумчивость питаю,
Один, покинув свет, и чуждый для
людей,
И никому тоски поверить не же-
лая.*

*Вблизи меня палатки рыбаков;
Меж них блестит огонь госте-
приимный,*

*Семья беспечная сидит вокруг
огонька*

*И, внемя повесть старика,
Себе готовит ужин дымный!
Но я далек от счастья их душой,
Я помню блеск обманчивой сто-
лицы,*

*Веселий пагубных невозвратимый
рой.*

*И что ж? — слеза бежит с ресни-
цы,*

*И сожаление мою тревожит
грудь,
Года погибшие являются всечас-
но;
И этот взор, задумчивый и ясный*

—
*Твержу, твержу душе: забудь.
Он все передо мной: я все твержу
напрасно!..*

*О, если б я в сем месте был рож-
ден,
Где не живет среди людей ковар-
ность:*

*Как много бы я был судьбою одол-
жен —
Теперь у ней нет прав на благодар-
ность! —*

*Как жалок тот, чья младость
принесла
Морщину лишнюю для старого
чела*

*И, отобрав все милые желанья,
Одно печальное раскаянье дала;
Кто чувствовал, как я, — чтоб
чувствовать страданья,
Кто рано свет узнал — и с страш-
ной пустотой,
Как я, оставил брег земли своей*

*родной
Для добровольного изгнания!*

1830

Эпитафия

(«Простосердечный сын свободы...»)

{22}

*Простосердечный сын свободы,
Для чувств он жизни не щадил;
И верные черты природы
Он часто списывать любил.*

*Он верил темным предсказаньям,
И талисманам, и любви,
И неестественным желаньям
Он отдал в жертву дни свои.*

*И в нем душа запас хранила
Блаженства, муки и страстей.
Он умер. Здесь его могила.
Он не был создан для людей.*

1830

Посвящение («Прими, прими мой грустный труд...»)

{23}

*Прими, прими мой грустный
труд
И, если можешь, плачь над ним;
Я много плакал — не придут
Вновь эти слезы — вечно им
Не освежать моих очей.
Когда катились они,
Я думал, думал все об ней.
Жалел и ждал другие дни!
Уж нет ее, и слез уж нет —
И нет надежд — передо мной
Блестит надменный, глупый свет
С своей красивой пустотой!
Ужель я для него писал?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящал,
Являя сердца полноту?
Ценить он только злато мог
И гордых дум не постигал;
Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал.*

*Одним высоким увлечен,
Он только жертвует любви:
Принести тебе лишь может он
Любимые труды свои.*

1830

К ***

**(«Не думай, чтоб я был достоин
сожаленья...»)**

{24}

*Не думай, чтоб я был достоин со-
жаленья,
Хотя теперь слова мои печаль-
ны, — нет,
Нет! все мои жестокие мученья
—
Одно предчувствие гораздо боль-
ших бед.*

*Я молод; но кипят на сердце зву-
ки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же му-
ки, —
О, если б одинаков был удел!..*

Как он, ищущий забвенья и свободы,
Как он, в ребячестве пылал уж я
душой.

Любил закат в горах, пенящиеся
воды

И бурь земных и бурь небесных
вой.

Как он, ищущий спокойствия напрас-
но,

Гоним повсюду мыслью одной.

Гляжу назад — прошедшее ужас-
но;

Гляжу вперед — там нет души
родной!

Предсказание

{25}

*Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю
любовь,
И пища многих будет смерть и
кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных, мерт-
вых тел
Начнет бродить среди печальных
сел,
Чтобы платком из хижин вызы-
вать,
И станет глад сей бедный край
терзать;
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный чело-
век,
И ты его узнаешь — и поймешь,
Зачем в руке его булатный нож:
И горе для тебя! — твой плач,
твой стон
Ему тогда покажется смешон;*

*И будет все ужасно, мрачно в
нем,
Как плащ его с возвышенным че-
лом.*

1830

11 июля

*Между лиловых облаков
Однажды вечера светило
За снежной цепью холмов,
Краснея, ярко заходило,
И возле девы молодой,
Последним блеском озаренной,
Стоял я бледный, чуть живой,
И с головы ее бесценной
Моих очей я не сводил.
Как долго это я мгновенье
В туманной памяти хранил.
Ужель все было сновиденье:
И ложе девы, и окно,
И трепет милых уст, и взгляды,
В которых мне запрещено
Судьбой искать себе отрады?
Нет, только счастье ослепить
Умеет мысли и желанья,
И сном никак не может быть
Все, в чем хоть искра есть стра-*

Песнь барда

I

Я долго был в чужой стране,
Дружин Днепра седой певец,
И вдруг пришло на мысли мне
К ним возвратиться наконец.
Пришел — с гуслими за спиной —
Былую песню заиграл...
Напрасно! — князь земли родной
Приказу ханскому внимал...

II

В пустыни, где являлся враг,
Понес я старую главу,
И попирал мой каждый шаг
Окровавленную траву.
Сходились к брошенным костям
Толпы зверей и птиц лесных,
Затем что больше было там
Число убитых, чем живых.

III

Кто мог бы песню спеть одну?

*Отчаянным движеньем рук
Задев дрожащую струну,
Случалось, исторгал я звук;
Но умирал так скоро он!
И если б слышал сын цепей,
То гибнущей свободы стон
Не тронул бы его ушей.*

IV

*Вдруг кто-то у меня спросил:
«Зачем я часто слезы лью,
Где человек так вольно жил?
О ком бренчу, о ком пою?»
Пронзила эта речь меня —
Надежд пропал последний рой,
На землю гусли бросил я
И молча раздавил ногой.*

10 июля (1830)

{26}

*Опять вы, гордые, восстали
За независимость страны,
И снова перед вами пали
Самодержавия сыны,
И снова знамя вольности крова-
вой
Явилось, победы мрачный знак,
Оно любимо было прежде славой:
Суворов был его сильнейший враг.*

.....

1830

Нищий

{27}

*У врат обители святой
Стоял просящий подаюнья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.*

*Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.*

*Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!*

1830

30 июля. — (Париж) 1830 года

{28}

Ты мог быть лучшим королем,
Ты не хотел. Ты полагал
Народ унижить под ярмом.
Но ты французов не узнал!
Есть суд земной и для царей.
Провозгласил он твой конец;
С дрожащей головы твоей
Ты в бегстве уронил венец.

И загорелся страшный бой;
И знамя вольности, как дух,
Идет пред гордою толпой.
И звук один наполнил слух;
И брызнула в Париже кровь.
О! чем заплотишь ты, тиран,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь граждан,

Когда последняя труба
Разрежет звуком синий свод;
Когда откроются гроба
И прах свой прежний вид возьмет;
Когда появятся весы
И их подымет судия...

*Не встанут у тебя власы?
Не задрожит рука твоя?..*

*Глупец! что будешь ты в тот
день,
Коль ныне стыд уж над тобой?
Предмет насмешек ада, тень,
Призрак, обманутый судьбой!
Бессмертной раною убит,
Ты обернешь молящий взгляд,
И строй кровавый закричит:
Он виноват! он виноват!*

1830

Стансы

(«Взгляни, как мой спокоен взор...»)

{29}

I

*Взгляни, как мой спокоен взор,
Хотя звезда судьбы моей
Померкнула с давнишних пор
И с нею думы светлых дней.
Слеза, которая не раз
Рвалась блеснуть перед тобой,
Уж не придет, как этот час,
На смех подосланный судьбой.*

II

Смеялась надо мною ты,
И я презреньем отвечал —
С тех пор сердечной пустоты
Я уж ничем не заменял.
Ничто не сблизит больше нас,
Ничто мне не отдаст покой...
Хоть в сердце шепчет чудный
глас:
Я не могу любить другой.

III

Я жертвовал другим страстям,
Но если первые мечты
Служить не могут снова нам —
То чем же их заменишь ты?..
Чем успокоишь жизнь мою,
Когда уж обратила в прах
Мои надежды в сем краю,
А может быть, и в небесах?..

Ночь

(«Один я в тишине ночной...»)

{30}

*Один я в тишине ночной;
Свеча сгоревшая трещит,
Перо в тетрадке записной
Головку женскую чертит:
Воспоминанье о былом,
Как тень, в кровавой пелене,
Спешит указывать перстом
На то, что было мило мне.*

*Слова, которые могли
Меня тревожить в те года,
Пылают предо мной вдали,
Хоть мной забыты навсегда.
И там скелеты прошлых лет
Стоят унылою толпой;
Меж ними есть один скелет —
Он обладал моей душой.*

*Как мог я не любить тот взор?
Презренья женского кинжал
Меня пронзил... но нет — с тех
пор
Я все любил — я все страдал.*

Сей взор невыносимый, он
Бежит за мною, как призрак;
И я до гроба осужден
Другого не любить никак.

О! я завидую другим!
В кругу семейственном, в тиши,
Смеяться просто можно им
И веселиться от души.
Мой смех тяжел мне как свинец:
Он плод сердечной пустоты...
О боже! вот что, наконец,
Я вижу, мне готовил ты.

Возможно ль! первую любовь
Такою горечью облить;
Притворством взволновав мне
кровь,
Хотеть насмешкой остудить?
Желал я на другой предмет
Излить огонь страстей своих.
Но память, слезы первых лет!
Кто устоит противу них?

«Когда к тебе молвы рассказ...»

Когда к тебе молвы рассказ
Мое названье принесет
И моего рожденья час
Перед полмиром проклянет,
Когда мне пищей станет кровь
И буду жить среди людей,
Ничью не радуя любовь
И злобы не боясь ничьей:
Тогда раскаянья кинжал
Пронзит тебя; и вспомнишь ты,
Что при прощанье я сказал.
Увы! то были не мечты!
И если только, наконец,
Моя лишь грудь поражена,
То, верно, прежде знал творец,
Что ты страдать не рождена.

К ***

(«Когда твой друг с пророческой
тоскою...»)

*Когда твой друг с пророческой
тоскою
Тебе вверял толпу своих забот,
Не знала ты невинною душою,
Что смерть его позорная зовет,
Что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;*

*Он был рожден для мирных вдох-
новений,
Для славы, для надежд; но меж
людей
Он не годился — и враждебный ге-
ний
Его душе не наложил цепей;
И не слышал творец его молений,
И он погиб во цвете лучших дней;*

*И близок час... и жизнь его пото-
нет
В забвенье, без следа, как звук пу-
стой;
Никто слезы прощальной не уро-*

нит,
Чтоб смыть упрек, оправданный
толпой,
И лишь волна полночная просто-
нет
Над сердцем, где хранился образ
твой!

1830

Новгород

{31}

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..
До наших дней при имени свободы
Трепещет ваше сердце и кипит!..
Есть бедный град, там видели на-
роды
Все то, к чему теперь ваш дух ле-
тит.

1830

Могила бойца (Дума)

{32}

I

*Он спит последним сном давно,
Он спит последним сном,
Над ним бугор насыпан был,
Зеленый дерн кругом.*

II

*Седые кудри старика
Смешались с землей:
Они взвевались по плечам
За чашей пировой.*

III

*Они белы, как пена волн,
Бьющихся у скал;
Уста, любимицы бесед,
Впервые хлад сковал.*

IV

*И бледны щеки мертвеца,
Как лик его врагов
Бледнел, когда являлся он*

Один средь их рядов.

V

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело,
И червь, движенья не боясь,
Ползет через чело.

VI

На то ль он жил и меч носил,
Чтоб в час вечерней мглы
Слетались на курган его
Пустынные орлы?

VII

Хотя певец земли родной
Не раз уж пел об нем,
Но песнь — все песнь; а жизнь —
все жизнь!
Он спит последним сном.

Смерть

(«Закат горит огнистой полосой...»)

{33}

*Закат горит огнистой полосой,
Любуюсь им безмолвно под ок-
ном,
Быть может, завтра он забле-
щет надо мною,
Безжизненным, холодным мерт-
вцом;
Одна лишь дума в сердце опусте-
лом,
То мысль об ней. О, далеко она;
И над моим недвижимым, блед-
ным телом
Не упадет слеза ее одна.
Ни друг, ни брат прощальными
устами
Не поцелуют здесь моих ланит;
И сожаленью чуждыми руками
В сырую землю буду я зарыт.
Мой дух утонет в бездне беско-
нечной!..
Но ты! О, пожалей о мне, краса
моя!
Никто не мог тебя любить, как*

Я,
Так пламенно и так чистосердечно.

1830

Пир Асмодея (Сатира)

{34}

У беса праздник. Скачет представляться
Чертей и душ усопших мелкий сброд,
Кухмейстеры за кушаньем трудятся,
Прозябнувши, придворный в зале ждет.

И вот за стол все по чинам садятся,
И вот лакей картофель подает,
Затем что самодержец Мефистофель
Был родом немец и любил картофель.

По правую сидел приезжий <Па-

вел>,
По левую начальник докторов,
Великий Фауст, муж отличных
правил
(Распространять сужденья дура-
ков
Он средство нам превечное доста-
вил).
Сидят. Вдруг настезь дверь и
звук шагов;
Три демона, войдя с большим по-
клоном,
Кладут свои подарки перед тро-
ном.

1-й демон
(говорит)

Вот сердце женщины: она искала
От неба даже скрыть свои дела
И многим это сердце обещала
И никому его не отдала.
Она себе беды лишь не желала,
Лишь злобе до конца верна была.
Не откажись от скромного дая-
нья,
Хоть эта вещь не стоила назва-
нья.

«C'est trop commin![1] — воскликнул бес державный
С презрительной улыбкою своей.

Подарок твой подарок был бы славный,
Но новизна царица наших дней;
И мало ли случилось недавно,
И как не быть приятных мне вестей;
Я думаю, слышали даже стены
Про эти бесконечные измены».

2-й демон

На стол твой я принес вино свободы;
Никто не мог им жажды утолить,
Его земные опились народы
И начали в куски короны бить;
Но как помочь? кто против общей моды?
И нам ли разрушенье усыпить?
Прими ж напиток сей, земли властитель,
Единственный мой царь и повелитель.

Тут все цари невольню взбелени-
лись,
С тарелками вскочили с мест
своих,
Бояся, чтобы черти не напились,
Чтоб и отсюда не прогнали их.
Придворные в молчании косились,
Смекнув, что лучше прочь в по-
добный миг;
Но главный бес с геройскою
ухваткой
На землю выплеснул напиток
сладкой.

3-й демон

В Москву болезнь холеру прита-
щили,
Врачи вступились за нее тотчас,
Они морили, и они лечили
И больше уморили во сто раз.
Один из них, которому служили
Мы некогда, вовремя вспомнил
нас,
И он кого-то хлору пить заста-
вил
И к прадедам здорового отправил.

Сказал и подает стакан фаталь-

ный
Властителю поспешною рукой.
«Так вот сосуд любезный и печальный,
Драгой залог науки докторской.
Благодарю. Хотя с полночи дальней,
Но мне милее всех подарок твой».
Так молвил Асмодей и все смеялся,
Покуда пир вечерний продолжался.

1830

На картину Рембрандта

{35}

Ты понимал, о мрачный гений,
Тот грустный безотчетный сон,
Порыв страстей и вдохновений,
Все то, чем удивил Байрон.
Я вижу лик полуоткрытый
Означен резкою чертой;
То не беглец ли знаменитый
В одежде инока святой?
Быть может, тайным преступ-
леньем
Высокий ум его убит;

*Все темно вокруг: тоской, сомне-
нием
Надменный взгляд его горит.
Быть может, ты писал с приро-
ды,
И этот лик не идеал!
Или в страдальческие годы
Ты сам себя изображал?
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнет взор,
И этот труд необычайный
Бездушным будет злой укор.*

1830

К ***

(«О, полно извинять разврат...»)

{36}

*О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец.*

*Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду как свободой;*

*Высокой мыслью и душой
Ты рано одарен природой;
Ты видел зло и перед злом
Ты гордым не поник челом.*

*Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни:
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял песнь твою.*

1830

Прощанье **(«Прости, прости...»)**

*Прости, прости!
О, сколько мук
Произвести
Сей может звук.
В далекий край
Уносишь ты
Мой ад, мой рай,
Мои мечты.
Твоя рука
От уст моих
Так далека,*

О, лишь на миг,
Прошу, приходи
И оживи
В моей груди
Огонь любви.
Я здесь больной,
Один, один,
С моей тоской,
Как властелин,
Разлуку я
Переживу ль
И ждать тебя
Назад могу ль?
Пусть я прижму
Уста к тебе
И так умру
Назло судьбе.
Что за нужда?
Прощанья час
Пускай тогда
Застанет нас!

1930

Смерть

(«Оборвана цепь жизни молодой...»)

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора до-
мой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни
лет;
Где нет ни ожиданий, ни стра-
стей,
Ни горьких слез, ни славы, ни че-
стей;
Где вспоминанье спит глубоким
сном
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его гры-
зет.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий
шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной
вновь?

Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему стра-
дать
И столько же любить? Всесиль-
ный бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых
дней,
Но только дальше, дальше от лю-
дей.

1830

Волны и люди

Волны катятся одна за другою
С плеском и шумом глухим;
Люди проходят ничтожной тол-
пою
Также один за другим.
Волнам их неволя и холод дороже
Знойных полудня лучей;
Люди хотят иметь души... и что
же? —
Души в них волн холодней!

1830

Звуки

{37}

Что за звуки! неподвижен, внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадной
Каплю вод живых!
И в душе опять они рождают
Сны веселых лет
И в одежду жизни одевают
Все, чего уж нет.
Принимают образ эти звуки,
Образ, милый мне;
Мнится, слышу тихий плач разлуки,
И душа в огне.
И опять безумно упиваюсь
Ядом прежних дней,
И опять я в мыслях полагаюсь
На слова людей.

Поле Бородина

{38}

1

*Всю ночь у пушек пролежали
Мы без палаток, без огней,
Штыки вострили да шептали
Молитву родины своей.
Шумела буря до рассвета;
Я, голову подняв с лафета,
Товарищу сказал:
«Брат, слушай песню непогоды:
Она дика, как песнь свободы».
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищ не слышал.*

2

*Пробили зорю барабаны,
Восток туманный побелел,
И от врагов удар нежданный
На батарею прилетел.
И вождь сказал перед полками:
«Ребята, не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали».
И мы погибнуть обещали,
И клятву верности сдержали*

Мы в бородинский бой.

3

*Что Чесма, Рымник и Полтава?
Я, вспомя, леденею весь,
Там души волновала слава,
Отчаяние было здесь.
Безмолвно мы ряды сомкнули,
Гром грянул, завизжали пули,
Перекрестился я.
Мой пал товарищ, кровь лилася,
Душа от мщения тряслася,
И пуля смерти понеслася
Из моего ружья.*

4

*Марш, марш! пошли вперед, и боле
Уж я не помню ничего.
Шесть раз мы уступали поле
Врагу и брали у него.
Носились знамена, как тени,
Я спорил о могильной сени,
В дыму огонь блестел,
На пушки конница летала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.*

5

Живые с мертвыми сравнялись,
 И ночь холодная пришла,
 И тех, которые остались,
 Густою тьмою развела.
 И батареи замолчали,
 И барабаны застучали,
 Противник отступил;
 Но день достался нам дорожке!
 В душе сказав: помилуй боже!
 На труп застывший, как на ложе,
 Я голову склонил.

6

И крепко, крепко наши спали
 Отчизны в роковую ночь.
 Мои товарищи, вы пали!
 Но этим не могли помочь.
 Однако же в преданьях славы
 Все громче Рымника, Полтавы
 Гремит Бородино.
 Скорей обманет глас пророчий,
 Скорей небес погаснут очи,
 Чем в памяти сынов полночи
 Изгладится оно.

Мой дом

Мой дом везде, где есть небесный свод,
Где только слышны звуки песен,
Все, в чем есть искра жизни, в нем живет,
Но для поэта он не тесен.

До самых звезд он кровлей достигает,
И от одной стены к другой —
Далекий путь, который измеряет
Жилец не взором, но душой.

Есть чувство правды в сердце человека,
Святое вечности зерно:
Пространство без границ, течение века
Объемлет в краткий миг оно.

И всемогущим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,

И в нем лишь буду я спокоен.

1830

1831-го января

*Редуют бледные туманы
Над бездной смерти роковой,
И вновь стоят передо мной
Веков протекших великаны.
Они зовут, они манят,
Поют, и я пою за ними
И, полный чувствами живыми,
Страшуся поглядеть назад, —*

*Чтоб бытия земного звуки
Не замешались в песнь мою,
Чтоб лучшей жизни на краю
Не вспомнил я людей и муки,
Чтоб я не вспомнил этот свет,
Где носит все печать проклятья,
Где полны ядом все объятья,
Где счастья без обмана нет.*

1831

Стансы

(«Мне любить до могилы творцом
суждено...»)

*Мне любить до могилы творцом
суждено!
Но по воле того же творца
Все, что любит меня, то погиб-
нуть должно
Иль, как я же, страдать до конца.
Моя воля надеждам противна
моим,
Я люблю и страшусь быть взаим-
но любим.*

*На пустынной скале незабудка
весной
Одна без подруг расцвела.
И ударила буря и дождь пролив-
ной,
И как прежде недвижна скала;
Но красивый цветок уж на ней не
блестит,
Он ветром надломлен и градом
убит.*

Так точно и я под ударом судьбы,

Как утес, неподвижен стою,
Но не мысли никто перенести сей
борьбы,
Если руку пожмет он мою;
Я не чувств, но поступков своих
властелин,
Я несчастлив пусть буду —
несчастлив один.

1831

Солнце осени

Люблю я солнце осени, когда,
Меж тучек и туманов пробира-
ясь,
Оно кидает бледный, мертвый
луч
На дерево, колеблемое ветром,
И на сырую степь. Люблю я солн-
це,
Есть что-то схожее в прощаль-
ном взгляде
Великого светила с тайной гру-
стью
Обманутой любви; не холодней
Оно само собою, но природа
И все, что может чувствовать и
видеть,

Не могут быть согреты им; так
точно
И сердце: в нем все жив огонь, но
люди
Его понять однажды не умели,
И он в глазах блеснуть не должен
вновь,
И до ланит он вечно не коснется.
Зачем вторично сердцу подвер-
гать
Себя насмешкам и словам сомне-
нья?

1831

Поток

Источник страсти есть во мне
Великий и чудесный;
Песок серебряный на дне,
Поверхность лик небесный;
Но беспрестанно быстрый ток
Воротит и крутит песок,
И небо над водами
Одето облаками.

Родится с жизнью этот ключ
И с жизнью исчезает;
В ином он слаб, в другом могуч,

*Но всех он увлекает;
И первый счастлив, но такой
Я праздный отдал бы покой
За несколько мгновений
Блаженства иль мучений.*

1831

К ***

(«Не ты, но судьба виновата была...»)

{39}

*Не ты, но судьба виновата была,
Что скоро ты мне изменила,
Она тебе прелести женщин дала,
Но женское сердце вложила.*

*Как в море широком следы челно-
ка,
Мгновенье его впечатленья,
Любовь для него, как веселье, лег-
ка,
А горе не стоит мгновенья.*

*Но в час свой урочный узнает оно
Цепей неизбежное бремя.
Прости, нам расстаться теперь
суждено,*

Расстаться до этого время.

*Тогда я опять появлюсь пред то-
бой,
И речь моя ум твой встревожит,
И пусть я услышу ответ роковой,
Тогда ничего не поможет.*

*Нет, нет! милый голос и пламен-
ный взор
Тогда своей власти лишатся;
Вослед за тобой побежит мой
укор,
И в душу он будет впиваться.*

*И мщенье, напомнив, что я пере-
нес,
Уста мои к смеху принудит,
Хоть эта улыбка всех, всех твоих
слез
Гораздо мучительней будет.*

Ночь

(«В чугу́н печальный сторож бьет...»)

{40}

*В чугу́н печальный сторож бьет,
Один я внемлю. Глухо лают
Вдали собаки. Мрачен свод
Небес, и тучи пробегают
Одна безмолвно за другой,
Сливаясь под ночную мглой.
Колеблет ветер влажный, душ-
ный
Верхи дерев, и с воем он
Стучит в оконницы. Мне скучно,
Мне тяжело бденье, страшен сон;
Я не хочу, чтоб сновиденье
Являло мне ее черты;
Нет, я не раб моей мечты,
Я в силах перенести мученье
Глубоких дум, сердечных ран,
Все, — только не ее обман.
Я не скажу «прости» надежде,
Молве не верю; если прежде
Она могла меня любить,
То ей ли можно изменить?
Но отчего же? Разве нету
Примеров, первый ли урок*

*Во мне теперь дается свету?
Как я забыт, как одинок.
<Шуми>, шуми же, ветер ночи,
Играй свободно в небесах
И освежи мне грудь и очи.
В груди огонь, слеза в очах,
Давно без пищи этот пламень,
И слезы падают на камень.*

1831

К себе

*Как я хотел себя уверить,
Что не люблю ее, хотел
Неизмеримое измерить,
Любви безбрежной дать предел.*

*Мгновенное пренебреженье
Ее могущества опять
Мне доказало, что влечение
Души нельзя нам побеждать;*

*Что цепь моя несокрушима,
Что мой теперешний покой
Лишь глас залетный херувима
Над сонной демонов толпой.*

1831

«Пускай поэта обвиняет...»

*Пускай поэта обвиняет
Насмешливый, безумный свет,
Никто ему не помешает,
Он не услышит мой ответ.
Я сам собою жил доныне,
Свободно мчится песнь моя,
Как птица дикая в пустыне,
Как вдаль по озеру ладья.
И что за дело мне до света,
Когда сидишь ты предо мной.
Когда рука моя согрета
Твоей волшебною рукой;
Когда с тобой, о дева рая,
Я провожу небесный час,
Не беспокоясь, не страдая,
Не отворачивая глаз.*

Слава

К чему ищу так славы я?
Известно, в славе нет блаженства,
Но хочет все душа моя
Во всем дойти до совершенства.
Пронзая будущего мрак,
Она, бессильная, страдает
И в настоящем все не так,
Как бы хотелось ей, встречает.
Я не страшился бы суда,
Когда б уверен был веками,
Что вдохновенного труда
Мир не обидит клеветами;
Что станут верить и внимать
Повествованью горькой муки
И не осмелятся равнять
С земным небес живые звуки.
Но не достигну я ни в чем
Того, что так меня тревожит:
Все кратко на шару земном,
И вечно слава жить не может.
Пускай поэта грустный прах
Хвалою освятит потомство,
Где ж слава в кратких похвалах?
Людей известно вероломство.

Другой заставит позабыть
Свою песню высокой
Певца, который кончил жить,
Который жил так одинокой.

1831

«УНЫЛЫЙ КОЛОКОЛА ЗВОН...»

Унылый колокола звон
В вечерний час мой слух невольно
потрясает,
Обманутой душе моей напоминает
И вечность и надежду он.
И если ветер, путник одинокой,
Вдруг по траве кладбища пробежит,
Он сердца моего не холодит:
Что в нем живет, то в нем глубоко.
Я чувствую — судьба не умертвит
Во мне возросший деятельный гений;
Но что его на свете сохранит
От хитрой клеветы, от скучных
наслаждений,
От истощительных страстей,

От языка ласкателей разврат-
ных
И от желаний, непонятных
Умам посредственных людей?
Без пищи должен яркий пламень
Погаснуть на скале сырой:
Холодный слушатель есть ка-
мень,
Попробуй раз, попробуй и открой
Ему источники сердечного бла-
женства,
Он станет толковать, что
должно ощутить;
В простом не видя совершенства,
Он не привык прекрасное ценить,
Как тот, кто в грудь втеснить
желал бы всю природу,
Кто силится купить страданием
своим
И гордою победой над земным
Божественной души безбрежную
свободу.

«Хоть давно изменила мне радость...»

*Хоть давно изменила мне радость,
Как любовь, как улыбка людей,
И померкнуло прежде, чем младость,
Светило надежды моей,
Но судьбу я и мир презираю,
Но нельзя им унижить меня,
И я хладно приход ожидаю
Кончины иль лучшего дня.
Словам моим верить не станут,
Но клянуся в нелживости их:
Кто сам был так часто обманут,
Обмануть не захочет других.
Пусть жизнь моя в бурях несется,
Я беспечен, я знаю давно,
Пока сердце в груди моей бьется,
Не увидит блаженства оно.
Одна лишь сырая могила
Успокоит того, может быть,
Чья душа слишком пылко любила,
Чтобы мог его мир полюбить.*

Земля и небо

Как землю нам больше небес не любить?

*Нам небесное счастье темно;
Хоть счастье земное и меньше в
сто раз,
Но мы знаем, какое оно.*

*О надеждах и муках былых вспо-
минать
В нас тайная склонность кипит;
Нас тревожит неверность на-
дежды земной,
А краткость печали смешит.*

*Страшна в настоящем бывает
душе
Грядущего темная даль;
Мы блаженство желали б вку-
сить в небесах,
Но с миром расстаться нам
жаль.*

*Что во власти у нас, то приятнее
нам,*

*Хоть мы ищем другого порой,
Но в час расставанья мы видим
ясней,
Как оно породнилось с душой.*

1831

К ***

**(«Дай руку мне, склонись к груди
поэта...»)**

*Дай руку мне, склонись к груди по-
эта,
Свою судьбу соедини с моей:
Как ты, мой друг, я не рожден для
света
И не умею жить среди людей;
Я не имел ни время, ни охоты
Делить их шум, их мелкие забо-
ты,
Любовь мое все сердце заняла,
И что ж, взгляни на бледный
цвет чела.*

*На нем ты видишь след страстей
уснувших,
Так рано обуявших жизнь мою;
Не льстит мне вспоминанье дней*

минувших,
Я одинок над пропастью стою,
Где все мое подавлено судьбою;
Так куст растет над бездною
морскою,
И лист, грозой оборванный, плывет
По произволу странствующих
вод.

1831

Из Андрея Шенье

{41}

За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно
проведу;
Быть может, клеветой лукавой
пораженный,
Пред миром и тобой врагами уни-
женный,
Я не снесу стыдом сплетаемый
венец
И сам себе сыщу безвременный ко-
нец;
Но ты не обвиняй страдальца мо-
лодого,

Молю, не говори насмешливого
слова.

Ужасный жребий мой твоих до-
стоин слез,

Я много сделал зла, но больше пе-
ренес.

Пускай виновен я пред гордыми
врагами,

Пускай отмстят; в душе, клянуся
небесами,

Я не злодей, о нет, судьба губи-
тель мой:

Я грудью шел вперед, я жертвовал
собой;

Наскучив суетой обманчивого све-
та,

Торжественно не мог я не сдер-
жать обета;

Хоть много причинил я обществу
вреда,

Но верен был тебе всегда, мой
друг, всегда;

В уединении, среди толпы мятеж-
ной,

Я все тебя любил и все любил так
нежно.

Пейзаж с мельницей и скачущей тройкой.

Сосед

(«Погаснул день на вышинах
небесных...»)

*Погаснул день на вышинах небесных,
Звезда вечерняя лиет свой тихий свет;
Чем занят бедный мой сосед?
Чрез садик небольшой, между
ветвей древесных,
Могу заметить я, в его окне
Блестит огонь; его простая келья
Чужда забот и светского веселья,
И этим нравится он мне.
Прохожие об нем различно судят,
И все его готовы порицать,
Но их слова соседа не принудят
Лампаду ранее иль позже зажечь.
И только я увижу свет лампы,
Сажусь тотчас у своего окна,
И в этот миг таинственной от-
рады
Душа моя мятежная полна.
И мнится мне, что мы друг друга
понимаем,*

*Что я и бедный мой сосед,
Под бременем одним страдая,
увядаем,
Что мы знакомы с давних лет.*

1831

Стансы

(«Не могу на родине томиться...»)

{42}

*Не могу на родине томиться,
Прочь отсель, туда, в кровавый
бой.
Там, быть может, перестанет
биться
Это сердце, полное тобой.*

*Нет, я не прошу твоей любви,
Нет, не знай губительных стра-
стей;
Видеть смерть мне надо, надо
крови,
Чтоб залить огонь в груди моей.*

*Пусть паду как ратник в бранном
поле.
Не оплакан светом буду я,*

Никому не будет в тягость боле
Буря чувств моих и жизнь моя.

Юных лет святые обещанья
Прекратит судьба на месте том,
Где без дум, без вопля, без ропта-
нья
Я усну давно желанным сном.

Так, но если я не позабуду
В этом сне любви печальный сон,
Если образ твой всегда повсюду
Я носить с собою осужден;

Если там в пределах отдаленных,
Где душа должна блаженство
пить,
Тяжких язв, на ней напечатлен-
ных,
Невозможно будет излечить;

О, взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрет за честь страны род-
ной;

Кто, бывало, в тайном упоенье,

*На тебя вперив свой влажный
взгляд,
Возбуждал людское сожаленье
И твоей улыбке был так рад.*

1831

Мой демон
(«Собрание зол его стихия...»)

{43}

1

*Собрание зол его стихия;
Носясь меж темных облаков, +
Он любит бури роковые,
И пену рек, и шум дубров;
Он любит пасмурные ночи,
Туманы, бледную луну,
Улыбки горькие и очи,
Безвестные слезам и сну.*

2

*К ничтожным, хладным толкам
света
Привык прислушиваться он,
Ему смешны слова привета
И всякий верящий смешон;
Он чужд любви и сожаленья,*

*Живет он пищею земной,
Глощает жадно дым сраженья
И пар от крови пролитой.*

3

*Родится ли страдалец новый,
Он беспокоит дух отца,
Он тут с насмешкою суровой
И с дикой важностью лица;
Когда же кто-нибудь нисходит
В могилу с трепетной душой,
Он час последний с ним проводит,
Но не утешен им больной.*

4

*И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять он станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.*

1831-го июня 11 дня

{44}

1

*Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала. Я любил
Все обольщенья света, но не свет,
В котором я минутами лишь
жил;
И те мгновенья были мук полны,
И населял таинственные сны
Я этими мгновеньями. Но сон,
Как мир, не мог быть ими омра-
чен.*

2

*Как часто силой мысли в крат-
кий час
Я жил века и жизньию иной,
И о земле позабывал. Не раз,
Встревоженный печальною меч-
той,
Я плакал; но все образы мои,
Предметы мнимой злобы иль
любви,
Не походили на существ земных.*

О нет! все было ад иль небо в них.

3

Холодной буквой трудно объяснить

*Боренье дум. Нет звуков у людей
Довольно сильных, чтоб изобразить*

Желание блаженства. Пыл страстей

*Возвышенных я чувствую, но слов
Не нахожу и в этот миг готов
Пожертвовать собой, чтоб как-нибудь*

*Хоть тень их перелить в другую
грудь.*

4

*Известность, слава, что они? — а
есть*

*У них над мною власть; и мне они
Велят себе на жертву все принести,*

*И я влачу мучительные дни
Без цели, оклеветан, одинок;*

*Но верю им! — неведомый пророк
Мне обещал бессмертье, и, живой,
Я смерти отдал все, что дар зем-*

ной.

5

Но для небесного могилы нет.
Когда я буду прах, мои мечты,
Хоть не поймет их, удивленный
свет

Благословит; и ты, мой ангел, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдаст бессмертной жизни
вновь;

С моим названьем станут повто-
рять

Твое: на что им мертвых разлу-
чать?

6

К погибшим люди справедливы;
сын

Боготворит, что проклинал
отец.

Чтоб в этом убедиться, до седин
Дожить не нужно. Есть всему ко-
нец;

Немного долголетней человек
Цветка; в сравненье с вечностью
их век

Равно ничтожен. Пережить одна

Душа лишь колыбель свою долж-
на.

7

Так и ее созданья. Иногда,
На берегу реки, один, забыт,
Я наблюдал, как быстрая вода,
Синея, гнется в волны, как шипит
Над ними пена белой полосой;
И я глядел, и мыслию иной
Я не был занят, и пустынный
шум
Рассеивал толпу глубоких дум.

8

Тут был я счастлив... О, когда б я
мог
Забывать, что незабвенно! женский
взор!
Причину стольких слез, безумств,
тревог!
Другой владеет ею с давних пор,
И я другую с нежностью люблю,
Хочу любить, — и небеса молю
О новых муках; но в груди моей
Все жив печальный призрак преж-
них дней.

9

Никто не дорожит мной на земле,
И сам себе я в тягость, как другим;
Тоска блуждает на моем челе.
Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко в сердце мне
должна?
Зачем ей знать, что в нем заключено?
Огонь иль сумрак там — ей все равно.

10

Темна проходит туча в небесах,
И в ней таится пламень роковой;
Он, вырываясь, обращает в прах
Все, что ни встретит. С дивной
быстротой
Блеснет, и снова в облаке укрыт;
И кто его источник объяснит,
И кто заглянет в недра облаков?
Зачем? они исчезнут без следов.

11

*Грядущее тревожит грудь мою.
Как жизнь я кончу, где душа моя
Блуждать осуждена, в каком
краю*

*Любезные предметы встречу я?
Но кто меня любил, кто голос
мой*

*Услышит и узнает? И с тоской
Я вижу, что любить, как я, — по-
рок,*

И вижу, я слабей любить не мог.

12

*Не верят в мире многие любви
И тем счастливы; для иных она
Желанье, порожденное в крови,
Расстройство мозга иль виденье
сна.*

*Я не могу любовь определить,
Но это страсть сильнейшая! —
любить*

*Необходимость мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.*

13

*И отучить не мог меня обман;
Пустое сердце ныло без страстей,
И в глубине моих сердечных ран*

*Жила любовь, богиня юных дней;
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает молода
И зелена, и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит.*

14

*И о судьбе ее чужой пришлец
Жалеет. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконец
Увянет преждевременно она;
Но с корнем не исторгнет нико-
гда
Мою березу вихрь: она тверда;
Так лишь в разбитом сердце мо-
жет страсть
Иметь неограниченную власть.*

15

*Под ношей бытия не устает
И не хладеет гордая душа;
Судьба ее так скоро не убьет,
А лишь взбунтует; мщением ды-
ша
Против непобедимой, много зла
Она свершить готова, хоть мог-
ла
Составить счастье тысячи лю-*

дей:

С такой душой ты бог или злодей...

16

Как нравились всегда пустыни
мне.

Люблю я ветер меж нагих хол-
мов,

И коршуна в небесной вышине,
И на равнине тени облаков.

Ярма не знает резвый здесь та-
бун,

И кровожадный тешится летун
Под синевой, и облако степей
Свободней как-то мчится и свет-
лей.

17

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый
звук

Гармонии вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчет мы можем дать в своей

судьбе.

18

*Кто посещал вершины диких гор
В тот свежий час, когда садится
день,
На западе светило видит взор
И на востоке близкой ночи тень,
Внизу туман, уступы и кусты,
Кругом все горы чудной высоты,
Как после бури облака, стоят,
И странные верхи в лучах горят.*

19

*И сердце полно, полно прежних
лет,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводит в жизнь минувшего ске-
лет,
И в нем почти все та же красота.
Так любим мы глядеть на свой
портрет,
Хоть с нами в нем уж сходства
больше нет,
Хоть на холсте хранится блеск
очей,
Погаснувших от время и стра-
стей.*

20

Что на земле прекрасней пирамид
Природы, этих гордых снежных гор?
Не переменит их надменный вид
Ничто: ни слава царств, ни их позор;
О ребра их дробятся темных туч
Толпы, и молний обвивает луч
Вершины скал; ничто не вредно им.
Кто близ небес, тот не сражен
земным.

21

Печален степи вид, где без препон,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучий аквилон
И пред собой свободно гонит
пыль;
И где кругом, как зорко ни смотри,
Встречает взгляд березы две иль три,
Которые под синеватой мглой
Чернеют вечером в дали пустой.

22

Так жизнь скучна, когда боренья
нет.

В минувшее проникнув, различить
В ней мало дел мы можем, в цве-
те лет

Она души не будет веселить.

Мне нужно действовать, я каж-
дый день

Бессмертным сделать бы желал,
как тень

Великого героя, и понять

Я не могу, что значит отдыхать.

23

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моем уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту
грудь.

Но что ж? Мне жизнь все как-то
коротка,

И все боюсь, что не успею я

Свершить чего-то! жажда бытия

Во мне сильней страданий роко-
вых,

Хотя я презираю жизнь других.

24

Есть время — леденеет быстрый
ум;
Есть сумерки души, когда пред-
мет
Желаний мрачен: усыпленье дум;
Меж радостью и горем полусвет;
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть
страшна,
Находишь корень мук в себе са-
мом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

25

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский
язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном все чисто, а в другом все
зло.
Лишь в человеке встретиться
могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого.

26

Никто не получал, чего хотел

*И что любил, и если даже тот,
Кому счастливый небом дан удел,
В уме своем минувшее пройдет,
Увидит он, что мог счастливей
быть,
Когда бы не умела отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко берегу возвратиться не сильна.*

27

*Когда, гонима бурей роковой,
Шипит и мчится с пеною своей,
Она все помнит тот залив род-
ной,
Где пенилась в приютах камышей,
И, может быть, она опять при-
дет
В другой залив, но там уж не най-
дет
Себе покоя: кто в морях блуждал,
Тот не заснет в тени прибреж-
ных скал.*

28

*Я предузнал мой жребий, мой ко-
нец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь тво-*

рец;
Но равнодушный мир не должен
знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.

29

Все. Нет, не все: созданье есть од-
но,
Способное любить — хоть не ме-
ня;
До этих пор не верит мне оно,
Однако сердце, полное огня,
Не увлечется мнением, и мое
Пророчество припомнит ум ее,
И взор, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец моло-
дой,
Невольным сожаленьем, и мол-

вой,
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда

31

И скажет: отчего не понял свет
Великого, и как он не нашел
Себе друзей, и как любви привет
К нему надежду снова не привел?
Он был ее достоин. И печаль
Его встревожит, он посмотрит
вдаль,
Увидит облака с лазурью волн,
И белый парус, и бегучий челн,

32

И мой курган! — любимые мечты
Мои подобны этим. Сладость
есть
Во всем, что не сбылось, — есть
красоты
В таких картинах; только пере-
нести
Их на бумагу трудно: мысль силь-
на,
Когда размером слов не стеснена,
Когда свободна, как игра детей,
Как арфы звук в молчании ночей!

Романс к И...

(«Когда я унесу в чужбину...»)

{45}

Когда я унесу в чужбину
Под небо южной стороны
Мою жестокую кручину,
Мои обманчивые сны
И люди с злобой ядовитой
Осудят жизнь мою порой, —
Ты будешь ли моей защитой
Перед бесчувственной толпой?

О, будь!.. о! вспомни нашу мла-
дость,
Злословья жертву пощади,
Клянися в том! чтоб вовсе ра-
дость
Не умерла в моей груди,
Чтоб я сказал в земле изгнанья:
Есть сердце, лучших дней залог,
Где почтены мои страданья,
Где мир их очернить не мог.

К***

(«**Всевышний произнес свой приговор...»**)

{46}

*Всевышний произнес свой приговор,
Его ничто не переменит;
Меж нами руку мести он простер
И беспристрастно все оценит.
Он знает, и ему лишь можно
знать,
Как нежно, пламенно любил я,
Как безответно все, что мог от-
дать,
Тебе на жертву приносил я.
Во зло употребила ты права,
Приобретенные над мною,
И, мне польстив любовью сперва,
Ты изменила — бог с тобою!
О нет! Я б не решился прокля-
нуть!
Все для меня в тебе святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Где бьется сердце молодое.
Я помню, сорвал я обманом раз*

Цветок, хранивший яд страданья,
—

*С невинных уст твоих в прощаль-
ный час*

*Непринужденное лобзанье;
Я знал: то не любовь — и перенес;
Но отгадать не мог я тоже,
Что всех моих надежд, и мук, и
слез*

*Веселый миг тебе дорожке!
Будь счастлива несчастьем мо-
им*

*И, услышав, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньем пу-
стым.*

*Прости! — вот все, что я же-
лаю...*

*Чем заслужил я, чтоб твоих очей
Затмился свежий блеск слезами?
Ко смеху приучать себя нужней:
Ведь жизнь смеется же над нами!*

Желание

(«Зачем я не птица, не ворон степной...»)

{47}

*Зачем я не птица, не ворон степной,
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?*

*На запад, на запад помчался бы я,
Где цветут моих предков поля,
Где в замке пустом, на туманных горах,
Их забвенный покоится прах.*

*На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит.
Я стал бы летать над мечом и щитом,
И смахнул бы я пыль с них крылом;*

И арфы шотландской струну бы

задел,
И по сводам бы звук полетел;
Внимаем одним и одним пробуж-
ден,
Как раздался, так смолкнул бы
он.

Но тщетны мечты, бесполезны
мольбы
Против строгих законов судьбы.
Меж мной и холмами отчизны
моей
Расстилаются волны морей.

Последний потомок отважных
бойцов
Увядает средь чуждых снегов;
Я здесь был рожден, но нездешний
душой...
О! зачем я не ворон степной?..

Св. Елена

{48}

Почтим приветом остров одино-
кой,
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Вспоминал Наполеон!
Сын моря, средь морей твоя моги-
ла!
Вот мщение за муки стольких
дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великий жизнь окончил в
ней.

Изгнанник мрачный, жертва ве-
роломства
И рока прихоти слепой,
Погиб, как жил — без предков и
потомства —
Хоть побежденный, но герой!
Родился он игрой судьбы случай-
ной,
И пролетел, как буря, мимо нас;
Он миру чужд был. Все в нем было
тайной,

1831

Атаман

{49}

1

*Горе тебе, город Казань,
Едет толпа удальцов
Собирать невольную дань
С твоих беззаботных купцов.
Вдоль по Волге широкой
На лодке плывут;
И веслами дружными плещут,
И песни поют.*

2

*Горе тебе, русская земля,
Атаман между ними сидит;
Хоть его лихая семья,
Как волны, шумна — он молчит;
И краса молодая,
Как саван бледна,
Перед ним стоит на коленах.
И молвит она:*

3

*«Горе мне, бедной девице!
Чем виновна я пред тобой,
Ты поверил злой клеветнице;
Любим мною не был другой.
Мне жребий неволи
Судьбинушкой дан;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаман».*

4

*«Горе девице лукавой, —
Атаман ей, нахмурясь, в ответ,
—
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нет;
От глаз моих трудно
Проступок укрыть,
Все знаю!.. и вновь не могу я,
Девица, любить!..*

5

*Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечных ран...
Прости же! — лекарство то:
мечь!
На что же я здесь атаман?
И заплачу ль, как плачет
Любовник другой?..*

*И смягчишь ли меня ты, девица,
Своею слезой?»*

6

*Горе тебе, гроза-атаман,
Ты свой произнес приговор.
Средь пожаров ограбленных
стран
Ты забудешь ли пламенный взор!..
Остался ль ты хладен
И тверд, как в бою,
Когда бросили в пенные волны
Красотку твою?*

7

*Горе тебе, удалой!
Как совесть совсем удалить?..
Отныне он чистой водой
Боится руки умыть.
Умывать он их любит
С дружиной своей
Слезами вдовиц беззащитных
И кровью детей!*

Чаша жизни

1

*Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;*

2

*Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И все, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;*

3

*Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша,
Что в ней напиток был — мечта,
И что она — не наша!*

К Л. —

(«У ног других не забывал...»)

(Подражание Байрону)

{50}

1

*У ног других не забывал
Я взор твоих очей;
Любя других, я лишь страдал
Любовью прежних дней;
Так память, демон-властелин,
Все будит старину,
И я твержу один, один:
Люблю, люблю одну!*

2

*Принадлежишь другому ты,
Забыт певец тобой;
С тех пор влекут меня мечты
Прочь от земли родной;
Корабль умчит меня от ней
В безвестную страну,
И повторит волна морей:
Люблю, люблю одну!*

3

*И не узнает шумный свет,
Кто нежно так любим,
Как я страдал и сколько лет
Я памятью томим;
И где бы я ни стал искать
Былую тишину,
Все сердце будет мне шептать:
Люблю, люблю одну!*

1831

К Н. И.....

(«Я не достоин, может быть...»)

{51}

*Я не достоин, может быть,
Твоей любви: не мне судить;
Но ты обманом наградила
Мои надежды и мечты,
И я всегда скажу, что ты
Несправедливо поступила.
Ты не коварна, как змея,
Лишь часто новым впечатленьям
Душа вверяется твоя.
Она увлечена мгновеньем;
Ей милы многие, вполне
Еще никто; но это мне
Служить не может утешеньем.*

В те дни, когда, любим тобой,
Я мог доволен быть судьбой,
Прощальный поцелуй однажды
Я сорвал с нежных уст твоих;
Но в зной, среди степей сухих,
Не утоляет капля жажды.
Дай бог, чтоб ты нашла опять,
Что не боялась потерять;
Но... женщина забыть не может
Того, кто так любил, как я;
И в час блаженнейший тебя
Воспоминание встревожит!
Тебя раскаянье кольнет,
Когда с насмешкой проклянет
Ничтожный мир мое названье!
И побоишься защитить,
Чтобы в преступном сострада-
нье
Вновь обвиняемой не быть!

Воля

{52}

Моя мать — злая кручина,
Отцом же была мне — судьбина;
Мои братья, хоть люди,
Не хотят к моей груди
Прижаться;
Им стыдно со мною,
С бедным сиротою,
Обняться!

Но мне богом дана
Молодая жена,
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная;
С ней нашлись другие у меня
Мать, отец и семья;
А моя мать — степь широкая,
А мой отец — небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья в лесах —
Березы да сосны.

Несусь ли я на коне —

Степь отвечает мне;
Брожу ли поздней порой —
Небо светит мне луной;
Мои братья, в летний день,
Призывая под тень,
Машут издали руками,
Кивают мне головами;
И вольность мне гнездо свила,
Как мир — необъятное!

1831

Сентября 28

{53}

Опять, опять я видел взор твой
милый,
Я говорил с тобой.
И мне бывшее, взятое могилой,
Напомнил голос твой.^{54}
К чему? — другой лобзает эти
очи
И руку жмет твою.
Другому голос твой во мраке но-
чи
Твердит: люблю! люблю!

Откройся мне: ужели непритвор-
ны

Лобзания твои?
Они правам супружества покор-
ны,
Но не правам любви;
Он для тебя не создан; ты роди-
лась
Для пламенных страстей.
Отдав ему себя, ты не спросилась
У совести своей.

Он чувствовал ли трепет потаен-
ный
В присутствии твоём;
Умел ли презирать он мир пре-
зренный,
Чтоб мыслить об одном;
Встречал ли он с молчаньем и
слезами
Привет холодный твой,
И лучшими ль он жертвовал го-
дами
Мгновениям с тобой?

Нет! я уверен, твоего блажен-
ства
Не может сделать тот,
Кто красоты наружной совершен-
ства

*Одни в тебе найдет.
Так! ты его не любишь... тайной
властью
Прикована ты вновь
К душе печальной, незнакомой
счастью,
Но нежной, как любовь.*

1831

«Зови надежду сновиденьем...»

{55}

*Зови надежду сновиденьем,
Неправду — истиной зови,
Не верь хвалам и увереньям,
Но верь, о, верь моей любви!*

*Такой любви нельзя не верить,
Мой взор не скроет ничего;
С тобою грех мне лицемерить,
Ты слишком ангел для того.*

1831

«Прекрасны вы, поля земли родной...»

{56}

*Прекрасны вы, поля земли родной,
Еще прекрасней ваши непогоды;
Зима сходна в ней с первою зимой,
Как с первыми людьми ее наро-
ды!..*

*Туман здесь одевает неба своды!
И степь раскинулась лиловой пе-
леной,
И так она свежа, и так родня с
душой,
Как будто создана лишь для сво-
боды...*

*Но эта степь любви моей чужда;
Но этот снег летучий, серебри-
стый
И для страны порочной слишком
чистый
Не веселит мне сердца никогда.
Его одеждой хладной, неизменной
Сокрыта от очей могильная гря-
да
И позабытый прах, но мне, но мне*

1831

Небо и звезды

*Чисто вечернее небо,
Ясны далекие звезды,
Ясны, как счастье ребенка;
О! для чего мне нельзя и поду-
мать:
Звезды, вы ясны, как счастье мое!*

*Чем ты несчастлив,
Скажут мне люди?
Тем я несчастлив,
Добрые люди, что звезды и небо —
Звезды и небо! — а я человек!..*

*Люди друг к другу
Зависть питают;
Я же, напротив,
Только завидую звездам прекрас-
ным,
Только их место занять бы же-
лал.*

1831

К кн. Л. Г — ой

{57}

Когда ты холодно внимаешь
Рассказам горести чужой
И недоверчиво качаешь
Своей головкой молодой,
Когда блестящие наряды
Безумно радуют тебя
Иль от ребяческой досады
Душа волнуется твоя,
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя в семнадцать лет
Все привлекательно, прекрасно,
Все — даже люди, жизнь и свет, —
Тогда, измучен воспоминаньем,
Я говорю душе своей:
Счастлив, кто мог земным жела-
ньям
Отдать себя во цвете дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этим, как она;
Своих надежд ты не забудешь,
Но для других не рождена;
Так! мысль великая хранилась
В тебе донине, как зерно;
С тобою в мир она родилась:

Погибнуть ей не суждено!

1831

**«Кто видел Кремль в час утра
золотой...»**

*Кто видел Кремль в час утра зо-
лотой,
Когда лежит над городом туман,
Когда меж храмов с гордой про-
стотой,
Как царь, белеет башня-великан?*

1831

**«Кто в утро зимнее, когда валит
пушистый снег...»**

*Кто в утро зимнее, когда валит
Пушистый снег и красная заря
На степь седую с трепетом гля-
дит,
Внимал колоколам монастыря;
В борьбе с порывным ветром
этот звон
Далеко им по небу унесен, —
И путникам он нравился не раз,*

Как весть кончины иль бес-
смертья глас.

*И этот звон люблю я! Он цветок
Могильного кургана, мавзолеей,
Который не изменится; ни рок,
Ни мелкие несчастия людей
Его не заглушат; всегда один,
Высокой башни мрачный власте-
лин,
Он возвещает миру все, но сам —
Сам чужд всему, земле и небесам.*

1831

Ангел

{58}

*По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.*

*Он пел о блаженстве безгрешных
духов
Под кущами райских садов;
О боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

1831

«Ужасная судьба отца и сына...»

{59}

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть,
И жребий чуждого изгнанника
иметь
На родине с названьем граждани-
на!
Но ты свершил свой подвиг^{60}, мой
отец,
Постигнут ты желанною кончи-
ной;
Дай бог, чтобы, как твой, спокоен
был конец
Того, кто был всех мук твоих при-
чиной!

Но ты простишь мне! Я ль виновен в том,
Что люди угасить в душе моей хотели
Огонь божественный, от самой колыбели
Горевший в ней, оправданный творцом?
Однако ж тщетны были их желанья:
Мы не нашли вражды один в другом,
Хоть оба стали жертвою страданья!
Не мне судить, виновен ты иль нет;
Ты светом осужден. Но что такое свет?
Толпа людей, то злых, то благосклонных,
Собрание похвал незаслуженных
И стольких же насмешливых клевет.
Далеко от него, дух ада или рая,
Ты о земле забыл, как был забыт землей;
Ты счастливей меня, перед тобой
Как море жизни — вечность роко-

вая
Неизмеримою открылась глуби-
ной.
Ужели вовсе ты не сожалеешь ны-
не
О днях, потерянных в тревоге и
слезах?
О сумрачных, но вместе милых
днях,
Когда в душе искал ты, как в пу-
стыне,
Остатки прежних чувств и преж-
ние мечты?
Ужель теперь совсем меня не лю-
бишь ты?
О, если так, то небо не сравняю
Я с этою землей, где жизнь влачу
мою;
Пускай на ней блаженства я не
знаю,
По крайней мере, я люблю!

«Пусть я кого-нибудь люблю...»

{61}

*Пусть я кого-нибудь люблю:
Любовь не красит жизнь мою.
Она как чумное пятно
На сердце, жжет, хотя темно;
Враждебной силою гоним,
Я тем живу, что смерть другим;
Живу — как неба властелин —
В прекрасном мире — но один.*

1831

К другу («Забудь опять...»)

*Забудь опять
Свои надежды;
Об них вздыхать
Судьба невежды;
Она дитя:
Не верь на слово;
Она шутя
Полюбит снова;
Все, что блестит,
Ее пленяет;*

Все, что грустит,
Ее пугает;
Так облачко
По небу мчится
Светло, легко;
Оно глядится
В волнах морских
Поочередно;
Но чужд для них
Прошлец свободный;
Он образ свой
Во всех встречает,
Хоть их порой
Не замечает.

«Пора уснуть последним сном...»

*Пора уснуть последним сном,
Довольно в мире пожил я;
Обманут жизнью был во всем,
И ненавидя и любя.*

1831

Из Паткуля

{62}

*Напрасна врагов ядовитая злоба,
Рассудят нас бог и преданья лю-
дей;
Хоть розны судьбою, мы боремся
оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну... близ сумрака
гроба
Не ведая страха, не зная цепей.
Мой дух возлетает все выше и вы-
ше
И вьется, как дым над железною
крышей!*

1831

«Я не для ангелов и рая...»

{63}

*Я не для ангелов и рая
Всесильным богом сотворен;
Но для чего живу, страдая,
Про это больше знает он.*

*Как демон мой, я зла избранник,
Как демон, с гордою душой,
Я меж людей беспечный стран-
ник,
Для мира и небес чуждой;*

*Прочти, мою с его судьбою
Воспоминанием сравни
И верь безжалостной душою,
Что мы на свете с ним одни.*

1831

«Настанет день — и миром осужденный...»

{64}

*Настанет день — и миром осужденный,
Чужой в родном краю,
На месте казни — гордый, хоть презренный —
Я кончу жизнь мою;
Виновный пред людьми, не пред тобою,
Я твердо жду тот час;
Что смерть? — лишь ты не изменишь душою —
Смерть не разрознит нас.
Иная есть страна, где предрассудки
Любви не охладят,
Где не отнимет счастья из шутки,
Как здесь, у брата брат.
Когда же весть кровавая примчится
О гибели моей
И как победе станут веселиться
Толпы других людей;*

Тогда... молю! — единою слезою
Почти холодный прах
Того, кто часто с скрытною тос-
кою
Искал в твоих очах...
Блаженства юных лет и сожален-
нья;
Кто пред тобой открыл
Таинственную душу и мученья,
Которых жертвой был.
Но если, если над моим позором
Смеяться станешь ты
И возмутишь неправедным укро-
ром
И речью клеветы
Обиженную тень, — не жди поща-
ды;
Как червь, к душе твоей
Я прилеплюсь, и каждый миг от-
рады
Несносен будет ей,
И будешь помнить прежнюю бес-
печность,
Не зная воскресить,
И будет жизнь тебе долга, как
вечность,
А все не будешь жить.

К Д

(«Будь со мною, как прежде бывала...»)

{65}

*Будь со мною, как прежде бывала;
О, скажи мне хоть слово одно;
Чтоб душа в этом слове сыскала,
Что хотелось ей слышать давно;*

*Если искра надежды хранится
В моем сердце — она оживет;
Если может слеза появиться
В очах — то она упадет.*

*Есть слова — объяснить не могу
я,
Отчего у них власть надо мной;
Их услышав, опять оживу я,
Но от них не воскреснет другой;*

*О, поверь мне, холодное слово
Уста оскверняет твои,
Как листки у цветка молодого
Ядовитое жало змеи!*

Отрывок

(«Три ночи я провел без сна — в тоске...»)

{66}

*Три ночи я провел без сна — в тоске,
В молитве, на коленях, — степь и небо
Мне были храмом, алтарем курган;
И если б кости, скрытые под ним,
Пробуждены могли быть человеком,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили б, загремев одеждой бранной!
О боже! как? — одна, одна слеза
Была плодом ужасных трех ночей?
Нет, эта адская слеза, конечно,
Последняя, не то три ночи б я
Ее не дожидался. Кровь собратий,
Кровь стариков, растоптанных*

детей

Отяготела на душе моей,
И приступила к сердцу, и насильно

Заставила его расторгнуть узы
Свои, и в миценье обратила все,
Что в нем похоже было на любовь;

Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик — и этого довольно;
Мой час настал — час славы иль стыда;

Бессмертен иль забыт я навсегда.

Я вопрошал природу, и она
Меня в свои объятия приняла,
В лесу холодном в грозный час метели

Я сладость пил с ее волшебных
уст,

Но для моих желаний мир был
пуст,

Они себе предмета в нем не зрели;
На звезды устремлял я часто
взор

И на луну, небес ночных убор,
Но чувствовал, что не для них ро-
дился;

Я небо не любил, хотя дивился
Пространству без начала и конца,
Завидуя судьбе его творца;
Но, потеряв отчизну и свободу,
Я вдруг нашел себя, в себе одном
Нашел спасенье целому народу;
И утонул деятельным умом
В единой мысли, может быть, на-
прасной
И бесполезной для страны род-
ной;
Но, как надежда, чистой и пре-
красной,
Как вольность, сильной и святой.

Баллада

(«В избушке позднею порою...»)

{67}

*В избушке позднею порою
Славянка юная сидит.
Вдали багровой полосой
На небе зарево горит...
И, люльку детскую качая,
Поет славянка молодая...*

*«Не плачь, не плачь! иль сердцем
чуешь,
Дитя, ты близкую беду!..
О, полно, рано ты тоскуешь:
Я от тебя не отойду.
Скорее мужа я утрачу.
Дитя, не плачь! и я заплачу!*

*Отец твой стал за честь и бога
В ряду бойцов против татар,
Кровавый след ему дорога,
Его булат блестит, как жар.
Взгляни, там зарево краснеет:
То битва семя смерти сеет.*

Как рада я, что ты не в силах

Понять опасности своей,
Не плачут дети на могилах;
Им чужд и стыд и страх цепей;
Их жребий зависти достоин...»
Вдруг шум — и в двери входит во-
ин.

Брада в крови, избиты латы.
«Свершилось! — восклицает он, —
Свершилось! торжествуй, прокля-
тый!..
Наш милый край порабощен,
Татар мечи не удержали —
Орда взяла, и наши пали».

И он упал — и умирает
Кровавой смертью бойца.
Жена ребенка поднимает
Над бледной головой отца:
«Смотри, как умирают люди,
И мстить учись у женской гру-
ди!..»

«Я не люблю тебя; страстей...»

{68}

*Я не люблю тебя; страстей
И мук умчался прежний сон;
Но образ твой в душе моей
Все жив, хотя бессилен он;
Другим предавшись мечтам,
Я все забыть его не мог;
Так храм оставленный — все
храм,
Кумир поверженный — все бог!*

1831

Стансы

(«Мгновенно пробежав умом...»)

*Мгновенно пробежав умом
Всю цепь того, что прежде было,
—*

*Я не жалею о былом:
Оно меня не усладило.*

*Как настоящее, оно
Страстями бурными облито
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забы-
тый.*

*Ответа на любовь мою
Напрасно жаждал я душою,
И если о любви пою —
Она была моей мечтою.*

*Как метеор в вечерней мгле,
Она очам моим блеснула
И, бывши все мне на земле,
Как все земное, обманула.*

«Люблю я цепи синих гор...»

{69}

Люблю я цепи синих гор,
Когда, как южный метеор,
Ярка без света и красна
Всплывает из-за них луна,
Царица лучших дум певца
И лучший перл того венца,
Которым свод небес порой
Гордится, будто царь земной.
На западе вечерний луч
Еще горит на ребрах туч,
И уступить все медлит он
Луне — угрюмый небосклон;
Но скоро гаснет луч зари...
Высоко месяца, две иль три
Младые тучки окружат
Его сейчас... вот весь наряд,
Которым белое чело
Ему убрать позволено.
Кто не знавал таких ночей
В ущельях гор иль средь степей?
Однажды при такой луне
Я мчался на лихом коне
В пространстве голубых долин,
Как ветер, волен и один;

Туманный месяц и меня,
И гриву, и хребет коня
Сребристым блеском осыпал;
Я чувствовал, как конь дышал,
Как он, ударивши ногой,
Отбрасываем был землей;
И я в чудесном забытьи
Движенья сковывал свои,
И с ним себя желал я слить,
Чтоб этим бег наш ускорить;
И долго так мой конь летел...
И вокруг себя я поглядел:
Все та же степь, все та ж луна:
Свой взор ко мне склонив, она,
Казалось, упрекала в том,
Что человек с своим конем
Хотел владычество степей
В ту ночь оспаривать у ней!

1832

Кавказский вид.

Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...»)

{70}

*Не уезжай, лезгинец молодой;
Зачем спешить на родину свою?*

Твой конь устал, в горах туман
сырой;
А здесь тебе и кровля и покой —
И я тебя люблю!..

Ужели унесла заря одна
Воспоминанье райских двух ночей;
Нет у меня подарков: я бедна,
Но мне душа создателем дана
Подобная твоей.

В ненастный день заехал ты сю-
да;
Под мокрой буркой, с горестным
лицом;
Ужели для меня сей день, когда
Так ярко солнце, хочешь навсегда
Ты мрачным сделать днем;

Взгляни: вокруг синеют цепи гор,
Как великаны, грозною толпой;
Лучи зари с кустами — их убор;
Мы вольны и добры; зачем твой
взор
Летит к стране другой?

Поверь, отчизна там, где любят
нас;

Тебя не встретит средь родных
долин,
Ты сам сказал, улыбка милых
глаз:
Побудь еще со мной хоть день,
хоть час,
Послушай! час один!

— Нет у меня отчизны и друзей,
Кроме булатной шашки и коня;
Я счастлив был любовью твоей,
Но все-таки слезам твоих очей
Не удержать меня.

Кровавой клятвой душу я свою
Отяготив, блуждаю много лет:
Покуда кровь врага я не пролью,
Уста не скажут никому: люблю.
Прости: вот мой ответ.

«Как в ночь звезды падучей пламень...»

*Как в ночь звезды падучей пла-
мень,
Не нужен в мире я.
Хоть сердце тяжело как камень,
Но все под ним змея.*

*Меня спасало вдохновенье
От мелочных сует;
Но от своей души спасенья
И в самом счастье нет.*

*Молю о счастье, бывало,
Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало,
Как для царя венец.*

*И, все мечты отвергнув, снова
Остался я один —
Как замка мрачного, пустого
Ничтожный властелин.*

К*

(«Я не унижусь пред тобою...»)

{71}

*Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет, ни твой укор
Не властны над моей душою.
Знай: мы чужие с этих пор.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдам;
И так пожертвовал я годы
Твоей улыбке и глазам,
И так я слишком долго видел
В тебе надежду юных дней
И целый мир возненавидел,
Чтобы тебя любить сильнее.
Как знать, быть может, те
мгновенья,
Что протекли у ног твоих,
Я отнимал у вдохновенья!
А чем ты заменила их?
Быть может, мыслию небесной
И силой духа убежден,
Я дал бы миру дар чудесный,
А мне за то бессмертье он?
Зачем так нежно обещала
Ты заменить его венец,*

Зачем ты не была сначала,
Какою стала наконец!
Я горд! — прости! люби другого,
Мечтай любовь найти в другом;
Чего б то ни было земного
Я не соделаюсь рабом.
К чужим горам, под небо юга
Я удалюсь, может быть;
Но слишком знаем мы друг друга,
Чтобы друг друга позабыть.
Отныне стану наслаждаться
И в страсти стану клясться
всем;
Со всеми буду я смеяться,
А плакать не хочу ни с кем;
Начну обманывать безбожно,
Чтоб не любить, как я любил, —
Иль женщин уважать возможно,
Когда мне ангел изменил?
Я был готов на смерть и муку
И целый мир на битву звать,
Чтобы твою младую руку —
Безумец! — лишний раз пожать!
Не зная коварную измену,
Тебе я душу отдавал;
Такой души ты знала ль цену?
Ты знала — я тебя не знал!

**<В альбом Н. Ф. Ивановой>
(«Что может краткое свиданье...»)**

{72}

*Что может краткое свиданье
Мне в утешенье принести,
Час неизбежный расставанья
Настал, и я сказал: прости.*

*И стих безумный, стих прощаль-
ный
В альбом твой бросил для тебя,
Как след единственный, печаль-
ный,
Который здесь оставлю я.*

1832

**<В альбом Д. Ф. Ивановой>
(«Когда судьба тебя захочет
обмануть...»)**

{73}

*Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет.*

1832

«Как луч зари, как розы Леля...»

{74}

*Как луч зари, как розы Леля,
Прекрасен цвет ее ланит;
Как у мадонны Рафаэля
Ее молчанье говорит.
С людьми горда, судьбе покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилось, она
Была для счастья создана.
Но свет чего не уничтожит?
Что благородное снесет,
Какую душу не сожмет,
Чье самолюбье не умножит?
И чьих не обольстит очей
Нарядной маскою своей?*

1832

«Синие горы Кавказа, приветствую вас...»

{75}

Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры все мечтаю об вас да о небе. Престолы природы, с которых как дым улетают громовые тучи, кто раз лишь на ваших вершинах творцу помолился, тот жизнь презирает, хотя в то мгновенье гордился он ею!..

* * *

Часто во время зари я глядел на снега и далекие льдины утесов; они так сияли в лучах восходящего солнца, и, в розовый блеск одеваясь, они, между тем как внизу все темно, возвещали прохожему утро. И розовый цвет их подобился цвету стыда: как будто девицы, когда вдруг увидят мужчину, купаясь, в таком уж смущенье, что белой одежды накинуть на грудь не успеют.

Как я любил твои бури, Кавказ! те пустынь-

ные громкие бури, которым пещеры как стражи ночей отвечают!.. На гладком холме одинокое дерево, ветром, дождями нагнутое, иль виноградник, шумящий в ущелье, и путь неизвестный над пропастью, где, покрывался пеной, бежит безыменная речка, и выстрел нежданный, и страх после выстрела: враг ли коварный, иль просто охотник... все, все в этом крае прекрасно.

* * *

[Воздух там чист, как молитва ребенка; и люди, как вольные птицы, живут беззаботно; война их стихия; и в смуглых чертах их душа говорит. В дымной сакле, землей иль сухим тростником покровенной, таятся их жены и девы, и чистят оружие, и шьют серебром — в тишине увядая душою — желающей, южной, с цепями судьбы незнакомой.]

1832

Романс

(«Стояла серая скала на берегу морском...»)

{76}

*Стояла серая скала на берегу
морском;
Однажды на чело ее слетел небес-
ный гром.
И раздвоил ее удар, — и новую
тропой
Между разрозненных камней те-
чет поток седой.
Вновь двум утесам не сойтись, —
но все они хранят
Союза прежнего следы, глубоких
трещин ряд.
Так мы с тобой разлучены злосло-
вием людским,
Но для тебя я никогда не сдела-
юсь чужим.
И мы не встретимся опять, и ес-
ли пред тобой
Меня случайно назовут, ты спро-
сишь: кто такой?
И, проклиная жизнь мою, на па-*

мать приведешь
Былое... и одну себя невольно про-
клянешь.
И не изгладишь ты никак из па-
мяти своей
Не только чувств и слов моих —
минуты прежних дней!

1832

Прелестнице

{77}

Пускай ханжа глядит с презре-
нием
На незаконный наш союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,
Но перед идолами света
Не гну колена я мои,
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.
Как ты, кружусь в веселье шум-
ном,
Не чту владыкой никого,
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего;
Живу без цели, беззаботно,
Для счастья глух, для горя нем,

*И людям руки жму охотно,
Хоть презираю их меж тем!..
Мы смехом брань их уничтожим.
Нас клеветы не разлучат;
Мы будем счастливы как можем,
Они пусть будут как хотят!*

1832

Эпитафия

(«Прости! увидимся ль мы снова?...»)

{78}

*Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочет ли свести
Две жертвы жребия земного,
Как знать! итак, прости, про-
сти!..
Ты дал мне жизнь, но счастья не
дал;
Ты сам на свете был гоним,
Ты в людях только зло изведal...
Но понимаем был одним.
И тот один, когда, рыдая,
Толпа склонялась над тобой,
Стоял, очей не обтирая,
Недвижный, хладный и немой.
И все, не ведая причины,*

*Винили дерзостно его,
Как будто миг твоей кончины
Был мигом счастья для него.
Но что ему их восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чем стра-
дать
Без всяких признаков страданья,*

1832

«Измученный тоскою и недугом...»

{79}

*Измученный тоскою и недугом
И угасая в полном цвете лет,
Проститься я с тобой желал как
с другом,
Но хладен был прощальный твой
привет;
Но ты не веришь мне, ты притво-
рилась,
Что в шутку приняла слова мои;
Моим слезам смеяться ты реши-
лась,
Чтоб с сожаленьем не явить люб-
ви;
Скажи мне, для чего такое мще-
нье?*

*Я виноват, другую мог хвалить,
Но разве я не требовал прощенья
У ног твоих? но разве я любить
Тебя переставал, когда, толпою
Безумцев молодых окружена,
Горда одной своею красотою,
Ты привлекала взоры их одна?
Я издали смотрел, почти желая,
Чтоб для других очей твой блеск
исчез;
Ты для меня была как счастье рая
Для демона, изгнанника небес.*

1832

«Нет, я не Байрон, я другой...»

{80}

*Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром стран-
ник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В душе моей, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? Кто*

*Толпе мой расскажет думы?
Я — или бог — или никто!*

1832

Романс

(«Ты идешь на поле битвы...»)

1

*Ты идешь на поле битвы,
Но услышь мои молитвы,
Вспомни обо мне.
Если друг тебя обманет,
Если сердце жить устанет
И душа твоя увянет, —
В дальней стороне
Вспомни обо мне.*

2

*Если кто тебе укажет
На могилу и расскажет
При ночном огне
О девице оболъщенной,
Позабытой и презренной,
О, тогда, мой друг бесценный,
Ты в чужой стране
Вспомни обо мне.*

Время прежнее, быть может,
 Посетит тебя, встревожит
 В мрачном, тяжком сне;
 Ты услышишь плач разлуки,
 Песнь любви и вопли муки
 Иль подобные им звуки...
 О, хотя во сне
 Вспомни обо мне!

1832

Сонет

(«Я памятью живу с увядшими мечтами...»)

{81}

Я памятью живу с увядшими меч-
 тами,
 Виденья прежних лет толпятся
 предо мной,
 И образ твой меж них, как месяц
 в час ночной
 Между бродящими блистает об-
 лаками.

Мне тягостно твое владычество

порой;
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощен мой дух и скован, как цепями,
Что ж пользы для меня, — я не любим тобой.

Я знаю, ты любовь мою не презираешь;
Но холодно ее молениям внимаешь;
Так мраморный кумир на берегу морском
Стоит, — у ног его волна кипит, клокочет,
А он, бесчувственным исполнен божеством,
Не внемлет, хоть ее отталкивать не хочет.

(«Мы случайно сведены судьбою...»)

{82}

*Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли один в другом,
И душа сдружилась с душою;
Хоть пути не кончить им вдво-
ем!*

*Так поток весенний отражает
Свод небес далекий голубой,
И в волне спокойной он сияет
И трепещет с бурною волной.*

*Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищ грозных бурь моих;
Пусть тогда гремят они меж на-
ми,
Я рожден, чтобы не жить без них.*

*Я рожден, чтоб целый мир был
зритель
Торжества иль гибели моей,
Но с тобой, мой луч-путеводи-
тель,
Что хвала иль гордый смех лю-*

дей!

*Души их певца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторгов разделить.*

1832

«Поцелуями прежде считал...»

*Поцелуями прежде считал
Я счастливую жизнь свою,
Но теперь я от счастья устал,
Но теперь никого не люблю.*

*И слезами когда-то считал
Я мятежную жизнь мою,
Но тогда я любил и желал —
А теперь никого не люблю!*

*И я счет своих лет потерял
И крылья забвенья ловлю:
Как я сердце унести бы им дал!
Как бы вечность им бросил мою!*

1832

(«Оставь напрасные заботы...»)

{83}

*Оставь напрасные заботы,
Не обнажай минувших дней;
В них не откроешь ничего ты,
За что б меня любить сильнее!
Ты любишь — верю — и довольно;
Кого — ты ведать не должна;
Тебе открыть мне было б больно,
Как жизнь моя пуста, черна.
Не погублю святое счастье
Такой души и не скажу,
Что недостойн я участия,
Что сам ничем не дорожу;
Что все, чем сердце дорожило,
Теперь для сердца стало яд,
Что для него страданье мило,
Как спутник, собственность иль
брат.
Промолвив ласковое слово,
В награду требуй жизнь мою;
Но, друг мой, не проси бывшего,
Я мук своих не продаю.*

«Я жить хочу! хочу печали...»

{84}

*Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастья назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот.
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берет.*

1832

«Смело верь тому, что вечно...»

*Смело верь тому, что вечно,
Безначально, бесконечно,
Что прошло и что настанет,
Обмануло иль обманет.*

*Если сердце молодое
Встретит пылкое другое,
При разлуке, при свиданье
Закажи ему молчанье.*

*Все на свете редко стало —
Есть надежды — счастья мало;
Не забвение разлука:
То — блаженство, это — мука.*

*Если счастьем дорожил ты,
То зачем его делил ты?
Для чего не жил в пустыне?
Иль об этом вспомнил ныне?*

«Приветствую тебя, воинственных славян...»

{85}

*Приветствую тебя, воинственных славян
Святая колыбель! Пришлец из чуждых стран,
С восторгом я взирал на сумрачные стены,
Через которые столетий перемены
Безвредно протекли; где вольности одной
Служил тот колокол на башне вечевой,
Который отзвонил ее уничтоженью
И сколько гордых душ увлек в свое паденье!..
— Скажи мне, Новгород, ужель их больше нет?
Ужели Волхов твой не Волхов прежних лет?*

.....

Желанье

(«Отворите мне темницу...»)

{86}

*Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Дайте раз по синю полю
Проскакать на том коне;
Дайте раз на жизнь и волю,
Как на чуждую мне долю,
Посмотреть поближе мне.*

*Дайте мне челнок дощатый
С полусгнившею скамьей,
Парус серый и косматый,
Ознакомленный с грозой.
Я тогда пушусь в море,
Беззаботен и один,
Разгуляюсь на просторе
И потешусь в буйном споре
С дикой прихотью пучин.*

*Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой*

*Зрел янтарный виноград;
Чтоб фонтан не умолкая
В зале мраморном журчал
И меня б в мечтаньях рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплял и пробуждал...*

1832

Два великана
(«В шапке золота литого...»)

{87}

*В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далеких чуждых стран.*

*За горами, за долами
Уж гремел об нем рассказ,
И помериться главами
Захотелось им хоть раз.*

*И пришел с грозой военной
Трехнедельный удалец, —
И рукою дерзновенной
Хватъ за вражеский венец.*

*Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — потрянул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!*

*Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит^{88},
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.*

1832

К*

**(«Прости! — мы не встретимся
боле...»)**

{89}

1

*Прости! — мы не встретимся бо-
ле,
Друг другу руки не пожмем;
Прости! — твое сердце на воле...
Но счастья не сыщет в другом.
Я знаю: с порывом страданья
Опять затрепещет оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погиб так давно!*

2

*Есть звуки — значенье ничтожно
И презрено гордой толпой —
Но их позабыть невозможно:
Как жизнь, они слиты с душой;
Как в гробе, зарыто бывшее
На дне этих звуков святых;
И в мире поймут их лишь двое,
И двое лишь вздрогнут от них!*

3

*Мгновение вместе мы были,
Но вечность — ничто перед ним;
Все чувства мы вдруг истожили,
Сожгли поцелуем одним;
Прости! — не жалея безрассудно,
О краткой любви не жалея:
Расстаться казалось нам трудно,
Но встретиться было б трудней!*

«Безумец я! вы правы, правы!..»

{90}

*Безумец я! вы правы, правы!
Смешно бессмертье на земли.
Как смел желать я громкой славы,
Когда вы счастливы в пыли?
Как мог я цепь предубеждений
Умом свободным потрясать
И пламень тайных угрызений
За жар поэзии принять?
Нет, не похож я на поэта!
Я обманулся, вижу сам;
Пусть как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам!
Мои слова печальны: знаю;
Но смысла их вам не понять.
Я их от сердца отрываю,
Чтоб муки с ними оторвать!
Нет... мне ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?
Пусть возвышусь я над вами,
Но удалюсь ли от себя?
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,*

Все то, чему я верил страстно,
Чему не смею верить вновь?

1832

«Она не гордой красотой...»

{91}

*Она не гордой красотой
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан ее не стан богини,
И грудь волною не встает,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признает.
Однако все ее движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос души проникает,
Как вспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдясь любви своей.*

1832

«Примите дивное посланье...»

{92}

*Примите дивное посланье
Из края дальнего сего;
Оно не Павлово нисанье —
Но Павел вам отдаст его.
Увы! как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный во-
рот
Как шиш торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — все сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Все удивительно и ново —
А нет не пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..*

*И, наконец, я видел море,
Но кто поэта обманул?..
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул;
Нет! как оно, я не был волен:
Болезнью жизни, скукой болен*

(Назло былым и новым дням),
Я не завидовал, как прежде,
Его серебряной одежде,
Его бунтующим волнам.

1832

Челнок

(«По произволу дивной власти...»)

{93}

*По произволу дивной власти
Я выкинут из царства страсти;
Как после бури на песок
Волной расшибенный челнок;
Пускай прилив его ласкает, —
В обман не вдастся инвалид;
Свое бессилие он знает
И притворяется, что спит;
Никто ему не поверит боле
Себя иль ноши дорогой;
Он не годится — и на воле!
Погиб — и дан ему покой!*

1832

«Для чего я не родился...»

{94}

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Как бы шумно я катился
Под серебряной луной,
О, как страстно я лобзал бы
Золотистый мой песок,
Как надменно презирал бы
Недоверчивый челнок;
Все, чем так гордятся люди,
Мой набег бы разрушал;
И к моей студеной груди
Я б страдальцев прижимал;
Не страшился б муки ада,
Раем не был бы прельщен;
Беспокойство и прохлада
Были б вечный мой закон;
Не искал бы я забвенья
В дальном северном краю;
Был бы волен от рожденья
Жить и кончить жизнь мою!

1832

«Что толку жить!.. Без приключений...»

Что толку жить!.. Без приключений

*И с приключеньями — тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть тол-
пою,*

*Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду
Под гордой важностью лица —
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине — Иуду.
А потрудитесь рассмотреть —
Все веселее умереть.*

*Конец! Как звучно это слово,
Как много — мало мыслей в нем;
Последний стон — и все готово,
Без дальних справок. А потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,
А там наследник в добрый час*

Придавит монументом вас,
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церкви)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услышать.

И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Названье ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разруют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой,
И молча ляжет с вами рядом
Девушка нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна...
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой —
Что за блаженство, боже мой!

Парус

{95}

*Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..*

*Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы, — он счастья не ищет
И не от счастья бежит!*

*Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!*

1832

Баллада

(«Куда так проворно, жидовка
младая?...»)

*Куда так проворно, жидовка мла-
дая?*

Час утра, ты знаешь, далек...

*Потише — распалась цепочка зла-
тая,*

И скоро спадет башмачок,

*Вот мост! вот чугунные влево пе-
рилы*

Блестят от огня фонарей;

*Держись за них крепче, — устала,
нет силы!..*

Вот дом — и звонок у дверей.

*Безмолвно жидовка у двери стоя-
ла,*

Как мраморный идол бледна;

*Потом, за снурок потянув, посту-
чала...*

И кто-то взглянул из окна!..

*И страхом и тайной надеждой
пылая,*

*Еврейка глаза подняла,
Конечно, ужасней минута такая
Столетий печали была.*

*Она говорила: «Мой ангел прекрас-
ный!
Взгляни еще раз на меня...
Избавь свою Сару от пытки на-
прасной,
Избавь от ножа и огня...*

*Отец мой сказал, что закон Моу-
сея
Любить запрещает тебя.
Мой друг, я внимала отцу не блед-
нея,
Затем, что внимала любя...*

*И мне обещал он страданья, му-
ченья,
И нож наточил роковой,
И вышел... Мой друг, берегись его
мщенья, —
Он будет как тень за тобой.*

*Отцовского мщенья ужасны уда-
ры,
Беги же отсюда скорей!*

*Тебе не изменят уста твоей Сары
Под холодной рукой палачей.*

*Беги!..» Но на лик, из окна наклоненный,
Блеснул неожиданный свет,
И что-то сверкнуло в руке обнаженной,
И мрачен глухой был ответ.*

*И тяжкое что-то на камни упало,
И стон раздался под стеной, —
В нем все улетающей жизнью дышало,
И больше, чем жизнью одной!*

*Поутру, толпяся, народ изумленный
Кричал и шептал об одном:
Там в доме был русский, кинжалом пронзенный,
И женщины труп под окном.*

Тростник

Сидел рыбак веселый
На берегу реки,
И перед ним по ветру
Качались тростники.
Сухой тростник он срезал
И скважины проткнул,
Один конец зажал он,
В другой конец подул.

И, будто оживленный,
Тростник заговорил —
То голос человека
И голос ветра был.
И пел тростник печально:
«Оставь, оставь меня!
Рыбак, рыбак прекрасный,
Терзаешь ты меня!

И я была девицей,
Красавица была,
У мачехи в темнице
Я некогда цвела,
И много слез горючих
Невинно я лила;
И раннюю могилу

Безбожно я звала.

И был сынок любимец
У мачехи моей,
Обманывал красавиц,
Пугал честных людей.
И раз пошли под вечер
Мы на берег крутой
Смотреть на сини волны,
На запад золотой.

Моей любви просил он, —
Любить я не могла,
И деньги мне дарил он, —
Я денег не брала;
Несчастную сгубил он,
Ударив в грудь ножом,
И здесь мой труп зарыл он
На берегу крутом;

И над моей могилой
Взошел тростник большой,
И в нем живут печали
Души моей молодой.
Рыбак, рыбак прекрасный,
Оставь же свой тростник.
Ты мне помочь не в силах,
А плакать не привык».

«Он был рожден для счастья, для надежд...»

{96}

Он был рожден для счастья, для надежд
И вдохновений мирных! — но
безумный
Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни шумной;
И мир не пощадил — и бог не спас!
Так сочный плод, до времени незрелый,
Между цветов висит осиротелый,
Ни вкуса он не радует, ни глаз;

И час их красоты — его паденья час!
И жадный червь его грызет, грызет,
И между тем как нежные подружки
Колеблются на ветках — ранний плод
Лишь тяготит свою... до первой

вьюги!
Ужасно стариком быть без се-
дин;
Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится ду-
шою;
Он меж людьми ни раб, ни вла-
стелин,
И все, что чувствует, он чувству-
ет один!

1832

Русалка

{97}

1

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до
луны
Серебристую пену волны.

2

И шумя и крутясь, колебала река
Отраженные в ней облака;
И пела русалка — и звук ее слов
Долетал до крутых берегов.

3

*И пела русалка: «На дне у меня
Играет мерцание дня;
Там рыбок золотые гуляют стада:
Там хрустальные есть города;*

4

*И там на подушке из ярких песков
Под тенью густых тростников
Спит витязь, добыча ревнивой
волны,
Спит витязь чужой стороны.*

5

*Расчесывать кольца шелковых
кудрей
Мы любим во мраке ночей,
И в чело и в уста мы в полуденный
час
Целовали красавца не раз.*

6

*Но к страстным лобзаньям, не
знаю зачем,
Остается он хладен и нем;
Он спит — и, склонившись на пер-
си ко мне,*

Он не дышит, не шепчет во сне!..»

7

*Так пела русалка над синей рекой,
Полна непонятной тоской;
И, шумно катясь, колебала река
Отраженные в ней облака.*

1832

Гусар

{98}

*Гусар! ты весел и беспечен,
Надев свой красный доломан;
Но знай — покой души не вечен,
И счастье на земле — туман!*

*Крутя лениво ус задорный,
Ты вспоминаешь стук пиров;
Но берегися думы черной, —
Она черней твоих усов.*

*Пускай судьба тебя голубит,
И страсть безумная смешит;
Но и тебя никто не любит,
Никто тобой не дорожит.*

Когда ты, ментиком блистая,
Торопишь серого коня,
Не мыслит дева молодая:
«Он здесь проехал для меня».

Когда ты вихрем на сраженье
Летишь, бесчувственный герой, —
Ничье, ничье благословенье
Не улетает за тобой.

Гусар! ужель душа не слышит
В тебе желания любви?
Скажи мне, где твой ангел ды-
шит?
Где очи милые твои?

Молчишь — и ум твой безнадеж-
ней,
Когда полнее твой бокал!
Увы — зачем от жизни прежней
Ты разом сердце оторвал!..

Ты не всегда был тем, что ныне,
Ты жил, ты слишком много жил,
И лишь с последнею святыней
Ты пламень сердца схоронил.

«На серебряные шпоры...»

*На серебряные шпоры
Я в раздумии гляжу;
За тебя, скакун мой скорый,
За бока твои дрожу.*

*Наши предки их не знали
И, гарица средь степей,
Толстой плеткой погоняли
Недоезженных коней.*

*Но с успехом просвещенья,
Вместо грубой старины,
Введены изобретенья
Чужеземной стороны;*

*В наше время кормят, холют,
Берегут спинную честь...
Прежде били — нынче колют!..
Что же выгодней? — бог весть!..*

Юнкерская молитва

{99}

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.
От маршировки
Меня избавь,
В парадировки
Меня не ставь.
Пускай в манеже
Алёхин^{100} глас
Как можно реже
Тревожит нас.
Еще моленье
Прошу принять —
В то воскресенье
Дай разрешенье
Мне опоздать.
Я, царь всевышний,
Хорош уж тем,
Что просьбой лишней
Не надоем.

1833

«В рядах стояли безмолвной толпой...»

{101}

*В рядах стояли безмолвной толпой,
Когда хоронили мы друга;
Лишь поп полковой бормотал — и порой
Ревела осенняя вьюга.
Кругом кивера над могилой святой
Недвижны в тумане сверкали,
Уланская шапка да меч боевой
На гробе дощатом лежали.
И билось сердце в груди не одно,
И в землю все очи смотрели,
Как будто бы все, что уж ей отдано,
Они у ней вырвать хотели.
Напрасные слезы из глаз не текли:
Тоска наши души сжимала,
И горсть роковая прощальной земли,
Упавши на гроб, застучала.*

Прощай, наш товарищ, недолго
ты жил,
Певец с голубыми очами;
Лишь крест деревянный себе за-
служил
Да вечную память меж нами!

1833

«Когда, надежде недоступный...»

Когда, надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить;
Когда бывшее ежечасно
Очам являлося моим +
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалось мне чужим, —
Тогда молитвой безрассудной
Я долго богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь? — он вещал, —
Ты жить устал? но я ль виновен;
Смири страстей своих порыв,
Будь, как другие, хладнокровен,
Будь, как другие, терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?»

Глупец! Где посох твой дорож-
ный?

Возьми его, пускайся вдаль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй.
[Когда тебя во имя бога
Кто пригласит на пир простой,
Страшися мирного порога
Коснуться грешною ногой;
Смотреть привыкни равнодуш-
но...»]

1834–1835

Умирающий гладиатор

I see before me the gladiator lie...
Byron[2]

{102}

Ликует буйный Рим... торже-
ственно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он — пронзенный в грудь, — без-
молвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его ко-
лена...

И молит жалости напрасно мут-
ный взор:
Надменный временщик и льстец
его сенатор
Венчают похвалой победу и по-
зор...
Что знатным и толпе сражен-
ный гладиатор?
Он презрен и забыт... освистан-
ный актер.

И кровь его течет — последние
мгновенья
Мелькают, — близок час... Вот
луч воображенья
Сверкнул в его душе... Пред ним
шумит Дунай...
И родина цветет... свободный
жизни край;
Он видит круг семьи, оставлен-
ный для брани,
Отца, простершего немеющие
длани,
Зовущего к себе опору дряхлых
дней...
Детей играющих — возлюбленных
детей.
Все ждут его назад с добычей и

славой...

Напрасно — жалкий раб, — он
пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минут-
ною забавой...

Прости, развратный Рим, — про-
сти, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтате-
лей кумир,
К могиле клонишься бесславной
головой,
Измученный в борьбе сомнений и
страстей,
Без веры, без надежд — игралище
детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обра-
тил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную
сил,
Которую давно для язвы просве-
щенья,
Для гордой роскоши беспечно ты
забыл:

Стараясь заглушить последние
страданья,
Ты жадно слушаешь и песни ста-
рины,
И рыцарских времен волшебные
преданья —
Насмешливых льстецов несбы-
точные сны.

1836

Еврейская мелодия

(«**Душа моя мрачна. Скорей, певец,
скорей!..»**)

(Из Байрона)

{103}

Душа моя мрачна. Скорей, певец,
скорей!
Вот арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавши-
ся по ней,
Пробудят в струнах звуки рая.
И если не навек надежды рок унес,
Они в груди моей проснутся,
И если есть в очах застывших
капля слез —
Они растают и прольются.

Пусть будет песнь твоя дика. Как
мой венец,
Мне тягостны веселья звуки!
Я говорю тебе: я слез хочу, певец,
Иль разорвется грудь от муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный час настал — теперь
она полна,
Как кубок смерти, яда полный.

1836

В альбом
(«Как одинокая гробница...»)

(Из Байрона)

{104}

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта бледная страница
Пусть милый взор твой привле-
чет.
И если после многих лет
Прочтешь ты, как мечтал поэт,
И вспомнишь, как тебя любил он,
То думай, что его уж нет,
Что сердце здесь похоронил он.

1836

«Великий муж! здесь нет награды...»

{105}

.....

*Великий муж! здесь нет награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небе сыщут взгляды
И не найдут среди людей.*

*Но беспристрастное преданье
Твой славный подвиг сохранит,
И, услышав твое названье,
Твой сын душою закипит.*

*Свершит блистательную тризну
Потомок поздний над тобой
И с непритворною слезой
Промолвит: «Он любил отчизну!»*

1836

Смерть Поэта

{106}

Погиб Поэт! — невольник чести

—

*Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой ме-
сти,*

Поникнув гордой головой!..

Не вынесла душа Поэта

Позора мелочных обид,

Восстал он против мнений света

Один, как прежде... и убит!

Убит!., к чему теперь рыданья,

Пустых похвал ненужный хор

И жалкий лепет оправданья?

Судьбы свершился приговор!

Не вы ль сперва так злобно гнали

Его свободный, смелый дар

И для потехи раздували

Чуть затаившийся пожар?

Что ж? веселитесь... он мучений

Последних вынести не мог:

Угас, как светоч, дивный гений,

Увял торжественный венок.

Его убийца хладнокровно

Навел удар... спасенья нет:

Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
И что за диво?.. издалека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг крова-
вый,
На что он руку поднимал!..

И он убит — и взят могилой,
Как тот певец, неведомый, но ми-
лый,
Добыча ревности глухой,
Воспетый им с такою чудной си-
лой,
Сраженный, как и он, безжалост-
ной рукой.

Зачем от мирных нег и дружбы
простодушной
Вступил он в этот свет завист-
ливый и душный
Для сердца вольного и пламенных
страстей?

Зачем он руку дал клеветникам
ничтожным,
Зачем поверил он словам и лас-
кам ложным,
Он, с юных лет постигнувший лю-
дей?..

И прежний сняв венок — они венцы
терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело;
Отравлены его последние мгнове-
нья
Коварным шепотом насмешли-
вых невежд,
И умер он — с напрасной жаждой
миценья,
С досадой тайною обманутых на-
дежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прослав-

ленных отцов,
Пятою рабскою поправшии об-
ломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жадною толпой стоящие у
трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда — все мол-
чи!..
Но есть и божий суд, наперсники
разврата!
Есть грозный суд: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к
злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной
кровью
Поэта праведную кровь!

Бородино

{107}

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние кварти-
ры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!
Что тут хитрить, пожалуй к
бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добратся до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.

Но тих был наш бивак откры-
тый:

Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Все шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хва-
том:

Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денек! Сквозь дым лету-
чий

Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут.

Уланы с пестрыми значками,

*Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.*

*Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.*

*Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши гру-
ди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...*

*Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.*

*Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы!*

1837

Ветка Палестины

{108}

*Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?*

*У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?*

*Молитву ль тихую читали,
Иль пели песни старины,
Когда листья твои сплетали
Солима бедные сыны?*

И пальма та жива ль поныне?

Все так же ль манит в летний
зной

Она прохожего в пустыне
Широколиственной главой?

Или в разлуке безотрадной
Она увяла, как и ты,
И дольний прах ложится жадно
На пожелтевшие листья?..

Поведай: набожной рукою
Кто в этот край тебя занес?
Грустил он часто над тобою?
Хранишь ты след горючих слез?

Иль, божьей рати лучший воин,
Он был, с безоблачным челом,
Как ты, всегда небес достоин
Перед людьми и божеством?..

Заботой тайною хранима,
Перед иконой золотой
Стоишь ты, ветвь Ерусалима,
Святыни верный часовой!

Прозрачный сумрак, луч лампы,
Кивот и крест, символ святой...
Все полно мира и отрады

1837

УЗНИК

{109}

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая с замком;
Черноокая далеко,
В пышном тереме своем;
Добрый конь в зеленом поле
Без узды, один, по воле
Скачет, весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;

Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

1837

Сосед

Кто б ни был ты, печальный мой
сосед,
Люблю тебя, как друга юных лет,
Тебя, товарищ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навеки мы разлучены с тобой
Стеной теперь — а после тайной.

Когда зари румяный полусвет
В окно тюрьмы прощальный свой
привет
Мне, умирая, посылает
И, опершись на звучное ружье,
Наш часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпает, —

Тогда, чело склонив к сырой сте-
не,
Я слушаю — и в мрачной тишине
Твои напевы раздаются.

*О чем они — не знаю; но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Как слезы, тихо льются, льют-
ся...*

И лучших лет надежды и любовь
—

*В груди моей все оживает вновь,
И мысли далеко несутся,
И полон ум желаний и страстей,
И кровь кипит — и слезы из очей,
Как звуки, друг за другом льются.*

1837

**«Когда волнуется желтеющая
нива...»**

{110}

*Когда волнуется желтеющая ни-
ва,
И свежий лес шумит при звуке ве-
терка,
И прячется в саду малиновая сли-
ва
Под тенью сладостной зеленого
листка;*

Когда, росой обрызганный души-
стой,
Румяным вечером иль утра в час
златой,
Из-под куста мне ландыш сереб-
ристый
Приветливо кивает головой;

Когда студеный ключ играет по
оврагу
И, погружая мысль в какой-то
смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится
он, —

Тогда смирятся души моей тре-
вога,
Тогда расходятся морщины на че-
ле, —
И счастье я могу постигнуть на
земле,
И в небесах я вижу бога...

Молитва

(«Я, мать божия, ныне с
МОЛИТВОЮ...»)

{111}

*Я, мать божия, ныне с молит-
вою
Пред твоим образом, ярким сия-
нием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покая-
нием,*

*Не за свою молю душу пустын-
ную,
За душу странника в свете без-
родного;
Но я вручить хочу деву невинную
Теплой заступнице мира холодно-
го.*

*Окружи счастьем душу достой-
ную;
Дай ей спутников, полных внима-
ния,
Молодость светлую, старость*

покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу про-
щальному
В утро ли шумное, в ночь ли без-
гласную —
Ты воспрять пошли к ложу пе-
чальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

1837

«Расстались мы, но твой портрет...»

{112}

Расстались мы, но твой портрет
Я на груди моей храню:
Как бледный призрак лучших лет,
Он душу радует мою.

И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог:
Так храм оставленный — все
храм,
Кумир поверженный — все бог!

1837

«Я не хочу, чтоб свет узнал...»

*Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!..*

*Им сердце в чувствах даст отчет,
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет тот,
Кто изобрел мои мученья;*

*Укор невежд, укор людей
Души высокой не печалит;
Пускай шумит волна морей,
Утес гранитный не повалит;*

*Его чело меж облаков,
Он двух стихий жилец, угрюмый,
И, кроме бури да громов,
Он никому не вверит думы...*

«Не смейся над моей пророческой ТОСКОЮ...»

{113}

*Не смейся над моей пророческой
тоскою;
Я знал: удар судьбы меня не обойдет;
Я знал, что голова, любимая тобою,
С твоей груди на плаху перейдет;
Я говорил тебе: ни счастья, ни славы
Мне в мире не найти; настанет час кровавый,
И я паду, и хитрая вражда
С улыбкой очернит мой недоцветший гений;
И я погибну без следа
Моих надежд, моих мучений.
Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый;
Пускай толпа растопчет мой венец:
Венец певца, венец терновый^{114}!..*

Пускай! я им не дорожил.

1837

«Спеша на север из далека...»

{115}

*Спеша на север из далека,
Из теплых и чужих сторон,
Тебе, Казбек, о страж востока,
Принес я, странник, свой поклон.*

*Чалмою белою от века
Твой лоб наморщенный увит,
И гордый ропот человека
Твой гордый мир не возмутит.*

*Но сердца тихого моление
Да отнесут твои скалы
В надзвездный край, в твое владение,
К престолу вечному аллы.*

*Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.*

Молю, чтоб буря не застала,

*Гремя в наряде боевом,
В ущелье мрачного Дарьяла
Меня с измученным конем.*

*Но есть еще одно желанье!
Боюсь сказать! — душа дрожит!
Что, если я со дня изгнанья
Совсем на родине забыт!*

*Найду ль там прежние объятья?
Старинный встречу ли привет?
Узнают ли друзья и братья
Страдальца, после многих лет?*

*Или среди могил холодных
Я наступлю на прах родной
Тех добрых, пылких, благородных,
Деливших молодость со мной?*

*О, если так! своей метелью,
Казбек, засыпь меня скорей
И прах бездомный по ущелью
Без сожаления развей.*

<Эпиграмма на Ф. Булгарина, I>

{116}

*Россию продает Фадей
Не в первый раз, как вам известно,
Пожалуй, он продаст жену, де-
тей,
И мир земной, и рай небесный,
Он совесть продал бы за сходную
цену,
Да жаль, заложена в казну.*

1837

<Эпиграмма на Ф. Булгарина, II>

*Россию продает Фадей
И уж не в первый раз, злодей.*

1837

Кинжал

{117}

*Люблю тебя, булатный мой кин-
жал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть те-
бя ковал,
На грозный бой точил черкес сво-
бодный.*

*Лилейная рука тебя мне поднесла
В знак памяти, в минуту расста-
ванья,
И в первый раз не кровь вдоль по
тебе текла,
Но светлая слеза — жемчужина
страданья.*

*И черные глаза, остановясь на
мне,
Исполнены таинственной печал-
ли,
Как сталь твоя при трепетном
огне,
То вдруг тускнели, то сверкали.*

Ты дан мне в спутники, любви за-
лог немой,
И страннику в тебе пример не
бесполезный
Да, я не изменюсь и буду тверд ду-
шой,
Как ты, как ты, мой друг желез-
ный.

1838

«Гляжу на будущность с боязнью...»

Гляжу на будущность с боязнью,
Гляжу на прошлое с тоской
И, как преступник перед казнью,
Ищу кругом души родной;
Придет ли вестник избавленья
Открыть мне жизни назначенье,
Цель упований и страстей,
Поведать — что мне бог готовил,
Зачем так горько прекословил
Надеждам юности моей.

Земле я отдал дань земную
Любви, надежд, добра и зла;
Начать готов я жизнь другую.
Молчу и жду: пора пришла;
Я в мире не оставлю брата,

*И тьмой и холодом объята
Душа усталая моя;
Как ранний плод, лишенный сока,
Она увяла в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.*

1838

«Она поет — и звуки тают...»

{118}

*Она поет — и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.*

1838

«Как небеса, твой взор блистает...»

{119}

*Как небеса, твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
Твой голос молодой;*

*За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат;*

*И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет
И в сердце кровь кипит.*

*Но жизнью бранной и мятежной
Не тешусь я с тех пор,
Как услышал твой голос нежный
И встретил милый взор.*

1838

«Слышу ли голос твой...»

*Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый,
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;*

*Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,*

*И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.*

Вид гор из степей Козлова

{120}

Пилигрим

*Аллах ли там среди пустыни
Застывших волн воздвиг тверды-
ни,
Притоны ангелам своим;
Иль дивы, словом роковым,
Стеной умели так высоко
Громады скал нагромоздить,
Чтоб путь на север заградить
Звездам, кочующим с востока?
Вот свет все небо озарил:
То не пожар ли Царяграда?
Иль бог ко сводам пригвоздил
Тебя, полночная лампада,
Маяк спасительный, отрада
Плывущих по морю светил?*

Мирза

*Там был я, там, со дня созданья,
Бушует вечная метель;
Потоков видел колыбель.
Дохнул, и мерзнул пар дыханья.*

*Я проложил мой смелый след,
Где для орлов дороги нет,
И дремлет гром над глубиною,
И там, где над моей чалмою
Одна сверкала лишь звезда,
То Чатырдаг был...*

Пилигрим

А!..

1838

**<А. Г. Хомутовой>
(«Слепец, страданьем
вдохновенный...»)**

{121}

*Слепец, страданьем вдохновенный,
Вам строки чудные писал,
И прежних лет восторг священный,
Воспоминаньем оживленный,
Он перед вами изливал.
Он вас не зрел, но ваши речи,
Как отголосок юных дней,
При первом звуке новой встречи
Его встревожили сильнеей.*

Тогда признательную руку
В ответ на ваш приветный взор,
Навстречу радостному звуку
Он в упоении простер.

И я, поверенный случайный
Надежд и дум его живых,
Я буду дорожить, как тайной,
Печальным выраженьем их.
Я верю, годы не убили,
Изгладить даже не могли
Все, что вы прежде возбудили
В его возвышенной груди.
Но да сойдет благословенье
На вашу жизнь, за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умели снять венец мученья
С его преклонной головы.

Дума

{122}

Печально я гляжу на наше поко-
ленье!
Его грядущее — иль пусто, иль
темно,
Меж тем, под бременем познания
и сомненья,
В бездействии состарится оно.
Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их
умом,
И жизнь уж нас томит, как ров-
ный путь без цели.
Как пир на празднике чужом.
К добру и злу постыдно равнодуш-
ны,
В начале поприща мы вянем без
борьбы;
Перед опасностью позорно мало-
душны
И перед властью — презренные
рабы.
Так тощий плод, до времени со-
зрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,

Висит между цветов, прищлец
осиротелый,
И час их красоты — его паденья
час!

Мы иссушили ум наукою бесплод-
ной,
Тая завистливо от ближних и
друзей
Надежды лучшие и голос благо-
родный
Неверием осмеянных страстей.
Едва касались мы до чаши насла-
жденья,
Но юных сил мы тем не сберегли;
Из каждой радости, бояся пресы-
щенья,
Мы лучший сок навеки извлекли.

Мечты поэзии, создания искус-
ства
Восторгом сладостным наш ум
не шевелят;
Мы жадно бережем в груди оста-
ток чувства —
Зарытый скупостью и бесполез-
ный клад.
И ненавидим мы, и любим мы

случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни
любви,
И царствует в душе какой-то хо-
лод тайный,
Когда огонь кипит в крови.
И предков скучны нам роскошные
забавы,
Их добросовестный, ребяческий
разврат;
И к гробу мы спешим без счастья
и без славы,
Глядя насмешливо назад.

Толпой угрюмою и скоро позабы-
той
Над миром мы пройдем без шума
и следа,
Не бросивши векам ни мысли пло-
довитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьи и
гражданина,
Потомок оскорбит презритель-
ным стихом,
Насмешкой горькою обманутого
сына
Над промотавшимся отцом.

Поэт**(«Отделкой золотой блистает мой
кинжал...»)**

{123}

*Отделкой золотой блистает мой
кинжал;
Клинок надежный, без порока;
Булат его хранит таинственный
закал —
Наследье бранного востока.*

*Наезднику в горах служил он мно-
го лет,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провел он
страшный след
И не одну прорвал кольчугу.*

*Забавы он делил послушнее раба,
Звенел в ответ речам обидным.
В те дни была б ему богатая резь-
ба
Нарядом чуждым и постыдным.*

Он взят за Терекком отважным
казаком
На хладном трупе господина,
И долго он лежал заброшенный
потом
В походной лавке армянина.

Теперь родных ножон, избитых на
войне,
Лишен героя спутник бедный,
Игрушкой золотой он блещет на
стене —
Увы, бесславный и безвредный!

Никто привычную, заботливой
рукой
Его не чистит, не ласкает,
И надписи его, молясь перед зарей,
Никто с усердьем не читает...

В наш век изнеженный не так ли
ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, ко-
торой свет
Внимал в немом благоговенье?

Бывало, мерный звук твоих могу-

чих слов
Воспламенял бойца для битвы,
Он нужен был толпе, как чаша
для пиров,
Как фимиам в часы молитвы.

Твой стих, как божий дух, носился
над толпой
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне ве-
чевой
Во дни торжеств и бед народных.

Но скучен нам простой и гордый
твой язык,
Нас тешат блёстки и обманы;
Как ветхая краса, наш ветхий
мир привык
Морщины прятать под румяны...

Проснешься ль ты опять, осмеян-
ный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножон не вырвешь
свой клинок,
Покрытый ржавчиной презре-
нья?..

Казачья колыбельная песня

{124}

*Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки, +
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.*

*По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.*

*Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое*

Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

1838

«Ребенка милого рожденье...»

{125}

Ребенка милого рожденье
Приветствует мой запоздалый
стих.
Да будет с ним благословенье
Всех ангелов небесных и земных!
Да будет он отца достоин,
Как мать его, прекрасен и любим;
Да будет дух его спокоен
И в правде тверд, как божий херувим.
Пускай не знает он до срока
Ни мук любви, ни славы жадных
дум;
Пускай глядит он без упрека
На ложный блеск и ложный мира
шум;
Пускай не ищет он причины
Чужим страстям и радостям
своим,
И выйдет он из светской тины
Душою бел и сердцем невредим!

Не верь себе

*Que nous font après tout les vulgaires
abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la
voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs
d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la
phrase?
A. Barbier[3]*

{126}

*Не верь, не верь себе, мечтатель
молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей
больной
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не
ищи:
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах ис-
тощи,
Разлей отравленный напиток!*

Случится ли тебе в заветный,
чудный миг
Открыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный
родник,
Простых и сладких звуков пол-
ный, —
Не вслушивайся в них, не предавай-
ся им,
Набрось на них покров забвенья:
Стихом размеренным и словом
ледяным
Не передашь ты их значенья.

Закрадется ль печаль в тайник
души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и
вьюгой, —
Не выходи тогда на шумный пир
людей
С своею бешеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торго-
вать
о гневом, то тоской послушной,
И гной душевных ран надменно
выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дело нам, страдал ты или нет?

На что нам знать твои волнения,
Надежды глупые первоначальных лет,

Рассудка злые сожаленья?

Взгляни: перед тобой играючи идет

Толпа дорогою привычной;

На лицах праздничных чуть виден след забот,

Слезы не встретишь неприличной.

А между тем из них едва ли есть один,

Тяжелой пыткой не измятый,

До преждевременных добравшийся морщин

Без преступленья иль утраты!..

Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,

С своим напевом заученным,

Как разрумяненный трагический актер,

Махающий мечом картонным...

Три пальмы (Восточное сказание)

{127}

*В песчаных степях аравийской
земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листьев,
От знойных лучей и летучих песков.*

*И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.*

И стали три пальмы на бога роп-
тать:

«На то ль мы родились, чтоб
здесь увядать?»

Без пользы в пустыне росли и цве-
ли мы,

Колеблемы вихрем и зноем пали-
мы,

Ничей благосклонный не радуя
взор?..

Не прав твой, о небо, святой при-
говор!»

И только замолкли — в дали го-
лубой

Столбом уж крутился песок зо-
лотой,

Звонков раздавались нестройные
звуки,

Пестрели коврами покрытые вью-
ки,

И шел, колыхаясь, как в море чел-
нок,

+Верблюд за верблюдом, взрывая
песок.

Мотаясь, висели меж твердых
горбов

Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подыма-
ли,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке накло-
ня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный
стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса^{128} вились в бес-
порядке;
И, с криком и свистом несясь по
песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя,
караван:
В тени их веселый раскинулся
стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы неждан-
ных гостей,
И щедро поит их студеный ручей.

Но только что сумрак на землю
упал,
По корням упругим топор засту-
чал,
И пали без жизни питомцы сто-
летий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра ог-
нем.

Когда же на запад умчался ту-
ман,
Урочный свой путь совершал ка-
раван;
И следом печальным на почве бес-
плодной
Виднелся лишь пепел седой и хо-
лодный:
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом раз-
несло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим
ключом:
Напрасно пророка о тени он про-
сит —

*Его лишь песок раскаленный заносит
Да коршун хохлатый, степной
нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над
ним.*

1839

Молитва

«В минуту жизни трудную...»

{129}

*В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...*

Дары Терека

{130}

*Терек воеет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.
Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:*

*«Расступись, о старец море,
Дай приют моей волне!
Погулял я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.*

*Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.
Я, сынам твоим в забаву,
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу,
Стадо целое пригнал».*

Но, склоняясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит:

«Я привез тебе гостинец!
То гостинец не простой:
С поля битвы кабардинец,
Кабардинец удалой.
Он в кольчуге драгоценной,
В налокотниках стальных:
Из Корана стих священный
Писан золотом на них.
Он угрюмо сдвинул брови,
И усов его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взор открытый, безответный,
Полон старою враждой;
По затылку чуб заветный
Вьется черною космой».

Но, склоняясь на мягкий берег,
Каспий дремлет и молчит;
И, волнуясь, буйный Терек
Старцу снова говорит:

«Слушай, дядя: дар бесценный!

Что другие все дары?
Но его от всей вселенной
Я таил до сей поры.
Я примчу к тебе с волнами
Труп казачки молодой,
С темно-бледными плечами,
С светло-русою косою.
Грустен лик ее туманный,
Взор так тихо, сладко спит,
А на грудь из малой раны
Струйка алая бежит.
По красоте молодежи
Не тоскует над рекою
Лишь один во всей станице
Казачина гребенской.
Оседлал он вороного
И в горах, в ночном бою,
На кинжал чеченца злого
Сложит голову свою».

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косою размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старик во блеске власти
Встал, могучий, как гроза,
И оделись влагой страсти

Темно-синие глаза.

*Он взыграл, веселья полный, —
И в объятия свои
Набегающие волны
Принял с ропотом любви.*

1839

Памяти А. И. Одоевского

{131}

1

*Я знал его: мы странствовали с
ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно; но к полям род-
ным
Вернулся я, и время испытанья
Промчалось законной чередой;
А он не дождался минуты слад-
кой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унес летучий рой
Еще незрелых, темных вдохнове-
ний,
Обманутых надежд и горьких со-*

жалений!

2

*Он был рожден для них, для тех
надежд,
Поэзии и счастья... Но, безумный*

*Из детских рано вырвался одежд
И сердце бросил в море жизни
шумной,
И свет не пощадил — и бог не
спас!
Но до конца среди волнений труд-
ных,
В толпе людской и средь пустынь
безлюдных
В нем тихий пламень чувства не
угас:
Он сохранил и блеск лазурных
глаз,
И звонкий детский смех, и речь
живую,
И веру гордую в людей и жизнь
иную.*

3

*Но он погиб далеко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый*

Саша!
Покрытое землей чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба
наша
В немом кладбище памяти моей!
Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная
дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза закрылись вечным
сном;
И то, что ты сказал перед кончи-
ной,
Из слушавших тебя не понял ни
единый...

4

И было ль то привет стране род-
ной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга,
Кто скажет нам?.. Твоих послед-
них слов
Глубокое и горькое значенье
Потеряно... Дела твои, и мненья,
И думы — все исчезло без следов,

Как легкий пар вечерних облаков:
Едва блеснут, их ветер вновь уно-
сит —
Куда они? зачем? откуда? — кто
их спросит...

5

И после их на небе нет следа,
Как от любви ребенка безнадеж-
ной,
Как от мечты, которой никогда
Он не вверял заботам дружбы
нежной...
Что за нужда?.. Пускай забудет
свет
Столь чуждое ему существова-
нье:
Зачем тебе венцы его вниманья
И терния пустых его клевет?
Ты не служил ему. Ты с юных лет
Коварные его отвергнул цепи:
Любил ты моря шум, молчанье
синей степи —

6

И мрачных гор зубчатые хреб-
ты...
И вокруг твоей могилы неизвест-

ной
Все, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ ее объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо
дремлет,
Как великан склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внима-
мая,
А море Черное шумит не умол-
кая.

1839

«Есть речи — значенье...»

*Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.*

*Как полны их звуки
Безумством желанья!
В них слезы разлуки,
В них трепет свиданья.*

*Не встретит ответа
Средь шума мирского
Из пламя и света
Рожденное слово;*

*Но в храме, средь боя
И где я ни буду,
Услышав, его я
Узнаю повсюду.*

*Не кончив молитвы,
На звук тот отвечу,
И брошусь из битвы
Ему я навстречу.*

«На буйном пиршестве задумчив он сидел...»

{133}

*На буйном пиршестве задумчив
он сидел
Один, покинутый безумными дру-
зьями,
И в даль грядущую, закрытую
пред нами,
Духовный взор его смотрел,*

*И помню я, исполнены печали
Средь звона чаш, и криков, и речей,
И песен праздничных, и хохота го-
стей
Его слова пророчески звучали.*

*[Он говорил: «Ликуйте, о друзья!
Что вам судьбы дряхлеющего ми-
ра?..
Над вашей головой колеблется се-
кира,
Но что ж!.. из вас один ее увижу
я».]*

.....

1839

<Э. К. Мусиной-Пушкиной>
(«Графиня Эмилия...»)

{134}

*Графиня Эмилия —
Белее, чем лилия,
Стройней ее талии
На свете не встретится.
И небо Италии
В глазах ее светится.
Но сердце Эмилии
Подобно Бастилии.*

1839

«Как часто, пестрою толпою окружен...»

1-е января

{135}

*Как часто, пестрою толпою окру-
жен,
Когда передо мной, как будто бы
сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных
речей,
Мелькают образы бездушные лю-
дей,
Приличьем стянутые маски.*

*Когда касаются холодных рук мо-
их
С небрежной смелостью красавиц
городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружаясь в их блеск и
суету,
Ласкаю я в душе старинную меч-
ту,
Погибших лет святые звуки.*

И если как-нибудь на миг удастся
мне
Забыться, — памятью к недавней
старине
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий бар-
ский дом
И сад с разрушенной теплицей;

Зеленой сетью трав подернут
спящий пруд,
А за прудом село дымится — и
встают
Вдали туманы над полями.
В аллею темную вхожу я; сквозь
кусты
Глядит вечерний луч, и желтые
листья
Шумят под робкими шагами.

И странная тоска теснит уж
грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей создание
С глазами, полными лазурного ог-
ня,
С улыбкой розовой, как молодого

дня
За рощей первое сиянье.

Так царства дивного всесильный
господин —
Я долгие часы просиживал один,
И память их жива поныне
Под бурей тягостных сомнений и
страстей,
Как свежий островок безвредно
среди морей
Цветет на влажной их пустыне.

Когда ж, опомнившись, обман я
узнаю
И шум толпы людской спугнет
мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить весе-
лость их
И дерзко бросить им в глаза же-
лезный стих,
Облитый горечью и злостью!..

И скучно и грустно

{136}

*И скучно и грустно, и некому руку
подать
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и
вечно желать?..
А годы проходят — все лучшие го-
ды!*

*Любить... но кого же?.. на вре-
мя — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там про-
шлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ни-
чтожно...*

*Что страсти? — ведь рано иль
поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка;
И жизнь, как посмотришь с хо-
лодным вниманьем вокруг, —
Такая пустая и глупая шутка...*

Из Гете

{137}

*Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.*

1840

<М. А. Щербатовой>
«На светские цепи...»

{138}

*На светские цепи,
На блеск утомительный бала
Цветущие степи
Украины она променяла,*

*Но юга родного
На ней сохранилась примета
Среди ледяного,
Среди беспощадного света.*

Как ночи Украины,
В мерцании звезд незакатных,
Исполнены тайны
Слова ее уст ароматных,

Прозрачны и сини,
Как небо тех стран, ее глазки,
Как ветер пустыни,
И нежат и жгут ее ласки.

И зреющей сливы
Румянец на щечках пушистых,
И солнца отливы
Играют в кудрях золотистых.

И, следуя строго
Печальной отчизны примеру,
В надежду на бога
Хранит она детскую веру;

Как племя родное,
У чуждых опоры не просит
И в гордом покое
Насмешку и зло переносит.

От дерзкого взора
В ней страсти не вспыхнут пожа-
ром,

*Полюбит не скоро,
Зато не разлюбит уж даром.*

1840

Воздушный корабль (Из Зейдлица)

{139}

*По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.*

*Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера не шумят,
И молча в открытые люки
Чугунные пушки глядят.*

*Не слышно на нем капитана,
Не видно матросов на нем;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочем.*

*Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.*

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идет и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несется он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет

И очи пылают огнем.

*На берег большими шагами
Он смело и прямо идет,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет.*

*Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид.*

*И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.*

*И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперед
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовет:*

*Зовет он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.*

Но в цвете надежды и силы

*Угас его царственный сын,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —*

*Стоит он и тяжело вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слезы
Из глаз на холодный песок,*

*Потом на корабль свой волшеб-
ный,
Главу опустивши на грудь,
Идет и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.*

Соседка

**«Не дожждаться мне, видно,
свободы...»**

{140}

*Не дожждаться мне, видно, свобо-
ды,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко над землей,
И у двери стоит часовой!*

*Умереть бы уж мне в этой клет-
ке,
Кабы не было милой соседки!..
Мы проснулись сегодня с зарей,
Я кивнул ей слегка головой.*

*Разлучив, нас сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно
Да с двойною решеткой окно;*

*У окна лишь поутру я сяду,
Волю дам ненасытному взгляду...
Вот напротив окошечко: стук!
Занавеска подыметя вдруг.*

На меня посмотрела плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А с плеча, будто сдул ветерок,
Полосатый скатился платок,

Но бледна ее грудь молодая,
И сидит она долго вздыхая,
Видно, буйную думу тая,
Все тоскует по воле, как я.

Не грусти, дорогая соседка...
Захоти лишь — отворится клет-
ка,
И, как божии птички, вдвоем
Мы в широкое поле порхнем.

У отца ты ключи мне украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А уж с тем, что поставлен к две-
рям,
Постараюсь я справиться сам.

Избери только ночь потемнее,
Да отцу дай вина похмельнее,
Да повесь, чтобы ведать я мог,
На окно полосатый платок.

Стычка французских кирасиров с конными егерями.

Журналист, читатель и писатель

*Les poètes ressemblent aux ours, qui
se nourrissent en suçant leur patte.
Inédit[4]*

{141}

Комната писателя; опущенные шторы. Он сидит в больших креслах перед камином. Читатель, с сигарой, стоит спиной к камину. Журналист входит.

Журналист

*Я очень рад, что вы больны:
В заботах жизни, в шуме света
Теряет скоро ум поэта
Свои божественные сны.
Среди различных впечатлений
На мелочь душу разменяв,
Он гибнет жертвой общих мнений.
Когда ему в пылу забав
Обдумать зрелое творенье?..
Зато какая благодать,
Коль небо вздумает послать
Ему изгнание, заточение
Иль даже долгую болезнь:*

*Тотчас в его уединенье
Раздастся сладостная песнь!
Порой влюбляется он страстно
В свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? нельзя ль
Узнать?*

Писатель

Да ничего...

Журналист

Напрасно!

Писатель

*О чем писать? Восток и юг
Давно описаны, воспеты;
Толпу ругали все поэты,
Хвалили все семейный круг;
Все в небеса неслись душою,
Взывали, с тайною мольбою,
К Н. Н., неведомой красе, —
И страшно надоели все.*

Читатель

*И я скажу — нужна отвага,
Чтобы открыть... хоть ваш жур-
нал
(Он мне уж руки обломал):*

Во-первых, серая бумага,
Она, быть может, и чиста,
Да как-то страшно без перчаток...

Читаешь — сотни опечаток!
Стихи — такая пустота;
Слова без смысла, чувства нету,
Натянут каждый оборот;
Притом — сказать ли по секрету?

И в рифмах часто недочет.
Возьмешь ли прозу? — перевод.
А если вам и попадутся
Рассказы на родимый лад —
То, верно, над Москвой смеются
Или чиновников бранят.
С кого они портреты пишут?
Где разговоры эти слышат?
А если и случалось им,
Так мы их слышать не хотим...
Когда же на Руси бесплодной,
Расставшись с ложной мишурой,
Мысль обретет язык простой
И страсти голос благородный?

Журналист

Я точно то же говорю.
Как вы, открыто негодуя,

*На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.*

Читатель

*Читал я. Мелкие нападки
На шрифт, виньетки, опечатки,
Намеки тонкие на то,
Чего не ведает никто.
Хотя б забавно было свету!..
В чернилах ваших, господа,
И желчи едкой даже нету —
А просто грязная вода.*

Журналист

*И с этим надо согласиться.
Но верьте мне, душевно рад
Я был бы вовсе не браниться —
Да как же быть?.. меня бранят!
Войдите в наше положенье!
Читает нас и низший круг:
Нагая резкость выраженья
Не всякий оскорбляет слух;
Приличье, вкус — все так условно;
А деньги все ведь платят ровно!
Поверьте мне: судьбою несть
Даны нам тяжкие вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этот вздор, все эти книги, —*

*И все зачем? — чтоб вам сказать,
Что их не надобно читать!..*

Читатель

*Зато какое наслажденье,
Как отдыхает ум и грудь,
Коль попадется как-нибудь
Живое, свежее творенье!
Вот, например, приятель мой:
Владеет он изрядным слогом,
И чувств и мыслей полнотой
Он одарен всевышним богом.*

Журналист

*Все это так, да вот беда:
Не пишут эти господа.*

Писатель

*О чем писать?.. Бывает время,
Когда забот спадает бремя,
Дни вдохновенного труда,
Когда и ум и сердце полны,
И рифмы дружные, как волны,
Журча, одна вослед другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва:
На мысли, дышащие силой,*

Как жемчуг нижутся слова...
Тогда с отвагою свободной
Поэт на будущность глядит,
И мир мечтою благородной
Пред ним очищен и обмыт.
Но эти Странные творенья
Читает дома он один,
И ими после без зазренья
Он затопляет свой камин.
Ужель ребяческие чувства,
Воздушный, безотчетный бред
Достойны строгого искусства?
Их осмеет, забудет свет...

Бывают тягостные ночи:
Без сна, горят и плачут очи,
На сердце — жадная тоска;
Дрожь, холодная рука
Подушку жаркую объемлет;
Невольный страх власы подъем-
лет;
Болезненный, безумный крик
Из груди рвется — и язык
Лепечет громко без сознанья
Давно забытые названья;
Давно забытые черты
В сиянье прежней красоты
Рисует память своевольно:

В очах любовь, в устах обман —
И веришь снова им невольно,
И как-то весело и больно
Тревожить язвы старых ран...
Тогда пишу. Диктует совесть,
Пером сердитый водит ум:
То соблазнительная повесть
Сокрытых дел и тайных дум;
Картины хладные разврата,
Преданья глупых юных дней,
Давно без пользы и возврата
Погибших в омуте страстей,
Средь битв незримых, но упорных,
Среди обманщиц и невежд,
Среди сомнений ложно-черных
И ложно-радужных надежд.
Судья безвестный и случайный,
Не дорожа чужою тайной,
Приличьем скрашенный порок
Я смело предаю позору;
Неумолим я и жесток...
Но, право, этих горьких строк
Неприготовленному взору
Я не решуся показать...
Скажите ж мне, о чем писать?..

К чему толпы неблагодарной
Мне злость и ненависть навлечь,

Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?
Чтоб тайный яд страницы зной-
ной
Смутил ребенка сон покойный
И сердце слабое увлек
В свой необузданный поток?
О нет! преступною мечтою
Не ослепляя мысль мою,
Такой тяжелою ценою
Я вашей славы не куплю.

1840

Пленный рыцарь

Молча сижу под окошком темни-
цы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют все вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и
стыдно.

Нет на устах моих грешной мо-
литвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные бит-
вы,
Меч мой тяжелый да панцирь же-

лезный.

В каменный панцирь я ныне зако-
ван,
Каменный шлем мою голову да-
вит,
Щит мой от стрел и меча закол-
дован,
Конь мой бежит, и никто им не
правит.

Быстрое время — мой конь неиз-
менный,
Шлема забрало — решетка бой-
ницы,
Каменный панцирь — высокие
стены,
Щит мой — чугунные двери тем-
ницы.

Мчись же быстрее, летучее вре-
мя!
Душно под новой броней мне ста-
ло!
Смерть, как приедем, поддержит
мне стремя;
Слезу и сдерну с лица я забрало.

<М. П. Соломирской>

(«Над бездной адскою блуждая...»)

{142}

*Над бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читает на воротах рая
Узоры надписи святой.*

*И часто тайную отраду
Находит муке неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.*

*Так, разбирая в заточенье
Досель мне чуждые черты,
Я был свободен на мгновенье
Могучей волею мечты.*

*Залогом вольности желанной,
Лучом надежды в море бед
Мне стал тогда ваш безымянный,
Но вечно памятный привет.*

Отчего

{143}

*Мне грустно, потому что я тебя
люблю,
И знаю: молодость цветущую
твою
Не пощадит молвы коварное гоне-
нье.
За каждый светлый день иль
сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты
судьбе.
Мне грустно... потому что весело
тебе.*

1840

Благодарность

(«За все, за все тебя благодарю я...»)

{144}

*За все, за все тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пу-
стыне,
За все, чем я обманут в жизни
был...
Устрой лишь так, чтобы тебя
отныне
Недолго я еще благодарил.*

1840

Ребенку

(«О грезах юности томим
воспоминаньем...»)

{145}

*О грезах юности томим воспоминаньем,
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если б знало ты, как я тебя люблю!
Как милы мне твои улыбки молодые,
И быстрые глаза, и кудри золотые,
И звонкий голосок! — Не правда ль, говорят,
Ты на нее похож? — Увы! года летят;
Страдания ее до срока изменили,
Но верные мечты тот образ сохранили
В груди моей; тот взор, исполненный огня,*

Всегда со мной. А ты, ты любишь
ли меня?
Не скучны ли тебе непрошенные
ласки?
Не слишком часто ль я твои це-
лую глазки?
Слеза моя ланит твоих не обо-
жгла ль?
Смотри ж, не говори ни про мою
печаль,
Ни вовсе обо мне... К чему? Ее,
быть может,
Ребяческий рассказ рассердит иль
встревожит...

Но мне ты все поверь. Когда в ве-
черний час,
Пред образом с тобой заботливо
склонясь,
Молитву детскую она тебе шеп-
тала,
И в знаменье креста персты твои
сжимала,
И все знакомые родные имена
Ты повторял за ней, — скажи, те-
бя она
Ни за кого еще молиться не учи-
ла?

Бледная, может быть, она произ-
носила
Название, теперь забытое то-
бой...
Не вспоминай его... Что имя? —
звук пустой!
Дай бог, чтоб для тебя оно оста-
лось тайной.
Но если как-нибудь, когда-нибудь,
случайно
Узнаешь ты его — ребяческие дни
Ты вспомни, и его, дитя, не про-
кляни!

1840

А. О. Смирновой

(«Без вас хочу сказать вам много...»)

{146}

Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу;
Но молча вы смотрите строго,
И я в смущении молчу.
Что ж делать?.. Речью неискус-
ной
Занять ваш ум мне не дано...
Все это было бы смешно,

Когда бы не было так грустно...

1840

К портрету

(«Как мальчик кудрявый, резва...»)

{147}

*Как мальчик кудрявый, резва,
Нарядна, как бабочка летом;
Значенья пустого слова
В устах ее полны приветом.*

*Ей нравится долго нельзя:
Как цепь ей несносна привычка,
Она ускользнет, как змея,
Порхнет и умчится, как птичка.*

*Таит молодое чело
По воле — и радость и горе.
В глазах — как на небе светло,
В душе ее темно, как в море!*

*То истиной дышит в ней все,
То все в ней притворно и ложно!
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.*

Тучи

{148}

Тучки небесные, вечные странники!

Степью лазурною, цепью жемчужною

Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,

С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?

Зависть ли тайная? злоба ль открытая?

Или на вас тяготит преступление?

Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...

Чужды вам страсти и чужды страдания;

*Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгна-*

1840

<Валерик>

(«Я к вам пишу случайно; право...»)

{149}

*Я к вам пишу случайно; право,
Не знаю как и для чего.
Я потерял уж это право.
И что скажу вам? — ничего!
Что помню вас? — но, боже пра-
вый,
Вы это знаете давно;
И вам, конечно, все равно.*

*И знать вам также нету нужды,
Где я? что я? в какой глуши?
Душою мы друг другу чужды,
Да вряд ли есть родство души.
Страницы прошлого читая,
Их по порядку разбирая
Теперь остынувшим умом,
Разуверяюсь я во всем.
Смешно же сердцем лицемерить
Перед собою столько лет;
Добро б еще морочить свет!*

Да и притом, что пользы верить
Тому, чего уж больше нет?..
Безумно ждать любви заочной?
В наш век все чувства лишь на
срок;
Но я вас помню — да и точно,
Я вас никак забыть не мог!

Во-первых, потому, что много
И долго, долго вас любил,
Потом страданьем и тревогой
За дни блаженства заплатил;
Потом в раскаянье бесплодном
Влачил я цепь тяжелых лет
И размышлением холодным
Убил последний жизни цвет.
С людьми сближаясь осторожно,
Забыл я шум молодых проказ,
Любовь, поэзию, — но вас
Забыть мне было невозможно.

И к мысли этой я привык,
Мой крест несу я без роптанья:
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постиг;
Судьбе, как турок иль татарин,
За все я ровно благодарен;
У бога счастья не прошу

И молча злотереношу.
Быть может, небеса Востока
Меня с ученьем их пророка
Невольно сблизили. Притом
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы ночь и днем,
Все, размышлению мешая,
Приводит в первобытный вид
Больную душу: сердце спит,
Простора нет воображенью...
И нет работы голове...
Зато лежишь в густой траве
И дремлешь под широкой тенью
Чинар иль виноградных лоз,
Кругом белеются палатки;
Казачьи тощие лошадки
Стоят рядком, повеся нос;
У медных пушек спит прислуга.
Едва дымятся фитили;
Попарно цепь стоит вдали;
Штыки горят под солнцем юга.
Вот разговор о старине
В палатке ближней слышен мне;
Как при Ермолове ходили
В Чечню, в Аварию, к горам;
Как там дрались, как мы их били,
Как доставалось и нам;

И вижу я неподалеку
У речки, следуя пророку,
Мирной татарин свой намаз
Творит, не подымая глаз;
А вот кружком сидят другие.
Люблю я цвет их желтых лиц,
Подобный цвету ноговиц,
Их шапки, рукава худые,
Их темный и лукавый взор
И их гортанный разговор.
Чу — дальний выстрел! Прожуж-

жала
Шальная пуля... славный звук...
Вот крик — и снова все вокруг
Затихло... Но жара уж спала,
Ведут коней на водопой,
Зашевелилася пехота;
Вот проскакал один, другой!
Шум, говор. Где вторая рота?
Что, вьючить? — что же капи-
тан?

Повозки выдвигайте живо!
«Савельич!» — «Ой ли!» — «Дай ог-
ниво!»

Подъем ударил барабан —
Гудит музыка полковая;
Между колоннами въезжая,
Звенят орудья. Генерал

Вперед со свитой поскакал...
Рассыпались в широком поле,
Как пчелы, с гиком казаки;
Уж показались значки
Там на опушке — два, и боле.
А вот в чалме один мюрид
В черкеске красной ездит важно,
Конь светло-серый весь кипит,
Он машет, кличет — где отваж-
ный?
Кто выдет с ним на смертный
бой!..
Сейчас, смотрите: в шапке чер-
ной
Казак пустился гребенской;
Винтовку выхватил проворно,
Уж близко... выстрел... легкий
дым...
Эй вы, станичники, за ним...
Что? ранен!.. — Ничего, бездел-
ка... —
И завязалась перестрелка...

Но в этих сшибках удалых
Забавы много, толку мало;
Прохладным вечером, бывало,
Мы любовались на них
Без кровожадного волненья,

*Как на трагический балет;
Зато видал я представленья,
Каких у вас на сцене нет...*

*Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес;
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес.
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов.
Над допотопными лесами
Мелькали маяки кругом;
И дым их то вился столпом,
То расстилался облаками;
И оживились леса;
Скликались дико голоса
Под их зелеными шатрами.
Едва лишь выбрался обоз В поля-
ну, дело началось;
Чу! в арьергард орудья просят;
Вот ружья из кустов <вы>носят,
Вот тащат за ноги людей
И кличут громко лекарей;
А вот и слева, из опушки,
Вдруг с гиком кинулись на пушки;
И градом пуль с вершин деревьев*

Отряд осыпан. Впереди же
Все тихо — там между кустов
Бежал поток. Подходим ближе.
Пустили несколько гранат;
Еще подвинулись; молчат;
Но вот над бревнами завала
Ружье как будто заблестало;
Потом мелькнуло шапки две;
И вновь все спряталось в траве.

То было грозное молчанье,
Недолго длилось оно,
Но <в> этом странном ожиданье
Забилось сердце не одно.
Вдруг залп... глядим: лежат ряда-
ми,
Что нужды? здешние полки
Народ испытанный... «В штыки,
Дружнее!» — раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди...
Верхом помчался на завалы
Кто не успел прыгнуть с коня...
«Ура!» — и смолкло. «Вон кинжа-
лы,
В приклады!» — и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко,

Как звери, молча, с грудью грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть...
(И зной и битва утомили
Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна.

На берегу, под тенью дуба,
Пройдя завалов первый ряд,
Стоял кружок. Один солдат
Был на коленях; мрачно, грубо
Казалось выраженье лиц,
Но слезы капали с ресниц,
Покрытых пылью... на шинели,
Спиною к дереву, лежал
Их капитан. Он умирал;
В груди его едва чернели
Две ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась. Но высоко грудь
И трудно подымалась, взоры
Бродили страшно, он шептал...
«Спасите, братцы. Тащат в горы.
Постойте — ранен генерал...
Не слышат...» Долго он стонал,
Но все слабей, и понемногу
Затих и душу отдал богу;

На ружья опершись, кругом

Стояли усачи седые...
И тихо плакали... потом
Его остатки боевые
Накрыли бережно плащом
И понесли. Тоской томимый,
Им вслед смотрел <я> недвижимо-
мый.

Меж тем товарищей, друзей
Со вздохом возле называли;
Но не нашел в душе моей
Я сожаленья, ни печали.
Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымной по камням,
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал
Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом.
А там, вдали, грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы — и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: «Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,

Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?»
Галуб прервал мое мечтанье,
Ударив по плечу; он был
Кунак мой; я его спросил,
Как месту этому названье?
Он отвечал мне: «Валерик^{150},
А перевесть на ваш язык,
Так будет речка смерти: верно,
Дано старинными людьми».
«А сколько их дралось примерно
Сегодня?» — «Тысяч до семи».
«А много горцы потеряли?»
«Как знать? — зачем вы не счита-
ли!»
«Да! будет, — кто-то тут сказал,
—

Им в память этот день крова-
вый!»
Чеченец посмотрел лукаво
И головою покачал.

Но я боюсь вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны;
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице

Следов заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда-нибудь видали,
Как умирают. Дай вам бог
И не видать: иных тревог
Довольно есть, В самозабвенье
Не лучше ль кончить жизни
путь?
И беспробудным сном заснуть
С мечтой о близком пробужде-
нье?

Теперь прощайте: если вас
Мой безыскусственный рассказ
Развеселит, займет хоть ма-
лость,
Я буду счастлив. А не так?
Простите мне его как шалость
И тихо молвите: чудак!..

Завещание («Наедине с тобою, брат...»)

{151}

*Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остается жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судь-
бой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.*

*А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навьлет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.*

*Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;*

*Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив.
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.*

*Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... все равно,
Ты расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалея;
Пускай она поплачет...
Ей ничего не значит!*

1840

Оправдание

*Когда одни воспоминанья
О заблуждениях страстей,
Наместо славного названья,
Твой друг оставит меж людей*

*И будет спать в земле безгласно
То сердце, где кипела кровь,
Где так безумно, так напрасно
С враждой боролася любовь,*

Когда пред общим приговором

Ты смолкнешь, голову склоня,
И будет для тебя позором
Любовь безгрешная твоя, —

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.

Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас иной
И что прощать святое право
Страданьем куплено тобой.

1841

Родина

{152}

Люблю отчизну я, но странною
любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные
преданья
Не шевелят во мне отрадного
мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю
сам —

Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю ска-
кать в телеге

И, взором медленным пронзая но-
чи тень,

Встречать по сторонам, вздыхая
о ночлеге,

Дрожащие огни печальных дере-
вень;

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз

И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,

Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;

И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов

На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Любовь мертвеца

{153}

Пускай холодною землею
Засыпан я,
О друг! всегда, везде с тобою
Душа моя.
Любви безумного томленья,
Жилец могил,
В стране покоя и забвенья
Я не забыл.

Без страха в час последней муки
Покинув свет,
Отрады ждал я от разлуки, —
Разлуки нет!
Я видел прелесть бестелесных
И тосковал.
Что образ твой в чертах небес-
ных
Не узнавал.

Что мне сиянье божьей власти!
И рай святой?
Я перенес земные страсти
Туда с собой!
Ласкаю я мечту родную

Везде одну;
Желаю, плачу и ревную,
Как в старину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит,
Душа моя в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль, шепчешь, засыпая,
Ты о другом,
Твои слова текут, пылая,
По мне огнем.

Ты не должна любить другого,
Нет, не должна!
Ты с мертвецом святыней слова
Обручена!
Увы! твой страх, твои моленья,
К чему оне?
Ты знаешь, мира и забвенья
Не надо мне.

«На севере диком стоит одиноко...»

{154}

*На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сы-
пучим
Одета, как ризой, она.*

*И снится ей все, что в пустыне
далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.*

1841

Последнее новоселье

{155}

*Меж тем как Франция, среди рукоплесканий
И кликов радостных, встречает
хладный прах
Погибшего давно среди немых
страданий
В изгнанье мрачном и цепях;
Меж тем как мир услужливой
хвалою
Венчает позднего раскаянья по-
рыв
И вздорная толпа, довольная со-
бою,
Гордится, прошлое забыв, —
Негодование и чувству дав свобо-
ду,
Поняв тщеславие сих праздни-
чных забот,
Мне хочется сказать великому
народу:
Ты жалкий и пустой народ!
Ты жалок потому, что вера, сла-
ва, гений,
Все, все великое, священное земли,*

С насмешкой глупою ребяческих
сомнений
Тобой растоптано в пыли.
Из славы сделал ты игрушку лице-
мерья,
Из вольности — орудье палача,
И все заветные отцовские поверья
Ты им рубил, рубил сплеча, —
Ты погибал... и **ОН** явился, с стро-
гим взором,
Отмеченный божественным пер-
стом,
И признан за вождя всеобщим
приговором,
И ваша жизнь слилася в нем, —
И вы окрепли вновь в тени его дер-
жавы,
И мир трепещущий в безмолвии
взирал
На ризу чудную могущества и сла-
вы,
Которой вас он одевал.
Один, — он был везде, холодный,
неизменный,
Отец седых дружин, любимый
сын молвы,
В степях египетских, у стен по-
корной Вены,

В снегах пылающей Москвы!

*А вы что делали, скажите, в это
время,
Когда в полях чужих он гордо по-
гибал?
Вы потрясали власть избранную,
как бремя,
Точили в темноте кинжал!
Среди последних битв, отчаянных
усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина, ему вы изменили
И, как рабы, вы предали его!
Лишенный прав и места гражда-
нина,
Разбитый свой венец он снял и
бросил сам,
И вам оставил он в залог родного
сына —
Вы сына выдали врагам!
Тогда, отяготив позорными цепя-
ми,
Героя увезли от плачущих дру-
жин,
И на чужой скале, за синими мо-
рями,
Забытый, он угас один —*

Один, — замучен мщением бесплодным,
Безмолвною и гордою тоской —
И как простой солдат в плаще
своем походном
Зарыт наемною рукой.

* * *

Но годы протекли, и ветреное
племя
Кричит: «Подайте нам священ-
ный этот прах!
Он наш; его теперь, великой жат-
вы семя,
Зароем мы в спасенных им сте-
нах!»
И возвратился он на родину;
безумно,
Как прежде, вокруг него теснятся
и бегут
И в пышный гроб, среди столицы
шумной,
Остатки тленные кладут.
Желанье позднее увенчано успе-
хом!
И краткий свой восторг сменив
уже другим,
Гуляя, топчет их с самодоволь-

ным смехом
Толпа, дрожавшая пред ним.

* * *

И грустно мне, когда подумаю,
что ныне
Нарушена святая тишина
Вокруг того, кто ждал в своей пу-
стыне
Так жадно, столько лет спокой-
ствия и сна!
И если дух вождя примчится на
свиданье
С гробницей новою, где прах его
лежит,
Какое в нем негодованье
При этом виде закипит!
Как будет он жалеть, печалию
томимый,
О знойном острове, под небом
дальних стран,
Где сторожил его, как он непобе-
димый,
Как он великий, океан!

**<Из альбома С. Н. Карамзиной>
(«Любил и я в былые годы...»)**

{156}

*Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.*

*Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг,
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.*

*Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор,*

*Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С<мирновой> штучку, фарсу Саши
И Ишки М<ятлева> стихи...*

<Графине Ростопчиной>
(«Я верю: под одной звездой...»)

{157}

*Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели благород-
ной
Оторван бурейю страстей,
Я позабыл в борьбе бесплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную верить...*

*Так две волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодом привычным,
Они несут брегам различным,
Без сожаленья и любви,*

Свой ропот сладостный и том-
ный,
Свой бурный шум, свой блеск за-
емный
И ласки вечные свои.

1841

Договор

{158}

Пускай толпа клеймит презре-
нием
Наш неразгаданный союз,
Пускай людским предубежденьем
Ты лишена семейных уз,

Но перед идолами света
Не гну колени я мои;
Как ты, не знаю в нем предмета
Ни сильной злобы, ни любви.

Как ты, кружусь в веселье шум-
ном,
Не отличая никого:
Делюся с умным и безумным,
Живу для сердца своего.

Земного счастья мы не ценим,

*Людей привыкли мы ценить;
Себе мы оба не изменим,
А нам не могут изменить.*

*В толпе друг друга мы узнали,
Сошлись и разойдемся вновь.
Была без радостей любовь,
Разлука будет без печали.*

1841

«Прощай, немытая Россия...»

{159}

*Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.
Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.*

1841

Утес

{160}

*Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;*

*Но остался влажный след в мор-
щине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.*

1841

Спор

{161}

*Как-то раз перед толпою
Соплеменных гор У Казбека с Шат-
горою[5]*

*Был великий спор.
«Берегись! — сказал Казбеку
Седовласый Шат, —
Покорился человеку
Ты не даром, брат!
Он настроит дымных келий
По уступам гор;
В глубине твоих ущелий
Загремит топор;
И железная лопата
В каменную грудь,
Добывая медь и золото,
Врежет страшный путь.
Уж проходят караваны
Через те скалы,
Где носились лишь туманы
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труден
Первый был скачок,
Берегися! многолюден
И могуч Восток!»*

«Не боюсь я Востока! —
Отвечал Казбек, —
Род людской там спит глубоко
Уж девятый век.
Посмотри: в тени чинары
Пену сладких вин
На узорные шальвары
Сонный льет грузин;
И, склонясь в дыму кальяна
На цветной диван,
У жемчужного фонтана
Дремлет Тегеран.
Вот у ног Ерусалима,
Богом сожжена,
Безглагольна, недвижима
Мертвая страна;
Дальше, вечно чуждый тени,
Моем желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.
Бедуин забыл наезды
Для цветных шатров
И поет, считая звезды,
Про дела отцов.
Все, что здесь доступно оку,
Спит, покой ценя...
Нет! не дряхлому Востоку
Покорить меня!»

«Не хвались еще заранее! —
Молвил старый Шаг, —
Вот на севере в тумане
Что-то видно, брат!»

Тайно был Казбек огромный
Вестью той смущен;
И, смутясь, на север темный
Взоры кинул он;
И туда в недоуменье
Смотрит, полный дум:
Видит странное движенье,
Слышит звон и шум.
От Урала до Дуная,
До большой реки,
Колыхаясь и сверкая,
Движутся полки;
Веют белые султаны,
Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батарей медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,

Фитили горят.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.
Идут все полки могучи,
Шумны, как поток,
Страшно-медленны, как тучи,
Прямо на восток.

И, томим зловещей думой,
Полный черных снов,
Стал считать Казбек угрюмый —
И не счел врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку[6] на брови надвинул —
И навек затих.

Сон

(«В полдневный жар в долине Дагестана...»)

{162}

В полдневный жар в долине Дагестана

С свинцом в груди лежал недвижим я;

Глубокая еще дымилась рана,

По капле кровь точилась моя.

Лежал один я на песке долины;

Уступы скал теснились кругом,

И солнце жгло их желтые вершины

И жгло меня — но спал я мертвым сном.

И снился мне сияющий огнями

Вечерний пир в родимой стороне.

Меж юных жен, увенчанных цветами,

Шел разговор веселый обо мне.

Но, в разговор веселый не вступая,

*Сидела там задумчиво одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена;*

*И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый труп лежал в долине
той;
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей стру-
ей.*

1841

**«Они любили друг друга так долго и
нежно...»**

*Sie liebten sich beide, doch keiner
Wollt'es dem andern gestehn.
Heine[7]*

{163}

*Они любили друг друга так долго
и нежно,
С тоской глубокой и страстью
безумно-мятежной!
Но, как враги, избегали признанья
и встречи,
И были пусты и хладны их крат-*

кие речи.

Они расстались в безмолвном и
гордом страданье,
И милый образ во сне лишь порою
видали.
И смерть пришла: наступило за
гробом свиданье...
Но в мире новом друг друга они не
узнали.

1841

Тамара

{164}

В глубокой теснине Дарьяла,
Где роется Терек во мгле,
Старинная башня стояла,
Чернея на черной скале.

В той башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна, как ангел небесный,
Как демон, коварна и зла.

И там сквозь туман полуночи
Блистал огонек золотой,
Кидался он путнику в очи,

Манил он на отдых ночной.

*И слышался голос Тамары:
Он весь был желанье и страсть,
В нем были всеильные чары,
Была непонятная власть.*

*На голос невидимой пери
Шел воин, купец и пастух;
Пред ним отворялися двери,
Встречал его мрачный евнух.*

*На мягкой пуховой постели,
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина.*

*Сплетались горячие руки,
Уста прилипали к устам,
И странные, дикие звуки
Всю ночь раздавалися там.*

*Как будто в ту башню пустую
Сто юношей пылких и жен
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну больших похорон.*

Но только что утра сиянье

Кидало свой луч по горам,
Мгновенно и мрак и молчанье
Опять воцарялися там.

Лишь Терек в теснине Дарьяла,
Гремя, нарушал тишину;
Волна на волну набегала,
Волна погоняла волну;

И с плачем безгласное тело
Спешили они унести;
В окне тогда что-то белело,
Звучало оттуда: прости.

И было так нежно прощанье,
Так сладко тот голос звучал,
Как будто восторги свиданья
И ласки любви обещал.

Свиданье

{165}

1

Уж за горой дремучею
Погас вечерний луч,
Едва струей гремучею
Сверкает жаркий ключ;
Сады благоуханием
Наполнились живым,
Тифлис объят молчанием,
В ущелье мгла и дым.
Летают сны-мучители
Над грешными людьми,
И ангелы-хранители
Беседуют с детьми.

2

Там за твердыней старою
На сумрачной горе
Под свежее чинарою
Лежу я на ковре.
Лежу один и думаю:
«Ужели не во сне
Свиданье в ночь угрюмую
Назначила ты мне?
И в этот час таинственный,

Но сладкий для любви,
Тебя, мой друг единственный,
Зовут мечты мои».

3

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горят,
И колокольни черные,
Как сторожи, стоят;
И поступью несмелою
Из бань со всех сторон
Выходят цепью белою
Четы грузинских жен;
Вот улицей пустынною
Бредут, едва скользя...
Но под чадрую длинною
Тебя узнать нельзя!..

4

Твой домик с крышей гладкою
Мне виден вдалеке;
Крыльцо с ступенью шаткою
Купается в реке;
Среди прохлады, веющей
Над синею Курой,
Он сетью зеленеющей
Опутан плющевой;
За тополью высокою

Я вижу там окно...
Но свечкой одинокою
Не светится оно!

5

Я жду. В недоумении
Напрасно бродит взор:
Кинжалом в нетерпении
Изрезал я ковер;
Я жду с тоской бесплодною,
Мне грустно, тяжело...
Вот сыростью холодною
С востока понесло,
Краснеют за туманами
Седых вершин зубцы.
Выходят с караванами
Из города купцы...

6

Прочь, прочь, слеза позорная,
Кипи, душа моя!
Твоя измена черная
Понятна мне, змея!
Я знаю, чем утешенный
По звонкой мостовой
Вчера скакал как бешеный
Татарин молодой.
Недаром он красуется

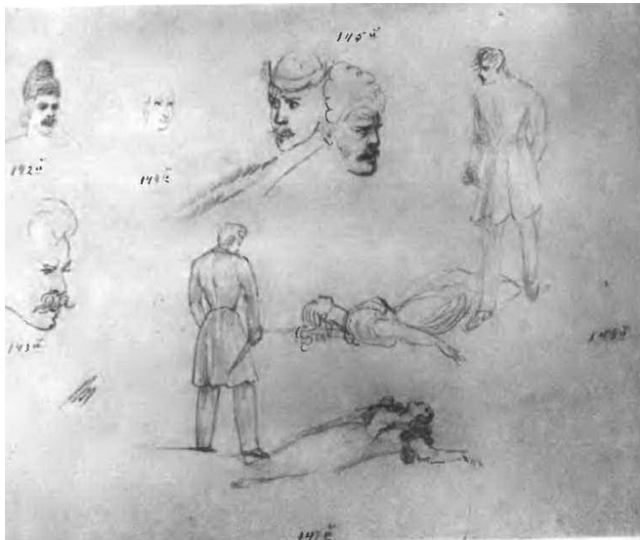
*Перед твоим окном
И твой отец любит
Персидским жеребцом.*

7

*Возьму винтовку длинную,
Пойду я из ворот:
Там под скалой пустынною
Есть узкий поворот.
До полдня за могильною
Часовней подожду
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я лег между камней;
Чу! близкий топот слышится...
А! это ты, злодей!*

1841

*Мужские профили и сцена убийства.
Наброски*

Листок

{166}

*Дубовый листок оторвался от
ветки родимой
И в степь укатился, жестокою
бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и*

горя
И вот, наконец, докатился до
Черного моря.

У Черного моря чинара стоит мо-
лодая;
С ней шепчется ветер, зеленые
ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются рай-
ские птицы;
Поют они песни про славу мор-
ской царь-девицы.

И странник прижался у корня чи-
нары высокой;
Приюта на время он молит с
тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный ли-
сточек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчиз-
не суровой.

Один и без цели по свету ношуся
давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и
покоя.
Прими же пришельца меж ли-
стьев своих изумрудных,

Немало я знаю рассказов мудре-
ных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает
младая чинара, —
Ты пылен и желт, — и сынам мо-
им свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне
твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и
райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! те-
бя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для
него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь
на просторе,
И корни мои умывает холодное
море».

«Нет, не тебя так пылко я люблю...»

{167}

1

*Нет, не тебя так пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блиста-
нье:*

*Люблю в тебе я прошлое страда-
нье*

И молодость погибшую мою.

2

*Когда порой я на тебя смотрю,
В твои глаза вникая долгим взо-
ром:*

*Таинственным я занят разгово-
ром,*

Но не с тобой я сердцем говорю.

3

*Я говорю с подругой юных дней,
В твоих чертах ищу черты дру-
гие,*

*В устах живых уста давно немые,
В глазах огонь угаснувших очей.*

«Выхожу один я на дорогу...»

{168}

1

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь
блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет бо-
гу,
И звезда с звездою говорит.*

2

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так
трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?*

3

*Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!*

4

Но не тем холодным сном моги-

лы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни си-
лы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо
грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух
лелея,
Про любовь мне сладкий голос
пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

1841

Морская царевна

{169}

*В море царевич купает коня;
Слышит: «Царевич! взгляни на
меня!»*

*Фыркает конь и ушами прядет,
Брызжет и плещет и дале плывет.*

*Слышит царевич: «Я царская дочь!
Хочешь провести ты с царевною
ночь?»*

*Вот показалась рука из воды,
Ловит за кисти шелковой узды.*

*Вышла младая потом голова,
В косу вплелась морская трава.*

*Синие очи любовью горят;
Брызги на шее, как жемчуг, дрожат.*

*Мыслит царевич: «Добро же! по-
стой!»*

За косу ловко схватил он рукой.

*Держит, рука боевая сильна:
Плачет и молит и бьется она.*

*К берегу витязь отважно плывет;
Выплыл; товарищей громко зо-
вет:*

*«Эй, вы! сходитесь, лихие друзья!
Гляньте, как бьется добыча
моя...»*

*Что ж вы стоите смущенной
толпой?
Али красы не видали такой?»*

*Вот оглянулся царевич назад:
Ахнул! померк торжествующий
взгляд.*

*Видит, лежит на песке золотом
Чудо морское с зеленым хвостом;*

*Хвост чешуею змеиной покрыт,
Весь замирая, свиваясь, дрожит;*

Пена струями сбегает с чела,

Очи одела смертельная мгла.

*Бледные руки хватают песок;
Шепчут уста непонятный упрек...*

*Едет царевич задумчиво прочь.
Будет он помнить про царскую
дочь!*

1841

Пророк

{170}

*С тех пор, как вечный судия
Мне дал всеведенье пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.*

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камни.*

*Посыпал пеплом я главу,
Из городов бежал я нищий,
И вот в пустыне я живу,
Как птицы, даром божьей пищи;*

Завет предвечного храня,
Мне тварь покорна там земная;
И звезды слушают меня,
Лучами радостно играя.

Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вот пример для вас!
Он горд был, не ужился с нами:
Глупец, хотел уверить нас,
Что бог гласит его устами!

Смотрите ж, дети, на него:
Как он угрюм, и худ, и бледен!
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его!»

Стихотворения неизвестных лет

Крест на скале

{171}

*В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному
орлу,
Но крест деревянный чернеет над
ней,
Гниет он и гнется от бурь и до-
ждей.*

*И много уж лет протекло без сле-
дов
С тех пор, как он виден с далеких
холмов,
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить об-
лака.*

*О, если б взойти удалось мне ту-
да,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурей братом назвался бы я!*

«Никто моим словам не внимлет... я

ОДИН...»

{172}

*Никто моим словам не внимает... я один.
День гаснет... красными рисуясь
полосами,
На запад уклонились тучи, и ка-
мин
Трещит передо мной. Я полон весь
мечтами
О будущем... и дни мои толпой
Однообразною проходят передо
мной,
И тщетно я ищу смущенными
очами
Меж них хоть день один, отме-
ченный судьбой!*

«Мое грядущее в тумане...»

{173}

*Мое грядущее в тумане,
Былое полно мук и зла...
Зачем не позже иль не ране
Меня природа создала?*

*К чему творец меня готовил,
Зачем так грозно прекословил*

Надеждам юности моей?..
Добра и зла он дал мне чашу,
Сказав: я жизнь твою украшу,
Ты будешь славен меж людей!..

И я словам его поверил,
И, полный волею страстей,
Я будущность свою измерил
Обширностью души своей;
С святыней зло во мне боролось,
Я удушил святыни голос,
Из сердца слезы выжал я;
Как юный плод, лишенный сока,
Оно увяло в бурях рока
Под знойным солнцем бытия.

Тогда для поприща готовый,
Я дерзко вник в сердца людей
Сквозь непонятные покровы
Приличий светских и страстей.

**«Из-под таинственной, холодной
полумаски...»**

Из-под таинственной, холодной
полумаски
Звучал мне голос твой отрадный,
как мечта,
Светили мне твои пленительные

глазки
И улыбались лукавые уста.

Сквозь дымку легкую заметил я
невольню
И девственных ланит и шеи белизну.
Счастливец! видел я и локон своевольный,
Родных кудрей покинувший волну!..

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою;
И с той поры бесплотное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю.

И все мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слыхал когда-то я;
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья.

«Не плачь, не плачь, мое дитя...»

*Не плачь, не плачь, мое дитя,
Не стоит он безумной муки.
Верь, он ласкал тебя шутя,
Верь, он любил тебя от скуки!
И мало ль в Грузии у нас
Прекрасных юношей найдется?
Быстрее огонь их черных глаз,
И черный ус их лучше вьется!*

*Из дальней, чуждой стороны
Он к нам заброшен был судьбою;
Он ищет славы и войны, —
И что ж он мог найти с тобою?
Тебя он золотом дарил,
Клялся, что вечно не изменит,
Он ласки дорого ценил —
Но слез твоих он не оценит!*

<К Н. И. Бухарову>

(«Мы ждем тебя, спеши, Бухаров...»)

*Мы ждем тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьев,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов.
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья,*

Нам мил и ус твой серебристый,
И трубка плоская твоя.
Нам дорога твоя отвага,
Огнем душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

«Ты помнишь ли, как мы с тобою...»

{175}

Ты помнишь ли, как мы с тобою
Прощались позднею порою?
Вечерний выстрел загремел,
И мы с волнением внимали...
Тогда лучи уж догорали,
И на море туман густел;
Удар с усилием промчался
И вдруг за бездною скончался.

Окончив труд дневных работ,
Я часто о тебе мечтаю,
Бродя вблизи пустынных вод,
Вечерним выстрелам внимаю,
И между тем как чередой
Глушит волнами их седыми,

*Я плачу, я томим тоской,
Я умереть желаю с ними...*

Поэмы

Последний сын вольности Повесть

Посвящается (Н. С. Шеншину)^{176}

{177}

1

*Бывало, для забавы я писал,
Тревожимый младенческой меч-
той;*

*Бывало, я любовью страдал,
И, с бурною пылающей душой,
Я в ветреных стихах изображал
Таинственных видений милый
рой.*

*Но дни надежд ко мне не придут
вновь,
Но изменила первая любовь!..*

2

*И я один, один был брошен в свет,
Искал друзей — и не нашел людей;
Но ты явился: нежный твой при-
вет*

Завязку снял с обманутых очей.
Прими ж, товарищ, дружеский
обет,
Прими же песню родины моей,
Хоть эта песнь, быть может,
милый друг, —
Оборванной струны последний
звук!..

*When shall such hero live again?
The Giaour. Byron.[8]*

Приходит осень, золотит
Венцы дубов. Трава полей
От продолжительных дождей
К земле прижалась; и бежит
Ловец напрасно по холмам:
Ему не встретит зверя там.
А если даже он найдет,
То ветер стрелы разнесет.
На льдинах ветер тот рожден,
Порывисто качает он
Сухой шиповник на берегах
Ильменя. В сизых облаках
Станицы белых журавлей
Летят на юг до лучших дней;
И чайки озера кричат
Им вслед, и вьются над водой,

И звезды ночью не блестят,
Одетые сырою мглой.

Приходит осень! Уж стада
Бегут в гостеприимну сень;
Краснея догорает день
В тумане. Пусть он никогда
Не озарит лучом своим
Густой новгородский дым,
Пусть не надуется вовек
Дыханьем теплым ветерка
Летучий парус рыбака
Над волнами славянских рек!
Увы! Пред властью чуждой
Склонилась гордая страна,
И песня вольности святой
(Какая б ни была она)
Уже забвенью предана.
Свершилось! Дерзостный варяг
Богов славянских победил;
Один неосторожный шаг
Свободный край поработил!
Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнанье дальном и глухом,
Как вольность пробудить опять;

Отчизны верные сыны
Еще надеждою полны:
Так, меж грядями темных туч,
Сквозь слезы бури, солнца луч
Увеселяет утром взор
И золотит туманы гор.

На небо дым валит столбом!
Откуда он? Там, где шумит
Поток сердитый, над холмом,
Треща, большой огонь горит,
Пестреет частый лес кругом.
На волчьих кожах, без щитов,
Сидят недвижно у огня,
Молчанье мрачное храня,
Как тени грусти, семь бойцов:
Шесть юношей, — один старик.
Они славяне! — бранный клик
Своих дружин им не слышать,
И долго, долго не видать
Им милых ближних... но они
Простились с озером родным,
Чтоб не промчались их дни
Под самовластием чужим,
Чтоб не склоняться вечно в прах,
Чтоб тени предков, из земли
Восстав, с упрёком на устах,
Тревожить сон их не пришли!..

О! Если б только Чернобог
Удару мщения помог!..
Не равная была борьба...
И вот война! И вот судьба!..

«Зачем я меч свой вынимал,
И душу веселила кровь? —
Один из юношей сказал. —
Победы мы не встретим вновь,
И наши имена покрыть
Должно забвенье, может быть;
И несвершенный подвиг наш
Изгладится в умах людей:
Так недостроенный шалаш
Разносит буйный вихрь степей!»
«О! Горе нам, — сказал другой, —
Велик, ужасен гнев богов!
Но пусть и на главу врагов
Спадет он гибельной звездой,
Пусть в битве страх обьмет их,
Пускай падут от стрел своих!»

Так говорили меж собой
Изгнанники. Вот встал один...
С руками, сжатыми крестом,
И с бледным пасмурным челом,
На мглу волнистую долин
Он посмотрел, и наконец

Так молвил старику боец:
«Подобно ласке женских рук,
Смягчает горе песни звук,
Так спой же, добрый Ингелот,
О чем-нибудь! О чем-нибудь
Ты спой, чтоб облегчилась грудь,
Которую тоска гнетет.
Пой для других! Моя же месть
Их детской жалобы сильней:
Что было, будет и что есть,
Все упадает перед ней!»
«Вадим! — старик ему в ответ, —
Зачем не для тебя?.. Иль нет!
Не надо! Что ты вверил мне,
Уснет в сердечной глубине!
Другую песню я спою:
Садись и слушай песнь мою!»

И в белых кудрях старика
Играли крылья ветерка,
И вдохновенный взор блеснул,
И песня громко раздалась.
Прерывисто она неслась,
Как битвы отдаленный гул.
Поток, вблизи холма катясь,
Срывая мох с камней и пней,
Согласовал свой ропот с ней,
И даже призраки бойцов,

*Склоняясь из дымных облаков,
Внимали с высоты порой
Сей песни дикой и простой!*

Песнь Ингелота

1

*Собрались люди мудрые
Вкруг постели Гостомысловой.
Смерть над ним летает коршу-
ном!
Но, махнувши слабою рукой,
Говорит он речь друзьям своим:*

2

*«Ах, вы люди новгородские!
Между вас змея-раздор шипит.
Призовите князя чуждого,
Чтоб владел он краем родины!» —
Так сказал и умер Гостомысл.*

3

*Кривичи, славяне, весь и чудь
Шлют послов за море синее,
Чтобы звать князей варяжских
стран.
«Край наш славен — но порядка
нет!» —
Говорят послы князьям чужим.*

4

Рурик, Трувор и Синав клялись
Не вести дружины за собой;
Но с зарей блеснуло множество
Острых копий, белых парусов
Сквозь синеющий туман мор-
ской!..

5

Обманулись вы, сыны славян!
Чей белеет стан под городом?
Завтра, завтра дерзостный варяг
Будет князем Новагорода,
Завтра будете рабами вы!..

6

Тридцать юношей собираются,
Мечь в душе, в глазах отчаянье...
Ночи мгла спустилась на холмы,
Полный месяц встал, и юноши
В спящий стан врагов являются!

7

На щиты склонясь, варяги спят,
Луч луны играет по кудрям.
Вот струею потекла их кровь,
Гибнет враг — но что за громкий

звук?

Чье копьё ударилось о щит?

8

И вскочили пробужденные,
Злоба в крике и движениях!

Долго защищались юноши.

Много пало... только шесть оста-
лось...

Мир костям убитых в поле том!

9

Княжит Рурик в Новегороде,

В диких дебрях бродят юноши;

С ними есть один старик седой —

Он поет о родине святой,

Он поет о милой вольности!

* * *

«Ужель мы только будем петь,

Иль с безнадежием немым

На стыд отечества глядеть,

Друзья мои? — спросил Вадим. —

Клянусь, великий Чернобог,

И в первый и в последний раз:

Не буду у варяжских ног.

Иль он, иль я: один из нас

Падет! В пример другим падет!..

Молва об нем из рода в род
Пускай передает рассказ;
Но до конца вражда!» — Сказал,
И на колена он упал,
И руки сжал, и поднял взор,
И страшно взгляд его блеснул,
И темно-красный метеор
Из тучи в тучу пролетел!

И встали, и пошли они
Пустынной узкою тропой.
Курился долго дым густой
На том холме, и долго пни
Трещали в медленном огне,
Маня беспечных пастухов,
Пугая кроликов и сов
И ласточек на вышине!..

Скользнув между вечерних туч,
На море лег кровавый луч;
И солнце пламенным щитом
Нисходит в свой подводный дом.
Одни варяжские струи,
Поднявши головы свои,
Любуясь на его закат,
Теснятся, шепчут и шумят;
И серна на крутой скале,
Чернея в отдаленной мгле,

Как дух недвижима, глядит
Туда, где небосклон горит.

Сегодня с этих берегов
В ладью ступило семь бойцов:
Один старик, шесть молодых!
Вадим отважный был меж них.
И белый парус понесло
Порывом ветра, и весло
Ударилось о синий вал.
И в той ладье Вадим стоял
Между изгнанников-друзей,
Подобный призраку морей!
Что думал он, о чем грустил,
Он даже старцу не открыл.
В прощальном, мутном взоре
том
Изобразилось то, о чем
Пересказать почти нельзя.
Так удалялася ладья,
Оставляя пены белый след;
Все мрачен в ней стоял Вадим;
Воспоминаньем прежних лет,
Быть может, витязь был то-
мим...
В какой далекий край они
Отправились, чего искать?
Кто может это рассказать?

Их нет. — Бегут толпою дни!..

*На вышине скалы крутой
Растет порой цветок молодой:
И в сердце грозного бойца
Любви есть место. До конца
Он верен чувству одному,
Как верен слову своему.
Вадим любил. Кто не любил?
Кто, вечно следуя уму,
Врожденный голос заглушил?
Как моря вид, как вид степей,
Любовь дика в стране моей...*

*Прекрасна Леда, как звезда
На небе утреннем. Она
Свежа, как южная весна,
И, как пустынный цвет, горда.
Как песня юности, жива,
Как птица вольности, резва,
Как воспоминание детей,
Мила и грустию своей
Младая Леда. И Вадим
Любил. Но был ли он любим?..
Нет! Равнодушной Леды взор
Презренья холод оковал:
Отвергнут витязь; но с тех пор
Он все любил, он все страдал.*

До униженья, до мольбы
Он не хотел себя склонить;
Мог презирать удар судьбы
И мог об нем не говорить.
Желал он на другой предмет
Излить огонь страстей своих;
Но память, слезы многих лет!..
Кто устоит противу них?
И рана, легкая сперва,
Была все глубже день со днем,
И утешения слова
Встречал он с пасмурным челом.
Свобода, мщенье и любовь —
Все вдруг в нем волновало кровь;
Старался часто Ингелот
Тревожить пыл его страстей
И полагал, что в них найдет
Он пользу родины своей.
Я не виню тебя, старик!
Ты славянин: суров и дик,
Но и под этой плененой
Ты воспитал огонь святой!..
Когда на челноке Вадим
Помчался по волнам морским,
То показал во взоре он
Души глубокую тоску,
Но ни один прощальный стон
Он не поверил ветерку,

И не единая слеза
Не отуманила глаза.
И он покинул край родной,
Где игры детства, как могли,
Ему веселье принесли
И где лукавою толпой
Его надежды обошли,
И в мире может только месть
Опять назад его привести!

* * *

Зима сребристой пеленой
Одела горы и луга.
Князь Рурик с силой боевой
Пошел недавно на врага.
Глубоки ранние снега;
На сучьях иней. Звучный лед
Сковал поверхность гладких вод.
Стадами волки по ночам
Подходят к тихим деревням;
Трещит мороз. Шумит метель:
Вершиною качает ель.
С полнеба день на степь глядит
И за туман уйти спешит,
И путник посреди полей
Неверный тщетно ищет путь;
Ему не зреть своих друзей,
Ему холодным сном заснуть,

И должен сгнить в чужих снегах
Его непогребенный прах!..

Откуда зарево блестит?
Не град враждебный ли горит?
Тот город Руриком зажжен.
Но скоро ль возвратится он
С богатой данью? Скоро ль меч
Князь вложит в мирные ножны?
И не пора ль ему пресечь
Зловещий, буйный клик войны?

Ночь. Темен зимний небосклон.
В Новгороде глубокий сон,
И все объято тишиной;
Лишь лай домашних псов порой
Набегом ветра принесен.
И только в хижине одной
Лучина поздняя горит;
И Леда перед ней сидит
Одна; немолчное давно
Прядет, гудёт веретено
В ее руке. Старуха мать
Над снегом вышла погадать.
И наконец она вошла:
Морщины бледного чела
И скорый, хитрый взгляд очей —
Все ужасом дышало в ней.

В движенъе судорожном рук
Видна душевная борьба.
Ужель бедой грозит судьба?
Ужели ряд жестоких мук
Искусством тайным эту ночь
В грядущем видела она?
Трепещет и не смеет дочь
Спросить. Волшебница мрачна,
Сама в себя погружена.
Пока петух не прокричал,
Старухи бред и чудный стон
Дремоту Леды прерывал,
И краткий сон был ей не в сон!..
И поутру перед окном
Приметили широкий круг,
И снег был весь истоптан в нем,
И долго в городе о том
Ходил тогда недобрый слух.

.....

.....

Шесть раз менялася луна;
Давно окончена война.
Князь Рурик и его вожди
Спокойно ждут, когда весна
Свое дыханье и дожди
Пошлет на белые снега,
Когда печальные луга
Покроют пестрые цветы,

Когда над озером кусты
Позеленеют, и струи
Заблещут пеной молодой,
И в роще Лады в час ночной
Затянут песню соловьи.
Тогда опять поднимут меч,
И кровь соседей станет течь,
И зарево, как метеор,
На тучах испугает взор.

Надеждою обольщена,
Вотще душа славян ждала
Возврата вольности: весна
Пришла, но вольность не пришла.
Их заговоры, их слова
Варяг-властитель презирал;
Все их законы, все права,
Казалось, он пренебрегал.
Своей дружиной окружен,
Перед народ являлся он;
Свои победы исчислял,
Лукавой речью убеждал!
Рука искусного льстеца
Играла глупою толпой;
И благородные сердца
Томились тайною тоской...

И праздник Лады настает:

Повсюду радость! Как весной
Из улья мчится шумный рой,
Так в рощу близкую народ
Из Новагорода идет.
Пришли. Из ветвей и цветов
Видны венки на головах,
И звучно песни в честь богов
Уж раздались на берегах
Ильменя синего. Любовь
Под тенью липовых ветвей
Скрывается от глаз людей.
С досадою, нахмуря бровь,
На игры юношей глядеть
Старик не смеет. Седина
Ему не запрещает петь
Про Диди-Ладо. Вот луна
Явилась, будто шар золотой,
Над рощей темной и густой;
Она была тиха, ясна,
Как сердце Леды в этот час...
Но отчего в четвертый раз
Князь Рурик, к липе прислонен,
С нее не сводит светлых глаз?
Какою думой занят он?
Зачем лишь этот хоровод
Его внимание влечет?..

Страшишь, невинная душа!

Страшился! Пылкий этот взор,
Желаньем, страстию дыша,
Тебя погубит; и позор
Подавит голову твою;
Страшишься, как гибели своей,
Чтобы не молвил он: «люблю!»
Опасен яд его речей.
Нет сожаленья у князей:
Их ненависть, как их любовь,
Беду вечною грозит;
Насытит первую лишь кровь,
Вторую лишь девичий стыд.

У закоптелого окна
Сидит волшебница одна
И ждет молоденькую дочь.
Но Леды нет. Как быть? Уж ночь;
Сияет в облаках луна!..
Толпа проходит за толпой
Перед окном. Недвижный взгляд
Старухи полон тишиной,
И беспокойства не горят
На ледяных ее чертах;
Но тайны чудной налегло
Клеймо на бледное чело,
И вид ее вселяет страх.
Она с луны не сводит глаз.
Бежит за часом скучный час!..

И вот у двери слышен стук,
И быстро Леда входит вдруг
И падает к ее ногам:
Власы катятся по плечам,
Испугом взор ее блестит.
«Погибла! — дева говорит, —
Он вырвал у меня любовь;
Блаженства не найду я вновь...
Проклятье на него! Злодей...
Наш князь!.. Мои мольбы, мой
стон
Презрительно отвергнул он!
О! Ты о мне хоть пожалей,
Мать! Мать!.. Убей меня!..
Убей!..»

«Закон судьбы несокрушим;
Мы все ничтожны перед ним», —
Старуха отвечает ей.
И встала бедная, и тих
Отчаянный казался взор,
И удалилась. И с тех пор
Не вылетал из уст младых
Печальный ропот иль укор.

Всегда с поникшей головой,
Стыдом томима и тоской,
На отуманенный Ильмень

Смотрела Леда целый день
С береговых высоких скал.
Никто ее не узнавал:
Надеждой не дышала грудь,
Улыбки гордой больше нет,
На щеки страшно и взглянуть:
Бледны, как утра первый свет.
Она увяла в цвете лет!..

С жестокой радостью детей
Смеются девушки над ней,
И мать сердито гонит прочь;
Она одна и день и ночь.
Так колос на поле пустом,
Забит неопытным жнецом,
Стоит под бурей одинок,
И буря гнет мой колосок!..

И раз в туманный, серый день
Пропала дева. Ночи тень
Прошла; еще заря пришла —
Но что ж? Заря не привела
Домой красавицу мою.
Никто не знал во всем краю,
Куда сокрылася она;
И смерть, как жизнь ее, темна!..

Жалели юноши об ней,

Проклятья тайные неслись
К властителю; ах! Не нашлись
В их душах чувства прежних дней,
Когда за отнятую честь
Мечом бойца платила месть.
Но на земле еще была
Одна рука, чтоб отомстить,
И было сердце, где убить
Любви чужбина не могла!..

Пока надежды слабой свет
Не вовсе тучами одет,
Пока невольная слеза
Еще пытается глаза
Коварной влагой омочить,
Пока мы можем позабыть
Хоть вполонину, хоть на миг
Измены, страсти лет былых,
Как мы любили в те года,
Как сердце билось тогда,
Пока мы можем как-нибудь
От страшной цели отвернуть
Не вовсе углубленный ум,
Как много ядовитых дум
Боятся потревожить нас! —
Но есть неизбежимый час...
И поздно или рано он
Разрушит жизни сладкий сон,

Завесу с прошлого стащит
И все в грядущем отравит;
Осветит бездну пустоты,
И нас (хоть будет тяжело)
Презреть заставит, нам на зло,
Правдоподобные мечты;
И с этих пор иной обман
Душевных не излечит ран!
Высокий дуб, краса холмов,
Перед явлением снегов
Роняет лист, но вновь весной
Покрыт короной листвою,
И, зеленея, в жаркий день
Прохладную он стелет тень,
И буря вокруг него шумит,
Но великана не свалит;
Когда же пламень громовой
Могучий корень опалит,
То листьев свежую толпой
Он не оденется вовек...
Ему подобен человек!..

* * *

Светает — побелел восход
И озарил вершины гор,
И стал синеть безмолвный бор.
На зеркало недвижных вод
Ложится тень от берегов;

И над болотом, меж кустов,
Огни блудящие спешат
Укрыться от дневных огней;
И птицы озера шумят
Между уютных камышей.
Летит в пустыню черный вран,
И в чашу кроется теперь
С каким-то страхом дикий зверь.
Грядой волнистою туман
Встает между зубчатых скал,
Куда никто не проникал,
Где камни темной пеленой
Уныло кроет мох сырой!..

Взошла заря — Зачем? Зачем?
Она одно осветит всем:
Она осветит бездну тьмы,
Где гибнем невозвратно мы;
Потери новые людей
Она лукаво озарит,
И сердце каждое лишит
Всех удовольствий прежних дней,
И сожаленья не возьмет,
И вспоминанья не уьет!..

Два путника лесной тропой
Идут под утреннюю мглой
К ущелиям славянских гор:

Заря их привлекает взор,
Играя меж ветвей густых
Берез и сосен вековых.
Один еще во цвете лет,
Другой, старик, и худ и сед.
На них одежды чуждых стран.
На младшем с стрелами колчан
И лук, и ржавчиной покрыт
Его шишак, и меч звенит
На нем, тяжелых мук бразды
И битв давнишние следы
Хранит его чело, но взгляд
И все движенья говорят,
Что не погас огонь святой
Под сей кольчугой боевой...
Их вид суров, и шаг их скор,
И полон грусти разговор:

«Прошу тебя, не уменьшай
Восторг души моей! Опять
Я здесь, опять родимый край
Сужден изгнанника принять;
Опять, как алая заря,
Надежда веселит меня;
И я увижу милый кров,
Где длился пир моих отцов,
Где я мечом играть любил,
Хоть меч был свыше детских сил.

Там вырос я, там защищал
Своих богов, свои права,
Там за свободу я бы пал,
Когда бы не твои слова.
Старик! Где ж замыслы твои?
Ты зрел ли, как легли в крови
Сыны свободные славян
На берегу далеких стран?
Чужой народ нам не помог,
Он принял правду за предлог,
Гостей врагами почитал.
Старик! Старик! Кто б отгадал,
Что прах друзей моих уснет
В земле безвестной и чужой,
Что под небесной синевой
Один Вадим да Ингелот
На сердце будут сохранять
Старинной вольности любовь,
Что им одним лишь увидать
Дано свою отчизну вновь?..
Но что ж?.. Быть может, наша
весть
Не извлечет слезы из глаз,
Которые увидят нас,
Быть может, праведную месть
Судьба обманет в третий раз!..
Так юный воин говорил,
И влажный взор его бродил

По диким соснам и камням
И по туманным небесам.
«Пусть так! — старик ему в от-
вет, —

Но через много, много лет
Все будет славиться Вадим;
И грозным именем твоим
Народы устрашат князей,
Как тенью вольности своей.
И скажут: он за милый край,
Не размышляя, пролил кровь,
Он презрел счастье и любовь...
Дивись ему — и подражай!»
С улыбкой горькою боец
Спешил от старца отвернуть
Свои глаза: младую грудь
Печаль давила, как свинец;
Он вспомнил о любви своей,
Невольно сердце потряслось,
И все волнение страстей
Из бледных уст бы излилось,
Когда бы не боялся он,
Что вместо речи только стон
Молчанье возмутит кругом;
И он, поникнувши челом,
Шаги приметно ускорял
И спутнику не отвечал.

Идут — и видят вдруг курган
Сквозь синий утренний туман;
Шиповник и репей кругом,
И что-то белое на нем
Недвижимо в траве лежит.
И дикий коршун тут сидит,
Как дух лесов, на пне большом —
То отлетит, то подлетит;
И вдруг, приметив меж дерев
Вдали нежданных пришлецов,
Он приподнялся на ногах,
Махнул крылом и полетел,
И, уменьшаясь в облаках,
Как лодка на море, чернел!..

На том холме в траве густой
Бездушный, хладный труп лежал,
Одетый белой пеленой;
Пустыни ветер ее срывал,
Кудрями длинными играл,
И даже не боялся дуть
На эту девственную грудь,
Которая была белей,
Была нежней и холодней,
Чем снег зимы. Закрытый взгляд
Жестокой смертью объят,
И несравненная рука
Уж посинела и жестка...

И к мертвой подошел Вадим...
Но что за перемена с ним? —
Затрясся, побледнел, упал...
И раздался меж ближних скал
Какой-то длинный крик иль
стон...
Похож был на последний он!
И кто бы крик сей услышал,
Наверно б сам в себе сказал,
Что сердца лучшая струна
В минуту эту порвана!..
О! Если бы одна любовь
В душе у витязя жила,
То он бы не очнулся вновь;
Но месть любовь превозмогла.
Он долго на земле лежал
И странные слова шептал,
И только мог понять старик,
Что то родной его язык.
И наконец страдалец встал.
«Не все ль я вынес? — он сказал, —
О, Ингелот! Любил ли ты?
Взгляни на бледные черты
Умершей Леды... посмотри...
Скажи... иль нет! Не говори...
Свершилось! Я на месть иду,
Я в мире ничего не жду:
Здесь я нашел, здесь погубил

Все, что искал, все, что любил!..»
И меч спешит он обнажить
И начал им могилу рыть.
Старик невольно испустил
Тяжелый сожаленья вздох,
И безнадежному помог.
Готов уж смерти тесный дом,
И дерн готов, и камень тут;
И бедной Леды труп кладут
В сырую яму... И потом
Ее засыпали землей,
И дерн покрыл ее сырой,
И камень положен над ним.
Без дум, без трепета, без слез
Последний долг свершил Вадим,
И этот день, как легкий дым,
Надежду и любовь унес.
Он стал на свете сирота.
Душа его была пуста.
Он сел на камень гробовой
И по челу провел рукой;
Но грусть — ужасный властелин:
С чела не сгладил он морщин!
Но сердце билось опять —
И он не мог его унять!..

«Девица! Мир твоим костям! —
Промолвил тихо Ингелот, —

Одна лишь цель богами нам
Дана — и каждый к ней придет,
И жалок, и безумец тот,
Кто ропщет на закон судьбы:
К чему? — мы все его рабы!»
И оба встали и пошли,
И скрылись в голубой дали!..

.....

Горит на небе ясный день,
Бегут золотые облака,
Синеет быстрая река,
И ровен, как стекло, Ильмень.
Из Новагорода народ
Тесняся на берег идет.
Там есть возвышенный курган;
На нем священный истукан,
Изображая бога битв,
Белеет издали. Предмет
Благодарений и молитв,
Стоит он здесь уж много лет;
Но лишь недавно князь пред ним
Склонен с почтением немым.
Толпой варягов окружен,
На жертву предлагает он
Добычу счастливой войны.
Песнь раздалась в честь богов;
И груды пышные даров

На холм святой положены!..

*Рассыпались толпы людей;
Зажглись пни, и пир шумит,
И Рурик весело сидит
Между седых своих вождей!..
Но что за крик? Откуда он?
Кто этот воин молодой?
Кто Рурика зовет на бой?
Кто для погибели рожден?..
В своем заржавом шишаке
Предстал Вадим — булат в руке,
Как змеи кудри на плечах,
Отчаянье и месть в очах.
«Варяг! — сказал он, — выходи!
Свободное в моей груди
Трепещет сердце... испытай,
Сверши злодейство до конца;
Паденье одного бойца
Не может погубить мой край:
И так уж он у ног чужих,
Забыв победы дней былых!..
Новгородцы! Обо мне
Не плачьте... я родной стране
И жизнь и счастье принес...
Не требует свобода слез!»*

И он мечом своим взмахнул, —

И меч как молния сверкнул;
И речь все души потрясла,
Но пробудить их не могла!..
Вскочил надменный буйный князь
И мрачно также вынул меч,
Известный в буре грозных сеч;
Вскочил — и битва началась.
Кипя, с оружием своим,
На князя кинулся Вадим;
Так, над пучиной бурных вод
На легкий челн бежит волна —
И сразу лодку разобьет
Или сама раздроблена.

И долго билися они,
И долго ожиданья страх
Блестел у зрителей в глазах, —
Но витязя молодого дни
Уж сочтены на небесах!..

Дружины радостно шумят,
И бросил князь довольный взгляд:
Над непреклонной головой
Удар спустился роковой.
Вадим на землю тихо пал,
Не посмотрел, не простонал.
Он пал в крови, и пал один —
Последний вольный славянин!

Когда росистой ночи мгла
На холмы темные легла,
Когда на небе чередой
Являлись звезды и луной
Сребрилась в озере струя,
Через туманные поля
Охотник поздний проходил
И вот что после говорил,
Сидя с женой, между друзей,
Перед лачугою своей:
«Мне чудилось, что за холмом,
Согнувшись, человек стоял,
С трудом кого-то поднимал:
Власы белели над челом;
И, что-то на плеча взвалив,
Пошел — и показалось мне,
Что труп чернелся на спине
У старика. Поворотив
С своей дороги, при луне
Я видел: в недалекий лес
Спешил с своею ношей он,
И наконец совсем исчез,
Как перед утром лживый сон!..»

Над озером видал ли ты,
Жилец простой окрестных сел,
Скалу огромной высоты,
У ног ее зеленый дол?

Уныло желтые цветы
Да можжевельника кусты,
Забыты ветрами, растут
В тени сырой. Два камня тут,
Увявши в землю, из травы
Являют серые главы:
Под ними спит последним сном,
С своим мечом, с своим щитом,
Забыт славянскою страной,
Свободы витязь молодой.

* * *

*A tale of the times of old!..
The deeds of days of other years!..[9]*

1830–1831

Измаил-Бей

Восточная повесть

{178}

Опять явилось вдохновенье
Душе безжизненной моей
И превращает в пенопенье
Тоску, развалину страстей.
Так, посреди чужих степей,
Подруг внимательных не зная,
Прекрасный путник, птичка рая
Сидит на дереве сухом,
Блестя лазоревым крылом;
Пускай ревет, бушует вьюга...
Она поет лишь об одном,
Она поет о солнце юга!..

Часть первая

*So moved on earth Circassia's daughter
The loveliest bird of Franguestan!
The Giaour. Byron. [10]*

1

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили

И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих
пор
Все небо юга да утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край сво-
боды,
И вы, престолы вечные природы,
Когда, как дым синяя, облака
Под вечер к вам летят издалека,
Над вами вьются, шепчутся, как
тени,
Как над главой огромных привиде-
ний
Колеблемые перья, — и луна
По синим сводам странствует
одна.

2

Как я любил, Кавказ мой велича-
вый,
Твоих сынов воинственные нравы,
Твоих небес прозрачную лазурь
И чудный вой мгновенных, гром-
ких бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Как стражи окликаются ночные;
И вдруг проглянет солнце, и по-
ток

Озолотится, и степной цветок,
Душистую головку поднимая,
Блится, как цветы небес и
рая...

В вечерний час дождливых обла-
ков

Я наблюдал разодранный покров;
Лилые, с багряными краями,
Одни еще грозят, и над скалами
Волшебный замок, чудо древних
дней,

Растет в минуту; но еще скорей
Его рассеет ветра дуновенье!

Так прерывает резкий звук цепей
Преступного страдальца сновиде-
нье,

Когда он зрит холмы своих по-
лей...

Меж тем белей, чем горы снего-
вые,

Идут на запад облака другие
И, проводивши день, теснятся в
ряд,

Друг через друга светлые глядят
Так весело, так пышно и беспечно,
Как будто жить и нравиться им
вечно!..

И дики тех ущелий племена,
Им бог — свобода, их закон — война,
Они растут среди разбоев тайных,
Жестоких дел и дел необычайных;
Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей;
Там поразить врага — не преступленье;
Верна там дружба, но вернее
мщенье;
Там за добро — добро, и кровь —
за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь.

4

Темны преданья их. Старик-чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.
Хвалил людей минувшего он века;
Водил меня под камень Росламбека,

Повисший над извилистым пу-
тем,
Как будто бы удержанный Аллою
На воздухе в падении своем,
Он весь оброс зеленою травой;
И не боясь, что камень упадет,
В его тени, храним от непогод,
Пленительней, чем голубые очи
У нежных дев ледяной полуночи,
Склоняясь в жар на длинный сте-
белек,
Растет воспоминания цветков!..
И под столетней, мишистою ска-
лою
Сидел чечен однажды предо
мною;
Как серая скала, седой старик,
Задумавшись, главой своей по-
ник...
Быть может, он о родине молил-
ся!
И, странник чуждый, я прервать
страшился
Его молчанье и молчанье скал:
Я их в тот час почти не разли-
чал!

Его рассказ, то буйный, то печальный,
Я вздумал перенести на север дальный:
Пусть будет странен в нашем он краю,
Как слышал, так его передаю!
Я не хочу, неизвестный толпою,
Чтобы как тайна он погиб со мною;
Пускай ему не внемлют, до конца
Я доскажу! Кто с гордою душою
Родился, тот не требует венца;
Любовь и песни — вот вся жизнь певца;
Без них она пуста, бедна, уныла,
Как небеса без туч и без светила!..

6

Давным-давно, у чистых вод,
Где по кремням Подкумок мчит-ся,
Где за Машуком[11] день встает,
А за крутым Бешту садится,
Близ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвели,
Гордились дружбою взаимной;
Там каждый путник находил

Ночлег и пир гостеприимный;
Черкес счастлив и волен был.
Красою чудной за горами
Известны были девы их,
И старцы с белыми власами
Судили распри молодых,
Весельем песни их дышали!
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали!

7

Не все судьба голубит нас —
Всему свой день, всему свой час.
Однажды, — солнце закатилось,
Туман белел уж под горой,
Но в эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада теснились и шумели,
Арбы тяжелые скрипели,
Трепеща, жены близ мужей
Держали плачущих детей,
Отцы их, бурками одеты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на костре высоком жгли,
Что взять с собою не могли!
Когда же день новорожденный
Заветный озарил курган,

*И мокрый утренний туман
Рассеял ветер пробужденный,
Он обнажил подошвы гор,
Пустой аул, пустое поле,
Едва дымящийся костер
И свежий след колес — не боле.*

8

*Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опас-
ный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громам его подвластно,
Что сил его нельзя и счесть.
Черкес удалый в битве правой
Умеет умереть со славой,
И у жены его молодой
Спаситель есть — кинжал двой-
ной;
И страх насильства и могилы
Не мог бы из родных степеней
Их удалить: позор цепей
Несли к ним вражеские силы!*

Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для ге-
роя
Милей отчизны и покоя.
«В насмешку русским и в укор
Оставим мы утесы гор;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы», —
Так думал каждый; и Бешту
Теперь их мысли понимает,
На русских злобно он взирает,
Иль облаками одеваает
Вершин кудрявых красоту.

9

Меж тем летят за годом годы,
Готовят мщенье народы,
И пятый год уж настает,
А кровь джяуров не течет.
В необитаемой пустыне
Черкес бродящий отдохнул,
Построен новый был аул
(Его следов не видно ныне).
Старик и воин молодой
Кипят отвагой и враждой.
Уж Росламбек с берегов Кубани
Князей союзных поджидал;

*Лезгинец, слыша голос брани,
Готовит стрелы и кинжал;
Скопилась мечь их роковая
В тиши над дремлющим врагом:
Так летом глыба снеговая,
Цветами радуги блистая,
Висит, прохладу обещая,
Над беззаботным табуном...*

10

*В тот самый год, осенним днем,
Между Железной и Змеиной,[12]
Где чуть приметный путь лежал,
Цветущей, узкою долиной
Тихонько всадник проезжал.
Кругом, налево и направо,
Как бы остатки пирамид,
Подъемлясь к небу величаво,
Гора из-за горы глядит;
И дале царь их пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугает чудной вышиной.*

11

*Еще небесное светило
Росистый луг не обсушило.
Со скал гранитных над путем
Склонился дикий виноградник,*

Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник.
Но вот остановился он.
Как новой мыслью поражен,
Смущенный взгляд кругом обво-
дит,
Чего-то, мнится, не находит;
То пустит он коня стремглав,
То остановит и, привстав
На стремяна, дрожит, пылает.
Все пусто! Он с коня слезает,
К земле сырой главу склоняет
И слышит только шелест трав.
Все одичало, онемело.
Тоскою грудь его полна..
Скажу ль? — За кровлю сакли бе-
лой,
За близкий топот табуна
Тогда он мир бы отдал целый!..

12

Кто ж этот путник? Русский?
Нет.
На нем чекмень, простой беш-
мет,
Чело под шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолет
Блестят насечкой небогатой;

И перетянут он ремнем,
И шашка чуть звенит на нем;
Ружье, мотаясь за плечами,
Белеет в шерстяном чехле;
И как же горца на седле
Не различить мне с казаками?
Я не ошибся — он черкес!
Но смуглый цвет почти исчез
С его ланит; снега и вьюга
И холод северных небес,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что он черкес!
Густые брови, взгляд орлиный,
Ресницы длинные и черны,
Движенья быстры и вольны;
Отвергнул он обряд чужбины,
Не сбрил бородки и усов,
И блещет белый ряд зубов,
Как брызги пены у берегов;
Он, сколько мог, привычек, правил
Своей отчизны не оставил...
Но горе, горе, если он,
Храня людей суровых мненья,
Развратом, ядом просвещенья
В Европе душной заражен!
Старик для чувств и наслажде-
нья,
Без седины между волос,

*Зачем в страну, где все так живо,
Так беспокойно, так игриво,
Он сердце мертвое принес?..*

13

*Как наши юноши, он молод,
И хладен блеск его очей.
Поверхность темную морей
Так покрывает ранний холод
Корой ледяною своей
До первой бури. — Чувства, стра-
сти,
В очах навеки догорев,
Таятся, как в пещере лев,
Глубоко в сердце; но их власти
Оно никак не избежит.
Пусть будет это сердце камень —
Их пробужденный адский пламень
И камень углем раскалит!*

14

*И все прошедшее явилось,
Как тень умершего, ему;
Все с этих пор переменилось,
Бог весть и как и почему!
Он в поле выехал пустое,
Вдруг слышит выстрел — что
такое?*

Как будто на смех, звук один,
Жилец ущелий и стремнин,
Трикраты отзыв повторяет.
Кинжал свой путник вынимает,
И вот, с винтовкой без штыка
В кустах он видит казака;
Пред ним фазан окровавленный,
Росою с листьев окропленный,
Блистая радужным хвостом,
Лежал в траве пробит свинцом.
И ближе путник подъезжает
И чистым русским языком:
«Казак, скажи мне, — вопроша-
ет, —
Давно ли пусто здесь кругом?»
— «С тех пор, как русских устра-
шился
Неустрашимый твой народ!
В чужих горах от нас он скрылся.
Тому сегодня пятый год».

15

Казак умолк, но что с тобою,
Черкес? Зачем твоя рука
Подъята с шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! Свершилось наказанье...
В крови, без чувства, без дыханья

*Лежит насмешливый казак.
Черкес глядит на лик холодный,
В нем пробудился дух природ-
ный —*

*Он пощадить не мог никак,
Он удержать не мог удара.
Как в тучах зарево пожара,
Как лава Этны по полям,
Больной румянец по щекам
Его разлился; и блистали,
Как лезвеё кровавой стали,
Глаза его — и в этот миг
Душа и ад — все было в них.
Оборотясь, с улыбкой злобной
Черкес на север кинул взгляд;
Ничто, ничто смертельный яд
Перед улыбкою подобной!
Волною поднялася грудь,
Хотел он и не мог вздохнуть,
Холодный пот с чела крутого
Катился, — но из уст ни слова!*

16

*И вдруг очнулся он, вздрогнул,
К луке припал, коня толкнул.
Одно мгновенье на кургане
Он черной птицею мелькнул,
И скоро скрылся весь в тумане.*

Через камни конь его несет,
Он не смотрит и не боится;
Так быстро скачет только тот,
За кем раскаяние мчится!..

17

Куда черкес направил путь?
Где отдохнет молодая грудь,
И усмирится дум волнение?
Черкес не хочет отдохнуть —
Ужели отдыхает молодежь?
Аул, где детство он провел,
Мечети, кровы мирных сел —
Все уничтожил русский воин.
Нет, нет, не будет он спокоен,
Пока из белых их костей
Векам грядущим в поученье
Он не воздвигнет мавзолеей
И так отмстит за унижение
Любезной родины своей.
«Я знаю вас, — он шепчет, — знаю,
И вы узнаете меня;
Давно уж вас я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только с нынешнего дня!»
Он бьет и дергает коня,
И конь летит, как ветер степи;
Надулись ноздри, блещет взор,

*И уж в виду зубчатых цепи
Кремнистых бесконечных гор,
И Шат подьѐмлетя за ними
С двумя главами снеговыми,
И путник мнит: «Недалеко,
В час прискачу я к ним легко!»*

18

*Пред ним, с оттенкой голубою,
Полувоздушною стеною
Нагие тянутся хребты;
Неверны, странны, как мечты,
То разойдутся — то сольются...
Уж час прошел, и двух уж нет!
Они над путником смеются,
Они едва меняют цвет!
Бледнеет путник от досады,
Конь непривычный устает;
Уж солнце к западу идет,
И больше в воздухе прохлады,
А все пустынные громады,
Хотя и выше и темней,
Еще загадка для очей.*

19

*Но вот его, подобно туче,
Встречает крайняя гора;
Пестрей восточного ковра*

Холмы кругом, все выше, круче;
Покрытый пеной до ушей,
Здесь начал конь дышать воль-
ней.

И детских лет воспоминанья
Перед черкесом пронеслись,
В груди проснулись желанья,
Во взорах слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И дум неотразимых бремя
От сердца, мнилось, отлегло;
Он поднял светлое чело,
Смотрел и внутренне гордился,
Что он черкес, что здесь родился!
Меж скал незыблемых один
Забыл он жизни скоротечность,
Он, в мыслях мира властелин,
Присвоить бы желал их вечность.
Забыл он все, что испытал,
Друзей, врагов, тоску изгнанья,
И, как невесту в час свиданья,
Душой природу обнимал!..

20

Краснеют сизые вершины,
Лучом зари освещены;
Давно расселины темны;
Катясь чрез узкие долины,

Туманы сонные легли,
И только топот лошадиный
Звуча теряется вдали.
Погас бледнея день осенний;
Свернув душистые листья,
Вкушают сон без сновидений
Полузавядшие цветы;
И в час урочный молчаливо
Из-под камней ползет змея,
Играет, нежится лениво,
И серебрится чешуя
Над перегибистой спиною:
Так сталь кольчуги иль копья
(Когда забыты после бою
Они на поле роковом),
В кустах найденная луною,
Блится в сумраке ночном.

21

Уж поздно, путник одинокой
Оделся буркою широкой.
За дубом низким и густым
Дорога скрылась, ветер дует;
Конь спотыкается под ним,
Храпит, как будто гибель чувствует,
И встал!.. — Дивится, слез седок
И видит пропасть пред собою,
А там, на дне ее, поток

Во мраке бешеной волною
Шумит. — (Слышал я этот шум,
В пустыне ветром разнесенный,
И много пробуждал он дум
В груди, тоской опустошенной.)
В недоуменье над скалой
Остался странник утомленный;
Вдруг видит он, в дали пустой
Трепещет огонек, и снова
Садится на коня лихого;
И через силу скачет конь
Туда, где светится огонь.

22

Не дух коварства и обмана
Манил трепещущим огнем,
Не очи злобного шайтана
Светилися в ущелье том:
Две сакли белые, простые,
Таятся мирно за холмом,
Чернеют крыши земляные,
С краев ряды травы густой
Висят зеленой бахромой,
А ветер осени сырой
Поет им песни неземные;
Широкий окружает двор
Из кольев и ветвей забор,
Уже нагнутый, обветшалый;

Все в мертвый сон погружено —
Одно лишь светится окно!..
Заржал черкеса конь усталый,
Ударил о землю ногой,
И отвечал ему другой...
Из сакли кто-то выбегает,
Идет — «великий Магомет
К нам гостя, верно, посылает.
Кто здесь?» — Я странник! — был
ответ.
И больше спрашивать не хочет,
Обычай прадедов храня,
Хозяин скромный. Вкруг коня
Он сам заботится, хлопочет,
Он сам снимает весь прибор
И сам ведет его на двор.

23

Меж тем приветно в сакле дым-
ной
Приезжий встречен стариком;
Сажая гостя пред огнем,
Он руку жмет гостеприимно.
Блится по стенам кругом
Богатство горца: ружья, стрелы,
Кинжалы с набожным стихом,
В углу башлык убийцы белый
И плетъ меж буркой и седлом.

Они заводят речь — о воле,
О прежних днях, о бранном поле;
Кипит, кипит беседа их,
И носятся в мечтах живых
Они к грядущему, к былому;
Проходит неприметно час —
Они сидят! И в первый раз,
Внимая странника рассказ,
Старик дивится молодому.

24

Он сам лезгинец; уж давно
(Так было небом суждено)
Не зрел отечества. Три сына
И дочь младая с ним живут.
При них молчит еще кручина,
И бедный мил ему уют.
Когда горят ночные звезды,
Тогда пускаются в разъезды
Его лихие сыновья:
Живет добычей вся семья!
Они повсюду страх приносят:
Украсть, отнять — им все равно;
Чихирь и мед кинжалом просят
И пулей платят за пшено,
Из табуна ли, из станицы
Любого уведут коня;
Они боятся только дня,

И их владеньям нет границы!
Сегодня дома лишь один
Его любимый старший сын.
Но слов хозяина не слышит
Пришелец! Он почти не дышит,
Остановился быстрый взор,
Как в миг паденья метеор:
Пред ним, под видом девы гор,
Создание земли и рая,
Стояла пери молодая!

25

И кто б, ее увидев, молвил: нет!
Кто прелести небес иль даже
след
Небесного, рассеянный лучами
В улыбке уст, в движенье черных
глаз,
Все, что так дружно с первыми
мечтами,
Все, что встречаем в жизни
только раз,
Не отличит от красоты ни-
чтожной,
От красоты земной, нередко
ложной?
И кто, кто скажет, совесть за-
глуша:

Прелестный лик, но хладная душа!

*Когда он вдруг увидит пред собою
То, что сперва почел бы он душою,
Освобожденной от земных цепей,
Слетевшей в мир, чтоб утешать
людей!*

Пусть, подойдя, лезгинку он узнает:

*В ее чертах земная жизнь играет,
Восточная видна в ланитах
кровь;*

Но только удалится образ милый —

*Он станет сомневаться в том,
что было,*

И заблужденью он поверит вновь!

26

*Нежна — как пери молодая,
Создание земли и рая,
Мила — как нам в краю чужом
Меж звуков языка чужого
Знакомый звук, родных два слова!
Так утешительно-мила,
Как древле узнику была
На сумрачном окне темницы
Простая песня вольной птицы,*

Стояла Зара у огня!
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
В ее наряде простота —
Но также вкус! Ее головка
Платком прилежно обвита;
Из-под него до груди нежной
Две косы темные небрежно
Бегут; — уж, верно, час она
Их расплетала, заплетала!
Она понравиться желала:
Как в этом женищина видна!

27

Рукой дрожащей, торопливой
Она поставила стыдливо
Смиранный ужин пред отцом,
И улыбнулась; и потом
Уйти хотела; и не знала
Идти ли? — Грудь ее порой
Покров приметно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажет путник молодой.
Но он молчит, блуждают взоры:
Их привлекает лезвеё
Кинжала, ратные уборы;
Но взгляд последний на нее
Был устремлен! — Смутилась де-

ва,
Но, не боясь отцова гнева,
Она осталась, — и опять
Решилась путнику внимать...
И что-то ум его тревожит;
Своих неконченных речей
Он оторвать от уст не может,
Смеется — но больших очей
Давно не обращает к ней;
Смеется, шутит он, — но хлад-
ный,
Печальный смех нейдет к нему.
Замолкнет он? — ей вновь досад-
но,
Сама не знает почему.
Черкес ловил сначала жадно
Движенья глаз ее живых;
И наконец остановились
Глаза, которые резвились,
Ответа ждут, к нему склони-
лись,
А он забыл, забыл о них!
Довольно! Этого удара
Вторично дева не снесет:
Ему мешает, видно, Зара?
Она уйдет! Она уйдет!..

Кто много странствовал по свету,
Кто наблюдать его привык,
Кто затвердил страстей примету,
Кому известен их язык,
Кто рано брошен был судьбою
Меж образованных людей
И, как они, с своей рукою
Не отдавал души своей,
Тот пылкой женщины пристрастье
Не почитает уж за счастье,
Тот с сердцем диким и простым
И с чувством некогда святым
Шутить боится. Он улыбкой
Слезу старается встречать,
Улыбке хладно отвечать;
Коль обласкает, — так ошибкой!
Притворством вечным утомлен,
Уж и себе не верит он;
Душе высокой не довольно
Остатков юности своей.
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нет пищи в ней.
Такие люди в жизни светской
Почти всегда причина зла,
Какой-то робостию детской

Их отзываются дела:
И обольстить они не смеют,
И вовсе кинуть не умеют!
И часто думают они,
Что их излечит край далекой,
Пустыня, вид горы высокой
Иль тень долины одинокой,
Где юности промчались дни;
Но ожиданье их напрасно:
Душе все внешнее подвластно!

29

Уж милой Зары в сакле нет.
Черкес глядит ей долго вслед
И мыслит: «Нежное созданье!
Едва из детских вышла лет,
А есть уж слезы и желанья!
Бессильный, светлый луч зари
На темной туче не гори:
На ней твой блеск лишь помра-
чится,
Ей ждать нельзя, она умчится!»

30

«Еще не знаешь ты, кто я.
Утешься! Нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя.»

*Я б мог нежнейшею любовью
Тебя любить; но над тобой
Хранитель, верно, неземной:
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли греть моим объятьям?
Тебя ли станут целовать
Уста, привыкшие к проклятьям?»*

.....

31

*Пора! — Яснеет уж восток,
Черкес проснулся, в путь готовый.
На пепелище огонек
Еще синел. Старик суровый
Его раздул, пшено сварил,
Сказал, где лучшая дорога,
И сам до ветхого порога
Радушно гостя проводил.
И странник медленно выходит,
Печалью тайной угнетен;
О юной деве мыслит он...
И кто ж коня ему подводит?*

32

*Уныло Зара перед ним
Коня походного держала
И тихим голосом своим,*

Подняв глаза к нему, сказала:
«Твой конь готов! Моей рукой
Надета бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блестит кубанская насечка,
И бурку черную ремнем
Я привязала за седлом;
Мне это дело ведь не ново;
Любезный странник, все готово!
Твой конь прекрасен; не страшна
Ему утесов крутизна,
Хоть вырос он в краю далеком;
В нем дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Как камень, сглаженный пото-
ком;
Как уголь взор его блестит,
Лишь наклонись — он полетит;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя он, путник, спас
От вражей шашки и кинжала
В степи глухой, в недобрый час!

33

«Но погоди в стальное стремя
Ступать поспешною ногой;
Послушай, странник молодой,
Как знать? Быть может, будет

время,
И ты на милой стороне
Случайно вспомнишь обо мне;
И если чаша пированья
Кипит, блестит в руке твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони от сердца поскорей;
Но если эта мысль родится,
Но если образ мой приснится
Тебе в страдальческую ночь:
Услышь, услышь мое моленье!
Не презирай то сновиденье,
Не отгоняй те мысли прочь!

34

«Приют наш мал, зато спокоен;
Его не тронет русский воин, —
И что им взять? — пять-шесть
коней
Да наши грубые одежды?
Поверь ты скромности моей,
Откройся мне: куда надежды
Тебя коварные влекут?
Чего искать? — останься тут,
Останься с нами, добрый стран-
ник!
Я вижу ясно — ты изгнанник,
Ты от земли своей отвык,

Ты позабыл ее язык.
Зачем спешишь к родному краю,
И что там ждет тебя? — не
знаю.

Пусть мой отец твердит порой,
Что без малейшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны:
По мне отчизна только там,
Где любят нас, где верят нам!

35

«Еще туман белеет в поле,
Опасен ранний хлад вершин...
Хоть день один, хоть час один,
Послушай, час один, не боле,
Пробудь, жестокий, близ меня!
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжет,
Он отдохнет, напьется, ляжет,
А ты у сакли здесь, в тени,
Главу мне на руку склони;
Твоих речей услышать звуки
Еще желала б я хоть раз:
Не удержу ведь счастья час,
Не прогоню ведь час разлуки?..»
И Зара с трепетом в ответ
Ждала напрасно два-три слова;

Скрывать печали силы нет,
Слеза с ресниц упасть готова,
Увы! Молчание храня,
Садится путник на коня.
Уж ехать он приготовлялся,
Но обернулся, — испугался,
И, состраданьем увлечен,
Хотел ее утешить он!

36

«Не обвиняй меня так строго!
Скажи, чего ты хочешь? — слез?
Я их имел когда-то много:
Их мир из зависти унес!
Но не решусь судьбы мятежной
Я разделять с душою нежной;
Свободный, раб иль властелин,
Пускай погибну я один.
Все, что меня хоть малость лю-
бит,
За мною вслед увлечено;
Мое дыханье радость губит,
Щадить — мне власти не дано!
И не простого человека
(Хотя в одежде я простой),
Утешься! Зара! Пред собой
Ты видишь брата Росламбека!
Я в жертву счастье должен при-

нести...

О! Не жалея о том! — прости,
прости!..»

37

Сказал, махнул рукой, и звук под-
ков

Раздался, в отдаленье умирая.
Едва дыша, без слез, без дум, без
слов

Она стоит, бесчувственно вни-
мая,

Как будто этот дальний звук под-
ков

Всю будущность ее унес с собою.
О, Зара, Зара! Краткою мечтою
Ты дорожила; — где ж твоя меч-
та?

Как очи полны, как душа пуста!
Одно мгновенье тяжелей другого,
Все, что прошло, ты оживляешь
снова!..

По целым дням она глядит туда,
Где скрылася любви ее звезда,

Везде, везде она его находит:
В вечерних тучах милый образ
бродит;

Услышав ночью топот, с ложа

сна
Вскочив, дрожит, и ждет его она,
И постепенно ветром разноси-
мый
Все ближе, ближе топот — и все
мимо!
Так метеор порой летит на нас,
И ждешь — и близок он — и вдруг
погас!..

Молодая женщина и старуха.

Часть вторая

*High minds, of native pride and force,
Most deeply feel thy pangs, Remorse!
Fear, for their scourge, mean villains have,
Thou art the torturer of the brave!*
«Marmion». S. Walter-Scott.[13]

1

*Шумит Аргуна мутною волной;
Она коры не знает ледяной,
Цепей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снегов родится,
И там, где даже серна не про-
мчится,
Дитя природы, с детской просто-
той,
Она, резвясь, играет и катится!
Порою, как согнутое стекло,
Меж длинных трав прозрачно и
светло
По гладким камням в бездну нис-
падая,
Теряется во мраке, и над ней
С прощальным воркованьем вьет-
ся стая
Пугливых, сизых, вольных голу-
бей...*

*Зеленым можжевельником по-
крыты,
Над мрачной бездной гробовые
плиты
Висят и ждут, когда замолкнет
вой,
Чтобы упасть и все покрыть со-
бой.
Напрасно ждут они! Волна не
дремлет.
Пусть темнота кругом ее объем-
лет,
Прорвет Аргуна землю где-нибудь
И снова полетит в далекий путь!*

2

*На берегу ее кипучих вод
Недавно новый изгнанный народ
Аул построил свой, — и ждал
мгновенье,
Когда свершить придуманное
мщенье;
Черкес готовил дерзостный на-
бег,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Рослам-
бек,
Склонялся перед русскими сми-*

ренно,
А между тем с отважною тол-
пой
Станицы разорял во тьме ноч-
ной;
И, возвратясь в аул, на пир крова-
вый
Он пленников дрожащих приво-
дил,
И уверял их в дружбе, и шутил,
И головы рубил им для забавы.

3

Легко народом править, если он
Одною общей страстью увлечен;
Не должно только слишком за-
влекаться,
Пред ним гордиться или с ним
равняться;
Не должно мыслей открывать
своих,
Иль спрашивать у подданных со-
вета,
И забывать, что лучше гор зла-
тых
Иному ласка и слова привета!
Старайся первым быть везде, все-
гда;

Не забывайся, будь в пирах умерен,
Не трогай суеверий никогда
И сам с толпой умеи быть суеве-
рен;
Страшишь сначала много успе-
вать,
Страшишь народ к победам при-
учать,
Чтоб в слабости своей он призна-
вался,
Чтоб каждый миг в спасителе
нуждался,
Чтоб он тебя не сравнивал ни с
кем
И почитал нуждою — принужде-
нья;
Умеи отважно пользоваться
всем
И не проси никак вознагражденья!
Народ — ребенок: он не хочет
дать,
Не покушайся вырвать, — но
украдь!

4

У Росламбека брат когда-то был:
О нем жалеют шайки удалые;
Отцом в Россию послан Измаил,

И их надежду отняла Россия.
Четырнадцать лет оставил он
Края, где был воспитан и рожден,
Чтоб знать законы и права чужие!
Не под персидским шелковым ковром
Родился Измаил; не песнью нежной
Он усыплен был в сумраке ночном:
Его баюкал бури вой мятежный!
Когда он в первый раз открыл глаза,
Его улыбку встретила гроза!
В пещере темной, где, гонимый братом,
Убийцею коварным, Бей-Булатом,
Его отец таился много лет,
Изгнанник новый, он увидел свет!

5

Как лишний меж людьми, своим
рождением
Он душу не обрадовал ничью,
И, хоть невинный, начал жизнь
свою,
Как многие кончают, преступле-

нем.

Он материнской ласки не знал:
Не у груди, под буркою согретый,
Один провел младенческие леты;
И ветер колыбель его качал,
И месяц полуночи с ним играл!
Он вырос меж землей и небесами,
Не зная принужденья и забот;
Привык он тучи видеть под нога-
ми,
А над собой один лазурный свод;
И лишь орлы да скалы величавы
С ним разделяли юные забавы.
Он для великих создан был стра-
стей,
Он обладал пылающей душою,
И бури юга отразились в ней
Со всей своей ужасной красотой!..
Но к русским послан он своим от-
цом,
И с той поры известья нет об
нем...

6

Горой от солнца заслоненный,
Приют изгнанников смиренный,
Между кизиловых дерев
Аул рассыпан над рекою;

Стоит отдельно каждый кров,
В тени под дымной пеленою.
Здесь в летний день, в полдневный
жар,
Когда с камней восходит пар,
Толпа детей в траве играет,
Черкес усталый отдыхает;
Меж тем сидит его жена
С работой в сакле одиноко,
И песню грустную она
Поет о родине далекой:
И облака родных небес
В мечтаньях видит уж черкес!
Там луг душистей, день светлее!
Роса перловая свежее;
Там разноцветною дугой,
Развеселясь, нередко дивы
На тучах строят мост красивый,
Чтоб от одной скалы к другой
Пройти воздушною тропой;
Там в первый раз, еще несмелый,
На лук накладывал он стрелы...

7

Дни мчатся. Начался байран.
Везде веселье, ликования;
Мулла оставил алкоран,
И не слышать его призыванья;

Мечеть кругом освещена;
Всю ночь над хладными скалами
Огни краснеют за огнями,
Как над земными облаками
Земные звезды; но луна,
Когда на землю взор наводит,
Себе соперниц не находит,
И, одинокая, она
По небесам в сиянье бродит!

8

Уж скачка кончена давно;
Стрельба затихнула: темно.
Вокруг огня, певцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики седые в ряд
С неммым вниманием стоят.
На сером камне, безоружен,
Сидит неведомый пришлец.
Наряд войны ему не нужен;
Он горд и беден: — он певец!
Дитя степей, любимец неба,
Без злата он, но не без хлеба.
Вот начинается: три струны
Уж забренчали под рукою,
И живо, с дикой простотою
Запел он песню старины.

9

Много дев у нас в горах;
Ночь и звезды в их очах;
С ними жить завидна доля,
Но еще милее воля!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

Кто жениться захотел,
Тот худой избрал удел,
С русским в бой он не поскачет:
Отчего? — жена заплачет!
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

Не изменит добрый конь:
С ним — и в воду и в огонь;
Он, как вихрь, в степи широкой,
С ним — все близко, что далеко.
Не женися, молодец,
Слушайся меня:
На те деньги, молодец,
Ты купи коня!

10

Откуда шум? Кто эти двое?

Толпа в молчанье раздалась.
Нахмуря бровь, подходит князь,
И рядом с ним лицо чужое.
Три узденя за ними вслед.
«Велик Алла и Магомет! —
Воскликнул князь. — Сама моги-
ла
Покорна им! В стране чужой
Мой брат храним был их рукой:
Вы узнаете ль Измаила?
Между врагами он возрос,
Но не признал он их святыни,
И в наши синие пустыни
Одну лишь ненависть принес!»

11

И по долине восклицанья
Восторга дикого гремят;
Благословляя час свиданья,
Вкруг Измаила стар и млад
Теснятся, шепчут; поднимая
На плеча маленьких ребят,
Их жены смуглые, зевая,
На князя нового глядят.
Где ж Росламбек, кумир народа?
Где тот, кем славится свобода?
Один, забыт, перед огнем,
Поодаль, с пасмурным челом,

Стоял он, жертва злой досады.
Давно ли привлекал он сам
Все помышления, все взгляды?
Давно ли по его следам
Вся эта чернь шумя бежала?
Давно ль, дивясь его делам,
Их мать ребенку повторяла?
И что же вышло? — Измаил,
Врагов отечества служитель,
Всю эту славу погубил
Своим приездом? — и власти-
тель,
Вчерашний гордый полубог,
Вниманья черни бестолковой
К себе привлечь уже не мог!
Ей все пленительно, что ново!
«Простынет!» — мыслит Рос-
ламбек,
Но если злобный человек
Узнал уж зависть, то не может
Совсем забыть ее никак;
Ее насмешливый призрак
И днем и ночью дух тревожит.

12

Война!.. Знакомый людям звук
С тех пор, как брат от братних
рук

Пред алтарем погиб невинно...
Гремя, через Кавказ пустынный
Промчался клик: война! Война!
И пробудились племена.
На смерть идут они охотно.
Умолк аул, где беззаботно
Недавно слушали певца;
Оружья звон, движенье стана:
Вот ныне песни молодца,
Вот удовольствия байрана!..
«Смотри, как всякий биться рад
За дело чести и свободы!..
Так точно было в наши годы,
Когда нас вел Ахмат-Булат!» —
С улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважных юношей полки;
Пора! Кипят они досадой, —
Что русских нет? — им крови на-
до!

13

Зима проходит; облака
Светлей летят по дальним сво-
дам,
В реке глядятся мимоходом;
Но с гордым бешенством река,

Крутясь, как змей, не отвечает
Улыбке неба своего
И белых путников его
Меж тем упорно обгоняет.
И ровны, прямы, как стена,
По берегам темнеют горы;
Их крутизна, их высота
Пленяют ум, пугают взоры.
К вершинам их прицеплена
Нагими красными корнями,
Кой-где кудрявая сосна
Стоит печальна и одна,
И часто мрачными мечтами
Тревожит сердце: так порой
Властитель, полубог земной,
На пышном троне, окруженный
Льстецов толпою униженной,
Грустит о том, что одному
На свете равных нет ему!

14

Завоевателю преграда
Положена в долине той;
Из камней и деревьев громада
Аргуню давит под собой.
К аулу нет пути иного;
И мыслят горцы: «Враг лихой!
Тебе могила уж готова!»

Но прямо враг идет на них,
И блеск орудий громовых
Далеко сквозь туман играет.
И Росламбек совет сзывает;
Он говорит: «В тиши ночной
Мы нападём на их отряды,
Как упадают водопады
В долину сонную весной...
Погибнут молча наши гости,
И их разбросанные кости,
Добыча вранов и волков,
Сгниют, лишенные гробов.
Меж тем с боязнию лукавой
Начнем о мире договор,
И втайне местию кровавой
Омоем долгий наш позор».

15

Согласны все на подвиг ратный,
Но не согласен Измаил.
Взмахнул он шашкою булатной
И шумно с места он вскочил;
Окинул вмиг летучим взглядом
Он узденей, сидевших рядом,
И, опустивши свой булат,
Так отвечает брату брат:
«Я не разбойник потаенный;
Я видеть, видеть кровь люблю;

Хочу, чтоб мною пораженный
Знал руку грозную мою!
Как ты, я русских ненавижу,
И даже более, чем ты;
Но под покровом темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной стране,
Иную славу надо мне!..»
И поединка ожидали
Меж братьев молча уздени;
Не смели тронуться они.
Он вышел — все еще молчали!..

16

Ужасна ты, гора Шайтан,
Пустыни старый великан;
Тебя злой дух, гласит преданье,
Построил дерзостной рукой,
Чтоб хоть на миг свое изгнание
Забуть меж небом и землей.
Здесь, три столетья очарован,
Он тяжелой цепью был прикован,
Когда надменный с новых скал
Стрелой пророку угрожал.
Как буркой, ельником покрыта,
Соседних гор она черней.
Тропинка желтая прорыта
Слезой отчаянья по ней;

Она ни мохом, ни кустами
Не зарастает никогда;
Пестрея чудными следами,
Она ведет... бог весть куда?
Олень с ветвистыми рогами,
Между высокими цветами,
Одетый хмелем и плющом,
Лежит полуобъятый сном;
И вдруг знакомый лай он слышит
И чует близкого врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свежестью подышит,
Росу с могучих плеч стряхнет,
И вдруг одним прыжком махнет
Через утес; и вот он мчится,
Тернов колючих не боится
И хмель коварный грудью рвет:
Но, вольный путь пересекая,
Пред ним тропинка роковая...
Никем не зримая рука
Царя лесов останавливает,
И он, как гибель ни близка,
Свой прежний путь не продолжа-
ет!..

17

Кто ж под ужасною горой
Зажег огонь сторожевой?

Треща, краснея и сверкая,
Кусты вокруг он озарил.
На камень голову склоняя,
Лежит поодаль Измаил:
Его приверженцы хотели
Идти за ним — но не посмели!

18

Вот что ему родной готовил
край?
Сбылись мечты! Увидел он свой
рай,
Где мир так юн, природа так бо-
гата,
Но люди, люди... что природа им?
Едва успел обнять изгнанник бра-
та,
Уж клевета и зависть — все над
ним!
Друзей улыбка, нежное свиданье,
За что б другой творца благода-
рил,
Все то ему дается в наказанье;
Но для терпенья ль создан Изма-
ил?
Бывают люди: чувства — им
страданья;
Причуда злой судьбы — их бытие;

Чтоб самовластье показать свое,
Она порой кидает их меж нами;
Так, древле, в море кинул царь ал-
маз,
Но гордый камень в свой урочный
час
Ему обратно отдан был волнами!
И детям рока места в мире нет;
Они его пугают жизнью новой,
Они блеснут — и сгладится их
след,
Как в темной туче след стрелы
громовой.
Толпа дивится часто их уму,
Но чаще обвиняет, потому,
Что в море бед, как вихри их ни
носят,
Они пособий от рабов не просят;
Хотят их превзойти в добре и зле,
И власти знак на гордом их челе.

19

«Бессмысленный! Зачем отверг-
нул ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачем, когда так долго с ней сра-
жался,
Своей судьбы ты детски испугал-

ся?

Все прежнее, неизвестный молвой,
Ты б мог забыть близ Зары молодой,

Забыть людей близ ангела в пустыне,

Ты б мог любить, но не хотел! —
и ныне

Картины счастья живо пред тобой

Проходят укоряющей толпой;
Ты жмешь ей руку, грудь ее <i> плечи

Целуешь в упоенье; ласки, речи,
Исполненные счастья и любви,

Ты чувствуешь, ты слышишь; образ милый,

Волшебный взор — все пред тобой,
как было

Еще недавно; все мечты твои

Так вероятны, что душа боится,

Не веря им, вторично ошибиться!

А чем ты это счастье заменил?» —

Перед огнем так думал Измаил.

Вдруг выстрел, два и много! — он
вскочил,

И слушает, — но все утихло сно-

ва.

И говорит он: «Это сон больно-го!»

20

Души волненьем утомлен,
Опять на землю князь ложится;
Трещит огонь, и дым клубится, —
И что же? — призрак видит он!
Перед огнем стоит спокоен,
На саблю опершись рукой,
В фуражке белой русский воин,
Печальный, бледный и худой.
Спросить хотелось Измаилу,
Зачем оставил он могилу!
И свет дрожащего огня,
Упав на смуглые ланиты,
Черкесу придал вид сердитый:
«Чего ты хочешь от меня?»
«Гостеприимства и защиты! —
Пришлец бесстрашно отвечал, —
Свой путь в горах я потерял,
Черкесы вслед за мной спешили
И казаков моих убили,
И верный конь под мною пал!
Спаси, убить врага ночного
Равно ты можешь! Не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.

Твоей я чести предаюсь!» —
«Ты прав; на честь мою надейся!
Вот мой огонь: садись и грейся».

21

Тиха, прозрачна ночь была,
Светила на небе блистали,
Луна за облаком спала,
Но люди ей не подражали.
Перед огнем враги сидят,
Хранят молчанье и не спят.
Черты пришельца возбуждали
У князя новые мечты,
Они ему напоминали
Давно знакомые черты;
То не игра воображенья.
Он должен разрешить сомненья...
И так пришельцу говорил
Нетерпеливый Измаил:
«Ты молод, вижу я! За славою
Привыкнув гнаться, ты забыл,
Что славы нет в войне кровавой
С необразованной толпой!
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бедны мы, и волю
И степь свою не отдадим
За злато роскоши нарядной;

За то, что мы боготворим,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смелей:
Зачем ты нас возненавидел,
Какою грубостью своей
Простой народ тебя обидел?»

22

«Ты ошибаешься, черкес! —
С улыбкой русский отвечает, —
Поверь: меня, как вас, пленяет
И водопад, и темный лес;
С восторгом ваши льды я вижу,
Встречая пышную зарю,
И ваше племя я люблю:
Но одного я ненавижу!
Черкес он родом, не душой,
Ни в чем, ни в чем не схож с то-
бой!
Себе иль князю Измаилу
Клялся я здесь найти могилу...
К чему опять ты мрачный взор
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мне укор;
Но выслушай, ты все узнаешь...
И сам досадой запылаешь...

23

*«Ты знаешь, верно, что служил
В российском войске Измаил;
Но, образованный, меж нами
Родными бредил он полями,
И все черкес в нем виден был.
В пирах и битвах отличался
Он перед всеми! Томный взгляд
Восточной негой отзывался:
Для наших женщин он был яд!
Воспламенив их воображенье,
Повелевал он без труда,
И за проступок наслажденье
Не почитал он никогда;
Не знаю — было то презренье
К законам стороны чужой
Или испорченные чувства!..
Любовью женщин, их тоской
Он веселился, как игрой;
Но избежать его искусства
Не удалось ни одной.*

24

*«Черкес! Видал я здесь прекрасных
Свободы нежных дочерей,
Но не сравню их взоров страст-
ных
С приветом северных очей.
Ты не любил! — ни слов опасных,*

Ни уст волшебных не знавал;
Кудрями девы золотыми
Ты в упоенье не играл,
Ты клятвам страсти не внимал,
И не был ты обманут ими!
Но я любил! Судьба меня
Блестящей радугой манила,
Невольно к бездне подводила...
И ждал я счастливого дня!
Своей невестой дорогою
Я смел уж ангела назвать,
Невинным ласкам отвечать
И с райской девой забывать,
Что рая нет уж под луною.
И вдруг ударил страшный час,
Причина долголетней муки;
Призыв войны, отчизны глас,
Раздался вестником разлуки.
Как дым рассеялись мечты!
Тот день я буду помнить вечно...
Черкес! Черкес! Ни с кем, конечно,
Ни с кем не расставался ты!

25

«В то время Измаил случайно
Невесту увидал мою
И страстью запылал он тайно!
Меж тем как в дальнем я краю

Искал в боях конца иль славы,
Сластолюбивый и лукавый,
Он сердце девы молодой
Опутал сетью роковой.
Как он умел слезой притворной
К себе доверенность вселять!
Насмешкой — скромность побеж-
дать
И, побеждая, вид покорный
Хранить; иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать пред ней!
Он очертил волшебным кругом
Ее желанья; ведал он,
Что быть не мог ее супругом,
Что разделял их наш закон,
И обольщенная упала
На грудь убийцы своего!
Кроме любви, она не знала,
Она не знала ничего...

26

«Но скоро скуку пресыщенья
Постиг виновный Измаил!
Таитья не было терпенья,
Когда погас минутный пыл.
Оставил жертву обольститель
И удалился в край родной,
Забыл, что есть на небе мсти-

тель,
А на земле еще другой!
Моя рука его отыщет
В толпе, в лесах, в степи пустой,
И казни грозный меч просвищет
Над непреклонной головой;
Пусть лик одежда изменяет:
Не взор — душа врага узнает!

27

«Черкес, ты понял, вижу я,
Как справедлива месть моя!
Уж на устах твоих проклятья!
Ты, внемля, вздрагивал не раз...
О, если б мог пересказать я,
Изобразить ужасный час,
Когда прелестное созданье
Я в униженье увидал
И безотчетное страданье
В глазах увядших прочитал!
Она рассудок потеряла;
Рядилась, пела <i> плясала,
Иль сидя молча у окна,
По целым дням, как бы не зная,
Что изменил он ей, вздыхая,
Ждала изменника она.
Вся жизнь погибшей девы милой
Остановилась на былом;

*Ее безумье даже было
Любовь к нему и мысль об нем...
Какой душе не знал он цену!..» —
И долго русский говорил
Про месть, про счастье, про изме-
ну:
Его не слушал Измаил.
Лишь знает он да бог единый,
Что под спокойною личиной
Тогда происходило в нем.
Стеснив дыханье, вверх лицом
(Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали от небес отрады)
Лежал он на земле сырой,
Как та земля, и мрачный и
немой!*

28

*Видали ль вы, как хищные и злые,
К оставленному трупу в тихий
дол
Слетаются наследники земные —
Могильный ворон, коршун и орел?
Так есть мгновенья, краткие
мгновенья,
Когда, столпясь, все адские муче-
нья
Слетаются на сердце — и грызут!*

Века печали стоят тех минут.
Лишь дунет вихрь — и сломится
лилея;
Таков с душой кто слабою рож-
ден,
Не вынесет минут подобных он;
Но мощный ум, крепясь и каме-
нея,
Их превращает в пытку Проме-
тея!
Не сгладит время их глубокий
след:
Все в мире есть — забвенья толь-
ко нет!

29

Светает. Горы снеговые
На небосклоне голубом
Зубцы подъемлют золотые;
Слилися с утренним лучом
Края волнистого тумана,
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь перед зарей,
Бледнеет — тихо приподнялся,
Как перед смертью больной,
Угрюмый князь с земли сырой.
Казалось, вспомнить он старался
Рассказ ужасный и желал

Себя уверить он, что спал;
Желал бы счесть он все мечтою...
И по челу провел рукою;
Но грусть — жестокий властелин!
С чела не сгладил он морщин.

30

Он встал, он хочет непременно
Пришельцу быть проводником.
Не зная думать что о нем,
Согласен юноша смущенный.
Идут они глухим путем,
Но их тревожит все: то птица
Из-под ноги у них вспорхнет,
То краснобокая лисица
В кусты цветущие нырнет.
Они все ниже, ниже сходят
И рук от сабель не отводят.
Через опасный переход
Спешат нагнувшись, без оглядки;
И вновь на холм крутой взошли,
И цепью русские палатки,
Как на ночлеге журавли,
Белеют смутно уж вдали!
Тогда черкес остановился,
За руку путника схватил,
И — кто бы, кто не удивился? —

По-русски с ним заговорил.

31

«Прощай! Ты можешь безопасно
Теперь идти в шатры свои;
Но, если веришь мне, напрасно
Ты хочешь потопить в крови
Свою печаль! Страшишься, быть мо-
жет,
Раскаянье прибавишь к ней.
Болезни этой не поможет
Ни кровь врага, ни речь друзей!
Напрасно здесь, в краю далеком,
Ты губишь прелесть юных дней;
Нет, не достать вражде твоей
Главы, постигнутой уж роком!
Он палачам судей земных
Не уступает жертв своих!
Твоя б рука не утратила
Того, кто борется с судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри ж, он здесь перед тобой!»
И с видом гордого презренья
Ответа князь не ожидал;
Он скрылся меж уступов скал —
И долго русский без движенья,
Один, как вкопанный, стоял.

32

*Меж тем, перед горой Шайтаном
Расположась военным станом,
Толпа черкесов удалых
Сидела вокруг огней своих;
Они любили Измаила,
С ним вместе слава иль могила —
Им все равно! Лишь только б с
ним!*

*Но не могла б судьба одним
И нежным чувством меж собою
Сковать людей с умом простым
И с беспокойною душою:
Их всех обидел Росламбек!
(Таков повсюду человек.)*

33

*Сидят наездники беспечно,
Курят турецкий свой табак
И князя ждут они: «Конечно,
Когда исчезнет ночи мрак,
Он к нам сойдет; и взор орлиный
Смирит враждебные дружины,
И вздрогнут перед ним они,
Как Росламбек и уздени!» —
Так, песню воли напевая,
Шептала шайка удалая.*

34

Безмолвно, грустно, в стороне,
Подняв глаза свои к луне,
Подруге дум любви мятежной,
Прекрасный юноша стоял, —
Цветок для смерти слишком
нежный!

Он также Измаила ждал,
Но не беспечно. Трепет тайный
Порывам сердца изменял,
И вздох тяжелый, не случайный,
Не раз из груди вылетал;
И он явился к Измаилу,
Чтоб разделить с ним — хоть
могилу!

Увы! Такая ли рука
В куски изрубит казака?
Такой ли взор, стыдливый, скром-
ный,
Глядит на мир, чтоб видеть
кровь?

Зачем он здесь, и, ночью темной,
Лицом прелестный, как любовь,
Один в кругу черкесов праздных,
Жестоких, буйных, безобразных?
Хотя страшился он сказать,
Нетрудно было б отгадать,
Когда б... но сердце, чем моложе,
Тем боязливее, тем строже

Хранит причину от людей
Своих надежд, своих страстей.
И тайна юного Селима,
Чуждаясь уст, ланит, очей,
От любопытных, как от змей,
В груди сокрылась невредима!

Часть третья

*She told nor whence, nor why she left
behind
Her all for one who seem'd but little kind.
Why did she love him? Curious fool! — be
still—
Is human love the growth of human will?..*
«Lara» L. Byron.[14]

1

Какие степи, горы и моря
Оружью славян сопротивлялись?
И где веленью русского царя
Измена и вражда не покорялись?
Смирись, черкес! И запад и во-
сток,
Быть может, скоро твой разде-
лит рок.
Настанет час — и скажешь сам
надменно:
Пускай я раб, но раб царя вселен-

ной!

Настанет час — и новый грозный
Рим

Украсит Север Августом другим!

{179}

2

Горят аулы; нет у них защиты,
Врагом сыны отечества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.
Как хищный зверь, в смиренную
обитель

Врывается штыками победи-
тель;

Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою,
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кин-
жал,

Отпрянул русский, — захрипел, —
и пал!

«Отмсти, товарищ!» — и в одно
мгновенье

(Достойное за смерть убийцы
мщенье!)

Простая сакля, веселя их взор,

Горит, — черкесской вольности
костер!..

3

В ауле дальном Росламбек угрю-
мый
Сокрылся вновь, не ужасом объ-
ят;
Но у него коварные есть думы,
Им помешать теперь не может
брат.
Где ж Измаил? — безвестными
горами
Блуждает он, дерется с казака-
ми,
И, заманив полки их за собой,
Пустыню усыпает их костями,
И манит новых по дороге той.
За ним устали русские гоняться,
На крепости природные взбираться;
Но отдохнуть черкесы не дают;
То скроются, то снова нападут.
Они, как тень, как дымное виде-
нье,
И далеко и близко в то ж мгнове-
нье.

4

Но в бурях битв не думал Измаил
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей он
мстил, —
И не пленялся именем героя;
Он ведал цену почестей и слов,
Изобретенных только для глуп-
цов!
Недолгий жар погас! Душой уста-
лый,
Его бы не желал он воскресить;
И не родной аул, — родные скалы
Решился он от русских защи-
тить!

5

Садится день, одетый мглою,
Как за прозрачной пеленою...
Ни ветра на земле, ни туч
На бледном своде! Чуть примет-
но
Орла на вышине бесцветной;
Меж скал блуждая, желтый луч
В пещеру дикую прокрался
И гладкий череп озарил,
И сам на жителе могил
Перед кончиной разыгрался,
И по разбросанным костям,

Травой поросшим, здесь и там
Скользнул огнистой полосой,
Дивясь их вечному покою.
Но прежде встретил он двоих,
Недвижных также, — но живых...
И, как немые жертвы гроба,
Они беспечны были оба!

6

Один... так точно! — Измаил!
Безвестной думой угнетаем,
Он солнце тусклое следил,
Как мы нередко провождаем
Гостей докучливых; на нем
Черкесский панцирь и шолом,
И пятна крови омрачали
Местами блеск военной стали.
Младую голову Селим
Вождю склоняет на колени;
Он всюду следует за ним,
Хранительной подобно тени;
Никто ни ропота, ни пени
Не слышал на его устах...
Боится он или устанет,
На Измаила только взглянет —
И весел труд ему и страх!

7

Он спит, — и длинные ресницы
Закрыли очи под собой;
В ланитах кровь, как у девицы,
Играет розовой струей;
И на кольчуге боевой
Ему не жестко. С сожаленьем
На эти нежные черты
Взирает витязь, и мечты
Его исполнены мученьем:
«Так светлой каплею роса,
Оставляя край свой, небеса,
На лист увядший упадет;
Блестая райским жемчугом,
Она покоится на нем,
И, беззаботная, не знает,
Что скоро лист увядший тот
Пожнет коса иль конь сомнет!»

8

С полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Он спит; но мирная душа
Взволнована! Полусловами
Он с кем-то говорит во сне!
Услышал князь и удивился;
К устам Селима в тишине
Прилежным ухом он склонился:
Быть может, через этот сон

Его судьбу узнает он...

«Ты мог забыть? — любви не нужно

Одной лишь нежности наружной...

Оставь же!» — сонный говорил.
«Кого оставить?» — князь спросил.

Селим умолк, но на мгновенье;
Он продолжал: «К чему сомненье?

На всем лежит его презренье...

Увы! Что значат перед ним

Простая дева иль Селим?

Так будет вечно между нами...

Зачем бесценными устами

Он это имя освятил?»

«Не я ль?» — подумал Измаил.

И, погодя, он слышит снова:

«Ужасно, боже! Для детей

Проклятие отца родного,

Когда на склоне поздних дней

Оставлен ими... но страшной

Его слеза!..» Еще два слова

Селим сказал, и слабый стон

Вдруг поднял грудь, как стон прощанья,

И улетел.

— Из состраданья

Князь прерывает тяжкий сон.

9

*И, вздрогнув, юноша проснулся,
Взглянул вокруг и улыбнулся,
Когда он ясно увидал,
Что на коленях друга спал.
Но, покрасневши, сновиденье
Пересказать стыдился он,
Как будто бы лукавый сон
Имел с судьбой его сношенье.
Не отвечая на вопрос
(Примета явная печали),
Щипал он листья диких роз,
И наконец две капли слез
В очах склоненных заблестали;
И, с быстротой отворотясь,
Он слезы осушил рукою...
Все примечал, все видел князь;
Но не смутился он душою
И приписал он простоте,
Затеям детским слезы те.
Конечно, сам давно не знал он
Печалей сладостных любви?
И сам давно не предавал он
Слезам страдания свои?*

10

*Не знаю!.. Но в других он чувства
Судить отвык уж по своим.*

Не раз, личиною искусства,
Слезой и сердцем ледяным,
Когда обманов сам чуждался,
Обманут был он; — и боялся
Он верить, только потому,
Что верил некогда всему!
И презирал он этот мир ничтож-
ный,
Где жизнь — измен взаимных веч-
ный ряд;
Где радость и печаль — все при-
зрак ложный!
Где память о добре и зле — все яд!
Где льстит нам зло, но более
тревожит;
Где сердца утешать добро не мо-
жет;
И где они, покорствуя страстям,
Раскаянье одно приносят нам...

11

Селим встает, на гору всходит.
Сребристый стелется ковыль
Вокруг пещеры; сумрак бродит
Вдали... вот топот! Вот и пыль,
Желтея, поднялась в лощине!
И крик черкесов по заре
Гудит, теряясь в пустыне!

Селим все слышал на горе;
Стремглав, в пещеру он вбегает:
«Они! Они!» — он восклицает,
И князя нежною рукой
Влечет он быстро за собой.
Вот первый всадник показался;
Он, мнилось, из земли родился,
Когда въезжал на холм крутой;
За ним другой, еще другой,
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Там, если б два коня столкнулись,
Назад бы оба не вернулись
И не могли б вперед идти.

12

Толпа джигитов[15] удалая,
Перед горой остановясь,
С коней измученных слезая,
Шумит. — Но к ним подходит
князь,
И все утихло! Уваженье
В их выразительных чертах;
Но уважение — не страх;
Не власть его основа — мненье!
«Какие вести?» — Русский стан
Пришел к Осаевскому полю,
Им льстит и бедность наших

стран!

Их много! — «Кто не любит волю?»

Молчат. «Так дайте ж отдохнуть

Своим коням; с зарею в путь.

В бою мы ради лечь костями;

Чего <же> лучшего нам ждать?

Но в цвете жизни умирать...

Селим, ты не поедешь с нами!..»

13

Бледнеет юноша, и взор

Понятно выразил укор: —

«Нет, — говорит он, — я повсюду,

В изгнанье, в битве спутник твой;

Нет, клятвы я не позабуду —

Угаснуть или жить с тобой!

Не робок я под свистом пули,

Ты видел это, Измаил;

Меня враги не ужаснули,

Когда ты, князь, со мною был!

И с твоего чела не я ли

Смывал так часто пыль и кровь?

Когда друзья твои бежали,

Чьи речи, ласки прогоняли

Суровый мрак твоей печали?

Мои слова! Моя любовь!

*Возьми, возьми меня с собою!
Ты знаешь, я владеть стрелою
Могу... И что мне смерть? — о
нет!*

*Красой и счастьем юных лет
Моя душа не дорожила;
Все, все оставляю, жизнь и свет,
Но не оставляю Измаила!»*

14

*Взглянул на небо молча князь,
И наконец, отворотясь,
Он протянул Селиму руку;
И крепко тот ее пожал
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знак сей обещал!
И долго витязь так стоял;
И под нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я мог бы этот блеск назвать,
Когда б не скрылся он опять!..*

15

*По косогору ходят кони;
Колчаны, ружья, седла, брони
В пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены;
На князе яркая кольчуга*

Блестит краснея; погружен
В мечтанье горестное он;
И от страстей, как от недуга,
Бежит спокойствие и сон.
И говорит Селим: «Наверно,
Тебя терзает дух пещерный!
Дай песню я тебе спою;
Нередко дева молодая
Ее поет в моем краю,
На битву друга отпуская!
Она печальна; но другой
Я не слыхал в стране родной.
Ее певала мать родная
Над колыбелию моей,
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навеют звуки
Все сновиденья детских дней!»
Селим запел, и ночь кругом вни-
мает,
И песню ей пустыня повторяет:

Песня Селима

Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
И дева ему говорит:

*«Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Любви будь вернее!*

*«Всегда награжден,
Кто любит до гроба,
Ни зависть, ни злоба
Ему не закон;
Пускай его смерть и погубит;
Один не погибнет, кто любит!*

*«Любви изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы;
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароят!»*

*Месяц плывет
И тих и спокоен;
А юноша-воин
На битву идет!*

*«Прочь эту песню! — как безум-
ный
Воскликнул князь, — зачем*

упрек?..

Тебя ль послушает пророк?..

Там, облит кровью, в битве шумной

Твои слова я заглушу,

И разорву ее оковы...

И память в сердце удушю!..

Вставайте! — как? — вы не готовы?..

Прочь песни! — крови мне!.. Пора!..

Друзья! Коней!.. Вы не слышали...

Удары, топот, визг ядра,

И крик, и треск разбитой стали?..

Я слышал!.. О, не пой, не пой!

Тронь сердце, как дрожит, и что же?

Ты недовольна?.. Боже! Боже!..

Зачем казнить ее рукой?..»

Так речь его оторвалась

От бледных уст и пронеслася

Невнятно, как далекий гром.

Неровным, трепетным огнем

До половины освещенный,

Ужасен, с шашкой обнаженной

Стоял недвижим Измаил,

Как призрак злой, от сна могил

Волшебным словом пробужденный;

Он взор всей силой устремил
В пустую степь, грозил рукою,
Чему-то страшному грозил:
Иначе, как бы Измаил
Смутиться твердой мог душою?
И понял наконец Селим,
Что витязь говорил не с ним!
Неосторожный! Он коснулся
Душевных струн, — и звук
проснулся,
Расторгнув хладную тюрьму...
И сам искусству своему
Селим невольно ужаснулся!

16

Толпа садится на коней;
При свете гаснувших огней
Мелькают сумрачные лица.
Так опоздавшая станица
Пустынных белых журавлей
Вдруг поднимается с полей...
Смех, клики, ропот, стук и ржа-
нье!
Все дышит буйством и войной!
Во всем приличия незнанье,
Отвага дерзости слепой.

17

Светлеет небо полосами;
Заря меж синими рядами
Ревнивых туч уж занялась.
Вдоль по лощине едет князь,
За ним черкесы цепью длинной.
Признаться: конь по седоку!
Бежит, и будто ветер пустынный,
Скользкий шумно по песку,
Крутится, вьется на скаку;
Он бел, как снег: во мраке ночи
Его заметить могут очи.
С колчаном звонким за спиной,
Отягощен своим нарядом,
Селим проворный едет рядом
На кобылице вороной.
Так белый облак, в полдень зной-
ный,
Плывет отважно и спокойно,
И вдруг по тверди голубой
Отрывок тучи громовой,
Грозы дыханием гонимый,
Как черный лоскут, мчится ми-
мо;
Но как ни бейся, в вышине
Он с тем не станет наравне!

18

Уж близко роковое поле.

Кому-то пасть решит судьба?
Вдруг им послышалась стрельба;
И каждый миг все боле, боле,
И пушки голос громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнул князь, махнул рукою:
«Вперед! — воскликнул он, — за
мною!»
Сказал и бросил повода.
Нет! Так прекрасен никогда
Он не казался! Повелитель,
Герой по взорам и речам,
Летел к опасным он врагам,
Летел, как ангел-истребитель;
И в этот миг, скажи, Селим,
Кто б не последовал за ним?

19

Меж тем с беспечною отвагой
Отряд могучих казаков
Гнался за малою ватагой
Неустрашимых удальцов;
Всю эту ночь они блуждали
Вкруг неприязненных шатров;
Их часовые увидали,
И пушка грянула по ним,
И казаки спешат навстречу!
Едва с отчаяньем немым

Они поддерживали сечу,
Стыдясь и в бегстве показать,
Что смерть их может испугать.
Их круг тесней уж становился;
Один под саблю свалился,
Другой, пробитый в грудь свин-
цом,
Был в поле унесен конем,
И, мертвый, на седле все бился!..
Оружье брось, надежды нет,
Черкес! Читай свои молитвы!
В крови твой шелковый бешимет,
Тебе другой не видеть битвы!
Вдруг пыль! И крик! — он им зна-
ком:
То крик родной, не бесполезный!
Глядят и видят: над холмом
Стоит их князь в броне желез-
ной!..

20

Недолго Измаил стоял:
Вздохнуть коню он только дал,
Взглянул, и ринулся, и смял
Врагов, и путь за ним кровавый
Меж их рядами виден стал!
Везде, налево и направо,
Чертя по воздуху круги,

Удары шашки упадают;
Не видят блеск ее враги
И беззащитно умирают!
Как юный лев, разгорячась,
В средину их врубился князь;
Кругом свистят и реют пули;
Но что ж? Его хранит пророк!
Шелом удары не согнули,
И худо метится стрелок.
За ним, погибель рассыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрез минуту шумный бой
Рассыпался в долине той...

21

Далеко от сраженья, меж кустов,
Питомец смелый трамских та-
бунов^{180},
Расседланый, хладея постепенно,
Лежал издохший конь; и перед
ним,
Участием исполненный живым,
Стоял черкес, соратника лишен-
ный;
Крестом сжав руки и кидая
взгляд
Завистливый туда, на поле боя,
Он проклинать судьбу свою был

рад,
Его печаль — была печаль героя!
И весь в поту, усталостью томим,
К нему в испуге подскакал Селим
(Он лук не напрягал еще, и стрелы
Все до одной в колчане были целы).

22

«Беда! — сказал он, — князя не видеть!
Куда он скрылся?» — «Если хочешь знать,
Взгляни туда, где бранный дым краснее,
Где гуще пыль и смерти крик сильнее,
Где кровью облит мертвый и живой,
Где в бегстве нет надежды никакой:
Он там! — смотри: летит, как с неба пламя;
Его шишак и конь — вот наше знамя!
Он там! — как дух, разит и невредим,

*И все бежит иль падает пред
ним!» —*

*Так отвечал Селиму сын приро-
ды —*

*А лесть была чужда степеней свобо-
ды!..*

23

*Кто этот русский? С саблею в ру-
ке,*

*В фуражке белой? Страх он не
знает!*

Он между всех отличен вдалеке,

И казаков примером ободряет;

Он ищет Измаила — и нашел,

И вынул пистолет свой, и навел,

*И выстрелил! — напрасно! — об-
манулся*

*Его свинец! — но выстрел роковой
Услышал князь, и мигом обернул-
ся,*

*И задрожал: «Ты вновь передо
мною!»*

*Свидетель бог: не я тому ви-
ной!..» —*

*Воскликнул он, и шашка зазвене-
ла,*

И, отделясь от трепетного тела,

Как зрелый плод от ветки молодой,
Скатилась голова; — и конь ретивый,
Встав на дыбы, заржал, мотая
гривой,
И скоро обезглавленный седок
Свалился на растоптанный песок.
Не долго это сердце увядало,
И мир ему! — в единый миг оно
Любить и ненавидеть перестало:
Не всем такое счастье суждено!

24

Все жарче бой; главы валяются
Под взмахом княжеской руки;
Спасая дни свои, теснятся,
Бегут в расстройстве казаки!
Как злые духи, горцы мчатся
С победным воем им вослед,
И никому пощады нет!
Но что ж? Победа изменила!
Раздался вдруг нежданный гром,
Все в дыме скрылося густом;
И пред глазами Измаила
На землю с бешеных коней
Кровавой грудой костей
Свалился ряд его друзей.

Как град посыпалась картеча;
Пальбу услышав издалеча,
Направя синие штыки,
Спешат ширванские полки.
Навстречу гибельному строю
Один, с отчаянной душою,
Хотел пуститься Измаил;
Но за повод коня схватил
Черкес, и в горы за собою,
Как ни противился седок,
Коня могучего увлек.
И ни малейшего движенья
Среди всеобщего смятенья
Не упустил молодой Селим;
Он бегство князя примечает!
Удар судьбы благословляет,
И быстро следует за ним.
Не стыд, — но горькая досада
Героя медленно грызет:
Жизнь побежденным не награда!
Он на друзей не кинул взгляда,
И, мнится, их не узнает.

25

Чем реже нас балует счастье,
Тем слаще предаваться нам
Предположеньям и мечтам.
Родится ль тайное пристрастье

К другому миру, хоть и там
Судьбы приметно самовластье,
Мы все свободнее дарим
Ему надежды и желанья,
И украшаем, как хотим,
Свои воздушные созданья!
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущают,
Мы забываем свет, и вдаль
Душа и мысли улетают,
И ловят сны, в которых нет
Следов и теней прежних лет.
Но ум, сомненьем охлажденный
И спорить с роком приученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страдания желает;
И если иногда мечтает,
То он мечтает победить!
И, зная собственную силу,
Пока не сбросит прах в могилу,
Он не оставит гордых дум...
Такой непобедимый ум
Природой дан был Измаилу!

26

Он ранен, кровь его течет;
А он не чувствует, не слышит;
В опасный путь его несет

Ретивый конь, храпит и пышет!
Один Селим не отстает.
За гриву ухватясь руками,
Едва сидит он на седле;
Боязни бледность на челе;
Он очи, полные слезами,
Порой кидает на того,
Кто все на свете для него,
Кому надежду жизни милой
Готов он в жертву принести,
И чье последнее «прости»
Его бы с жизнью разлучило!
Будь перед миром он злодей,
Что для любви слова людей?
Что ей небес определенье?
Нет! Охладить любовь гоненье
Еще ни разу не могло;
Она сама свое добро и зло!

27

Умолк докучный крик погони;
Дымясь и в пене скачут кони
Между провалом и горой,
Кремнистой, тесною тропой;
Они дорогу знают сами
И презирают седока,
И бесполезная рука
Уж не владеет поводами.

Направо темные кусты
Висят, за шапки задевая,
И, с неприступной высоты
На новых путников взирая,
Чернеет серна молодая;
Налево — пропасть; по краям
Ряд красных камней, здесь и там
Всегда обрушиться готовый.
Никем не ведомый поток
Внизу, свиреп и одинок,
Как тигр Америки суровой,
Бежит гремучею волной;
То блещет бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Как две семьи — враждебный ге-
ний,
Два гребня разделяет он.
Вдали на синий небосклон
Нагих, бесплодных гор ступени
Ведут желание и взгляд
Сквозь облака, которых тени
По ним мелькают и спешат;
Сменяя в зависти друг друга,
Они бегут вперед, назад,
И мнится, что под солнцем юга
В них страсти южные кипят!

Уж полдень. Измаил слабеет;
Пылает солнце высоко.
Но есть надежда! Дым синее,
Родной аул недалеко...
Там, где, кустарником покрыты,
Встают красивые граниты
Каким-то пасмурным венцом,
Есть поворот и путь, прорытый
Арбы скрипучим колесом.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, белеющий забор,
Аргуны воды голубые,
Как под ногами, встретит взор!
Достигнут поворот желанный;
Вот и венец горы туманной;
Вот слышен речки рев глухой;
И белый конь сильнее рванулся...
Но вдруг переднюю ногой
Он оступился, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упал всей тягостью своей.

29

И всадник, кровью истекая,
Лежал без чувства на земле;
В устах недвижность гробовая,
И бледность муки на челе;
Казалось, час его кончины

Ждал знак условный в небесах,
Чтобы слететь, и в миг единый
Из человека сделать — прах!
Ужель степная лишь могила
Ничтожный в мире будет след
Того, чье сердце столько лет
Мысль о ничтожестве томила?
Нет! Нет! Ведь здесь еще Селим...
Склонясь в отчаянье над ним,
Как в бурю ива молодая
Над падшим гнется алтарем,
Снимал он панцирь и шолом;
Но сердце к сердцу прижимая,
Не слышит жизни ни в одном!
И если б страшное мгновенье
Все мысли не убило в нем,
Судиться стал бы он с творцом
И проклинал бы провиденье!..

30

Встает, глядит кругом Селим:
Все неподвижно перед ним!
Зовет — и тучка дождевая
Летит на зов его одна,
По ветру крылья простирая,
Как смерть, темна и холодна.
Вот наконец сырым покровом
Одела путников она,

*И юноша в испуге новом!
Прижавшись к другу с быстротой:
«О, пощади его!.. постой! —
Воскликнул он, — я вижу ясно,
Что ты пришла меня лишит
Того, кого люблю так страстно,
Кого слабей нельзя любить!
Ступай! Ищи других по свету...
Все жертвы бога твоего!..
Ужель меня несчастней нету?
И нет виновнее его?»*

31

*Меж тем, подобно дымной тени,
Хотя не понял он молений,
Угрюмый облак пролетел.
Когда ж Селим взглянуть посмел,
Он был далеко! Освеженный
Его прохладой мгновенной,
Очнулся бледный Измаил,
Вздыхнул, потом глаза открыл.
Он слаб: другую ищет руку
Его дрожащая рука;
И, каждому внимая звуку,
Он пьет дыханье ветерка,
И все, что близко, отдаленно,
Пред ним яснее постепенно...*

Где ж друг последний? Где Селим?
Глядит! — и что же перед ним?
Глядит — уста оледенели,
И мысли зреньем овладели...
Не мог бы описать подобный миг
Ни ангельский, ни демонский
язык!

32

Селим... и кто теперь не отгада-
ет?
На нем мохнатой шапки больше
нет,
Раскрылась грудь; на шелковый
бешимет
Волна кудрей, чернея, ниспадает,
В печали женщин лучший их убор!
Молитва стихла на устах!.. А
взор...
О небо! Небо! Есть ли в куцах рая
Глаза, где слезы, робость и печаль
Оставить страшно, уничтожить
жаль?
Скажи мне, есть ли Зара молодая
Меж дев твоих? И плачет ли она,
И любит ли? Но понял я молча-
нье!
Не встретить мне подобное со-

зданье;
На небе неуместно подражанье,
А Зара на земле была одна...

33

Узнал, узнал он образ позабытый
Среди душевных бурь и бурь войны;
Поцеловал он нежные ланиты —
И краски жизни им возвращены.
Она чело на грудь ему склонила,
Смущают Зару ласки Измаила,
Но сердцу как ума не соблазнить?
И как любви стыда не победить?
Их речи — пламень! Вечная пу-
стыня
Восторгом и блаженством их
полна.
Любовь для неба и земли святы-
ня,
И только для людей порок она!
Во всей природе дышит сладо-
страсть;
И только люди покупают сча-
стье!

* * *

Прошло два года, все кипит война;
Бесплодного Кавказа племена

Питаются разбоем и обманом;
И в знойный день, и под ночным
туманом
Отважность их для русского
страшна.
Казалось, двух братьев помирила
Слепая месть и к родине любовь;
Везде, где враг бежит и льется
кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селим
Теперь уже не следует за ним?
Куда лезгинка нежная сокрылась?
Какой удар ту грудь оледенил,
Где для любви такое сердце би-
лось,
Каким владеть он недостойн
был?
Измена ли причина их разлуки?
Жива ль она иль спит последним
сном?
Родные ль в гроб ее сложили руки?
Последнее «прости» с слезами му-
ки
Сказали ль ей на языке родном?
И если смерть щадит ее поны-
не —
Между каких людей, в какой пу-

стыне?

Кто б Измаила смел спросить о том?

Однажды, в час, когда лучи заката

По облакам кидали искры злата,

Задумчив на кургане Измаил

Сидел: еще ребенком он любил

Природы дикой пышные картины,

Разлив зари и льдистые вершины,

Блестящие на небе голубом;

Не изменилось только это в нем!

Четыре горца близ него стояли,

И мысли по лицу узнать желали;

Но кто проникнет в глубину морей

И в сердце,

где тоска, — но нет

страстей?

О чем бы он ни думал, — Запад

дальный

Не привлекал мечты его печальной;

Другие воспоминанья и другой,

Другой предмет владел его душой.

Но что за выстрел? — дым взвился белея.

Верна рука, и верен глаз злодея!
С свинцом в груди, простертый на
земле,
С печатью смерти на крутом че-
ле,
Друзьями окружен, любимец бра-
ни
Лежал, навеки нем для их призва-
ний!
Последний луч зари еще играл
На пасмурных чертах и придавал
Его лицу румянец; и казалось,
Что в нем от жизни что-то
оставалось,
Что мысль, которой угнетен был
ум,
Последняя его тяжелых дум,
Когда душа отторгнулась от те-
ла,
Его лица оставить не успела!
Небесный суд да будет над тобой,
Жестокий брат, завистник веро-
ломный!
Ты сам наметил выстрел роко-
вой,
Ты не нашел в горах руки наем-
ной!

Гремучий ключ катился невдали.
К его струям черкесы принесли
Кровавый труп; расстегнут их ру-
кою

Чекмень, пробитый пулей роко-
вою;

И грудь обмыть они уже хотят...

Но почему их омрачился взгляд?

Чего они так явно ужаснулись?

Зачем, вскочив, так хладно от-
вернулись?

Зачем? — какой-то локон золо-
той

(Конечно, талисман земли чу-
жой),

Под грубую одежду измятой,
И белый крест на ленте полоса-
той

Блистали на груди у мертвеца!..

«И кто бы отгадал? — Джяур
проклятый!

Нет, ты не стоил лучшего конца;

Нет, мусульманин верный Измаи-
лу

Отступнику не выроет могилу!

Того, кто презирал людей и рок,

Кто смертью играл так свое-
нравно,

*Лишь ты низвергнуть смел, свя-
той пророк!
Пусть, не оплакан, он сгниет бес-
славно,
Пусть кончит жизнь, как начал,
одинок».*

1832

Тамань. Домик над морским обрывом.

Хаджи Абрек

{181}

Велик, богат аул Джемат,
Он никому не платит дани;
Его стена — ручной булат;
Его мечеть — на поле брани.
Его свободные сыны
В огнях войны закалены;
Дела их громки по Кавказу,
В народах дальних и чужих,
И сердца русского ни разу
Не миновала пуля их.

По небу знойный день катится,
От скал горячих пар струится;
Орел, недвижим на крылах,
Едва чернеет в облаках;
Ущелья в сон погружены:
В ауле нет лишь тишины.
Аул встревоженный пустеет,
И под горой, где ветер веет,
Где из утеса бьет поток,
Стоит внимательный кружок.
Об чем ведет переговоры
Совет джематских удальцов?
Хотят ли вновь пуститься в горы

На ловлю чуждых табунов?
Не ждут ли русского отряда,
До крови лакомых гостей?
Нет, — только жалость и досада
Видна во взорах узденей.
Покрыт одеждами чужими,
Сидит на камне между ними
Лезгинец дряхлый и седой;
И льется речь его потоком,
И вокруг себя блестящим оком
Печально водит он порой.
Рассказу старого лезгина
Внимали все. Он говорил:
«Три нежных дочери, три сына
Мне бог на старость подарил;
Но бури злые разразились,
И ветви древа обвалились,
И я стою теперь один,
Как голый пенёк среди долин.
Увы, я стар! Мои седины
Белее снега той вершины.
Но и под снегом иногда
Бежит кипучая вода!..
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удадь мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто возвратит мне дочь мою?
В плену сестры ее увяли,

В бою неровном братья пали;
В чужбине двое, а меньшей
Пронзен штыком передо мной.
Он улыбался, умирая!
Он верно зрел, как дева рая
К нему слетела пред концом,
Махая радужным венцом!..
И вот пошел я жить в пустыню
С последней дочерью своей.
Ее хранил я, как святыню;
Все, что имел я, было в ней:
Я взял с собою лишь ее,
Да неизменное ружье.
В пещере с ней я поселился,
Родимой хижины лишен;
К беде я скоро приучился,
Давно был к воле приучен.
Но час ударил неизбежный,
И улетел птенец мой нежный!..
Однажды ночь была глухая,
Я спал... Безмолвно надо мной
Зеленой веткою махая,
Сидел мой ангел молодой.
Вдруг просыпаюсь: слышу, шепот, —
И слабый крик, — и конский топот...
Бегу, и вижу — под горой

Несется всадник с быстротой,
Схватив ее в свои объятья.
Я с ним послал свои проклятья.
О, для чего, второй гонец,
Настичь не мог их мой свинец!
С кровавым мщеньем, вот здесь
скрытым,
Без сил отмстить за свой позор,
Влачусь я по горам с тех пор,
Как змей, раздавленный копы-
том.
И нет покоя для меня
С того мучительного дня...
Сюда, наездники Джемата!
Откройте удадь мне свою!
Кто знает князя Бей-Булата?
Кто привезет мне дочь мою?»

«Я!» — молвил витязь черноокий,
Схватившись за кинжал широкий,
И в изумлении немом
Толпа раздвинулась кругом.
«Я знаю князя! Я решился!..
Две ночи здесь ты жди меня:
Хаджи бесстрашный не садился
Ни разу даром на коня.
Но если я не буду к сроку,
Тогда обет мой позабудь,

*И об душе моей пророку
Ты помолись, пускаясь в путь».*

*Взошла заря. Из-за туманов,
На небосклоне голубом,
Главы гранитных великанов
Встают, увенчанные льдом.
В ущелье облако проснулось,
Как парус розовый, надулось,
И понеслось по вышине.
Все дышит утром. За оврагом,
По косогору, едет шагом
Черкес на борзom скакуне.
Еще ленивое светило
Росы холмов не осушило.
Со скал высоких, над путем,
Склонился дикий виноградник;
Его серебряным дождем
Осыпан часто конь и всадник:
Небрежно бросив поводя,
Красивой плеткой он махает,
И песню дедов иногда,
Склонясь на гриву, запекает.
И дальний отзыв за горой
Уныло вторит песни той.*

*Есть поворот — и путь, проры-
тый*

Арбы скрипучим колесом,
Там, где красивые граниты
Рубчатым сходятся венцом.
Оттуда он, как под ногами,
Смиранный различит аул,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гул;
И на краю крутого ската
Отметит саклю Бей-Булата,
И, как орел, с вершины гор
Вперит на крышу светлый взор.
В тени прохладной, у порога,
Лезгинка юная сидит.
Пред нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядит.
Кого ты ждешь, звезда востока,
С заботой нежною такой?
Не друг ли будет издалека?
Не брат ли с битвы роковой?
От зноя утомясь дневного,
Твоя головка уж готова
На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колена,
И неги сладостная власть
Плечо исторгнула из плена;
Отяготел твой ясный взор,
Покрывшись влагою жемчужной;
В твоих щеках, как метеор,

Играет пламя крови южной;
Уста волшебные твои
Зовут лобзание любви.
Немым встревожена желаньем,
Обнять ты ищешь что-нибудь,
И перси слабым трепетаньем
Хотят покровы оттолкнуть.
О, где ты, сердца друг бесценный!..
Но вот — и топот отдаленный,
И пыль знакомая взвилась,
И дева шепчет: «Это князь!»

Легко надежда утешает,
Легко обманывает глаз:
Уж близко путник подъезжает...
Увы, она его не знает,
И видит только в первый раз!
То странник, в поле запоздалый,
Гостеприимный ищет кров;
Дымится конь его усталый,
И он спрыгнуть уже готов...
Спрыгни же, всадник!.. Что же он
Как будто крова испугался?
Он смотрит! Краткий, грустный
стон
От губ сомкнутых оторвался,
Как лист от ветви молодой,
Измятый летнею грозой!

«Что медлишь, путник, у порога?
Слезай с походного коня.
Случайный гость — подарок бога.
Кумыс и мед есть у меня.
Ты, вижу, беден; я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поедешь в путь,
В молитве нас не забудь!»

Хаджи Абрек

Аллах спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И от отца тебе поклон
За то привез с собою он.

Леила

Как! Мой отец? Меня поныне
В разлуке долгой не забыл?
Где он живет?

Хаджи Абрек

Где прежде жил:
То в чуждой сакле, то в пустыне.

Леила

Скажи: он весел, он счастлив?
Скорей ответствуй мне...

Хаджи Абрек

*Он жив.
Хотя порой дождям и стуже
Открыта голова его...
Но ты?*

Леила

Я счастлива...

Хаджи Абрек

(тихо)

Тем хуже!

Леила

А? Что ты молвил?..

Хаджи Абрек

Ничего!

*Сидит пришелец за столом.
Чихирь с серебряным пшеном
Пред ним, не тронуты доселе,
Стоят! Он странен, в самом деле!
Как на челе его крутом
Блуждают, движутся морщины!
Рукою лет или кручины*

Проведены они по нем?

*Развеселить его желая,
Леила бубен свой берет;
В него перстами ударяя,
Лезгинку пляшет и поет.
Ее глаза как звезды блещут,
И груди полные трепещут;
Восторгом детским, но живым
Душа невинная объята:
Она кружится перед ним,
Как мотылек в лучах заката.
И вдруг звенящий бубен свой
Подъемлет белыми руками;
Вертит его над головой,
И тихо черными очами
Поводит, — и, без слов, уста
Хотят сказать улыбкой милой —
«Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе — все мечта!»*

Хаджи Абрек

*Довольно! Перестань, Леила;
На миг веселость позабудь:
Скажи, ужель когда-нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвечай.*

Леила

*Нет! Что мне хладная могила?
Я на земле нашла свой рай.*

Хаджи Абрек

*Еще вопрос: ты не грустила
О дальней родине своей,
О светлом небе Дагестана?*

Леила

*К чему? Мне лучше, веселей
Среди нагорного тумана.
Везде прекрасен божий свет.
Отечества для сердца нет!
Оно насилья не боится,
Как птичка вырвется, умчится.
Поверь мне, — счастье только
там,
Где любят нас, где верят нам!*

Хаджи Абрек

*Любовь!.. Но знаешь ли, какое
Блаженство на земле второе
Тому, кто все похоронил,
Чему он верил, что любил!
Блаженство то верней любви,
И только хочет слез да крови.
В нем утешенье для людей,
Когда умрет другое счастье;*

*В нем преступлений сладостра-
сть,
В нем ад и рай души моей.
Оно при нас всегда, бессменно;
То мучит, то ласкает нас...
Нет, за единый мщенья час,
Клянусь, я не взял бы вселенной!*

Леила

Ты бледен?

Хаджи Абрек

*Выслушай. Давно
Тому назад имел я брата;
И он, — так было суждено, —
Погиб от пули Бей-Булата.
Погиб без славы, не в бою,
Как зверь лесной, — врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Он завещал мне, умирая.
И я убийцу отыскал:
И занесен был мой кинжал,
Но я подумал: «Это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгнове-
нье
Заплатит мне за столько лет
Печали, грусти, мук?.. О, нет!
Он что-нибудь да в мире любит:*

Найду любви его предмет,
И мой удар его погубит!»
Свершилось наконец. Пора!
Твой час пробил еще вчера.
Смотри, уж блещет луч заката!..
Пора! Я слышу голос брата.
Когда сегодня в первый раз
Я увидал твой образ нежный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа, как адом, вся зажглась.
Но это чувство улетело..
Валлáх! Исполню клятву смело!

Как зимний снег в горах, бледна,
Пред ним повергнулась она
На ослабевшие колени;
Мольбы, рыдания, слезы, пени
Перед жестоким излились.
«Ох, ты ужасен с этим взглядом!
Нет, не смотри так! Отвернись!
По мне текут холодным ядом
Слова твои... О, боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Ответствуй! Ничего не значут
Невинных слезы пред тобой?
О, сжался!.. Говори — как плачут
В твоей родимой стороне?
Погибнуть рано, рано мне!..

Оставь мне жизнь! Оставь мне
младость!
Ты знал ли, что такое радость?
Бывал ли ты во цвете лет
Любим, как я?.. О, верно нет!»

Хаджи в молчанье роковом
Стоял с нахмуренным челом.

«В твоих глазах ни сожаленья,
Ни слез, жестокий, не видать!..
Ах!.. Боже!.. Ай!.. Дай подождать!..
Хоть час один... одно мгнове-
нье!!..»

Блеснула шашка. Раз, — и два!
И покатила голова...
И окровавленной рукою
С земли он приподнял ее.
И острой шашки лезвеё
Обтер волнистою косою.
Потом, бездушное чело
Одевши буркою косматой,
Он вышел и прыгнул в седло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхом неземным,
Храпит и пенится под ним:
Щетиной грива, — ржет и пы-

шет,
Грызет стальные удила,
Ни слов, ни повода не слышит,
И мчится в горы как стрела.

Заря бледнеет; поздно, поздно,
Сырая ночь недалека!
С вершин Кавказа тихо, грозно
Ползут, как змеи, облака:
Игру бессвязную заводят,
В провалы душевные заходят,
Задев колючие кусты,
Бросают жемчуг на листья.
Ручей катится, — мутный, се-
рый;
В нем пена бьет из-под травы;
И блещет сквозь туман пещеры,
Как очи мертвой головы.
Скорее, путник одинокой!
Закройся буркою широкой,
Ремянный повод натяни,
Ремянной плеткою махни.
Тебе во след еще не мчится
Ни горный дух, ни дикий зверь,
Но, если можешь ты молиться,
То не мешало бы — теперь.

«Скачи, мой конь! Пугливым оком

Зачем глядишь перед собой?
То камень, сглаженный потоком!..
То змей блистает чешуей!..
Твоею гривой в поле брани
Стирал я кровь с могучей длани;
В степи глухой, в недобрый час,
Уже не раз меня ты спас.
Мы отдохнем в краю родном;
Твою уздечку еще боле
Обвешу русским серебром;
И будешь ты в зеленом поле.
Давно ль, давно ль ты изменился,
Скажи, товарищ дорогой?
Что рано пеною покрылся?
Что тяжело дышишь подо мной?
Вот месяц выйдет из тумана,
Верхи деревьев осеребрит,
И нам откроется поляна,
Где наш аул во мраке спит;
Заблещут, издали мелькая,
Огни джематских пастухов,
И различим мы, подъезжая,
Глухое ржанье табунов;
И кони вокруг тебя столпяты...
Но стоит мне лишь приподняться,
Они в испуге захрапят,

И все шарахнутся назад:
Они почуют издалека,
Что мы с тобою дети рока!..»

Долины ночь еще объемлет,
Аул Джемат спокойно дремлет;
Один старик лишь в нем не спит.
Один, как памятник могильный,
Недвижим, близ дороги пыльной,
На сером камне он сидит.
Его глаза на путь далекой
Устремлены с тоской глубокой.

«Кто этот всадник? Бережливо
Съезжает он с горы крутой;
Его товарищ долгогривый
Поник усталой головой.
В руке, под буркою дорожной,
Он что-то держит осторожно
И бережет, как свет очей».
И думает старик согбенный:
«Подарок, верно, драгоценный
От милой дочери моей!»

Уж всадник близок: под горою
Коня он вдруг остановил;
Потом дрожащею рукою
Он бурку темную открыл;

Открыл, — и дар его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видит, — боже пра-
вый!

Своей Леилы голову!..
И он, в безумном восхищенье,
К своим устам ее прижал!
Как будто ей передавал
Свое последнее мученье.
Всю жизнь свою в единый стон,
В одно лобзанье вылил он.
Довольно люди <и> печали
В нем сердце бедное терзали!
Как нить, истлевшая давно,
Разорвалося вдруг оно,
И неподвижные морщины
Покрылись бледностью кончины.
Душа так быстро отлетела,
Что мысль, который до конца
Он жил, черты его лица
Совсем оставить не успела.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился:
Взглянул на шашку, на коня, —
И быстро в горы удалился.

Промчался год. В глухой теснине

Два трупа смрадные, в пыли,
Блуждая путники нашли,
И схоронили на вершине.
Облиты кровью были оба,
И ярко начертала злоба
Проклятие на их челе.
Обнявшись крепко, на земле
Они лежали костенея,
Два друга с виду — два злодея!
Быть может, то одна мечта,
Но бедным странникам казалось,
Что их лицо порой менялось,
Что все грозили их уста.
Одежда их была богата,
Башлык их шапки покрывал:
В одном узнали Бей-Булата,
Никто другого не узнал.

Сашка

Нравственная поэма

{182}

1

*Наш век смешон и жалок, — все пиши
Ему про казни, цепи да изгнанья,
Про темные волнения души,
И только слышишь муки да страданья.
Такие вещи очень хороши
Тому, кто мало спит, кто думать любит,
Кто дни свои в воспоминаньях губит.
Впадал я прежде в эту слабость сам,
И видел от нее лишь вред глазам;
Но нынче я не тот уж, как бывало, —
Пою, смеюсь. — Герой мой добрый малый.*

2

Он был мой друг. С ним я не знал

хлопот,
С ним чувствами и деньгами де-
лился;
Он брал на месяц, отдавал чрез
год,
Но я за то нимало не сердился
И поступал не лучше в свой черед;
Печален ли, бывало, тотчас ска-
жет,
Когда же весел, счастлив — глаз
не кажет.
Не раз от скуки он свои мечты
Мне поверял и говорил мне ты;
Хвалил во мне, что прочие хвали-
ли,
И был мой вечный визави в кадри-
ли.

3

Он был мой друг. Уж нет таких
друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый
Саша!
Пусть спит оно в земле чужих по-
лей,
Не тронута никем, как дружба
наша,
В немом кладбище памяти моей.

Ты умер, как и многие, без шума,
Но с твердостью. Таинственная
дума
Еще блуждала на челе твоём,
Когда глаза сомкнулись вечным
сном;
И то, что ты сказал перед кончи-
ной,
Из слушавших не понял ни еди-
ный.

4

И было ль то привет стране род-
ной,
Название ли оставленного друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль просто крик последнего недуга —
Как разгадать? Что может в час
такой
Наполнить сердце, жившее так
много
И так недолго с смутною трево-
гой?
Один лишь друг умел тебя по-
нять
И ныне может, должен расска-
зать

*Твои мечты, дела и приключения —
Глупцам в забаву, мудрым в поученье.*

5

*Будь терпелив, читатель милый мой!
Кто б ни был ты: внук Евы иль Адама,
Разумник ли, шалун ли молодой, —
Картина будет; это — только рама!
От правил, утвержденных старинной,
Не отступлю, — я уважаю строго
Всех стариков, а их теперь так много...
Не правда ль, кто не стар в осьмнадцать лет,
Тот, верно, не видал людей и свет,
О наслажденьях знает лишь по слухам
И предан был учителям да мукам.*

6

Герой наш был москвич, и потому
Я враг Неве и невскому туману.
Там (я весь мир в свидетели возьму)
Веселье вредно русскому карману,
Заняття вредны русскому уму.
Там жизнь грязна, пуста и молчалива,
Как плоский берег Финского залива.
Москва — не то: покуда я живу,
Клянусь, друзья, не разлюбить
Москву.
Там я впервые в дни надежд и счастья
Был болен от любви и любово-
стра-
стья.

7

Москва, Москва!.. Люблю тебя как
сын,
Как русский, — сильно, пламенно
и нежно!
Люблю священный блеск твоих се-
дин
И этот Кремль зубчатый, безмя-
тежный.
Напрасно думал чуждый власте-

лин
С тобой, столетним русским ве-
ликаном,
Померяться главою и — обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно пора-
жал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он
упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей
славы.

8

Ты жив!.. Ты жив, и каждый ка-
мень твой —
Заветное преданье поколений.
Бывало, я у башни угловой
Сижу в тени, и солнца луч осен-
ний
Играет с мохом в трещине сырой,
И из гнезда, прикрытого карни-
зом,
Касатки вылетают, верхом, ни-
зом
Кружатся, вьются, чуждые лю-
дей.
И я, так полный волею страстей,
Завидовал их жизни безызвест-

ной,
Как упованье вольной, поднебес-
ной.

9

Я не философ — боже сохрани! —
И не мечтатель. За полетом
пташки

Я не гонюсь, хотя в былые дни
Не вовсе чужд был глупой сей за-
машки.

Ну, муза, — ну, скорее, — разверни
Запачканный листок свой подо-
рожный!..

Не завирайся, — тут зои́л безбож-
ный!..

Куда теперь нам ехать из Крем-
ля?

Ворот ведь много, велика земля!
Куда? «На Пресню погоняй, извоз-
чик!» —

«Старуха, прочь!.. Сворачивай,
разносчик!»

10

Луна катится в зимних облаках,
Как щит варяжский или сыр гол-
ландской.

Сравненье дерзко, но люблю я
страх
Все дерзости, по вольности дво-
рянской.
Спокойствия рачитель на часах
У будки пробудился, восклицая:
«Кто едет?» — «Муза!» — «Что за
черт! Какая?»
Ответа нет. Но вот уже пруды...
Белеет мост, по сторонам сады
Под инеем пушистым спят уны-
лы;
Луна сребрит железные перилы.

11

Гуляка праздный, пьяный моло-
дец,
С осанкой важной, в фризовой ши-
нели,
Держась за них, бредет — и вот
конец
Перилам. «Всё направо!» — За-
скрипели
Полозья по сугробам, как резец
По мрамору... Лачуги, цепью длин-
ной
Мелькая мимо, кланяются чин-
но...

Вдали мелькнул знакомый ого-
нек...

«Держи к воротам... Стой, — су-
гроб глубокий!..

Пойдем по снегу, муза, только
тише

И платье подними как можно вы-
ше».

12

Калитка — скрип... Двор темен.
По доскам

Идти неловко... Вот, насилу, сени
И лестница; но снегом по местам
Занесена. Дрожащие ступени
Грозят мгновенно изменить но-
гам.

Взошли. Толкнули дверь — и свет
огарка

Ударил в очи. Толстая кухарка,
Прищурясь, заграждает путь го-
стям

И вопрошает: «Что угодно вам?»

—

И, услышав ответ красноречивый,
Захлопнув дверь, бранится
неучтиво...

13

Но, несмотря на это, мы взойдем:

Вы знаете, для музы и поэта,
Как для хромого беса^{183}, каждый дом

Имеет вход особый; ни секрета,
Ни запрещенья нет для нас ни в чем...

У столика, в одном углу светлицы,

Сидели две... девицы — не девицы...
Красавицы... названье тут как раз!..

Чем выгодней, узнать прошу я вас
От наших дам, в деревне и столице,

Красавицею быть или девицей?

14

Красавицы сидели за столом,
Раскладывая карты, и гадали
О будущем. И ум их видел в нем
Надежды (то, что мы и все видали).

Свеча горела трепетным огнем,
И часто, вспыхнув, луч ее мгновенный

Вдруг обливал и потолок и стены.

*В углу переднем фольга образов
Тогда меняла тысячу цветов,
И верба, наклоненная над ними,
Блистая вдруг листьями золоты-
ми.*

15

*Одна из них (красавиц) не вполне
Была прекрасна, но зато другая...
О, мы таких видали лишь во сне,
И то заснув — о небесах мечтая!
Слегка головку приклонив к стене
И устремив на столик взор при-
лежный,
Она сидела несколько небрежно.
В ответ на речь подружки иногда
Из уст ее пустое «нет» иль «да»
Едва скользило, если предсказанья
Премудрой карты стоили внима-
нья.*

16

*Она была затейливо мила,
Как польская затейливая панна;
Но вместе с этим гордый вид че-
ла
Казался ей приличен. Как Сусанна,
Она б на суд неправедный пошла*

С лицом холодным и спокойным
взором;
Такая смесь не может быть укро-
ром.
В том вы должны поверить мне в
кредит,
Тем боле, что отец ее был жид,
А мать (как помню) полька из-
под Праги^[184]...
И лжи тут нет, как в том, что
мы — варяги.

17

Когда Суворов Прагу осаждал,
Ее отец служил у нас шпионом,
И раз, как он украдкою гулял
В мундире польском вдоль по ба-
стионам,
Неловкий выстрел в лоб ему по-
пал.
И многие вздохнув сказали: «Жал-
кой,
Несчастный жид, — он умер не
под палкой!»
Его жена пять месяцев спустя
Произвела на божий свет дитя,
Хорошенькую Тирзу. Имя это
Дано по воле одного корнета.

18

*Под рубищем простым она росла
В невежестве, как травка полевая
Проходим не замечена, — ни зла,
Ни гордой добродетели не зная.
Но час настал, — пора любви при-
шла.*

*Какой-то смертный ей сказал два
слова:*

*Она в объятья божества земного
Упала; но увы, прошло дней
шесть,*

*Уж полубог успел ей надоесть;
И с этих пор, чтоб избежать
ошибки,*

Она дарила всем свои улыбки...

19

*Мечты любви умчались, как ту-
ман.*

*Свобода стала ей всего дороже.
Обманом сердце платит за об-
ман*

*(Я так слышал, и вы слышали то-
же).*

*В ее лице характер южных стран
Изображался резко. Не наемный
Огонь горел в очах; без цели, том-*

но,
Покрыты светлой влагой, иногда
Они блуждали, как порой звезда
По небесам блуждает, — и, конечно,
Был это знак тоски немой, сердечной.

20

Безвестная печаль сменялась
вдруг
Какою-то веселостью недужной...
(Дай бог, чтоб всех томил такой
недуг!)

Волной вставала грудь, и пламень
южный
В ланитах рделся, белый полукруг
Зубов жемчужных быстро открывался;
Головка поднималась, развивался
Душистый локон, и на лик молодой
Катился лоснясь черною струей;
И ножка, разрезваясь, не зная плена,
Бесстыдно обнажалась до колена.

21

Когда шалунья навзничь на кро-
вать,
Шутя, смеясь, роскошно упадала,
Не спорю, мудроно ее понять, —
Она сама себя не понимала, —
Ей было трудно сердцу прика-
затъ,
Как баловню ребенку. Надо было
Кому-нибудь с неведомою силой
Явиться и приветливой душой
Его согреть... Явился ли герой,
Или вотще остался ожидаем,
Все это мы со временем узнаем.

22

Теперь к ее подруге перейдем,
Чтоб выполнить начатую кар-
тину.
Они недавно жили тут вдвоем,
Но души их сливались во едину,
И мысли их встречались во всем.
О, если б знали, сколько в этом
званье
Сердец отличных, добрых! Но вни-
манье
Увлечено блистаньем модных
дам.
Вздыхая, мы бежим по их сле-

дам...

Увы, друзья, а наведите справки,
Вся прелесть их... в кредит из
модной лавки!

23

Она была свежа, бела, кругла,
Как снежный шарик; щеки, грудь и
шея,
Когда она смеялась или шла,
Дрожали сладострастно; не крас-
нея,
Она на жертву прихоти несла
Свои красы. Широко и неловко
На ней сидела юбка; но плутовка
Поднять умела грудь, открыть
плечо,
Ласкать умела буйно, горячо
И, хитро передразнивая чувства,
Слыла царицей своего искусства...

24

Она звалась Варюшею. Но я
Желал бы ей другое дать назва-
нье:
Скажу ль, при этом имени, дру-
зья,
В груди моей шипит воспомина-

ные,
Как под ногой прижатая змея;
И ползает, как та среди развалин,
По жилам сердца. Я тогда печален,
Сердит, — молчу или браню весь дом,
И рад прибить за слово чубуком.
Итак, для избежанья зла, мы нашу
Варюшу здесь перекрестим в Парашу.

25

Увы, минувших лет безумный сон
Со смехом повторить не смеет лира!
Живой водой печали окроплен,
Как труп давно застывшего вампира,
Грозя перстом, поднялся молча он,
И мысль к нему прикована... Ужели
В моей груди изгладить не успели
Столь много лет и столько мук иных —
Волшебный стан и пару глаз боль-

ших?
(Хоть, признаюсь вам, разбирая
строго,
Получше их видал я после много.)

26

Да, много лет и много горьких
мук
С тех пор отяготело надо мною;
Но первого восторга чудный звук
В груди не умирает, — и порою,
Сквозь облако забот, когда недуг
Мой слабый ум томит неугомон-
но,
Ее глаза мне светят благосклон-
но.
Так в час ночной, когда гроза шу-
мит
И бродят облака, — звезда горит
В дали эфирной, не боясь их зло-
сти,
И шлет свои лучи на землю в го-
сти.

27

Пред нагоревшей сальною свечой
Красавицы раздумавшись сидели,
И заставлял их вздрагивать по-

рой
Унылый свист играющей метели.
И как и вам, читатель милый
мой,
Им стало скучно... Вот, на место
знака
Условного, залаяла собака,
И у калитки брякнуло кольцо.
Вот чей-то голос... Идут на
крыльцо...
Параша потянулась и зевнула
Так, что едва не бухнулась со сту-
ла,

28

А Тирза быстро выбежала вон,
Открылась дверь. В плаще, заки-
дан снегом,
Явился гость... Насмешливый по-
клон
Отвесил и, как будто долгим бе-
гом
Или волнением был он утомлен,
Упал на стул... Заботливой рукою
Сняла Параша плащ, потом дру-
гою
Стряхнула иней с шелковых куд-
рей

Пришельца. Видно, нравился он ей...

*Все нравится, что молодо, красиво,
И в чем мы видим прибыль особенно.*

29

*Он ловок был, со вкусом был одет,
Изящно был причесан и так дале.
На пальцах перстни изливали свет,
И галстук надушен был, как на бале.*

*Ему едва ли было двадцать лет,
Но бледностью казались покрыты*

*Его чело и нежные ланиты, —
Не знаю, мук ли то последних след,*

Но мне давно знаком был этот цвет, —

*И на устах его, опасней жала
Змеи, насмешка вечная блуждала.*

30

Заметно было в нем, что с ран-

них дней
В кругу хорошем, то есть в мод-
ном свете,
Он обжился, что часть своих но-
чей
Он убивал бесплодно на паркете
И что другую тратил не умней...
В глазах его открытых, но пе-
чальных,
Нашли бы вы без наблюдений
дальних
Презренье, гордость; хоть он не
был горд,
Как глупый турок иль богатый
лорд,
Но все-таки себя в числе двуногих
Он почитал умнее очень многих.

31

Борьба рождает гордость. Вое-
вать
С людскими предрассудками
труднее,
Чем тигров и медведей пора-
жать,
Иль со штыком на вражьей бата-
рее
За белый крестик жизнью риско-

вать...

Клянусь, иметь великий надо ге-
ний,

Чтоб разом сбросить цепь
предубеждений,

Как сбросил бы я платье, если б
вдруг

Из севера всевышний сделал юг.

Но ныне нас противное пугает:

Неаполь мерзнет, а Нева не тает.

32

Да кто же этот гость?.. Pardon,
сейчас!..

Рассеянность... Monsieur, реко-
мендую:

Герой мой, друг мой — Сашка!..

Жаль для вас,

Что случай свел в минуту вас та-
кую,

И в этом месте... Верьте, я не раз

Ему твердил, что эти посещения

О нем дадут весьма дурное мне-
нье.

Я говорил, — он слушал, он был
весь

Вниманье... Глядь, а вечером уж
здесь!..

*И я нашел, что мне его исправить
Труднее в прозе, чем в стихах про-
славить.*

33

*Герой мой Сашка тихо развязал
Свой галстук... «Сашка» — старое
название!*

*Но «Сашка» тот печати не видал,
И недозревший он угас в изгнание.
Мой Сашка меж друзей своих не
знал*

*Другого имя, — дурно ль, хорошо
ли,*

*Разуверять друзей не в нашей во-
ле.*

*Он галстук снял, рассеянно пер-
стом*

*Провел по лбу, поморщился, по-
том*

*Спросил: «Где Тирза?» — «До-
ма». — «Что ж не видно*

*Ее?» — «Уснула». — «Как ей спать
не стыдно!»*

34

*И он поспешно входит в тот по-
кой,*

Где часто с Тирзой пламенные но-
чи
Он проводил... Все полно тишиной
И сумраком волшебным; прямо в
очи
Недвижно смотрит месяц золо-
той
И на стекле в узоры ледяные
Кидает искры, блески огневые,
И голубым сиянием стена
Игриво и светло озарена.
И он (не месяц, но мой Сашка)
слышит,
В углу на ложе кто-то слабо ды-
шит.

35

Он руку протянул, — его рука
Попала в стену; протянул дру-
гую, —
Ощупал тихо кончик башмачка.
Схватил потом и ножку, но ка-
кую?!..
Так миньятюрна, так нежна,
мягка
Казалась эта ножка, что неволь-
но
Подумал он, не сделал ли ей боль-

но.

*Меж тем рука все далее ползет,
Вот круглая коленочка... и вот,
Вот — для чего смеетесь вы заране? —*

Вот очутилась на двойном кургане...

36

*Блаженная минута!.. Закипел
Мой Александр, склонившись к де-
ве спящей.*

*Он поцелуй на грудь запечатлел
И стан ее обвил рукой дрожащей.
В самозабвенье пылком он не
смел*

*Дохнуть... Он думал: «Тирза доро-
гая!*

*И жизнью и чувствами играя,
Как ты, я чужд общественных
связей, —*

*Как ты, один с свободой моей,
Не знаю в людях ни врага, ни дру-
га, —*

*Живу, чтоб жить как ты, моя по-
друга!*

37

«Судьба вчера свела случайно нас,
Случайно завтра разведет навечно,
—
Не все ль равно, что год, что день,
что час,
Лишь только б я провел его беспечно?..»
И не сводил он ярких черных глаз
С своей жидовки и не знал, казалось,
Что резвое созданье притворялось.
Меж тем почла за нужное она
Проснуться и была удивлена,
Как надлежало... (Страх и удивление
Для женщин в важных случаях спасенье.)

38

И, прежде потерев глаза рукой,
Она спросила: «Кто вы?» — «Я,
твой Саша!»
«Неужто?.. Видишь, баловник какой!
Ступай, давно там ждет тебя
Параша!..
Нет, надо разбудить меня... По-

стой,
Я отомщу». И за руку схватила
Его проворно и... и укусила,
Хоть это был скорее поцелуй.
Да, мерзкий критик, что ты ни
толкуй,
А есть уста, которые украдкой
Кусать умеют сладко, очень
сладко!..

39

Когда бы Тирзу видел Соломон,
То верно б свой престол украсил
ею, —
У ног ее и царство, и закон,
И славу позабыл бы... Но не смею
Вас уверять, затем, что не рож-
ден
Владыкой, и не знаю, в низкой до-
ле,
Как люди ценят вещи на престо-
ле;
Но знаю только то, что Сашка
мой
За целый мир не отдал бы порой,
Ее улыбку, щечки, брови, глазки,
Достойные любой восточной
сказки.

«Откуда ты?» — «Не спрашивай,
 мой друг!
 Я был на бале!» — «Бал! А что та-
 кое?»
 «Невежда! Это — говор, шум и
 стук,
 Толпа глупцов, веселье город-
 ское, —
 Наружный блеск, обманчивый
 недуг;
 Кружатся девы; чванятся наря-
 дом,
 Притворствуют и голосом и
 взглядом.
 Кто ловит душу, кто пять тысяч
 душ...
 Все так невинны, но я им не муж.
 И как ни уважаю добродетель,
 А здесь мне лучше, в том луна
 свидетель».

Каким-то новым чувством сму-
 щена,
 Его слова еврейка поглощала.
 Сначала показалась ей смешна
 Жизнь городских красавиц, но...

сначала.
Потом пришло ей в мысль, что и
она
Могла б кружиться ловко пред
толпою,
Терзатъ мужчин надменной кра-
сотою,
В высокие смотреться зеркала
И уязвлять, но не желая зла,
Соперниц гордой жалостью, и в
свете
Блестать, и ездить четверней в
кажете.

42

Она прижалась к юноше. Листок
Так жметя к ветке, бурю ожи-
дая.
Стучало сердце в ней, как моло-
ток,
Уста полураскрытые, пылая,
Шептали что-то. С головы до ног
Она горела. Груды молодые
Как персики являлись наливные
Из-под сорочки... Сашкина рука
По ним бродила медленно, слег-
ка...
Но... есть во мне к стыдливости

вниманье —
И целый час я пропущу в молча-
нье.

43

Все было тихо в доме. Облака
Нескромный месяц дымкою оде-
ли,
И только раздавались изредка
Сверчка ночного жалобные тре-
ли;
И мышь в тени родного уголка
Скреблась в обои старые прилеж-
но.
Моя чета, раскинувшись небреж-
но,
Покоилась, не думая о том,
Что небеса грозили близким
днем,
Что ночь... Вы на веку своем едва
ли
Таких ночей десятков насчитали...

44

Но Тирза вдруг молчанье прервала
И молвила: «Послушай, прочь все
шутки!
Какая мысль мне странная при-

шла:

Что если б ты, откинув предрас-
судки

(Она его тут крепко обняла),

Что если б ты, мой милый, мой
бесценный,

Хотел меня утешить совершен-
но,

То завтра, или даже в день иной
Меня в театр повез бы ты с со-
бой.

Известно мне, все для тебя воз-
можно,

А отказать в безделице безбож-
но».

45

«Пожалуй!» — отвечал ей Саша.
Он

Из слов ее расслушал половину, —
Его клонил к подушке сладкий
сон,

Как птица клонит слабую трю-
стину.

Блажен, кто может спать! Я был
рожден

С бессонницей. В течение долгой
ночи

Бывало беспокойно бродят очи,
И жжет подушка влажное чело.
Душа грустит о том, что уж
прошло,
Блуждая в мире вымысла без пи-
щи,
Как лазарони или русский нищий...

46

И жадный червь ее грызет, гры-
зет, —
Я думаю, тот самый, что ко-
гда-то
Терзал Саула⁽¹⁸⁵⁾; но порой и тот
Имел отраду: арфы звук крыла-
тый,
Как ангела таинственный полет,
В нем воскрешал и слезы и надеж-
ды;
И опускались пламенные вежды,
С гармонией сливалась мечта,
И злобный дух бежал, как от кре-
ста.
Но этих звуков нет уж в поднебес-
ной, —
Они исчезли с арфою чудесной...

47

И все исчезнет. Верить я готов,
Что наш безлучный мир — лишь
прах могильный
Другого, — горсть земли, в борьбе
веков
Случайно уцелевшая и сильно
Заброшенная в вечный круг миров.
Светилы ей двоюродные братья,
Хоть носят шлейфы огненного
платья,
И по сродству имеют в добрый
час
Влиянье благотворное на нас...
А дай сойтись, так заварится ка-
ша, —
В кулачки, и... прощай планета
наша.

48

И пусть они блестят до той по-
ры,
Как ангелов вечерние лампы.
Придет конец воздушной их игры,
Печальная разгадка сей шарады...
Любил я с колокольни иль с горы,
Когда земля молчит и небо чи-
сто,
Теряться взором в их цепи огни-

стой, —
И мнится, что меж ними и зем-
лей
Есть путь, давно измеренный ду-
шой, —
И мнится, будто на главу поэта
Стремятся вместе все лучи их
света.

49

Итак, герой наш спит, приятный
сон,
Покойна ночь, а вы, читатель ми-
лый,
Пожалуйста, — иначе принужден
Я буду удержатъ вас силой...
Роман, вперед!.. Не идет? — Ну,
так он
Пойдет назад. Герой наш спит по-
куда,
Хочу я рассказать, кто он, отку-
да,
Кто мать его была, и кто отец,
Как он на свет родился, наконец,
Как он попал в позорную обитель,
Кто был его лакей и кто учитель.

50

Его отец — симбирский дворянин,
Иван Ильич NN-ов, муж дородный,
Богатого отца любимый сын.
Был сам богат; имел он ум при-
родный
И, что ума полезней, важный чин;
С четырнадцати лет служил и с
миром
Уволен был в отставку бригади-
ром;
А бригадир блаженных тех вре-
мен
Был человек, и следственно умен.
Иван Ильич наш слыл по крайней
мере
Любезником в своей симбирской
сфере.

51

Он был врагом писателей и книг,
В делах судебных почерпнул по-
знанья.
Спал очень долго, ел за четверых;
Ни на кого не обращал вниманья
И не носил приличия вериг.
Однако же пред знатью гордели-
вой
Умел он гнуться скромно и учти-

во.

Но в этот век учтивости закон
Для исполненья требовал поклон;
А кланяться закону иль вельмо-
же

Считалось тогда одно и то же.

52

Он старших уважал, зато и сам
Почтительность вознаграждал
улыбкой

И, ревностный хотя угодник дам,
Женился, по словам его, ошибкой.

В чем он ошибся, не могу я вам
Открыть, а знаю только (не со-
врать бы),

Что был он грустен на другой
день свадьбы

И что печаль его была одна

Из тех, какими жизнь мужей пол-
на.

По мне они большие эгоисты, —
Всё жен винят, как будто сами
чисты.

53

Благодари меня, о женский пол!
Я — Демосфен^[186] твой: за твою

свободу
Я рад шуметь; я непомерно зол
На всю, на всю рогатую породу!
Кто власть им дал?.. Восстаньте,
— час пришел!
Я поднимаю знамя возмущенья.
Ура! Сюда все девы! Прочь терпенье!
Конец всему есть! Беззаботно, явно
Идите вслед за Марьей Николавной!

Понять меня, я знаю, вам легко,
Ведь в ваших жилах — кровь, не молоко,
И вы краснеть умеете уж кстати
От взоров и намеков нашей браться.

54

Иван Ильич стерег жену свою
По старому обычаю. Без лести
Сказать, он вел себя, как я люблю,
По правилам тогдашней старой
чести.
Проказница ж жена (не утаю)
Читать любила жалкие романы

Или смотреть на светлый шар
Дианы,
В беседке темной сидя до утра.
А месяц и романы до добра
Не доведут, — от них мечты ро-
дятся...
А искушенью только бы добратъ-
ся!

55

Она была прелакомый кусок
И многих дум и взоров стала це-
лью.
Как быть: пчела садится на цве-
ток,
А не на камень; чувствам и весе-
лью
Казенных не назначено дорог.
На брачном ложе Марья Николав-
на
Была, как надо, ласкова, исправна.
Но, говорят (хоть, может быть,
и лгут),
Что долг супруги — только лиш-
ний труд.
Мужья у жен подобных (не в обиду
Будь сказано), как вывеска для ви-
ду.

56

Иван Ильич имел в Симбирске
дом
На самой на горе, против собора.
При мне давно никто уж не жил в
нем,
И он дряхлел, заброшен без надзо-
ра,
Как инвалид, с георгьевским кре-
стом.
Но некогда, с кудрявыми главами,
Вдоль стен колонны высились ря-
дами.
Прозрачною решеткой окружен,
Как клетка, между них висел бал-
кон,
И над дверьми стеклянными в по-
рядке
Виднелися гардин прозрачных
складки.

57

Внутри все было пышно; на сто-
лах
Пестрели разноцветные клеенки,
И люстры отражались в зерка-
лах,
Как звезды в луже; мошки и бо-

лонки
Встречали шумно каждого в д-
в-
рях,
Одна другой несноснее, а дале
Зеленый попугай, порхая в зале,
Кричал бесстыдно: «Кто при-
шел?.. Дурак!»
А гость с улыбкой думал: «как не
так!»
И, ласково хозяйкой принимаем,
Через пять минут мирился с попу-
гаем.

58

Из окон был прекрасный вид кру-
гом:
Налево, то есть к западу, рядами
Блистали кровли, трубы и потом
Меж ними церковь с круглыми
главами,
И кое-где в тени — отрада
днем —
Уютный сад, обсаженный ряби-
ной,
С беседкою, цветами и малиной,
Как детская игрушка, если вам
Угодно, или как меж знатных
дам

Румяная крестьянка — дочь при-
роды,
Испуганная блеском гордой моды.

59

Под глинистой утесистой горой,
Униженной лачужками, направо,
Катилась широкой пеленой
Родная Волга, ровно, величаво...
У пристани двойною чередой
Плоты и барки, как табун, тесни-
лись,
И флюгера на длинных мачтах
бились,
Жужжа на ветре, и скрипел ка-
нат
Натянутый; и серой мглой объ-
ят,
Виднелся дальний берег, и белели
Вкруг острова края песчаной ме-
ли.

60

Нестройный говор грубых голосов
Между судов перебежал порою;
Смех, песни, брань, протяжный
крик пловцов —
Все в гул один сливалось над во-

дою.

*И Марья Николавна, хоть суров
Казался ветер, и день был на заката,
те,*

*Накинув шаль или капот на вате,
С французской книжкой, часто,
сев к окну,*

*Следила взором сизую волну,
Прибрежных струй приливы и отливы,*

Их мерный бег, их золотые гривы.

61

Два года жил Иван Ильич с женой,

И все не тесны были ей корсеты.

*Ее ль сложенье было в том виной,
Или его немолодые леты?..*

Не мне в делах семейных быть судьей!

Иван Ильич иметь желал бы сына

Законного: хоть правом дворянина

Он пользовался часто, но детей,

Вне брака прижитых, злодей,

*Раскидывал по свету, где случится,
ся,*

Страшась с своей древней пород-
ниться.

62

Какая сладость в мысли: я отец!
И в той же мысли сколько муки
тайной —

Оставить в мире след и наконец
Исчезнуть! Быть злодеем, и слу-
чайно, —

Злодеем потому, что жизнь — ве-
нец

Терновый, тяжкий, — так по
крайней мере

Должны мы рассуждать по на-
шей вере...

К чему, куда ведет нас жизнь, о
том

Не с нашим бедным толковать
умом;

Но исключая два-три дня да дет-
ство,

Она, бесспорно, скверное наслед-
ство.

63

Бывало, этой думой удручен,
Я прежде много плакал, и слеза-

ми
Я жег бумагу. Детский глупый сон
Прошел давно, как туча над степ-
ями;
Но пылкий дух мой не был осве-
жен,
В нем родилися бури, как в пусты-
не,
Но скоро улеглись они, и ныне
Осталось сердцу, вместо слез,
бурь тех,
Один лишь отзыв — звучный,
горький смех...
Там, где весной белел поток игри-
вый,
Лежат кремни — и блещут, но не
живы!

64

Прилично б было мне молчать о
том,
Но я привык идти против прили-
чий
И, говоря всеобщим языком,
Не жду похвал. — Поэт породы
птичей,
Любовник роз, над розовым ку-
стом

Урчит и свищет меж листов душистых.

Об чем? Какая цель тех звуков чистых?

Прошу хоть раз спросить у соловья.

Он вам ответит песнью... Так и я

Пишу что́ мыслю, мыслю что́ придется,

И потому мой стих так плавно льется.

65

Прошло два года. Третий год
Обрадовал супругов безнадежных:
Желанный сын, любви взаимной
плод,

Предмет забот мучительных и
нежных,

У них родился. В доме весь народ
Был восхищен, и три дня были
пьяны

Все на подбор, от кучера до няни.
А между тем печально у ворот
Всю ночь собаки выли напролет,
И, что страшнее этого, ребенок
Весь в волосах был, точно медве-
жонок.

*Старухи говорили: это знак,
Который много счастья обеща-
ет.*

*И про меня сказали точно так,
А правда ль это вышло? — небо
знает!*

*К тому же полуночный вой собак
И страшный шум на чердаке вы-
соком —*

*Приметы злые; но не быв проро-
ком,*

Я только покачаю головой.

*Гамлет сказал: «Есть тайны под
луной*

*И для премудрых», — как же мне,
поэту,*

*Не верить можно тайнам и Гам-
лету?..*

*Младенец рос милее с каждым
днем:*

*Живые глазки, белые ручонки
И русый волос, вьющийся коль-
цом, —*

*Пленяли всех знакомых; уж пленен-
ки*

Рубашечкой сменилися на нем;
И, первые проказы начиная,
Уж он дразнил собак и попугая...
Года неслись, а Саша рос, и в пять
Добро и зло он начал понимать;
Но, верно, по врожденному влече-
нию,
Имел большую склонность к раз-
рушенью.

68

Он рос... Отец его бранил и сек —
Затем, что сам был с детства
часто сечен,
А слава богу вышел человек:
Не стыд семьи, ни туп, ни изуве-
чен.
Понятья были низки в старый
век...
Но Саша с гордой был рожден ду-
шою
И желчного сложенья, — пред
судьбою,
Перед бичом язвительной молвы
Он не склонял и после головы.
Умел он помнить, кто его обидел,
И потому отца возненавидел.

69

Великий грех!.. Но чем теплее
кровь,
Тем раньше зреют в сердце беспок
койном
Все чувства — злоба, гордость и
любовь,
Как дерева под небом юга зной-
ным.
Шалун мой хмурил маленькую
бровь,
Встречаясь с нежным папенькой;
от взгляда
Он вздрагивал, как будто б капля
яда
Лилась по жилам. Это, может
быть,
Смешно, — что ж делать! — он
не мог любить,
Как любят все гостинные собачки
За лакомства, побои и подачки.

70

Он был дитя, когда в тесовый
гроб
Его родную с пенъем уложили.
Он помнил, что над нею черный
поп
Читал большую книгу, что кади-

ли,
И прочее... и что, закрыв весь лоб
Большим платком, отец стоял в
молчанье.
И что когда последнее лобзание
Ему велели матери отдать,
То стал он громко плакать и кри-
чать,
И что отец, немного с ним поспо-
ря,
Велел его посесть... (конечно, с го-
ря).

71

Он не имел ни брата, ни сестры,
И тайных мук его никто не ведал.
До времени отвыкнув от игры,
Он жадному сомнению сердце пре-
дал
И, презрев детства милые дары,
Он начал думать, строить мир
воздушный,
И в нем терялся мыслию послуш-
ной.
Таков средь океана островок:
Пусть хоть прекрасен, свеж, но
одинок;
Ладьи к нему с гостями не при-

станут,
Цветы на нем от зноя все увя-
нут...

72

Он был рожден под гибельной
звездой,
С желаньями безбрежными, как
вечность.
Они так часто спорили с душой
И отравили лучших дней беспеч-
ность.
Они летали над его головой,
Как царская корона; но без власти
Венец казался бременем, и стра-
сти,
Впервые пробудясь, живым огнем
Прожгли алтарь свой, не найдя
кругом
Достойной жертвы, — и в пусты-
не света
На дружний зов не встретил он
ответа.

73

О, если б мог он, как бесплотный
дух,
В вечерний час сливаться с обла-

ками,
Склоняясь к волнам кипучим жад-
ный слух
И долго упиваться их речами,
И обнимать их перси, как супруг!
В глуши степей дышать со всей
природой
Одним дыханьем, жить ее свобо-
дой!
О, если б мог он, в молнию одет,
Одним ударом весь разрушить
свет!..
(Но к счастью для вас, читатель
милый,
Он не был одарен подобной силой.)

74

Я не берусь вполне, как психолог,
Характер Саши выставить нару-
жу
И вскрыть его, как с трюфлями
пирог.
Скорей судьей молчаньем я прину-
жу
К решению... Пусть суд их будет
строг!
Пусть журналист всеведущий
хлопочет,

Зачем тот плачет, а другой хохочет!..

Пусть скажет он, что бесом одержим

Был Саша, — я и тут согласен с ним,

Хотя, боюсь, приятель мой, по-веса,

Взбесил бы иногда любого беса.

75

Его учитель чистый был француз,
Marquis de Tess.[16] Педант полу-
забавный,

Имел он длинный нос и тонкий
вкус

И потому брал деньги преисправ-
но.

Покорный раб губернских дам и
муз,

Он сочинял сонеты, хоть порою
По часу бился с рифмою одною;

Но каламбуров полный лексикон,
Как талисман, носил в карманах

он,

И, быв уверен в дамской благода-
ти,

Не размышлял, что кстати, что

не кстати.

76

Его отец богатый был маркиз,
Но жертвой стал народного вол-
нения:

На фонаре однажды он повис,
Как было в моде, вместо украше-
нья.

Приятель наш, парижский Адо-
нис,

Оставив прах родителя судьбине,
Не поклонился гордой гильотине:

Он молча проклял вольность и
народ,

И натошак отправился в поход,
И наконец, едва живой от муки,
Пришел в Россию поощрять нау-
ки.

77

И Саша мой любил его рассказ
Про сборища народные, про шум-
ный

Напор страстей и про последний
час

Венчанного страдальца... Над
безумной

Парижскою толпою много раз
Носилося его воображенье:
Там слышал он святых голов па-
денье,
Меж тем как нищих буйный мил-
лион
Кричал, смеясь: «Да здравствует
закон!»
И в недостатке хлеба или злата,
Просил одной лишь крови у Мара-
та.

78

Там видел он высокий эшафот;
Прелестная на звучные ступени
Всходила женщина... Следы за-
бот,
Следы живых, но тайных угрызе-
ний
Виднелись на лице ее. Народ
Рукоплескал... Вот кудри золотые
Посыпались на плечи молодые;
Вот голова, носившая венец,
Склонилась на плаху... О, творец!
Одумайтесь! Еще момент, зло-
деи!..
И голова оторвана от шеи...

79

*И кровь с тех пор рекою потекла,
И загремела жадная секира...
И ты, поэт, высокого чела
Не уберег! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считал своей ду-
шою —
Слова, мечты с надеждой и тос-
кою...
Напрасно!.. Ты прошел кровавый
путь,
Не отомстив, и творческую грудь
Ни стих язвительный, ни смех хо-
лодный
Не посетил — и ты погиб бесплод-
но...*

80

*И Франция упала за тобой
К ногам убийц бездушных и ни-
чтожных.
Никто не смел возвысить голос
свой;
Из мрака мыслей гибельных и
ложных
Никто не вышел с твердою ду-
шой, —
Меж тем как втайне взор Напо-*

леона
Уж зрел ступени будущего тро-
на...
Я в этом тоне мог бы продол-
жать,
Но истина — не в моде, а писать
О том, что было двести раз в га-
зетах,
Смешно, тем боле об таких пред-
метах.

81

К тому же я совсем не мора-
лист, —
Ни блага в зле, ни зла в добре не
вижу,
Я палачу не дам похвальный лист,
Но клеветой героя не унижу, —
Ни плеск восторга, ни насмешки
свист
Не созданы для мертвых. Царь
иль воин,
Хоть он отличья иногда достоин,
Но верно нам за тяжкий мавзо-
лей
Не благодарен в комнатке своей,
И, длинным одам внемля понево-
ле,

Зевая вспоминает о престоле.

82

*Я прикажу, кончая дни мои,
Отнести свой труп в пустыню и
высокий
Курган над ним насыпать, и —
любви
Символ ненарушимый — одино-
кий
Поставить крест: быть может,
издали,
Когда туман протянется в доли-
не,
Иль свод небес взбунтуется, к вер-
шине
Гостеприимной нищий пешеход,
Его заметив, медленно придет,
И, отряхнувши посох, безнадеж-
ней
Вздохнет о жизни будущей и
прежней —*

83

*И проклянет, склонясь на крест
святой,
Людей и небо, время и природу, —
И проклянет грозы бессильный*

вой
И пылких мыслей тщетную сво-
боду...
Но нет, к чему мне слушать плач
людской?
На что мне черный крест, курган,
гробница?
Пусть отдадут меня стихиям!
Птица
И зверь, огонь и ветер, и земля
Разделят прах мой, и душа моя
С душой вселенной, как эфир с
эфиром,
Сольется и развеется над ми-
ром!..

84

Пускай от сердца, полного тоской
И желчью тайных тщетных со-
жалений,
Подобно чаше, ядом налитой,
Следов не остается... Без волне-
ний
Я выпил яд по капле, ни одной
Не уронил; но люди не видали
В лице моем ни страха, ни печа-
ли,
И говорили хладно: он привык.

*И с той поры я облил свой язык
Тем самым ядом, и по праву ме-
сти
Стал унижать толпу под видом
лести...*

85

*Но кончим этот скучный эпизод
И обратимся к нашему герою.
До этих пор он не имел забот
Житейских и невинною душою
Искал страстей, как пищи. Длин-
ный год
Провел он средь тетрадей, книг,
историй,
Грамматик, географий и теорий
Всех философий мира. Пять си-
стем
Имел маркиз, а на вопрос: зачем?
Он отвечал вам гордо и свободно:
«Monsieur, c'est mon affaire»[17] —
так мне угодно!*

86

*Но Саша не внимал его словам, —
Рассеянно в тетради над строка-
ми
Его рука чертила здесь и там*

Какой-то женский профиль, и очами,
Горящими подобно двум звездам,
Он долго на него взирал и нежно
Вздыхал и хоронил его прилежно
Между листов, как тайный милый клад,
Залог надежд и будущих наград,
Как прячут иногда сухую травку,
Перо, записку, ленту иль булавку...

87

Но кто ж она? Что пользы ей
вскружить
Неопытную голову, впервые
Сердечный мир дыханьем возмутить
И взволновать надежды огневые?
К чему?.. Он слишком молод,
чтоб любить
Со всем искусством древнего Фоблаза^{187}.
Его любовь, как снег вершин Кавказа,
Чиста, — тепла, как небо южных стран...
Ему ль платить, обманом за об-

ман?..
Но кто ж она? Не модная вер-
тушка,
А просто дочь буфетчика,
Маврушка...

88

И Саша был четырнадцати лет.
Он привыкал (скажу вам под сек-
ретом,
Хоть важности большой во всем
том нет)
Толкаться меж служанок. Часто
летом,
Когда луна бросала томный свет
На тихий сад, на свод густых ака-
ций,
И с шепотом толпа домашних
граций
В аллее кралась, — легкою стопой
Он догонял их; и, шутя, порой,
Его невинность (вы поймете са-
ми)
Они дразнили дерзкими перста-
ми.

89

Но между них он отличал одну:

В ней было все, что увлекает ду-
шу,
Волнует мысли и мешает сну.
Но я, друзья, покой ваш не нарушу
И на портрет накину пелену.
Ее любил мой Саша той любовью,
Которая по жилам с юной кровью
Течет огнем, клокочет и кипит.
Боролись в нем желание и стыд;
Он долго думал, как в любви от-
крыться, —
Но надобно ж на что-нибудь ре-
шиться.

90

И мудрено ль? Четырнадцать
лет
Я сам страдал от каждой жен-
ской рожки
И простодушно уверял весь свет,
Что друг на дружку все они похо-
жи.
Волнующихся персей нежный
цвет
И алых уст горячее дыханье
Во мне рождали чудные желанья;
Я трепетал, когда моя рука
Атласных плеч касалась слегка,

Но лишь в мечтах я видел без по-
крова
Все, что для вас, конечно, уж не
ново...

91

Он потерял и сон и аппетит,
Молчал весь день и бредил в ночь,
бывало,
По коридору бродит и грустит,
И ждет, чтоб платье мимо про-
жужжало,
Чтоб ясный взор мелькнул... Суро-
вый вид
Приняв, он иногда улыбкой хлад-
ной
Отвечивал на взор ее отрад-
ный...
Любовь же неизбежна, как судьба,
А с сердцем страх невыгодна
борьба!
Итак, мой Саша кончил с ним во-
зиться
И положил с Маврушей объяс-
ниться.

92

Случилось это летом, в знойный

день.

По мостовой широкими клубами
Вилася пыль. От труб высоких
тень

Ложилася на крышах полосами,
И пар с камней струился. Сон и
лень

Вполне Симбирском овладели; да-
же

Катилась Волга медленней и гла-
же.

В саду, в беседке темной и сырой,
Лежал полураздетый наш герой
И размышлял о тайне съединенья
Двух душ, — предмет, достойный
размышленья.

93

Вдруг слышит он направо, за ку-
стом

Сирени, шорох платья и дыханье
Волнующейся груди, и потом
Чуть внятный звук, похожий на
лобзанье.

Как Саше быть? Забилося сердце в
нем,

Запрыгало... Без дальних опасений
Он сквозь кусты пустился легче

тени.

Трещат и гнутся ветви под рукой.
И вдруг пред ним, с Маврушкой
молодой

Обнявшись в тени цветущей виш-
ни,

Иван Ильич... (Прости ему все-
вышний!)

94

Увы! Покоясь на траве густой,
Проказник старый обнимал бес-
стыдно

Упругий стан под юбкою простой
И не жалел ни ножки миловид-
ной,

Ни круглых персей, дышащих вес-
ной!

И долго, долго бился, но напрасно!
Огня и сил лишен уж был
несчастный.

Он встал, вздохнул (нельзя же не
вздыхнуть),

Поправил брюхо и пустился в
путь,

Оставив тут обманутую деву,
Как Ариадну^{188}, преданную гневу.

95

И есть за что, не спорю... Между
тем
Что делал Саша? С неподвижным
взглядом,
Как белый мрамор холоден и нем,
Как Аббадона⁽¹⁸⁹⁾ грозный, новым
адам
Испуганный, но помнящий эдем,
С поникшею стоял он головою,
И на челе, наморщенном тоскою,
Качались тени трепетных вет-
вей...
Но вдруг удар проснувшихся стра-
стей
Перевернул неопытную душу,
И он упал, как с неба, на Маврушу.

96

Упал! (прости невинность!). Как
змея,
Маврушу крепко обнял он руками,
То холодея, то как жар горя,
Неистово впился в нее устами
И — обезумел... Небо и земля
Слились в туман. Мавруша про-
стонала
И улыбнулась; как волна, вставала

*И упала грудь, и томный взор,
Как над рекой безлучный метеор,
Блуждал вокруг без цели, без пред-
мета,
Боясь всего: людей, дерев и света...*

97

*Теперь, друзья, скажите напрямик,
Кого винить?.. По мне, всего пре-
красней
Сложить весь грех на черта, — он
привык
К напраслине; к тому же безопас-
ней
Рога и когти, чем иной язык...
Итак, заметим мы, что дух
незримый,
Но гордый, мрачный, злой, не от-
разимый
Ни ладаном, ни бранью, ни кре-
стом,
Играл судьбою Саша, как мячом,
И, следуя пустейшему капризу,
Кидал его то вкось, то вверх, то
книзу.*

98

Два месяца прошло. Во тьме ночной,
На цыпочках по лестнице ступая,
В чепце, платок накинув шерстяной,
Являлась к Саше дева молодая;
Задув лампаду, трепетной рукой
Держась за спинку шаткую кровати,
Она искала жарких там объятий.
Потом, на мягкий пух привлечена,
Под одеяло пряталась она;
Тяжелый вздох из груди вырывался,
И в жарких поцелуях он сливался.

99

Казалось, рок забыл о них. Но раз
(Не помню я, в который день недели), —
Уж пролетел давно свиданья час,
А Саша все один был на постели.
Он сел к окну в раздумье. Тихо гас
На бледном своде месяц серебристый,
И неподвижно бахромой волнистой

Вокруг его висели облака.
Дремало все, лишь в окнах изредка
Являлась свечка, силуэт рубча-
тый
Старухи, из картин Рембрандта
взятый,

100

Мелькая, рисовался на стекле
И исчезал. На площади пустын-
ной,
Как чудный путь к неведомой
земле,
Лежала тень от колокольни
длинной,
И даль сливалась в синеватой
мгле.
Задумчив Саша... Вдруг скрипнули
двери,
И вы б сказали — поступь райской
пери
Послышалась. Невольно наш ге-
рой
Вздвогнул. Пред ним, озарена лу-
ной,
Стояла дева, опустивши очи,
Бледнее той луны — царицы но-
чи...

101

*И он узнал Маврушу. Но — тво-
рец! —*

*Как изменилось нежное созданье!
Казалось, тело изваял резец,
А бог вдохнул не душу, но страда-
нье.*

*Она стоит, вздыхает, наконец
Подходит и холодными руками
Хватает руку Саши, и устами
Прижалась к ней, и слезы потекли
Все больше, больше, и, казалось,
жгли*

*Ее лицо... Но кто не зрел картины
Раскаянья преступной Магдали-
ны?*

102

*И кто бы смел изобразить в сло-
вах,*

*Что дышит жизнью в красках
Гвидо-Рени^[190]?*

*Гляжу на дивный холст: душа в
очах,*

*И мысль одна в душе, — и на коле-
ни*

*Готов упасть, и непонятный
страх,*

Как струны лютни, потрясает
жилы;
И слышишь близость чудной тай-
ной силы,
Которой в мире верует лишь
тот,
Кто как в гробу в душе своей жи-
вет,
Кто терпит все упреки, все печа-
ли,
Чтоб гением глупцы его назвали.

103

И долго молча плакала она.
Рассыпавшись на кругленькие пле-
чи,
Ее власы бежали, как волна.
Лишь иногда отрывистые речи,
Отзыв того, чем грудь была пол-
на,
Блуждали на губах ее; но звуки
Яснее были слов... И голос муки
Мой Саша понял, как язык родной;
К себе на грудь привлек ее рукой
И не щадил ни нежностей, ни лас-
ки,
Чтоб поскорей добратся до раз-
вязки.

Он говорил: «К чему печаль твоя?
Ты молода, любима, — где ж
страданье?

В твоих глазах — мой мир, вся
жизнь моя,
И рай земной в одном твоём лоб-
занье...

Быть может, злобу хитрую тая,
Какой-нибудь... Но нет! И кто же
смеет

Тебя обидеть? Мой отец дряхле-
ет,

Француз давно не годен никуда...
Ну, полно! Слезы прочь, и ляг сю-
да!»

Мавруша, крепко Сашу обнимая,
Так отвечала, медленно вздыхая:

«Послушайте, я здесь в последний
раз.

Пренебрегла опасность, наказа-
нье,

Стыд, совесть — все, чтоб толь-
ко видеть вас,

Поцеловать вам руки на проща-
нье

*И выманить слезу из ваших глаз.
Не отвергайте бедную, — доволь-
но*

Уж я терплю, — но что же?..

Сердце вольно...

*Иван Ильич проведаль от людей
Завистливых... Все Ванька ваш,
злодей, —*

Через него я гибну... Все готово!

*Молю!.. О, киньте мне хоть
взгляд, хоть слово!*

106

*«Для вашего отца впервые я
Забыла стыд, — где у рабы защи-
та?*

*Грозил он ссылкой, бог ему судья!
Прошла неделя, — бедная забы-
та...*

*А все любить другого ей нельзя.
Вчера меня обидными словами
Он разбрал... Но что же перед
вами?*

*Раба? Игрушка!.. Точно: день, два,
три*

*Мила, а там? — пожалуй, хоть
умри!..»*

Тут начались слезы, восклицанья,

Но Саша их оставил без вниманья.

107

*«Ах, барин, барин! Вижу я, понять
Не хочешь ты тоски моей сердеч-
ной!..*

*Прощай, — тебя мне больше не
видать,
Зато уж помнить буду вечно, веч-
но...*

*Виновны оба, мне ж должно стра-
дать.*

*Но, так и быть, целуй меня в
грудь, в очи, —*

*Целуй, где хочешь, для последней
ночи!..*

*Чем свет меня в кибитке увезут
На дальний хутор, где Маврушу
ждут*

*Страданья и мужик с косматой
бородою...*

*А ты? — вздохнешь и слюбишься с
другою!»*

108

*Она заплакала. Так или нет
Изгнанница младая говорила,
Я утверждать не смею; двух,*

трех лет
Достаточно губительная сила,
Чтобы святейших слов загладить след.
А тот, кто рассказал мне повесть эту, —
Его уж нет... Но что за нужда свету?
Не веры я ищу, — я не пророк,
Хоть и стремлюсь душою на Восток,
Где свиньи и вино так ныне редки
И где, как пишут, жили наши предки!

109

Она замолкла, но не Саша: он
Кипел против отца негодованьем:
«Злодей! Тиран!» — и тысячу
имен,
Таких же милых, с истинным вниманьем,
Он расточал ему. Но счастья сон,
Как ни бранись, умчался невозвратно...
Уже готов был юноша развратный
В последний раз на ложе пуховом

*Вкусить восторг, в забытии
немом*

*Уж и она, пылая в расслабленье,
Раскинулась, как вдруг — о, провиденье! —*

110

*Удар ногою с треском растворил
Стеклянной двери обе половины,
И ночника луч бледный озарил
Живой скелет вошедшего мужчи-
ны.*

*Казалось, в страхе с ложа он вско-
чил, —*

*Растрепан, босиком, в одной ру-
башке, —*

*Вошел и строго обратился к Саш-
ке:*

«Eh bien, monsieur, que vois-je?» —

«Ah, c'est vous!»

*«Pourquoi ce bruit? Que faites-vous
donc?» — «Jef <...>!» [18]*

*И, молвив так (пускай простит
мне муза),*

*Одним тузом он выгнал вон
француза.*

111

И вслед за ним, как лань кавказ-
ских гор,
Из комнаты пустилася бедняж-
ка,
Не распротясь, но кинув нежный
взор,
Закрыв лицо руками... Долго Саш-
ка
Не мог унять волнение сердца.
«Вздор, —
Шептал он, — вздор: любовь не
жизнь!» Но утро,
Подернув тучки блеском перла-
мутра,
Уж начало заглядывать в окно,
Как милый гость, ожидаемый
давно,
А на дворе, унылый и докучный,
Раздался колокольчик однозвуч-
ный.

112

К окну с волнением Сашка подбе-
жал:
Разгонных тройка у крыльца
большого.
Вот сел ямщик и возжжи подо-
брал;

Вот чей-то голос: «Что же, все готово?» —

«Готово». Вот садится... Он узнал:

Она!.. В чепце, платком окутав шею,

С обычной улыбкою своею,

Ему кивнула тихо головой

И спряталась в кибитку. Бич лихой

Взвился. «Пошел!»... Колесы застучали...

И в миг... Но что нам до чужой печали?

113

Давно ль?... Но детство Саши протекло.

Я рассказал, что знать вам было нужно...

Он стал с отцом браниться: не могло

И быть иначе, — нежностью наружной

Обманывать он почитал за зло,

За низость, — но правдивой мести знаки

Он не щадил (хотя б дошло до

драки).
И потому родитель, рассчитав,
Что укрощать не стоит этот
нрав,
Сынка, рыдая, как мы все умеем,
Послал в Москву с французом и
лакеем.

114

И там проказник был препоручен
Старухе-тетке самых строгих
правил.
Свет утверждал, что резвый Ку-
пидон
Ее краснеть ни разу не заставил.
Она была одна из тех княжен,
Которые, страшась святого бра-
ка,
Не смеют дать решительного
знака
И потому в сомненье ждут да
ждут,
Покуда их на вист не позовут,
Потом остаток жизни, как уме-
ют, —
За картами клеветуют и желте-
ют.

115

Но иногда какой-нибудь лакей,
Усердный, честный, верный, остро-
рожный,
Имея вход к владычице своей
Во всякий час, с покорностью воз-
можной,
В уютной спальне заменяет ей
Служанку, то есть греет одеяло,
Подушки, руки, ноги... Разве мало
Под мраком ночи делается дел,
Которых знать и черт бы не хо-
тел,
И если бы хоть раз он был свиде-
тель,
Как сладко спит седая доброде-
тель.

116

Шалун был отдан в модный пан-
сион,
Где много приобрел прекрасных
правил.
Сначала пристрастился к книгам
он,
Но скоро их с презрением оставил.
Он увидал, что дружба, как по-
клон, —
Двусмысленная вещь; что добрый

малый —
Товарищ скучный, тягостный и
вялый;
Чуть умный — и забавен и снос-
ней,
Чем тысяча услужливых друзей,
И потому (считая только явных)
Он нажил в месяц сто врагов за-
бавных.

117

И снимок их, как памятник свя-
той,
На двух листах, раскрашенный
отлично,
Носил всегда он в книжке запис-
ной,
Обернутой атласом, как прилич-
но,
С стальным замком и розовой
каймой.
Любил он заговоры злобы тайной
Расстроить словом, будто бы
случайно;
Любил врагов внезапно удивлять,
На крик и брань — насмешкой от-
вечать,
Иль, притворясь рассеянным

невезждой,
Ласкать их долго тщетною на-
деждой.

118

Из пансиона скоро вышел он,
Наскуча все твердить азы да бу-
ки,
И наконец в студенты посвящен,
Вступил надменно в светлый
храм науки.
Святое место! Помню я, как сон,
Твои кафедры, залы, коридоры,
Твоих сынов заносчивые споры:
О боге, о вселенной и о том,
Как пить: ром с чаем или голый
ром;
Их гордый вид пред гордыми вла-
стями,
Их сюртуки, висящие клочками.

119

Бывало, только восемь бьет ча-
сов,
По мостовой валит народ ученый.
Кто ночь провел с лампадой средь
трудов,
Кто в грязной луже, Вакхом упо-

енный;

Но все равно задумчивы, без слов
Текут... Пришли, шумят... Про-
фессор длинный

Напрасно входит, кланяется чин-
но, —

Он книгу взял, раскрыл, прочел...
шумят;

Уходит, — втрое хуже. Сущий
ад!..

По сердцу Сашке жизнь была та-
кая,

И этот ад считал он лучше рая.

120

Пропустим года два... Я не хочу
В один прием свою закончить по-
весть.

Читатель знает, что я с ним шу-
чу,

И потому моя спокойна совесть,
Хоть, признаюсь, много пропущу
Событий важных, новых и чудес-
ных.

Но час придет, когда, в пределах
тесных

Не заключен и не спеша вперед,
Чтоб сократить унылый эпизод,

*Я снова обращаю внимание ваше
На те года, потраченные Сашей...*

121

*Теперь героев разбудить пора,
Пора привести в порядок их одеж-
ды.*

*Вы вспомните, как сладостно
вчера*

*В объятьях неги и живой надеж-
ды*

*Уснула Тирза? Резвый бег пера
Я не могу удерживать серьезно,
И потому она проснулась позд-
но...*

*Растрепанные волосы назад
Рукой откинув и на свой наряд
Взглянув с улыбкой сонною, снача-
ла*

Она довольно долго позевала.

122

*На ней измято было все, и грудь
Хранила знаки пламенных лобза-
ний.*

*Она спешит лицо водой сплеснуть
И кудри без особенных стараний
На голове гребенкою заткнуть;*

Потом сорочку скинула, небрежно
Водюю обмывает стан свой нежный...
Опять свежа, как персик молодой.
И на плеча капот накинув свой,
Пленительна бесстыдной наготю,
Она подходит к нашему герою,

123

Садится в изголовье и потом
На сонного студеной влагой плещет.
Он поднялся, кидает взор кругом
И видит, что пора: светелка блещет,
Озарена роскошным зимним
днем;
Замерзших окон стекла серебрятся;
В лучах пылинки светлые вертятся;
Упругий снег на улице хрустит,
Под тяжестью полозьев и копыт,
И в городе (что мне всегда досадно)

Колокола трезвонят беспощадно...

124

Прелестный день! Как пышен божий свет!
Как небеса лазурны!.. Торопливо
Вскочил мой Саша. Вот уж он одет,
Атласный галстук повязал лениво,
С кудрей ночных восторгов сгладил след;
Лишь синеватый венчик под глазами
Изобличал его... Но (между нами,
Сказать тихонько) это не порок.
У наших дам найти я то же б мог,
Хоть между тем ручаюсь головою,
Что их невинней нету под луною.

125

Из комнаты выходит наш герой,
И, пробираясь длинным коридором,
Он видит Катерину пред собой,

Приветствует ее холодным взором —

И мимо. Вот он в комнате другой:

Вот стул с дрожащей ножкою и рядом

Кровать; на ней, закрыта, кверху задом

Храпит Параша, отвернув лицо.

Он плащ надел и вышел на крыльцо,

И вслед за ним несутся восклицанья,

Чтобы не смел забыть он обещанья:

126

Чтоб приготовил модный он наряд

Для бедной, милой Тирзы, и так дале.

Сказать ли, этой выдумке был рад

Проказник мой: в театре, в пестрой зале

Заметят ли невинный маскарад?
Зачем еврейку не утешить тайно,
Зачем толпу не наказать случай-

но
Презреньем гордым всех ее причуд?
И что молва? Глупцов крикливый суд,
Коварный шепот злой старухи,
или
Два-три намека в польском иль в кадрили!

127

Уж Саша дома. К тетке входит он,
Небрежно у нее целует руку.
«Чем кончился вчерашний ваш бостон?
Я б не решился на такую скуку,
Хотя бы мне давали миллион.
Как ваши зубы?.. А Фиделька где же?
Она являться стала что-то реже.
Ей надоел наш модный круг, —
уввы,
Какая жалость!.. Знаете ли вы,
На этих днях мы ждем к себе комету,
Которая несет погибель свету?..

128

«И поделом, ведь новый магазин
Открылся на Кузнецком, — не
удобно ль
Вам посмотреть?.. Там есть
мамзель *Aline*,
Monsieur Dupré, Durand, француз
природный,
Теперь купец, а бывший дворянин;
Там есть мадам *Armand*; там
есть субретка
Fanchoux — плутовка, смуглая ко-
кетка!
Вся молодежь вокруг ее вертит-
ся.
Мне ж все равно, ей-богу, что слу-
чится!
И по одной значительной причине
Я только зритель в этом магази-
не.

129

«Причина эта вот — мой коше-
лек:
Он пуст, как голова француза, —
малость
Истратил я; но это мне урок —
Ценить дешевле внутреннюю ша-

лость!»
И, притворясь печальным сколько
мог,
Шалун склонился к тетке, два-
три раза
Вздыхнул, чтоб удалась его прока-
за.
Тихонько ларчик отперев, она
Заботливо дорылась до дна
И вынула три беленьких бумаж-
ки.
И... вы легко поймете радость
Сашки.

130

Когда же он пришел в свой каби-
нет,
То у дверей с неподвижностью при-
мерной,
В чалме пунцовой, щегольски
одет,
Стоял арап, его служитель вер-
ный.
Покрыт, как лаком, был чугу-
нный цвет
Его лица, и ряд зубов перловых,
И блеск очей открытых, но суро-
вых,

Когда смеялся он иль говорил,
Невольный страх на душу навон-
дил;
И в голосе его, иным казалось,
Надменностью безумной отзыва-
лось.

131

Союз довольно странный заклю-
чен
Меж им и Сашей был. Их разгово-
ры
Казались таинственны, как сон;
Вдвоем, бывало, ночью, точно во-
ры,
Уйдут и пропадают. Одарен
Соображеньем бойким, наш прия-
тель
Восточных слов был страшный
обожатель,
И потому «Зафиром» наречен
Его арап. За ним повсюду он,
Как мрачный призрак, следовал, и
что же? —
Все восхищались этой скверной
рожей!

132

Зафиру Сашка что-то прошептал.

*Зафир кивнул курчавой головою,
Блеснул, как рысь, очами, денег
взял*

*Из белой ручки черною рукою;
Он долго у дверей еще стоял
И говорил все время, по несча-*

*стью,
На языке чужом, и тайной стра-*

*стью
Одушевлен казался. Между тем,
Облокотясь на стол, задумчив,
нем,*

*Герой печальный моего рассказа
Глядел на африканца в оба глаза.*

133

*И наконец он подал знак рукой,
И тот исчез быстрее китайской
тени.*

Проворный, хитрый, с смелою ду-

*шой,
Он жил у Саши как служебный ге-*

*ний,
Домашний дух (по-русски домо-*

*вой);
Как Мефистофель, быстрый и по-*

слушный,
Он исполнял безмолвно, равно-
душно,
Добро и зло. Ему была закон
Лишь воля господина. Ведал он,
Что кроме Саши, в целом божьем
мире
Никто, никто не думал о Зафире.

134

Однако были дни давным-давно,
Когда и он на берегу Гвинеи
Имел родной шалаш, жену, пшено
И ожерелье красное на шее,
И мало ли?.. О, там он был звено
В цепи семей счастливых!.. Там
пустыня
Осталась неприступна, как свя-
тыня.
И пальмы там растут до обла-
ков,
И пена вод белее жемчугов.
Там жгут лобзанья, и пронзают
очи,
И перси дев черней роскошной но-
чи.

135

Но родина и вольность, будто сон,
В тумане дальнем скрылись
невозвратно...
В цепях железных пробудился он.
Для дикаря все стало непонят-
но —
Блестящих городов и шум и звон.
Так облачко, оторвано грозой,
Бродя одно под твердью голубую,
Куда пристать не знает; для него
Все чуждо — солнце, мир и шум
его;
Ему обидно общее веселье, —
Оно, нахмурясь, прячется в ущелье.

136

О, я люблю густые облака,
Когда они толпятся над горою,
Как на хребте стального шишака
Колеблемые перья! Пред грозой,
В одеждах золотых, издалека
Они текут безмолвным караваном,
И наконец одетые туманом,
Обнявшись, свившись, будто куча
змей,
Беспечно дремлют на скале своей.

*Настанет день, — их ветер вновь
уносит:*

*Куда, зачем, откуда? — кто их
спросит?*

137

*И после них на свете нет следа,
Как от любви поэта безнадеж-
ной,
Как от мечты, которой никогда
Он не открыл вниманью дружбы
нежной.*

*И ты, чья жизнь, как беглая звез-
да,
Промчалася неслышно между на-
ми,
Ты мук своих не выразишь слова-
ми:
Ты не хотел насмешки выпить яд,
С улыбкою притворной, как Со-
крат;
И, не разгадан глупою толпою,
Ты умер, чуждый жизни... Мир с
тобою!*

138

*И мир твоим костям! Они сгни-
ют,*

Покрытые одеждою военной...
И сумрачен и тесен твой приют,
И ты забыт, как часовой бессмен-
ный.

Но что же делать? Жди, авось
придут,

Быть может, кто-нибудь из
прежних братьев.

Как знать? — земля до молодых
объятий

Охотница... Ответствуй мне, пе-
вец,

Куда умчался ты?.. Какой венец
На голове твоей? И все ль, как
прежде,

Ты любишь нас и веруешь надеж-
де?

139

И вы, вы все, которым столько
раз

Я подносил приятельскую ча-
шу, —

Какая буря в даль умчала вас?

Какая цель убила юность вашу?

Я здесь один. Святой огонь погас

На алтаре моем. Желанье славы,

Как призрак, разлетелось. Вы пра-

вы:

*Я не рожден для дружбы и пиров...
Я в мыслях вечный странник, сын
дубров,
Ущелий и свободы, и, не зная
Гнезда, живу, как птичка кочевая.*

140

*Я для добра был прежде гибнуть
рад,
Но за добро платили мне презре-
ньем;
Я пробежал пороков длинный ряд
И пресыщен был горьким насла-
ждением...
Тогда я хладно посмотрел назад:
Как с свежего рисунка, сгладил
краску
С картины прошлых дней, вздох-
нул и маску
Надел, и буйным смехом заглу-
шил
Слова глупцов, и дерзко их казнил,
И, грубо пробуждая их беспеч-
ность,
Насмешливо указывал на веч-
ность.*

141

О, вечность, вечность! Что най-
дем мы там
За неземной границей мира? —
Смутный,
Безбрежный океан, где нет векам
Названья и числа; где бесприют-
ны
Блуждают звезды вслед другим
звездам.
Заброшен в их немые хороводы,
Что станет делать гордый царь
природы,
Который верно создан всех умней,
Чтоб пожирать растенья и зве-
рей,
Хоть между тем (пожалуй,
клясться стану)
Ужасно сам похож на обезьяну.

142

О, суета! И вот ваш полубог —
Ваш человек: искусством завла-
девший
Землей и морем, всем, чем толь-
ко мог,
Не в силах он прожить три дня не
евши.
Но полно! Злобный бес меня за-

влек

В такие толки. Век наш — век без-
божный;

Пожалуй, кто-нибудь, шпион ни-
чтожный,

Мои слова прославит, и тогда
Нельзя креститься будет без
стыда;

И поневоле станешь лицемерить,
Смеясь над тем, чему желал бы
верить.

143

Блажен, кто верит счастью и
любви,

Блажен, кто верит небу и проро-
кам, —

Он долголетен будет на земли
И для сынов останется уроком.

Блажен, кто думы гордые свои
Умел смирить пред гордою тол-
пою,

И кто грехов тяжелою ценою
Не покупал пурпурных уст и глаз,
Живых, как жизнь, и светлых, как
алмаз!

Блажен, кто не склонял чела
младого,

Как бедный раб, пред идолом дру-
гого!

144

Блажен, кто вырос в сумраке ле-
сов,
Как тополь дик и свеж, в тени зе-
леной
Играющих и шепчущих листов,
Под кровом скал, откуда ключ
студеный
По дну из камней радужных цве-
тов
Струей гремячей прыгает свер-
кая,
И где над ним береза вековая
Стоит, как призрак позднюю по-
рой,
Когда едва кой-где сучок гнилой
Трещит вдали, и мрак между вет-
вями
Отвсюду смотрит черными оча-
ми!

145

Блажен, кто посреди нагих сте-
пей
Меж дикими воспитан табуна-

ми;
Кто приучен был на хребте коней,
Косматых, легких, вольных, как
над нами
Златые облака, от ранних дней
Носиться; кто, главой припав на
гриву,
Летал, подобно сумрачному диву,
Через пустыню, чувствовал, счи-
тал,
Как мерно конь о землю ударял
Копытом звучным, и вперед зем-
лею
Упругой был кидаем с быстро-
тою.

146

Блажен!.. Его душа всегда полна
Поэзией природы, звуков чистых;
Он не успеет вычерпать до дна
Сосуд надежд; в его кудрях волни-
стых
Не выглянет до время седина;
Он, в двадцать лет желающий че-
го-то,
Не будет вечной одержим зевотой,
И в тридцать лет не кинет край

родной
С больною грудью и больной ду-
шой,
И не решится от одной лишь ску-
ки
Писать стихи, марать в чернилах
руки, —

147

Или, трудясь, как глупая овца,
В рядах дворянства, с рабским
униженьем,
Прикрыв мундиром сердце подле-
ца, —
Искать чинов, мирясь с людским
презреньем,
И поклоняться немцам до кон-
ца...
И чем же немец лучше славяни-
на?
Не тем ли, что, куда его судьбина
Ни кинет, он везде себе найдет
Отчизну и картофель?.. Вот на-
род:
И без таланта правит и за деньги
служит,
Всех давит он, а бьют его — не
тужит!

*Вот племя: всякий черт у них ба-
рон!*

*И уж профессор — каждый их са-
пожник!*

*И смело вкривь и вкось глаголет
он,*

*Как Пифия, воссев на свой тре-
ножник!*

*Кричит, шумит... Но что ж? —
Он не рожден*

*Под нашим небом; наша степь
святая*

*В его глазах бездушных — степь
простая,*

*Без памятников славных, без сле-
дов,*

*Где б мог прочесть он повесть
тех веков,*

*Которые, с их грозными делами,
Унесены забвения волнами...*

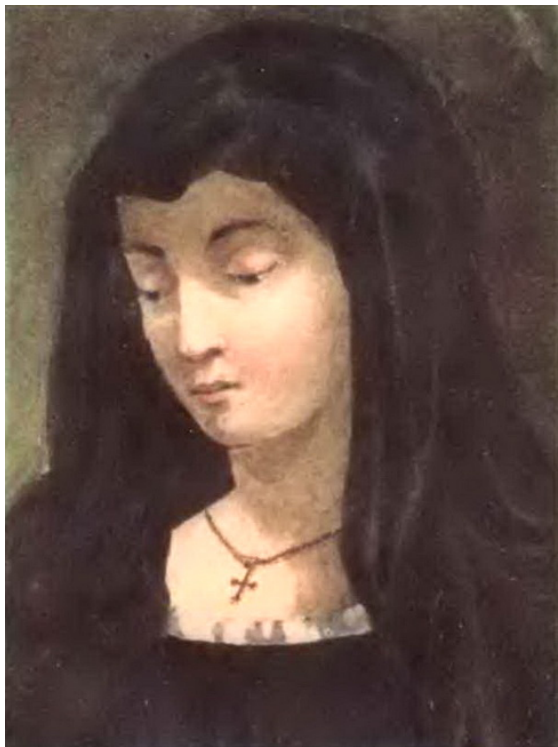
*Кто недоволен выходкой моей,
Тот пусть идет в журнальную
контору,*

*С листком в руках, с оравой дру-
зей,*

*И, веруя их опытному взору,
Печатает анафему, злодей!..
Я кончил... Так! Дописана страни-
ца.
Лампада гаснет... Есть всему гра-
ница —
Наполеонам, бурям и войнам,
Тем более терпенью и... стихам,
Которые давно уж не звучали
И вдруг с пера бог знает как упа-
ли!..*

1835–1836

*Варвара Александровна Лопухина в об-
разе испанской монахини.*

Песня про царя Ивана Васильевича,

молодого опричника и удалого купца Калашникова

{191}

*Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили
мы,
Про твоего любимого опричника,
Да про смелого купца, про Калашникова:
Мы сложили ее на старинный
лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенцо новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи,
И всё слушали — не наслушались.*

І

Не сияет на небе солнце красное,

Не любуются им тучки синие:
То за трапезой сидит во златом
венце,
Сидит грозный царь Иван Васи-
льевич.

Позади его стоят стольники,
Супротив его все бояре да князья,
По бокам его все опричники;
И пирует царь во славу божию,
В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
Вина сладкого заморского
Нацедить в свой золоченый ковш
И поднести его опричникам.
— И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
Удалой боец, буйный молодец,
В золотом ковше не мочил усов;
Опустил он в землю очи темные,
Опустил головушку на широку
грудь —
А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
И навел на него очи зоркие,
Словно ястреб взглянул с высоты

небес

На младого голубя сизокрыло-
го, —

Да не поднял глаз молодой боец,
Вот об землю царь стукнул пал-
кою,

И дубовый пол на полчетверти
Он железным пробил оконечни-
ком —

Да не вздрогнул и тут молодой
боец.

Вот промолвил царь слово гроз-
ное, —

И очнулся тогда добрый молодец.
«Гей ты, верный наш слуга, Кири-
беевич,

Аль ты думу затаил нечестивую?
Али славе нашей завидуешь?
Али служба тебе честная приску-
чила?

Когда всходит месяц — звезды ра-
дуются,

Что светлей им гулять по под-
нёбесью;

А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушатися;

А из роду ты ведь Скуратовых
И семьею ты вскормлен Малютин-
ной!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланяясь:

«Государь ты наш, Иван Василье-
вич!

Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля цар-
ская;

Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонит-
ся».

И сказал ему царь Иван Василье-
вич:

«Да об чем тебе молодцу кручи-
ниться?»

Не истерся ли твой парчевой каф-
тан?

Не измялась ли шапка соболиная?

Не казна ли у тебя поистрати-
лась?»

Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал, худо кованый?
Или с ног тебя сбил на кулачном
бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдован-
ная
Ни в боярском роду, ни в купече-
ском;
Аргамак мой степной ходит весе-
ло;
Как стекло, горит сабля вострая,
А на праздничный день твоей ми-
лостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком подтянуса шелковым,
Заломлю на бочок шапку бархат-
ную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки,

И любят, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любит-
ся,
Полосатой фатой закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой кра-
савицы:
Ходит плавно — будто лебедуш-
ка;
Смотрит сладко — как голубуш-
ка;
Молвит слово — соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе божием;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белую целуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитрев-
ной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православ-

ный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчевые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь те-
перь?
Перед кем покажу удальство
свое?
Перед кем я нарядом похваста-
юсь?
Отпусти меня в степи приволж-
ские,
На житье на вольное, на казац-
кое.
Уж сложу я там буйную головуш-
ку
И сложу на копье бусурманское;
И разделят по себе злы татаро-
вья
Коня доброго, саблю острую
И седельцо браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выклю-
ет,
Мои кости сирые дождик вымо-
ет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется...»

И сказал смеясь Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! Я твоей бе-
де,
Твоему горю пособить постараю-
ся.
Вот возьми перстенок ты мой
яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной покла-
няйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься — праздную сва-
дебку,
Не полюбишься — не прогневай-
ся».

Ох ты гой еси, царь Иван Василье-
вич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианско-
му...

* * *

*Ай, ребята, пойте — только гусли
стройте!*

*Ай, ребята, пейте — дело разу-
мейте!*

*Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!*

II

*За прилавкою сидит молодой ку-
пец,*

*Статный молодец Степан Пара-
монович,*

По прозванию Калашников;

*Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он замани-
вает,*

*Злато, серебро пересчитывает.
Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.*

*Отзвонили вечерню во святых
церквах;*

*За Кремлем горит заря туман-
ная,*

Набегают тучки на небо, —

*Гонит их метелица распеваячи;
Опустел широкий гостиный двор.*

Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовую
Да замком немецким со пружи-
ною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумав-
шись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий
дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой
скатертью,
А свеча перед образом еле теп-
лится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмит-
ревна?
А что детки мои любезные —
Чай забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Пара-

монович!

Я скажу тебе диво дивное:

Что к вечерне пошла Алена
Дмитревна;

Вот уж поп прошел с молодой по-
падъей,

Засветили свечу, сели ужи-
нать, —

А по сю пору твоя хозяйюшка

Из приходской церкви не вернула-
ся.

А что детки твои малые

Почивать не легли, не играть по-
шли —

Плачем плачут, все не унимают-
ся».

И смутился тогда думой креп-
кою

Молодой купец Калашников;

И он стал к окну, глядит на ули-
цу —

А на улице ночь темнехонька;

Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит в сенях дверью
хлопнули,

Потом слышит шаги торопли-
вые;
Обернулся, глядит — сила крест-
ная! —
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безум-
ные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шатала-
ся?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа вся твоя изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай, с сынками все боярскими?..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..
Как запру я тебя за железный за-
мок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету божьего ты не виде-
ла,
Мое имя честное не порочила...»

И услышав то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осино-
вый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно сол-
нышко,
Иль убей меня или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;
От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинёшенька.
И слышалось мне, будто снег
хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки,
И сказал мне так тихим шепо-
том:
«Что пужаешься, красная краса-
вица?»

Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного.
Прозываюся Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютин-
ной...»

Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная голо-
вушка.

И он стал меня целовать-лас-
кать,

И цалуя все приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!

Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цвет-
ной парчи?

Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смер-
тью грешною:

Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, целовал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...

А смотрели в калитку соседушки,

Смеючись, на нас пальцем показы-
вали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бро-
силась,
И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок твой пода-
рочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную —
И что скажут злые соседюшки?
И кому на глаза покажусь те-
перь?

Ты не дай меня, свою верную же-
ну,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне наде-
яться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой зем-
ле,
Рядом с ним лежит моя матуш-
ка,
А мой старший брат, сам ты ве-

даешь,
На чужой сторонущке пропал без
вести,
А меньшей мой брат — дитя ма-
лое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючьми слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклони-
лись,
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш
брат,
Что с тобой случилось, приключи-
лось,
Что послал ты за нами во тем-
ную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключи-
лась:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибее-

вич;

А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецко-
му.

Уж как завтра будет кулачный
бой

На Москве-реке при самом царе,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на смерть биться, до послед-
них сил;

А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.

Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежей силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов
убирать,

К нему малые орлята слетают-
ся:

Ты наш старший брат, нам вто-
рой отец;

Делай сам, как знаешь, как веда-
ешь,
А уж мы тебя родного не выда-
дим».

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли
стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разу-
мейте!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златогла-
вою,
Над стеной кремлевской белока-
менной
Из-за дальних лесов, из-за синих
гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчаты-
ми,
Как красавица, глядя в зеркальцо,
В небо чистое смотрит, улыба-

ется.

Уж зачем ты, алая заря, просыпалась?

На какой ты радости разыгралась?

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.

И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,

Чистым золотом в кольцах спаянную.

Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотницкого бою, одиночного.

И велел тогда царь Иван Васильевич

Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!

Выходите-ка во широкий круг;

*Кто побьет кого, того царь на-
градит,
А кто будет побит, тому бог про-
стит!»*

*И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бар-
хатную,
Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич проклика-
ли —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга потал-
кивают.*

*На просторе опричник похажива-
ет,
Над плохими бойцами подсмеива-
ет:
«Присмирели, небойсь, призадума-
лись!
Так и быть, обещаюсь, для празд-
ника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего ба-*

тюшку».

Вдруг толпа раздалась в обе стороны —
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,
По прозванию Калашников,
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым
церквам,
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрят пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду, племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду
служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже, как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, бусурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег:
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал

мороз,
На раскрытых устах слово замер-
ло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашни-
кова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамоно-
вич;
На груди его широкой висел мед-
ный крест
Со святыми мощами из Киева,
И погнулся крест и вдавился в
грудь;
Как роса из-под него кровь закапа-
ла;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбуди-
тся;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника

Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал
слегка,
Закачался, упал за́мертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень под-
рубленная.

И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о
землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.

Как возговорил православный
царь:
«Отвечай мне по правде, по сове-
сти,
Вольной волею или нехотя
Ты убил насмерть мово верного
слугу,
Мово лучшего бойца Кирибееви-

ча?»

«Я скажу тебе, православный
царь:

Я убил его вольной волею,
А за что про что — не скажу те-
бе,

Скажу только богу единому.
Прикажи меня казнить — и на
плаху несть

Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову,
Да двух братьев моих своей мило-
стью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по сове-
сти.

Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же
дня
По всему царству русскому широ-
кому
Торговать безданно, беспошлин-
но.

А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наост-
рить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу зво-
нить,
Чтобы знали все люди москов-
ские,
Что и ты не оставлен моей ми-
лостью...»

Как на площади народ собирает-
ся,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недоб-
рую.
По высокому месту лобному,
Во рубахе красной с яркой запон-
кой,
С большим топором наострены-
м,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощает-

ся:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене
Дмитревне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не ска-
зывать.
Поклонитесь дому родительско-
му,
Поклонитесь всем нашим това-
рищам,
Помолитесь сами в церквѣ божи-
ей
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покати́лася.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех до-
рог:
Промеж тульской, рязанской,

владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпа-
ли,
И кленовый крест тут постави-
ли.
И гуляют, шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекре-
стится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют пе-
сенку.

* * *

Гей вы, ребята удалые,
Гусяры молодые,
Голоса заливные!
Красно начинали — красно и кон-
чайте,
Каждому правдою и честью воз-
дайте.
Тароватому боярину слава!
И красавице-боярыне слава!
И всему народу христианскому
слава!

Тамбовская казначейша

*Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.*

{192}

Посвящение

*Пускай слыву я старовером,
Мне все равно — я даже рад:
Пишу Онегина размером;
Пою, друзья, на старый лад.
Прошу послушать эту сказку!
Ее нежданную развязку
Одобрите, быть может, вы
Склоненьем легким головы.
Обычай древний наблюдая,
Мы благодетельным вином
Стихи негладкие запьем,
И пробегут они, хромая,
За мирною своей семьей
К реке забвенья на покой.*

I

*Тамбов на карте генеральной
Кружком означен не всегда;
Он прежде город был опальный^{193},
Теперь же, право, хоть куда.*

Там есть три улицы прямые,
И фонари и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин».
Там есть еще четыре будки,
При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки;

Короче, славный городок.

II

Но скука, скука, боже правый,
Гостит и там, как над Невой,
Поит вас пресною отравой,
Ласкает черствою рукой.
И там есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И там нет средства от глупцов
И музыкальных вечеров;
И там есть дамы — просто чудо!
Дианы строгие в чепцах,
С отказом вечным на устах.
При них нельзя подумать худо:
В глазах греховное прочтут,
И вас осудят, проклянут.

III

*Вдруг оживился круг дворянский;
Губернских дев нельзя узнать;
Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать.
Уланы, ах! Такие хваты...
Полковник, верно, неженатый, —
А уж бригадный генерал,
Конечно, даст блестящий бал.
У матушек сверкнули взоры;
Зато, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли в раздумье: сабли, шпоры
Беда для крашенных полов...
Так волновался весь Тамбов.*

IV

*И вот однажды утром рано,
В час лучший девственного сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотит Аврора,
И, тишины известный враг,
Еще безмолвствовал кабак,*

*Уланы справа по-шести
Вступили в город; музыканты,*

Дремля на лошадях своих,
Играли марш из «Двух слепых»^{194}.

V

Услыша ласковое ржанье
Желанных вороных коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тут не запрыгало сильнее?
Забыта жаркая перина...
«Малашка, дура, Катерина,
Скорее туфли и платок!
Да где Иван? Какой мешок!
Два года ставни отворяют...»
Вот ставни настезь. Целый дом
Трет стекла тусклые сукном —
И любопытно пробегают
Глаза опухшие девиц
Ряды суровых, пыльных лиц.

VI

«Ах, посмотри сюда, кухня,
Вот этот!» — «Где? Майор?» —
«О, нет!
Как он хорош, а конь — картина,
Да жаль, он, кажется, корнет...
Как ловко, смело избочился...
Поверишь ли, он мне приснился...
Я после не могла уснуть...»

*И тут девическая грудь
Косынку тихо поднимает —
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взор живой.
Но полк прошел. За ним мелькает
Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых.*

VII

*Против гостиницы «Московской»,
Притона буйных усачей,
Жил некто господин Бобковской,
Губернский старый казначей.
Давно был дом его построен;
Хотя невзрачен, но спокоен;
Меж двух облупленных колонн
Держался кое-как балкон.
На кровле треснувшие доски
Зеленым мохом поросли;
Зато пред окнами цвели,
Четыре стриженных березки
Взамен гардин и пышных стор,
Невинной роскоши убор.*

VIII

*Хозяин был старик угрюмый
С огромной лысой головой.*

От юных лет с казенной суммой
Он жил, как с собственной каз-
ной.

В пучинах сумрачных расчета
Блуждать была его охота,
И потому он был игрок
(Его единственный порок).
Любил налево и направо
Он в зимний вечер прометнуть,
Четвертый куш перечеркнуть,
Рутёркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить Цимлянского струей.

IX

Он был врагом трудов полезных,
Трибун тамбовских удальцов,
Гроза всех матушек уездных
И воспитатель их сынков.
Его краплёные колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса.
Губернский врач, судья, исправ-
ник —
Таков его всегдашний круг;
Последний был делец и друг,
И за столом такой забавник,

Что казначейша иногда
Сгорит, бывало, от стыда.

X

Я не поведал вам, читатель,
Что казначей мой был женат.
Благословил его создатель,
Послав ему в супруге клад.
Ее ценил он тысяч во сто,
Хотя держал довольно просто
И не выписывал чепцов
Ей из столичных городов.
Предав ей таинства науки,
Как бросить вздох иль томный
взор,
Чтоб легче влюбчивый понтёр
Не разглядел проворной штуки,
Меж тем догадливый старик
С глаз не спускал ее на миг.

XI

И впрямь Авдотья Николавна
Была прелакомый кусок.
Идет, бывало, гордо, плавно —
Чуть тронет землю башмачок;
В Тамбове не запомнят люди
Такой высокой, полной груди:
Бела, как сахар, так нежна,

Что жилка каждая видна.
Казалось, для нежной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну что такое бирюза?
Что небо? Впрочем я отчасти
Поклонник голубых очей
И не гожусь в число судей.

XII

А этот носик! Эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос сладкий, как мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто «р» произносила;
Но этот маленький порок
Кто извинить бы в ней не мог?
Любил трепать ее ланиты,
Разнежась, старый казначей.
Как жаль, что не было детей
У них! -----

XIII

Для большей ясности романа
Здесь объявить мне вам пора,
Что страстно влюблена в улана

Была одна ее сестра.
Она, как должно, тайну эту
Открыла Дуне по секрету.
Вам не случилось двух сестер
Замужних слышать разговор?
О чем тут, боже справедливый,
Не судят милые уста!
О, русских нравов простота!
Я, право, человек нелживый —
А из-за ширмов раза два
Такие слышал я слова...

XIV

Итак тамбовская красотка
Ценить умела уж усы

Что ж? Знание ее сгубило!
Один улан, повеса милый
(Я вместе часто с ним бывал),
В трактире номер занимал
Окно в окно с ее уборной.
Он был мужчина в тридцать
лет;
Штабротмистр, строен, как кор-
нет;
Взор пылкий, ус довольно черный:
Короче, идеал девиц,

Одно из славных русских лиц.

XV

Он все отцовское именьё
Еще корнетом прокутил;
С тех пор дарами провиденья,
Как птица божия, он жил.
Он, спать ложась, привык не ве-
дать,
Чем будет завтра пообедать.
Шатаясь по Руси кругом,
То на курьерских, то верхом,
То полупьяным ремонтёром,
То волокитой отпускным,
Привык он к случаям таким,
Что я бы сам почел их вздором,
Когда бы все его слова
Хоть тень имели хвастовства.

XVI

Страстьми земными не смуща-
ем,
Он не терялся никогда.

Бывало, в деле, под картечью
Всех рассмешит надутой речью,
Гримасой, фарсой площадной,

*Иль неподдельной остротой.
Шутя, однажды после спора,
Всадил он другу пулю в лоб;
Шутя и сам он лег бы в гроб, —*

*Порой, незлобен как дитя,
Был добр и честен, но шутя.*

XVII

*Он не был тем, что волокитой
У нас привыкли называть;
Он не ходил тропой избитой,
Свой путь умея пролагать;
Не делал страстных изъяснений,
Не становился на колени;
А несмотря на то, друзья,
Счастливей был, чем вы и я.*

*Таков-то был штабротмистр Га-
рин:*

*По крайней мере мой портрет
Был схож тому назад пять лет.*

XVIII

*Спешил о редкостях Тамбова
Он у трактирщика узнать.*

Узнал немало он смешного —
Интриг секретных шесть иль
пять;
Узнал, невесты как богаты,
Где свахи водятся иль сваты;
Но занял более всего
Мысль беспокойную его
Рассказ о молодой соседке.
«Бедняжка! — думает улан,
Такой безжизненный болван
Имеет право в этой клетке
Тебя стеречь — и я, злодей,
Не тронусь участью твоей?»

XIX

К окну поспешно он садится,
Надев персидский архалук;
В устах его едва дымится
Узорный бисерный чубук.
На кудри мягкие надета
Ермолка вишневого цвета
С каймой и кистью золотой,
Дар молдаванки молодой.
Сидит и смотрит он прилежно...
Вот, промелькнувши как во мгле,
Обрисовался на стекле
Головки милой профиль нежный;
Вот будто стукнуло окно...

Вот отворяется оно.

XX

*Еще безмолвен город сонный;
На окнах блещет утра свет;
Еще по улице мощеной
Не раздается стук карет...
Что ж казначейшу молодую
Так рано подняло? Какую
Назвать причину поверней?
Уж не бессонница ль у ней?
На ручку опершись головкой,
Она вздыхает, а в руке
Чуллок; но дело не в чулке —
Заняться этим нам неловко...
И если правду уж сказать —
Ну кстати ль было б ей вязать!*

XXI

*Сначала взор ее прелестный
Бродил по синим небесам,
Потом склонился к поднебесной
И вдруг... какой позор и срам!
Напротив, у окна трактира,
Сидит мужчина без мундира.
Скорей, штабротмистр! Ваш сер-
тук!
И поделом... окошко стук...*

*И скрылось милое виденье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На вас навеяла б смущенье;
Но я отдам улану честь —
Он молвил: «Что ж? Начало
есть».*

XXII

*Два дня окно не отворялось.
Он терпелив. На третий день
На стеклах снова показалась
Ее пленительная тень;
Тихонько рама заскрипела.
Она с чулком к окну подсела.
Но опытный заметил взгляд
Ее заботливый наряд.
Своей удачею довольный,
Он встал и вышел со двора —
И не вернулся до утра.
Потом, хоть было очень больно,
Собрав запас душевных сил,
Три дня к окну не подходил.*

XXIII

*Но эта маленькая ссора
Имела участь нежных ссор:
Меж них завелся очень скоро*

Немой, но внятнЫй разговор.
Язык любви, язык чудесный,
Одной лишь юности известный,
Кому, кто раз хоть был любим,
Не стал ты языком родным?
В минуту страстного волненья
Кому хоть раз ты не помог
Близ милых уст, у милых ног?
Кого под игом принужденья,
В толпе завистливой и злой,
Не спас ты, чудный и живой?

XXIV

Скажу короче: в две недели
Наш Гарин твердо мог узнать,
Когда она встает с постели,
Пьет с мужем чай, идет гулять.
Отправится ль она к обедне —
Он в церкви верно не последний;
К сырой колонне прислонясь,
Стоит все время не крестясь.
Лучом краснеющей лампы
Его лицо озарено:
Как мрачно, холодно оно!
А испытующие взгляды
То вдруг померкнут, то блещут
—
Проникнуть в грудь ее хотят.

XXV

Давно разрешено сомненье,
Что любопытен нежный пол.
Улан большое впечатленье
На казначейшу произвел
Своею странностью. Конечно,
Не надо было б мысли грешной
Дорогу в сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!

Жизнь без любви такая сквер-
ность;
А что, скажите, за предмет
Для страсти муж, который сед?

XXVI

Но время шло. «Пора к развяз-
ке!» —
Так говорил любовник мой.
«Вздыхают молча только в сказ-
ке,
А я не сказочный герой».
Раз входит, кланяясь пренизко,
Лакей. — «Что это?» — «Вот-с за-
писка;
Вам барин кланяться велел-с;

Сам не приехал — много дел-с;
Да приказал вас звать к обеду,
А вечерком потанцевать.
Он сам изволил так сказать».
— «Ступай, скажи, что я приеду».
И в три часа, надев колет,
Летит штабротмистр на обед.

XXVII

Амфитрион был предводитель —
И в день рождения жены,
Порядка ревностный блюсти-
тель,
Созвал губернские чины
И целый полк. Хотя бригадный
Заставил ждать себя изрядно
И после целый день зевал,
Но праздник в том не потерял.
Он был устроен очень мило;
В огромных вазах по столам
Стояли яблоки для дам;
А для мужчин в буфете было
Еще с утра принесено
В больших трех ящиках вино.

XXVIII

Вперед под ручку с генеральшей
Пошел хозяин. Вот за стол

Уселся от мужчин подальше
Прекрасный, но стыдливый пол —
И дружно загремел с балкона,
Средь утешительного звона
Тарелок, ложек и ножей,
Весь хор уланских трубачей:
Обычай древний, но прекрасный;
Он возбуждает аппетит,
Порою кстати заглушит
Меж двух соседей говор страст-
ный —
Но в наше время решено,
Что все старинное смешно.

XXIX

Родов, обычаев боярских
Теперь и следу не ищи,
И только на пирах гусарских
Гремят, как прежде, трубачи.
О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я,
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леска

Бросает луч исподтишка!

XXX

С Авдотьей Николавной рядом
Сидел штабротмистр удалой —
Впился в нее упрямым взглядом,
Крутя усы одной рукой.
Он видел, как в ней сердце билось...
И вдруг — не знаю, как случи-
лось —
Ноги ее иль башмачка
Коснулся шпорой он слегка.
Тут начались извиненья,
И завязался разговор;
Два комплимента, нежный
взор —
И уж дошло до изъясненья...
Да, да — как честный офицер!
Но казначейша — не пример.

XXXI

Она, в ответ на нежный шепот,
Немой восторг спеша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкий опыт
Ему решила предложить —
Таков обычай деревенский!
Помучить — способ самый жен-
ский.

*Но уж давноизвестна нам
Любовь друзей и дружба дам!
Какое адское мученье
Сидеть весь вечер tête-à-tête
С красавицей в осьмнадцать лет*

XXXII

*Вобщем я мог в году последнем
В девицах наших городских
Заметить страсть к воздушным
бредням
И мистицизму. Бойтесь их!
Такая мудрая супруга,
В часы любовного досуга,
Вам вдруг захочет доказать,
Что два и три совсем не пять;
Иль, вместо пламенных лобза-
ний,
Магнетизировать начнет —
И счастлив муж, коли заснет!..
Плоды подобных замечаний
Конечно б мог не ведать мир,
Но польза, польза — мой кумир.*

XXXIII

Я бал описывать не стану,
Хоть это был блестящий бал.
Весь вечер моему улану
Амур прилежно помогал.
Увы —————
Не веруют амуру ныне;
Забыв любви волшебный царь;
Давно остыл его алтарь!
Но за столичным просвещеньем
Провинциалы не спешат;
—————
—————
—————
—————

XXXIV

И сердце Дуни покорилось;
Его сковал могучий взор...
Ей дома целу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпор.
Поутру, встав часу в девятом,
Садится в шлафоре измятом
Она за вечную канву —
Все тот же сон и наяву.
По службе занят муж ревнивый,
Она одна — разгул мечтам!
Вдруг дверью стукнули. «Кто
там?»

Андрюшка! Ах, тюлень лени-
вый!..»

Вот чей-то шаг — и перед ней
Явился... только не Андрей.

XXXV

Вы отгадаете, конечно,
Кто этот гость нежданный был.
Немного, может быть, поспешно
Любовник смелый поступил;
Но впрочем взявши в рассмотре-
нье

Его минувшее терпенье
И рассудив, легко поймешь,
Зачем рискует молодежь.
Кивнув легонько головою,
Он к Дуне молча подошел
И на лицо ее навел
Взор, отуманенный тоскою;
Потом стал длинный ус кру-
тить,
Вздыхнул, и начал говорить:

XXXVI

«Я вижу, вы меня не ждали —
Прочесть легко из ваших глаз;
Ах, вы еще не испытали,
Что в страсти значит день, что

час!
Среди сердечного волненья
Нет сил, нет власти, нет терпе-
нья!
Я здесь — на все решился я...
Тебе я предан... ты моя!
Ни мелочные толки света,
Ничто, ничто не страшно мне;
Презренье светской болтовне —
Иль я умру от пистолета...
О, не пугайся, не дрожи;
Ведь я любим — скажи, скажи!..»

XXXVII

И взор его притворно-скромный,
Склоняясь к ней, то угасал,
То, разгораясь страстью томной,
Огнем сверкающим пылал.
Бледна, в смущенье оставалась
Она пред ним... Ему казалось,
Что чрез минуту для него
Любви наступит торжество...
Как вдруг внезапный и невольный
Стыд овладел ее душой —
И, вспыхнув вся, она рукой
Толкнула прочь его: «Довольно,
Молчите — слышать не хочу!
Оставьте ль? Я закричу!..»

XXXVIII

Он смотрит: это не притворство,
Не штуки — как ни говори —
А просто женское упорство,
Капризы — черт их побери!
И вот — о, верх всех унижений! —
Штабротмистр преклонил колени
И молит жалобно; как вдруг
Дверь настезь — и в дверях супруг.
Красотка: «ах!» Они взглянули
Друг другу сумрачно в глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гарин вышел. Дома пули
И пистолеты снарядил,
Присел — и трубку закурил.

XXXIX

И через час ему приносит
Записку грязную лакей.
Что это? Чудо! Нынче просит
К себе на вистик казначей,
Он именинник — будут гости...
От удивления и злости
Чуть не задохся наш герой.
Уж не обман ли тут какой?

*Весь день проводит он в волненье.
Настал и вечер наконец,
Глядит в окно: каков хитрец —
Дом полон, что за освещенье!
А все засунуть — или нет? —
В карман на случай пистолет.*

XL

*Он входит в дом. Его встречает
Она сама, потупя взор.
Вздых полновесный прерывает
Едва начатый разговор.
О сцене утренней ни слова.
Они друг другу чужды снова.
Он о погоде говорит;
Она «да-с, нет-с» и замолчит.
Измучен тайною досадой,
Идет он дальше в кабинет...
Но здесь спешить нам нужды
нет,
Притом спешить нигде не надо.
Итак позвольте отдохнуть,
А там dokonчим как-нибудь.*

XLI

*Я жить спешил в былые годы,
Искал волнений и тревог,
Законы мудрые природы*

Я безрассудно пренебрег.
Что ж вышло? Право смех и жа-
лость!
Сковала душу мне усталость,
А сожаленье день и ночь
Твердит о прошлом. Чем помочь!
Назад не возвратят усилья.
Так в клетке молодой орел,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не подьѐмлет крылья —
Кровавой пищи не клюет,
Сидит, молчит и смерти ждет.

XLII

Ужель исчез ты, возраст милый,
Когда все сердцу говорит,
И бьется сердце с дивной силой,
И мысль восторгами кипит?
Не все ж томиться бесполезно
Орлу за клеткою железной:
Он свой воздушный прежний путь
Еще найдет когда-нибудь,
Туда, где снегом и туманом
Одеты темные скалы,
Где гнезда вьют одни орлы,
Где тучи бродят караваном!
Там можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь!

XLIII

*Но есть всему конец на свете,
И даже выспренним мечтам.
Ну, к делу. Гарин в кабинете.
О чудеса! Хозяин сам
Его встречает с восхищеньем,
Сажает, потчует вареньем,
Несет шампанского стакан.
«Иуда!» — мыслит мой улан.
Толпа гостей теснилась шумно
Вокруг зеленого стола;
Игра уж дельная была,
И банк притом благоразумный.
Его держал сам казначей
Для облегчения друзей.*

XLIV

*И так как господин Бобковский
Великим делом занят сам,
То здесь блестящий круг тамбов-
ский
Позвольте мне представить вам.
Во-первых, господин советник,
Блюститель нравов, мирный
сплетник,*

А вот уездный предводитель,

*Весь спрятан в галстук, фрак до
пят,
Дискант, усы и мутный взгляд.
А вот, спокойствия рачитель,
Сидит и сам исправник — но
Об нем уж я сказал давно.*

XLV

*Вот, в полуфрачке, раздушенный,
Времен новейших Митрофан,
Нетесаный, недоученый,
А уж безнравственный болван.
Доверье полное имея
К игре и знанью казначея,
Он понтирует, как велят, —
И этой чести очень рад.
Еще тут были... но довольно,
Читатель милый, будет с вас.
И так несвязный мой рассказ,
Перу покорствуя невольно
И своенравию чернил,
Бог знает чем я испестрил.*

XLVI

*Пошла игра. Один, бледнея,
Рвал карты, вскрикивал; другой,
Поверить проигрыш не смея,
Сидел с поникшей головой.*

Иные, при удачной талье,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкромет
Был нем и мрачен. Хладный пот
По гладкой лысине струился.
Он все проигрывал дотла.
В ушах его «дана», «взяла»
Так и звучали. Он взбесился —
И проиграл свой старый дом,
И все, что в нем или при нем.

XLVII

Он проиграл коляску, дрожки,
Трех лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче — все, все дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидел он бледный и безмолвный.
Уж было полночь. Треща,
Одна погасла уж свеча.
Свет утра синевато-бледный
Вдоль по туманным небесам
Скользил. Уж многим игрокам
Сон прогулять казалось вредно,
Как вдруг, очнувшись, казначей
Вниманья просит у гостей.

XLVIII

*И просит важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но с тем, чтоб отыграть именье,
Иль «проиграть уж и жену».
О страх! О ужас! О злодейство!
И как доньине казначейство
Еще терпеть его могло!
Всех будто варом обожгло.
Улан один прехладнокровно
К нему подходит. «Очень рад, —
Он говорит, — пускай шумят,
Мы дело кончим полюбовно,
Но только чур не плутовать —
Иначе вам не сдобровать!»*

XLIX

*Теперь кружок понтеров празд-
ных
Вообразить прошу я вас,
Цвета их лиц разнообразных,
Блистанье их очков и глаз,
Потом усастого героя,
Который понтирует стоя;
Против него меж двух свечей
Огромный лоб, седых кудрей
Покрытый редкими клочками,
Улыбкой вытянутый рот
И две руки с колодой — вот*

*И вся картина перед вами,
Когда прибавим вдалеке
Жену на креслах в уголке.*

L

*Что в ней тогда происходило —
Я не берусь вам объяснить;
Ее лицо изобразило
Так много мук, что, может
быть,
Когда бы вы их разгадали,
Вы поневоле б зарыдали.
Но пусть участия слеза
Не отуманит вам глаза:
Смешно участие в человеке,
Который жил и знает свет.
Рассказы вымышленных бед
В чувствительном прошедшем
веке
Немало проливали слёз...
Кто ж в этом выиграл — вопрос?*

LI

*Недолго битва продолжалась;
Улан отчаянно играл;
Над стариком судьба смеялась —
И жребий выпал... час настал...
Тогда Авдотья Николавна,*

*Встав с кресел, медленно и плавно
К столу в молчанье подошла —
Но только цвет ее чела
Был страшно бледен. Обомлела
Толпа. Все ждут чего-нибудь —
Упреков, жалоб, слез... Ничуть!
Она на мужа посмотрела
И бросила ему в лицо
Свое венчалное кольцо —*

LII

*И в обморок. Ее в охапку
Схватив, — с добычей дорогой,
Забыв расчеты, саблю, шапку,
Улан отправился домой.
Поутру вестью забавной
Смущен был город благонравный.
Неделю целую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Об этом все распространялись.
Старик защитников нашел.
Улана проклял милый пол —
За что, мы, право, не дознались.
Не зависть ли? Но нет, нет, нет!
Ух! Я не выношу клевет.*

LIII

И вот конец печальной были

Иль сказки — выражусь прямой.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали действия? Страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все просят крови — даже дамы.
А я, как робкий ученик,
Остановился в лучший миг;
Простым нервическим припад-
ком
Неловко сцену заключил,
Соперников не помирил
И не поспорил их порядком...
Что ж делать! Вот вам мой рас-
сказ,
Друзья; покамест будет с вас.

1837–1838

Перестрелка в горах Дагестана.

Беглец Горская легенда

{195}

*Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла;*

Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у сопостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит!

И скрылся день; клубясь, туманы
Одели темные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнает;
Подкрался он, никем не зримый...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой.

И к сакле он спешит знакомой,

Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой, как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе, мучимый недугом, —
Один, — он, молча умирал...
«Велик Аллах, от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!»
«Что нового?» — спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне,
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут — враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! Твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»
И умирающий в ответ:

«Ступай — достоин ты презре-
нья.

Ни крова, ни благословленья
Здесь у меня для труса нет!..»
Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.

И, саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело;
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: я любим;
Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти — и слышит,
И слышит песню старины...
И стал Гарун бледней луны:

Месяц плывет
Тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.

Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароят.
Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.

Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь...

Но вот от бури наклоненный
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы

Восходят к небу за него;
Старуха-мать ждет сына с бит-
вы,
Но ждет его не одного!..

«Мать, отвори! Я странник бед-
ный,
Я твой Гарун, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!» «Один?» «Один!»
«А где отец и братья?» «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли».
«Ты отомстил?» «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...»
«Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,
И все кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго под окном;

И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал рыча домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в темну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится стуча,
Но внемля громкий стих Корана,
Бежит опять, под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.

Демон

Восточная повесть

{196}

Часть I

I

*Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснились толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил
Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья,
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего*

Припомнить не имел он силы!

II

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему.

III

И над вершинами Кавказа
Изгнанник рая пролетал:
Под ним Казбек, как грань алма-
за,
Снегами вечными сиял,
И, глубоко внизу чернея,
Как трещина, жилище змея,
Вился излучистый Дарьял,
И Терек, прыгая, как львица
С косматой гривой на хребте,
Ревел, — и горный зверь, и птица,
Кружась в лазурной высоте,
Глаголу вод его внимали;

И золотые облака
Из южных стран, издалика
Его на север провожали;
И скалы тесною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Над ним склонялись головой,
Следя мелькающие волны;
И башни замков на скалах
Смотрели грозно сквозь туманы —

У врат Кавказа на часах
Сторожевые великаны!
И дик, и чуден был вокруг
Весь божий мир; но гордый дух
Презрительным окинул оком
Творенье бога своего,
И на челе его высоком
Не отразилось ничего.

IV

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали;
Счастливый, пышный край земли!
Столпообразные раины,
Звонко-бегающие ручьи
По дну из камней разноцветных,

И кущи роз, где соловьи
Поют красавиц, безответных
На сладкий голос их любви;
Чинар развесистые сени,
Густым венчаные плющом,
Пещеры, где палящим днем
Таятся робкие олени;
И блеск, и жизнь, и шум листов,
Стозвучный говор голосов,
Дыханье тысячи растений!
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлажненные ночи,
И звезды яркие, как очи,
Как взор грузинки молодой!..
Но, кроме зависти холодной,
Природы блеск не возбудил
В груди изгнанника бесплодной
Ни новых чувств, ни новых сил;
И все, что пред собой он видел,
Он презирал иль ненавидел.

V

Высокий дом, широкий двор
Седой Гудал себе построил...
Трудов и слез он много стоил
Рабам послушным с давних пор.
С утра на скат соседних гор

От стен его ложатся тени.
В скале нарублены ступени;
Они от башни угловой
Ведут к реке, по ним мелькая,
Покрыта белою чадрой,[19]
Княжна Тамара молодая
К Арагве ходит за водой.

VI

Всегда безмолвно на долины
Глядел с утеса мрачный дом;
Но пир большой сегодня в нем —
Звучит зурна,[20] и льются
вины —
Гудал сосватал дочь свою,
На пир он созвал всю семью.
На кровле, устланной коврами,
Сидит невеста меж подруг:
Средь игр и песен их досуг
Проходит. Дальними горами
Уж спрятан солнца полукруг;
В ладони мерно ударяя,
Они поют — и бубен свой
Берет невеста молодая.
И вот она, одной рукой
Кружа его над головой,
То вдруг помчится легче птицы,
То остановится, глядит —

И влажный взор ее блестит
Из-под завистливой ресницы;
То черной бровью поведет,
То вдруг наклонится немножко,
И по ковру скользит, плывет
Ее божественная ножка;
И улыбается она,
Веселья детского полна.
Но луч луны, по влаге зыбкой
Слегка играющий порой,
Едва ль сравнится с той улыбкой,
Как жизнь, как молодость живой.

VII

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,
Властитель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока;
Гарема брызжущий фонтан
Ни разу жаркою порою
Своей жемчужною росой
Не омывал подобный стан!
Еще ничья рука земная,
По милому челу блуждая,
Таких волос не расплела;
С тех пор как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая

Под солнцем юга не цвела.

VIII

*В последний раз она плясала.
Увы! Заутра ожидала
Ее, наследницу Гудала,
Свободы резвую дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна, чуждая поныне,
И незнакомая семья.
И часто тайное сомненье
Темнило светлые черты;
И были все ее движенья
Так стройны, полны выраженья,
Так полны милой простоты,
Что если б Демон, пролетая,
В то время на нее взглянул,
То, прежних братьий вспоминая,
Он отвернулся б — и вздохнул...*

IX

*И Демон видел... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
В себе почувствовал он вдруг.
Немой души его пустыню
Наполнил благодатный звук —
И вновь постигнул он святыню
Любви, добра и красоты!..*

И долго сладостной картиной
Он любовался — и мечты
О прежнем счастье цепью длин-
ной,
Как будто за звездой звезда,
Пред ним катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Он с новой грустью стал знаком;
В нем чувство вдруг заговорило
Родным когда-то языком.
То был ли признак возрожденья?
Он слов коварных искушенья
Найти в уме своем не мог...
Забуть? — забвенья не дал бог:
Да он и не взял бы забвенья!..

.....

X

Измучив доброго коня,
На брачный пир к закату дня
Спешил жених нетерпеливый.
Арагвы светлой он счастливо
Достиг зеленых берегов.
Под тяжелой ношею даров
Едва, едва переступая,
За ним верблюдов длинный ряд
Дорогой тянется, мелькая:
Их колокольчики звенят.

Он сам, властитель Синодала,
Ведет богатый караван.
Ремнем затянут ловкий стан;
Оправа сабли и кинжала
Блестит на солнце; за спиной
Ружье с насечкой вырезной.
Играет ветер рукавами
Его чухи,[21] — кругом она
Вся галуном обложена.
Цветными вышито шелками
Его седло; узда с кистями;
Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха
Прядет ушьми и, полный страха,
Храпя косится с крутизны
На пену скачущей волны.
Опасен, узок путь прибрежный!
Утесы с левой стороны,
Направо глубь реки мятежной.
Уж поздно. На вершине снежной
Румянец гаснет; встал туман...
Прибавил шагу караван.

XI

И вот часовня на дороге...
Тут с давних лет почитет в боге
Какой-то князь, теперь святой,

Убитый мстительной рукой.
С тех пор на праздник иль на бит-
ву,
Куда бы путник ни спешил,
Всегда усердную молитву
Он у часовни приносил;
И та молитва сберегала
От мусульманского кинжала.
Но презрел удалой жених
Обычай прадедов своих.
Его коварною мечтою
Лукавый Демон возмушал:
Он в мыслях, под ночною тьмою,
Уста невесты целовал.
Вдруг впереди мелькнули двое,
И больше — выстрел! — что та-
кое?..
Привстав на звонких[22] стреме-
нах,
Надвинув на брови папах,[23]
Отважный князь не молвил сло-
ва;
В руке сверкнул турецкий ствол,
Нагайка щелк — и, как орел,
Он кинулся... и выстрел снова!
И дикий крик, и стон глухой
Промчались в глубине долины —
Недолго продолжался бой:

Бежали робкие грузины!

XII

*Затихло все; теснясь толпой,
На трупы всадников порой
Верблюды с ужасом глядели;
И глухо в тишине степной
Их колокольчики звенели.
Разграблен пышный караван;
И над телами христиан
Чертит круги ночная птица!
Не ждет их мирная гробница
Под слоем монастырских плит,
Где прах отцов их был зарыт;
Не придут сестры с матерями,
Покрыты длинными чадрами,
С тоской, рыданьем и мольбами,
На гроб их из далеких мест!
Зато усердною рукою
Здесь у дороги, над скалою
На память водрузится крест;
И плющ, разросшийся весною,
Его, ласкаясь, обовьет
Своею сеткой изумрудной;
И, своротив с дороги трудной,
Не раз усталый пешеход
Под божьей тенью отдохнет...*

XIII

Несется конь быстрее лани,
Храпит и рвется, будто к брани;
То вдруг осадит на скаку,
Прислушается к ветерку,
Широко ноздри раздувая;
То, разом в землю ударяя
Шипами звонкими копыт,
Взмахнув растрепанною гривой,
Вперед без памяти летит.
На нем есть всадник молчали-
вый!

Он бьется на седле порой,
Припав на гриву головой.
Уж он не правит поводами,
Задвинул ноги в стремяна,
И кровь широкими струями
На чепраке его видна.
Скакун лихой, ты господина
Из боя вынес, как стрела,
Но злая пуля осетина
Его во мраке догнала!

XIV

В семье Гудала плач и стоны,
Толпится на дворе народ:
Чей конь примчался запаленный
И пал на камни у ворот?
Кто этот всадник бездыханный?

Хранили след тревоги бранной
Морщины смуглого чела.
В крови оружие и платье;
В последнем бешеном пожатье
Рука на гриве замерла.
Недолго жениха молодого,
Невеста, взор твой ожидал:
Сдержал он княжеское слово,
На брачный пир он прискакал...
Увы! Но никогда уж снова
Не сядет на коня лихого!..

XV

На беззаботную семью,
Как гром, слетела божья кара!
Упала на постель свою,
Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! Не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!
Он далеко, он не узнает,

Не оценит тоски твоей;
Небесный свет теперь ласкает
Бесплотный взор его очей;
Он слышит райские напевы...
Что жизни мелочные сны,
И стон, и слезы бедной девы
Для гостя райской стороны?
Нет, жребий смертного творе-
нья,
Поверь мне, ангел мой земной,
Не стоит одного мгновенья
Твоей печали дорогой!

«На воздушном океане,
Без руля и без ветрил,
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил;
Средь полей необозримых
В небе ходят без следа
Облаков неуловимых
Волокнистые стада.
Час разлуки, час свиданья —
Им ни радость, ни печаль;
Им в грядущем нет желанья
И прошедшего не жаль.
В день томительный несчастья
Ты об них лишь вспомяни;
Будь к земному без участия

И беспечна, как они!

*«Лишь только ночь своим покровом
Верхи Кавказа осенит,
Лишь только мир, волшебным словом
Завороженный, замолчит;
Лишь только ветер над скалою
Увядшей шевельнет травую,
И птичка, спрятанная в ней,
Порхнет во мраке веселей;
И под лозою виноградной,
Росу небес глотая жадно,
Цветок распухнет ночью;
Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навевать...»*

XVI

*Слова умолкли в отдаленье,
Вослед за звуком умер звук.
Она вскочив глядит вокруг...
Невыразимое смятенье*

*В ее груди; печаль, испуг,
Восторга пыл — ничто в сравне-
нье.*

*Все чувства в ней кипели вдруг;
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жилам пробежал,
И этот голос чудно-новый,
Ей мнилось, все еще звучал.
И перед утром сон желанный
Глаза усталые смежил;
Но мысль ее он возмутил
Мечтой пророческой и странной.
Пришлец туманный и немой,
Красой блистая неземной,
К ее склонился изголовью;
И взор его с такой любовью,
Так грустно на нее смотрел,
Как будто он об ней жалел.
То не был ангел-небожитель,
Ее божественный хранитель:
Венец из радужных лучей
Не украшал его кудрей.
То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный:
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни
свет!..*

Часть II

I

«Отец, отец, оставь угрозы,
Свою Тамару не брани;
Я плачу: видишь эти слезы,
Уже не первые они.
Напрасно женихи толпою
Спешат сюда из дальних мест...
Немало в Грузии невест;
А мне не быть ничьей женою!..
О, не брани, отец, меня.
Ты сам заметил: день от дня
Я вяну, жертва злой отравы!
Меня терзает дух лукавый
Неотразимую мечтой;
Я гибну, сжался надо мной!
Отдай в священную обитель
Дочь безрассудную свою;
Там защитит меня Спаситель,
Пред ним тоску мою пролью.
На свете нет уж мне веселья...
Святыни миром осеня,
Пусть примет сумрачная келья,
Как гроб, заранее меня...»

II

И в монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной

*Грудь молодую облекли.
Но и в монашеской одежде,
Как под узорною парчой,
Все незаконною мечтой
В ней сердце билось, как прежде.
Пред алтарем, при блеске свеч,
В часы торжественного пенья,
Знакомая, среди моления,
Ей часто слышалася речь.
Под сводом сумрачного храма
Знакомый образ иногда
Скользил без звука и следа
В тумане легком фимиама;
Сиял он тихо, как звезда;
Манил и звал он... но — куда?..*

III

*В прохладе меж двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинар и тополей рядами
Он окружен был — и порой,
Когда ложилась ночь в ущельи,
Сквозь них мелькала, в окнах кельи,
Лампада грешницы молодой.
Кругом, в тени деревьев миндальных,
Где ряд стоит крестов печальных,
ных,*

Безмолвных сторожей гробниц,
Спевались хоры легких птиц,
По камням прыгали, шумели
Ключи студеною волной
И под нависшею скалой,
Сливаясь дружески в ущелье,
Катились дальше, меж кустов,
Покрытых инеем цветов.

IV

На север видны были горы.
При блеске утренней Авроры,
Когда синеющий дымок
Курится в глубине долины,
И, обращаясь на восток,
Зовут к молитве муэдзины,
И звучный колокола глас
Дрожит, обитель пробуждая;
В торжественный и мирный час,
Когда грузинка молодая
С кувшином длинным за водой
С горы спускается крутой,
Вершины цепи снеговой
Светло-лиловою стеной
На чистом небе рисовались,
И в час заката одевались
Они румяной пеленой;
И между них, прорезав тучи,

*Стоял, всех выше головой,
Казбек, Кавказа царь могучий,
В чалме и ризе парчевой.*

V

*Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгам чистым. Перед ней
Весь мир одет угрюмой тенью;
И все ей в нем предлог мученью —
И утра луч и мрак ночей.
Бывало только ночи сонной
Прохлада землю обоймет,
Перед божественной иконой
Она в безумье упадет
И плачет; и в ночном молчанье
Ее тяжелое рыданье
Тревожит путника вниманье;
И мыслит он: «То горный дух,
Прикованный в пещере, стонет!»
И, чуткий напрягая слух,
Коня измученного гонит...*

VI

*Тоской и трепетом полна,
Тамара часто у окна
Сидит в раздумье одиноком
И смотрит в даль прилежным*

оком,
И целый день, вздыхая, ждет...
Ей кто-то шепчет: он придет!
Недаром сны ее ласкали,
Недаром он являлся ей,
С глазами, полными печали,
И чудной нежностью речей.
Уж много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святым захочет ли молиться —
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней,
Склонится ли на ложе сна:
Подушка жжет, ей душно, страшно,
И вся, вскочив, дрожит она;
Пылают грудь ее и плечи,
Нет сил дышать, туман в очах,
Объятья жадно ищут встречи,
Лобзанья тают на устах...

.....
.....

VII

Вечерней мглы покров воздушный
Уж холмы Грузии одел.
Привычке сладостной послушный,
В обитель Демон прилетел.

Но долго, долго он не смел
Святыню мирного приюта
Нарушить. И была минута,
Когда казался он готов
Оставить умысел жестокой.
Задумчив, у стены высокой
Он бродит: от его шагов
Без ветра лист в тени трепещет.
Он поднял взор: ее окно,
Озарено лампадой, блещет;
Кого-то ждет она давно!
И вот средь общего молчанья
Чингура[24] стройное бряцанье
И звуки песни раздались;
И звуки те лились, лились,
Как слезы, мерно друг за другом;
И эта песнь была нежна,
Как будто для земли она
Была на небе сложена!
Не ангел ли с забытым другом
Вновь повидаться захотел,
Сюда украдкою слетел
И о былом ему пропел,
Чтоб усладить его мученье?..
Тоску любви, ее волненье
Постигнул Демон в первый раз;
Он хочет в страхе удалиться...
Его крыло не шевелится!

*И, чудо! Из померкших глаз
Слеза тяжелая катится...
Поньне возле кельи той
Насквозь прожженный виден ка-
мень
Слезую жаркою, как пламень,
Нечеловеческой слезой!..*

VIII

*И входит он, любить готовый,
С душой, открытой для добра,
И мыслит он, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепет ожиданья,
Страх неизвестности немой,
Как будто в первое свиданье
Спознались с гордою душой.
То было злое предвещанье!
Он входит, смотрит — перед ним
Посланник рая, херувим,
Хранитель грешницы прекрасной,
Стоит с блистающим челом
И от врага с улыбкой ясной
Приосенил ее крылом;
И луч божественного света
Вдруг ослепил нечистый взор,
И вместо сладкого привета
Раздался тягостный укор:*

IX

*«Дух беспокойный, дух порочный,
Кто звал тебя во тьме полноч-
ной?»*

*Твоих поклонников здесь нет,
Зло не дышало здесь поныне;
К моей любви, к моей святыне
Не пролагай преступный след.
Кто звал тебя?»*

Ему в ответ

*Злой дух коварно усмехнулся;
Зарделся ревностью взгляд;
И вновь в душе его проснулся
Старинной ненависти яд.*

*«Она моя! — сказал он грозно, —
Оставь ее, она моя!*

*Явился ты, защитник, поздно,
И ей, как мне, ты не судья.*

На сердце, полное гордыни,

Я наложил печать мою;

Здесь больше нет твоей святыни,

Здесь я владею и люблю!»

И Ангел грустными очами

На жертву бедную взглянул

И медленно, взмахнув крылами,

В эфире неба потонул.

.....

Х

Тамара

*О! Кто ты? Речь твоя опасна!
Тебя послал мне ад иль рай?
Чего ты хочешь?..*

Демон

Ты прекрасна!

Тамара

Но молви, кто ты? Отвечай...

Демон

*Я тот, которому внимала
Ты в полуночной тишине,
Чья мысль душе твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образ видела во сне.
Я тот, чей взор надежду губит;
Я тот, кого никто не любит;
Я бич рабов моих земных,
Я царь познания и свободы,
Я враг небес, я зло природы,
И, видишь, — я у ног твоих!
Тебе принес я в умиление
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье*

И слезы первые мои.
О! Выслушай — из сожаленья!
Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом;
О! Только выслушай, молю, —
Я раб твой, — я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидел —
И тайно вдруг возненавидел
Бессмертие и власть мою.
Я позавидовал невольно
Неполной радости земной;
Не жить, как ты, мне стало
больно,
И страшно — розно жить с то-
бой.
В бескровном сердце луч нежда-
ный
Опять затеплился живей,
И грусть на дне старинной раны
Зашевелилася, как змей.
Что без тебя мне эта вечность?
Моих владений бесконечность?
Пустые звучные слова,
Обширный храм — без божества!

Тамара

Оставь меня, о дух лукавый!
Молчи, не верю я врагу...
Творец... Увы! Я не могу
Молиться... гибельной отравой
Мой ум слабеющий объят!
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова — огонь и яд...
Скажи, зачем меня ты любишь!

Демон

Зачем, красавица? Увы,
Не знаю!.. Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый,
Я все бывшее бросил в прах:
Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней стра-
стью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлён,
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира.
Давно тревожа мысль мою,
Мне имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мне в раю

Одной тебя недоставало.
О! Если б ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, века без разделенья
И наслаждаться и страдать,
За зло похвал не ожидать
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вечною борьбой
Без торжества, без примиренья!
Всегда жалеть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все
видеть,
Стараться все возненавидеть
И все на свете презирать!..
Лишь только божие проклятье
Исполнилось, с того же дня
Природы жаркие объятья
Навек остыли для меня;
Синело предо мной пространство;
Я видел брачное убранство
Светил, знакомых мне давно...
Они текли в венцах из золота;
Но что же? Презжнего собрата
Не узнавало ни одно.
Изгнанников, себе подобных,
Я звать в отчаянии стал,
Но слов и лиц и взоров злобных,

Увы! Я сам не узнавал.
И в страхе я, взмахнув крылами,
Помчался — но куда? Зачем?
Не знаю... прежними друзьями
Я был отвергнут; как Эдем,
Мир для меня стал глух и нем.
По вольной прихоти теченья
Так поврежденная ладья
Без парусов и без руля
Плывет, не зная назначенья;
Так ранней утренней порой
Отрывок тучи громовой,
В лазурной вышине чернея,
Один, нигде пристать не смея,
Летит без цели и следа,
Бог весть откуда и куда!
И я людьми недолго правил,
Греху недолго их учил,
Все благородное бесславил
И все прекрасное хулил;
Недолго... пламень чистой веры
Легко навек я залил в них...
А стоили ль трудов моих
Одни глупцы да лицемеры?
И скрылся я в ущельях гор;
И стал бродить, как метеор,
Во мраке полночи глубокой...
И мчался путник одинокой,

Обманут близким огоньком;
И в бездну падая с конем,
Напрасно звал — и след кровавый
За ним вился по крутизне...
Но злобы мрачные забавы
Недолго нравились мне!
В борьбе с могучим ураганом,
Как часто, подымая прах,
Одетый молнией и туманом,
Я шумно мчался в облаках,
Чтобы в толпе стихий мятеж-
ной
Сердечный ропот заглушить,
Спасти от думы неизбежной
И незабвенное забыть!
Что повесть тягостных лише-
ний,
Трудов и бед толпы людской
Грядущих, прошлых поколений
Перед минутою одной
Моих непризнанных мучений?
Что люди? Что их жизнь и труд?
Они прошли, они пройдут...
Надежда есть — ждет правый
суд:
Простить он может, хоть осу-
дит!
Моя ж печаль бессменно тут,

*И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжет и плещет, будто пла-
мень,
То давит мысль мою, как ка-
мень —
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..*

Тамара

*Зачем мне знать твои печали,
Зачем ты жалуешься мне?
Ты согрешил...*

Демон

Против тебя ли?

Тамара

Нас могут слышать!..

Демон

Мы одни.

Тамара

А бог!

Демон

*На нас не кинет взгляда:
Он занят небом, не землей!*

Тамара

А наказанье, муки ада?

Демон

*Так что ж? Ты будешь там со
мною!*

Тамара

*Кто б ни был ты, мой друг слу-
чайный, —
Покой навеки погубя,
Невольно я с отрадой тайной,
Страдалец, слушаю тебя.
Но если речь твоя лукава,
Но если ты, обман тая...
О! Пощади! Какая слава?
На что душа тебе моя?
Ужели небу я дороже
Всех, не замеченных тобой?
Они, увь! Прекрасны тоже;
Как здесь, их девственное ложе
Не смято смертною рукой...
Нет! Дай мне клятву роковую...
Скажи, — ты видишь: я тоскую;
Ты видишь женские мечты!*

*Невольно страх в душе ласка-
ешь...*

*Но ты все понял, ты все знаешь —
И сжалишься, конечно, ты!*

Клянися мне... от злых стяжаний

Отречься ныне дай обет.

Ужель ни клятв, ни обещаний

Ненарушимых больше нет?..

Демон

Клянусь я первым днем творенья,

Клянусь его последним днем,

Клянусь позором преступленья

И вечной правды торжеством.

Клянусь паденья горькой мукой,

Победы краткою мечтой;

Клянусь свиданием с тобой

И вновь грозящею разлукой.

Клянуся сонмищем духов,

Судьбою братьий мне подвласт-

ных,

Мечами ангелов бесстрастных,

Моих недремлющих врагов;

Клянуся небом я и адом,

Земной святыней и тобой,

Клянусь твоим последним взгля-

дом,

Твоею первую слезой,

Незлобных уст твоих дыханьем,
Волною шелковых кудрей,
Клянусь блаженством и страда-
ньем,
Клянусь любовью моей:
Я отрекся от старой мести,
Я отрекся от гордых дум;
Отныне яд коварной лести
Ничей уж не встревожит ум;
Хочу я с небом примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я веровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челе, тебя достойном,
Следы небесного огня —
И мир в неведенье спокойном
Пусть доцветает без меня!
О! Верь мне: я один поныне
Тебя постиг и оценил:
Избрав тебя моей святыней,
Я власть у ног твоих сложил.
Твоей любви я жду, как дара,
И вечность дам тебе за миг;
В любви, как в злобе, верь, Тамара,
Я неизменен и велик.
Тебя я, вольный сын эфира,
Возьму в надзвездные края;
И будешь ты царицей мира,

Подруга первая моя;
Без сожаленья, без участия
Смотреть на землю станешь ты,
Где нет ни истинного счастья,
Ни долговечной красоты,
Где преступленья лишь да казни,
Где страсти мелкой только
жить;
Где не умеют без боязни
Ни ненавидеть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?
Волненье крови молодое, —
Но дни бегут и стынет кровь!
Кто устоит против разлуки,
Соблазна новой красоты,
Против усталости и скуки
И своенравия мечты?
Нет! Не тебе, моей подруге,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча в тесном круге
Ревнивой грубости работой,
Средь малодушных и холодных,
Друзей притворных и врагов,
Боязней и надежд бесплодных,
Пустых и тягостных трудов!
Печально за стеной высокой
Ты не угаснешь без страстей,

Среди молитв, равно далеко
От божества и от людей.
О нет, прекрасное создание,
К иному ты присуждена;
Тебя иное ждет страданье,
Иных восторгов глубина;
Оставь же прежние желанья
И жалкий свет его судьбе:
Пучину гордого познания
Взамен открою я тебе.
Толпу духов моих служебных
Я приведу к твоим стопам;
Прислужниц легких и волшебных
Тебе, красавица, я дам;
И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полнотной;
Его усыплю той росой;
Лучом румяного заката
Твой стан, как лентой, обовью,
Дыханьем чистым аромата
Окрестный воздух напою;
Всечасно дивную игрою
Твой слух лелеять буду я;
Чертоги пышные построю
Из бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,

*Я дам тебе, все, все земное —
Люби меня!..*

XI

*И он слегка
Коснулся жаркими устами
Ее трепещущим губам;
Соблазна полными речами
Он отвечал ее мольбам.
Могучий взор смотрел ей в очи!
Он жег ее. Во мраке ночи
Над нею прямо он сверкал,
Неотразимый, как кинжал,
Увы! Злой дух торжествовал!
Смертельный яд его лобзанья
Мгновенно в грудь ее проник.
Мучительный, ужасный крик
Ночное возмутил молчанье.
В нем было все: любовь, страда-
нье,
Упрек с последнею мольбой
И безнадежное прощанье —
Прощанье с жизнью молодой.*

XII

*В то время сторож полуночный,
Один вокруг стены крутой
Свершая тихо путь урочный,*

Бродил с чугуною доской,
И возле кельи девы юной
Он шаг свой мерный укротил
И руку над доской чугуной,
Смутясь душой, остановил.
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышал он
Двух уст согласное лобзанье,
Минутный крик и слабый стон.
И нечестивое сомненье
Проникло в сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье,
И стихло все; издалека
Лишь дуновенье ветерка
Роптанье листьев приносило,
Да с темным берегом уныло
Шепталась горная река.
Канон угодника святого
Спешит он в страхе прочитать,
Чтоб наважденье духа злого
От грешной мысли отогнать;
Крестит дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь
И молча, скорыми шагами
Обычный продолжает путь.

XIII

Как пери спящая мила,

Она в гробу своем лежала,
Белей и чище покрывала
Был томный цвет ее чела.
Навек опущены ресницы...
Но кто б, о небо! Не сказал,
Что взор под ними лишь дремал
И, чудный, только ожидал
Иль поцелуя иль денницы?
Но бесполезно луч дневной
Скользил по ним струей златой,
Напрасно их в немой печали
Уста родные целовали...
Нет! Смерти вечную печать
Ничто не в силах уж сорвать!

XIV

Ни разу не был в дни веселья
Так разноцветен и богат
Тамары праздничный наряд.
Цветы родимого ущелья
(Так древний требует обряд)
Над нею льют свой аромат
И, сжаты мертвою рукою,
Как бы прощаются с землею!
И ничего в ее лице
Не намекало о конце
В пылу страстей и упоенья;
И были все ее черты

Исполнены той красоты,
Как мрамор, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, как смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ее устам.
О многом грустном говорила
Она внимательным глазам:
В ней было хладное презренье
Души, готовой отцвести,
Последней мысли выраженье,
Земле беззвучное прости.
Напрасный отблеск жизни преж-
ней,
Она была еще мертвей,
Еще для сердца безнадежней
Навек угаснувших очей.
Так в час торжественный заката,
Когда, растаяв в море злата,
Уж скрылась колесница дня,
Снега Кавказа, на мгновенье
Отлив румяный сохраняя,
Сияют в темном отдаленье.
Но этот луч полуживой
В пустыне отблеска не встре-
тит;
И путь ничей он не осветит
С своей вершины ледяной!..

XV

Толпой соседи и родные
Уж собрались в печальный путь.
Терзая локоны седые,
Безмолвно поражая грудь,
В последний раз Гудал садится
На белогривого коня,
И поезд тронулся. Три дня,
Три ночи путь их будет длиться:
Меж старых дедовских костей
Приют покойный вырыт ей.
Один из праотцев Гудала,
Грабитель странников и сёл,
Когда болезнь его сковала
И час раскаянья пришел,
Грехов минувших в искупленье
Построить церковь обещал
На вышине гранитных скал,
Где только вьюги слышно пенье,
Куда лишь коршун залетал.
И скоро меж снегов Казбека
Поднялся одинокий храм,
И кости злого человека
Вновь успокоились там;
И превратилась в кладбище
Скала, родная облакам:
Как будто ближе к небесам
Теплей посмертное жилище?..

Как будто дальше от людей
Последний сон не возмутится...
Напрасно! Мертвым не приснится
Ни грусть, ни радость прошлых
дней.

XVI

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих.
И сладкой речью упованья
Ее сомненья разгонял,
И след проступка и страданья
С нее слезами он смывал.
Издалека уж звуки рая
К ним доносились — как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух.
Он был могущ, как вихорь шум-
ный,
Блистал, как молнии струя,
И гордо в дерзости безумной
Он говорит: «Она моя!»

К груди хранительной прижалась,

Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял,
Но, боже! — кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным
взглядом,
Как полон был смертельным
ядом
Вражды, не знающей конца, —
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица.

«Исчезни, мрачный дух сомне-
нья! —

Посланник неба отвечал: —
Довольно ты торжествовал;
Но час суда теперь настал —
И благо божие решенье!
Дни испытания прошли;
С одеждой брэнною земли
Оковы зла с нее ниспали.
Узнай! Давно ее мы ждали!
Ее душа была из тех,
Которых жизнь — одно мгновенье
Невыносимого мученья,
Недосягаемых утех:
Творец из лучшего эфира

Соткал живые струны их,
Они не созданы для мира,
И мир был создан не для них!
Ценой жестокой искупила
Она сомнения свои...
Она страдала и любила —
И рай открылся для любви!»

И Ангел строгими очами
На искусителя взглянул
И, радостно взмахнув крылами,
В сиянье неба потонул.
И проклял Демон побежденный
Мечты безумные свои,
И вновь остался он, надменный,
Один, как прежде, во вселенной
Без упованья и любви!..

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолв-
ный,
Свидетель тех волшебных дней,

Между деревьями чернеет.
Внизу рассыпался аул,
Земля цветет и зеленеет;
И голосов нестройный гул
Теряется, и караваны
Идут звеня издалека,
И, низвергаясь сквозь туманы,
Блестит и пенится река.
И жизнью вечно молодою,
Прохладой, солнцем и весною
Природа тешится шутя,
Как беззаботная дитя.

Но грустен замок, отслуживший
Когда-то в очередь свою.
Как бедный старец, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждут луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда им праздник и свобода!
Жужжат, бегут во все концы.
Седой паук, отшельник новый,
Прядет сетей своих основы;
Зеленых ящериц семья
На кровле весело играет;
И осторожная змея
Из темной щели выползает
На плиту старого крыльца,

То вдруг совется в три кольца,
То ляжет длинной полосой
И блещет, как булатный меч,
Забитый в поле давних сеч,
Ненужный падшему герою!..
Все дико; нет нигде следов
Минувших лет: рука веков
Прилежно, долго их сметала,
И не напомним ничего
О славном имени Гудала,
О милой дочери его!

Но церковь на крутой вершине,
Где взяты кости их землей,
Хранима властью святой,
Видна меж туч еще поныне.
И у ворот ее стоят
На страже черные граниты,
Плащами снежными покрыты;
И на груди их вместо лат
Льды вековечные горят.
Обвалов сонные громады
С уступов, будто водопады,
Морозом схваченные вдруг,
Висят нахмурившись вокруг.
И там метель дозором ходит,
Сдувая пыль со стен седых,
То песню долгую заводит,

То окликает часовых;
Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне
Спешат толпой на поклоненье;
Но над семьей могильных плит
Давно никто уж не грустит.
Скала угрюмого Казбека
Добычу жадно сторожит,
И вечный ропот человека
Их вечный мир не возмутит.

1829–1838

Посвящения к поэме «Демон»

<I>

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стих небреж-
ный
Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
От юных лет к тебе мечты мои
Прикованы судьбою неизбежной,
На севере, в стране тебе чужой, —
Я сердцем твой, всегда и всюду
твой.

Еще ребенком робкими шагами
Взбирался я на гордые скалы,

Увитые туманными чалмами,
Как головы поклонников аллы.
Там ветер машет вольными кры-
лами,
Там ночевать слетаются орлы;
Я в гости к ним летал мечтой
послушной
И сердцем был товарищ их воз-
душный.

С тех пор прошло тяжелых мно-
го лет,
И вновь меня меж скал своих ты
встретил.
Как некогда ребенку, твой привет
Изгнаннику был радостен и све-
тел,
Он пролил в грудь мою забвенья
бед
И дружески на дружний зов отве-
тил.
И ныне здесь, в полуночном краю,
Все о тебе мечтаю и пою.

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небреж-
ный,

Как сына ты его благослови
И осени вершиной белоснежной.
Еще ребенком, чуждый и любви,
И дум честолюбивых, я беепечно
Бродил в твоих ущельях, грозный,
вечный
Угрюмый великан, меня носил
Ты бережно, как пестун, юных сил
Хранитель верный. —
И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесам, где, блистая
Лучом зари, собирались облака,
Туманные вершины омрачая,
Косматые как перья шишака;
А вдалеке, как вечные ступени
С земли на небо, в край моих виде-
ний
Зубчатую тянулись полосой,
Таинственной, синей одна другой,
Все горы, чуть приметные для
глаза,
Сыны и братья грозного Кавказа.

Мцыри

Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю.

1-я Книга царств.

[25] {197}

1

*Немного лет тому назад,
Там, где сливаясь шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных
плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой — и о том,*

Как удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! — она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

2

Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути.
Он был, казалось, лет шести;
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал,
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах

Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел вздыхая на восток,
Томим неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом,
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругом.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли;
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал,
И с каждым днем приметно вял;
И близок стал его конец.

Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3

«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Не много пользы вам узнать, —
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну — но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.

Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4

Старик! Я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас —
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах,
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов — «отец» и
«мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, —
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь

Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы, теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной, вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться
мне.

Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живею
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл: ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.

Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,
Ты жил, — я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? — Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежесю толпой,
Как братья, в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял,
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятая каменные их
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года —
Им не сойтися никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег —

Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних
стран!

В дали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих как алмаз,
Седой, незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней.

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и, как сон,
Все это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.

А мой отец? Он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я
Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток,
Он шумен был, но не глубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они, перед дождем,
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы долгие о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил — и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.

Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго — где, куда,
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только. Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;

Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча, я лежал.
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И гладкий чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудью камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток

Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листья;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню,
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерёв
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой.
И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голо-

сам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;
И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Все, что я чувствовал тогда,
Те думы — им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно,
опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног

Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз — за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;
И я висел над глубиной,
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я с крутых высот
Спустился, свежесть горных вод
Повеяла навстречу мне,
И жадно я припал к волне.
Вдруг — голос — легкий шум ша-
гов...
Мгновенно скрывшись меж ку-
стов,
Невольным трепетом объят,
Я поднял боязливый взгляд,
И жадно вслушиваться стал.
И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.
Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,

Незримый дух ее поет.

13

Держа кувшин над головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила к берегу. Порой
Она скользила меж камней,
Смеясь неловкости своей.
И беден был ее наряд;
И шла она легко, назад
Изгибы длинные чадры
Откинув. Летние жары
Покрыли тенью золотой
Лицо и грудь ее; и зной
Дышал от уст ее и щек.
И мрак очей был так глубок,
Так полон тайнами любви,
Что думы пылкие мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звон, — когда струя
Вливалась медленно в него,
И шорох... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила от сердца кровь,
Она была уж далеко;
И шла хоть тише, — но легко,
Стройна под ношею своей,
Как тополь, царь ее полей!

Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, — мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза неволью мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объяты жадные раскрыв.

Мир темен был и молчалив;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цепи снеговой
Вдали сверкали предо мной,
Да в берега плескал поток.
В знакомой сакле огонек
То трепетал, то снова гас:
На небесах в полночный час
Так гаснет яркая звезда!
Хотелось мне... но я туда
Взойти не смел. Я цель одну —
Пройти в родимую страну —
Имел в душе, — и превозмог
Страданье голода, как мог.
И вот дорогою прямой
Пустился, робкий и немой.
Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве, порой,
Я рвал отчаянной рукой
Терновник, спутанный плющом:
Все лес был, вечный лес кругом,
Страшней и гуще каждый час;
И миллионом черных глаз
Смотрела ночи темнота

Сквозь ветви каждого куста...
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на деревья;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горючею росой...
Но верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил — клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16

Ты помнишь детские года;
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный
лес,
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной
Окружена, передо мной

Была поляна. Вдруг по ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, — и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удальцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный, как
стон,
Раздался вдруг... и начал он

Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18

Ко мне он кинулся на грудь;
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,
Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден

*В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я — и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно — и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к ли-
цу,
Как в битве следует бойцу!..*

19

*Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит,
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,
И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...*

Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И все зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав,
Блаженство вольности познав,
Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор

И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал — это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине —
И тут все ясно стало мне...
О! Я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых ближних и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца — будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложит уж никогда.

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...

Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, все ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок...

22

И, как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу;
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем

Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры; с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью золотой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалася кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

23

И было все на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы,
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатую стеной.

Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать — передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать — язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред!
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки — и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, —
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине
Волна теснилася к волне,
И солнце сквозь хрусталь волны
Сияло сладостней луны...
И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:

Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
И надивиться я не мог:
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал,
И пел, и снова замолкал.

Он говорил: «Дитя мое,
Останься здесь со мной:
В воде привольное житье
И холод и покой.

* * *

Я созову моих сестер:
Мы пляской круговой
Развеселим туманный взор
И дух усталый твой.

* * *

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*О милый мой! Не утаю,
 Что я тебя люблю,
 Люблю как вольную струю,
 Люблю как жизнь мою...»*

*И долго, долго слушал я;
 И мнилось, звучная струя
 Сливала тихий ропот свой
 С словами рыбки золотой.
 Тут я забылся. Божий свет
 В глазах угас. Безумный бред
 Бессилью тела уступил...*

24

*Так я найдён и поднят был...
 Ты остальное знаешь сам.
 Я кончил. Верь моим словам
 Или не верь, мне все равно.
 Меня печалит лишь одно:
 Мой труп холодный и немой
 Не будет тлеть в земле родной,
 И повесть горьких мук моих
 Не призовет меж стен глухих
 Вниманье скорбное ничье
 На имя темное мое.*

25

Прощай, отец... дай руку мне;
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? — пускай в
раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно золотист
Играющий на солнце лист!

Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне при-
шлет,
Пришлет с прохладным ветер-
ком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо
мною,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот,
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

1839

Светская сцена.

Сказка для детей

{198}

1

*Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упа-
док;
Поэты в том виновны не совсем
(Хотя у многих стих не вовсе гла-
док);
И публика не права между тем.
Кто виноват, кто прав — уж я не
знаю,
А сам стихов давно я не читаю —*

Не потому, чтоб не любил стихов,
А так: смешно ж терять для
звучных строф
Златое время... в нашем веке зрелом,
Известно вам, все заняты мы делом.

2

Стихов я не читаю — но люблю
Марать шутя бумаги лист летучий;
Свой стих за хвост отважно я ловлю;
Я без ума от тройственных созвучий
И влажных рифм — как например на ю.
Вот почему пишу я эту сказку.
Ее волшеббно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтоб кой-каких допросов избежать;
Зато конец не будет без морали,
Чтобы ее хоть дети прочитали.

3

Герой известен, и не нов предмет;
Тем лучше: устарело все, что ново!

Кипя огнем и силой юных лет,
Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный,
детский бред.

Бог знает где заветная тетрадка?

Касается ль душистая перчатка
Ее листов — и слышно: *c'est joli?*..
[26]

Иль мышь над ней старается в пыли?..

Но этот черт совсем иного сорта —

Аристократ и не похож на черта.

4

Перенестись теперь прошу сейчас
За мною в спальню: розовые шторы

Опущены, с трудом лишь может
глаз

Следить ковра восточные узоры.
Приятный трепет вдруг объемлет вас,

И, девственным дыханьем напо-

енный,
Огнем в лицо вам пышет воздух
сонный;
Вот ручка, вот плечо, и возле них
На кисее подушек кружевных
Рисуется молодой, но строгий про-
филь...
И на него взирает Мефистофель.

5

То был ли сам великий Сатана
Иль мелкий бес из самых нечинов-
ных,
Которых дружба людям так
нужна
Для тайных дел, семейных и лю-
бовных?
Не знаю! Если б им была дана
Земная форма, по рогам и пла-
тью
Я мог бы сволочь различить со
знатью;
Но дух — известно, что такое
дух!
Жизнь, сила, чувство, зренье, го-
лос, слух
И мысль — без тела — часто в ви-
дах разных;

(Бесов вообще рисуют безобразных).

6

*Но я не так всегда воображал
Врага святых и чистых побуждений.*

*Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ; меж иных видений,*

*Как царь, немой и гордый, он сиял
Такой волшебной-сладкой красотой,*

Что было страшно... и душа тоскою

*Сжималася — и этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет.*

Но я, расставшись с прочими мечтами,

И от него отделался — стихами!

7

*Оружие отличное: врагам
Кидаете в лицо вы эпиграммой...
Вам насолить захочется ль друзьям?*

Пустите в них поэмой или дра-

мой!

Но полно, к делу. Я сказал уж вам,
Что в спальне той таился хит-
рый демон.

Невинным сном был тронут не
совсем он.

Не мудрено: кипела в нем не
кровь,

И понимал иначе он любовь;

И речь его коварных искушений

Была полна — ведь он недаром ге-
ний!

8

«Не знаешь ты, кто я, но уж дав-
но

Читаю я в душе твоей; незримо,
Неслышно говорю с тобою, — но
Слова мои, как тень, проходят
мимо

Ребяческого сердца, — и оно
Дивится им спокойно и в молча-
нье.

Пуškai! Зачем тебе мое названье?

Ты с ужасом отвергнула б мою
Безумную любовь, — но я люблю
По-своему... терпеть и ждать мо-
гу я,

Не надо мне ни ласк, ни поцелуя.

9

*Когда ты спишь, о ангел мой земной,
И шибко бьется девственной кровью
Младая грудь под грезой ночной,
Знай, это я, склонившись к изголовью,
Любуюся — и говорю с тобой;
И в тишине, наставник твой случайный,
Чудесные рассказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связан,
И вечностью и знанием наказан...*

10

*Тому назад еще немного лет
Я пролетал над сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвет,
Румяный запад с новою денницей
На севере сливались, как привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные зву-*

ки,
Как грешных снов нескромные
слова,
Неясно раздавались — и Нева,
Меж кораблей сверкая на просторе,
Журча, с волной их уносила в море.

11

Задумчиво столбы дворцов немых
По берегам теснились, как тени,
И в пене вод гранитных крылец их
Купались широкие ступени;
Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые;
И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот на гордый прах земли,
Как будто мир достоин их любви,
Как будто им земля небес дорожке...
И я тогда... я улыбнулся тоже.

12

И я кругом глубокий кинул взгляд
И увидал с невольною отрадой
Преступный сон под сению палат,

Корыстный труд пред тощею
лампадой,
И страшных тайн везде печаль-
ный ряд;
Я стал ловить блуждающие зву-
ки,
Веселый смех — и крик последней
муки:
То ликовал иль мучился порок!
В молитвах я подслушивал упрек,
В бреду любви — бесстыдное же-
ланье;
Везде — обман, безумство иль
страданье!

13

Но близ Невы один старинный
дом
Казался полн священной тиши-
ною.
Все важностью наследственной в
нем
И роскошью дышало вековою;
Украшен был он княжеским гер-
бом;
Из мрамора волнистого колонны
Кругом теснились чинно, и балко-
ны

Чугунные воздушною семьей
Меж них гордились дивною резь-
бой;
И окон ряд, всегда прозрачно-тем-
ных,
Манил пугая взор очей нескром-
ных.

14

Пора была, боярская пора!
Теснилась знать в роскошные по-
кои —
Былая знать минувшего двора,
Забывших дел померкшие герои!
Музыкой тут гремели вечера,
В Неве дробился блеск высоких
окон,
Напудренный мелькал и вился ло-
кон;
И часто ножка с красным каблуч-
ком
Давала знак условный под сто-
лом;
И старики в звездах и бриллиан-
тах
Судили резко о тогдашних фран-
тах.

15

Тот век прошел, и люди те прошли.
Сменили их другие; род старинный
Перевелся; в готической пыли
Портреты гордых бар, краса гостиной,
Забытые, тускнели; поросли
Дворы травой, и блеск сменив бывальи,
Сырая мгла и сумрак длинной залой
Спокойно завладели... Тихий дом
Казался пуст; но жил хозяин в нем,
Старик худой и с виду величавый,
Озлобленный на новый век и нравы.

16

Он ростом был двенадцати вершков,
С домашними был строг неумолимо;
Всегда молчал; ходил до двух часов,
Обедал, спал... да иногда, томимый

Бессонницей, собранье острых
слов
Перебирал или читал Вольтера.
Как быть? Сильна к преданьям в
людях вера;
Имел он дочь четырнадцати лет;
Но с ней видался редко; за обед
Она являлась в фартучке, с мада-
мой;
Сидела чинно и держалась прямо.

17

Всегда одна, запугана отцом
И англичанки строгостью
небрежной,
Она росла, как ландыш за стек-
лом
Или скорей как бледный цвет под-
снежный.
Она была стройна, но с каждым
днем
С ее лица сбегали жизни краски,
Задумчивей большие стали глаз-
ки;
Покинув книжку скучную, она
Охотнее садилась у окна,
И вдалеке мечты ее блуждали,
Пока ее играть не посылали.

18

Тогда она сходила в длинный зал,
Но бегать в нем ей как-то страш-
но было;
И как-то странно детский шаг
звучал
Между колонн; разрытою моги-
лой
Над юной жизнью воздух там ды-
шал.
И в зеркалах являлись предметы
Длиннее и бесцветнее, одеты
Какой-то мертвой дымкою; и
вдруг
Неясный шорох слышался вокруг:
То загремит, то снова тише, ти-
ше...
(То были тени предков — или мы-
ши!)

19

И что ж? — она привыкла толко-
вать
По-своему развалин говор стран-
ный,
И стала мысль горячая летать
Над бледною головкой и туман-
ный,

Воздушный рой видений навевать.
Я с ней не разлучался. Детский лепет
Подслушивать, невинной груди трепет
Следить, ее дыханием с немой,
Мучительной и жадною тоской,
Как жизнью, упиваться... это было
Смешно! — но мне так ново и так мило!

20

Влюбился я. И точно хороша
Была не в шутку маленькая Нина.
Нет, никогда свинец карандаша
Рафаэля, иль кисти Перуджина⁽¹⁹⁹⁾
Не начертали, пламенем дыша,
Подобный профиль. Все ее движенья
Особого казались выраженья
Исполнены — но с самых детских дней
Ее глаза не изменяли ей,
Тая равно надежду, радость, горе;
И было темно в них, как в синем море.

21

Я понял, что душа ее была
Из тех, которым рано все понят-
но.
Для мук и счастья, для добра и
зла
В них пищи много; — только
невозвратно
Они идут, куда их повела
Случайность, без раскаянья, упре-
ков
И жалобы. Им в жизни нет уро-
ков:
Их чувствам повторяться не да-
но...
Такие души я любил давно
Отыскивать по свету на свободе:
Я сам ведь был немножко в этом
роде!

22

Ее смущали странные мечты.
Порой она среди пустого зала
Сиянье, роскошь, музыку, цветы,
Толпу гостей и шум воображала;
Кипела кровь от душной тесно-
ты;
На платьице чудесные узоры
Виднелись ей, — и вот гремели

шпоры,
К ней кавалер незримый подходил
И в мнимый вальс с собою уносил;
И вот она кружилась в вихре бала
И утомясь на кресла упадала...

23

И тут она, склонив лукавый взор
И выставив едва приметно нож-
ку,
Двусмысленный и темный разгово-
вор
С ним завести старалась поне-
множку;
Сначала был он весел и остер,
А иногда и чересчур небрежен;
Но под конец зато как мил и
нежен!
Что делать ей? — притвор-
но-строгий взгляд
Его, как гром, отталкивал назад,
А сердце билось в ней так шибко,
шибко,
И по устам змеилась улыбка.

24

Пред зеркалом, бывало, целый час
То волосы пригладит, то краси-

вый
Цветок пришил к ним; движе-
нью глаз,
Головке наклоненной вид ленивый
Придав, стоит... и учится; не раз
Хотелось мне совет ей дать лука-
вый;
Но ум ее и сметливый и здравый
Отгадывал все мигом сам собой;
Так годы шли безмолвной чере-
дой;
И вот настал тот возраст, о ко-
тором
Так полны ваши книги всяким
вздором.

25

То был великий день: семнадцать
лет!
Все, что досель таилось за ре-
шеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик-отец послал за старой
теткой,
И съехались родные на совет.
Их затруднял удачный выбор ба-
ла.
Что? Будет двор иль нет? Иных

пугала

Застенчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замечал другой,
Что это вид ей даст оригиналь-
ный;
Потом наряд осматривали баль-
ный.

26

Но вот настал и вечер роковой.
Она с утра была, как в лихорадке;
Поплакала немножко, золотой
Браслет сломала, в суетах пер-
чатки
Разорвала... со страхом и тоской
Она в карету села и дорогой
Была полна мучительной трево-
гой;
И выходя споткнулась на крыль-
це.
И с бледностью печальной на ли-
це
Вступила в залу... Странный ше-
пот встретил
Ее явленье: свет ее заметил.

27

Кипел, сиял уж в полном блеске

бал.
Тут было все, что называют светом...
Не я ему название это дал,
Хоть смысл глубокий есть в названии этом;
Своих друзей я тут бы не узнал;
Улыбки, лица лгали так искусно,
Что даже мне чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотел я, — но едва
Ловил мой слух летучие слова,
Отрывки безыменных чувств и мнений —
Эпиграфы неведомых творений!..»
.....

Маскарад драма в 4-х действиях, в стихах

{200}

Действующие лица:

Арбенин, Евгений Александрович.
Нина, жена его.

Князь Звездич.

Баронесса Штраль.

Казарин, Афанасий Павлович.

Шприх, Адам Петрович.

Маска.

Чиновник.

Игроки.

Гости.

Слуги и служанки.

Действие первое

Сцена первая Выход первый

Игроки, князь Звездич, Казарин и Шприх. За столом мечут банк и понтируют... Кругом стоят.

1-й понтер

Иван Ильич, позвольте мне поставить.

Банкомет

Извольте.

1-й понтер

Сто рублей.

Банкомет

Идет.

2-й понтер

Ну, добрый путь.

3-й понтер

Вам надо счастье поправить,

А семпелями^{201} плохо...

4-й понтер

Надо гнуть^{202}.

3-й понтер

Пусти.

2-й понтер

На все?.. нет, жжжется!

4-й понтер

*Послушай, милый друг, кто ныне-
че не гнется,
Ни до чего тот не добьется.*

3-й понтер

(тихо первому)

Смотри во все глаза.

Князь Звездич

Ва-банк.

2-й понтер

*Эй, князь,
Гнев только портит кровь, — иг-
райте не сердясь.*

Князь

На этот раз оставьте хоть советы.

Банкомет

Убита.

Князь

черт возьми.

Банкомет

Позвольте получить

2-й понтер

(насмешливо)

Я вижу, вы в пылу, готовы все спустить.

Что стоят ваши эполеты?

Князь

Я с честью их достал, — и вам их не купить.

2-й понтер

(сквозь зубы, уходя)

Скромней бы надо быть

С таким несчастьем и в ваши ле-

ты.

Князь, выпив стакан лимонаду, садится к стороне и задумывается.

Шприх

(подходит с участием)

*Не нужно ль денег, князь... я тотчас помогу,
Проценты вздорные... а ждать
сто лет могу.*

Князь холодно кланяется и отворачивается, Шприх с неудовольствием уходит.

Выход второй

Арбенин и прочие

Арбенин входит, кланяется, подходя к столу; потом делает некоторые знаки и отходит с Казариным.

Арбенин

Ну, что, уж ты не мечешь?.. а, Казарин?

Казарин

*Смотрю, брат, на других.
А ты, любезнейший... женат, бо-
гат, — стал барин.
И позабыл товарищей своих!*

Арбенин

Да, я давно уж не был с вами

Казарин

Делами занят все?

Арбенин

Любовью... не делами

Казарин

С женой по балам.

Арбенин

Нет.

Казарин

Играешь?

Арбенин

*Нет... утих!
Но здесь есть новые. Кто этот
франтик?*

Казарин

*Шприх,
Адам Петрович!.. Я вас познаком-
лю разом.*

Шприх *подходит и кланяется.*

*Вот здесь приятель мой, реко-
мендую вам,
Арбенин.*

Шприх

Я вас знаю.

Арбенин

*Помнится, что нам
Встречаться не случилось.*

Шприх

*По рассказам.
И столько я о вас слышал того-се-
го,
Что познакомиться давным-дав-
но желаю.*

Арбенин

Про вас я не слышал, к несчастью,

ничего.

Но многое от вас, конечно, я
узнаю.

Раскланиваются опять. Шприх, скор-
чив кислую мину, уходит.

Он мне не нравится... Видал я
много рож,
А такой не выдумать нарочно;
Улыбка злобная, глаза... стекля-
рус точно,
Взглянуть — не человек, — а с
чертом не похож.

Казарин

Эх, братец мой — что вид наруж-
ный?

Пусть будет хоть сам черт!.. да
человек он нужный,

Лишь адресуйся — одолжит.

Какой он нации, сказать не знаю
смело:

На всех языках говорит.

Верней всего, что жид.

Со всеми он знаком, везде ему
есть дело,

Все помнит, знает все, в заботе

целый век,
Был бит не раз, с безбожником —
безбожник,
С святошей — езуит, меж на-
ми — злой картежник,
А с честными людьми — пречест-
ный человек.
Короче, ты его полюбишь, я уве-
рен.

Арбенин

Портрет хорош, — оригинал-то
скверен!
Ну, а вон тот высокий и в усах,
И нарумяненный вдобавок?
Конечно, житель модных лавок,
Любезник отставной и был в чу-
жих краях?
Конечно, он герой не в деле
И мастерски стреляет в цель?

Казарин

Почти... он из полка был выгнан
за дуэль
Или за то, что не был на дуэли.
Боялся быть убийцей — да и мать
К тому ж строга — потом, лет
через пять,

*Был вызван он опять
И тут дрался уж в самом деле.*

Арбенин

*А этот маленький каков?
Растрепанный, с улыбкой откровенной,
С крестом и табакеркою?..*

Казарин

*Трущов...
О, малый он неоцененный:
Семь лет он в Грузии служил,
Иль послан был с каким-то генералом,
Из-за угла кого-то там хватил,
Пять лет сидел он под началом
И крест на шею получил.*

Арбенин

Да вы разборчивы на новые знакомства!

Игроки

(кричат)

Казарин, Афанасий Павлович, сюда.

Казарин

Иду.

(С притворным участием)

Пример ужасный вероломства!

Ха, ха, ха, ха!

1-й понтер

Скорей.

Казарин

Какая там беда?

Живой разговор между игроками, потом успокаиваются. Арбенин замечает князя Звездича и подходит.

Арбенин

Князь, как вы здесь? ужель не в первый раз?

Князь

(недовольно)

Я то же самое хотел спросить у вас.

Арбенин

Я ваш ответ предупрежду, пожа-

луй:
Я здесь давно знаком; и часто
здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья.
Один был вознесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участь:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых
невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна
любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это
вновь.

Князь

(с чувством берет его за руку)

Я проигрался.

Арбенин

Вижу. — Что ж? топиться!..

Князь

О! я в отчаяньи.

Арбенин

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовеки не садиться
Или опять сейчас же сесть.
Но чтобы здесь выигрывать решиться,
Вам надо кинуть все: родных, друзей и честь,
Вам надо испытать, ощупать
Беспристрастно
Свои способности и душу: по частям
Их разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицах чуть знакомых вам
Все побужденья, мысли; — годы
Употребить на упражненье рук,
Все презирать: закон людей, закон природы.
День думать, ночь играть, от мук не знать свободы,
И чтоб никто не понял ваших мук.
Не трепетать, когда близ вас искусством равный,

*Удачи каждый миг постыдный
ждать конец
И не краснеть, когда вам скажут
явно:
«Подлец!»*

*Молчание. Князь едва его слушал и был
в волнении.*

Князь

*Не знаю, как мне быть, что де-
лать?*

Арбенин

Что хотите.

Князь

Быть может, счастье.

Арбенин

О, счастья здесь нет!

Князь

*Я все ведь проиграл!.. Ах, дайте
мне совет.*

Арбенин

Советов не даю.

Князь

Ну, сяду...

Арбенин

(вдруг берет его за руку)

Погодите.

*Я сяду вместо вас. Вы молоды, —
я был*

*Неопытен когда-то и моложе,
Как вы, заносчив, опрометчив то-
же,*

*И если б...(останавливается) кто-
нибудь меня остановил...*

То...

(Смотрит на него пристально.)

(Переменив тон)

*Дайте мне на счастье руку смело,
А остальное уж не ваше дело!*

(Подходит к столу; ему дают место.)

Не откажите инвалиду,

*Хочу я испытать, что скажет
мне судьба*

*И даст ли нынешним поклонни-
кам в обиду*

Она старинного раба!

Казарин

Не вытерпел... зажглося ретивое.

(Тихо)

*Ну, не ударься в грязь лицом
И докажи им, что такое
Возиться с прежним игроком.*

Игроки

*Извольте, вам и книги в руки, —
вы хозяин,
Мы гости.*

1-й понтер

(на ухо второму)

*Берегись — имей теперь глаза!..
Не понутру мне этот Ванька-Ка-
ин,
И притузит он моего туза.*

*Игра начинается; все толпятся вокруг
стола, иногда разные возгласы, в про-
должение следующего разговора мно-
гие мрачно отходят от стола.*

*Шприх отводит на авансцену Казари-
на.*

Шприх

(лукаво)

*Столпились в кучку все, кажись,
нашла гроза.*

Казарин

Задаст он им на месяц страху!

Шприх

*Видно,
Что мастер.*

Казарин

Был.

Шприх

Был, а теперь...

Казарин

*Теперь?
Женился и богат, стал человек
солидный;
Глядит ягнечком, — а право,
тот же зверь...
Мне скажут: можно отучиться,
Натуру победить. — Дурак, кто
говорит:
Пусть ангелом и притворится,*

*Да черт-то все в душе сидит.
И ты, мой друг,
(ударив по плечу)
хоть перед ним ребенок,
А и в тебе сидит чертенок.*

Два игрока в живом разговоре подходят.

1-й игрок

Я говорил тебе.

2-й игрок

*Что делать, брат,
Нашла коса на камень, видно,
Я ль не хитрил, — нет, всех как на
подряд.
Подумать стыдно...*

Казарин

(подходит)

Что, господа, иль не под силу? а?

1-й игрок

Арбенин ваш мастак.

Казарин

И, что вы, господа!

Волнение у стола между игроками.

3-й понтер

Да этак он загнет, пожалуй, тысяч на сто.

4-й понтер

(в сторону)

Обрежется...

5-й понтер

Посмотрим.

Арбенин

(встает)

Баста!

Берет золото и отходит, другие остаются у стола; Казарин и Шприх также у стола. Арбенин молча берет за руку князя и отдает ему деньги; Арбенин бледен.

Князь

*Ах, никогда мне это не забыть...
Вы жизнь мою спасли...*

Арбенин

И деньги ваши тоже.

(Горько)

*А право, трудно разрешить,
Которое из этих двух дороже.*

Князь

Большую жертву вы мне сделали.

Арбенин

*Ничуть.
Я рад был случаю, чтоб кровь при-
весть в волненье,
Тревогою опять наполнить ум и
грудь;
Я сел играть — как вы пошли бы
на сраженье.*

Князь

Но проигратъся вы могли.

Арбенин

*Я... нет!.. те дни блаженные про-
шли.
Я вижу все насквозь... все тонко-
сти их знаю,
И вот зачем я нынче не играю.*

Князь

*Вы избегаете признательность
мою.*

Арбенин

*По чести вам сказать, ее я не
терплю.
Ни в чем и никому я не был в
жизнь обязан,
И если я кому платил добром,
То все не потому, чтоб был к
нему привязан;
А — просто — видел пользу в том.*

Князь

Я вам не верю

Арбенин

*Кто велит вам верить.
Я к этому привык с давнишних
пор.
И если бы не лень, то стал бы ли-
цемерить...
Но кончим этот разговор...*

(Помолчав)

Рассеяться б и вам и мне нехудо.

*Ведь нынче праздники и, верно,
маскерад
У Энгельгардта...*

Князь

Да.

Арбенин

Поедемте?

Князь

Я рад.

Арбенин

(в сторону)

В толпе я отдохну.

Князь

*Там женщины есть... чудо...
И даже там бывают, говорят...*

Арбенин

*Пусть говорят, а нам какое дело?
Под маской все чины равны,
У маски ни души, ни званья нет, —
есть тело.
И если маскою черты утаены,*

*То маску с чувств снимают сме-
ло.*

Уходят.

Выход третий

*Те же, кроме Арбенина и князя Звезди-
ча.*

1-й игрок

*Забастовал он кстати... с ним бе-
да...*

2-й игрок

*Хотя б опомниться он дал по
крайней мере.*

Слуга

(входит)

Готово ужинать...

Хозяин

*Пойдемте, господа,
Шампанское утешит вас в поте-
ре.*

Уходят.

Шприх
(один)

*С Арбениным сойтиться я хочу...
И даром ужинать желаю.
(Приставив палец ко лбу)
Отужинаю здесь... кой-что еще
узнаю.
И в маскарад за ними полечу.
(Уходит и рассуждает сам с со-
бою.)*

Сцена вторая
Маскарад
Выход первый

Маски, Арбенин, потом князь Звездич. Толпа проходит взад и вперед по сцене; налево канаве.

Арбенин
(входит)

*Напрасно я ищу повсюду развлече-
нья,
Пестреет и жужжит толпа пере-
до мной...
Но сердце холодно, и спит вообра-
жение:
Они все чужды мне, и я им всем*

чужой!

Князь *подходит, зевая.*

*Вот нынешнее поколение.
И то ль я был в его лета, как по-
гляжу?
Что, князь?.. не набрали еще на
приключенье?*

Князь

Как быть, а целый час хожу!

Арбенин

*А! вы желаете, чтоб счастье вас
ловило.
Затея новая... пустить бы надо в
свет.*

Князь

Все маски глупые...

Арбенин

*Да маски глупой нет:
Молчит... таинственна, загово-
рит... так мило.
Вы можете придать ее словам
Улыбку, взор, какие вам угодно...*

*Вот, например, взгляните там —
Как выступает благородно
Высокая турчанка... как полна,
Как дышит грудь ее и страстно и
свободно.*

*Вы знаете ли кто она?
Быть может, гордая графиня иль
княжна,
Диана в обществе... Венера в мас-
кераде,
И также может быть, что эта
же краса
К вам завтра вечером придет на
полчаса.
В обоих случаях вы, право, не в на-
кладе.*

(Уходит.)

Выход второй

Князь и женская маска.

*Одно домино подходит и останавли-
вается. Князь стоит в задумчивости.*

Князь

*Все так, — рассказывать легко...
Однако же, я все еще зеваю...
Но вот идет одна... дай господи!*

Одна маска отделяется и ударив его по плечу:

Маска

*Я знаю...
Тебя!*

Князь

И, видно, очень коротко.

Маска

О чем ты размышлял, — и это мне известно.

Князь

*А в этом случае ты счастливей меня.
(Заглядывает под маску.)
Но если не ошибся я,
То ротик у нее прелестный.*

Маска

Я нравлюсь тебе, тем хуже.

Князь

Для кого?

Маска

Для одного из нас.

Князь

*Не вижу отчего?
Ты предсказанием меня не испуга-
ешь,
И я хоть очень не хитер,
Но узнаю, кто ты...*

Маска

*Так, стало быть, ты знаешь,
Чем кончится наш разговор?..*

Князь

Поговорим и разойдемся.

Маска

Право?

Князь

Налево ты, а я направо...

Маска

*Но ежели я здесь нарочно с целью
той —
Чтоб видеться и говорить с то-
бой;
Но если я скажу, что через час ты*

будешь
Мне клясться, что вовек меня не
позабудешь,
Что будешь рад отдать мне
жизнь свою в тот миг,
Когда я улечу, как призрак, без на-
званья,
Чтоб услышать из уст моих
Одно лишь слово: до свиданья!..

Князь

Ты маска умная, а тратишь мно-
го слов!
Коль знаешь ты меня, скажи, кто
я таков?

Маска

Ты! бесхарактерный, безнрав-
ственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый че-
ловек;
В тебе одном весь отразился век,
Век нынешний, блестящий, но ни-
чтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бега-
ешь страстей.
Все хочешь ты иметь, а жертво-
вать не знаешь;

*Людей без гордости и сердца презираешь,
А сам игрушка тех людей.
О! знаю я тебя...*

Князь

Мне это очень лестно.

Маска

Ты сделал много зла.

Князь

Невольно, может быть.

Маска

*Кто знает! Только мне известно,
Что женщине тебя не надобно
любить.*

Князь

Я не ищу любви.

Маска

Искать ты не умеешь.

Князь

Скорей устал искать.

Маска

*Но если пред тобой
Она появится и скажет вдруг: ты
мой!
Ужель бесчувственным остаться
ты посмеешь?*

Князь

Но кто ж она?.. конечно, идеал.

Маска

*Нет, женщина... а дальше что за
дело.*

Князь

*Но покажи ее, пусть явится мне
смело.*

Маска

*Ты хочешь многого — обдумай,
что сказал!*

Некоторое молчание.

*Она не требует ни вздохов, ни
признанья,
Ни слез, ни просьб, ни пламенных*

речей...

.....

*Но клятву дай оставить все старья
Разведать — кто она... и обо всем
Молчать...*

Князь

*Клянусь землей и небесами
И честью моей.*

Маска

*Смотри ж, теперь пойдём!
И помни, шуток нет меж нами.*

(Уходят под руки.)

Выход третий

Арбенин и две маски.

Арбенин тащит за руку мужскую маску.

Арбенин

*Вы мне вещей наговорили
Таких, сударь, которых честь
Не позволяет перенести...
Вы знаете ль, кто я?..*

Маска

Я знаю, кто вы были.

Арбенин

*Снимите маску — и сейчас!
Вы поступаете бесчестно.*

Маска

*К чему! мое лицо вам так же
неизвестно,
Как маска — и я сам вас вижу в
первый раз.*

Арбенин

*Не верю! Что-то слишком вы ме-
ня боитесь,
Сердиться стыдно мне. Вы трус;
подите прочь.*

Маска

*Прощайте же, но берегитесь.
Несчастье с вами будет в эту
ночь.*

(Исчезает в толпе.)

Арбенин

*Постой... пропал... кто ж он? Вот
дал мне бог заботу.
Трусливый враг какой-нибудь,*

*А им ведь у меня нет счету,
Ха, ха, ха, ха! прощай, приятель,
добрый путь...*

Выход четвертый

Шприх и Арбенин.

Шприх *является.*

*На канане сидят две женские маски,
кто-то подходит и интригует, берет
за руку... одна вырывается и уходит,
браслет спадает с руки.*

Шприх

*Кого вы так безжалостно тащи-
ли,
Евгений Александрыч?..*

Арбенин

*Так, шутил
С приятелем.*

Шприх

*Конечно, подшутили
Вы не на шутку с ним. Он шел и
вас бранил.*

Арбенин

Кому?

Шприх

Какой-то маске.

Арбенин

*Слух завидный
У вас.*

Шприх

*Я слышу все и обо всем молчу
И не в свои дела не суюсь...*

Арбенин

*Это видно.
Так, стало быть, не знаете... ну
как не стыдно!
Об том...*

Шприх

Об чем это-с?..

Арбенин

Да нет, я так, шучу...

Шприх

Скажите!..

Арбенин

Говорят, у вас жена красотка...

Шприх

Ну-с, что ж?

Арбенин

(переменив тон)

*А ездит к вам тот смуглый и в
усах!*

(Насвистывает песню и уходит.)

Шприх

(один)

*Чтоб у тебя засохла глотка...
Смеешься надо мной... так бу-
дешь сам в рогах.*

(Теряется в толпе.)

Выход пятый

1-я маска, одна.

1-я маска *входит быстро в волнении и
падает на канapé.*

1-я маска

*Ах!.. я едва дышу... он все бежал за
мною,*

Что если бы он сорвал маску...
нет,
Он не узнал меня... да и какой
судьбою
Подозревать, что женщина, ко-
торой свет
Дивится с завистью, в пылу само-
забвенья
К нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкие мгновенья,
Не требуя любви, — но только со-
жаленья,
И дерзко скажет — я твоя!..
Он этой тайны вечно не узнает...
Пускай... я не хочу... но он желает
На память у меня какой-нибудь
предмет,
Кольцо... что делать... риск ужас-
ный!
(Видит на земле браслет и подни-
мает.)
Вот счастье. Боже мой — поте-
рянный браслет
С эмалью, золотой... отдам ему,
прекрасно...
Пусть ищет с ним меня.

Выход шестой

1-я маска и князь Звездич.

Князь с лорнетом торопливо продирается.

Князь

Так точно... вот она.

Меж тысячи других теперь ее узнаю.

(Садится на канapé и берет ее за руку.)

О! ты не убежишь.

Маска

*Я вас не убегаю,
Чего хотите вы?*

Князь

Вас видеть.

Маска

*Мысль смешна!
Я перед вами...*

Князь

Это шутка злая!..

Но цель твоя шутить, а цель моя другая...

И если мне небесные черты

*Сейчас же не откроешь ты —
То я сорву коварную личину;
Я силою...*

Маска

*Поймите же мужчину!..
Вы недовольны... мало вам того,
Что я люблю вас... нет! вам хо-
чется всего;
Вам надо честь мою на поруга-
нье,
Чтоб, встретившись со мной на
бале, на гулянье,
Могли бы вы со смехом расска-
зать
Друзьям смешное приключенье
И, разрешая их сомненье,
Примолвить: вот она... и пальцем
указать.*

Князь

Я вспомню голос твой.

Маска

*Пожалуй, — вот уж чудо!
Сто женщин говорят все голосом
таким;
Вас пристыдят — лишь адресуй-*

*тесь к ним,
И это было бы не худо!*

Князь

Но, счастье мое неполно.

Маска

*А как знать...
Вы, может быть, должны судьбу
благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть может, я стара, дурна... ка-
кую мину
Вы сделали бы мне.*

Князь

*Ты хочешь испугать.
Но, зная прелестей твоих лишь
половину,
Как остальных не отгадать.*

Маска

(хочет идти)

Прощай навеки!..

Князь

*О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оста-*

вишь? Нет
В тебе к безумцу сожаленья?

Маска

(отойдя два шага)

Вы правы: жаль мне вас — возьмите мой браслет.

(Бросает браслет на пол, пока он его поднимает, она скрывается в толпе.)

Лошади, скачущие всадники, мужская голова. наброски.

Выход седьмой

Князь, потом Арбенин.

Князь

(Он ищет ее глазами напрасно.)

Я в дураках... есть от чего рассудка

Лишиться...

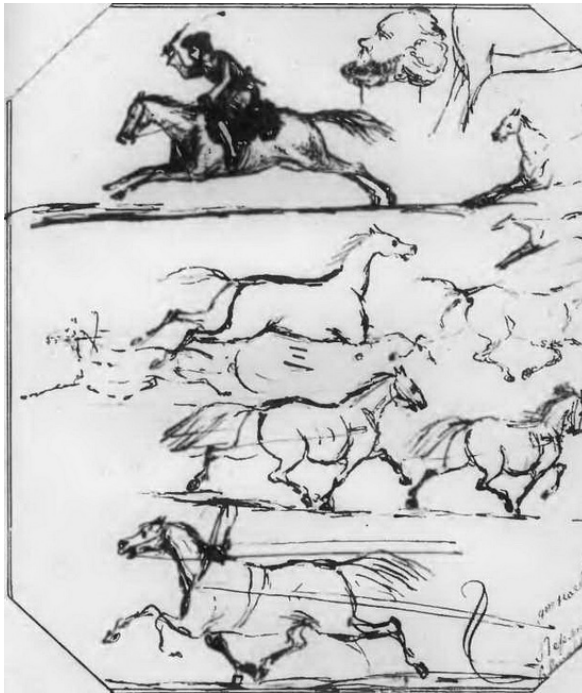
(Увидев Арбенина)

А!

Арбенин

(идет задумчив)

Кто этот злой пророк...

Он должен знать меня... и вряд ли
это шутка.

Князь
(подходя)

*Мне в пользу послужил ваш да-
вишний урок.*

Арбенин

Душевно радуюсь.

Князь

*Но счастье налетело
Само собой.*

Арбенин

Да счастье — вечно так.

Князь

*Лишь только я схватил и думал:
кончил дело,
Как вдруг*

(дует на ладонь)

*Теперь себя могу уверить смело,
Что если все не сон, так я боль-
шой дурак.*

Арбенин

*Не знаю ничего, и потому не спо-
рю.*

Князь

Да вы все шутите, помочь нельзя
ли горю?
Я все вам расскажу
(несколько слов на ухо).
Как я был удивлен!
Плутовка вырвалась — и вот
(показывает на браслет)
как будто сон.
Конец презалобный.

Арбенин

(улыбаясь)

А начали нехудо!..
Но покажите-ка... браслет до-
вольно мил,
И где-то я видал такой же... пого-
дите.
Да нет, не может быть... забыл.

Князь

Где отыскать ее...

Арбенин

Любую подцепите;
Здесь много их — искать недале-
ко!

Князь

Но если не она?

Арбенин

*А может быть, легко,
Но что же за беда?.. Вообразите...*

Князь

*Нет, я ее сыщу на дне морском,
браслет
Поможет мне.*

Арбенин

*Ну, сделаем два тура —
Но ежели она не вовсе дура,
То здесь ее давно простыл и след.*

**Сцена третья
Выход первый**

Евгений Арбенин входит; слуга.

Арбенин

*Ну, вот и вечер кончен — как я
рад.
Пора хотя на миг забыться,
Весь этот пестрый сброд — весь
этот маскарад
Еще в уме моем кружится.
И что же я там делал, не смешно*

ль!..
Давал любовнику советы,
Догадки поверял, сличал браслеты...
И за других мечтал, как делают поэты...
Ей богу, мне такая роль
Уж не под леты!

(Слуге)

Что, барыня приехала домой?

Слуга

Нет-с.

Арбенин

А когда же будет?

Слуга

*Обещалась
В двенадцатом часу.*

Арбенин

*Теперь уж час второй, —
Не ночевать же там осталась!*

Слуга

Не знаю-с.

Арбенин

*Будто бы? — Иди — свечу
Поставь на стол, как будет нуж-
но, я вскричу.*

Слуга уходит; он садится в кресла.

Выход второй

Арбенин

(один)

*Бог справедлив! и я теперь едва ли
Не осужден нести печали
За все грехи минувших дней.
Бывало, так меня чужие жены
ждали,
Теперь я жду жены своей...
В кругу обманщиц милых я на-
прасно
И глупо юность погубил;
Любим был часто пламенно и
страстно
И ни одну из них я не любил.
Романа не начав, я знал уже раз-
вязку
И для других сердец твердил
Слова любви, как няня сказку.
И тяжело стало мне, и скучно*

жить!
И кто-то подал мне тогда совет
лукавый
Жениться... чтоб иметь святое
право
Уж ровно никого на свете не лю-
бить.
И я нашел жену, покорное созда-
нье,
Она была прекрасна и нежна,
Как агнец божий на закланье,
Мной к алтарю она приведена...
И вдруг во мне забытый звук
проснулся,
Я в душу мертвую свою
Взглянул... и увидел, что я ее люб-
лю;
И, стыдно молвить... ужаснул-
ся!..
Опять мечты, опять любовь
В пустой груди бушуют на про-
сторе;
Изломанный челнок, я снова бро-
шен в море:
Вернусь ли к пристани я вновь?

(Задумывается.)

Выход третий

Арбенин и Нина.

Нина входит на цыпочках и целует его в лоб сзади.

*Ах, здравствуй, Нина... наконец!
Давно пора.*

Нина

Неужели так поздно?

Арбенин

Я жду тебя уж целый час.

Нина

*Серьезно?
Ах, как ты мил!*

Арбенин

*А думаешь... глупец?
Он ждет себе... а я...*

Нина

*Ах, мой творец!..
Да ты всегда не в духе, смотришь
грозно,
И на тебя ничем не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,*

А встретимся, ворчишь!..
Скажи мне просто: Нина,
Кинь свет, я буду жить с тобой
И для тебя; зачем другой мужчи-
на,
Какой-нибудь бездушный и пу-
стой,
Бульварный фронт, затянутый в
корсете,
С утра до вечера тебя встречает
в свете,
А я лишь час какой-нибудь на дню
Могу сказать тебе два слова?
Скажи мне это... я готова,
В деревне молодость свою я схо-
роню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мне, как дру-
гу... Но к чему
Меня воображение умчало...
Положим, ты меня и любишь, но
так мало,
Что даже не ревнуешь ни к кому!

Арбенин

(улыбаясь)

Как быть? Я жить привык беспеч-

*но,
И ревновать смешно...*

Нина

Конечно.

Арбенин

Ты сердишься?

Нина

Нет, я благодарю.

Арбенин

Ты опечалилась.

Нина

*Я только говорю,
Что ты меня не любишь.*

Арбенин

Нина?

Нина

Что вы?

Арбенин

Послушай... нас одной судьбы око-

вы

Связали навсегда... ошибкой, может быть;

Не мне и не тебе судить.

(Привлекает к себе на колена и целует.)

Ты молода летами и душою,
В огромной книге жизни ты прочла

Один заглавный лист, и пред тобою

Открыто море счастья и зла.

Иди любой дорогой,

Надейся и мечтай — вдали надежды много,

А в прошлом жизнь твоя бела!

Ни сердца своего, ни моего не зная,

Ты отдалася мне — и любишь, верю я,

Но безотчетно, чувствами играя,
И резвясь, как дитя.

Но я люблю иначе: я все видел,
Все перечувствовал, все понял, все узнал,

Любил я часто, чаще ненавидел,
И более всего страдал!

Сначала все хотел, потом все пре-

зирал я,
То сам себя не понимал я,
То мир меня не понимал.
На жизни я своей узнал печать
проклятья,
И холодно закрыл объятья
Для чувств и счастья земли...
Так годы многие прошли.
О днях, отравленных волненьем
Порочной юности моей,
С каким глубоким отвращеньем
Я мыслю на груди твоей.
Так, прежде я тебе цены не знал,
несчастный:
Но скоро черствая кора
С моей души слетела, мир пре-
красный
Моим глазам открылся не на-
прасно,
И я воскрес для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то дух
враждебный
Меня уносит в бурю прежних
дней,
Стирает с памяти моей
Твой светлый взор и голос твой
волшебный.
В борьбе с собой, под грузом тяж-

ких дум,
Я молчалив, суров, угрюм.
Боюсь осквернить тебя прикосно-
вением,
Боюсь, чтобы тебя не испугал ни
стон,
Ни звук, исторгнутый мученьем.
Тогда ты говоришь: меня не лю-
бит он!

Она ласково смотрит на него и прово-
дит рукой по волосам.

Нина

Ты странный человек!.. когда
красноречиво
Ты про любовь свою рассказыва-
ешь мне,
И голова твоя в огне,
И мысль твоя в глазах сияет жи-
во,
Тогда всему я верю без труда;
Но часто...

Арбенин

Часто?..

Нина

Нет, но, иногда!..

Арбенин

*Я сердцем слишком стар, ты
слишком молода,
Но чувствовать могли б мы ров-
но.
И, помнится, в твои года
Всему я верил безусловно.*

Нина

Опять ты недоволен... боже мой!

Арбенин

*О нет... я счастлив, счастлив... я
жестокой,
Безумный клеветник; далеко,
Далеко от толпы завистливой и
злой.
Я счастлив... я с тобой!
Оставим прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старине!
Я вижу, что творец тебя в возна-
гражденье
С своих небес послал ко мне.*

*(Целует ее руки и вдруг на одной не видит
браслета, останавливается и бледнеет.)*

Нина

Ты побледнел, дрожишь... о, боже!

Арбенин

(вскакивает)

Я? ничего! где твой другой браслет.

Нина

Потерян.

Арбенин

А! потерян.

Нина

*Что же,
Беды великой в этом нет.
Он двадцати пяти рублей, конечно,
не дороже.*

Арбенин

(про себя)

*Потерян... Отчего я этим так
смущен,
Какое странное мне шепчет подо-
зренья!
Ужель то было только сон,*

А это пробужденье!..

Нина

Тебя понять я, право, не могу.

Арбенин

(пронзительно на нее смотрит, сложив руки)

Браслет потерян?..

Нина

(обидясь)

Нет, я лгу!

Арбенин

(про себя)

Но сходство, сходство!

Нина

*Верно, уронила
В карете я его, — велите обыс-
кать;
Конечно б я его не смела взять,
Когда б вообразила...*

Выход четвертый

Прежние и слуга.

Арбенин

(звонит, слуга входит)

(Слуге)

*Карету обыщи ты вдоль и поперек,
Потерян там браслет... Избави бог
Тебя вернуться без него.*

(Ей)

*О чести,
О счастья моем тут речь идет.*

Слуга уходит.

(После паузы, ей)

*Но если он и там браслета не
найдет?*

Нина

Так, стало быть, в другом он месте.

Арбенин

В другом? и где — ты знаешь?

Нина

*В первый раз
Так скупы вы и так суровы;
И чтоб скорей утешить вас,
Я завтра ж закажу, такой же
точно, новый.*

Слуга *входит.*

Арбенин

Ну, что?.. скорее отвечай...

Слуга

Я перешарил всю карету-с.

Арбенин

И не нашел там!

Слуга

Нету-с.

Арбенин

Я это знал... ступай.

(Значительный взгляд на нее.)

Слуга

Конечно, в маскараде он потерян.

Арбенин

А!.. в маскараде!.. так вы были там?

Выход пятый

Прежние, кроме слуги.

Арбенин
(слуге)

Иди.

(Ей)

*Что стоило бы вам
Сказать об этом прежде. Я уве-
рен,
Что мне тогда иметь позволили
бы честь
Вас проводить туда и вас домой
отвезть.
Я б вам не помешал ни строгим
наблюденьем,
Ни пошлой нежностью своей...
С кем были вы?*

Нина

*Спросите у людей;
Они вам скажут все и даже с при-
бавленьем.
Они по пунктам объяснят:*

*Кто был там, с кем я говорила,
Кому браслет на память подарил
ла.*

*И вы узнаете все лучше во сто
крат,*

*Чем если б съездили вы сами в
маскерад.*

(Смеется.)

Смешно, смешно, ей богу!

Не стыдно ли, не грех

Из пустяков поднять тревогу.

Арбенин

*Дай бог, чтоб это был не твой по-
следний смех!*

Нина

*О, если ваши продолжатся бред-
ни,*

То это, верно, не последний.

Арбенин

Кто знает, может быть...

*Послушай, Нина!.. я смешон, ко-
нечно,*

*Тем, что люблю тебя так сильно,
бесконечно,*

Как только может человек лю-

бить.

И что за диво? у других на свете
Надежд и целей миллион,
У одного богатство есть в пред-
мете,
Другой в науки погружон,
Тот добивается чинов, крестов —
иль славы,
Тот любит общество, забавы,
Тот странствует, тому игра вол-
нует кровь...

Я странствовал, играл, был вет-
рен и трудился,
Постиг друзей, коварную любовь,
Чинов я не хотел, а славы не до-
бился.

Богат и без гроша был скукою то-
мим.

Везде я видел зло, и, гордый, перед
ним

Нигде не преклонился.

Все, что осталось мне от жизни,
это ты:

Созданье слабое, но ангел красо-
ты:

Твоя любовь, улыбка, взор, дыха-
нье...

Я человек: пока они мои,

Без них нет у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманут... если я
Обманут... если на груди моей
змея
Так много дней была согрета, если точно
Я правду отгадал... и, лаской усыплен,
С другим осмеян был заочно!
Послушай, Нина... я рожден
С душой кипучею, как лава,
Покуда не растопится, тверда
Она, как камень... но плоха забава
С ее потоком встретиться! тогда,
Тогда не ожидай прощенья —
Закона я на месть свою не призову,
Но сам, без слез и сожаленья,
Две наши жизни разорву!

(Хочет взять ее за руку; она отскакивает в сторону.)

Нина

Не подходи... о, как ты страшен!

Арбенин

*Неужели?..
Я страшен? нет, ты шутишь, я
смешон!
Да смейтесь, смейтесь же... за-
чем, достигнув цели,
Бледнеть и трепетать? скорее,
где же он,
Любовник пламенный, игрушка
маскерада;
Пускай потешится, придет.
Вы дали мне вкусить почти все
муки ада —
И этой лишь не достает.*

Нина

*Так вот какое подозренье.
И этому всему виной один брас-
лет;
Поверьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмеет весь свет!*

Арбенин

*Да! смейтесь надо мной вы, все
глупцы земные,
Беспечные, но жалкие мужья.
Которых некогда обманывал и я,
Которые меж тем живете, как*

святые
В раю... увы!.. но ты мой рай,
Небесный и земной... прощай!..
Прощай, я знаю все.

(Ей)

Прочь от меня, гиена.
И думал я, глупец, что, тронута,
с тоской,
С раскаяньем во всем передо мной
Она откроется... упавши на колен-
на?
Да, я б смягчился, если б увидал
Одну слезу... одну... нет! смех был
мне ответом.

Нина

Не знаю, кто меня оклеветал,
Но я прощаю вам; я не виновна в
этом;
Жалею, хоть помочь вам не могу
И чтоб утешить вас, конечно, не
солгу.

Арбенин

О, замолчи... прошу тебя... до-
вольно...

Нина

*Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажет бог, послушай...*

Арбенин

*Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.*

Нина

*Мне больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгений.*

Арбенин

*Ну, по чести,
Признание в пору...*

Нина

*Выслушай, молю;
О, боже, но чего ж ты хочешь?*

Арбенин

Мести!

Нина

Кому ж ты хочешь мстить?

Арбенин

*О, час придет,
И право, мне вы надивитесь.*

Нина

Не мне ль... что ж медлишь ты?

Арбенин

Геройство к вам нейдет.

Нина

(с презрением)

Кому ж?

Арбенин

Вы за кого боитесь?

Нина

*Ужели много ждет меня таких
минут?
О, перестань... ты ревностью сво-
ею
Меня убьешь... я не умею
Просить, и ты неумолим... но я и
тут
Тебе прощаю.*

Арбенин

Лишний труд!

Нина

Однако есть и бог... он не простит.

Арбенин

Жалею!

Она в слезах уходит.

(Один.)

*Вот женщина!.. о, знаю я давно
Вас всех, все ваши ласки и упреки,
Но жалкое познание мне дано,
И дорого плачу я за уроки!..
И то сказать, за что меня любить?*

*За то ль, что у меня и вид и голос
грозной!*

(Подходит к двери жены и слушает.)

*Что делает она: смеется, может
быть!..*

Нет, плачет.

(Уходя)

Жаль, что поздно!..

Конец первого действия

Действие второе

Сцена первая Выход первый

Баронесса сидит на креслах в усталости. Бросает книгу.

Баронесса

*Подумаешь: зачем живем мы?
для того ли,
Чтоб вечно угождать на чуждый
нрав
И рабствовать всегда! Жорж
Занд почти что прав!
Что ныне женщина? создание без
воли,
Игрушка для страстей иль прихотей
других!
Имея свет судьей и без защиты в
свете,
Она должна таить весь пламень
чувств своих
Иль удушить их в полном цвете:*

Что женщина? Ее от юности са-
мой
В продажу выгодам, как жертву,
убирают,
Винят в любви к себе одной,
Любить других не позволяют.
В груди ее порой бушует страсть,
Боязнь, рассудок, мысли гонит;
И если как-нибудь, забывши света
власть,
Она покров с нее уронит,
Предастся чувствам всей душой

Тогда прости и счастье и покой!
Свет тут... он тайны знать не
хочет! он по виду,
По платью встретит честность
и порок, —
Но не снесет приличиям обиду,
И в наказаниях жесток!..

(Хочет читать.)

Нет, не могу читать... меня сму-
тило
Все это размышленье, я боюсь
Его как недруга... и, вспомнив то,
что было.
Сама себе еще дивлюсь.

Входит Нина.

Выход второй

Нина

*Катаюсь я в санях, и мне пришла
идея
К тебе заехать, mon amour.[27]*

Баронесса

*C'est une idée charmante, vous en
avez toujours.[28]*

Садятся.

*Ты что-то прежнего бледнее
Сегодня, несмотря на ветер и мо-
роз,
И красные глаза — конечно не от
слез?*

Нина

*Я дурно ночь спала и нынче нездо-
рова.*

Баронесса

*Твой доктор не хорош — возьми
другого.*

Выход третий

Входит князь Звездич.

Баронесса

(холодно)

Ах, князь!

Князь

*Я был вчера у вас
С известием, что наш пикник рас-
строен.*

Баронесса

Прошу садиться, князь.

Князь

*Я спорил лишь сейчас,
Что огорчитесь вы, — но вид ваш
так спокоен.*

Баронесса

Мне, право, жаль.

Князь

*А я так очень рад,
Пикников двадцать я отдам за
маскерад.*

Нина

Вчера вы были в маскараде?

Князь

Был.

Баронесса

А в каком наряде?

Нина

Там было много...

Князь

*Да; и там
Под маской я узнал иных из наших
дам.
Конечно, вы охотницы рядиться.*

(Смеется.)

Баронесса

(горячо)

*Я объявить вам, князь, должна,
Что эта клевета нисколько не
смешна.
Как женщине порядочной ре-
шиться
Отправиться туда, где всякий*

сброд,
Где всякий ветренник обидит,
осмеет;
Рискнуть быть узнанной, — вам
надобно стыдиться;
Отречься от подобных слов.

Князь

*Отречься не могу; стыдиться
же — готов.*

Входит чиновник.

Выход четвертый

Прежние и чиновник.

Баронесса

Откуда вы?

Чиновник

*Сейчас лишь из правленья,
О деле вашем я пришел погово-
рить.*

Баронесса

Его решили?

Чиновник

*Нет, но скоро!.. Может быть,
Я помешал...*

Баронесса

Ничуть.

(Отходит к окну и говорит.)

Князь

(в сторону)

Вот время объяснения!

(Нине)

Я в магазине нынче видел вас.

Нина

В каком же?

Князь

В английском.

Нина

Давно ль?

Князь

Сейчас.

Нина

Мне удивительно, что вас я не узнала.

Князь

Вы были заняты...

Нина

(скоро)

Браслет я прибирала

(вынимает из ридикюля)

Вот к этому.

Князь

*Премиленький браслет.
Но где ж другой?*

Нина

Потерян!

Князь

В самом деле?..

Нина

Что ж странного?

Князь

*И не секрет,
Когда?*

Нина

*Третьего-дни, вчера, на той неде-
ле.
Зачем вам знать, когда.*

Князь

*Я мысль свою имел,
Довольно странную, быть мо-
жет.
(В сторону)
Смущается она — вопрос ее тре-
вожит!
Ох, эти скромницы!
(Ей)
Я предложить хотел
Свои услуги вам... он может
отыскаться.*

Нина

Пожалуйста... но где?

Князь

А где ж потерян он?

Нина

Не помню.

Князь

Как-нибудь на бале?

Нина

Может статься.

Князь

Или кому-нибудь на память подарен?

Нина

Откуда вывели такое заключение?

И подарю его кому ж?

Не мужу ль?

Князь

*Будто в свете только муж —
Приятельниц у вас толпа, в том
нет сомненья.*

*Но пусть потерян он, — а тот,
Который вам его найдет —
Получит ли от вас какое награждение?*

Нина

(улыбаясь)

Смотря.

КНЯЗЬ

*Но если он
Вас любит, если в вас потерянный
свой сон
Он отыскал — и за улыбку вашу,
слово,
Не пожалеет ничего земного!
Но если сами вы когда-нибудь
Ему решились намекнуть
О будущем блаженстве — если са-
ми
Не узнаны, под маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О! но поймите же.*

Нина

*Из этого всего
Я то лишь поняла, что слишком
вы забылись...
И нынче в первый и последний раз
Не говорить со мной прошу покор-
но вас.*

КНЯЗЬ

О боже! я мечтал... ужель вы рас-
сердились?
(Про себя)
Ты отвертелася! добро... но будет
час,
И я своей достигну цели.

*Нина отходит к баронессе. Чиновник
раскланивается и уходит.*

Нина

*Adieu, ma chère[29] — до завтра,
мне пора.*

Баронесса

*Да подожди, mon ange,[30] с тобой
мы не успели
Сказать двух слов.*

(Целуются.)

Нина *(уходя)*

Я завтра жду тебя с утра.

(Уходит.)

Баронесса

*Мне день покажется длинней
недели.*

Выход пятый

Прежние, кроме Нины и чиновника.

Князь

(в сторону)

*Я отомщу тебе! вот скромница
нашлась,
Пожалуй, я дурак — пожалуй, от-
речется,
Но я узнал браслет.*

Баронесса

Задумались, князь?

Князь

*Да, многое раздумать мне при-
дется.*

Баронесса

*Как кажется, ваш разговор
Был оживлен — о чем был спор?*

Князь

*Я утверждал, что встретил в
маскераде.*

Баронесса

Кого?

Князь

Ее.

Баронесса

Как, Нину?

Князь

*Да!..
Я доказал ей.*

Баронесса

*Без стыда,
Я вижу, вы в глаза людей злосло-
вить ради.*

Князь

Из странности решаюсь иногда.

Баронесса

*Так пощадите хоть заочно!
К тому же доказательств нет.*

Князь

*Нет... только мне вчера был дан
браслет,*

И у нее такой же точно.

Баронесса

*Вот доказательство... логический ответ!
Такие же есть в каждом магазине!*

Князь

*Я ныне все изъездил их
И тут уверился, что только два таких.*

После молчания.

Баронесса

*Я завтра ж дам совет, полезный
Нине:
Не доверяться болтунам.*

Князь

А мне совет какой?

Баронесса

*А вам?
Смелее продолжать с успехом начатое
И дорожить побольше честью*

дам.

Князь

*За два совета вам я благодарен
вдвое.*

(Уходит.)

Выход шестой

Баронесса

*Как честью женщины так ветрено
шутить?*

*Откройся я ему, со мной бы было
то же!*

*Итак, прощайте, князь, не мне
вас выводить*

*Из заблуждения: о нет, избави бо-
же.*

*Одно лишь странно мне, как я
найти могла*

*Ее браслет, — так! Нина там бы-
ла —*

И вот разгадка всей шарады...

*Не знаю отчего, но я его люблю,
Быть может так, от скуки, от
досады,*

*От ревности... томлюся и горю,
И нету мне ни в чем отрады!*

Мне будто слышится и смех тол-

ны пустой
И шопот злобных сожалений!
Нет, я себя спасу... хотя б на счет
другой,
От этого стыда, — хотя б ценой
мучений
Пришлось выкупить проступок
новый мой!..
(Задумывается.)
Какая цепь ужасных предприя-
тий.

Выход седьмой

Баронесса и Шприх.

Шприх входит, раскланивается.

Баронесса

Ах, Шприх, ты вечно кстати.

Шприх

*Помилуйте — я был бы очень рад,
Когда бы мог вам быть полезен —
Покойный ваш супруг...*

Баронесса

Всегда ль ты так любезен!

Шприх

Блаженной памяти барон...

Баронесса

*Тому назад
Лет пять, я помню.*

Шприх

Занял тысяч...

Баронесса

*Знаю,
Но я тебе проценты за пять лет
Отдам сегодня же.*

Шприх

*Мне-с нужды в деньгах нет.
Помилуйте-с, я так, случайно
вспоминаю.*

Баронесса

Скажи, что нового?

Шприх

*У графа одного
Наслушался — сейчас лишь вы-
шел,*

Историй в свете тьма.

Баронесса

*А ничего
Про князя Звездича с Арбениной
не слышал?*

Шприх

(в недоумении)

*Нет... слышал... как же... нет —
Об этом говорил и замолчал уж
свет.*

*(В сторону)
А что-бишь, я не помню, вот
ужасно!..*

Баронесса

*О, если это так уж гласно,
То нечего и говорить.*

Шприх

*Но я б желал узнать, как вы об
этом
Изволите судить.*

Баронесса

*Они осуждены уж светом;
А впрочем, я б могла их подарить*

советом —
Сказала бы ему: что женщины ценят
Настойчивость в мужчине,
Хотят, чтоб он сквозь тысячу преград
К своей стремился героине.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности поболее!
Прощайте, мосье Шприх, обедать ждет меня
Сестра — а то б осталась с вами доле.
(Уходя. В сторону)
Теперь я спасена — полезный мне урок.

Выход осьмой

Шприх
(один)

Не беспокойтесь: я понял ваш намек
И не дождуся повторенья!
Какая быстрота ума, соображенья!
Тут есть интрига... да, вмешуюсь
в эту связь —

Мне благодарен будет князь.
Я попаду к нему в агенты...
Потом сюда с рапортом прилечу,
И уж, авось, тогда хоть получу
Я пятилетние проценты.

Сцена вторая **Выход первый**

Кабинет Арбенина.

Арбенин один, потом слуга.

Арбенин

*Все ясно ревности — а доказа-
тельств нет!
Боюсь ошибки — а терпеть нет
силы —
Оставить так, забыть минут-
ный бред?
Такая жизнь страшней могилы!
Есть люди, я видал, — с душой
остылой,
Они блаженствуют и мирно спят
в грозу —
То жизнь завидная!*

Слуга
(входит)

*Ждет человек внизу.
Принес он барыне записку от кня-
гини.*

Арбенин

Да от какой?

Слуга

Не разобрал-с.

Арбенин

Записка? к Нине!..

(Идет; слуга остается.)

Выход второй

***Афанасий Павлович Казарин и слу-
га.***

Слуга

*Сейчас лишь барин вышел-с, подо-
ждите
Немного-с.*

Казарин

Хорошо.

Слуга

Я тотчас доложу-с.

(Уходит.)

Казарин

Ждать я готов хоть год, когда хопите,
Мосье Арбенин, и дождусь.
Дела мои преплохи, так, что грустно!
Товарищ нужен мне искусный,
Недурно, если он к тому ж
Великодушен часто, кстати
Имеет тысячи три душ
И покровительство у знати.
Арбенина втянуть опять бы надо
мне
В игру; он будет верен старине,
Приятеля он поддержать сумеет
И пред детьми не оробеет.
А эта молодежь
Мне просто — нож!
Толкуй им, как угодно,
Не знают ни завесь, ни в пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно!
Взгляните-ка, из стариков
Как многие игрой достигли до чи-

нов, Из грязи
Вошли со знатью в связи,
А все ведь отчего? — умели сохра-
нять
Приличие во всем, блюсти свои за-
коны,
Держались правил... глядь!..
При них и честь и миллионы!..

Выход третий

Казарин и Шприх.

Входит Шприх.

Шприх

*Ах! Афанасий Павлович, — вот чу-
до.
Ах как я рад, не думал встретить
вас.*

Казарин

Я также. — Ты с визитом?

Шприх

*Да-с,
А вы?*

Казарин

Я также!

Шприх

*Право? а не худо,
Что мы сошлись, — о деле об од-
ном
Поговорить мне нужно б с вами.*

Казарин

*Бывало, ты все занят был дела-
ми,
А делом в первый раз.*

Шприх

*Воп тот[31] вам ни по чем,
А, право, нужное.*

Казарин

*Мне также очень нужно
С тобой поговорить.*

Шприх

Итак, мы сладим дружно.

Казарин

Не знаю... говори!

Шприх

*Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что ваш приятель
Арбенин...*

(Делает пальцами изображение рогов.)
Казарин

*Что?.. не может быть.
Ты точно знаешь...*

Шприх

*Мой создатель!
Я сам улаживал — тому лишь
пять минут;
Кому же знать?*

Казарин

Бес вечно тут как тут.

Шприх

*Вот видите: жена его намедни,
Не помню я, на бале, у обедни
Иль в маскараде встретила с
одним
Князьком — ему она довольно по-
казалась,
И очень скоро князь стал счаст-
лив и любим.*

*Но вдруг красотка перед ним
От прежнего чуть-чуть не от-
клепалась.*

*Взбесился князь, — и полетел вез-
де*

*Рассказывать — того смотри,
что быть беде!*

*Меня просили сладить это дело...
Я принялся — и разом все поспело;
Князь обещал молчать... записку
навалял,*

*Покорный ваш слуга слегка ее по-
правил*

И к месту тотчас же доставил.

Казарин

*Смотри, чтоб муж тебе ушей не
оборвал.*

Шприх

*В таких ли я делах бывал,
А обходилось без дуэли...*

Казарин

И даже не был бит?

Шприх

У вас все шутка, смех...

*А я всегда скажу, что жизнь без
цели
Не должно рисковать.*

Казарин

*И в самом деле!
Такую жизнь, бесценную для всех,
Без пользы подвергать великий
грех.*

Шприх

*Но это в сторону — ведь я об важ-
ном с вами
Хотел поговорить.*

Казарин

Что ж это?

Шприх

*Анекдот!
А дело вот в чем.*

Казарин

*Пропадай с делами,
Арбенин, кажется, идет.*

Шприх

Нет никого — мне привезли

*недавно
От графа Врути пять борзых со-
бак.*

Казарин

*Твой анекдот ей богу презабав-
ный.*

Шприх

*Ваш брат охотник, вот купить
бы славно!*

Казарин

Итак, Арбенин — как дурак...

Шприх

Послушайте.

Казарин

*Попал впросак,
Обманут и осмеян явно!
Женитесь после этого.*

Шприх

*Ваш брат
Находке этой был бы рад.*

Казарин

*В женитьбе верность, счастье,
всё враки!
Эй, не женися, Шприх.*

Шприх

*Да я давно женат.
Послушайте, одна особенно вот
клад.*

Казарин

Жена?

Шприх

Собака.

Казарин

*Вот дались собаки.
Послушай, мой любезный друг,
Не знаю как жену — что бог
даст, неизвестно,
А ты собак не скоро сбудешь с рук.*

Арбенин *входит с письмом, они стояли налево у бюро, и он их не видал.*

*Задумчив и с письмом; узнать бы
интересно.*

Выход четвертый

Прежние и Арбенин.

Арбенин

(не замечая их)

О благодарность!.. и давно ли я
Спас честь его и будущность, не
зная

Почти, кто он таков, — и что
же — о! змея!

Неслыханная низость!.. он, играя,
Как вор вторгается в мой дом,
Покрыл меня позором и стыдом!..

И я глазам не верил, забывая
Весь горький опыт многих дней.
Я, как дитя, не знающий людей,
Не смел подозревать такого пре-
ступленья.

Я думал: вся вина ее... не знает он,
Кто эта женщина... как стран-
ный сон,

Забудет он свое ночное приключе-
нье!

Он не забыл, он стал искать и
отыскал,

И тут — не мог остановиться...
Вот благодарность!.. много я ви-
дал

На свете, а пришлось еще дивиться-
ся.

(Перечитывает письмо.)

«Я вас нашел, но не хотели вы
Признаться». Скромность кста-
ти чрезвычайно.

«Вы правы... что страшной мол-
вы?»

Подслушать нас могли б случай-
но.

Так не презрение, но страх
Прочел я в ваших пламенных гла-
зах.

Вы тайны любите — и это будет
тайной!

Но я скорей умру, чем откажусь
от вас».

Шприх

Письмо! так, так, оно — пропало
все как раз.

Арбенин

Ого! искусный соблазнитель —
право,
Мне хочется послать ему ответ
кровавый.

(Казарину)

А, ты был здесь?

Казарин

Я жду уж целый час.

Шприх

(в сторону)

*Отправляюсь к баронессе, пусть
хлопочет
И рассыпается, как хочет.*

(Приближается к двери.)

Выход пятый

Прежние кроме Шприха.

Шприх уходит незамечен.

Казарин

*Мы с Шприхом... где же Шприх.
Пропал.*

(В сторону)

Письмо! так вот что, понимаю!

(Ему)

Ты в размышленьи...

Арбенин

Да, я размышляю.

Казарин

О бренности надежд и благ земных.

Арбенин

Почти! о благодарности.

Казарин

*Есть мненья
Различные на этот счет,
Но что б ни думал этот или
тот,
А все предмет достоин размыш-
ленья.*

Арбенин

Твое же мнение?

Казарин

*Я думаю, мой друг,
Что благодарность — вещь, ко-
торая тем боле
Зависит от цены услуг,
Что не всегда добро бывает в на-
шей воле!
Вот, например, вчера опять
Мне Слукин проиграл почти что*

тысяч пять,
И я, ей богу, очень благодарен,
Да вот как: пью ли, ем, иль сплю,
Все думаю об нем.

Арбенин

Ты шутишь все, Казарин.

Казарин

*Послушай, я тебя люблю
И буду говорить серьезно;
Но сделай милость, брат, оставь
ты вид свой грозный,
И я открою пред тобой
Все таинства премудрости зем-
ной.
Мое ты хочешь слышать мнение
О благодарности... изволь: возьми
терпенье.
Что ни толкуй Волтер или Де-
карт —
Мир для меня — колода карт,
Жизнь — банк; рок мечет, я играю
И правила игры я к людям приме-
няю.
И вот теперь пример,
Для пояснения этих правил,
Пусть разом тысячу я на туза по-*

ставил:
Так, по предчувствию, — я в кар-
тах суевер!
Положим, что случайно, без об-
ману
Он выиграл — я очень рад;
Но все никак туза благодарить не
стану
И молча загребу свой клад,
И буду гнуть да гнуть, покуда не
устану;
А там, итоги свел
И карту смятую — под стол!
Теперь — но ты не слушаешь, мой
милый?

Арбенин

(в размышлении)

Повсюду зло — везде обман,
И я намерен, я, как истукан,
Безмолвно слушал, как все это
было!

Казарин

(в сторону)

Задумался.
(Ему)
Теперь мы перейдем

К другому казусу и дело разберем;
Но постепенно, чтоб не сбиться.
Положим, например, в игру или
разврат

Ты б захотел опять пуститься
И тут приятель твой случится
И скажет: «Эй, остерегися, брат».
И прочие премудрые советы,
Которые не стоят ничего.
И ты случайно, так, слушаешь
его;

Ему поклон и многи леты;
И если он тебя от пьянства удержи-
жал,

То напои его сейчас без замедле-
нья

И в карты обыграй в обмен за на-
ставленье.

А от игры он спас... так ты ступай на бал,

Влюбись в его жену... иль можешь
не влюбиться,

Но оболести ее, чтоб с мужем
расплатиться.

В обоих случаях ты будешь прав,
дружок,

И только что отдашь уроком за
урок.

Арбенин

Ты славный моралист!
(В сторону)
Так, — это всем известно...
А, князь... За ваш урок я заплачу
вам честно.

Казарин

(не обращая внимания)

Последний пункт осталось объяснить:
Ты любишь женщину... ты жертвуешь ей честью,
Богатством, дружбою и жизнью,
может быть;
Ты окружил ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сделал все из страсти
И самолюбия, отчасти, —
Чтоб ею обладать, пожертвовал
ты все,
А не для счастья ее.
Да, — пораздумай-ка об этом
хладнокровно
И скажешь сам, что в мире все
условно.

Арбенин

(расстроено)

Да, да, ты прав: что женщине в любви?

Победы новые ей нужны ежедневно.

Пожалуй плачь, терзайся и моли

—

Смешон ей вид и голос твой плачевный,

Ты прав — глупец, кто в женщине одной

Мечтал найти свой рай земной.

Казарин

*Ты рассуждаешь очень здраво,
Хотя женат и счастлив.*

Арбенин

Право?

Казарин

А разве нет?

Арбенин

О! счастлив... да...

Казарин

*Я очень рад,
Однако ж все мне жаль, что ты
женат!*

Арбенин

А что же?

Казарин

*Так... я вспоминаю
Про прежнее... когда с тобой
Кутили мы, в чью голову, — не
знаю,
Хоть оба мы ребята с головой!..
Вот было время... Утром отдых,
нега,
Воспоминания приятного ночле-
га..
Потом обед, вино — Рауля
честь..
В граненых кубках пенится и бле-
щит,
Беседа шумная, остроумие не пере-
честь;
Потом в театр — душа трепе-
щет
При мысли, как с тобой вдвоем
из-за кулис*

Выманивали мы танцовщиц и актрис...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вот пьеса кончилась... и мы летим стрелой
К приятелю... взошли... игра уж в самой силе;
На картах золото насыпано горой:
Тот весь горит... другой
Бледнее, чем мертвец в могиле.
Садимся мы... и загорелся бой!..
Тут, тут сквозь душу переходит
Страстей и ощущений тьма,
И часто мысль гигантская заводит
Пружину пылкого ума...
И если победишь противника умением,
Судьбу заставишь пасть к ногам твоим с смирением —
Тогда и сам Наполеон
Тебе покажется и жалок и смешон.

Арбенин отворачивается.

Арбенин

*О! кто мне возвратит... вас, буй-
ные надежды,
Вас, нестерпимые, но пламенные
дни!
За вас отдам я счастье невежды,
Беспечность и покой — не для ме-
ня они!..
Мне ль быть супругом и отцом
семейства,
Мне ль, мне ль, который испытал
Все сладости порока и злодей-
ства,
И перед их лицом ни разу не дро-
жал?
Прочь, добродетель: я тебя не
знаю,
Я был обманут и тобой,
И краткий наш союз отныне раз-
рываю —
Прощай — прощай!..*

(Падает на стул и закрывает лицо.)

Казарин

Теперь он мой!..

Сцена третья

Комната у князя.

Дверь в другую растворена. Он в другой спит на диване.

Выход первый

Иван, потом Арбенин.

Слуга смотрит на часы.

Иван

*Седьмой уж час почти в исходе,
А в восемь приказал себя он разбудить.*

*Он спит по-русски, не по моде,
И я успею в лавочку сходить.
Дверь на замок запру... оно вернее.
Да... чу... по лестнице идут.
Скажу, что дома нет... и с рук долой скорее.*

Арбенин входит.

Князь дома?

Слуга

Дома нет-с.

Арбенин

Неправда.

Слуга

*Пять минут
Тому назад уехал.*

Арбенин

(прислушивается)

*Лжешь! он тут
(показывает на кабинет)
И, верно, сладко спит: — прислу-
шайся, как дышит.
(В сторону)
Но скоро перестанет.*

Слуга

(в сторону)

*Он все слышит...
(Ему)
Себя будить мне князь не прика-
зал.*

Арбенин

*Он любит спать... тем лучше:
приведется
И вечно спать.
(Слуге)
Я, кажется, сказал,
Что буду ждать, покуда он*

проснется!..

Слуга уходит.

Выход второй

Арбенин
(один)

*Удобный миг настал!.. теперь иль
никогда.*

*Теперь я все свершу, без страха и
труда.*

*Я докажу, что в нашем поколенье
Есть хоть одна душа, в которой
оскорбленье,*

*Запав, приносит плод... О! я не их
слуга,*

*Мне поздно перед ними гнуться...
Когда б, крича, пред них я вызвал
бы врага,*

*Они б смеялися... теперь не засме-
ются!*

*О нет я не таков... позора целый
час*

*На голове своей не потерплю я да-
ром.*

(Растворяет дверь.)

*Он спит!.. что видит он во сне в
последний раз?*

(Страшно улыбаясь)
Я думаю, что он умрет ударом —
Он свесил голову... я крови помо-
гу...
И все на счет благой природы!
(Входит в комнату.)
(Минуты две, и выходит бледен.)
Не могу.

Молчание.

*Да! это свыше сил и воли!..
Я изменил себе и задрожал,
Впервые за всю жизнь... давно ли
Я трус?.. трус... кто это сказал...
Я сам, и это правда... стыдно,
стыдно,
Беги, красней, презренный человек.
Тебя, как и других, к земле при-
жал наш век,
Ты пред собой лишь хвастался,
как видно;
О! жалко... право жалко... изне-
мог
И ты под гнетом просвещенья!
Любить... ты не умел... а мщенья
Хотел... пришел и — и не мог!*

Молчание.

(Садится.)

*Я слишком залетел высоко,
Верней избрать я должен путь...
И замысел иной глубоко
Запал в мою измученную грудь.
Так, так, он будет жить... убий-
ство уж не в моде:
Убийц на площадях казнят.
Так!.. в образованном я родился
народе;
Язык и золото... вот наш кинжал
и яд!*

(Берет чернил и записку пишет — берет шляпу.)

Выход третий

Арбенин и баронесса.

Идет в двери, сталкивается с дамой в вуале.

Дама в вуале

Ах!.. все погибло...

Арбенин

Это что?

Дама
(вырываясь)

Пустите.

Арбенин

*Нет, это не притворный крик
Продажной добродетели.
(Ей строго)
Молчите!
Ни слова, или сей же миг...
Какое подозренье... отверните
Ваш вуаль, пока мы здесь одни.*

Дама

Я не туда зашла, ошиблась.

Арбенин

*Да, немного
Ошиблись, кажется и мне,
Но временем, не местом.*

Дама

*Ради бога,
Пустите, я не знаю вас.*

Арбенин

Смущенье странно... вы должны

*открыться.
Он спит теперь... и может
встать сейчас!
Все знаю я... но убедиться
Хочу...*

Дама

Все знаете!..

*Он откидывает вуаль и отступает в
удивлении, потом приходит в себя.*

Арбенин

*Благодарю, творец,
Что ты позволил мне хоть нынче
ошибиться!*

Баронесса

*О! что я сделала? теперь всему
конец.*

Арбенин

*Отчаянье теперь некстати —
Невесело, согласен, в час такой,
Наместо пламенных объятий,
С холодной встретиться рукой...
И то минутный страх... а нет бе-
ды большой:*

Я скромн, рад молчать — благо-
дарите бога,
Что это я, а не другой...
Не то была бы в городе тревога.

Баронесса

Ах! Он проснулся, говорит.

Арбенин

В бреду...
Но успокойтесь, я сейчас пойду.
Лишь объясните мне, какую вла-
стью
Вот этот купидон — вас вдруг
околдовал?
Зачем, когда он сам бесчувствен,
как металл,
Все женщины к нему пылают
страстью?
Зачем не он у ваших ног с тоской,
С моленьем, клятвами, слезами?
А... вы... вы здесь одни... вы жен-
щина с душой,
Забывши стыд, пришли ему пре-
даться сами...
Зачем другая женщина, ничем
Не хуже вас, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за

взгляд один, за слово?
Зачем?.. о, я глупец!
(В бешенстве)
Зачем, зачем?

Баронесса

(решительно)

*Я поняла, об чем вы говорите...
Знаю,
Что вы пришли...*

Арбенин

Как! — кто ж вам рассказал!

(Опомнившись)

А что вы знаете?..

Баронесса

*О, я вас умоляю,
Простите мне...*

Арбенин

*Я вас не обвинял,
Напротив, радуюсь приятельско-
му счастью.*

Баронесса

*Ослеплена была я страстью;
Во всем виновна я, но слушайте...*

Арбенин

*К чему?
Мне, право, все равно... я враг мо-
рали строгой.*

Баронесса

*Но, если бы не я, то не бывать
письму,
Ни...*

Арбенин

*А! уж это слишком много!..
Письмо!.. какое?.. а! так это вы
тогда!
Вы их свели... учили их... давно ли
Взялись вы за такие роли?
Что вас понудило?.. Сюда
Приводите вы ваших жертв
невинных,
Иль молодежь приходит к вам?
Да, — признаюсь!.. вы клад в го-
стинных,
И я уж не дивлюсь разврату на-
ших дам!*

Баронесса

О! боже мой...

Арбенин

*Я говорю без лести...
А сколько платят вам все эти
господа?*

Баронесса

(упадает в кресла)

Но вы бесчеловечны.

Арбенин

*Да,
Ошибся, виноват, вы служите из
чести!*

(Хочет идти.)

Баронесса

*О, я лишусь ума... постойте! он
идет,
Не слушает... о, я умру...*

Арбенин

*Что ж! продолжайте.
Вас это к славе поведет...*

Теперь меня не бойтесь, и прощайте...

Но боже сохрани нам встретиться вперед...

Вы взяли у меня все, все на свете.
Я стану вас преследовать всегда,
Везде... на улице, в уединеньи, в свете;

И если мы столкнемся... то беда!
Я б вас убил... но смерть была б награда,

Которую сберечь я должен для другой.

Вы видите, я добр... взамен терзаний ада,

Вам оставляю рай земной.

(Уходит.)

Выход четвертый

Баронесса, одна.

Баронесса

(вслед ему)

Послушайте — клянусь... то был обман... она

Невинна... и браслет!.. все я... все я одна...

Ушел, не слышит, что мне де-

лать! Всюду
Отчаянье... нет нужды... я хочу
Его спасти, во что бы то ни ста-
ло, — буду
Просить и унижаться; обличу
Себя в обмане, преступленьи!
Он встал... идет... решуся, о муче-
нье!..

Выход пятый

Баронесса и князь.

Князь

(в другой комнате)

*Иван! кто там... я слышал голо-
са!
Какой народ! нельзя уснуть и пол-
часа!
(Входит.)
Ба, это что за посещение!
Красавица! я очень рад!
(Узнает и отскакивает.)
Ах баронесса! нет... невероятно.*

Баронесса

*Что отскочили вы назад?
(Слабым голосом)
Вы удивляетесь?*

Князь

(смущенно)

*Конечно, мне приятно...
Но счастья такого я не ждал.*

Баронесса

*И было б странно, если б ожида-
ли.*

Князь

О чем я думал? О когда б я знал...

Баронесса

*Вы все бы знать могли и ничего не
знали.*

Князь

*Свою вину загладить я готов;
С покорностью приму какое нака-
занье
Хотите... я был слеп и нем; мое
незнанье
Проступок... и теперь не нахожу я
слов...
(Берет ее за руку.)
Но ваши руки... лед! в лице у вас
страданье!*

Ужель сомнительны для вас слова мои?

Баронесса

*Вы ошибаетесь!.. не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Решилась я приехать к вам.
Забуть и стыд и страх, все свой-
ственное нам.
Нет, то обязанность святая:
Былая жизнь моя прошла
И жизнь уж ждет меня иная;
Но я была причиной зла,
И, свет навеки покидая,
Теперь все прежнее загладить я
пришла!
Я перенести свой стыд готова,
Я не спасла себя... спасу другого.*

Князь

Что это значит?

Баронесса

*Не мешайте мне!
Мне много стоило усилий,
Чтоб говорить решиться... вы од-
не,*

Не ведая того, причиной были
Моих страданий... несмотря на
то,
Я вас должна спасти... зачем? за
что?
Не знаю... вы не заслужили
Всех этих жертв... вы не могли
любить,
Понять меня... и даже, может
быть,
Я б этого и не желала...
Но слушайте!.. сегодня я узнала,
Как? это все равно... что вы
К жене Арбенина вчера неосто-
рожно
Писали... по словам молвы,
Она вас любит — это ложно,
ложно!
Не верьте — ради неба... эта
мысль одна...
Нас всех погубит — всех! Она
Не знает ничего... но муж... чи-
тал... ужасен
В любви и ненависти он —
Он был уж здесь... он вас убьет...
он приучен
К злодейству... вы так молоды.

КНЯЗЬ

*Ваш страх напрасен!..
Арбенин в свете жил, — и слыш-
ком он умен,
Чтобы решиться на огласку;
И сделать, наконец, без цели и
нужды,
В пустой комедии — кровавую
развязку.
А рассердился он, — и в этом нет
беды:
Возьмут Лепажа пистолеты,
Отмерят тридцать два шага —
И, право, эти эполеты
Я заслужил не бегством от врага.*

Баронесса

*Но если ваша жизнь кому-нибудь
дороже,
Чем вам... и связь у ней есть с
жизнью другой,
Но если вас убьют — убьют... — о,
боже!
И я всему виной.*

Князь

Вы?

Баронесса

Пощадите.

Князь

(подумав)

*Я обязан драться;
Я виноват пред ним — его я тро-
нул честь,
Хотя не знал того; но оправдать-
ся
Нет средства.*

Баронесса

Средство есть.

Князь

*Солгать? не это ли? другое мне
найдите,
Я лгать не стану, жизнь свою хра-
ня,
И тотчас же пойду.*

Баронесса

*Минуту!.. не ходите,
И слушайте меня.
(Берет его за руку)
Вы все обмануты!.. та маска
(Облокачивается на стол, упавая)
это я!..*

Князь

Как вы? о, провиденье!

Молчание.

Но Шприх?.. он говорил... он виноват во всем...

Баронесса

(опомнясь и отходя)

*Минутное то было заблуждение,
Безумство страшное — теперь я
каюсь в нем!*

*Оно прошло — забудьте обо всем.
Отдайте ей браслет, — он был
найден случайно*

*Какой-то чудною судьбой;
И обещайте мне, что это тайной
Останется... мне будет бог судьей.*

*Вас он простит... меня простить
не в вашей воле!*

*Я удаляюсь... думаю, что боле
Мы не увидимся.*

(Подойдя к двери, видит, что он хочет броситься за ней.)

Не следуйте за мной.

(Уходит.)

Выход шестой

Князь, один

Князь

(после долгого размышления)

*Я, право, думать что не знаю,
И только мог понять из этого
всего,*

*Что случай счастливый, как
школьник, пропускаю,
Не сделав ничего.*

(Подходит к столу.)

*Ну вот еще: записка... от кого?
Арбенин... прочитаю!..*

*«Любезный князь!.. приезжай сегодня к
N. вечером; там будет много... и мы
весело проведем время... я не хотел
разбудить тебя, а то ты бы дремал
целый вечер — прощай. — Жду непре-
менно; твой искренний
Евгений Арбенин».*

*Ну, право, глаз особый нужен,
Чтоб в этом увидеть картуль.*

*Где слыхано, чтоб звать на ужин
Пред тем, чтоб вызвать на ду-
эль?*

Сцена четвертая

Комната у N.

Выход первый

*Казарин, хозяин и Арбенин, садятся
играть.*

Казарин

*Так в самом деле, ты причуды все
оставил,
Которыми гордится свет,
И в прежний путь шаги свои на-
правил!..
Мысль превосходная... ты должен
быть поэт,
И, сверх того, по всем приметам,
гений,
Теснит тебя домашний круг,
Дай руку, милый друг,
Ты наш.*

Арбенин

Я ваш! былого нет и тени.

Казарин

*Приятно видеть, ей-же-ей,
Как люди умные на вещи смотрят ныне;
Приличия для них ужаснее цепей...
Не правда ль, что со мной ты будешь в половине?*

Хозяин

А князя надо пощипать слегка.

Казарин

*Да... да.
(В сторону)
Забавна будет стычка.*

Хозяин

Посмотрим. — Транспорт^{203}!..

Слышен шум.

Арбенин

Это он.

Казарин

*Рука
Твоя дрожит?..*

Арбенин

О ничего! — отвычка!

Князь *входит.*

Выход второй

Прежние и князь.

Хозяин

*Ах, князь! я очень рад — прошу-ка
без чинов;
Снимите саблю и садитесь,
У нас ужасный бой.*

Князь

О! я смотреть готов.

Арбенин

*А все играть с тех пор еще бои-
тесь?*

Князь

*Нет, с вами, право, не боюсь.
(В сторону)
По светским правилам, я мужу
угождаю,
А за женою волочусь...*

*Лишь выиграть бы там, — а здесь
пусть проиграю!..
(Садится.)*

Арбенин

Я нынче был у вас.

Князь

*Записку я читал
И, видите, послушен.*

Арбенин

*На пороге
Мне кто-то встретился в смуще-
нии и тревоге.*

Князь

И вы узнали?

Арбенин

(смеясь)

*Кажется, узнал!
Князь, обольститель вы опасный,
Все понял я, все отгадал...*

Князь

(в сторону)

Он ничего не понял — это ясно.

(Отходит и кладет саблю.)

Арбенин

*Я не хотел бы, чтоб жена моя
Вам приглянулась.*

Князь

(рассеянно)

Почему же?

Арбенин

*Так, — добродетелью, которой
ищут в муже*

Любовники, — не обладаю я.

(В сторону)

*Он не смущается ничем... о я раз-
рушу*

*Твой сладкий мир, глупец, и яду
подолью.*

*И если бы ты мог на карту бро-
сить душу,*

*То я против твоей — поставил бы
свою.*

Играют, Арбенин мечет.

Казарин

Я ставлю пятьдесят рублей.

Князь

Я тоже.

Арбенин

Я расскажу вам анекдот,
Который слышал я, как был мо-
ложе;
Он нынче у меня из головы ней-
дет.
Вот видите: один какой-то барин,
Женатый человек — твоя взяла,
Казарин,
Женатый человек, на верность по-
ложась
Своей жене, дремал в забвеньи
сладком, —
Внимательны вы что-то слиш-
ком, князь,
И проиграетесь порядком.
Муж добрый был любим, шел
мирно день за днем
И, к довершенью благ, беспечному
супругу
Был дан приятель... важную услу-
гу
Ему он оказал когда-то — и при-

том
Нашел, казалось, честь и совесть
в нем.
И что ж? мне неизвестно,
Какой судьбой, — но муж узнал,
Что благодарный друг, должник
уж слишком честный,
Жене его свои услуги предлагал.

Князь

Что ж сделал муж?

Арбенин

(будто не слышал вопроса)

*Князь, вы игру забыли.
Вы гнете не глядя.
(Взглянув на него пристально)
А любопытно вам
Узнать, что сделал муж?.. при-
дрался к пустякам
И дал пощечину... вы как бы по-
ступили,
Князь?*

Князь

*Я бы сделал то же. Ну, а там
Стрелялись?*

Арбенин

Нет.

Казарин

Рубились?

Арбенин

Нет, нет.

Казарин

Так помирились?

Арбенин

(горько улыбаясь)

О, нет.

Князь

Так что же сделал он?

Арбенин

*Остался отомщен
И обольстителя с пощечиной
оставил.*

Князь

(смеется)

Да это вовсе против правил.

Арбенин

*В каком указе есть
Закон иль правило на ненависть и
мечь.*

Играют. Молчание.

<КНЯЗЬ> [32]

Взяла... взяла.

Арбенин

(вставая)

*Постойте, карту эту
Вы подменили.*

Князь

Я! послушайте...

Арбенин

*Конец
Игре... приличий тут уж нету.
Вы
(задыхаясь)
шулер и подлец.*

Князь

Я? я?

Арбенин

*Подлец, и я вас здесь отмечу,
Чтоб каждый почитал обидой с
вами встречу.*

*(Бросает ему карты в лицо. Князь
так поражен, что не знает что де-
лать.)*

*(Понизив голос)
Теперь мы квиты.*

Казарин

Что с тобой?

(Хозяину)

*Он помешался в самом лучшем
месте.*

*Тот горячился уж, спустил бы
тысяч двести.*

Князь

(опомнясь вскакивает)

*Сейчас, за мной, за мной —
Кровь! ваша кровь лишь смоем
оскорбленье!*

Арбенин

*Стреляться? с вами? мне? вы в
заблужденье.*

Князь

Вы трус!

(Хочет броситься на него)

Арбенин *(грозно)*

*Пускай! но подступать
Вам не советую — ни даже здесь
остаться!
Я трус — да вам не испугать
И труса.*

Князь

*О, я вас заставлю драться!
Я расскажу везде, поступок ваш
каков,
Что вы, — не я подлец...*

Арбенин

На это я готов.

Князь

(подходя ближе)

*Я расскажу, что с вашей женою
—
О, берегитесь!.. вспомните брас-
лет...*

Арбенин

За это вы наказаны уж мною...

Князь

*О, бешенство... да где я? целый свет
Против меня — я вас убью!..*

Арбенин

*И в этом
Вы властны — даже я вас подарю
советом
Скорей меня убить... а то, пожа-
луй, в вас
Остынет храбрость через час.*

Князь

*О, где ты, честь моя!.. отдайте
это слово,
Отдайте мне его — и я у ваших
ног.
Да в вас нет ничего святого,
Вы человек иль демон?*

Арбенин

Я? — игрок!

Князь

(упадая и закрывая лицо)

Честь, честь моя!..

Арбенин

*Да, честь не возвратится.
Презрада рушена между добром и
злом,
И от тебя весь свет с презреньем
отвратится.
Отныне ты пойдешь отверженца
путем,
Кровавых слез познаешь сладость,
И счастье ближних будет в тя-
гость
Твоей душе, и мыслить об одном
Ты будешь день и ночь, и посте-
пенно чувства
Любви, прекрасного погаснут и
умрут
И счастья не отдаст тебе ничье
искусство!
Все шумные друзья как листья
отпадут
От сгнившей ветви; и краснея,
Закрыв лицо, в толпе ты будешь
проходить, —
И будет больше стыд тебя то-
мить,*

*Чем преступление — злодея!
Теперь прощай...
(Уходя)
желаю долго жить.*

(Уходит.)

Конец второго действия

Действие третье

Сцена первая

Бал.

Выход первый

Хозяйка

*Я баронессу жду, не знаю:
Приедет ли — мне, право, было б
жаль
За вас.*

1-й гость

Я вас не понимаю.

2-й гость

*Вы ждете баронессу Штраль?
Она уехала!..*

Многие

Куда? зачем — давно ли?

2-й гость

В деревню, нынче утром.

Дама

Боже мой!..

Каким же случаем? ужель из доброй воли?

2-й гость

*Фантазия! — романы!.. хоть рукой
Махни!*

Расходятся, другая группа мужчин.

3-й гость

Вы знаете, князь Звездич проигрался.

4-й гость

*Напротив, выиграл — да видно, не путем,
И получил пощечину.*

5-й гость

Стрелялся?

4-й гость

Нет, не хотел.

3-й гость

*Каким же подлецом
Он показал себя!..*

5-й гость

*Отныне незнаком
Я больше с ним.*

6-й гость

И я! — какой поступок скверный.

4-й гость

Он будет здесь?

3-й гость

Нет, не решится, верно.

4-й гость

Вот он!

Князь подходит, ему едва кланяются.

Все отходят, кроме 5-го и 6-го гостя. Потом и они отходят. **Нина** садится на диване.

Князь

*Теперь мы с ней от всех удалены,
Не будет случая другого.*

(Ей)

*Я должен вам сказать два слова,
И выслушать вы их должны.*

Нина

Должна?

Князь

Для вашего же счастья.

Нина

Какое странное участие.

Князь

*Да, странно, потому, что вы ви-
ной*

*Моей погибели: но мне вас жаль...
я вижу,*

*Что поражен я тою же рукой,
Которая убьет вас; — не унижу
Себя ничтожной мстью нико-*

гда, —

Но слушайте и будьте осторожны:

Ваш муж злодей, бездушный и безбожный,

И я предчувствую, что вам грозит беда.

Прощайте же навек, злодей не обнаружен,

И наказать его теперь я не могу,

—

Но день придет, — я подожду...

Возьмите ваш браслет, он больше мне не нужен.

Арбенин смотрит на них издали.

Нина

Князь, вы сошли с ума, — на вас
Теперь сердиться было бы стыдно.

Князь

Прощайте навсегда — прошу в последний раз...

Нина

Куда ж вы едете, далеко очень,
видно;

Конечно, не в луну?

Князь

Нет, ближе: на Кавказ (уходя).

Хозяйка (иным)

*Почти все съехались, и здесь нам
будет тесно,
Прошу вас в залу, господа!
Mesdames, пожалуйста туда.*

Уходят.

Выход второй

Арбенин

(один про себя)

*Я сомневался? я? а это всем из-
вестно;
Намеки колкие со всех сторон
Преследуют меня... я жалок им,
смешон!
И где плоды моих усилий?
И где та власть, с которою порой
Казнил толпу я словом, остро-
той?..
Две женщины ее убили!
Одна из них... О, я ее люблю,
Люблю — и так неистово обма-*

нут...

Нет, людям я ее не уступлю...

И нас судить они не станут...

Я сам свершу свой страшный суд...

Я казнь ей отыщу — моя ж пусть
будет тут.

(Показывает на сердце.)

Она умрет, жить вместе с нею
доле

Я не могу... Жить розно?

(Как бы испугавшись себя.)

Решено:

Она умрет — я прежней твердой
воле

Не изменю! Ей, видно, суждено

Во цвете лет погибнуть, быть
любимой

Таким, как я, злодеем, и любить
Другого... это ясно!.. как же мож-
но жить

Ей после этого!.. ты, бог незри-
мый,

Но бог всевидящий — возьми ее,
возьми;

Как свой залог тебе ее вручаю —

Прости ее, благослови —

Но я не бог, и не прощаю!..

Слышны звуки музыки.

(Ходит по комнате, вдруг останавливается.)

Тому назад лет десять, я вступал
Еще на поприще разврата;
Раз в ночь одну, я все до капли про-
играл, —
Тогда я знал уж цену злата,
Но цену жизни я не знал;
Я был в отчаяньи — ушел и яду
Купил — и возвратился вновь
К игорному столу — в груди кипе-
ла кровь.
В одной руке держал я лимонаду
Стакан — в другой — четверку
пик:
Последний рубль в кармане дожи-
дался
С заветным порошком — риск,
право, был велик;
Но счастье вынесло — и в час я
отыгрался!
С тех пор хранил я этот порошок,
Среди волнений жизни трудной,
Как талисман таинственный и
чудный,
Хранил на черный день, и день

тот недалек.

(Уходит быстро.)

Выход третий

Хозяйка, Нина, несколько дам и кавалеров. Во время последних строк ВХОДЯТ.

Хозяйка

Не худо бы немного отдохнуть.

Дама

(другой)

Так жарко здесь, что я растаю.

Петков

Настасья Павловна споеет нам что-нибудь.^{204}

Нина

*Романсов новых, право, я не знаю,
А старые наскучили самой.*

Дама

*Ах, в самом деле, спой же, Нина,
спой.*

Хозяйка

Ты так мила, что, верно, не за-
ставишь
Себя просить напрасно целый час.

Нина

(сидя за пиано)

Но слушать со вниманьем мой
приказ.
Хоть этим наказаньем вас,
Авось, исправит!

(Поет.)

Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазам твоим,
Мне видеть и понять не больно,
Что ты несчастлива с другим.

* * *

Незримый червь незримо гложет
Жизнь беззащитную твою,
И что ж? я рад, — что он не мо-
жет
Тебя любить, как я люблю.

* * *

Но если счастье случайно
Блеснет в лучах твоих очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,

И целый ад в груди моей.

Выход четвертый

Прежние и Арбенин.

В конце 3-го куплета муж входит и облакачивается на фортепиано. Она, увидев, останавливается.

Арбенин

Что ж, продолжайте.

Нина

*Я конец совсем
Забыла.*

Арбенин

*Если вам угодно,
То я напомню.*

Нина

(в смущении)

*Нет, зачем?
(В сторону, хозяйке)
Мне нездоровится.*

(Встает.)

Гость
(другому)

*Во всякой песни модной
Всегда слова такие есть,
Которых женщина не может
произнести.*

2-й гость

*К тому же слишком прям и наш
язык природный
И к женским прихотям доселе не
привык.*

3-й гость

*Вы правы; как дикарь, свободе
лишь послушный,
Не гнется гордый наш язык,
Зато уж мы как гнемся добро-
душно.*

Подают мороженое. Гости расходятся к другому концу залы и по одному уходят в другие комнаты, так что наконец Арбенин и Нина остаются вдвоем. Неизвестный показывается в глубине театра.

Нина

(хозяйке)

*Там жарко, отдохнуть я сяду в
стороне!*

(Мужу)

*Мой ангел, принеси мороженого
мне.*

*Арбенин вздрагивает и идет за моро-
женым; возвращается и всыпает яд.*

Арбенин

(в сторону)

Смерть, помоги.

Нина

(ему)

*Мне что-то грустно, скучно;
Конечно, ждет меня беда.*

Арбенин

(в сторону)

*Предчувствиям я верю иногда.
(Подавая)
Возьми, от скуки вот лекарство.*

Нина

Да это прохладит (ест).

Арбенин

О, как не прохладить?

Нина

Здесь ныне скучно.

Арбенин

*Как же быть?
Чтоб не скучать с людьми — то
надо приучить
Себя смотреть на глупость и ко-
варство!
Вот все, на чем вертится свет!*

Нина

Ты прав! ужасно!..

Арбенин

Да, ужасно!

Нина

Душ непорочных нету...

Арбенин

*Нет.
Я думал, что нашел одну, и то на-
прасно.*

Нина

Что говоришь ты?

Арбенин

*Я сказал,
Что в свете лишь одну такую
отыскал я.
...Тебя.*

Нина

Ты бледен.

Арбенин

Много танцевал.

Нина

Опомнись, топ аті![33] ты с места не вставал.

Арбенин

Так верно, потому, что мало танцевал я!

Нина

(отдает пустое блюдечко)

Возьми, поставь на стол.

Арбенин
(берет)

*Все, все!
Ни капли не оставить мне! же-
стоко!
(В размышлении)
Шаг сделан роковой, назад идти
далеко,
Но пусть никто не гибнет за нее.
(Бросает блюдечко об землю и
разбивает.)*

Нина

Как ты неловок.

Арбенин

*Ничего, я болен;
Поедем поскорей домой.*

Нина

*Поедем, но скажи мне, милый
мой:
Ты нынче пасмурен! ты мною
недоволен?*

Арбенин

Нет, нынче я доволен был тобой.

Уходят.

Неизвестный

(оставшись один)

*Я чуть не сжалился, — и было
тут мгновенье,
Когда хотел я броситься вперед...
(Задумывается.)
Нет, пусть свершается судьбы
определение,
А действовать потом настанет
мой черед.*

(Уходит.)

Сцена вторая Выход первый

Спальня Арбенина.

*Входит **Нина**, за ней служанка.*

Служанка

Сударыня, вы что-то бледны стали.

Нина

(снимая серьги)

Я нездорова.

Служанка

Вы устали.

Нина

(в сторону)

*Мой муж меня пугает, отчего,
Не знаю! он молчит, и странен
взгляд его.*

(Служанке)

*Мне что-то дурно; верно от кор-
сета —*

*Скажи, к лицу была сегодня я оде-
та?*

(Идет к зеркалу.)

*Ты права, я бледна, как смерть
бледна;*

*Но в Петербурге кто не бледен,
право?*

*Одна лишь старая княжна,
И то — румяны! свет лукавый!*

*(Снимает букли и завертывает
косу)*

Брось где-нибудь и дай мне шаль.

(Садится в креслы.)

*Как новый вальс хорош! в ка-
ком-то упоеньи*

*Кружилась я быстрее — и чудное
стремленье*

Меня и мысль мою неволью мчал
ло вдаль,
И сердце сжалось; не то, чтобы
печаль,
Не то, чтоб радость — Саша, дай
мне книжку.
Как этот князь мне надоел
опять —
А право, жаль безумного маль-
чишку!
Что говорил он тут... злодей и
наказать...
Кавказ... беда... вот бред.

Служанка

Прикажете убрать?

(показывая на наряды.)

Нина

Оставь.

(Погружается в задумчивость.)

Арбенин показывается в дверях.

Служанка

Прикажете идти?

Арбенин

(служанке тихо)

Ступай.

Служанка не уходит.

Иди же.

Уходит. Он запирает дверь.

Тифлис, Метехи.

Выход второй

Арбенин и Нина.

Арбенин

Она тебе уж больше не нужна.

Нина

Ты здесь?

Арбенин

Я здесь!

Нина

*Я, кажется, больна,
И голова в огне — поди сюда по-
ближе,
Дай руку — чувствуешь, как вся
горит она?
Зачем я там мороженое ела,
Я, верно, простудилась тогда —
Не правда ли?*

Арбенин

(рассеянно)

Мороженое? да...

Нина

Мой милый! я с тобой поговорить

хотела!
Ты изменился с некоторых пор,
Уж прежних ласк я от тебя не ви-
жу,
Отрывист голос твой, и холоден
твой взор.
И все за маскарад — о, я их ненави-
жу;
Я заклалася в них не ездить нико-
гда.

Арбенин
(в сторону)

*Не мудрено! теперь без них уж
можно!*

Нина

*Что значит поступить хоть раз
неосторожно.*

Арбенин

Неосторожно! о!

Нина

И в этом вся беда.

Арбенин

Обдумать все заранее надо было.

Нина

*О, если бы я нрав заране знала
твой,
То верно б не была твоей женой;
Терзать тебя, страдать самой —
Как это весело и мило!*

Арбенин

И то: к чему тебе моя любовь!

Нина

*Какая тут любовь? на что мне
жизнь такая?*

Арбенин

(садится возле нее)

*Ты права! что такое жизнь?
жизнь вещь пустая.
Покуда в сердце быстро льется
кровь,
Все в мире нам и радость и отра-
да.
Пройдут года желаний и стра-
стей,
И все вокруг темней, темней!
Что жизнь? давно известная ша-
рада*

Для упражнения детей;
Где первое — рождение! где второе —
Ужасный ряд забот и муки тайных ран,
Где смерть — последнее, а целое — обман!

Нина

(показывая на грудь)

Здесь что-то жжет.

Арбенин (
продолжая)

Пройдет! пустое!
Молчи и слушай: я сказал,
Что жизнь лишь дорога, пока она
прекрасна,
А долго ль!.. жизнь как бал —
Кружись — весело, кругом все
светло, ясно...
Вернулся лишь домой, наряд из-
мятый снял —
И все забыл, и только что устал.
Но в юных летах лучше с ней про-
ститься,
Пока душа привычкой не сроднит-
ся

*С ее бездушной пустотой;
Мгновенно в мир перелететь дру-
гой,
Покуда ум былым еще не тяго-
тится;
Покуда с смертью легка еще борь-
ба —
Но это счастье не всем дает судь-
ба.*

Нина

О, нет, я жить хочу.

Арбенин

К чему?

Нина

*Евгений,
Я мучусь, я больна.*

Арбенин

*А мало ли мучений,
Которые сильнее, ужаснее твоих.*

Нина

Пошли за доктором.

Арбенин

*Жизнь — вечность, смерть —
лишь миг!*

Нина

Но я — я жить хочу!

Арбенин

*И сколько утешений
Там мучеников ждет.*

Нина

(в испуге)

*Но я молю:
Пошли за доктором скорее.*

Арбенин

(встает, холодно)

Не пошлю.

Нина

(после молчания)

*Конечно, шутишь ты — но так
шутить безбожно:
Я умереть могу — пошли скорей.*

Арбенин

Что ж? разве умереть вам невоз-

*можно
Без доктора?*

Нина

*Но ты злодей,
Евгений — я жена твоя.*

Арбенин

Да! знаю — знаю!

Нина

*О, сжался! пламень разлился
В моей груди, я умираю.*

Арбенин

*Так скоро? Нет еще.
(Смотрит на часы.)
Осталось полчаса.*

Нина

О, ты меня не любишь!

Арбенин

*А за что же
Тебя любить — за то ль, что це-
лый ад
Мне в грудь ты бросила? о, нет, я
рад, я рад*

*Твоим страданьям; боже, боже!
И ты, ты смеешь требовать любви!*

*А мало я любил тебя, скажи?
А этой нежности ты знала ль цену?*

*А много ли хотел я от любви
твоей?*

*Улыбку нежную, приветный
взгляд очей —*

И что ж нашел: коварство и измену.

*Возможно ли! меня продать!
Меня за поцелуй глупца... меня,
который*

*По слову первому был душу рад
отдать,*

Мне изменить? мне? и так скоро!..

Нина

*О, если бы вину свою сама
Я знала, — то...*

Арбенин

*Молчи, иль я сойду с ума!
Когда же эти муки перестанут!*

Нина

Браслет мой — князь нашел, —
потом
Каким-нибудь клеветником
Ты был обманут.

Арбенин

Так, я был обманут!
Довольно, я ошибся!.. возмечтал,
Что я могу быть счастлив... ду-
мал снова
Любить и веровать... но час судь-
бы настал,
И все прошло, как бред больного!
Быть может, я б успел небесные
мечты
Осуществить, предавшись надеж-
де,
И в сердце б оживил все, что цве-
ло в нем прежде —
Ты не хотела, ты!
Плачь! Плачь — но что такое, Ни-
на,
Что слезы женские? вода!
Я ж плакал? я, мужчина!
От злобы, ревности, мученья и
стыда
Я плакал — да!
А ты не знаешь, что такое зна-

чит,
Когда мужчина — плачет!
О! в этот миг к нему не подходи:
Смерть у него в руках — и ад в его
груди.

Нина

(в слезах упадает на колени и поднимает
руки к небу)

Творец небесный, пощади!
Не слышит он, но ты все слы-
шишь — ты все знаешь,
И ты меня, всесильный, оправда-
ешь!

Арбенин

Остановись — хоть перед ним не
лги!

Нина

Нет, я не лгу — я не нарушу
Его святости ложною мольбой,
Ему я предаю страдальческую ду-
шу;
Он, твой судья, защитник будет
мой.

Арбенин

(который в это время ходит по комнате, сложив руки)

*Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрез несколько минут —
И тайной для людей останется
кончина
Твоя, и нас рассудит только божий суд.*

Нина

*Как? умереть! теперь, сейчас —
нет, быть не может.*

Арбенин
(смеясь)

Я знал заранее, что это вас встретит.

Нина

Смерть, смерть! он прав — в груди огонь — весь ад...

Арбенин

Да, я тебе на бале подал яд.

Молчание.

Нина

*Не верю, невозможно — нет, ты
надо мною
(бросается к нему)
Смеешься... ты не изверг... нет! в
душе твоей
Есть искра доброты... с холодно-
стью такую
Меня ты не погубишь в цвете
дней —
Не отворачивайся так, Евгений,
Не продолжай моих мучений,
Спаси меня, рассеяй мой страх...
Взгляни сюда...
(Смотрит ему прямо в глаза и от-
скакивает.)
О! смерть в твоих глазах!
(Упадает на стул и закрывает гла-
за.)*

Он подходит и целует ее.

Арбенин

*Да, ты умрешь — и я останусь
тут
Один, один... года пройдут,
Умру — и буду все один! Ужасно!
Но ты! не бойся: мир прекрасный*

*Тебе откроется и ангелы возьмут
Тебя в небесный свой приют.*

(Плачет.)

*Да, я тебя люблю, люблю... я все
забвению,*

*Что было, предал, есть граница
мщенью,*

*И вот она: смотри, убийца твой
Здесь, как дитя, рыдает над то-
бой...*

Молчание.

Нина

(вырывается и вскакивает)

Сюда, сюда... на помощь!.. умираю

—

*Яд, яд — не слышат... понимаю,
Ты осторожен... никого... ней-
дут...*

*Но помни! есть небесный суд,
И я тебя, убийца, проклиная.*

(Не добежав до двери, упадает без чувств.)

Арбенин

(горько смеясь)

Проклятие! что пользы прокли-

нать?
Я проклят богом.
(Подходит)
Бедное созданье,
Ей не по силам наказанье.
(Стоит сложа руки.)
Бледна!
(Содрогается.)
Но все черты спокойны, не видать
В них ни раскаянья, ни угрызе-
ний...
Ужель?

Нина
(слабо)

Прощай, Евгений!
Я умираю, но невинна... ты зло-
дей...

Арбенин

Нет, нет — не говори, тебе уж не
поможет
Ни ложь, ни хитрость... говори
скорей:
Я был обманут... так шутить не
может
Сам ад любовью моей.
Молчишь? о! месть тебя достой-

на...
*Но это не поможет; ты умрешь...
И будет для людей все тайно —
будь спокойна!..*

Нина

*Теперь мне все равно... я все ж
Невинна перед богом.*

(Умирает.)

Арбенин

*(подходит к ней и быстро отворачивает-
ся)*

Ложь.

(Упадает в кресла.)

Конец третьего действия

Действие четвертое

Сцена первая Выход первый

Арбенин

(сидит у стола на диване)

*Я ослабел в борьбе с собой
Среди мучительных усилий...
И чувства наконец вкусили
Какой-то тягостный, обманчи-
вый покой!..
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится в холодном
этом сне,
И сердце ноет, будто ждет че-
го-то.
Не все ли кончено — ужели на
земле
Страданье новое вкусить оста-
лось мне!..
Вздор!.. дни пройдут — придет за-
бвенье,
Под тягостью годов умрет вооб-
раженье;
И должен же покой когда-нибудь
Вновь поселиться в эту грудь!..
(Задумывается, вдруг поднимает*

голову.)
Я ошибался!.. нет, неумолимо
Воспоминание!.. как живо вижу я
Ее мольбы, тоску. — О! мимо, ми-
мо
Ты, пробужденная змея.
(Упадает головою на руки.)

Выход второй

Казарин
(тихо)

Арбенин здесь? печален и вздыхает.
Посмотрим, как-то он комедию сыграет.
(Ему)
Я, милый друг, спешил к тебе,
Узнавши о твоём несчастье,
Как быть — угодно так судьбе.
У всякого свои напасти.

Молчание.

Да полно, брат, личину ты сними,
Не опускай так важно взоры.
Ведь это хорошо с людьми,
Для публики, — а мы с тобой ак-
теры.

Скажи-ка, брат... Да как ты бле-
ден стал,
Подумаешь, что ночь всю в кар-
ты проиграл.
О, старый плут — да мы разгово-
риться
Успеем после... Вот твоя родня:
Покойнице идут, конечно, покло-
ниться.
Прощай же, до другого дня.

(Уходит.)

Выход третий

Родственники *приходят.*

Дама

(племяннице)

Уж видно, есть над ним господнее
проклятье;
Дурной был муж, дурной был сын.
Напомни мне захватить в магазин
Купить материи на траурное
платье.
Хоть нынче нет доходов никаких,
А разоряюсь для родных.

Племянница

Ma tante![34] *какая же причина*

Тому, что умерла кузина?

Дама

*А та, сударыня, что глуп ваш
модный свет.
Уж доживете вы до бед.*

Уходят.

Выход четвертый

Выходят из комнаты покойницы доктор и старик.

Старик

При вас она скончалась?

Доктор

*Не успели
Меня найти... Я говорил всегда:
С мороженым и балами беда.*

Старик

*Покров богат — парчу вы рас-
смотрели?
У брата моего прошедшею весной
На гробе был точь-в-точь такой.*

(Уходит.)

Выход пятый

Доктор

(подходит к Арбенину и берет его за руку)

Вам надо отдохнуть.

Арбенин

(вздрагивает)

А!..

(В сторону)

Сердце сжалось!

Доктор

*Вы слишком предались печали
эту ночь.*

Усните.

Арбенин

Постараюсь.

Доктор

Уж помочь

Нельзя ничем; но вам осталось

Беречь себя.

Арбенин

Ого! я невредим.

Каким страданиям земным

На жертву грудь моя ни предава-
лась,
А я все жив... я счастья желал,
И в виде ангела мне бог его по-
слал;
Мое преступное дыханье
В нем осквернило божество,
И вот оно, прекрасное создание, —
Смотрите — холодно, мертво.
Раз в жизни человека мне чужого,
Рискуя честью, от гибели я спас,
А он — смеясь, шутя, не говоря ни
слова,
Он отнял у меня все, все — и через
час.

(Уходит.)

Доктор

Он болен не шутя — и я не сомне-
ваюсь,
Что в этой голове мучений было
тьма;
Но если он сойдет с ума,
То я за жизнь его ручаюсь.

(Уходя сталкивается с двумя.)

Выход шестой

*Входят: **Неизвестный** и князь.*

Неизвестный

*Позвольте вас спросить — Арбе-
нина нельзя ль
Нам видеть.*

Доктор

*Право, утверждать не смею,
Жена его вчерась скончалась.*

Неизвестный

Очень жаль.

Доктор

И он так огорчен.

Неизвестный

*Я и об нем жалею.
Однако ж дома он?*

Доктор

Он? дома! — да.

Неизвестный

Я дело до него преважное имею.

Доктор

Вы из друзей его, конечно, господа?

Неизвестный

*Покамест нет — но мы пришли сюда,
Чтоб подружиться понемногу.*

Доктор

Он болен не шутя.

Князь

(испугавшись)

*Лежит
Без памяти?*

Доктор

*Нет, ходит, говорит,
И есть еще надежда.*

Князь

Слава богу!

Доктор уходит.

Выход седьмой

Князь

О, наконец!

Неизвестный

*Лицо у вас в огне.
Вы тверды ли в своем решении?*

Князь

*А вы ручаетесь ли мне,
Что справедливо ваше подозре-
нье?*

Неизвестный

*Послушайте — у нас обоих цель
одна.
Его мы ненавидим оба;
Но вы его души не знаете — мрач-
на
И глубока, как двери гроба;
Чему хоть раз отворится она,
То в ней погребено навеки. Подо-
зрения
Ей стоят доказательств — ни
прощенья,
Ни жалости не знает он, —
Когда обижен — мщенье! мщенье,
Вот цель его тогда и вот его за-
кон.
Да, эта смерть скоро не без при-*

чины.

Я знал: вы с ним враги — и услужить вам рад.

Вы драться станете — я два шага назад,

И буду зрителем картины.

Князь

Но как узнали вы, что день тому назад

Я был обижен им?

Неизвестный

Я рассказать бы рад,

Да это вам наскучит,

К тому ж — весь город говорит.

Князь

Мысль нестерпимая!

Неизвестный

Она вас слишком мучит.

Князь

О, вы не знали, что такое стыд.

Неизвестный

Стыд? Нет — и опыт вас забыть

о нем научит.

Князь

Но кто вы?

Неизвестный

Имя нужно вам?

Я ваш сообщник, ревностно и дружно

За вашу честь вступился сам.

А знать вам более не нужно.

*Но, чу! идут... походка тяжела
И медленна. — Он! точно — уда-
литесь*

На миг — есть с ним у нас дела.

*И вы в свидетели теперь нам не
годитесь.*

Князь отходит в сторону.

Выход осьмой

Арбенин со свечой.

Арбенин

*Смерть! смерть! о, это слово
здесь,*

*Везде, — я им проникнут весь,
Оно меня преследует; безмолвно*

Смотрел я целый час на труп ее
немой,
И сердце было полно, полно
Невыразимую тоской.
В чертах спокойствие и детская
беспечность.
Улыбка вечная тихонько расцве-
ла,
Когда пред ней открылась веч-
ность,
И там свою судьбу душа ее про-
чла.
Ужель я ошибался? — невозможно
Мне ошибиться — кто докажет
мне
Ее невинность — ложно! ложно!
Где доказательства — есть у ме-
ня оне!
Я не поверил ей — кому же стану
верить.
Да, я был страстный муж — но
был судья
Холодный — кто же разуверит
Меня осмелится?

Неизвестный

Осмелюсь — я!

Арбенин

(сначала пугается и, отойдя, подносит к лицу свечу)

А кто же вы?

Неизвестный

*Немудрено, Евгений,
Ты не узнал меня — а были мы
друзья.*

Арбенин

Но кто вы?

Неизвестный

*Я твой добрый гений.
Да, непримеченный везде я был с
тобой;
Всегда с другим лицом, всегда в
другом наряде —
Знал все твои дела и мысль твою
порой —
Остерегал тебя недавно в маске-
раде.*

Арбенин

(вздрагнув)

Пророков не люблю — и выйти вас

Прошу немедленно. Я говорю серьезно.

Неизвестный

*Все так — но, несмотря на голос грозный
И на решительный приказ,
Я не уйду. Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узнал меня. Я не из тех людей,
Которых может миг опасный
Отвлечь от цели многих дней.
Я цель свою достиг — и здесь на месте лягу,
Умру — но уж назад не сделаю ни шагу.*

Арбенин

*Я сам таков — и этим сверх того
Не хвастаюсь.
(Садится.)
Я слушаю.*

Неизвестный

(в сторону)

*Доселе
Мои слова не тронули его!
Иль я ошибся в самом деле!..*

Посмотрим далее.

(Ему)

Семь лет тому назад

Ты узнавал меня, Арбенин. Я был
молод,

Неопытен, и пылок, и богат.

Но ты — в твоей груди уж крылся
этот холод,

То адское презренье ко всему,

Которым ты гордился всюду!

Не знаю, приписать его к уму

Иль к обстоятельствам — я раз-
бирать не буду

Твоей души, — ее поймет лишь
бог,

Который сотворить один такую
мог.

Арбенин

Дебют хорош.

Неизвестный

Конец не будет хуже.

Раз ты меня уговорил, — увлек

К себе... Мой кошелек

Был полон — и к тому же

*Я верил счастью. — Сел играть с
тобой*

И проиграл; отец мой был скупой
И строгий человек. — И чтоб не
подвергаться
Упрекам — я решился отыграть-
ся.
Но ты, хоть молод, ты меня дер-
жал
В когтях, — и я все снова проиг-
рал.
Я предался отчаянью — тут бы-
ли,
Ты помнишь, может быть,
И слезы и мольбы... В тебе же воз-
будили
Они лишь смех. — О! лучше бы
пронзить
Меня кинжалом! — Но в то время
Ты не смотрел еще пророчески
вперед.
И только нынче злое семя
Произвело достойный плод.

Арбенин хочет вскочить, но задумыва-
ется.

И я покинул все, с того мгновенья,
Все: женщин и любовь, блажен-
ство юных лет,

Мечтанья нежные и сладкие вол-
ненья,
И в свете мне открылся новый
свет,
Мир новых, странных ощущений,
Мир обществом отверженных
людей,
Самолюбивых дум и ледяных
страстей
И увлекательных мучений.
Я увидал, что деньги — царь зем-
ли,
И поклонился им. — Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и
здоровье;
Навеки предо мной закрылась сча-
стья дверь!
Я заключил с судьбой последнее
условье —
И вот стал тем, что я теперь.
А! ты дрожишь, — ты понимаешь
И цель мою — и то, что я сказал.
Ну, — повтори еще, что ты меня
не знаешь.

Арбенин

Прочь — я узнал тебя — узнал!..

Неизвестный

Прочь! разве это все — ты надо
мною смеялся,
И я повеселиться рад.
Недавно до меня случайно слух
домчался,
Что счастлив ты, женился и бо-
гат.
И горько стало мне — и сердце за-
роптало,
И долго думал я: за что ж
Он счастлив — и шептало
Мне чувство внятное: иди, иди,
встревожь!
И стал я следовать, мешаяся с
толпой
Без усталы, всегда повсюду за то-
бой,
Все узнавал — и наконец
Пришел трудам моим конец.
Послушай — я узнал — и — и от-
крою
Тебе я истину одну...
(Протяжно)
Послушай: ты... убил свою жену!..

*Арбенин отскакивает. Князь подхо-
дит.*

Арбенин

Убил? — я? — Князь! — О! что такое...

Неизвестный

(отступая)

Я все сказал, он скажет остальное.

Арбенин

(приходя в бешенство)

*А! заговор... прекрасно... я у вас
В руках... вам помешать кто смеет?*

*Никто... вы здесь цари... я смирен:
я сейчас*

*У ваших ног... душа моя робеет
От взглядов ваших... я глупец, дитя,*

*И против ваших слов ответа не
имею,*

*Я мигом побежден, обманут я
шутя*

*И под топор нагну спокойно шею;
А вы не разочли, что есть еще во
мне*

*Присутствие ума, и опытность, и
сила?*

Вы думали, что все взяла ее моги-

ла?
Что я не заплачу вам всем по
старине?
Так вот как я унижен в вашем
мнении
Коварным лепетом молвы!
Да, Сцена хорошо придумана — но
вы
Не отгадали заключенье.
А этот мальчик — так и он со
мною
Бороться вздумал. Мало было
Одной пощечины — нет, хочется
другой,
Вы все получите, мой милый.
Вам жизнь наскучила! не стран-
но — жизнь глупца,
Жизнь площадного волокиты.
Утешьтесь же теперь — вы буде-
те убиты,
Умрете — с именем и смертью
подлеца.

Князь

Увидим — но скорей.

Арбенин

Идем, идем.

Князь

Теперь я счастлив.

Неизвестный

(останавливая)

Да — а главное забыли.

Князь

(останавливая Арбенина)

*Постойте — вы должны
узнать — что обвинили
Меня напрасно... что ни в чем
Не виновата ваша жертва —
оскорбили
Меня вы во-время... я только обо
всем
Хотел сказать вам — но пойдём.*

Арбенин

Что? что?

Неизвестный

*Твоя жена невинна — слишком
строго
Ты обошелся.*

Арбенин

(хохочет)

Да у вас в запасе шуток много!

КНЯЗЬ

*Нет, нет, — я не шучу, клянусь
творцом.*

Браслет случайною судьбою

Попался баронессе и потом

Был отдан мне ее рукою.

*Я ошибался сам — но вашею же-
ною*

Любовь моя отвергнута была.

*Когда б я знал, что от одной
ошибки*

Произойдет так много зла,

*То верно б не искал ни взора, ни
улыбки.*

И баронесса — этим вот письмом

Вам открывается во всем.

*Читайте же скорей — мне дороги
мгновенья...*

*Арбенин взглядывает на письмо и чи-
тает.*

Неизвестный

(подняв глаза к небу лицемерно)

Казнит злодея провиденье!
Невинная погибла — жаль!
Но здесь ждала ее печаль,
А в небесах спасенье!
Ах, я ее видал — ее глаза
Всю чистоту души изображали
ясно.
Кто б думать мог, что этот
цвет прекрасный
Сомнет минутная гроза.
Что ты замолк, несчастный?
Рви волосы — терзайся — и кричи
—
Ужасно! — о, ужасно!

Арбенин

(бросается на них)

Я задушу вас, палачи!

(Вдруг слабеет и падает на кресла.)

Князь

(толкая грубо)

Раскаянье вам не поможет.
Ждут пистолеты — спор наш не
решен.
Молчит, не слушает, ужели он
Рассудок потерял...

Неизвестный

Быть может...

Князь

Вы помешали мне.

Неизвестный

*Мы целим розно,
Я отомстил, для вас, я думаю, уж
поздно!*

Арбенин

(встает с диким взглядом)

О, что сказали вы?.. Нет сил, нет сил,

Я так был оскорблен, я так уверен был...

Прости, прости меня, о боже — мне прощенье.

(Хохочет.)

А слезы, жалобы, моления?

А ты простил?

(Становится на колена.)

Ну, вот я и упал пред вами на колена:

Скажите же — не правда ли — измена,

Коварство очевидно... я хочу, ве-
лю,
Чтоб вы ее сейчас же обвинили.
Она невинна? разве вы тут были?
Смотрели в душу вы мою?
Как я теперь прошу, так и она мо-
лила.
Ошибка — я ошибся — что ж!
Она мне то же говорила,
Но я сказал, что это ложь.
(Встает.)
Я это ей сказал.

Молчанье.

Вот что я вам открою:
Не я ее убийца.
(Взглядывает пристально на
Неизвестного.)
Ты, скорей
Признайся, говори смелей,
Будь откровенен хоть со мною.
О, милый друг, зачем ты был же-
сток.
Ведь я ее любил, я б небесам и раю
Одной слезы ее, — когда бы мог,
Не уступил — но я тебе прощаю!
(Упадает на грудь ему и плачет.)

Неизвестный

(отталкивая его грубо)

Приди в себя — опомнись...

(Князю)

Уведем

Его отсюда... он опомнится, конечно,

На воздухе...

(Берет его за руку.)

Арбенин!

Арбенин

Вечно

Мы не увидимся... прощай...

идем... идем...

Сюда... сюда.

(Вырываясь, бросается в дверь, где гроб ее.)

Князь

Остановите!..

Неизвестный

*И этот гордый ум сегодня изне-
мог!*

Арбенин

(возвращаясь с диким стоном)

Здесь, посмотрите! посмотрите!..

*(Прибегая на середину сцены)
Я говорил тебе, что ты жесток!*

Падает на землю и сидит полулежа с неподвижными глазами. Князь и Незвестный стоят над ним.

Неизвестный

*Давно хотел я полной мести,
И вот вполне я отомщен!*

Князь

*Он без ума... счастлив... а я? навек
лишен
Спокойствия и чести!*

Конец

1835

Вид Бештау близ Железноводска.

Герой нашего времени

Во всякой книге предисловие есть первая и вместе с тем последняя вещь; оно или служит объяснением цели сочинения, или оправданием и ответом на критики. Но обыкновенно читателям дела нет до нравственной цели и до журнальных нападок, и потому они не читают предисловий. А жаль, что это так, особенно у нас. Наша публика так еще молода и простодушна, что не понимает басни, если в конце ее не находит нравоучения. Она не угадывает шутки, не чувствует иронии; она просто дурно воспитана. Она еще не знает, что в порядочном обществе и в порядочной книге явная брань не может иметь места; что современная образованность изобрела орудие более острое, почти невидимое и тем не менее смертельное, которое, под одеждою лести, наносит неотразимый и верный удар. Наша публика похожа на провинциала, который, подслушав разговор двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, остался бы уверен, что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной нежнейшей дружбы.

Эта книга испытала на себе еще недавно несчастную доверчивость некоторых читателей и даже журналов к буквальному значению слов. Иные ужасно обиделись, и не шутя, что им ставят в пример такого безнравственного человека, как Герой Нашего Времени; другие же очень тонко замечали, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме подобных нелепостей. Самая волшебная из волшебных сказок у нас едва ли избегнет упрека в покушении на оскорбление личности!

Герой Нашего Времени, милостивые государи мои, точно, портрет, но не одного человека: это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии. Вы мне опять скажете, что человек не может быть так дурен, а я вам скажу, что ежели вы верили возможности существования всех трагических и романтических злодеев, отчего же вы не веруете в действительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо более ужасными и уродливыми, отче-

го же этот характер, даже как вымысел, не находит у вас пощады? Уж не оттого ли, что в нем больше правды, нежели бы вы того желали?..

Вы скажете, что нравственность от этого не выигрывает? Извините. Довольно людей кормили сладостями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Но не думайте, однако, после этого, чтоб автор этой книги имел когда-нибудь гордую мечту сделаться исправителем людских пороков. Боже его избави от такого невежества! Ему просто было весело рисовать современного человека, каким он его понимает, и к его и вашему несчастью, слишком часто встречал. Будет и того, что болезнь указана, а как ее излечить — это уж бог знает!

Часть первая

I. Бэла

Я ехал на перекладных из Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла из одного небольшого чемодана, который до половины был набит путевыми записками о Грузии. Большая часть из них, к счастью для вас, потеряна, а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел.

Уж солнце начинало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину. Осетин-извозчик неумоимо погонял лошадей, чтоб успеть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распевал песни. Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрама снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своею чешуею.

Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана. Тут толпилось шумно десятка два грузин и горцев; поблизости караван верблюдов остановился для ночлега. Я должен был нанять быков, чтоб тащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имеет около двух верст длины.

Нечего делать, я нанял шесть быков и нескольких осетин. Один из них взвалил себе на плечи мой чемодан, другие стали помогать быкам почти одним криком.

За моею тележкой четверка быков тащила другую как ни в чем не бывало, несмотря на то, что она была доверху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шел ее хозяин, покуривая из маленькой кабардинской трубочки, обделанной в серебро. На нем был офицерский сюртук без эполет и черкесская мохнатая шапка. Он казался лет пятидесяти; смуглый цвет лица его показывал, что оно давно знакомо с закавказским солнцем, и преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду. Я подошел к нему и поклонился: он молча от-

вечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

— Мы с вами попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился.

— Вы, верно, едете в Ставрополь?

— Так-с точно... с казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую тележку четыре быка тащат шутя, а мою, пустую, шесть скотов едва подвигают с помощью этих осетин?

Он лукаво улыбнулся и значительно взглянул на меня.

— Вы, верно, недавно на Кавказе?

— С год, — отвечал я.

Он улыбнулся вторично.

— А что ж?

— Да так-с! Ужасные бестии эти азиаты! Вы думаете, они помогают, что кричат? А черт их разберет, что они кричат? Быки-то их понимают; запрягите хоть двадцать, так коли они крикнут по-своему, быки все ни с места... Ужасные плуты! А что с них возьмешь?.. Любят деньги драть с проезжающих... Избаловали мошенников! Увидите, они еще с вас возьмут на водку. Уж я их знаю, меня не проведут!

— А вы давно здесь служите?

— Да, я уж здесь служил при Алексее Петровиче,[35] — отвечал он, приосанившись. — Когда он приехал на Линию, я был подпоручиком, — прибавил он, — и при нем получил два чина за дела против горцев.

— А теперь вы?..

— Теперь считаюсь в третьем линейном батальоне. А вы, смею спросить?..

Я сказал ему.

Разговор этим кончился и мы продолжали молча идти друг подле друга. На вершине горы нашли мы снег. Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге; но благодаря отливу снегов мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла в гору, хотя уже не так круто. Я велел положить чемодан свой в тележку, заменить быков лошадьми и в последний раз оглянулся на долину; но густой туман, нахлынувший волнами из ущелий, покрывал ее совершенно, ни единый звук не долетал уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабс-капитан так грозно на них прикрик-

нул, что они вмиг разбежались.

— Ведь этакий народ! — сказал он, — и хлеба по-русски назвать не умеет, а выучил: «Офицер, дай на водку!» Уж татары по мне лучше: те хоть непьющие...

До станции оставалось еще с версту. Кругом было тихо, так тихо, что по жужжанию комара можно было следить за его полетом. Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари. На темном небе начинали мелькать звезды, и странно, мне показалось, что оно гораздо выше, чем у нас на севере. По обеим сторонам дороги торчали голые, черные камни; кой-где из-под снега выглядывали кустарники, но ни один сухой листок не шевелился, и весело было слышать среди этого мертвого сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русского колокольчика.

— Завтра будет славная погода! — сказал я.

Штабс-капитан не отвечал ни слова и указал мне пальцем на высокую гору, поднимав-

шуюся прямо против нас.

— Что ж это? — спросил я.

— Гуд-гора.

— Ну так что ж?

— Посмотрите, как курится.

И в самом деле, Гуд-гора курилась; по бокам ее ползали легкие струйки — облаков, а на вершине лежала черная туча, такая черная, что на темном небе она казалась пятном.

Уж мы различали почтовую станцию, кровли окружающих ее саклей. и перед нами мелькали приветные огоньки, когда пахнул сырой, холодный ветер, ущелье загудело и пошел мелкий дождь. Едва успел я накинуть бурку, как повалил снег. Я с благоговением посмотрел на штабс-капитана...

— Нам придется здесь ночевать, — сказал он с досадою, — в такую метель через горы не переедешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? — спросил он извозчика.

— Не было, господин, — отвечал осетин-извозчик, — а висит много, много.

За неимением комнаты для проезжающих на станции, нам отвели ночлег в дымной сакле. Я пригласил своего спутника выпить вме-

сте стакан чая, ибо со мной был чугунный чайник — единственная отрада моя в путешествиях по Кавказу.

Сакля была прилеплена одним боком к скале; три скользкие, мокрые ступени вели к ее двери. Ощупью вошел я и наткнулся на корову (хлев у этих людей заменяет лакейскую). Я не знал, куда деваться: тут блеют овцы, там ворчит собака. К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери. Тут открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. Посередине трещал огонек, разложенный на земле, и дым, выталкиваемый обратно ветром из отверстия в крыше, расстилался вокруг такой густой пеленою, что я долго не мог осмотреться; у огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях. Нечего было делать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайник зашипел приветливо.

— Жалкие люди! — сказал я штабс-капитану, указывая на наших грязных хозяев, кото-

рые молча на нас смотрели в каком-то осто-бенении.

— Преглупый народ! — отвечал он. — Поверите ли? ничего не умеют, не способны ни к какому образованию! Уж по крайней мере наши кабардинцы или чеченцы хотя разбойники, голыши, зато отчаянные башки, а у этих и к оружию никакой охоты нет: порядочного кинжала ни на одном не увидишь. Уж подлинно осетины!

— А вы долго были в Чечне?

— Да, я лет десять стоял там в крепости с ротою, у Каменного Брода, — знаете?

— Слышал.

— Вот, батюшка, надоели нам эти голово-резы; нынче, слава богу, смирнее; а бывало, на сто шагов отойдешь за вал, уже где-нибудь косматый дьявол сидит и караулит: чуть зазе-вался, того и гляди — либо аркан на шее, либо пуля в затылке. А молодцы!..

— А, чай, много с вами бывало приключе-ний? — сказал я, подстрекаемый любопыт-ством.

— Как не бывать! Бывало...

Тут он начал щипать левый ус, повесил го-

лову и призадумался. Мне страх хотелось вытянуть из него какую-нибудь историйку — желание, свойственное всем путешествующим и записывающим людям. Между тем чай поспел; я вытащил из чемодана два походных стаканчика, налил и поставил один перед ним. Он отхлебнул и сказал как будто про себя: «Да, бывало!» Это восклицание подало мне большие надежды. Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удается: другой лет пять стоит где-нибудь в захолустье с ротой, и целые пять лет ему никто не скажет «здравствуйте» (потому что фельдфебель говорит «здравия желаю»). А поболтать было бы о чем: кругом народ дикий, любопытный; каждый день опасность, случаи бывают чудные, и тут поневоле пожалеешь о том, что у нас так мало записывают.

— Не хотите ли подбавить рому? — сказал я своему собеседнику, — у меня есть белый из Тифлиса; теперь холодно.

— Нет-с, благодарствуйте, не пью.

— Что так?

— Да так. Я дал себе заклятье. Когда я был еще подпоручиком, раз, знаете, мы подгуляли

между собой, а ночью сделалась тревога; вот мы и вышли перед фронт навеселе, да уж и досталось нам, как Алексей Петрович узнал: не дай господи, как он рассердился! чуть-чуть не отдал под суд. Оно и точно: другой раз целый год живешь, никого не видишь, да как тут еще водка — пропадавший человек!

Услышав это, я почти потерял надежду.

— Да вот хоть черкесы, — продолжал он, — как напьются бузы на свадьбе или на похоронах, так и пошла рубка. Я раз насилу ноги унес, а еще у мирнова князя был в гостях.

— Как же это случилось?

— Вот (он набил трубку, затянулся и начал рассказывать), вот извольте видеть, я тогда стоял в крепости за Терекком с ротой — этому скоро пять лет. Раз, осенью пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно. «Вы, верно, — спросил я его, — переведены сюда из

России?» — «Точно так, господин штабс-капитан», — отвечал он. Я взял его за руку и сказал: «Очень рад, очень рад. Вам будет немножко скучно... ну да мы с вами будем жить по-приятельски... Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч, и, пожалуйста, — к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в фуражке». Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости.

— А как его звали? — спросил я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорием Александровичем Печориным. Славный был мальш, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод целый день на охоте; все иззябнут, устанут — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на кабана один на один; бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха... Да-с, с большими был странностями, и, должно быть, богатый человек: сколько у него было разных дорогих ве-

щиц!..

— А долго он с вами жил? — спросил я опять.

— Да с год. Ну да уж зато памятен мне этот год; наделал он мне хлопот, не тем будь помянут! Ведь есть, право, этакие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случаться разные необыкновенные вещи!

— Необыкновенные? — воскликнул я с видом любопытства, подливая ему чая.

— А вот я вам расскажу. Верст шесть от крепости жил один мирной князь. Сынишка его, мальчик лет пятнадцати, повадился к нам ездит: всякий день, бывало, то за тем, то за другим; и уж точно, избаловали мы его с Григорием Александровичем. А уж какой был головорез, проворный на что хочешь: шапку ли поднять на всем скаку, из ружья ли стрелять. Одно было в нем нехорошо: ужасно падок был на деньги. Раз, для смеха, Григорий Александрович обещался ему дать червонец, коли он ему украдет лучшего козла из отцовского стада; и что ж вы думаете? на другую же ночь притащил его за рога. А бывало, мы его вздумаем дразнить, так глаза кровью и

нальются, и сейчас за кинжал. «Эй, Азамат, не сносить тебе головы, — говорил я ему, яман [36] будет твоя башка!»

Раз приезжает сам старый князь звать нас на свадьбу: он отдавал старшую дочь замуж, а мы были с ним кунаки: так нельзя же, знаете, отказаться, хоть он и татарин. Отправились. В ауле множество собак встретило нас громким лаем. Женщины, увидя нас, прятались; те, которых мы могли рассмотреть в лицо, были далеко не красавицы. «Я имел гораздо лучшее мнение о черкешенках», — сказал мне Григорий Александрович. «Погодите!» — отвечал я, усмехаясь. У меня было свое на уме.

У князя в сакле собралось уже множество народа. У азиатов, знаете, обычай всех встречных и поперечных приглашать на свадьбу. Нас приняли со всеми почестями и повели в кунацкую. Я, однако ж, не позабыл подметить, где поставили наших лошадей, знаете, для непредвидимого случая.

— Как же у них празднуют свадьбу? — спросил я штабс-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитает им что-то из Корана; потом дарят моло-

дых и всех их родственников, едят, пьют бузу; потом начинается джигитовка, и всегда один какой-нибудь оборвыш, засаленный, на скверной хромой лошаденке, ломается, паясничает, смешит честную компанию; потом, когда смеркнется, в кунацкой начинается, по-нашему сказать, бал. Бедный старичишка бренчит на трехструнной... забыл как по-ихнему, ну, да вроде нашей балалайки. Девки и молодые ребята становятся в две шеренги одна против другой, хлопают в ладоши и поют. Вот выходит одна девка и один мужчина на середину и начинают говорить друг другу стихи нараспев, что попало, а остальные подхватывают хором. Мы с Печориным сидели на почетном месте, и вот к нему подошла меньшая дочь хозяина, девушка лет шестнадцати, и пропела ему... как бы сказать?.. вроде комплимента.

— А что ж такое она пропела, не помните ли?

— Да, кажется, вот так: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он

как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду». Печорин встал, поклонился ей, приложив руку ко лбу и сердцу, и просил меня отвечать ей, я хорошо знаю поихнему и перевел его ответ.

Когда она от нас отошла, тогда я шепнул Григорью Александровичу: «Ну что, какова?» — «Прелесть! — отвечал он. — А как ее зовут?» — «Ее зовут Бэлою», — отвечал я.

И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали нам в душу. Печорин в задумчивости не сводил с нее глаз, и она частенько исподлобья на него посматривала. Только не один Печорин любовался хорошенькой княжной: из угла комнаты на нее смотрели другие два глаза, неподвижные, огненные. Я стал вглядываться и узнал моего старого знакомца Казбича. Он, знаете, был не то, чтоб мирной, не то, чтоб немирной. Подозрений на него было много, хоть он ни в какой шалости не был замечен. Бывало, он приводил к нам в крепость баранов и продавал дешево, только никогда не торговался: что запросит, давай, — хоть зарежь, не уступит. Го-

ворили про него, что он любит таскаться на Кубань с абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... А уж ловок-то, ловок-то был, как бес! Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре. А лошадь его славилась в целой Кабарде, — и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали все наездники и не раз пытались ее украсть, только не удавалось. Как теперь гляжу на эту лошадь: вороная, как смоль, ноги — струнки, и глаза не хуже, чем у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на пятьдесят верст; а уж выезжена — как собака бегаёт за хозяином, голос даже его знала! Бывало, он ее никогда и не привязывает. Уж такая разбойничья лошадь!..

В этот вечер Казбич был угрюмее, чем когда-нибудь, и я заметил, что у него под бешметом надета кольчуга. «Недаром на нем эта кольчуга, — подумал я, — уж он, верно, что-нибудь замышляет».

Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться. Ночь уж ложилась на горы, и туман начинал бродить по ущельям.

Мне вздумалось завернуть под навес, где стояли наши лошади, посмотреть, есть ли у них корм, и притом осторожность никогда не мешает: у меня же была лошадь славная, и уж не один кабардинец на нее умильно поглядывал, приговаривая: «Якши тхе, чек якши!»[37]

Пробираюсь вдоль забора и вдруг слышу голоса; один голос я тотчас узнал: это был по-веса Азамат, сын нашего хозяина; другой говорил реже и тише. «О чем они тут толкуют? — подумал я, — уж не о моей ли лошадке?» Вот присел я у забора и стал прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шум песен и говор голосов, вылетая из сакли, заглушали любопытный для меня разговор.

— Славная у тебя лошадь! — говорил Азамат, — если бы я был хозяин в доме и имел табун в триста кобыл, то отдал бы половину за твоего скакуна, Казбич!

«А! Казбич!» — подумал я и вспомнил кольчугу.

— Да, — отвечал Казбич после некоторого молчания, — в целой Кабарде не найдешь та-

кой. Раз, — это было за Тереком, — я ездил с абреками отбивать русские табуны; нам не посчастливилось, и мы рассыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; уж я слышал за собою крики гяуров, и передо мною был густой лес. Прилег я на седло, поручил себе аллаху и в первый раз в жизни оскорбил коня ударом плети. Как птица нырнул он между ветвями; острые колючки рвали мою одежду, сухие сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгал через пни, разрывал кусты грудью. Лучше было бы мне его бросить у опушки и скрыться в лесу пешком, да жаль было с ним расстаться, — и пророк вознаградил меня. Несколько пуль провизжало над моей головою; я уж слышал, как спешившиеся казаки бежали по следам... Вдруг передо мною рытвина глубокая; скакун мой призадумался — и прыгнул. Задние его копыта обрвались с противного берега, и он повис на передних ногах; я бросил поводья и полетел в овраг; это спасло моего коня: он выскочил. Казаки все это видели, только ни один не спустился меня искать: они, верно, думали, что я убится до смерти, и я слышал, как они броси-

лись ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; пополз я по густой траве вдоль по оврагу, — смотрю: лес кончился, несколько казаков выезжают из него на поляну, и вот выскакивает прямо к ним мой Карагез; все кинулись за ним с криком; долго, долго они за ним гонялись, особенно один раз два чуть-чуть не накинул ему на шею аркана; я задрожал, опустил глаза и начал молиться. Через несколько мгновений поднимаю их — и вижу: мой Карагез летит, развевая хвост, вольный как ветер, а гяуры далеко один за другим тянутся по степи на измученных конях. Валлах! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидел в своем овраге. Вдруг, что ж ты думаешь, Азамат? во мраке слышу, бегают по берегу оврага конь, фыркает, ржет и бьет копытами о землю; я узнал голос моего Карагеза; это был он, мой товарищ!.. С тех пор мы не разлучались.

И слышно было, как он трепал рукою по гладкой шее своего скакуна, давая ему разные нежные названия.

— Если б у меня был табун в тысячу коней, — сказал Азамат, — то отдал бы тебе весь

за твоего Карагеца.

— Йок,[38] не хочу, — отвечал равнодушно Казбич.

— Послушай, Казбич, — говорил, ласкаясь к нему, Азамат, — ты добрый человек, ты храбрый джигит, а мой отец боится русских и не пускает меня в горы; отдай мне свою лошадь, и я сделаю все, что ты хочешь, украду для тебя у отца лучшую его винтовку или шашку, что только пожелаешь, — а шашка его настоящая гурда^[206]: приложи лезвием к руке, сама в тело вопьется; а кольчуга — такая, как твоя, нипочем.

Казбич молчал.

— В первый раз, как я увидел твоего коня, — продолжал Азамат, когда он под тобой крутился и прыгал, раздувая ноздри, и кремни брызгами летели из-под копыт его, в моей душе сделалось что-то непонятное, и с тех пор все мне опостылело: на лучших скакунов моего отца смотрел я с презрением, стыдно было мне на них показаться, и тоска овладела мной; и, тоскуя, просиживал я на утесе целые дни, и ежеминутно мыслям моим являлся вороной скакун твой с своей стройной посту-

пью, с своим гладким, прямым, как стрела, хребтом; он смотрел мне в глаза своими бойкими глазами, как будто хотел слово вымолвить. Я умру, Казбич, если ты мне не продашь его! — сказал Азамат дрожащим голосом.

Мне послышалось, что он заплакал: а надо вам сказать, что Азамат был преупрямый мальчишка, и ничем, бывало, у него слез не выбьешь, даже когда он был помоложе.

В ответ на его слезы послышалось что-то вроде смеха.

— Послушай! — сказал твердым голосом Азамат, — видишь, я на все решаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Как она пляшет! как поет! а вышивает золотом — чудо! Не бывало такой жены и у турецкого падишаха... Хочешь, дождись меня завтра ночью там в ущелье, где бежит поток: я пойду с нею мимо в соседний аул, — и она твоя. Неужели не стоит Бэла твоего скакуна?

Долго, долго молчал Казбич; наконец вместо ответа он затянул старинную песню вполголоса:[39]

*Много красавиц в аулах у нас,
Звезды сияют во мраке их глаз.*

*Сладко любить их, завидная доля;
Но веселей молодецкая воля.
Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены:
Он и от вихря в степи не отста-
нет,
Он не изменит, он не обманет.*

Напрасно упрашивал его Азамат согласиться, и плакал, и льстил ему, и клялся; наконец Казбич нетерпеливо прервал его:

— Поди прочь, безумный мальчишка! Где тебе ездить на моем коне? На первых трех шагах он тебя сбросит, и ты разобьешь себе затылок об камни.

— Меня? — крикнул Азамат в бешенстве, и железо детского кинжала зазвенело об кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь, и он ударился об плетень так, что плетень зашатался. «Будет потеха!» — подумал я, кинулся в конюшню, взнуздal лошадей наших и вывел их на задний двор. Через две минуты уж в сакле был ужасный гвалт. Вот что случилось: Азамат вбежал туда в разорванном бешмете, говоря, что Казбич хотел его зарезать. Все выскочили, схватились за ружья — и по-

шла потеха! Крик, шум, выстрелы; только Казбич уж был верхом и вертелся среди толпы по улице, как бес, отмахиваясь шашкой.

— Плохое дело в чужом пиру похмелье, — сказал я Григорью Александровичу, поймав его за руку, — не лучше ли нам поскорей убраться?

— Да погодите, чем кончится.

— Да уж, верно, кончится худо; у этих азиатов все так: натянулись бузы, и пошла резня! — Мы сели верхом и ускакали домой.

— А что Казбич? — спросил я нетерпеливо у штабс-капитана.

— Да что этому народу делается! — отвечал он, допивая стакан чая, — ведь ускользнул!

— И не ранен? — спросил я.

— А бог его знает! Живуци, разбойники! Видал я-с иных в деле, например: ведь весь исколот, как решето, штыками, а все махает шашкой. — Штабс-капитан после некоторого молчания продолжал, топнув ногою о землю:

— Никогда себе не прощу одного: черт меня дернул, приехав в крепость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышал, сидя за забором; он посмеялся, — такой хит-

рый! — а сам задумал кое-что.

— А что такое? Расскажите, пожалуйста.

— Ну уж нечего делать! начал рассказы-
вать, так надо продолжать.

Дня через четыре приезжает Азамат в крепость. По обыкновению, он зашел к Григорью Александровичу, который его всегда кормил лакомствами. Я был тут. Зашел разговор о лошадях, и Печорин начал расхваливать лошадь Казбича: уж такая-то она резвая, красивая, словно серна, — ну, просто, по его словам, такой и в целом мире нет.

Засверкали глазенки у татарчонка, а Печорин будто не замечает; я заговорю о другом, а он, смотришь, тотчас собьет разговор на лошадь Казбича. Эта история продолжалась всякий раз, как приезжал Азамат. Недели три спустя стал я замечать, что Азамат бледнеет и сохнет, как бывает от любви в романах-с. Что за диво?..

Вот видите, я уж после узнал всю эту штуку: Григорий Александрович до того его задразнил, что хоть в воду. Раз он ему и скажи:

— Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась эта лошадь; а не видать тебе ее как сво-

его затылка! Ну, скажи, что бы ты дал тому, кто тебе ее подарил бы?..

— Все, что он захочет, — отвечал Азамат.

— В таком случае я тебе ее достану, только с условием... Поклянись, что ты его исполнишь...

— Клянусь... Клянись и ты!

— Хорошо! Клянусь, ты будешь владеть конем; только за него ты должен отдать мне сестру Бэлу: Карагез будет тебе калымом. Надеюсь, что торг для тебя выгоден.

Азамат молчал.

— Не хочешь? Ну, как хочешь! Я думал, что ты мужчина, а ты еще ребенок: рано тебе ездить верхом...

Азамат вспыхнул.

— А мой отец? — сказал он.

— Разве он никогда не уезжает?

— Правда...

— Согласен?..

— Согласен, — прошептал Азамат, бледный как смерть. — Когда же?

— В первый раз, как Казбич приедет сюда; он обещался пригнать десяток баранов: остальное — мое дело. Смотри же, Азамат!

Вот они и сладили это дело... по правде сказать, нехорошее дело! Я после и говорил это Печорину, да только он мне отвечал, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имея такого милого мужа, как он, потому что, по-ихнему, он все-таки ее муж, а что — Казбич разбойник, которого надо было наказать. Сами посудите, что ж я мог отвечать против этого?.. Но в то время я ничего не знал об их заговоре. Вот раз приехал Казбич и спрашивает, не нужно ли баранов и меда; я велел ему привести на другой день.

— Азамат! — сказал Григорий Александрович, — завтра Карагез в моих руках; если нынче ночью Бэла не будет здесь, то не видать тебе коня...

— Хорошо! — сказал Азамат и поскакал в аул.

Вечером Григорий Александрович вооружился и выехал из крепости: как они сладили это дело, не знаю, — только ночью они оба возвратились, и часовой видел, что поперек седла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? — спросил я у штабс-капитана.

— Сейчас, сейчас. На другой день утром рано приехал Казбич и пригнал десяток баранов на продажу. Привязав лошадь у забора, он вошел ко мне; я попотчевал его чаем, потому что хотя разбойник он, а все-таки был моим кунаком.[40]

Стали мы болтать о том, о сем: вдруг, смотрю, Казбич вздрогнул, переменялся в лице — и к окну; но окно, к несчастью, выходило на задворье.

— Что с тобой? — спросил я.

— Моя лошадь!.. лошадь!.. — сказал он, весь дрожа.

Точно, я услышал топот копыт: «Это, верно, какой-нибудь казак приехал...»

— Нет! Урус яман, яман! — заревел он и опрометью бросился вон, как дикий барс. В два прыжка он был уж на дворе; у ворот крепости часовой загородил ему путь ружьем; он перескочил через ружье и кинулся бежать по дороге... Вдали вилась пыль — Азамат скакал на лихом Карагезе; на бегу Казбич выхватил из чехла ружье и выстрелил, с минуту он

остался неподвижен, пока не убедился, что дал промах; потом завизжал, ударил ружье о камень, разбил его вдребезги, повалился на землю и зарыдал, как ребенок... Вот кругом него собрался народ из крепости — он никого не замечал; постояли, потолковали и пошли назад; я велел возле его положить деньги за баранов — он их не тронул, лежал себе ничком, как мертвый. Поверите ли, он так пролежал до поздней ночи и целую ночь?.. Только на другое утро пришел в крепость и стал просить, чтоб ему назвали похитителя. Часовой, который видел, как Азамат отвязал коня и ускакал на нем, не почел за нужное скрывать. При этом имени глаза Казбича засверкали, и он отправился в аул, где жил отец Азамата.

— Что ж отец?

— Да в том-то и штука, что его Казбич не нашел: он куда-то уезжал дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

А когда отец возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрец: ведь смекнул, что не сносить ему головы, если б он попался. Так с тех пор и пропал: верно, пристал к какой-нибудь шайке абреков, да и сложил буй-

ную голову за Терекон или за Кубанью: туда и дорога!..

Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Как я только проведал, что черкешенка у Григорья Александровича, то надел эполеты, шпагу и пошел к нему.

Он лежал в первой комнате на постели, подложив одну руку под затылок, а другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замок, и ключа в замке не было. Я все это тотчас заметил... Я начал кашлять и постукивать каблуками о порог, — только он притворялся, будто не слышит.

— Господин прапорщик! — сказал я как можно строже. — Разве вы не видите, что я к вам пришел?

— Ах, здравствуйте, Максим Максимыч! Не хотите ли трубку? — отвечал он, не приподнимаясь.

— Извините! Я не Максим Максимыч: я штабс-капитан.

— Все равно. Не хотите ли чаю? Если б вы знали, какая мучит меня забота!

— Я все знаю, — отвечал я, подошед к кро-

вати.

— Тем лучше: я не в духе рассказывать.

— Господин прапорщик, вы сделали проступок, за который я могу отвечать...

— И полноте! что ж за беда? Ведь у нас давно все пополам.

— Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!..

Митька принес шпагу. Исполнив долг свой, сел я к нему на кровать и сказал:

— Послушай, Григорий Александрович, признайся, что нехорошо.

— Что нехорошо?

— Да то, что ты увез Бэлу... Уж эта мне бесстыга Азамат!.. Ну, признайся, — сказал я ему.

— Да когда она мне нравится?..

Ну, что прикажете отвечать на это?.. Я стал в тупик. Однако ж после некоторого молчания я ему сказал, что если отец станет ее требовать, то надо будет отдать.

— Вовсе не надо!

— Да он узнает, что она здесь?

— А как он узнает?

Я опять стал в тупик.

— Послушайте, Максим Максимыч! — ска-

зал Печорин, приподнявшись, — ведь вы добрый человек, — а если отдадим дочь этому дикарю, он ее зарежет или продаст. Дело сделано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— Да покажите мне ее, — сказал я.

— Она за этой дверью; только я сам нынче напрасно хотел ее видеть; сидит в углу, закутавшись в покрывало, не говорит и не смотрит: пуглива, как дикая серна. Я нанял нашу духанщицу: она знает по-татарски, будет ходить за нею и приучит ее к мысли, что она моя, потому что она никому не будет принадлежать, кроме меня, — прибавил он, ударив кулаком по столу. Я и в этом согласился... Что прикажете делать? Есть люди, с которыми непременно должно согласиться.

— А что? — спросил я у Максима Максимыча, — в самом ли деле он приучил ее к себе, или она зачахла в неволе, с тоски по родине?

— Помилуйте, отчего же с тоски по родине. Из крепости видны были те же горы, что из аула, — а этим дикарям больше ничего не надо. Да притом Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь: первые

дни она молча гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщице и возбуждали ее красноречие. Ах, подарки! чего не сделает женщина за цветную тряпичку!.. Ну, да это в сторону... Долго бился с нею Григорий Александрович; между тем учился по-татарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало-помалу она приучилась на него смотреть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напевала свои песни вполголоса, так что, бывало, и мне становилось грустно, когда слушал ее из соседней комнаты. Никогда не забуду одной сцены, шел я мимо и заглянул в окно; Бэла сидела на лежанке, повесив голову на грудь, а Григорий Александрович стоял перед нею.

— Послушай, моя пери, — говорил он, — ведь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею, — отчего же только мучишь меня? Разве ты любишь какого-нибудь чеченца? Если так, то я тебя сейчас отпущу домой. — Она вздрогнула едва приметно и покачала головой. — Или, — продолжал он, — я тебе совершенно ненавистен? — Она вздохнула. — Или твоя вера запрещает полюбить ме-

ня? — Она побледнела и молчала. — Поверь мне, Аллах для всех племен один и тот же, и если он мне позволяет любить тебя, отчего же запретит тебе платить мне взаимностью? — Она посмотрела ему пристально в лицо, как будто пораженная этой новой мыслию; в глазах ее выразились недоверчивость и желание убедиться. Что за глаза! они так и сверкали, будто два угля. — Послушай, милая, добрая Бэла! — продолжал Печорин, — ты видишь, как я тебя люблю; я все готов отдать, чтоб тебя развеселить: я хочу, чтоб ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселей?

Она призадумалась, не спуская с него черных глаз своих, потом улыбнулась ласково и кивнула головой в знак согласия. Он взял ее руку и стал ее уговаривать, чтоб она его целовала; она слабо защищалась и только повторяла: «Поджалуста, поджалуста, не нада, не нада». Он стал настаивать; она задрожала, заплакала.

— Я твоя пленница, — говорила она, — твоя раба; конечно ты можешь меня принудить, — и опять слезы.

Григорий Александрович ударил себя в лоб кулаком и выскочил в другую комнату. Я зашел к нему; он сложа руки прохаживался угрюмый взад и вперед.

— Что, батюшка? — сказал я ему.

— Дьявол, а не женщина! — отвечал он, — только я вам даю мое честное слово, что она будет моя...

Я покачал головою.

— Хотите пари? — сказал он, — через неделю!

— Извольте!

Мы ударили по рукам и разошлись.

На другой день он тотчас же отправил нарочного в Кизляр за разными покупками; привезено было множество разных персидских материй, всех не перечесть.

— Как вы думаете, Максим Максимыч! — сказал он мне, показывая подарки, — устоит ли азиатская красавица против такой батареи?

— Вы черкешенок не знаете, — отвечал я, — это совсем не то, что грузинки или закавказские татарки, совсем не то. У них свои правила: они иначе воспитаны. — Григорий

Александрович улыбнулся и стал насвистывать марш.

А ведь вышло, что я был прав: подарки подействовали только вполовину; она стала ласковее, доверчивее — да и только; так что он решился на последнее средство. Раз утром он велел оседлать лошадь, оделся по-черкесски, вооружился и вошел к ней. «Бэла! — сказал он, — ты знаешь, как я тебя люблю. Я решился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся: прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имею; если хочешь, вернись к отцу, — ты свободна. Я виноват перед тобой и должен наказать себя; прощай, я еду — куда? почему я знаю? Авось недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки; тогда вспомни обо мне и прости меня». — Он отвернулся и протянул ей руку на прощание. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я мог в щель рассмотреть ее лицо: и мне стало жаль — такая смертельная бледность покрыла это милое личико! Не слыша ответа, Печорин сделал несколько шагов к двери; он дрожал — и сказать ли вам? я думаю, он в состоянии был ис-

полнить в самом деле то, о чем говорил шутя. Таков уж был человек, бог его знает! Только едва он коснулся двери, как она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Поверите ли? я, стоя за дверью, также заплакал, то есть, знаете, не то чтобы заплакал, а так — глупость!..

Штабс-капитан замолчал.

— Да, признаюсь, — сказал он потом, теребя усы, — мне стало досадно, что никогда ни одна женщина меня так не любила.

— И продолжительно было их счастье? — спросил я.

— Да, она нам призналась, что с того дня, как увидела Печорина, он часто ей грезился во сне и что ни один мужчина никогда не производил на нее такого впечатления. Да, они были счастливы!

— Как это скучно! — воскликнул я невольно. В самом деле, я ожидал трагической развязки, и вдруг так неожиданно обмануть мои надежды!.. — Да неужели, — продолжал я, — отец не догадался, что она у вас в крепости?

— То есть, кажется, он подозревал. Спустя несколько дней узнали мы, что старик убит.

Вот как это случилось...

Внимание мое пробудилось снова.

— Надо вам сказать, что Казбич вообразил, будто Азамат с согласия отца украл у него лошадь, по крайней мере, я так полагаю. Вот он раз и дождался у дороги версты три за аулом; старик возвращался из напрасных поисков за дочерью; уздени его отстали, — это было в сумерки, — он ехал задумчиво шагом, как вдруг Казбич, будто кошка, нырнул из-за куста, прыг сзади его на лошадь, ударом кинжала свалил его наземь, схватил поводья — и был таков; некоторые уздени все это видели с пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

— Он вознаградил себя за потерю коня и отомстил, — сказал я, чтоб вызвать мнение моего собеседника.

— Конечно, по-ихнему, — сказал штабс-капитан, — он был совершенно прав.

Меня невольно поразила способность русского человека применяться к обычаям тех народов, среди которых ему случается жить; не знаю, достойно порицания или похвалы это свойство ума, только оно доказывает

неимоверную его гибкость и присутствие этого ясного здравого смысла, который прощает зло везде, где видит его необходимость или невозможность его уничтожения.

Между тем чай был выпит; давно запряженные кони продрогли на снегу; месяц бледнел на западе и готов уж был погрузиться в черные свои тучи, висящие на дальних вершинах, как клочки разодранного занавеса; мы вышли из сакли. Вопреки предсказанию моего спутника, погода прояснилась и обещала нам тихое утро; хороводы звезд чудными узорами сплетались на далеком небосклоне и одна за другою гасли по мере того, как бледноватый отблеск востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутые отлогости гор, покрытые девственными снегами. Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, клубясь и извиваясь, как змеи, сползали туда по морщинам соседних скал, будто чувствуя и пугаясь приближения дня.

Тихо было все на небе и на земле, как в сердце человека в минуту утренней молитвы; только изредка набегал прохладный ветер с

востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеем. Мы тронулись в путь; с трудом пять худых кляч тащили наши повозки по извилистой дороге на Гуд-гору; мы шли пешком сзади, подкладывая камни под колеса, когда лошади выбивались из сил; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глаз мог разглядеть, она все поднималась и наконец пропадала в облаке, которое еще с вечера отдыхало на вершине Гуд-горы, как коршун, ожидающий добычу; снег хрустел под ногами нашими; воздух становился так редок, что было больно дышать; кровь поминутно приливала в голову, но со всем тем какое-то отрадное чувство распространялось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром: чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми; все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такою, какой была некогда, и, верно, будет когда-нибудь опять. Тот, кому случалось, как мне, бродить по горам пустынным, и долго-долго всматриваться в их причудливые образы, и жадно

глотать животворящий воздух, разлитый в их ущельях, тот, конечно, поймет мое желание передать, рассказать, нарисовать эти волшебные картины. Вот наконец мы взобрались на Гуд-гору, остановились и оглянулись: на ней висело серое облако, и его холодное дыхание грозило близкой бурей; но на востоке все было так ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабс-капитан, совершенно о нем забыли... Да, и штабс-капитан: в сердцах простых чувство красоты и величия природы сильнее, живее во сто крат, чем в нас, восторженных рассказчиках на словах и на бумаге.

— Вы, я думаю, привыкли к этим великолепным картинам? — сказал я ему.

— Да-с, и к свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное биение сердца.

— Я слышал напротив, что для иных старых воинов эта музыка даже приятна.

— Разумеется, если хотите, оно и приятно; только все же потому, что сердце бьется сильнее. Посмотрите, — прибавил он, указывая на восток, — что за край!

И точно, такую панораму вряд ли где еще

удастся мне видеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя серебряными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарником; вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую, — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что кажется, тут бы и остаться жить навеки; солнце чуть показалось из-за темно-синей горы, которую только привычный глаз мог бы различить от грозовой тучи; но над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особенное внимание. «Я говорил вам, — воскликнул он, — что нынче будет погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой. Трогайтесь!» — закричал он ямщикам.

Подложили цепи под колеса вместо тормозов, чтоб они не раскатывались, взяли лошадей под уздцы и начали спускаться; направо был утес, налево пропасть такая, что целая деревушка осетин, живущих на дне ее, каза-

ласть гнездом ласточки; я содрогнулся, подумав, что часто здесь, в глухую ночь, по этой дороге, где две повозки не могут разъехаться, какой-нибудь курьер раз десять в год проезжает, не вылезая из своего тряского экипажа. Один из наших извозчиков был русский ярославский мужик, другой осетин: осетин вел коренную под уздцы со всеми возможными предосторожностями, отпрягши заранее уносных, — а наш беспечный русак даже не слез с облучка! Когда я ему заметил, что он мог бы побеспокоиться в пользу хотя моего чемодана, за которым я вовсе не желал лазить в эту бездну, он отвечал мне: «И, барин! бог даст, не хуже их доедем: ведь нам не впервые», — и он был прав: мы точно могли бы не доехать, однако ж все-таки доехали, и если б все люди побольше рассуждали, то убедились бы, что жизнь не стоит того, чтоб об ней так много заботиться...

Но, может быть, вы хотите знать окончание истории Бэлы? Во-первых, я пишу не повесть, а путевые записки; следовательно, не могу заставить штабс-капитана рассказывать прежде, нежели он начал рассказывать в са-

мом деле. Итак, погодите или, если хотите, переверните несколько страниц, только я вам этого не советую, потому что переезд через Крестовую гору (или, как называет ее ученый Гамба^{207}, le mont St.-Christophe) достоин вашего любопытства. Итак, мы спускались с Гудгоры в Чертову долину... Вот романтическое название! Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами, — не тут-то было: название Чертовой долины происходит от слова «черта», а не «черт», ибо здесь когда-то была граница Грузии. Эта долина была завалена снеговыми сугробами, напоминая нам довольно живо Саратов, Тамбов и прочие милые места нашего отечества.

— Вот и Крестовая! — сказал мне штабс-капитан, когда мы съехали в Чертову долину, указывая на холм, покрытый пеленою снега; на его вершине чернелся каменный крест, и мимо его вела едва-едва заметная дорога, по которой проезжают только тогда, когда боковая завалена снегом; наши извозчики объявили, что обвалов еще не было, и, сберегая лошадей, повезли нас кругом. При повороте встретили мы человек пять осетин; они пред-

ложили нам свои услуги и, уцепясь за колеса, с криком принялись тащить и поддерживать наши тележки. И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра оборваться в ущелье; узкая дорога частью была покрыта снегом, который в иных местах проваливался под ногами, в других превращался в лед от действия солнечных лучей и ночных морозов, так что с трудом мы сами пробирались; лошади падали; налево зияла глубокая расселина, где катился поток, то скрываясь под ледяной корою, то с пеною прыгая по черным камням. В два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору — две версты в два часа! Между тем тучи спустились, повалил град, снег; ветер, врываясь в ущелья, ревел, свистал, как Соловей-разбойник, и скоро каменный крест скрылся в тумане, которого волны, одна другой гуще и теснее, набежали с востока... Кстати, об этом кресте существует странное, но всеобщее предание, будто его поставил Император Петр I, проезжая через Кавказ; но, во-первых, Петр был только в Дагестане, и, во-вторых, на кресте написано

крупными буквами, что он поставлен по приказанию г. Ермолова, а именно в 1824 году. Но предание, несмотря на надпись, так укоренилось, что, право, не знаешь, чему верить, тем более что мы не привыкли верить надписям.

Нам должно было спустаться еще верст пять по обледеневшим скалам и топкому снегу, чтоб достигнуть станции Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудела сильнее и сильнее, точно наша родимая, северная; только ее дикие напевы были печальнее, заунывнее. «И ты, изгнанница, — думал я, — плачешь о своих широких, раздольных степях! Там есть где развернуть холодные крылья, а здесь тебе душно и тесно, как орлу, который с криком бьется о решетку железной своей клетки».

— Плохо! — говорил штабс-капитан; — посмотрите, кругом ничего не видно, только туман да снег; того и гляди, что свалимся в пропасть или засядем в трущобу, а там пониже, чай, Байдара так разыгралась, что и не передешь. Уж эта мне Азия! что люди, что реки — никак нельзя положиться!

Извозчики с криком и бранью колотили

лошадей, которые фыркали, упирались и не хотели ни за что в свете тронуться с места, несмотря на красноречие кнутов.

— Ваше благородие, — сказал наконец один, — ведь мы нынче до Коби не доедем; не прикажете ли, покамест можно, сверотить налево? Вон там что-то на косогоре чернеется — верно, сакли: там всегда-с проезжающие останавливаются в погоду; они говорят, что проведут, если дадите на водку, — прибавил он, указывая на осетина.

— Знаю, братец, знаю без тебя! — сказал штабс-капитан, — уж эти бестии! рады придраться, чтоб сорвать на водку.

— Признайтесь, однако, — сказал я, — что без них нам было бы хуже.

— Все так, все так, — пробормотал он, — уж эти мне проводники! чутьем слышат, где можно попользоваться, будто без них и нельзя найти дороги.

Вот мы и свернули налево и кое-как, после многих хлопот, добрались до скудного приюта, состоящего из двух саклей, сложенных из плит и булыжника и обведенных такою же стеною; оборванные хозяева приняли нас ра-

душно. Я после узнал, что правительство им платит и кормит их с условием, чтоб они принимали путешественников, застигнутых бурей.

— Все к лучшему! — сказал я, присев у огня, — теперь вы мне доскажете вашу историю про Бэлу; я уверен, что этим не кончилось.

— А почему ж вы так уверены? — отвечал мне штабс-капитан, примигивая с хитрой улыбкою...

— Оттого, что это не в порядке вещей: что началось необыкновенным образом, то должно так же и кончиться.

— Ведь вы угадали...

— Очень рад.

— Хорошо вам радоваться, а мне так, право, грустно, как вспомню. Славная была девочка, эта Бэла! Я к ней наконец так привык, как к дочери, и она меня любила. Надо вам сказать, что у меня нет семейства: об отце и матери я лет двенадцать уж не имею известия, а заpastись женой не догадался раньше, — так теперь уж, знаете, и не к лицу; я и рад был, что нашел кого баловать. Она, бывало, нам поет песни иль пляшет лезгинку... А

уж как плясала! видал я наших губернских барышень, я раз был-с и в Москве в благородном собрании, лет двадцать тому назад, — только куда им! совсем не то!.. Григорий Александрович наряжал ее, как куколку, холил и лелеял; и она у нас так похорошела, что чудо; с лица и с рук сошел загар, румянец разыгрался на щеках... Уж какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... бог ей прости!..

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго от нее это скрывали, пока она не привыкла к своему положению; а когда сказали, так она дня два поплакала, а потом забыла.

Месяца четыре все шло как нельзя лучше. Григорий Александрович, я уж, кажется, говорил, страстно любил охоту: бывало, так его в лес и подмывает за кабанамии или козами, — а тут хоть бы вышел за крепостной вал. Вот, однако же, смотрю, он стал снова задумываться, ходит по комнате, загнув руки назад; потом раз, не сказав никому, отправился стрелять, — целое утро пропадал; раз и другой,

все чаще и чаще... «Нехорошо, — подумал я, верно между ними черная кошка проскочила!»

Одно утро захожу к ним — как теперь перед глазами: Бэла сидела на кровати в черном шелковом бешмете, бледненькая, такая печальная, что я испугался.

— А где Печорин? — спросил я.

— На охоте.

— Сегодня ушел? — Она молчала, как будто ей трудно было выговорить.

— Нет, еще вчера, — наконец сказала она, тяжело вздохнув.

— Уж не случилось ли с ним чего?

— Я вчера целый день думала, — отвечала она сквозь слезы, — придумывала разные несчастья: то казалось мне, что его ранил дикий кабан, то чеченец утащил в горы... А нынче мне уж кажется, что он меня не любит.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать! — Она заплакала, потом с гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если он меня не любит, то кто ему мешает отослать меня домой? Я его не принуж-

даю. А если это так будет продолжаться, то я сама уйду: я не раба его — я княжеская дочь!..

Я стал ее уговаривать.

— Послушай, Бэла, ведь нельзя же ему век сидеть здесь как пришитому к твоей юбке: он человек молодой, любит погоняться за дичью, — походит, да и придет; а если ты будешь грустить, то скорей ему наскучишь.

— Правда, правда! — отвечала она, — я буду весела. — И с хохотом схватила свой бубен, начала петь, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно; она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

Что было с нею мне делать? Я, знаете, никогда с женщинами не обращался: думал, думал, чем ее утешить, и ничего не придумал; несколько времени мы оба молчали... Пренеприятное положение-с!

Наконец я ей сказал: «Хочешь, пойдем прогуляться на вал? погода славная!» Это было в сентябре; и точно, день был чудесный, светлый и не жаркий; все горы видны были как на блюдечке. Мы пошли, походили по крепостному валу взад и вперед, молча; наконец

она села на дерн, и я сел возле нее. Ну, право, вспомнить смешно: я бегал за нею, точно как-кая-нибудь нянька.

Крепость наша стояла на высоком месте, и вид был с вала прекрасный; с одной стороны широкая поляна, изрытая несколькими балками[41], оканчивалась лесом, который тянулся до самого хребта гор; кое-где на ней дымились аулы, ходили табуны; с другой — бежала мелкая речка, и к ней примыкал частый кустарник, покрывавший кремнистые возвышенности, которые соединялись с главной цепью Кавказа. Мы сидели на углу бастиона, так что в обе стороны могли видеть все. Вот смотрю: из леса выезжает кто-то на серой лошади, все ближе и ближе и, наконец, остановился по ту сторону речки, саженьях во сте от нас, и начал кружить лошадь свою как бешеный. Что за притча!..

— Посмотри-ка, Бэла, — сказал я, — у тебя глаза молодые, что это за джигит: кого это он приехал тешить?..

Она взглянула и вскрикнула:

— Это Казбич!..

— Ах он разбойник! смеяться, что ли, прие-

хал над нами? — Всмотриваюсь, точно Казбич: его смуглая рожа, оборванный, грязный как всегда.

— Это лошадь отца моего, — сказала Бэла, схватив меня за руку; она дрожала, как лист, и глаза ее сверкали. «Ага! — подумал я, — и в тебе, душенька, не молчит разбойничья кровь!»

— Подойди-ка сюда, — сказал я часовому, — осмотри ружье да ссади мне этого молодца, — получишь рубль серебром.

— Слушаю, ваше высокоблагородие; только он не стоит на месте...

— Прикажи! — сказал я, смеясь...

— Эй, любезный! — закричал часовой, махая ему рукой, — подожди маленько, что ты крутишься, как волчок?

Казбич остановился в самом деле и стал вслушиваться: верно, думал, что с ним заводят переговоры, — как не так!.. Мой гренадер приложился... бац!.. мимо, — только что порох на полке вспыхнул; Казбич толкнул лошадь, и она дала скачок в сторону. Он привстал на стременах, крикнул что-то по-своему, пригрозил нагайкой — и был таков.

— Как тебе не стыдно! — сказал я часовому.

— Ваше высокоблагородие! умирать отправился, — отвечал он, — такой проклятый народ, сразу не убьешь.

Четверть часа спустя Печорин вернулся с охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствие... Даже я уж на него рассердился.

— Помилуйте, — говорил я, — ведь вот сейчас тут был за речкою Казбич, и мы по нему стреляли; ну, долго ли вам на него наткнуться? Эти горцы народ мстительный: вы думаете, что он не догадывается, что вы частью помогли Азамату? А я бьюсь об заклад, что нынче он узнал Бэлу. Я знаю, что год тому назад она ему больно нравилась — он мне сам говорил, — и если б надеялся собрать порядочный калым, то, верно, бы посватался...

Тут Печорин задумался. «Да, — отвечал он, — надо быть осторожнее... Бэла, с нынешнего дня ты не должна более ходить на крепостной вал».

Вечером я имел с ним длинное объяснение: мне было досадно, что он переменялся к

этой бедной девочке; кроме того, что он половину дня проводил на охоте, его обращение стало холодно, ласкал он ее редко, и она заметно начинала сохнуть, личико ее вытянулось, большие глаза потускнели. Бывало, спросишь: «О чем ты вздохнула, Бэла? ты печальна?» — «Нет!» — «Тебе чего-нибудь хочется?» — «Нет!» — «Ты тоскуешь по родным?» — «У меня нет родных». Случалось, по целым дням, кроме «да» да «нет», от нее ничего больше не добьешься.

Вот об этом-то я и стал ему говорить. «Послушайте, Максим Максимыч, — отвечал он, — у меня несчастный характер; воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастья других, то и сам не менее несчастлив; разумеется, это им плохое утешение — только дело в том, что это так. В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество

мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим, — но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться — науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят ни сколько, потому что самые счастливые люди — невежды, а слава — удача, и чтоб добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями — напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимание на комаров, — и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду. Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и простосердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой. Если вы

хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдам жизнь, — только мне с нею скучно... Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: к печали я также легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать. Как только будет можно, отправлюсь — только не в Европу, избави боже! — поеду в Америку, в Аравию, в Индию, — авось где-нибудь умру на дороге! По крайней мере я уверен, что это последнее утешение не скоро истощится, с помощью бурь и дурных дорог». Так он говорил долго, и его слова врезались у меня в памяти, потому что в первый раз я слышал такие вещи от двадцатипятилетнего человека, и, бог даст, в последний... Что за диво! Скажите-ка, пожалуйста, — продолжал штабс-капитан, обращаясь ко мне. — Вы вот, кажется, бывали в столице, и недавно: неужели тамошная молодежь вся такова?

Я отвечал, что много есть людей, говорящих то же самое; что есть, вероятно, и такие, которые говорят правду; что, впрочем, разочарование, как все моды, начав с высших слоев общества, спустилось к низшим, которые его донашивают, и что нынче те, которые больше всех и в самом деле скучают, стараются скрыть это несчастье, как порок. Штабс-капитан не понял этих тонкостей, покачал головою и улыбнулся лукаво:

— А всё, чай, французы ввели моду скучать?

— Нет, англичане.

— А-га, вот что!.. — отвечал он, — да ведь они всегда были отъявленные пьяницы!

Я невольно вспомнил об одной московской барыне, которая утверждала, что Байрон был больше ничего, как пьяница. Впрочем, замечание штабс-пакитана было извинительнее: чтоб воздерживаться от вина, он, конечно, старался уверять себя, что все в мире несчастья происходят от пьянства.

Между тем он продолжал свой рассказ таким образом:

— Казбич не являлся снова. Только не

знаю почему, я не мог выбить из головы мысль, что он недаром приезжал и затевает что-нибудь худое.

Вот раз уговаривает меня Печорин ехать с ним на кабана; я долго отнекивался: ну, что мне был за диковинка кабан! Однако ж утащил-таки он меня с собой. Мы взяли человек пять солдат и уехали рано утром. До десяти часов шныряли по камышам и по лесу, — нет зверя. «Эй, не воротиться ли? — говорил я, — к чему упрямитесь? Уж, видно, такой задался несчастный день!» Только Григорий Александрович, несмотря на зной и усталость, не хотел воротиться без добычи, таков уж был человек: что задумает, подавай; видно, в детстве был маменькой избалован... Наконец в полдень отыскали проклятого кабана: паф! паф!.. не тут-то было: ушел в камыши... такой уж был несчастный день! Вот мы, отдохнув маленько, отправились домой.

Мы ехали рядом, молча, распустив поводья, и были уж почти у самой крепости: только кустарник закрывал ее от нас. Вдруг выстрел... Мы взглянули друг на друга: нас поразило одинаковое подозрение... Опрометью по-

скакали мы на выстрел — смотрим: на валу солдаты собрались в кучу и указывают в поле, а там летит стремглав всадник и держит что-то белое на седле. Григорий Александрович взвизгнул не хуже любого чеченца; ружье из чехла — и туда; я за ним.

К счастью, по причине неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались из-под седла, и с каждым мгновением мы были все ближе и ближе... И наконец я узнал Казбича, только не мог разобрать, что такое он держал перед собою. Я тогда поравнялся с Печориным и кричу ему: «Это Казбич!..» Он посмотрел на меня, кивнул головою и ударил коня плетью.

Вот наконец мы были уж от него на ружейный выстрел; измучена ли была у Казбича лошадь или хуже наших, только, несмотря на все его старания, она не больно подавалась вперед. Я думаю, в эту минуту он вспомнил своего Карагеза...

Смотрю: Печорин на скаку приложился из ружья... «Не стреляйте! — кричу я ему. — берегите заряд; мы и так его догоним». Уж эта молодежь! вечно некстати горячится... Но вы-

стрел раздался, и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сделала еще прыжков десять, споткнулась и упала на колени; Казбич соскочил, и тогда мы увидели, что он держал на руках своих женщину, окутанную чадрою... Это была Бэла... бедная Бэла! Он что-то нам закричал по-своему и занес над нею кинжал... Медлить было нечего: я выстрелил, в свою очередь, наудачу; верно, пуля попала ему в плечо, потому что вдруг он опустил руку... Когда дым рассеялся, на земле лежала раненая лошадь и возле нее Бэла; а Казбич, бросив ружье, по кустарникам, точно кошка, карабкался на утес; хотелось мне его снять оттуда — да не было заряда готового! Мы соскочили с лошадей и кинулись к Бэле. Бедняжка, она лежала неподвижно, и кровь лилась из раны ручьями... Такой злодей; хоть бы в сердце ударил — ну, так уж и быть, одним разом все бы кончил, а то в спину... самый разбойничий удар! Она была без памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану как можно туже; напрасно Печорин целовал ее холодные губы — ничто не могло привести ее в себя.

Печорин сел верхом; я поднял ее с земли и

кое-как посадил к нему на седло; он обхватил ее рукой, и мы поехали назад. После нескольких минут молчания Григорий Александрович сказал мне: «Послушайте, Максим Максимыч, мы этак ее не довезем живую». — «Правда!» — сказал я, и мы пустили лошадей во весь дух. Нас у ворот крепости ожидала толпа народа; осторожно перенесли мы раненую к Печорину и послали за лекарем. Он был хотя пьян, но пришел: осмотрел рану и объявил, что она больше дня жить не может; только он ошибся...

— Выздоровела? — спросил я у штабс-капитана, схватив его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нет, — отвечал он, — а ошибся лекарем, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мне, каким образом ее похитил Казбич?

— А вот как: несмотря на запрещение Печорина, она вышла из крепости к речке. Было, знаете, очень жарко; она села на камень и опустила ноги в воду. Вот Казбич подкрался, — цап-царап ее, зажал рот и потащил в кусты, а там вскочил на коня, да и тягу! Она

между тем успела закричать, часовые всполошились, выстрелили, да мимо, а мы тут и поспешили.

— Да зачем Казбич ее хотел увезти?

— Помилуйте, да эти черкесы известный воровской народ: что плохо лежит, не могут не стянуть; другое и ненужно, а все украдет... уж в этом прошу их извинить! Да притом она ему давно-таки нравилась.

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы уж с нею измучились порядком. Около десяти часов вечера она пришла в себя; мы сидели у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина. — «Я здесь, подле тебя, моя джанечка (то есть, по-нашему, душенька)», — отвечал он, взяв ее за руку. «Я умру!» — сказала она. Мы начали ее утешать, говорили, что лекарь обещал ее вылечить непременно; она покачала головой и отвернулась к стене: ей не хотелось умирать!..

Ночью она начала бредить; голова ее горела, по всему телу иногда пробегала дрожь лихорадки; она говорила несвязные речи об отце, брате: ей хотелось в горы, домой... Потом

она также говорила о Печорине, давала ему разные нежные названия или упрекала его в том, что он разлюбил свою джанечку...

Он слушал ее молча, опустив голову на руки; но только я во все время не заметил ни одной слезы на ресницах его: в самом ли деле он не мог плакать, или владел собою — не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывал.

К утру бред прошел; с час она лежала неподвижная, бледная, и в такой слабости, что едва можно было заметить, что она дышит; потом ей стало лучше, и она начала говорить, только как вы думаете о чем?.. Этакая мысль придет ведь только умирающему!.. Начала печалиться о том, что она не христианка, и что на том свете душа ее никогда не встретится с душою Григория Александровича, и что иная женщина будет в раю его подругой. Мне пришло на мысль окрестить ее перед смертью; я ей это предложил; она посмотрела на меня в нерешимости и долго не могла слова вымолвить; наконец отвечала, что она умрет в той вере, в какой родилась. Так прошел целый день. Как она переменялась в этот день!

бледные щеки впали, глаза сделались большие, губы горели. Она чувствовала внутренний жар, как будто в груди у ней лежала раскаленное железо.

Настала другая ночь; мы не смыкали глаз, не отходили от ее постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только что боль начинала утихать, она старалась уверить Григория Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, целовала его руку, не выпускала ее из своих. Перед утром стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбивала перевязку, и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтоб он ее поцеловал. Он стал на колени возле кровати, приподнял ее голову с подушки и прижал свои губы к ее холодеющим губам; она крепко обвила его шею дрожащими руками, будто в этом поцелуе хотела передать ему свою душу... Нет, она хорошо сделала, что умерла: ну, что бы с ней случилось, если б Григорий Александрович ее покинул? А это бы случилось, рано или поздно...

Половину следующего дня она была тиха,

молчалива и послушна, как ни мучил ее наш лекарь припарками и микстурой. «Помилуйте, — говорил я ему, — ведь вы сами сказали, что она умрет непременно, так зачем тут все ваши препараты?» — «Все-таки лучше, Максим Максимыч, — отвечал он, — чтоб совесть была покойна». Хороша совесть!

После полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна — но на дворе было жарче, чем в комнате; поставили льду около кровати — ничего не помогало. Я знал, что эта невыносимая жажда — признак приближения конца, и сказал это Печорину. «Воды, воды!..» — говорила она хриплым голосом, приподнявшись с постели.

Он сделался бледен как полотно, схватил стакан, налил и подал ей. Я закрыл глаза руками и стал читать молитву, не помню какую... Да, батюшка, видал я много, как люди умирают в гошпиталях и на поле сражения, только это все не то, совсем не то!.. Еще, признаться, меня вот что печалит: она перед смертью ни разу не вспомнила обо мне; а кажется, я ее любил как отец... ну да бог ее простит!.. И вправду молвить: что ж я такое, чтоб

обо мне вспоминать перед смертью?

Только что она испила воды, как ей стало легче, а минуты через три она скончалась. Приложили зеркало к губам — гладко!.. Я вывел Печорина вон из комнаты, и мы пошли на крепостной вал; долго мы ходили взад и вперед рядом, не говоря ни слова, загнув руки на спину; его лицо ничего не выражало особенного, и мне стало досадно: я бы на его месте умер с горя. Наконец он сел на землю, в тени, и начал что-то чертить палочкой на песке. Я, знаете, больше для приличия хотел утешить его, начал говорить; он поднял голову и засмеялся... У меня мороз пробежал по коже от этого смеха... Я пошел заказывать гроб.

Признаться, я частью для развлечения занялся этим. У меня был кусок термаламы, я обил ею гроб и украсил его черкесскими серебряными галунами, которых Григорий Александрович накупил для нее же.

На другой день рано утром мы ее похоронили за крепостью, у речки, возле того места, где она в последний раз сидела; кругом ее могилки теперь разрослись кусты белой акации

и бузины. Я хотел было поставить крест, да, знаете, неловко: все-таки она была не христианка...

— А что Печорин? — спросил я.

— Печорин был долго нездоров, исхудал, бедняжка; только никогда с этих пор мы не говорили о Бэле: я видел, что ему будет неприятно, так зачем же? Месяца три спустя его назначили в Е...й полк, и он уехал в Грузию. Мы с тех пор не встречались, да помнится, кто-то недавно мне говорил, что он возвратился в Россию, но в приказах по корпусу не было. Впрочем, до нашего брата вести поздно доходят.

Тут он пустился в длинную диссертацию о том, как неприятно узнавать новости годом позже — вероятно, для того, чтоб заглушить печальные воспоминания.

Я не перебивал его и не слушал.

Через час явилась возможность ехать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завел речь о Бэле и о Печорине.

— А не слыхали ли вы, что сделалось с Казбичем? — спросил я.

— С Казбичем? А, право, не знаю... Слышал я, что на правом фланге у шапсугов есть какой-то Казбич, удалец, который в красном бешмете разъезжает шажком под нашими выстрелами и превежливо раскланивается, когда пуля прожужжит близко; да вряд ли это тот самый!..

В Коби мы расстались с Максимом Максимычем; я поехал на почтовых, а он, по причине тяжелой поклажи, не мог за мной следовать. Мы не надеялись никогда более встретиться, однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это целая история... Сознайтесь, однако ж, что Максим Максимыч человек достойный уважения?.. Если вы сознаетесь в этом, то я вполне буду вознагражден за свой, может быть, слишком длинный рассказ.

II. Максим Максимыч

Расставшись с Максимом Максимычем, я живо проскакал Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракал в Казбеке, чай пил в Ларсе, а к ужину поспел в Владыкавказ. Избавлю вас от описания гор, от возгласов, которые ничего не выражают, от картин, которые ничего не изображают, особенно для тех, которые там

не были, и от статистических замечаний, которые решительно никто читать не станет.

Я остановился в гостинице, где останавливаются все проезжие и где между тем некому велеть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которым она поручена, так глупы или так пьяны, что от них никакого толка нельзя добиться.

Мне объявили, что я должен прожить тут еще три дня, ибо «оказия» из Екатеринограда еще не пришла и, следовательно, отправляться обратно не может. Что за оказия!.. но дурной каламбур не утешение для русского человека, и я, для развлечения вздумал записывать рассказ Максима Максимыча о Бэле, не воображая, что он будет первым звеном длинной цепи повестей; видите, как иногда маловажный случай имеет жестокие последствия!.. А вы, может быть, не знаете, что такое «оказия»? Это прикрытие, состоящее из полроты пехоты и пушки, с которыми ходят обозы через Кабарду из Владыкавказ в Екатериноград.

Первый день я провел очень скучно; на другой рано утром въезжает на двор повоз-

ка... А! Максим Максимыч!.. Мы встретились как старые приятели. Я предложил ему свою комнату. Он не церемонился, даже ударил меня по плечу и скривил рот на манер улыбки. Такой чудак!..

Максим Максимыч имел глубокие сведения в поваренном искусстве: он удивительно хорошо зажарил фазана, удачно полил его огуречным рассолом, и я должен признаться, что без него пришлось бы остаться на суходождении. Бутылка кахетинского помогла нам забыть о скромном числе блюд, которых было всего одно, и, закурив трубки, мы уселись: я у окна, он у затопленной печи, потому что день был сырой и холодный. Мы молчали. Об чем было нам говорить?.. Он уж рассказал мне об себе все, что было занимательного, а мне было нечего рассказывать. Я смотрел в окно. Множество низеньких домиков, разбросанных по берегу Терека, который разбегается все шире и шире, мелькали из-за деревьев, а дальше синелись зубчатою стеной горы, из-за них выглядывал Казбек в своей белой кардинальской шапке. Я с ними мысленно прощался: мне стало их жалко...

Так сидели мы долго. Солнце пряталось за холодные вершины, и беловатый туман начал расходиться в долинах, когда на улице раздался звон дорожного колокольчика и крик извозчиков. Несколько повозок с грязными армянами въехало на двор гостиницы и за ними пустая дорожная коляска; ее легкий ход, удобное устройство и щегольской вид имели какой-то заграничный отпечаток. За нею шел человек с большими усами, в венгерке, довольно хорошо одетый для лакея; в его звании нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, с которой он вытряхивал золу из трубки и покрикивал на ямщика. Он был явно балованный слуга ленивого барина — нечто вроде русского Фигаро.

— Скажи, любезный, — закричал я ему в окно, — что это — оказия пришла, что ли?

Он посмотрел довольно дерзко, поправил галстук и отвернулся; шедший подле него армянин, улыбаясь, отвечал за него, что точно пришла оказия и завтра утром отправится обратно.

— Слава богу! — сказал Максим Максимыч, подошедший к окну в это время. — Экая

чудная коляска! — прибавил он, — верно какой-нибудь чиновник едет на следствие в Тифлис. Видно, не знает наших горок! Нет, шутишь, любезный: они не свой брат, растрясут хоть английскую!

— А кто бы это такое был — пойдемте-ка узнать...

Мы вышли в коридор. В конце коридора была отворена дверь в боковую комнату. Лакей с извозчиком перетаскивали в нее чемоданы.

— Послушай, братец, — спросил у него штабс-капитан, — чья эта чудесная коляска?.. а?.. Прекрасная коляска!.. — Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан. Максим Максимыч рассердился; он тронул неучтивца по плечу и сказал: — Я тебе говорю, любезный...

— Чья коляска?.. моего господина...

— А кто твой господин?

— Печорин...

— Что ты? что ты? Печорин?.. Ах, Боже мой!.. да не служил ли он на Кавказе?.. — воскликнул Максим Максимыч, дернув меня за рукав. У него в глазах сверкала радость.

— Служил, кажется, — да я у них недавно.

— Ну так!.. так!.. Григорий Александрович?.. Так ведь его зовут?.. Мы с твоим барином были приятели, — прибавил он, ударив дружески по плечу лакея, так что заставил его пошатнуться...

— Позвольте, сударь, вы мне мешаете, — сказал тот, нахмурившись.

— Экой ты, братец!.. Да знаешь ли? мы с твоим барином были друзья закадычные, жили вместе... Да где же он сам остался?..

Слуга объявил, что Печорин остался ужинать и ночевать у полковника Н...

— Да не зайдет ли он вечером сюда? — сказал Максим Максимыч, — или ты, любезный, не пойдешь ли к нему за чем-нибудь?.. Коли пойдешь, так скажи, что здесь Максим Максимыч; так и скажи... уж он знает... Я тебе дам восьмигривенный на водку...

Лакей сделал презрительную мину, слыша такое скромное обещание, однако уверил Максима Максимыча, что он исполнит его поручение.

— Ведь сейчас прибежит!.. — сказал мне Максим Максимыч с торжествующим ви-

дом, — пойду за ворота его дожидаться... Эх! жалко, что я не знаком с Н...

Максим Максимыч сел за воротами на скамейку, а я ушел в свою комнату. Признаться, я также с некоторым нетерпением ждал появления этого Печорина; по рассказу штабс-капитана, я составил себе о нем не очень выгодное понятие, однако некоторые черты в его характере показались мне замечательными. Через час инвалид принес кипящий самовар и чайник.

— Максим Максимыч, не хотите ли чаю? — закричал я ему в окно.

— Благодарствуйте; что-то не хочется.

— Эй, выпейте! Смотрите, ведь уж поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, как угодно! — Я стал пить чай один; минут через десять входит мой старик:

— А ведь вы правы: все лучше выпить чайку, — да я все ждал... Уж человек его давно к нему пошел, да, видно, что-нибудь задержало.

Он наскоро выхлебнул чашку, отказался от второй и ушел опять за ворота в каком-то беспокойстве: явно было, что старика огорчало

небрежение Печорина, и тем более, что он мне недавно говорил о своей с ним дружбе и еще час тому назад был уверен, что он прибежит, как только услышит его имя.

Уже было поздно и темно, когда я снова отворил окно и стал звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; он что-то пробормотал сквозь зубы; я повторил приглашение, — он ничего не отвечал.

Я лег на диван, завернувшись в шинель и оставив свечу на лежанке, скоро задремал и проспал бы спокойно, если б, уж очень поздно, Максим Максимыч, взойдя в комнату, не разбудил меня. Он бросил трубку на стол, стал ходить по комнате, шевырять в печи, наконец лег, но долго кашлял, плевал, ворочался...

— Не клопы ли вас кусают? — спросил я.

— Да, клопы... — отвечал он, тяжело вздохнув.

На другой день утром я проснулся рано; но Максим Максимыч предупредил меня. Я нашел его у ворот, сидящего на скамейке. «Мне надо сходить к коменданту, — сказал он, — так пожалуйста, если Печорин придет, при-

шлите за мной...»

Я обещался. Он побежал, как будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свежее, но прекрасное. Золотые облака громоздились на горах, как новый ряд воздушных гор; перед воротами расстилалась широкая площадь; за нею базар кипел народом, потому что было воскресенье; босые мальчишки-осетины, неся за плечами котомки с сотовым медом, вертелись вокруг меня; я их прогнал: мне было не до них, я начинал разделять беспокойство доброго штабс-капитана.

Не прошло десяти минут, как на конце площади показался тот, которого мы ожидали. Он шел с полковником Н..., который, доведя его до гостиницы, простился с ним и повернул в крепость. Я тотчас же послал инвалида за Максимом Максимычем.

Навстречу Печорина вышел его лакей и доложил, что сейчас станут закладывать, подал ему ящик с сигарами и, получив несколько приказаний, отправился хлопотать. Его господин, закурив сигару, зевнул раза два и сел на скамью по другую сторону ворот. Те-

перь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен худобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хочу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость:

он сидел, как сидит бальзакова тридцатилетняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы его и брови были черные — признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади. Чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак —

или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его — непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен. Все эти замечания пришли мне на ум, может быть, только потому, что я знал некоторые подробности его жизни, и, может быть, на другого вид его произвел бы совершенно различное впечатление; но так как вы о нем не услышите ни от кого, кроме меня, то поневоле должны довольствоваться этим изображением. Скажу в заключение, что он был вообще очень недурен и имел одну из тех оригинальных физиономий, которые особенно нравятся женщинам светским.

Лошади были уже заложены; колокольчик по временам звенел под дугою, и лакей уже два раза подходил к Печорину с докладом,

что все готово, а Максим Максимыч еще не являлся. К счастью, Печорин был погружен в задумчивость, глядя на синие зубцы Кавказа, и кажется, вовсе не торопился в дорогу. Я подошел к нему.

— Если вы захотите еще немного подождать, — сказал я, — то будете иметь удовольствие увидаться с старым приятелем...

— Ах, точно! — быстро отвечал он, — мне вчера говорили: но где же он? — Я обернулся к площади и увидел Максима Максимыча, бегущего что было мочи... Через несколько минут он был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его; колени его дрожали... он хотел кинуться на шею Печорину, но тот довольно холодно, хотя с приветливой улыбкой, протянул ему руку. Штабс-капитан на минуту остолбенел, но потом жадно схватил его руку обеими руками: он еще не мог говорить.

— Как я рад, дорогой Максим Максимыч. Ну, как вы поживаете? — сказал Печорин.

— А... ты?.. а вы? — пробормотал со слеза-

ми на глазах старик... — сколько лет... сколько дней... да куда это?..

— Еду в Персию — и дальше...

— Неужто сейчас?.. Да подождите, дражайший!.. Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...

— Мне пора, Максим Максимыч, — был ответ.

— Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?.. Мне столько бы хотелось вам сказать... столько расспросить... Ну что? в отставку?.. как?.. что подельвали?..

— Скучал! — отвечал Печорин, улыбаясь.

— А помните наше житье-бытье в крепости? Славная страна для охоты!.. Ведь вы были страстный охотник стрелять... А Бэла?..

Печорин чуть-чуть побледнел и отвернулся...

— Да, помню! — сказал он, почти тотчас принужденно зевнув...

Максим Максимыч стал его упрашивать остаться с ним еще часа два.

— Мы славно пообедаем, — говорил он, — у меня есть два фазана; а кахетинское здесь прекрасное... разумеется, не то, что в Грузии,

однако лучшего сорта... Мы поговорим... вы мне расскажете про свое житье в Петербурге... А?

— Право, мне нечего рассказывать, дорогой Максим Максимыч... Однако прощайте, мне пора... я спешу... Благодарю, что не забыли... — прибавил он, взяв его за руку.

Старик нахмурил брови... он был печален и сердит, хотя старался скрыть это.

— Забыть! — проворчал он, — я-то не забыл ничего... Ну, да бог с вами!.. Не так я думал с вами встретиться...

— Ну полно, полно! — сказал Печорин, обняв его дружески, — неужели я не тот же?.. Что делать?.. всякому своя дорога... Удастся ли еще встретиться, — бог знает!.. — Говоря это, он уже сидел в коляске, и ямщик уже начал подбирать вожжи.

— Постой, постой! — закричал вдруг Максим Максимыч, ухватясь за дверцы коляски, — совсем было позабыл... У меня остались ваши бумаги, Григорий Александрович... я их таскаю с собой... думал найти вас в Грузии, а вот где бог дал свидеться... Что мне с ними делать?..

— Что хотите! — отвечал Печорин. — Прощайте...

— Так вы в Персию?.. а когда вернетесь?.. — кричал вслед Максим Максимыч...

Коляска была уж далеко; но Печорин сделал знак рукой, который можно было перевести следующим образом: вряд ли! да и зачем?..

Давно уж не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой дороге, — а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости.

— Да, — сказал он наконец, стараясь принять равнодушный вид, хотя слеза досады по временам сверкала на его ресницах, — конечно, мы были приятели, — ну, да что приятели в нынешнем веке!.. Что ему во мне? Я не богат, не чиновен, да и по летам совсем ему не пара... Вишь, каким он франтом сделался, как побывал опять в Петербурге... Что за коляска!.. сколько поклажи!.. и лакей такой гордый!.. — Эти слова были произнесены с иронической улыбкой. — Скажите, — продолжал он, обратясь ко мне, — ну что вы об этом думаете?.. ну, какой бес несет его теперь в Пер-

сию?.. Смешно, ей-богу, смешно!.. Да я всегда знал, что он ветреный человек, на которого нельзя надеяться... А, право, жаль, что он дурно кончит... да и нельзя иначе!.. Уж я всегда говорил, что нет проку в том, кто старых друзей забывает!.. — Тут он отвернулся, чтоб скрыть свое волнение, пошел ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматривает колеса, тогда как глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максим Максимыч, — сказал я, подойдя к нему, — а что это за бумаги вам оставил Печорин?

— А бог его знает! какие-то записки...

— Что вы из них сделаете?

— Что? а велю наделать патронов.

— Отдайте их лучше мне.

Он посмотрел на меня с удивлением, проворчал что-то сквозь зубы и начал рыться в чемодане; вот он вынул одну тетрадку и бросил ее с презрением на землю; потом другая, третья и десятая имели ту же участь: в его досаде было что-то детское; мне стало смешно и жалко...

— Вот они все, — сказал он, — поздравляю

вас с находкою...

— И я могу делать с ними все, что хочу?

— Хоть в газетах печатайте. Какое мне дело?.. Что, я разве друг его какой?.. или родственник? Правда, мы жили долго под одной кровлей... А мало ли с кем я не жил?..

Я схватил бумаги и поскорее унес их, боясь, чтоб штабс-капитан не раскаялся. Скоро пришли нам объявить, что через час тронется оказия; я велел закладывать. Штабс-капитан вошел в комнату в то время, когда я уже надевал шапку; он, казалось, не готовился к отъезду; у него был какой-то принужденный, холодный вид.

— А вы, Максим Максимыч, разве не едете?

— Нет-с.

— А что так?

— Да я еще коменданта не видал, а мне надо сдать ему кой-какие казенные вещи...

— Да ведь вы же были у него?

— Был, конечно, — сказал он, заминаясь — да его дома не было... а я не дождался.

Я понял его: бедный старик, в первый раз от роду, может быть, бросил дела службы для

собственной надобности, говоря языком бумажным, — и как же он был награжден!

— Очень жаль, — сказал я ему, — очень жаль, Максим Максимыч, что нам до срока надо расстаться.

— Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться!.. Вы молодежь светская, гордая: еще пока здесь, под черкесскими пулями, так вы туда-сюда... а после встретишься, так стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужил этих упреков, Максим Максимыч.

— Да я, знаете, так, к слову говорю: а впрочем, желаю вам всякого счастья и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном! И отчего? Оттого, что Печорин в рассеянности или от другой причины протянул ему руку, когда тот хотел кинуться ему на шею! Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда пред ним отдергивается розовый флер, сквозь который он смотрел на дела и чувства человеческие, хотя есть надежда, что

он заменит старые заблуждения новыми, не менее проходящими, но зато не менее сладкими... Но чем их заменить в лета Максима Максимыча? Поневоле сердце очерствеет и душа закроется...

Я уехал один.

Журнал Печорина Предисловие

Недавно я узнал, что Печорин, возвращаясь из Персии, умер. Это известие меня очень обрадовало: оно давало мне право печатать эти записки, и я воспользовался случаем поставить имя над чужим произведением. Дай бог, чтоб читатели меня не наказали за такой невинный подлог!

Теперь я должен несколько объяснить причины, побудившие меня предать публике сердечные тайны человека, которого я никогда не знал. Добро бы я был еще его другом: коварная нескромность истинного друга понятна каждому; но я видел его только раз в моей жизни на большой дороге, следовательно, не могу питать к нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь под личиною дружбы, ожидает только смерти или несчастья

любимого предмета, чтоб разразиться над его головою градом упреков, советов, насмешек и сожалений.

Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставил наружу собственные слабости и пороки. История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она — следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление. Исповедь Руссо имеет уже недостаток, что он читал ее своим друзьям.

Итак, одно желание пользы заставило меня напечатать отрывки из журнала, доставшегося мне случайно. Хотя я переменял все собственные имена, но те, о которых в нем говорится, вероятно себя узнают, и, может быть, они найдут оправдания поступкам, в которых до сей поры обвиняли человека, уже не имеющего отныне ничего общего с здешним миром: мы почти всегда извиняем то, что понимаем.

Я поместил в этой книге только то, что от-

носились к пребыванию Печорина на Кавказе; в моих руках осталась еще толстая тетрадь, где он рассказывает всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на суд света; но теперь я не смею взять на себя эту ответственность по многим важным причинам.

Может быть, некоторые читатели захотят узнать мое мнение о характере Печорина? — Мой ответ — заглавие этой книги. «Да это злая ирония!» — скажут они. — Не знаю.

I. Тамань

Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России. Я там чуть-чуть не умер с голода, да еще в добавок меня хотели утопить. Я приехал на перекладной тележке поздно ночью. Ямщик остановил усталую тройку у ворот единственного каменного дома, что при въезде. Часовой, черноморский казак, услышав звон колокольчика, закричал спросонья диким голосом: «Кто идет?» Вышел урядник и десятник. Я им объяснил, что я офицер, еду в действующий отряд по казенной надобности, и стал требовать казенную квартиру. Десятник нас повел по городу. К которой избе ни подъедем — за-

нята. Было холодно, я три ночи не спал, измучился и начинал сердиться. «Веди меня куда-нибудь, разбойник! хоть к черту, только к месту!» — закричал я. «Есть еще одна фатера, — отвечал десятник, почесывая затылок, — только вашему благородию не понравится; там нечисто!» Не поняв точного значения последнего слова, я велел ему идти вперед и после долгого странствования по грязным переулкам, где по сторонам я видел одни только ветхие заборы, мы подъехали к небольшой хате на самом берегу моря.

Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища; на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой. Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее, и внизу с беспрерывным ропотом плескались темно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию, и я мог различить при свете ее, далеко от берега, два корабля, которых черные снасти, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте небосклона. «Суда в пристани есть, — поду-

мал я, — завтра отправлюсь в Геленджик».

При мне исправлял должность денщика линейский казак. Велев ему выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяйина — молчат; стучу — молчат... что это? Наконец из сеней выполз мальчик лет четырнадцати.

«Где хозяин?» — «Нема». — «Как? совсем нету?» — «Совсим». — «А хозяйка?» — «Побигла в слободку». — «Кто же мне отопрет дверь?» — сказал я, ударив в нее ногою. Дверь сама отворилась; из хаты повеяло сыростью. Я засветил серную спичку и поднес ее к носу мальчика: она озарила два белые глаза. Он был слепой, совершенно слепой от природы. Он стоял передо мною неподвижно, и я начал рассматривать черты его лица.

Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, глухих, немых, безногих, безруких, горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою: как будто с потерей члена душа теряет какое-нибудь чувство.

Итак, я начал рассматривать лицо слепого;

но что прикажете прочитать на лице, у которого нет глаз? Долго я глядел на него с небольшим сожалением, как вдруг едва приметная улыбка пробежала по тонким губам его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое неприятное впечатление. В голове моей родилось подозрение, что этот слепой не так слеп, как оно кажется; напрасно я старался уверить себя, что бельмы подделать невозможно, да и с какой целью? Но что делать? я часто склонен к предубеждениям...

«Ты хозяйский сын?» — спросил я его наконец. — «Ни». — «Кто же ты?» — «Сирота, убогой». — «А у хозяйки есть дети?» — «Ни; была дочь, да утикла за море с татаринном». — «С каким татаринном?» — «А бис его знает! крымский татарин, лодочник из Керчи».

Я вошел в хату: две лавки и стол, да огромный сундук возле печи составляли всю его мебель. На стене ни одного образа — дурной знак! В разбитое стекло врывался морской ветер. Я вытащил из чемодана восковой огарок и, засветив его, стал раскладывать вещи, поставил в угол шашку и ружье, пистолеты положил на стол, разостлал бурку на лав-

ке, казак свою на другой; через десять минут он захрапел, но я не мог заснуть: передо мной во мраке все вертелся мальчик с белыми глазами.

Так прошло около часа. Месяц светил в окно, и луч его играл по земляному полу хаты. Вдруг на яркой полосе, пересекающей пол, промелькнула тень. Я привстал и взглянул в окно: кто-то вторично пробежал мимо его и скрылся бог знает куда. Я не мог полагать, чтоб это существо сбежало по отвесу берега; однако иначе ему некуда было деваться. Я встал, накинул бешмет, опоясал кинжал и тихо-тихо вышел из хаты; навстречу мне слепой мальчик. Я притаился у забора, и он верной, но осторожной поступью прошел мимо меня. Под мышкой он нес какой-то узел, и повернув к пристани, стал спускаться по узкой и крутой тропинке. «В тот день немые возопиют и слепые прозрят», — подумал я, следуя за ним в таком расстоянии, чтоб не терять его из вида.

Между тем луна начала одеваться тучами и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля;

у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить. Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо; он шел так близко от воды, что казалось, сейчас волна его схватит и унесет, но видно, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин. Наконец он остановился, будто прислушиваясь к чему-то, присел на землю и положил возле себя узел. Я наблюдал за его движениями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя несколько минут с противоположной стороны показалась белая фигура; она подошла к слепому и села возле него. Ветер по временам приносил мне их разговор.

— Что, слепой? — сказал женский голос, — буря сильна. Янко не будет.

— Янко не боится бури, — отвечал тот.

— Туман густеет, — возразил опять женский голос с выражением печали.

— В тумане лучше пробраться мимо сторожевых судов, — был ответ.

— А если он утонет?

— Ну что ж? в воскресенье ты пойдешь в церковь без новой ленты.

Последовало молчание; меня, однако поразило одно: слепой говорил со мною малороссийским наречием, а теперь изъяснялся чисто по-русски.

— Видишь, я прав, — сказал опять слепой, ударив в ладоши, — Янко не боится ни моря, ни ветров, ни тумана, ни береговых сторожей; это не вода плещет, меня не обманешь, — это его длинные весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться в даль с видом беспокойства.

— Ты бредишь, слепой, — сказала она, — я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалеке что-нибудь наподобие лодки, но безуспешно. Так прошло минут десять; и вот показалась между горами волн черная точка; она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волн, быстро спускаясь с них, приближалась к берегу лодка. Отважен был пловец, решившийся в такую ночь пуститься через пролив на расстояние двадцати верст, и важная должна быть

причина, его к тому побудившая! Думая так, я с невольном биением сердца глядел на бедную лодку; но она, как утка, ныряла и потом, быстро взмахнув веслами, будто крыльями, выскакивала из пропасти среди брызгов пены; и вот, я думал, она ударится с размаха об берег и разлетится вдребезги; но она ловко повернулась боком и вскочила в маленькую бухту невредима. Из нее вышел человек среднего роста, в татарской бараньей шапке; он махнул рукою, и все трое принялись вытаскивать что-то из лодки; груз был так велик, что я до сих пор не понимаю, как она не потонула. Взяв на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерял их из вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, все эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казак мой был очень удивлен, когда, проснувшись, увидел меня совсем одетого; я ему, однако ж, не сказал причины. Полюбовавшись несколько времени из окна на голубое небо, усеянное разорванными облачками, на дальний берег Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесом, на верши-

не коего белеется маячная башня, я отправился в крепость Фанагорию, чтоб узнать от коменданта о часе моего отъезда в Геленджик.

Но, увы; комендант ничего не мог сказать мне решительного. Суда, стоящие в пристани, были все — или сторожевые, или купеческие, которые еще даже не начинали нагружаться. «Может быть, дня через три, четыре придет почтовое судно, сказал комендант, — и тогда — мы увидим». Я вернулся домой утрюм и сердит. Меня в дверях встретил казак мой с испуганным лицом.

— Плохо, ваше благородие! — сказал он мне.

— Да, брат, бог знает когда мы отсюда уедем! — Тут он еще больше встревожился и, наклонясь ко мне, сказал шепотом:

— Здесь нечисто! Я встретил сегодня черноморского урядника, он мне знаком — был прошлого года в отряде, как я ему сказал, где мы остановились, а он мне: «Здесь, брат, нечисто, люди недобрые!..» Да и в самом деле, что это за слепой! ходит везде один, и на базар, за хлебом, и за водой... уж видно, здесь к этому привыкли.

— Да что ж? по крайней мере показалась ли хозяйка?

— Сегодня без вас пришла старуха и с ней дочь.

— Какая дочь? У нее нет дочери.

— А бог ее знает, кто она, коли не дочь; да вон старуха сидит теперь в своей хате.

Я взошел в лачужку. Печь была жарко на-топлена, и в ней варился обед, довольно роскошный для бедняков. Старуха на все мои вопросы отвечала, что она глухая, не слышит. Что было с ней делать? Я обратился к слепому, который сидел перед печью и подкладывал в огонь хворост. «Ну-ка, слепой чертенок, — сказал я, взяв его за ухо, — говори, куда ты ночью таскался с узлом, а?» Вдруг мой слепой заплакал, закричал, заохал: «Куды я ходив?.. никуды не ходив... с узлом? яким узлом?» Старуха на этот раз услышала и стала ворчать: «Вот выдумывают, да еще на убогого! за что вы его? что он вам сделал?» Мне это надоело, и я вышел, твердо решившись до-стать ключ этой загадки.

Я завернулся в бурку и сел у забора на камень, поглядывая вдаль; передо мной тяну-

лось ночью бурю взволнованное море, и однообразный шум его, подобный ропоту засыпающего города, напомнил мне старые годы, перенес мои мысли на север, в нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаниями, я забылся... Так прошло около часа, может быть и более... Вдруг что-то похожее на песню поразило мой слух. Точно, это была песня, и женский, свежий голосок, — но откуда?.. Прислушиваюсь — напев старинный, то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь — никого нет кругом; прислушиваюсь снова — звуки как будто падают с неба. Я поднял глаза: на крыше хаты моей стояла девушка в полосатом платье с распущенными косами, настоящая русалка. Защитив глаза ладонью от лучей солнца, она пристально всматривалась в даль, то смеялась и рассуждала сама с собой, то запевала снова песню.

Я запомнил эту песню от слова до слова:

*Как по вольной волюшке —
По зелено морю,
Ходят все кораблики
Белопарусники.
Промеж тех корабликов*

Моя лодочка,
Лодка неснащенная,
Двухвесельная.
Буря ль разыграется —
Старые кораблики
Приподымут крылышки,
По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Уж не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везет моя лодочка
Вещи драгоценные.
Правит ею в темну ночь
Буйная головушка».

Мне невольно пришло на мысль, что ночью я слышал тот же голос; я на минуту задумался, и когда снова посмотрел на крышу, девушки там уж не было. Вдруг она пробежала мимо меня, напевая что-то другое, и, пощелкивая пальцами, вбежала к старухе, и тут начался между ними спор. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вот вижу, бежит опять вприпрыжку моя ундица: поравнявшись со мной, она остановилась и пристально посмотрела мне в глаза, как будто удив-

ленная моим присутствием; потом небрежно обернулась и тихо пошла к пристани. Этим не кончилось: целый день она вертелась около моей квартиры; пенье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лице ее не было никаких признаков безумия; напротив, глаза ее с бойкою проницательностью останавливались на мне, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью, и всякий раз они как будто бы ждали вопроса. Но только я начинал говорить, она убегала, коварно улыбаясь.

Решительно, я никогда подобной женщины не видывал. Она была далеко не красавица, но я имею свои предубеждения также и насчет красоты. В ней было много породы... порода в женщинах, как и в лошадях, великое дело; это открытие принадлежит Юной Франции. Она, то есть порода, а не Юная Франция, большею частью изобличается в поступи, в руках и ногах; особенно нос много значит. Правильный нос в России реже маленькой ножки. Моей певунье казалось не более восемнадцати лет. Необыкновенная гибкость ее стана, особенное, ей только свойственное на-

клонение головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отлив ее слегка загорелой кожи на шее и плечах и особенно правильный нос — все это было для меня обворожительно. Хотя в ее косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное, хотя в ее улыбке было что-то неопределенное, но такая сила предубеждений: правильный нос свел меня с ума; я вообразил, что нашел Гетеву Миньону^[208], это причудливое создание его немецкого воображения, — и точно, между ними было много сходства: те же быстрые переходы от величайшего беспокойства к полной неподвижности, те же загадочные речи, те же прыжки, странные песни.

Под вечер, остановив ее в дверях, я завел с нею следующий разговор.

— «Скажи-ка мне, красавица, — спросил я, — что ты делала сегодня на кровле?» — «А смотрела, откуда ветер дует». — «Зачем тебе?» — «Откуда ветер, оттуда и счастье». — «Что же? разве ты песнею зазывала счастье?» — «Где поется, там и счастливится». — «А как неравно напоешь себе горе?» — «Ну что ж? где не будет лучше, там будет хуже, а

от худа до добра опять недалеко». — «Кто же тебя выучил эту песню?» — «Никто не выучил; вздумается — запою; кому услышать, тот услышит; а кому не должно слышать, тот не поймет». — «А как тебя зовут, моя певунья?» — «Кто крестил, тот знает». — «А кто крестил?» — «Почему я знаю?» — «Экая скрытная! а вот я кое-что про тебя узнал». (Она не изменилась в лице, не пошевелила губами, как будто не об ней дело). «Я узнал, что ты вчера ночью ходила на берег». И тут я очень важно пересказал ей все, что видел, думая смутить ее — нимало! Она захохотала во все горло. «Много видели, да мало знаете, так держите под замочком». — «А если б я, например, вздумал донести коменданту?» — и тут я сделал очень серьезную, даже строгую мину. Она вдруг прыгнула, запела и скрылась, как птичка, выпугнутая из кустарника. Последние мои слова были вовсе не у места, я тогда не подозревал их важности, но впоследствии имел случай в них раскаяться.

Только что смеркалось, я велел казаку нагреть чайник по-походному, засветил свечу и сел у стола, покуривая из дорожной трубки.

Уж я заканчивал второй стакан чая, как вдруг дверь скрипнула, легкий шорох платья и шагов послышался за мной; я вздрогнул и обернулся, — то была она, моя унди́на! Она села против меня тихо и безмолвно и устремила на меня глаза свои, и не знаю почему, но этот взор показался мне чудно-нежен; он мне напомнил один из тех взглядов, которые в старые годы так самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчал, полный неизъяснимого смущения. Лицо ее было покрыто тусклой бледностью, изобличавшей волнение душевное; рука ее без цели бродила по столу, и я заметил на ней легкий трепет; грудь ее то высоко поднималась, то, казалось, она удерживала дыхание. Эта комедия начинала меня надоедать, и я готов был прервать молчание самым прозаическим образом, то есть предложить ей стакан чая, как вдруг она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцелуй прозвучал на губах моих. В глазах у меня потемнело, голова закружилась, я сжал ее в моих объятиях со всею силою юношеской страсти, но она, как змея, скользнула между моими руками,

шепнув мне на ухо: «Нынче ночью, как все уснут, выходи на берег», — и стрелою выско-чила из комнаты. В сенях она опрокинула чайник и свечу, стоявшую на полу. «Экой бес-девка!» — закричал казак, расположившийся на соломе и мечтавший согреться остатками чая. Только тут я опомнился.

Часа через два, когда все на пристани умолкло, я разбудил своего казака. «Если я выстрелю из пистолета, — сказал я ему, — то беги на берег». Он выпучил глаза и маши-нально отвечал: «Слушаю, ваше благородие». Я заткнул за пояс пистолет и вышел. Она до-жидалась меня на краю спуска; ее одежда бы-ла более нежели легкая, небольшой платок опоясывал ее гибкий стан.

«Идите за мной!» — сказала она, взяв ме-ня за руку, и мы стали спускаться. Не пони-маю, как я не сломил себе шеи; внизу мы по-вернули направо и пошли по той же дороге, где накануне я следовал за слепым. Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на тем-но-синем своде. Тяжелые волны мерно и ров-но катились одна за другой, едва приподымая

одинокую лодку, причаленную к берегу. «Взойдем в лодку», — сказала моя спутница; я колебался, я не охотник до сентиментальных прогулок по морю; но отступить было не время. Она прыгнула в лодку, я за ней, и не успел еще опомниться, как заметил, что мы плывем. «Что это значит?» — сказал я сердито. «Это значит, — отвечала она, сажая меня на скамью и обвив мой стан руками, — это значит, что я тебя люблю...» И щека ее прижалась к моей, и почувствовал на лице моем ее пламенное дыхание. Вдруг что-то шумно упало в воду: я хватя за пояс — пистолета нет. О, тут ужасное подозрение закралось мне в душу, кровь хлынула мне в голову!.. Оглядываясь — мы от берега около пятидесяти сажен, а я не умею плавать! Хочу ее оттолкнуть от себя — она как кошка вцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок едва не сбросил меня в море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бешенство придавало мне силы, но я скоро заметил, что уступаю моему противнику в ловкости... «Чего ты хочешь?» — закричал я, крепко сжав ее маленькие руки; пальцы ее

хрустели, но она не вскрикнула: ее змеиная натура выдержала эту пытку.

«Ты видел, — отвечала она, — ты донесешь!» — и сверхъестественным усилием повалила меня на борт; мы оба по пояс свесились из лодки, ее волосы касались воды: минута была решительная. Я уперся коленкою в дно, схватил ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросил ее в волны.

Было уже довольно темно; голова ее мелькнула раза два среди морской пены, и больше я ничего не видал...

На дне лодки я нашел половину старого весла и кое-как, после долгих усилий, причалил к пристани. Пробираясь берегом к своей хате, я невольно всматривался в ту сторону, где накануне слепой дождался ночного пловца; луна уже катилась по небу, и мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытством, и прилег в траве над обрывом берега; высунув немного голову, я мог хорошо видеть с утеса все, что внизу делалось, и не очень удивился, а почти обрадовался, узнав мою русал-

ку. Она выжимала морскую пену из длинных волос своих; мокрая рубашка обрисовывала гибкий стан ее и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка, быстро приблизилась она; из нее, как накануне, вышел человек в татарской шапке, но стрижен он был по-казацки, и за ременным поясом его торчал большой нож. «Янко, — сказала она, — все пропало!» Потом разговор их продолжался так тихо, что я ничего не мог расслышать. «А где же слепой?» — сказал наконец Янко, возвыся голос. «Я его послала», — был ответ. Через несколько минут явился и слепой, таща на спине мешок, который положили в лодку.

— Послушай, слепой! — сказал Янко, — ты береги то место... знаешь? там богатые товары... скажи (имени я не расслышал), что я ему больше не слуга; дела пошли худо, он меня больше не увидит; теперь опасно; поеду искать работы в другом месте, а ему уж такого удальца не найти. Да скажи, кабы он лучше платил за труды, так и Янко бы его не покинул; а мне везде дорога, где только ветер дует и море шумит! — После некоторого молчания Янко продолжал: — Она поедет со

мною; ей нельзя здесь оставаться; а старухе скажи, что, дескать, пора умирать, зажила, надо знать и честь. Нас же больше не увидит.

— А я? — сказал слепой жалобным голосом.

— На что мне тебя? — был ответ.

Между тем моя ундина вскочила в лодку и махнула товарищу рукою; он что-то положил слепому в руку, примолвив: «На, купи себе пряников». — «Только?» — сказал слепой. — «Ну, вот тебе еще», — и упавшая монета зазвенела, ударясь о камень. Слепой ее не поднял. Янко сел в лодку, ветер дул от берега, они подняли маленький парус и быстро понеслись. Долго при свете месяца мелькал парус между темных волн; слепой мальчик точно плакал, долго, долго... Мне стало грустно. И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов? Как камень, брошенный в гладкий источник, я встревожил их спокойствие и, как камень, едва сам не пошел ко дну!

Я возвратился домой. В сенях трещала догоревшая свеча в деревянной тарелке, и казак мой, вопреки приказанию, спал крепким

сном, держа ружье обеими руками. Я его оставил в покое, взял свечу и пошел в хату. Увы! моя шкатулка, шашка с серебряной оправой, дагестанский кинжал — подарок приятеля — все исчезло. Тут-то я догадался, какие вещи тащил проклятый слепой. Разбудив казака довольно невежливым толчком, я побранил его, посердился, а делать было нечего! И не смешно ли было бы жаловаться начальству, что слепой мальчик меня обокрал, а восемнадцатилетняя девушка чуть-чуть не утопила?

Слава богу, поутру явилась возможность ехать, и я оставил Тамань. Что случилось с старухой и с бедным слепым — не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности!..

Конец первой части

Часть вторая (Окончание журнала Печорина)

II. Княжна Мери

11-го мая.

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в пять часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синет, как «последняя туча рассеянной бури»⁽²⁰⁹⁾; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туман-

нее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом... Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо сине — чего бы, кажется, больше? — зачем тут страсти, желания, сожаления?.. Однако пора. Пойду к Елизаветинскому источнику: там, говорят, утром собирается все водяное общество.

.....

Спустясь в середину города, я пошел бульваром, где встретил несколько печальных групп, медленно поднимающихся в гору; то были большею частью семейства степных помещиков; об этом можно было тотчас догадаться по истертым, старомодным сюртукам мужей и по изысканным нарядам жен и дочерей; видно, у них вся водяная молодежь была уже на перечеке, потому что они на меня посмотрели с нежным любопытством: петербургский покррой сюртука ввел их в заблуждение, но, скоро узнав армейские эполеты, они с негодованием отвернулись.

Жены местных властей, так сказать хозяйки вод, были благосклоннее; у них есть лорнеты, они менее обращают внимания на мундир, они привыкли на Кавказе встречать под номерованной пуговицей пылкое сердце и под белой фуражкой образованный ум. Эти дамы очень милы; и долго милы! Всякий год их обожатели сменяются новыми, и в этом-то, может быть, секрет их неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинке к Елизаветинскому источнику, я обогнал толпу мужчин, штатских и военных, которые, как я узнал после, составляют особенный класс людей между чающими движения воды. Они пьют — однако не воду, гуляют мало, волочатся только мимоходом; они играют и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стакан в колодец кислосерной воды, они принимают академические позы: штатские носят светло-голубые галстуки, военные выпускают из-за воротника брыжи. Они исповедывают глубокое презрение к провинциальным домам и вздыхают о столичных аристократических гостиных, куда их не пускают.

Наконец вот и колодец... На площадке близ него построен домик с красной кровлею над ванной, а подалее галерея, где гуляют во время дождя. Несколько раненых офицеров сидели на лавке, подобрав костыли, — бледные, грустные. Несколько дам скорыми шагами ходили взад и вперед по площадке, ожидая действия вод. Между ними были два-три хорошеньких личика. Под виноградными аллеями, покрывающими скат Машука, мелькали порою пестрые шляпки любительниц уединения вдвоем, потому что всегда возле такой шляпки я замечал или военную фуражку или безобразную круглую шляпу. На крутой скале, где построен павильон, называемый Эоловой Арфой, торчали любители видов и наводили телескоп на Эльборус; между ними было два гувернера с своими воспитанниками, приехавшими лечиться от золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы и, прислонясь к углу домика, стал рассматривать окрестность, как вдруг слышу за собой знакомый голос:

— Печорин! давно ли здесь?

Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обня-

лись. Я познакомился с ним в действующем отряде. Он был ранен пулей в ногу и поехал на воды с неделю прежде меня.

Грушницкий — юнкер. Он только год в службе, носит, по особенному роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгиевский солдатский крестик. Он хорошо сложен, смугл и черноволос; ему на вид можно дать двадцать пять лет, хотя ему едва ли двадцать один год. Он закидывает голову назад, когда говорит, и поминутно крутит усы левой рукой, ибо правую опирается на кобыль. Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение; они нравятся романтическим провинциалкам до безумия. Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами — иногда тем и другим. В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии. Грушницкого страсть была декламировать: он за-

кидывал вас словами, как скоро разговор выходил из круга обыкновенных понятий; спорить с ним я никогда не мог. Он не отвечает на ваши возражения, он вас не слушает. Только что вы остановитесь, он начинает длинную тираду, по-видимому имеющую какую-то связь с тем, что вы сказали, но которая в самом деле есть только продолжение его собственной речи.

Он довольно остер: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бывают метки и злы: он никого не убьет одним словом; он не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель — сделаться героем романа. Он так часто старался уверить других в том, что он существо, не созданное для мира, обреченное каким-то тайным страданиям, что он сам почти в этом уверился. Оттого-то он так гордо носит свою толстую солдатскую шинель. Я его понял, и он за это меня не любит, хотя мы наружно в самых дружеских отношениях. Грушницкий слывет отличным храбрецом; я его видел в деле; он махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза. Это что-то не русская

храбрость!..

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас несдобровать.

Приезд его на Кавказ — также следствие его романтического фанатизма: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, потому что... тут, он, верно, закрыл глаза рукою и продолжал так: «Нет, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да и к чему? Что я для вас! Поймете ли вы меня?» — и так далее.

Он мне сам говорил, что причина, побудившая его вступить в К. полк, останется вечною тайной между им и небесами.

Впрочем, в те минуты, когда сбрасывает трагическую мантию, Грушницкий довольно мил и забавен. Мне любопытно видеть его с женщинами: тут-то он, я думаю, старается!

Мы встретились старыми приятелями. Я начал его расспрашивать об образе жизни на водах и о примечательных лицах.

— Мы ведем жизнь довольно прозаическую, — сказал он, вздохнув, — пьющие утром воду — вялы, как все больные, а пьющие вино повечеру — несносны, как все здоровые. Женские общества есть; только от них небольшое утешение: они играют в вист, одеваются дурно и ужасно говорят по-французски. Нынешний год из Москвы одна только княгиня Лиговская с дочерью; но я с ними незнаком. Моя солдатская шинель — как печать отвержения. Участие, которое она возбуждает, тяжело, как милостыня.

В эту минуту прошли к колодцу мимо нас две дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Их лиц за шляпками я не разглядел, но они одеты были по строгим правилам лучшего вкуса: ничего лишнего! На второй было закрытое платье *gris de perles*, [42] легкая шелковая косынка вилась вокруг ее гибкой шеи. Ботинки *couleur puce* [43] стягивали у щиколотки ее сухощавую ножку так мило, что даже не посвященный в таинства красоты непременно бы ахнул, хотя от удивления. Ее легкая, но благородная походка имела в себе что-то девственное, ускользающее от опреде-

ления, но понятное взору. Когда она прошла мимо нас, от нее повеяло тем неизъяснимым ароматом, которым дышит иногда записка милой женщины.

— Вот княгиня Лиговская, — сказал Грушницкий, — и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня.

— Однако ты уж знаешь ее имя?

— Да, я случайно слышал, — отвечал он, покраснев, — признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта гордая знать смотрит на нас, армейцев, как на диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?

— Бедная шинель! — сказал я, усмехаясь, — а кто этот господин, который к ним подходит и так услужливо подает им стакан?

— О! — это московский фронт Раевич! Он игрок: это видно тотчас по золотой огромной цепи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость — точно у Робинзона Крузоэ! Да и борода кстати, и прическа à la moujik.[44]

— Ты озлоблен против всего рода челове-

ческого.

— И есть за что...

— О! право?

В это время дамы отошли от колодца и поравнялись с нами. Грушницкий успел принять драматическую позу с помощью костыля и громко отвечал мне по-французски:

— *Mon cher, je haïs les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante.*[45]

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгим любопытным взором. Выражение этого взора было очень неопределенно, но не насмешливо, с чем я внутренно от души его поздравил.

— Эта княжна Мери прехорошенькая, — сказал я ему. — У нее такие бархатные глаза — именно бархатные: я тебе советую присвоить это выражение, говоря об ее глазах; нижние и верхние ресницы так длинны, что лучи солнца не отражаются в ее зрачках. Я люблю эти глаза без блеска: они так мягки, они будто бы тебя гладят... Впрочем, кажется, в ее лице только и есть хорошего... А что, у нее зубы белы? Это очень важно! жаль, что

она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь о хорошенькой женщине, как об английской лошади, — сказал Грушницкий с негодованием.

— *Mon cher*, — отвечал я ему, стараясь подделаться под его тон, — *je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule.*[46]

Я повернулся и пошел от него прочь. С полчаса гулял я по виноградным аллеям, по известчатым скалам и висящим между них кустарникам. Становилось жарко, и я поспешил домой. Проходя мимо кислосерного источника, я остановился у крытой галереи, чтоб вздохнуть под ее тенью, это доставило мне случай быть свидетелем довольно любопытной сцены. Действующие лица находились вот в каком положении. Княгиня с московским франтом сидела на лавке в крытой галерее, и оба были заняты, кажется, серьезным разговором. Княжна, вероятно допив уж последний стакан, прохаживалась задумчиво у колодца. Грушницкий стоял у самого колодца; больше на площадке никого не было.

Я подошел ближе и спрятался за угол гале-

реи. В эту минуту Грушницкий уронил свой стакан на песок и усиливался нагнуться, чтоб его поднять: больная нога ему мешала. Бежняжка! как он ухитрялся, опираясь на ко- стыль, и все напрасно. Выразительное лицо его в самом деле изображало страдание.

Княжна Мери видела все это лучше меня.

Легче птички она к нему подскочила, на-гнулась, подняла стакан и подала ему с тело-движением, исполненным невыразимой прелести; потом ужасно покраснела, оглянулась на галерею и, убедившись, что ее маменька ничего не видала, кажется, тотчас же успоко-илась. Когда Грушницкий открыл рот, чтоб поблагодарить ее, она была уже далеко. Через минуту она вышла из галереи с матерью и франтом, но, проходя мимо Грушницкого, приняла вид такой чинный и важный — да-же не обернулась, даже не заметила его страстного взгляда, которым он долго ее про-вожал, пока, спустившись с горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вот ее шляпка мелькнула через улицу; она вбежала в ворота одного из лучших домов Пятигорска, за нею прошла княгиня и у ворот раскланя-

лась с Раевичем.

Только тогда бедный юнкер заметил мое присутствие.

— Ты видел? — сказал он, крепко пожимая мне руку, — это просто ангел!

— Отчего? — спросил я с видом чистейшего простодушия.

— Разве ты не видал?

— Нет, видел: она подняла твой стакан. Если бы был тут сторож, то он сделал бы то же самое, и еще поспешнее, надеясь получить на водку. Впрочем, очень понятно, что ей стало тебя жалко: ты сделал такую ужасную гримасу, когда ступил на простреленную ногу...

— И ты не был нисколько тронут, глядя на нее в эту минуту, когда душа сияла на лице ее?..

— Нет.

Я лгал; но мне хотелось его побесить. У меня врожденная страсть противоречить; целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку. Присутствие энтузиаста обдает меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из ме-

ня страстного мечтателя. Признаюсь еще, чувство неприятное, но знакомое пробежало слегка в это мгновение по моему сердцу; это чувство — было зависть; я говорю смело «зависть», потому что привык себе во всем признаваться; и вряд ли найдется молодой человек, который, встретив хорошенькую женщину, приковавшую его праздное внимание и вдруг явно при нем отличившую другого, ей равно незнакомого, вряд ли, говорю, найдется такой молодой человек (разумеется, живший в большом свете и привыкший баловать свое самолюбие), который бы не был этим поражен неприятно.

Молча с Грушницким спустились мы с горы и прошли по бульвару, мимо окон дома, где скрылась наша красавица. Она сидела у окна. Грушницкий, дернув меня за руку, бросил на нее один из тех мутно-нежных взглядов, которые так мало действуют на женщин. Я навел на нее лорнет и заметил, что она от его взгляда улыбнулась, а что мой дерзкий лорнет рассердил ее не на шутку. И как, в самом деле, смеет кавказский армеец наводить стеклышко на московскую княжну?..

13-го мая.

Нынче поутру зашел ко мне доктор; его имя Вернер, но он русский. Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец.

Вернер человек замечательный по многим причинам. Он скептик и материалист, как все почти медики, а вместе с этим поэт, и не на шутку, — поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов. Он изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием; так иногда отличный анатомик не умеет вылечить от лихорадки! Обыкновенно Вернер исподтишка насмеялся над своими больными; но я раз видел, как он плакал над умирающим солдатом... Он был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шагу: он мне раз говорил, что скорее сделает одолжение врагу, чем другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда как ненависть только усилится соразмерно великодушию противника. У него

был злой язык: под вывескою его эпиграммы не один добряк прослыл пошлым дураком; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слух, будто он рисует карикатуры на своих больных, — больные взбеленились, почти все ему отказали. Его приятели, то есть все истинно порядочные люди, служившие на Кавказе, напрасно старались восстановить его упавший кредит.

Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии, когда глаз выучится читать в неправильных чертах отпечаток души испытанной и высокой. Бывали примеры, что женщины влюблялись в таких людей до безумия и не променяли бы их безобразия на красоту самых свежих и розовых эндимионов; надобно отдать справедливость женщинам: они имеют инстинкт красоты душевной: оттого-то, может быть, люди, подобные Вернеру, так страстно любят женщин.

Вернер был мал ростом, и худ, и слаб, как ребенок; одна нога была у него короче другой, как у Байрона; в сравнении с туловищем голова его казалась огромна: он стриг волосы

под гребенку, и неровности его черепа, обнаруженные таким образом, поразили бы френолога странным сплетением противоположных наклонностей. Его маленькие черные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли. В его одежде заметны были вкус и опрятность; его худощавые, жилистые и маленькие руки красовались в светло-желтых перчатках. Его сюртук, галстук и жилет были постоянно черного цвета. Молодежь прозвала его Мефистофелем; он показывал, будто сердился за это прозвание, но в самом деле оно льстило его самолюбию. Мы друг друга скоро поняли и сделались приятелями, потому что я к дружбе неспособен: из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается; рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае — труд утомительный, потому что надо вместе с этим и обманывать; да притом у меня есть лакеи и деньги! Вот как мы сделались приятелями: я встретил Вернера в С... среди многочисленного и шумного круга молодежи; разговор принял под конец вечера философско-метафизическое направление;

толковали об убеждениях: каждый был убежден в разных разностях.

— Что до меня касается, то я убежден только в одном... — сказал доктор.

— В чем это? — спросил я, желая узнать мнение человека, который до сих пор молчал.

— В том, — отвечал он, — что рано или поздно в одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче вас, — сказал я, — у меня, кроме этого, есть еще убеждение — именно то, что я в один прегадкий вечер имел несчастье родиться.

Все нашли, что мы говорим вздор, а, право, из них никто ничего умнее этого не сказал. С этой минуты мы отличили в толпе друг друга. Мы часто сходились вместе и толковали вдвоем об отвлеченных предметах очень серьезно, пока не замечали оба, что мы взаимно друг друга морочим. Тогда, посмотрев значительно друг другу в глаза, как делали римские авгуры⁽²¹⁰⁾, по словам Цицерона, мы начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своим вечером.

Я лежал на диване, устремив глаза в потолок и заложив руки под затылок, когда Вер-

нер взошел в мою комнату. Он сел в кресла, поставил трость в угол, зевнул и объявил, что на дворе становится жарко. Я отвечал, что меня беспокоят мухи, — и мы оба замолчали.

— Заметьте, любезный доктор, — сказал я, — что без дураков было бы на свете очень скучно!.. Посмотрите, вот нас двое умных людей; мы знаем заранее, что обо всем можно спорить до бесконечности, и потому не спорим; мы знаем почти все сокровенные мысли друг друга; одно слово — для нас целая история; видим зерно каждого нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное нам смешно, смешное грустно, а вообще, по правде, мы ко всему довольно равнодушны, кроме самих себя. Итак, размена чувств и мыслей между нами не может быть: мы знаем один о другом все, что хотим знать, и знать больше не хотим. Остается одно средство: рассказывать новости. Скажите же мне какую-нибудь новость.

Утомленный долгой речью, я закрыл глаза и зевнул...

Он отвечал подумавши:

— В вашей галиматье, однако ж, есть идея.

— Две! — отвечал я.

— Скажите мне одну, я вам скажу другую.

— Хорошо, начинайте! — сказал я, продолжая рассматривать потолок и внутренно улыбаясь.

— Вам хочется знать какие-нибудь подробности насчет кого-нибудь из приехавших на воды, и я уж догадываюсь, о ком вы это заботитесь, потому что об вас там уже спрашивали.

— Доктор! решительно нам нельзя разговаривать: мы читаем в душе друг друга.

— Теперь другая...

— Другая идея вот: мне хотелось вас заставить рассказать что-нибудь; во-первых, потому, что такие умные люди, как вы, лучше любят слушателей, чем рассказчиков. Теперь к делу: что вам сказала княгиня Лиговская обо мне?

— Вы очень уверены, что это княгиня... а не княжна?..

— Совершенно убежден.

— Почему?

— Потому что княжна спрашивала об Грушницком.

— У вас большой дар соображения. Княжна сказала, что она уверена, что этот молодой человек в солдатской шинели разжалован в солдаты за дуэль..

— Надеюсь, вы ее оставили в этом приятном заблуждении...

— Разумеется.

— Завязка есть! — закричал я в восхищении, — об развязке этой комедии мы похлопочем. Явно судьба заботится о том, чтоб мне не было скучно.

— Я предчувствую, — сказал доктор, — что бедный Грушницкий будет вашей жертвой...

— Дальше, доктор...

— Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо. Я ей заметил, что, верно, она вас встречала в Петербурге, где-нибудь в свете... я сказал ваше имя... Оно было ей известно. Кажется, ваша история там наделала много шума... Княгиня стала рассказывать о ваших похождениях, прибавляя, вероятно, к светским сплетням свои замечания... Дочка слушала с любопытством. В ее воображении вы сделались героем романа в новом вкусе... Я не противоречил княгине, хотя знал, что она гово-

рит вздор.

— Достойный друг! — сказал я, протянув ему руку. Доктор пожал ее с чувством и продолжал:

— Если хотите, я вас представлю...

— Помилуйте! — сказал я, всплеснув руками, — разве героев представляют? Они не иначе знакомятся, как спасая от верной смерти свою любезную...

— И вы в самом деле хотите волочиться за княжной?..

— Напротив, совсем напротив!.. Доктор, наконец я торжествую: вы меня не понимаете!.. Это меня, впрочем, огорчает, доктор, — продолжал я после минуты молчания, — я никогда сам не открываю моих тайн, а ужасно люблю, чтоб их отгадывали, потому что таким образом я всегда могу при случае от них отпереться. Однако ж вы мне должны описать маменьку с дочкой. Что они за люди?

— Во-первых, княгиня — женщина сорока пяти лет, — отвечал Вернер, — у нее прекрасный желудок, но кровь испорчена; на щеках красные пятна. Последнюю половину своей жизни она провела в Москве и тут на покое

растолстела. Она любит соблазнительные анекдоты и сама говорит иногда неприличные вещи, когда дочери нет в комнате. Она мне объявила, что дочь ее невинна как голубь. Какое мне дело?.. Я хотел ей отвечать, чтоб она была спокойна, что я никому этого не скажу! Княгиня лечится от ревматизма, а дочь бог знает от чего; я велел обеим пить по два стакана в день кислосерной воды и купаться два раза в неделю в разводной ванне. Княгиня, кажется, не привыкла повелевать; она питает уважение к уму и знаниям дочки, которая читала Байрона по-английски и знает алгебру: в Москве, видно, барышни пустились в ученость, и хорошо делают, право! Наши мужчины так не любезны вообще, что с ними кокетничать, должно быть, для умной женщины несносно. Княгиня очень любит молодых людей: княжна смотрит на них с некоторым презрением: московская привычка! Они в Москве только и питаются, что сорокалетними остряками.

— А вы были в Москве, доктор?

— Да, я имел там некоторую практику.

— Продолжайте.

— Да я, кажется, все сказал... Да! вот еще: княжна, кажется, любит рассуждать о чувствах, страстях и прочее... она была одну зиму в Петербурге, и он ей не понравился, особенно общество: ее, верно, холодно приняли.

— Вы никого у них не видали сегодня?

— Напротив: был один адъютант, один натянутый гвардеец и какая-то дама из новоприезжих, родственница княгини по мужу, очень хорошенькая, но очень, кажется, большая... Не встретили ль вы ее у колодца? — она среднего роста, блондинка, с правильными чертами, цвет лица чахоточный, а на правой щеке черная родинка; ее лицо меня поразило своей выразительностью.

— Родинка! — пробормотал я сквозь зубы. — Неужели?

Доктор посмотрел на меня и сказал торжественно, положив мне руку на сердце:

— Она вам знакома!.. — Мое сердце точно билось сильнее обыкновенного.

— Теперь ваша очередь торжествовать! — сказал я, — только я на вас надеюсь: вы мне не измените. Я ее не видал еще, но уверен, узнаю в вашем портрете одну женщину, кото-

рую любил в старину... Не говорите ей обо мне ни слова; если она спросит, отнеситесь обо мне дурно.

— Пожалуй! — сказал Вернер, пожав плечами.

Когда он ушел, то ужасная грусть стеснила мое сердце. Судьба ли нас свела опять на Кавказе, или она нарочно сюда приехала, зная, что меня встретит?.. и как мы встретимся?.. и потом, она ли это?.. Мои предчувствия меня никогда не обманывали. Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мною: всякое напоминание о минувшей печали или радости болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее все те же звуки... Я глупо создан: ничего не забываю, — ничего!

После обеда часов в шесть я пошел на бульвар: там была толпа; княгиня с княжной сидели на скамье, окруженные молодежью, которая любезничала наперерыв. Я поместился в некотором расстоянии на другой лавке, остановил двух знакомых Д... офицеров и начал им что-то рассказывать; видно, было смешно, потому что они начали хохотать как

сумасшедшие. Любопытство привлекло ко мне некоторых из окружавших княжну; мало-помалу и все ее покинули и присоединились к моему кружку. Я не умолкал: мои анекдоты были умны до глупости, мои насмешки над проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжал увеселять публику до захождения солнца. Несколько раз княжна под ручку с матерью проходила мимо меня, сопровождаемая каким-то хромым старичком; несколько раз ее взгляд, упавая на меня, выражал досаду, стараясь выразить равнодушие...

— Что он вам рассказывал? — спросила она у одного из молодых людей, возвратившихся к ней из вежливости, — верно, очень занимательную историю — свои подвиги в сражениях?.. — Она сказала это довольно громко и, вероятно, с намерением кольнуть меня. «А-га! — подумал я, — вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будет!»

Грушницкий следил за нею, как хищный зверь, и не спускал ее с глаз: бьюсь об заклад, что завтра он будет просить, чтоб его кто-ни-

будь представил княгине. Она будет очень рада, потому что ей скучно.

16-го мая.

В продолжение двух дней мои дела ужасно подвинулись. Княжна меня решительно ненавидит; мне уже пересказали две-три эпиграммы на мой счет, довольно колкие, но вместе очень лестные. Ей ужасно странно, что я, который привык к хорошему обществу, который так короток с ее петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться с нею. Мы встречаемся каждый день у колодца, на бульваре; я употребляю все свои силы на то, чтоб отвлекать ее обожателей, блестящих адъютантов, бледных москвичей и других, — и мне почти всегда удается. Я всегда ненавидел гостей у себя: теперь у меня каждый день полон дом, обедают, ужинают, играют, — и, увы, мое шампанское торжествует над силою магнетических ее глазок!

Вчера я ее встретил в магазине Челахова; она торговала чудесный персидский ковер. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этот ковер так украсил бы ее каби-

нет!.. Я дал сорок рублей лишних и перекупил его; за это я был вознагражден взглядом, где блистало самое восхитительное бешенство. Около обеда я велел нарочно провести мимо ее окон мою черкескую лошадь, покрытую этим ковром. Вернер был у них в это время и говорил мне, что эффект этой сцены был самый драматический. Княжна хочет проповедовать против меня ополчение; я даже заметил, что уж два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякий день у меня обедают.

Грушницкий принял таинственный вид: ходит, закинув руки за спину, и никого не узнает; нога его вдруг выздоровела: он едва хромотает. Он нашел случай вступить в разговор с княгиней и сказал какой-то комплимент княжне: она, видно, не очень разборчива, ибо с тех пор отвечает на его поклон самой милой улыбкою.

— Ты решительно не хочешь познакомиться с Лиговскими? — сказал он мне вчера.

— Решительно.

— Помилуй! самый приятный дом на водах! Все здешнее лучшее общество...

— Мой друг, мне и нездешнее ужасно надоело. А ты у них бываешь?

— Нет еще; я говорил раза два с княжной, и более, но знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится... Другое дело, если б я носил эполеты...

— Помилуй! да эдак ты гораздо интереснее! Ты просто не умеешь пользоваться своим выгодным положением... да солдатская шинель в глазах чувствительной барышни тебя делает героем и страдальцем.

Грушницкий самодовольно улыбнулся.

— Какой вздор! — сказал он.

— Я уверен, — продолжал я, — что княжна в тебя уж влюблена!

Он покраснел до ушей и надулся.

О самолюбие! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар!..

— У тебя все шутки! — сказал он, показывая, будто сердится, — во-первых, она меня еще так мало знает...

— Женщины любят только тех, которых не знают.

— Да я вовсе не имею претензии ей нравиться: я просто хочу познакомиться с прият-

ным домом, и было бы очень смешно, если б я имел какие-нибудь надежды... Вот вы, например, другое дело! — вы победители петербургские: только посмотрите, так женщины тают... А знаешь ли, Печорин, что княжна о тебе говорила?

— Как? она тебе уж говорила обо мне?..

— Не радуйся, однако. Я как-то вступил с нею в разговор у колодца, случайно; третье слово ее было: «Кто этот господин, у которого такой неприятный тяжелый взгляд? он был с вами, тогда...» Она покраснела и не хотела называть дня, вспомнив свою милую выходку. «Вам не нужно сказывать дня, — отвечал я ей, — он вечно будет мне памятен...» Мой друг, Печорин! я тебе не поздравляю; ты у нее на дурном замечании... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!..

Надобно заметить, что Грушницкий из тех людей, которые, говоря о женщине, с которой они едва знакомы, называют ее *моя Мери*, *моя Sophie*, если она имела счастье им понравиться.

Я принял серьезный вид и отвечал ему:

— Да, она недурна... только берегись,

Грушницкий! Русские барышни большею частью питаются только платонической любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве; а платоническая любовь самая беспокойная. Княжна, кажется, из тех женщин, которые хотят, чтоб их забавляли; если две минуты сряду ей будет возле тебя скучно, ты погиб невозвратно: твое молчание должно возбуждать ее любопытство, твой разговор — никогда не удовлетворять его вполне; ты должен ее тревожить ежеминутно; она десять раз публично для тебя пренебрежет мнением и назовет это жертвой и, чтоб вознаградить себя за это, станет тебя мучить — а потом просто скажет, что она тебя терпеть не может. Если ты над нею не приобретешь власти, то даже ее первый поцелуй не даст тебе права на второй; она с тобою накокетничается вдоволь, а года через два выйдет замуж за уроды, из покорности к маменьке, и станет себя уверять, что она несчастна, что она одного только человека и любила, то есть тебя, но что небо не хотело соединить ее с ним, потому что на нем была солдатская шинель, хотя под этой толстой серой шинелью билось сердце

страстное и благородное...

Грушницкий ударил по столу кулаком и стал ходить взад и вперед по комнате.

Я внутренне хохотал и даже раза два улыбнулся, но он, к счастью, этого не заметил. Явно, что он влюблен, потому что стал еще доверчивее прежнего; у него даже появилось серебряное кольцо с чернью, здешней работы: оно мне показалось подозрительным... Я стал его рассматривать, и что же?.. мелкими буквами имя Мери было вырезано на внутренней стороне, и рядом — число того дня, когда она подняла знаменитый стакан. Я утаил свое открытие; я не хочу вынуждать у него признаний, я хочу, чтобы он сам выбрал меня в свои поверенные, и тут-то я буду наслаждаться...

.....

Сегодня я встал поздно; прихожу к колодезю — никого уже нет. Становилось жарко; белые мохнатые тучки быстро бежали от снеговых гор, обещая грозу; голова Машука дымилась, как загашенный факел; кругом него вились и ползали, как змеи, серые клочки облаков, задержанные в своем стремлении и буд-

то зацепившиеся за колючий его кустарник. Воздух был напоен электричеством. Я углубился в виноградную аллею, ведущую в грот; мне было грустно. Я думал о той молодой женщине с родинкой на щеке, про которую говорил мне доктор... Зачем она здесь? И она ли? И почему я думаю, что это она? и почему я даже так в этом уверен? Мало ли женщин с родинками на щеках? Размышляя таким образом, я подошел к самому гроту. Смотрю: в прохладной тени его свода, на каменной скамье сидит женщина, в соломенной шляпке, окутанная черной шалью, опустив голову на грудь; шляпка закрывала ее лицо. Я хотел уже вернуться, чтоб не нарушить ее мечтаний, когда она на меня взглянула.

— Вера! — вскрикнул я невольно.

Она вздрогнула и побледнела.

— Я знала, что вы здесь, — сказала она. Я сел возле нее и взял ее за руку. Давно забытый трепет пробежал по моим жилам при звуке этого милого голоса; она посмотрела мне в глаза своими глубокими и спокойными глазами; в них выражалась недоверчивость и что-то похожее на упрек.

— Мы давно не видались, — сказал я.

— Давно, и переменялись оба во многом!

— Стало быть, уж ты меня не любишь?..

— Я замужем! — сказала она.

— Опять? Однако несколько лет тому назад эта причина также существовала, но между тем... — Она выдернула свою руку из моей, и щеки ее запылали.

— Может быть, ты любишь своего второго мужа?.. — Она не отвечала и отвернулась.

— Или он очень ревнив?

Молчание.

— Что ж? Он молод, хорош, особенно, верно, богат, и ты боишься... — я взглянул на нее и испугался; ее лицо выражало глубокое отчаянье, на глазах сверкали слезы.

— Скажи мне, — наконец прошептала она, — тебе очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидеть. С тех пор как мы знаем друг друга, ты ничего мне не дал, кроме страданий... — Ее голос задрожал, она склонилась ко мне и опустила голову на грудь мою.

«Может быть, — подумал я, — ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...»

Я ее крепко обнял, и так мы оставались долго. Наконец губы наши сблизились и слились в жаркий, упоительный поцелуй; ее руки были холодны как лед, голова горела. Тут между нами начался один из тех разговоров, которые на бумаге не имеют смысла, которых повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значение звуков заменяет и дополняет значение слов, как в итальянской опере.

Она решительно не хочет, чтоб я познакомился с ее мужем — тем хромым старичком, которого я видел мельком на бульваре: она вышла за него для сына. Он богат и страдает ревматизмами. Я не позволил себе над ним ни одной насмешки: она его уважает, как отца, — и будет обманывать, как мужа... Странная вещь сердце человеческое вообще, и женское в особенности!

Муж Веры, Семен Васильевич Г...в, дальний родственник княгини Лиговской. Он живет с нею рядом; Вера часто бывает у княгини; я ей дал слово познакомиться с Лиговскими и волочиться за княжной, чтоб отвлечь от нее внимание. Таким образом, мои планы нимало не расстроились, и мне будет весело...

Весело!.. Да, я уже прошел тот период жизни душевной, когда ищут только счастья, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь, — теперь я только хочу быть любимым, и то очень немногими; даже мне кажется, одной постоянной привязанности мне было бы довольно: жалкая привычка сердца!..

Однако мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об этом не стараясь. Отчего это? — оттого ли что я никогда ничем очень не дорожу и что они ежеминутно боялись выпустить меня из рук? или это — магнетическое влияния сильного организма? или мне просто не удавалось встретить женщину с упорным характером?

Надо признаться, что я точно не люблю женщин с характером: их ли это дело!..

Правда, теперь вспомнил: один раз, один только раз я любил женщину с твердой волей, которую никогда не мог победить... Мы расстались врагами, — и то, может быть, если б я ее встретил пятью годами позже, мы рас-

стались бы иначе...

Вера больна, очень больна, хотя в этом и не признается, я боюсь, чтобы не было у нее чахотки или той болезни, которую называют *fièvre lente* — болезнь не русская вовсе, и ей на нашем языке нет названия.

Гроза застала нас в гроте и удержала лишних полчаса. Она не заставляла меня клясться в верности, не спрашивала, любил ли я других с тех пор, как мы расстались... Она вверилась мне снова с прежней беспечно-стью, — я ее не обману: она единственная женщина в мире, которую я не в силах был бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, на веки: оба пойдем разными путями до гроба; но воспоминание о ней останется неприкосновенным в душе моей; я ей это повторял всегда и она мне верит, хотя говорит противное.

Наконец мы расстались; я долго следил за нею взором, пока ее шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болезненно сжалось, как после первого расставания. О, как я обарадовался этому чувству! Уж не молодость ли с своими благотворными бу-

рями хочет вернуться ко мне опять, или это только ее прощальный взгляд, последний подарок — на память?.. А смешно подумать, что на вид я еще мальчик: лицо хотя бледно, но еще свежо; члены гибки и стройны; густые кудри вьются, глаза горят, кровь кипит...

Возвратясь домой, я сел верхом и поскакал в степь; я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве, против пустынного ветра; с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметов, которые ежеминутно становятся все яснее и яснее. Какая бы горесть ни лежала на сердце, какое бы беспокойство ни томило мысль, все в минуту рассеется; на душе станет легко, усталость тела победит тревогу ума. Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде кудрявых гор, озаренных южным солнцем, при виде голубого неба или внимая шуму потока, падающего с утеса на утес.

Я думаю, казаки, зевающие на своих вышках, видя меня скачущего без нужды и цели, долго мучились этой загадкой, ибо, верно, по одежде приняли меня за черкеса. Мне в са-

мом деле говорили, что в черкесском костюме верхом я больше похож на кабардинца, чем многие кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишнего, оружие ценное в простой отделке, мех на шапке не слишком длинный, не слишком короткий; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешмет белый, черкеска темно-бурая. Я долго изучал горскую посадку: ничем нельзя так польстить моему самолюбию, как признавая мое искусство в верховой езде на кавказский лад. Я держу четырех лошадей: одну для себя, трех для приятелей, чтоб не скучно было одному таскаться по полям; они берут моих лошадей с удовольствием и никогда со мной не ездят вместе. Было уже шесть часов пополудни, когда вспомнил я, что пора обедать; лошадь моя была измучена; я выехал на дорогу, ведущую из Пятигорска в немецкую колонию, куда часто водяное общество ездит *en rîqueniîque*. [47] Дорога идет, извиваясь между кустарниками, опускаясь в небольшие овраги, где протекают шумные ручьи под сенью высоких трав; кру-

гом амфитеатром возвышаются синие громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы. Спустясь в один из таких оврагов, называемых на здешнем наречии *балками*, я остановился, чтоб напоить лошадь; в это время показалась на дороге шумная и блестящая кавалькада: дамы в черных и голубых амазонках, кавалеры в костюмах, составляющих смесь *черкесского с нижегородским*; впереди ехал Грушницкий с княжною Мери.

Дамы на водах еще верят нападениям черкесов среди белого дня; вероятно, поэтому Грушницкий сверх солдатской шинели повесил шашку и пару пистолетов: он был довольно смешон в этом геройском обличии. Высокий куст закрывал меня от них, но сквозь листья его я мог видеть все и отгадать по выражениям их лиц, что разговор был сентиментальный. Наконец они приблизились к спуску; Грушницкий взял за повод лошадь княжны, и тогда я услышал конец их разговора:

— И вы целую жизнь хотите остаться на Кавказе? — говорила княжна.

— Что для меня Россия! — отвечал ее кавалер.

лер, — страна, где тысячи людей, потому что они богаче меня, будут смотреть на меня с презрением, тогда как здесь — здесь эта толстая шинель не помешала моему знакомству с вами...

— Напротив... — сказала княжна, покраснев.

Лицо Грушницкого изобразило удовольствие. Он продолжал:

— Здесь моя жизнь протечет шумно, незаметно и быстро, под пулями дикарей, и если бы бог мне каждый год посылал один светлый женский взгляд, один, подобный тому...

В это время они поравнялись со мной; я ударил плетью по лошади и выехал из-за куста...

— Mon Dieu, un Circassien!..[48] — вскрикнула княжна в ужасе. Чтоб ее совершенно разубедить, я отвечал по-французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, — je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier.[49]

Она смутилась, — но отчего? от своей ошибки или оттого, что мой ответ ей показался дерзким? Я желал бы, чтоб последнее мое

предположение было справедливо. Грушницкий бросил на меня недовольный взгляд.

Поздно вечером, то есть часов в одиннадцать, я пошел гулять по липовой аллее бульвара. Город спал, только в некоторых окнах мелькали огни. С трех сторон чернели гребни утесов, отрасли Машука, на вершине которого лежало зловещее облачко; месяц подымался на востоке; вдали серебряной бахромой сверкали снеговые горы. Оклики часовых перемежались с шумом горячих ключей, спущенных на ночь. Порою звучный топот коня раздавался по улице, сопровождаемый скрипом нагайской арбы и заунывным татарским припевом. Я сел на скамью и задумался... Я чувствовал необходимость излить свои мысли в дружеском разговоре... но с кем? «Что делает теперь Вера?» — думал я... Я бы дорого дал, чтоб в эту минуту пожать ее руку.

Вдруг слышу быстрые и неровные шаги... Верно, Грушницкий... Так и есть!

— Откуда?

— От княгини Лиговской, — сказал он очень важно. — Как Мери поет!..

— Знаешь ли что? — сказал я ему, — я пари

держу, что она не знает, что ты юнкер; она думает, что ты разжалованный...

— Может быть! Какое мне дело!.. — сказал он рассеянно.

— Нет, я только так это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно рассердил? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу мог ее уверить, что ты так хорошо воспитан и так хорошо знаешь свет, что не мог иметь намерение ее оскорбить; она говорит, что у тебя наглый взгляд, что ты, верно, о себе самого высокого мнения.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мне жаль, что не имею еще этого права...

— О-го! — подумал я, — у него, видно, есть уже надежды...

— Впрочем, для тебя же хуже, — продолжал Грушницкий, — теперь тебе трудно познакомиться с ними, — а жаль! это один из самых приятных домов, какие я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

— Самый приятный дом для меня теперь

мой, — сказал я, зевая, и встал, чтоб идти.

— Однако признайся, ты раскаиваешься?..

— Какой вздор! если я захочу, то завтра же буду вечером у княгини...

— Посмотрим...

— Даже, чтоб тебе сделать удовольствие, стану волочиться за княжной...

— Да, если она захочет говорить с тобой...

— Я подожду только той минуты, когда твой разговор ей наскучит... Прощай!..

— А я пойду шататься, — я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдем лучше в ресторан, там игра... мне нужны нынче сильные ощущения...

— Желаю тебе проиграться...

Я пошел домой.

21-го мая.

Прошла почти неделя, а я еще не познакомился с Лиговскими. Жду удобного случая. Грушницкий, как тень, следует за княжной везде; их разговоры бесконечны: когда же он ей наскучит?.. Мать не обращает на это внимания, потому что он *не жених*. Вот логика матерей! Я подметил два, три нежных взгля-

да, — надо этому положить конец.

Вчера у колодца в первый раз явилась Вера... Она, с тех пор как мы встретились в гроте, не выходила из дома. Мы в одно время опустили стаканы, и, наклонясь, она мне сказала шепотом:

— Ты не хочешь познакомиться с Лиговскими?.. Мы только там можем видаться...

Упрек! скучно! Но я его заслужил...

Кстати: завтра бал по подписке в зале ресторации, и я буду танцевать с княжной мазурку.

Тифлис.

22-го мая.

Зала ресторации превратилась в залу Благородного собрания. В девять часов все съехались. Княгиня с дочерью явилась из последних; многие дамы посмотрели на нее с завистью и недоброжелательством, потому что княжна Мери одевается со вкусом. Те, которые почитают себя здешними аристократками, утаив зависть, примкнулись к ней. Как быть? Где есть общество женщин — там сейчас явится высший и низший круг. Под ок-

ном, в толпе народа, стоял Грушницкий, прижав лицо к стеклу и не спуская глаз с своей богини; она, проходя мимо, едва приметно кивнула ему головой. Он просиял, как солнце... Танцы начались польским; потом заиграли вальс. Шпоры зазвенели, фалды поднялись и закружились.

Я стоял сзади одной толстой дамы, осенен-

ной розовыми перьями; пышность ее платья напоминала времена фижм, а пестрота ее негладкой кожи — счастливую эпоху мушек из черной тафты. Самая большая бородавка на ее шее прикрыта была фермуаром. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Эта княжна Лиговская пренесносная девчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрела на меня в лорнет... *C'est impayable!*..[50] И чем она гордится? Уж ее надо бы проучить...

— За этим дело не станет! — отвечал услужливый капитан и отправился в другую комнату.

Я тотчас подошел к княжне, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здешних обычаев, позволяющих танцевать с незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгий вид: она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку набок, и мы пустились. Я

не знаю талии более сладострастной и гибкой! Ее свежее дыхание касалось моего лица; иногда локон, отделившийся в вихре вальса от своих товарищей, скользил по горячей щеке моей... Я сделал три тура. (Она вальсирует удивительно хорошо). Она запыхалась, глаза ее помутились, полураскрытые губки едва могли прошептать необходимое: «Merci, monsieur».[51]

После нескольких минут молчания я сказал ей, приняв самый покорный вид:

— Я слышал, княжна, что, будучи вам во все незнаком, я имел уже несчастье заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзким... неужели это правда?

— И вам бы хотелось теперь меня утвердить в этом мнении? — отвечала она с иронической гримаской, которая, впрочем, очень идет к ее подвижной физиономии.

— Если я имел дерзость вас чем-нибудь оскорбить, то позвольте мне иметь еще большую дерзость просить у вас прощения... И, право, я бы очень желал доказать вам, что вы насчет меня ошибались...

— Вам это будет довольно трудно...

— Отчего же?

— Оттого, что вы у нас не бываете, а эти балы, вероятно, не часто будут повторяться.

«Это значит, — подумал я, — что их двери для меня навеки закрыты».

— Знаете, княжна, — сказал я с некоторой досадой, — никогда не должно отвергать кающегося преступника: с отчаяния он может сделаться еще вдвое преступнее... и тогда...

Хохот и шушуканье нас окружающих заставили меня обернуться и прервать мою фразу. В нескольких шагах от меня стояла группа мужчин, и в их числе драгунский капитан, изъявивший враждебные намерения против милой княжны; он особенно был чем-то очень доволен, потирал руки, хохотал и перемигивался с товарищами. Вдруг из среды их отделился господин во фраке с длинными усами и красной рожей и направил неверные шаги свои прямо к княжне: он был пьян. Остановясь против смутившейся княжны и заложив руки за спину, он уставил на нее мутно-серые глаза и произнес хриплым дишкантом:

— Пермете...[52] ну, да что тут!.. просто ан-

гажирую вас на мазурку...

— Что вам угодно? — произнесла она дрожащим голосом, бросая кругом умоляющий взгляд. Увы! ее мать была далеко, и возле никого из знакомых ей кавалеров не было; один адъютант, кажется, все это видел, да спрятался за толпой, чтоб не быть замешану в историю.

— Что же? — сказал пьяный господин, мигнув драгунскому капитану, который ободрял его знаками, — разве вам не угодно?.. Я таки опять имею честь вас ангажировать pour mazure...[53] Вы, может, думаете, что я пьян? Это ничего!.. Гораздо свободнее, могу вас уверить...

Я видел, что она готова упасть в обморок от страха и негодования.

Я подошел к пьяному господину, взял его довольно крепко за руку и, посмотрев ему пристально в глаза, попросил удалиться, — потому, прибавил я, что княжна давно уж обещалась танцевать мазурку со мною.

— Ну, нечего делать!.. в другой раз! — сказал он, засмеявшись, и удалился к своим пристыженным товарищам, которые тотчас уве-

ли его в другую комнату.

Я был вознагражден глубоким, чудесным взглядом.

Княжна подошла к своей матери и рассказала ей все, та отыскала меня в толпе и благодарила. Она объявила мне, что знала мою мать и была дружна с полдюжиной моих тетушек.

— Я не знаю, как случилось, что мы до сих пор с вами незнакомы, — прибавила она, — но признайтесь, вы этому одни виною: вы дичитесь всех так, что ни на что не похоже. Я надеюсь, что воздух моей гостиной разгонит ваш сплин... не правда ли?

Я сказал ей одну из тех фраз, которые у всякого должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрилли тянулись ужасно долго.

Наконец с хор загремела мазурка; мы с княжной уселись.

Я не намекал ни разу ни о пьяном господине, ни о прежнем моем поведении, ни о Грушницком. Впечатление, произведенное на нее неприятною сценою, мало-помалу рассеялось; личико ее расцвело; она шутила очень

мило; ее разговор был остер, без притязания на остроту, жив и свободен; ее замечания иногда глубоки... Я дал ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мне давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснела.

— Вы странный человек! — сказала она потом, подняв на меня свои бархатные глаза и принужденно засмеявшись.

— Я не хотел с вами знакомиться, — продолжал я, — потому что вас окружает слишком густая толпа поклонников, и я боялся в ней исчезнуть совершенно.

— Вы напрасно боялись! Они все прескучные...

— Все! Неужели все?

Она посмотрела на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потом опять слегка покраснела и, наконец, произнесла решительно: все!

— Даже мой друг Грушницкий?

— А он ваш друг? — сказала она, показывая некоторое сомнение.

— Да.

— Он, конечно, не входит в разряд скуч-

НЫХ...

— Но в разряд несчастных, — сказал я смеясь.

— Конечно! А вам смешно? Я б желала, чтоб вы были на его месте...

— Что ж? я был сам некогда юнкером, и, право, это самое лучшее время моей жизни!

— А разве он юнкер?.. — сказала она быстро и потом прибавила: — А я думала...

— Что вы думали?..

— Ничего!.. Кто эта дама?

Тут разговор переменял направление и к этому уж более не возвращался.

Вот мазурка кончилась, и мы распростылись — до свидания. Дамы разъехались... Я пошел ужинать и встретил Вернера.

— А-га! — сказал он, — так-то вы! А еще хотели не иначе знакомиться с княжной, как спасши ее от верной смерти.

— Я сделал лучше, — отвечал я ему, — спас ее от обморока на бале!..

— Как это? Расскажите!..

— Нет, отгадайте, — о вы, отгадывающий все на свете!

23-го мая.

Около семи часов вечера я гулял на бульваре. Грушницкий, увидав меня издали, подошел ко мне: какой-то смешной восторг блистал в его глазах. Он крепко пожал мне руку и сказал трагическим голосом:

— Благодарю тебя, Печорин... Ты понимаешь меня?..

— Нет; но, во всяком случае, не стоит благодарности, — отвечал я, не имея точно на совесть никакого благодеяния.

— Как? а вчера? ты разве забыл?.. Мери мне все рассказала...

— А что? разве у вас уж нынче все общее? и благодарность?..

— Послушай, — сказал Грушницкий очень важно, — пожалуйста, не подшучивай над моей любовью, если хочешь остаться моим приятелем... Видишь: я ее люблю до безумия... и я думаю, я надеюсь, она также меня любит... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у них вечером... обещаю мне замечать все; я знаю, ты опытен в этих вещах, ты лучше меня знаешь женщин... Женщины! женщины! кто их поймет? Их улыбки проти-

воречат их взорам, их слова обещают и манят, а звук их голоса отталкивает... То они в минуту постигают и угадывают самую потаенную нашу мысль, то не понимают самых ясных намеков... Вот хоть княжна: вчера ее глаза пылали страстью, останавливаясь на мне, нынче они тусклы и холодны...

— Это, может быть, следствие действия вод, — отвечал я.

— Ты во всем видишь худую сторону... матерьялист! — прибавил он презрительно. — Впрочем, переменим материю, — и, довольный плохим каламбуром, он развеселился.

В девятом часу мы вместе пошли к княгине.

Проходя мимо окон Веры, я видел ее у окна. Мы кинули друг другу беглый взгляд. Она вскоре после нас вошла в гостиную Лиговских. Княгиня меня ей представила как своей родственнице. Пили чай; гостей было много; разговор был общий. Я старался понравиться княгине, шутил, заставлял ее несколько раз смеяться от души; княжне также не раз хотелось похохотать, но она удерживалась, чтоб не выйти из принятой роли; она находит, что

томность к ней идет, — и, может быть, не ошибается. Грушницкий, кажется, очень рад, что моя веселость ее не заражает.

После чая все пошли в залу.

— Довольна ль ты моим послушанием, Вера? — сказал я, проходя мимо ее.

Она мне кинула взгляд, исполненный любви и благодарности. Я привык к этим взглядам; но некогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепьяно; все просили ее спеть что-нибудь, — я молчал и, пользуясь суматохой, отошел к окну с Верой, которая мне хотела сказать что-то очень важное для нас обоих... Вышло — вздор...

Между тем княжне мое равнодушие было досадно, как я мог догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О, я удивительно понимаю этот разговор немой, но выразительный, краткий, но сильный!..

Она запела: ее голос недурен, но поет она плохо... впрочем, я не слушал. Зато Грушницкий, облокотясь на рояль против нее, пожирал ее глазами и поминутно говорил вполголоса: «*Charmant! délicieux!*»[54]

— Послушай, — говорила мне Вера, — я не

хочу, чтоб ты знакомился с моим мужем, но ты должен непременно понравиться княгине; тебе это легко: ты можешь все, что захочешь. Мы здесь только будем видеться...

— Только?..

Она покраснела и продолжала:

— Ты знаешь, что я твоя раба; я никогда не умела тебе противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мере я хочу сберечь свою репутацию... не для себя: ты это знаешь очень хорошо!.. О, я прошу тебя: не мучь меня по-прежнему пустыми сомнениями и притворной холодностью: я, может быть, скоро умру, я чувствую, что слабею со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебе. Вы, мужчины, не понимаете наслаждений взора, пожатия руки, а я, клянусь тебе, я, прислушиваясь к твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркие поцелуи не могут заменить его.

Между тем княжна Мери перестала петь. Ропот похвал раздался вокруг нее; я подошел к ней после всех и сказал ей что-то насчет ее голоса довольно небрежно.

— Мне это тем более лестно, — сказала она, — что вы меня вовсе не слушали; но вы, может быть, не любите музыки?..

— Напротив... после обеда особенно.

— Грушницкий прав, говоря, что у вас самые прозаические вкусы... и я вижу, что вы любите музыку в гастрономическом отношении...

— Вы ошибаетесь опять: я вовсе не гастроном: у меня прескверный желудок. Но музыка после обеда усыпляет, а спать после обеда здорово: следовательно, я люблю музыку в медицинском отношении. Вечером же она, напротив, слишком раздражает мои нервы: мне делается или слишком грустно, или слишком весело. То и другое утомительно, когда нет положительной причины грустить или радоваться, и притом грусть в обществе смешна, а слишком большая веселость неприлична...

Она не дослушала, отошла прочь, села возле Грушницкого, и между ними начался какой-то сентиментальный разговор: кажется, княжна отвечала на его мудрые фразы довольно рассеянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушает его со вниманием, по-

тому что он иногда смотрел на нее с удивлением, стараясь угадать причину внутреннего волнения, изображавшегося иногда в ее беспокойном взгляде...

Но я вас отгадал, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мне отплатить тою же монетою, кольнуть мое самолюбие, — вам не удастся! и если вы мне объявите войну, то я буду беспощаден.

В продолжение вечера я несколько раз нарочно старался вмешаться в их разговор, но она довольно сухо встречала мои замечания, и я с притворной досадою наконец удалился. Княжна торжествовала, Грушницкий тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вам недолго торжествовать!.. Как быть? у меня есть предчувствие... Знакомясь с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал, будет ли она меня любить или нет...

Остальную часть вечера я провел возле Веры и досыта наговорился о старине... За что она меня так любит, право, не знаю! Тем более, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всеми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели

зло так привлекательно?..

Мы вышли вместе с Грушницким; на улице он взял меня под руку и после долгого молчания сказал:

— Ну, что?

«Ты глуп», — хотел я ему ответить, но удержался и только пожал плечами.

29-го мая.

Все эти дни я ни разу не отступил от своей системы. Княжне начинает нравиться мой разговор; я рассказал ей некоторые из странных случаев моей жизни, и она начинает видеть во мне человека необыкновенного. Я смеюсь над всем на свете, особенно над чувствами: это начинает ее пугать. Она при мне не смеет пускаться с Грушницким в сентиментальные прения и уже несколько раз отвечала на его выходки насмешливой улыбкой; но я всякий раз, как Грушницкий подходит к ней, принимаю смиренный вид и оставляю их вдвоем; в первый раз была она этому рада или старалась показать; во второй — рассердилась на меня, в третий — на Грушницкого.

— У вас очень мало самолюбия! — сказала она мне вчера. — Отчего вы думаете, что мне веселее с Грушницким?

Я отвечал, что жертвую счастию приятеля своим удовольствием...

— И моим, — прибавила она.

Я пристально посмотрел на нее и принял серьезный вид. Потом целый день не говорил с ней ни слова... Вечером она была задумчива, нынче поутру у колодца еще задумчивей; когда я подошел к ней, она рассеянно слушала Грушницкого, который, кажется, восхищался природой, но только что завидела меня, она стала хохотать (очень некстати), показывая, будто меня не примечает. Я отошел подалее и украдкой стал наблюдать за ней: она отвернулась от своего собеседника и зевнула два раза. Решительно, Грушницкий ей надоел. Еще два дня не буду с ней говорить.

3-го июня.

Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? К чему это женское ко-

кетство? Вера меня любит больше, чем княжна Мери будет любить когда-нибудь; если б она мне казалась непобедимой красавицей, то, может быть, я бы завлекся трудностью предприятия...

Но ничуть не бывало! Следовательно, это не та беспокойная потребность любви, которая нас мучит в первые годы молодости, бросает нас от одной женщины к другой, пока мы найдем такую, которая нас терпеть не может: тут начинается наше постоянство — истинная бесконечная страсть, которую математически можно выразить линией, падающей из точки в пространство; секрет этой бесконечности — только в невозможности достигнуть цели, то есть конца.

Из чего же я хлопочу? Из зависти к Грушницкому? Бедняжка, он вовсе ее не заслуживает. Или это следствие того скверного, но непобедимого чувства, которое заставляет нас уничтожать сладкие заблуждения ближнего, чтоб иметь мелкое удовольствие сказать ему, когда он в отчаянии будет спрашивать, чему он должен верить: «Мой друг, со мною было то же самое, и ты видишь, однако,

я обедаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надеюсь, сумею умереть без крика и слез!»

А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше неспособен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное как жажда власти, а первое мое удовольствие — подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха — не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, — не самая ли это сладкая пи-

ца нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив; если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви. Зло порождает зло; первое страдание дает понятие о удовольствии мучить другого; идея зла не может войти в голову человека без того, чтоб он не захотел приложить ее к действительности: идеи — создания органические, сказал кто-то: их рождение дает уже им форму, и эта форма есть действие; тот, в чьей голове родилось больше идей, тот больше других действует; от этого гений, прикованный к чиновническому столу, должен умереть или сойти с ума, точно так же, как человек с могучим телосложением, при сидячей жизни и скромном поведении, умирает от апоплексического удара.

Страсти не что иное, как идеи при первом своем развитии: они принадлежность юности сердца, и глупец тот, кто думает целую жизнь ими волноваться: многие спокойные реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это

спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов; душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет и убеждается в том, что так должно; она знает, что без гроз постоянный зной солнца ее иссушит; она проникается своей собственной жизнью, — лелеет и наказывает себя, как любимого ребенка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие божие.

Перечитывая эту страницу, я замечаю, что далеко отвлекся от своего предмета... Но что за нужда?.. Ведь этот журнал пишу я для себя, и, следовательно, все, что я в него ни брошу, будет со временем для меня драгоценным воспоминанием.

.....

Пришел Грушницкий и бросился мне на шею: он произведен в офицеры. Мы выпили шампанского. Доктор Вернер вошел вслед за ним.

— Я вас не поздравляю, — сказал он Грушницкому.

— Отчего?

— Оттого, что солдатская шинель к вам очень идет, и признайтесь, что армейский пешотный мундир, сшитый здесь, на водах, не придаст вам ничего интересного... Видите ли, вы до сих пор были исключением, а теперь подойдете под общее правило.

— Толкуйте, толкуйте, доктор! вы мне не мешаете радоваться. Он не знает, — прибавил Грушницкий мне на ухо, — сколько надежд придали мне эти эполеты... О, эполеты, эполеты! ваши звездочки, путеводительные звездочки... Нет! я теперь совершенно счастлив.

— Ты идешь с нами гулять к провалу? — спросил я его.

— Я? ни за что не покажусь княжне, пока не готов будет мундир.

— Прикажешь ей объявить о твоей радости?..

— Нет, пожалуйста, не говори... Я хочу ее удивить...

— Скажи мне, однако, как твои дела с нею?

Он смутился и задумался: ему хотелось похвастаться, солгать — и было совестно, а вместе с этим было стыдно признаться в истине.

— Как ты думаешь, любит ли она тебя?

— Любит ли? Помилуй, Печорин, какие у тебя понятия!.. как можно так скоро?.. Да если даже она и любит, то порядочная женщина этого не скажет...

— Хорошо! И, вероятно, по-твоему, порядочный человек должен тоже молчать о своей страсти?..

— Эх, братец! на все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаем в глазах, ни к чему женщину не обязывает, тогда как слова... Берегись, Грушницкий, она тебя надувает...

— Она?.. — отвечал он, подняв глаза к небу и самодовольно улыбнувшись, — мне жаль тебя, Печорин!..

Он ушел.

Вечером многочисленное общество отправилось пешком к провалу.

По мнению здешних ученых, этот провал не что иное, как угасший кратер; он находится на отлогости Машука, в версте от города. К нему ведет узкая тропинка между кустарников и скал; взбираясь на гору, я подал руку

княжне, и она ее не покидала в продолжение целой прогулки.

Разговор наш начался злословием: я стал перебирать присутствующих и отсутствующих наших знакомых, сначала выказывал смешные, а после дурные их стороны. Желчь моя взволновалась. Я начал шутя — и кончил искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потом испугало.

— Вы опасный человек! — сказала она мне, — я бы лучше желала попасться в лесу под нож убийцы, чем вам на язычок... Я вас прошу не шутя: когда вам вздумается обо мне говорить дурно, возьмите лучше нож и нарежьте меня, — я думаю, это вам не будет очень трудно.

— Разве я похож на убийцу?..

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потом сказал, приняв глубоко тронутый вид:

— Да, такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных чувств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромен — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я

глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли. Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаяние — не то отчаяние, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил, — тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о

существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней, и я вам прочел ее эпитафию. Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится. Впрочем, я не прошу вас разделять мое мнение: если моя выходка вам кажется смешна — пожалуйста, смейтесь: предупреждаю вас, что это меня не огорчит ничто.

В эту минуту я встретил ее глаза: в них бегали слезы; рука ее, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Сострадание — чувство, которому покоряются так легко все женщины, впустило свои когти в ее неопытное сердце. Во все время прогулки она была рассеянна, ни с кем не кокетничала, — а это великий признак!

Мы пришли к привалу; дамы оставили своих кавалеров, но она не покидала руки моей. Остроты здешних денди ее не смешили; крутизна обрыва, у которого она стояла, ее не пугала, тогда как другие барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратном пути я не возобновлял на-

шего печального разговора; но на пустые мои вопросы и шутки она отвечала коротко и рассеянно.

— Любили ли вы? — спросил я ее наконец.

Она посмотрела на меня пристально, покачала головой — и опять впала в задумчивость: явно было, что ей хотелось что-то сказать, но она не знала, с чего начать; ее грудь волновалась... Как быть! кисейный рукав слабая защита, и электрическая искра пробежала из моей руки в ее руку; все почти страсти начинаются так, и мы часто себя очень обманываем, думая, что нас женщина любит за наши физические или нравственные достоинства; конечно, они готовят ее сердце к принятию священного огня, а все-таки первое прикосновение решает дело.

— Не правда ли, я была очень любезна сегодня? — сказала мне княжна с принужденной улыбкой, когда мы возвратились с гулянья.

Мы расстались.

Она недовольна собой: она себя обвиняет в холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочет вознаградить меня.

Я все это уж знаю наизусть — вот что скучно!

4-го июня.

Нынче я видел Веру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей поверять свои сердечные тайны: надо признаться, удачный выбор!

— Я отгадываю, к чему все это клонится, — говорила мне Вера, — лучше скажи мне просто теперь, что ты ее любишь.

— Но если я ее не люблю?

— То зачем же ее преследовать, тревожить, волновать ее воображение?.. О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтоб я тебе верила, то приезжай через неделю в Кисловодск; послезавтра мы переезжаем туда. Княгиня остается здесь дольше. Найми квартиру рядом; мы будем жить в большом доме близ источника, в мезонине; внизу княгиня Лиговская, а рядом есть дом того же хозяина, который еще не занят... Приедешь?..

Я обещал — и тот же день послал занять эту квартиру.

Грушницкий пришел ко мне в шесть часов вечера и объявил, что завтра будет готов его

мундир, как раз к балу.

— Наконец я буду с нею танцевать целый вечер... Вот наговорюсь! — прибавил он.

— Когда же бал?

— Да завтра! Разве не знаешь? Большой праздник, и здешнее начальство взялось его устроить...

— Пойдем на бульвар...

— Ни за что, в этой гадкой шинели...

— Как, ты ее разлюбил?..

Я ушел один и, встретив княжну Мери, позвал ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

— Я думала, что вы танцуете только по необходимости, как прошлый раз, — сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замечает отсутствия Грушницкого.

— Вы будете завтра приятно удивлены, — сказал я ей.

— Чем?

— Это секрет... на бале вы сами догадаетесь.

Я окончил вечер у княгини; гостей не было, кроме Веры и одного презабавного старич-

ка. Я был в духе, импровизировал разные необыкновенные истории; княжна сидела против меня и слушала мой вздор с таким глубоким, напряженным, даже нежным вниманием, что мне стало совестно. Куда девалась ее живость, ее кокетство, ее капризы, ее дерзкая мина, презрительная улыбка, рассеянный взгляд?..

Вера все это заметила: на ее болезненном лице изображалась глубокая грусть; она сидела в тени у окна, погружаясь в широкие кресла... Мне стало жаль ее...

Тогда я рассказал всю драматическую историю нашего знакомства с нею, нашей любви, — разумеется, прикрыв все это вымышленными именами.

Я так живо изобразил мою нежность, мои беспокойства, восторги; я в таком выгодном свете выставил ее поступки, характер, что она поневоле должна была простить мне мое кокетство с княжной.

Она встала, подседа к нам, оживилась... и мы только в два часа ночи вспомнили, что доктора велют ложиться спать в одиннадцать.

5-го июня.

За полчаса до бала явился ко мне Грушницкий в полном сиянии армейского пехотного мундира. К третьей пуговице пристегнута была бронзовая цепочка, на которой висел двойной лорнет; эполеты невероятной величины были загнуты кверху в виде крылышек амура; сапоги его скрипели; в левой руке держал он коричневые лайковые перчатки и фуражку, а правую взбивал ежеминутно в мелкие кудри завитой хохол. Самодовольствие и вместе некоторая неуверенность изображались на его лице; его праздничная наружность, его гордая походка заставили бы меня расхохотаться, если б это было согласно с моими намерениями.

Он бросил фуражку с перчатками на стол и начал обтягивать фалды и поправляться перед зеркалом; черный огромный платок, накрученный на высочайший подгалстушник, которого щетина поддерживала его подбородок, высовывался на полвершка из-за воротника; ему показалось мало: он вытащил его кверху до ушей; от этой трудной работы, ибо воротник мундира был очень узок и беспоко-

ен, лицо его налилось кровью.

— Ты, говорят, эти дни ужасно волочился за моей княжной? — сказал он довольно небрежно и не глядя на меня.

— Где нам, дуракам, чай пить! — отвечал я ему, повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес прошлого времени, воспетого некогда Пушкиным^{211}.

— Скажи-ка, хорошо на мне сидит мундир?.. Ох, проклятый жид!.. как под мышками? режет!.. Нет ли у тебя духов?

— Помилуй, чего тебе еще? от тебя и так уж несет розовой помадой...

— Ничего. Дай-ка сюда...

Он налил себе полсклянки за галстук, в носовой платок, на рукава.

— Ты будешь танцевать? — спросил он.

— Не думаю.

— Я боюсь, что мне с княжной придется начинать мазурку, — я не знаю почти ни одной фигуры...

— А ты звал ее на мазурку?

— Нет еще...

— Смотри, чтоб тебя не предупредили...

— В самом деле? — сказал он, ударив себя

по лбу. — Прощай... пойду дожидаться ее у подъезда. — Он схватил фуражку и побежал.

Через полчаса и я отправился. На улице было темно и пусто; вокруг собрания или трактира, как угодно, теснился народ; окна его светились; звуки полковой музыки доносили ко мне вечерний ветер. Я шел медленно; мне было грустно... Неужели, думал я, мое единственное назначение на земле — разрушать чужие надежды? С тех пор как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние! Я был необходимое лицо пятого акта; невольню я разыгрывал жалкую роль палача или предателя. Какую цель имела на это судьба?.. Уж не назначен ли я ею в сочинители мещанских трагедий и семейных романов — или в сотрудники поставщику повестей, например, для «Библиотеки для чтения»?.. Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее, как Александр Великий или лорд Байрон, а между тем целый век остаются титулярными советниками?..

Войдя в залу, я спрятался в толпе мужчин

и начал делать свои наблюдения. Грушницкий стоял возле княжны и что-то говорил с большим жаром; она его рассеянно слушала, смотрела по сторонам, приложив веер к губкам; на лице ее изображалось нетерпение, глаза ее искали кругом кого-то; я тихонько подошел сзади, чтоб подслушать их разговор.

— Вы меня мучите, княжна! — говорил Грушницкий, — вы ужасно переменились с тех пор, как я вас не видал...

— Вы также переменились, — отвечала она, бросив на него быстрый взгляд, в котором он не умел разобрать тайной насмешки.

— Я? я переменялся?.. О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видел вас однажды, тот навеки унесет с собою ваш божественный образ.

— Перестаньте...

— Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и так часто, внимали благосклонно?..

— Потому что я не люблю повторений, — отвечала она, смеясь...

— О, я горько ошибся!.. Я думал, безумный, что по крайней мере эти эпoletы дадут мне

право надеяться... Нет, лучше бы мне век остаться в этой презренной солдатской шинели, которой, может быть, я обязан вашим вниманием...

— В самом деле, вам шинель гораздо более к лицу...

В это время я подошел и поклонился княжне; она немножко покраснела и быстро проговорила:

— Не правда ли, мсье Печорин, что серая шинель гораздо больше идет к мсье Грушницкому?..

— Я с вами не согласен, — отвечал я, — в мундире он еще моложавее.

Грушницкий не вынес этого удара; как все мальчишки, он имеет претензию быть стариком; он думает, что на его лице глубокие следы страстей заменяют отпечаток лет. Он на меня бросил бешеный взгляд, топнул ногою и отошел прочь.

— А признайтесь, — сказал я княжне, — что хотя он всегда был очень смешон, но еще недавно он вам казался интересен... в серой шинели?..

Она потупила глаза и не отвечала.

Грушницкий целый вечер преследовал княжну, танцевал или с нею, или вис-е-вис; он пожирал ее глазами, вздыхал и надоедал ей мольбами и упреками. После третьей кадрили она его уж ненавидела.

— Я этого не ожидал от тебя, — сказал он, подойдя ко мне и взяв меня за руку.

— Чего?

— Ты с нею танцуешь мазурку? — спросил он торжественным голосом. — Она мне призналась...

— Ну, так что ж? А разве это секрет?

— Разумеется... Я должен был этого ожидать от девчонки... от кокетки... Уж я отомщу!

— Пеняй на свою шинель или на свои эпoletы, а зачем же обвинять ее? Чем она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

— Зачем же подавать надежды?

— Зачем же ты надеялся? Желать и добиваться чего-нибудь — понимаю, а кто ж надеется?

— Ты выиграл пари — только не совсем, — сказал он, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкий выбирал одну только княжну, другие кавалеры поми-

нотно ее выбирали; это явно был заговор против меня; тем лучше: ей хочется говорить со мной, ей мешают, — ей захочется вдвое более.

Я раза два пожал ее руку; во второй раз она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, — сказала она мне, когда мазурка кончилась.

— Этому виноват Грушницкий.

— О нет! — И лицо ее стало так задумчиво, так грустно, что я дал себе слово в этот вечер непременно поцеловать ее руку.

Стали разъезжаться. Сажая княжну в карету, я быстро прижал ее маленькую ручку к губам своим. Было темно, и никто не мог этого видеть.

Я возвратился в залу очень доволен собой.

За большим столом ужинала молодежь, и между ними Грушницкий. Когда я вошел, все замолчали: видно, говорили обо мне. Многие с прошедшего бала на меня дуются, особенно драгунский капитан, а теперь, кажется, решительно составляется против меня враждебная шайка под командой Грушницкого. У него такой гордый и храбрый вид... Очень рад; я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня

забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание их хитростей и замыслов, — вот что я называю жизнью.

В продолжение ужина Грушницкий шептался и перемигивался с драгунским капитаном.

6-го июня.

Нынче поутру Вера уехала с мужем в Кисловодск. Я встретил их карету, когда шел к княгине Лиговской. Она мне кивнула головой: во взгляде ее был упрек.

Кто ж виноват? зачем она не хочет дать мне случай видеться с нею наедине? Любовь, как огонь, — без пищи гаснет. Авось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы.

Я сидел у княгини битый час. Мери не вышла, — больна. Вечером на бульваре ее не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла в самом деле грозный вид. Я рад, что княжна больна: они сде-

лали бы ей какую-нибудь дерзость. У Грушницкого растрепанная прическа и отчаянный вид; он, кажется, в самом деле огорчен, особенно самолюбие его оскорблено; но ведь есть же люди, в которых даже отчаяние забавно!..

Возвратясь домой, я заметил, что мне чего-то недостает. Я не видал ее! Она больна! Уж не влюбился ли я в самом деле?.. Какой вздор!

7-го июня.

В одиннадцать часов утра — час, в который княгиня Лиговская обыкновенно потеет в Ермоловской ванне, — я шел мимо ее дома. Княжна сидела задумчиво у окна; увидев меня, вскочила.

Я вошел в переднюю; людей никого не было, и я без доклада, пользуясь свободой здешних нравов, пробрался в гостиную.

Тусклая бледность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепьяно, опершись одной рукой на спинку кресел: эта рука чуть-чуть дрожала; я тихо подошел к ней и сказал: — Вы на меня сердитесь?..

Она подняла на меня томный, глубокий

взор и покачала головой; ее губы хотели проговорить что-то — и не могли; глаза наполнились слезами; она опустилась в кресла и закрыла лицо руками.

— Что с вами? — сказал я, взяв ее руку.

— Вы меня не уважаете!.. О! Оставьте меня!..

Я сделал несколько шагов... Она выпрямилась в креслах, глаза ее засверкали...

Я остановился, взявшись за ручку двери и сказал:

— Простите меня, княжна! Я поступил как безумец... этого в другой раз не случится: я приму свои меры... Зачем вам знать то, что происходило до сих пор в душе моей! Вы этого никогда не узнаете, и тем лучше для вас. Прощайте.

Уходя, мне кажется, я слышал, что она плакала.

Я до вечера бродил пешком по окрестностям Машука, утомился ужасно и, пришедши домой, бросился на постель в совершенном изнеможении.

Ко мне зашел Вернер.

— Правда ли, — спросил он, — что вы же-

нитесь на княжне Лиговской?

— А что?

— Весь город говорит; все мои больные заняты этой важной новостью, а уж эти больные такой народ: все знают!

«Это шутки Грушницкого!» — подумал я.

— Чтоб вам доказать, доктор, ложность этих слухов, объявляю вам по секрету, что завтра я переезжаю в Кисловодск...

— И княгиня также?..

— Нет, она остается еще на неделю здесь...

— Так вы не женитесь?..

— Доктор, доктор! посмотрите на меня: неужели я похож на жениха или на что-нибудь подобное?

— Я этого не говорю... но вы знаете, есть случаи... — прибавил он, хитро улыбаясь, — в которых благородный человек обязан жениться, и есть маменьки, которые по крайней мере не предупреждают этих случаев... Итак, я вам советую, как приятель, быть осторожнее! Здесь, на водах, преопасный воздух: сколько я видел прекрасных молодых людей, достойных лучшей участи и уезжавших отсюда прямо под венец... Даже, поверите ли, меня

хотели женить! Именно, одна уездная маменька, у которой дочь была очень бледна. Я имел несчастье сказать ей, что цвет лица возвратится после свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мне руку своей дочери и все свое состояние — пятьдесят душ, кажется. Но я отвечал, что я к этому не способен...

Вернер ушел в полной уверенности, что он меня предостерег.

Из слов его я заметил, что про меня и княжну уж распущены в городе разные дурные слухи: это Грушницкому даром не пройдет!

10-го июня.

Вот уж три дня, как я в Кисловодске. Каждый день вижу Веру у колодца и на гулянье. Утром, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнет на ее балкон; она давно уж одета и ждет условного знака; мы встречаемся, будто нечаянно, в саду, который от наших домов спускается к колодцу. Живительный горный воздух возвратил ей цвет лица и силы. Недаром Нарзан называется богатырским ключом.

Здесь жители утверждают, что воздух Кисловодска располагает к любви, что здесь бывают развязки всех романов, которые когда-либо начинались у подошвы Машука. И в самом деле, здесь все дышит уединением, здесь все таинственно — и густые сени липовых аллей, склоняющихся над потоком, который с шумом и пеною, падая с плиты на плиту, прорезывает себе путь между зеленеющими горами, и ущелья, полные мглой и молчанием, которых ветви разбегаются отсюда во все стороны, и свежесть ароматического воздуха, отягощенного испарениями высоких южных трав и белой акации, и постоянный, сладостно-усыпительный шум студеных ручьев, которые, встретясь в конце долины, бегут дружно взапуски и наконец кидаются в Подкумок. С этой стороны ущелье шире и превращается в зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякий раз, как я на нее взгляну, мне все кажется, что едет карета, а из окна кареты выглядывает розовое личико. Уж много карет проехало по этой дороге, — а той все нет. Слободка, которая за крепостью, населилась; в ресторации, построен-

ной на холме, в нескольких шагах от моей квартиры, начинают мелькать вечером огни сквозь двойной ряд тополей; шум и звон стаканов раздается до поздней ночи.

Нигде так много не пьют кахетинского вина и минеральной воды, как здесь.

*Но смешивать два эти ремесла
Есть тьма охотников — я не из
их числа.^{212}*

Грушницкий с своей шайкой бушует каждый день в трактире и со мной почти не кланяется.

Он только вчера приехал, а успел уже поспориться с тремя стариками, которые хотели прежде его сесть в ванну: решительно — несчастья развивают в нем воинственный дух.

11-го июня.

Наконец они приехали. Я сидел у окна, когда услышал стук их кареты: у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюблен? Я так глупо создан, что этого можно от меня ожидать.

Я у них обедал. Княгиня на меня смотрит очень нежно и не отходит от дочери... плохо! Зато Вера ревнует меня к княжне: добился же я этого благополучия! Чего женщина не сделает, чтоб огорчить соперницу! Я помню, одна меня полюбила за то, что я любил другую. Нет ничего парадоксальнее женского ума; женщин трудно убедить в чем-нибудь, надо их довести до того, чтоб они убедили себя сами; порядок доказательств, которыми они уничтожают свои предупреждения, очень оригинален; чтоб выучиться их диалектике, надо опрокинуть в уме своем все школьные правила логики. Например, способ обыкновенный:

Этот человек любит меня, но я замужем: следовательно, не должна его любить.

Способ женский:

Я не должна его любить, ибо я замужем; но он меня любит, — следовательно...

Тут несколько точек, ибо рассудок уже ничего не говорит, а говорят большею частью: язык, глаза и вслед за ними сердце, если оно имеется.

Что, если когда-нибудь эти записки попа-

дут на глаза женщине? «Клевета!» — закричит она с негодованием.

С тех пор, как поэты пишут и женщины их читают (за что им глубочайшая благодарность), их столько раз называли ангелами, что они в самом деле, в простоте душевной, поверили этому комплименту, забывая, что те же поэты за деньги величали Нерона полубогом...

Не кстати было бы мне говорить о них с такою злостью, — мне, который, кроме их, на свете ничего не любил, — мне, который всегда готов был им жертвовать спокойствием, честолюбием, жизнью... Но ведь я не в припадке досады и оскорбленного самолюбия стараюсь сдернуть с них то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взор проникает. Нет, все, что я говорю о них, есть только следствие

*Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.*^{213}

Женщины должны бы желать, чтоб все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех

пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости.

Кстати: Вернер намедни сравнил женщин с заколдованным лесом, о котором рассказывает Тасс в своем «Освобожденном Ерусалиме». «Только приступи, — говорил он, — на тебя полетят со всех сторон такие страхи, что боже упаси: долг, гордость, приличие... Надо только не смотреть, а идти прямо, — мало-помалу чудовища исчезают, и открывается пред тобой тихая и светлая поляна, среди которой цветет зеленый мирт. Зато беда, если на первых шагах сердце дрогнет и обернешься назад!»

12-го июня.

Сегодняшний вечер был обилен происшествиями. Верстах в трех от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая *Кольцом*; это — ворота, образованные природой; они поднимаются на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный взгляд. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотреть на закат солнца сквозь

каменное окошко. Никто из нас, по правде сказать, не думал о солнце. Я ехал возле княжны; возвращаясь домой, надо было переезжать Подкумок вброд. Горные речки, самые мелкие, опасны, особенно тем, что дно их — совершенный калейдоскоп: каждый день от напора волн оно изменяется; где был вчера камень, там нынче яма. Я взял под уздцы лошадь княжны и свел ее в воду, которая не была выше колен; мы тихонько стали подвигаться наискось против течения. Известно, что, переезжая быстрые речки, не должно смотреть на воду, ибо тотчас голова закружится. Я забыл об этом предупредить княжну Мери.

Мы были уж на середине, в самой быстрине, когда она вдруг на седле покачнулась. «Мне дурно!» — проговорила она слабым голосом... Я быстро наклонился к ней, обвил рукою ее гибкую талию. «Смотрите наверх! — шепнул я ей, — это ничего, только не бойтесь; я с вами».

Ей стало лучше; она хотела освободиться от моей руки, но я еще крепче обвил ее нежный мягкий стан; моя щека почти касалась ее

щетки; от нее веяло пламенем.

— Что вы со мною делаете? Боже мой!..

Я не обращал внимания на ее трепет и смущение, и губы мои коснулись ее нежной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала; мы ехали сзади; никто не видал. Когда мы выбрались на берег, то все пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остался возле нее; видно было, что ее беспокоило мое молчание, но я поклялся не говорить ни слова — из любопытства. Мне хотелось видеть, как она выпутается из этого затруднительного положения.

— Или вы меня презираете, или очень любите! — сказала она наконец голосом, в котором были слезы. — Может быть, вы хотите посмеяться надо мной, возмутить мою душу и потом оставить? Это было бы так подло, так низко, что одно предположение... о нет! не правда ли, — прибавила она голосом нежной доверенности, — не правда ли, во мне нет ничего такого, что бы исключало уважение? Ваш дерзкий поступок... я должна, я должна вам его простить, потому что позволила... Отвечайте, говорите же, я хочу слышать ваш го-

лос!.. — В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастью, начинало смеркаться. Я ничего не отвечал.

— Вы молчите? — продолжала она, — вы, может быть, хотите, чтоб я первая вам сказала, что я вас люблю?..

Я молчал...

— Хотите ли этого? — продолжала она, быстро обратясь ко мне... В решительности ее взора и голоса было что-то страшное...

— Зачем? — отвечал я, пожав плечами.

Она ударила хлыстом свою лошадь и пустилась во весь дух по узкой, опасной дороге; это произошло так скоро, что я едва мог ее догнать, и то, когда она уж она присоединилась к остальному обществу. До самого дома она говорила и смеялась поминутно. В ее движениях было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Все заметили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервический припадок: она проведет ночь без сна и будет плакать. Эта мысль мне доставляет необъятное наслаждение: есть ми-

нуты, когда я понимаю Вампира^[214]... А еще слышу добрым малым и добиваюсь этого названия!

Слезши с лошадей, дамы вошли к княгине; я был взволнован и поскакал в горы развеять мысли, толпившиеся в голове моей. Росистый вечер дышал упоительной прохладой. Луна подымалась из-за темных вершин. Каждый шаг моей некованой лошади глухо раздавался в молчании ущелий; у водопада я напоил коня, жадно вдохнул в себя раза два свежий воздух южной ночи и пустился в обратный путь. Я ехал через слободку. Огни начинали угасать в окнах; часовые на валу крепости и казаки на окрестных пикетах протяжно перекликались...

В одном из домов слободки, построенном на краю обрыва, заметил я чрезвычайное освещение; по временам раздавался нестройный говор и крики, изобличавшие военную пирушку. Я слез и подкрался к окну; неплотно притворенный ставень позволил мне видеть пирующих и расслышать их слова. Говорили обо мне.

Драгунский капитан, разгоряченный ви-

ном, ударил по столу кулаком, требуя внимания.

— Господа! — сказал он, — это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургские слетки всегда зазнаются, пока их не ударишь по носу! Он думает, что он только один и жил в свете, оттого что носит всегда чистые перчатки и вычищенные сапоги.

— И что за надменная улыбка! А я уверен между тем, что он трус, — да, трус!

— Я думаю тоже, — сказал Грушницкий. — Он любит отшучиваться. Я раз ему таких вещей наговорил, что другой бы меня изрубил на месте, а Печорин все обратил в смешную сторону. Я, разумеется, его не вызвал, потому что это было его дело; да не хотел и связываться...

— Грушницкий на него зол за то, что он отбил у него княжну, — сказал кто-то.

— Вот еще что вздумали! Я, правда, немножко волочился за княжной, да и тотчас отстал, потому что не хочу жениться, а компрометировать девушку не в моих правилах.

— Да я вас уверяю, что он первейший трус, то есть Печорин, а не Грушницкий, — о, Груш-

ницкий молодец, и притом он мой истинный друг! — сказал опять драгунский капитан. — Господа! никто здесь его не защищает? Никто? тем лучше! Хотите испытать его храбрость? Это нас позабавит...

— Хотим; только как?

— А вот слушайте: Грушницкий на него особенно сердит — ему первая роль! Он придерется к какой-нибудь глупости и вызовет Печорина на дуэль... Погодите; вот в этом-то и штука... Вызов на дуэль: хорошо! Все это — вызов, приготовления, условия — будет как можно торжественнее и ужаснее, — я за это берусь; я буду твоим секундантом, мой бедный друг! Хорошо! Только вот где закорючка: в пистолеты мы не положим пуль. Уж я вам отвечаю, что Печорин струсит — на шести шагах их поставлю, черт возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано! согласны! почему же нет? — раздалось со всех сторон.

— А ты, Грушницкий?

Я с трепетом ждал ответ Грушницкого; холодная злость овладела мною при мысли, что если б не случай, то я мог бы сделаться посме-

щищем этих дураков. Если б Грушницкий не согласился, я бросился б ему на шею. Но после некоторого молчания он встал с своего места, протянул руку капитану и сказал очень важно: «Хорошо, я согласен».

Трудно описать восторг всей честной компании.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. «За что они все меня ненавидят? — думал я. — За что? Обидел ли я кого-нибудь? Нет. Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство?» И я чувствовал, что ядовитая злость мало-помалу наполняла мою душу. «Берегись, господин Грушницкий! — говорил я, прохаживаясь взад и вперед по комнате. — Со мной этак не шутят. Вы дорого можете заплатить за одобрение ваших глупых товарищей. Я вам не игрушка!..»

Я не спал всю ночь. К утру я был желт, как померанец.

Поутру я встретил княжну у колодца.

— Вы больны? — сказала она, пристально посмотрев на меня.

— Я не спал ночь.

— И я также... я вас обвиняла... может быть, напрасно? Но объяснитесь, я могу вам простить все...

— Все ли?..

— Все... только говорите правду... только скорее... Видите ли, я много думала, старалась объяснить, оправдать ваше поведение; может быть, вы боитесь препятствий со стороны моих родных... это ничего; когда они узнают... (ее голос задрожал) я их упрошу. Или ваше собственное положение... но знайте, что я всем могу пожертвовать для того, которого люблю... О, отвечайте скорее, сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда ли? Она схватила меня за руки. Княгиня шла впереди нас с мужем Веры и ничего не видала; но нас могли видеть гуляющие больные, самые любопытные сплетники из всех любопытных, и я быстро освободил свою руку от ее страстного пожатия.

— Я вам скажу всю истину, — отвечал я княжне, — не буду оправдываться, ни объяснять своих поступков; я вас не люблю...

Ее губы слегка побледнели...

— Оставьте меня, — сказала она едва внятно.

Я пожал плечами, повернулся и ушел.

14-го июня.

Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?.. Я стал не способен к благородным порывам; я боюсь показаться смешным самому себе. Другой бы на моем месте предложил княжне son coeur et sa fortune;[55] но надо мною слово жениться имеет какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она мне даст только почувствовать, что я должен на ней жениться, — прости любовь! мое сердце превращается в камень, и ничто его не разогреет снова. Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но свободы моей не продам. Отчего я так дорожу ею? что мне в ней?.. куда я себя готовлю? чего я жду от будущего?.. Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страх, неизъяснимое предчувствие... Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей... Признаться ли?.. Когда я был

еще ребенком, одна старуха гадала про меня моей матери; она мне предсказала мне *смерть от злой жены*; это меня тогда глубоко поразило; в душе моей родилось непреодолимое отвращение к женитьбе... Между тем что-то мне говорит, что ее предсказание сбудется; по крайней мере буду стараться, чтоб оно сбылось как можно позже.

15-го июня.

Вчера приехал сюда фокусник *Апфельбаум*. На дверях ресторации явилась длинная афишка, извещающая почтеннейшую публику о том, что вышеименованный удивительный фокусник, акробат, химик и оптик будет иметь честь дать великолепное представление сегодняшнего числа в восемь часов вечера, в зале Благородного собрания (иначе — в ресторации); билеты по два рубля с полтиной.

Все собираются идти смотреть удивительного фокусника; даже княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ее больна, взяла для себя билет.

Нынче после обеда я шел мимо окон Веры; она сидела на балконе одна; к ногам моим

упала записка:

«Сегодня в десятом часу вечера приходи ко мне по большой лестнице; муж мой уехал в Пятигорск и завтра утром только вернется. Моих людей и горничных не будет в доме: я им всем раздала билеты, также и людям княгини. Я жду тебя; приходи непременно».

«А-га! — подумал я, — наконец-таки вышло по-моему».

В восемь часов пошел я смотреть фокусника. Публика собралась в исходе девятого; представление началось. В задних рядах ступльев узнал я лакеев и горничных Веры и княгини. Все были тут наперечет. Грушницкий сидел в первом ряду с лорнетом. Фокусник обращался к нему всякий раз, как ему нужен был носовой платок, часы, кольцо и прочее.

Грушницкий мне не кланяется уж несколько времени, а нынче раза два посмотрел на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда нам придется расплачиваться.

В исходе десятого я встал и вышел.

На дворе было темно, хоть глаз выколи. Тяжелые, холодные тучи лежали на вершинах окрестных гор: лишь изредка умирающий ветер шумел вершинами тополей, окружающих ресторацию; у окон ее толпился народ. Я спустился с горы, и повернув в ворота, прибавил шагу. Вдруг мне показалось, что кто-то идет за мной. Я остановился и осмотрелся. В темноте ничего нельзя было разобрать; однако я из осторожности обошел, будто гуляя, вокруг дома. Проходя мимо окон княжны, я услышал снова шаги за собою; человек, завернутый в шинель, пробежал мимо меня. Это меня встревожило; однако я прокрался к крыльцу и поспешно взбежал на темную лестницу. Дверь отворилась; маленькая ручка схватила мою руку...

— Никто тебя не видал? — сказала шепотом Вера, прижавшись ко мне.

— Никто!

— Теперь ты веришь ли, что я тебя люблю? О, я долго колебалась, долго мучилась... но ты из меня делаешь все, что хочешь.

Ее сердце сильно билось, руки были холодны как лед. Начались упреки ревности, жало-

бы, — она требовала от меня, чтоб я ей во всем признался, говоря, что она с покорностью перенесет мою измену, потому что хочет единственно моего счастья. Я этому не совсем верил, но успокоил ее клятвами, обещаниями и прочее.

— Так ты не женишься на Мери? не любишь ее?.. А она думает... знаешь ли, она влюблена в тебя до безумия, бедняжка!..

.....

.....

Около двух часов пополуночи я отворил окно и, связав две шали, спустился с верхнего балкона на нижний, придерживаясь за колонну. У княжны еще горел огонь. Что-то меня толкнуло к этому окну. Занавес был не совсем задернут, и я мог бросить любопытный взгляд во внутренность комнаты. Мери сидела на своей постели, скрестив на коленях руки; ее густые волосы были собраны под ночным чепчиком, обшитым кружевами; большой пунцовый платок покрывал ее белые плечики, ее маленькие ножки прятались в пестрых персидских туфлях. Она сидела неподвижно, опустив голову на грудь; пред нею на

столике была раскрыта книга, но глаза ее, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, в сотый раз пробежали одну и ту же страницу, тогда как мысли ее были далеко...

В эту минуту кто-то шевельнулся за кустом. Я спрыгнул с балкона на дерн. Невидимая рука схватила меня за плечо.

— Ага! — сказал грубый голос, — попался!.. будешь у меня к княжнам ходить ночью!..

— Держи его крепче! — закричал другой, выскочивший из-за угла.

Это были Грушницкий и драгунский капитан.

Я ударил последнего по голове кулаком, сшиб его с ног и бросился в кусты. Все тропинки сада, покрывавшего отлогость против наших домов, были мне известны.

— Воры! караул!.. — кричали они; раздался ружейный выстрел; дымящийся пыж упал почти к моим ногам.

Через минуту я был уже в своей комнате, разделся и лег. Едва мой лакей запер дверь на замок, как ко мне начали стучаться Грушницкий и капитан.

— Печорин! вы спите? здесь вы?.. — закрычал капитан.

— Вставайте! — воры... черкесы...

— У меня насморк, — отвечал я, — боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я им откликнулся: они б еще с час проискали меня в саду. Тревога между тем сделалась ужасная. Из крепости прискакал казак. Все зашевелилось; стали искать черкесов во всех кустах — и, разумеется, ничего не нашли. Но многие, вероятно, остались в твердом убеждении, что если б гарнизон показал более храбрости и поспешности, то по крайней мере десятка два хищников остались бы на месте.

16-го июня.

Нынче поутру у колодца только и было толков, что о ночном нападении черкесов. Выпивши положенное число стаканов нарзана, пройдясь раз десять по длинной липовой аллее, я встретил мужа Веры, который только что приехал из Пятигорска. Он взял меня под руку, и мы пошли в ресторацию завтракать; он ужасно беспокоился о жене. «Как она пере-

пугалась нынче ночью! — говорил он, — ведь надобно ж, чтоб это случилось именно тогда, как я в отсутствии». Мы уселись завтракать возле двери, ведущей в угловую комнату, где находилось человек десять молодежи, в числе которых был и Грушницкий. Судьба вторично доставила мне случай подслушать разговор, который должен был решить его участь. Он меня не видал, и, следовательно, я не мог подозревать умысла; но это только увеличивало его вину в моих глазах.

— Да неужели в самом деле это были черкесы? — сказал кто-то, — видел ли их кто-нибудь?

— Я вам расскажу всю историю, — отвечал Грушницкий, — только, пожалуйста, не выдавайте меня; вот как это было: вчерась один человек, которого я вам не назову, приходит ко мне и рассказывает, что видел в десятом часу вечера, как кто-то прокрался в дом к Лиговским. Надо вам заметить, что княгиня была здесь, а княжна дома. Вот мы с ним и отправились под окна, чтоб подстеречь счастливец.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собесед-

ник очень был занят своим завтраком: он мог услышать вещи для себя довольно неприятные, если б неравно Грушницкий отгадал истину; но ослепленный ревностью, он и не подозревал ее.

— Вот видите ли, — продолжал Грушницкий, — мы и отправились, взявши с собой ружье, заряженное холостым патроном, только так, чтобы попугать. До двух часов ждали в саду. Наконец — уж бог знает откуда он явился, только не из окна, потому что оно не отворялось, а должно быть, он вышел в стеклянную дверь, что за колонной, — наконец, говорю я, видим мы, сходит кто-то с балкона... Какова княжна? а? Ну, уж признаюсь, московские барышни! после этого чему же можно верить? Мы хотели его схватить, только он вырвался и, как заяц, бросился в кусты; тут я по нем выстрелил.

Вокруг Грушницкого раздался ропот недоверчивости.

— Вы не верите? — продолжал он, — даю вам честное благородное слово, что все это сущая правда, и в доказательство я вам, пожалуйста, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто ж он! — раздалось со всех сторон.

— Печорин, — отвечал Грушницкий.

В эту минуту он поднял глаза — я стоял в дверях против него; он ужасно покраснел. Я подошел к нему и сказал медленно и внятно:

— Мне очень жаль, что я вошел после того, как вы уж дали честное слово в подтверждение самой отвратительной клеветы. Мое присутствие избавило бы вас от лишней подлости.

Грушницкий вскочил с своего места и хотел разгорячиться.

— Прошу вас, — продолжал я тем же тоном, — прошу вас сейчас же отказаться от ваших слов; вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобы равнодушие женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мщение. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнение, вы теряете право на имя благородного человека и рискуете жизнью.

Грушницкий стоял передо мною, опустив глаза, в сильном волнении. Но борьба совести с самолюбием была непродолжительна. Дра-

гунский капитан, сидевший возле него, толкнул его локтем; он вздрогнул и быстро отвечал мне, не поднимая глаз:

— Милостивый государь, когда я что говорю, так я это думаю и готов повторить... Я не боюсь ваших угроз и готов на все...

— Последнее вы уж доказали, — отвечал я ему холодно и, взяв под руку драгунского капитана, вышел из комнаты.

— Что вам угодно? — спросил капитан.

— Вы приятель Грушницкого — и, вероятно, будете его секундantom?

Капитан поклонился очень важно.

— Вы отгадали, — отвечал он, — я даже обязан быть его секундantom, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мне: я был с ним вчера ночью, — прибавил он, выпрямляя свой сутуловатый стан.

— А! так это вас ударил я так неловко по голове?

Он пожелтел, посинел; скрытая злоба изобразилась на лице его.

— Я буду иметь честь прислать к вам нониче моего секунданта, — прибавил я, раскланявшись очень вежливо и показывая вид,

будто не обращаю внимания на его бешенство.

На крыльце ресторации я встретил мужа Веры. Кажется, он меня дожидался.

Он схватил мою руку с чувством, похожим на восторг.

— Благородный молодой человек! — сказал он, с слезами на глазах. — Я все слышал. Экой мерзавец! неблагодарный!.. Принимай их после этого в порядочный дом! Слава богу, у меня нет дочерей! Но вас наградит та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте уверены в моей скромности до поры до времени, — продолжал он. — Я сам был молод и служил в военной службе: знаю, что в эти дела не должно вмешиваться. Прощайте.

Бедняжка! радуется, что у него нет дочерей...

Я пошел прямо к Вернеру, застал его дома и рассказал ему все — отношения мои к Вере и княжне и разговор, подслушанный мною, из которого я узнал намерение этих господ подурочить меня, заставив стреляться холодными зарядами. Но теперь дело выходило их границ шутки: они, вероятно, не ожидали та-

кой развязки. Доктор согласился быть моим секундантом; я дал ему несколько наставлений насчет условий поединка; он должен был настоять на том, чтобы дело обошлось как можно секретнее, потому что хотя я когда угодно готов подвергать себя смерти, но нимало не расположен испортить навсегда свою будущность в здешнем мире.

После этого я пошел домой. Через час доктор вернулся из своей экспедиции.

— Против вас точно есть заговор, — сказал он. — Я нашел у Грушницкого драгунского капитана и еще одного господина, которого фамилии не помню. Я на минуту остановился в передней, чтоб снять галоши. У них был ужасный шум и спор... «Ни за что не соглашусь! — говорил Грушницкий, — он меня оскорбил публично; тогда было совсем другое...» — «Какое тебе дело? — отвечал капитан, — я все беру на себя. Я был секундантом на пяти дуэлях и уж знаю, как это устроить. Я все придумал. Пожалуйста, только мне не мешай. Пострадать не худо. А зачем подвергать себя опасности, если можно избавиться?..» В эту минуту я вошел. Они замолчали. Переговоры наши

продолжались довольно долго; наконец мы решили дело вот как: верстах в пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поедут завтра в четыре часа утра, а мы выедем полчаса после них; стреляться будете на шести шагах — этого требовал Грушницкий. Убитого — на счет черкесов. Теперь вот какие у меня подозрения: они, то есть секунданты, должно быть, несколько переменили свой прежний план и хотят зарядить пулею один пистолет Грушницкого. Это немножко похоже на убийство, но в военное время, и особенно в азиатской войне, хитрости позволяют; только Грушницкий, кажется, поблагороднее своих товарищей. Как вы думаете? Должны ли мы показать им, что догадались?

— Ни за что на свете, доктор! будьте спокойны, я им не поддамся.

— Что же вы хотите делать?

— Это моя тайна.

— Смотрите не попадитесь... ведь на шести шагах!

— Доктор, я вас жду завтра в четыре часа; лошади будут готовы... Прощайте.

Я до вечера просидел дома, запершись в

своей комнате. Приходил лакей звать меня к княгине, — я велел сказать, что болен.

.....

Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтоб завтра рука не дрожала. Впрочем, на шести шагах промахнуться трудно. А! господин Грушницкий! ваша мистификация вам не удастся... мы поменяемся ролями: теперь мне придется отыскивать на вашем бледном лице признаки тайного страха. Зачем вы сами назначили эти роковые шесть шагов? Вы думаете, что я вам без спора подставлю свой лоб... но мы бросим жребий!.. и тогда... тогда... что, если его счастье перетянет? если моя звезда наконец мне изменит?.. И не мудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле.

Что ж? умереть так умереть! потеря для мира небольшая; да и мне самому порядочно уж скучно. Я — как человек, зевающий на балу, который не едет спать только потому, что еще нет его кареты. Но карета готова... прощайте!..

Пробегаю в памяти все мое прошедшее и

спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден, как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений — лучший свет жизни. И с той поры сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия: я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их радости и страдания — и никогда не мог насытиться. Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собой роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся — мечта исчезает... оста-

ется удвоенный голод и отчаяние!

И, может быть, я завтра умру!.. и не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый малый, другие — мерзавец. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? а все живешь — из любопытства: ожидаешь чего-то нового... Смешно и досадно!

Вид Пятигорска.

Вот уже полтора месяца, как я в крепости N; Максим Максимыч ушел на охоту... я один; сижу у окна; серые тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туман кажется желтым пятном. Холодно; ветер свищет и колеблет ставни... Скучно! Стану продолжать свой журнал, прерванный столькими странными событиями.

Перечитываю последнюю страницу: смешно! Я думал умереть; это было невозможно: я еще не осушил чаши страданий, и теперь чувствую, что мне еще долго жить.

Как все прошедшее ясно и резко отлилось в моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттенка не стерло время!

Я помню, что в продолжение ночи, предшествовавшей поединку, я не спал ни минуты. Писать я не мог долго: тайное беспокойство мною овладело. С час я ходил по комнате; потом сел и открыл роман Вальтера Скот-

та, лежавший у меня на столе: то были «Шотландские пуритане»; я читал сначала с усилием, потом забылся, увлеченный волшебным вымыслом... Неужели шотландскому барду на том свете не платят за каждую отрадную минуту, которую дарит его книга?..

Наконец рассвело. Нервы мои успокоились. Я посмотрелся в зеркало; тусклая бледность покрывала лицо мое, хранившее следы мучительной бессонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тенью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволен собою.

Велев седлать лошадей, я оделся и сбежал к купальне. Погружаясь в холодный кипяток нарзана, я чувствовал, как телесные и душевные силы мои возвращались. Я вышел из ванны свеж и бодр, как будто собирался на бал. После этого говорите, что душа не зависит от тела!..

Возвратясь, я нашел у себя доктора. На нем были серые рейтузы, архалук и черкесская шапка. Я расхохотался, увидев эту маленькую фигурку под огромной косматой шапкой: у него лицо вовсе не воинственное, а в этот раз оно было еще длиннее обыкновенного.

— Отчего вы так печальны, доктор? — сказал я ему. — Разве вы сто раз не провожали людей на тот свет с величайшим равнодушием? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздороветь, могу и умереть; то и другое в порядке вещей; старайтесь смотреть на меня, как на пациента, одержимого болезнью, вам еще неизвестной, — и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сделать теперь несколько важных физиологических наблюдений... Ожидание насильственной смерти не есть ли уже настоящая болезнь?

Эта мысль поразила доктора, и он развеселился.

Мы сели верхом; Вернер уцепился за поводья обеими руками, и мы пустились, — мигом проскакали мимо крепости через слободку и въехали в ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой и ежеминутно пересекаемая шумным ручьем, через который нужно было переправляться вброд, к великому отчаянию доктора, потому что лошадь его каждый раз в воде останавливалась.

Я не помню утра более голубого и свежего!

Солнце едва выказалось из-за зеленых вершин, и слияние теплоты его лучей с умирающей прохладой ночи наводило на все чувства какое-то сладкое томление; в ущелье не проникал еще радостный луч молодого дня; он золотил только верхи утесов, висящих с обеих сторон над нами; густолиственные кусты, растущие в их глубоких трещинах, при малейшем дыхании ветра осыпали нас серебряным дождем. Я помню — в этот раз, больше чем когда-нибудь прежде, я любил природу. Как любопытно всматриваться каждую розинку, трепещущую на широком листке виноградном и отражавшую миллионы радужных лучей! как жадно взор мой старался проникнуть в дымную даль! Там путь все становился уже, утесы синее и страшнее, и, наконец, они, казалось, сходились непроницаемою стеной. Мы ехали молча.

— Написали ли вы свое завещание? — вдруг спросил Вернер.

— Нет.

— А если будете убиты?..

— Наследники отыщутся сами.

— Неужели у вас нет друзей, которым бы

вы хотели послать свое последнее прости?..

Я покачал головой.

— Неужели нет на свете женщины, которой вы хотели бы оставить что-нибудь на память?..

— Хотите ли, доктор, — отвечал я ему, — чтоб я раскрыл вам мою душу?.. Видите ли, я выжил из тех лет, когда умирают, произнося имя своей любезной и завещая другу клочок напомаженных или ненапомаженных волос. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю об одном себе: иные не делают и этого. Друзья, которые завтра меня забудут или, хуже, возведут на мой счет бог знает какие небылицы; женщины, которые, обнимая другого, будут смеяться надо мною, чтоб не возбудить в нем ревности к усопшему, — бог с ними! Из жизненной бури я вынес только несколько идей — и ни одного чувства. Я давно уж живу не сердцем, а головою. Я взвешиваю, разбираю свои собственные страсти и поступки с строгим любопытством, но без участия. Во мне два человека: один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его; первый, быть может, через час про-

стится с вами и миром навеки, а второй... второй? Посмотрите, доктор: видите ли вы, на скале направо чернеют три фигуры? Это, кажется, наши противники?..

Мы пустились рысью.

У подошвы скалы в кустах были привязаны три лошади; мы своих привязали тут же, а сами по узкой тропинке взобрались на площадку, где ожидал нас Грушницкий с драгунским капитаном и другим своим секундантом, которого звали Иваном Игнатьевичем; фамилии его я никогда не слышал.

— Мы давно уж вас ожидаем, — сказал драгунский капитан с иронической улыбкой.

Я вынул часы и показал ему.

Он извинился, говоря, что его часы уходят.

Несколько минут продолжалось затруднительное молчание; наконец доктор прервал его, обратясь к Грушницкому.

— Мне кажется, — сказал он, — что, показав оба готовность драться и заплатив этим долг условиям чести, вы бы могли, господа, объясниться и кончить это дело полюбовно.

— Я готов, — сказал я.

Капитан мигнул Грушницкому, и этот, ду-

мая, что я трушу, принял гордый вид, хотя до сей минуты тусклая бледность покрывала его щеки. С тех пор как мы приехали, он в первый раз поднял на меня глаза; но во взгляде его было какое-то беспокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

— Объясните ваши условия, — сказал он, — и все, что я могу для вас сделать, то будьте уверены...

— Вот мои условия: вы нынче же публично откажетесь от своей клеветы и будете просить у меня извинения...

— Милостивый государь, я удивляюсь, как вы смеете мне предлагать такие вещи?..

— Что ж я вам мог предложить, кроме этого?..

— Мы будем стреляться...

Я пожал плечами.

— Пожалуй; только подумайте, что один из нас непременно будет убит.

— Я желаю, чтобы это были вы...

— А я так уверен в противном...

Он смутился, покраснел, потом принужденно захохотал.

Капитан взял его под руку и отвел в сторо-

ну; они долго шептались. Я приехал в довольно миролюбивом расположении духа, но все это начинало меня бесить.

Ко мне подошел доктор.

— Послушайте, — сказал он с явным беспокойством, — вы, верно, забыли про их заговор?.. Я не умею зарядить пистолета, но в этом случае... Вы странный человек! Скажите им, что вы знаете их намерение, и они не посмеют... Что за охота! подстрелят вас как птицу...

— Пожалуйста, не беспокойтесь, доктор, и погодите... Я все так устрою, что на их стороне не будет никакой выгоды. Дайте им пошептаться...

— Господа, это становится скучно! — сказал я им громко, — драться так драться; вы имели время вчера наговориться...

— Мы готовы, — отвечал капитан. — Становитесь, господа!.. Доктор, извольте отметить шесть шагов...

— Становитесь! — повторил Иван Игнатьич пискливым голосом.

— Позвольте! — сказал я, — еще одно условие: так как мы будем драться насмерть, то

мы обязаны сделать все возможное, чтоб это осталось тайною и чтоб секунданты наши не были в ответственности. Согласны ли вы?..

— Совершенно согласны.

— Итак, вот что я придумал. Видите ли на вершине этой отвесной скалы, направо, узенькую площадку? оттуда до низу будет сажен тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый из нас станет на самом краю площадки; таким образом, даже легкая рана будет смертельна: это должно быть согласно с вашим желанием, потому что вы сами назначили шесть шагов. Тот, кто будет ранен, полетит непременно вниз и разобьется вдребезги; пулю доктор вынет. И тогда можно будет очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачным прыжком. Мы бросим жребий, кому первому стрелять. Объявляю вам в заключение, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй! — сказал драгунский капитан, посмотрев выразительно на Грушницкого, который кивнул головой в знак согласия. Лицо его ежеминутно менялось. Я его поставил в затруднительное положение. Стреляясь при

обыкновенных условиях, он мог целить мне в ногу, легко меня ранить и удовлетворить таким образом свою месть, не отягощая слишком своей совести; но теперь он должен был выстрелить на воздух, или сделаться убийцей, или, наконец, оставить свой подлый замысел и подвергнуться одинаковой со мною опасности. В эту минуту я не желал бы быть на его месте. Он отвел капитана в сторону и стал говорить ему что-то с большим жаром; я видел, как посиневшие губы его дрожали; но капитан от него отвернулся с презрительной улыбкой. «Ты дурак! — сказал он Грушницкому довольно громко, — ничего не понимаешь! Отправимтесь же, господа!»

Узкая тропинка вела между кустами на крутизну; обломки скал составляли шаткие ступени этой природной лестницы; цепляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкий шел впереди, за ним его секунданты, а потом мы с доктором.

— Я вам удивляюсь, — сказал доктор, пожав мне крепко руку. — Дайте пощупать пульс!.. О-го! лихорадочный!.. но на лице ничего не заметно... только глаза у вас блестят

ярче обыкновенного.

Вдруг мелкие камни с шумом покатались нам под ноги. Что это? Грушницкий споткнулся, ветка, за которую он уцепился, изломилась, и он скатился бы вниз на спине, если б его секунданты не поддержали.

— Берегитесь! — закричал я ему, — не падайте заранее; это дурная примета. Вспомните Юлия Цезаря!⁽²¹⁵⁾

Вот мы взобрались на вершину выдавшейся скалы: площадка была покрыта мелким песком, будто нарочно для поединка. Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо, и Эльборус на юге вставал белою громадой, замыкая цепь льдистых вершин, между которых уж бродили волокнистые облака, набежавшие с востока. Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть-чуть у меня не закружилась, там внизу казалось темно и холодно, как в гробе; мшистые зубцы скал, сброшенных грозой и временем, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный тре-

угольник. От выдавшегося угла отмерили шесть шагов и решили, что тот, кому придется первому встретить неприятельский огонь, станет на самом углу, спиною к пропасти; если он не будет убит, то противники поменяются местами.

Я решился предоставить все выгоды Грушницкому; я хотел испытать его; в душе его могла проснуться искра великодушия, и тогда все устроилось бы к лучшему; но самолюбие и слабость характера должны были торжествовать... Я хотел дать себе полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключал таких условий с своею совестью?

— Бросьте жребий, доктор! — сказал капитан.

Доктор вынул из кармана серебряную монету и поднял ее кверху.

— Решетка! — закричал Грушницкий поспешно, как человек, которого вдруг разбудил дружеский толчок.

— Орел! — сказал я.

Монета взвилась и упала звеня; все бросились к ней.

— Вы счастливы, — сказал я Грушницкому, — вам стрелять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь — даю вам честное слово.

Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного; я глядел на него пристально; с минуту мне казалось, что он бросится к ногам моим, умоляя о прощении; но как признаться в таком подлом умысле?.. Ему оставалось одно средство — выстрелить на воздух; я был уверен, что он выстрелит на воздух! Одно могло этому помешать: мысль, что я потребую вторичного поединка.

— Пора! — шепнул мне доктор, дергая за рукав, — если вы теперь не скажете, что мы знаем их намерения, то все пропало. Посмотрите, он уж заряжает... если вы ничего не скажете, то я сам...

— Ни за что на свете, доктор! — отвечал я, удерживая его за руку, — вы все испортите; вы мне дали слово не мешать... Какое вам дело? Может быть, я хочу быть убит...

Он посмотрел на меня с удивлением.

— О, это другое!.. только на меня на том свете не жалуйтесь...

Капитан между тем зарядил свои пистолеты, подал один Грушницкому, с улыбкою шепнув ему что-то; другой мне.

Я стал на углу площадки, крепко упершись левой ногою в камень и наклонясь немного наперед, чтобы в случае легкой раны не опрокинуться назад.

Грушницкий стал против меня и по данному знаку начал поднимать пистолет. Колени его дрожали. Он целил мне прямо в лоб...

Неизъяснимое бешенство закипело в груди моей.

Вдруг он опустил дуло пистолета и, поблуднев как полотно, повернулся к своему секунданту.

— Не могу, — сказал он глухим голосом.

— Трус! — отвечал капитан.

Выстрел раздался. Пуля оцарапала мне колено. Я невольно сделал несколько шагов вперед, чтоб поскорей удалиться от края.

— Ну, брат Грушницкий, жаль, что промахнулся! — сказал капитан, — теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы уж не увидимся! — Они обнялись; капитан едва мог удержаться от смеха. — Не бойся, — при-

бавил он, хитро взглянув на Грушницкого, — все вздор на свете!.. Натура — дура, судьба — индейка, а жизнь — копейка!

После этой трагической фразы, сказанной с приличною важностью, он отошел на свое место; Иван Игнатьич со слезами обнял также Грушницкого, и вот он остался один против меня. Я до сих пор стараюсь объяснить себе, какого роду чувство кипело тогда в груди моей: то было и досада оскорбленного самолюбия, и презрение, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этот человек, теперь с такою уверенностью, с такой спокойной дерзостью на меня глядящий, две минуты тому назад, не подвергая себя никакой опасности, хотел меня убить как собаку, ибо раненный в ногу немного сильнее, я бы непременно свалился с утеса.

Я несколько минут смотрел ему пристально в лицо, стараясь заметить хоть легкий след раскаяния. Но мне показалось, что он удерживал улыбку.

— Я вам советую перед смертью помолиться богу, — сказал я ему тогда.

— Не заботьтесь о моей душе больше чем о

своей собственной. Об одном вас прошу: стреляйте скорее.

— И вы не отказываетесь от своей клеветы? не просите у меня прощения?.. Подумайте хорошенько: не говорит ли вам чего-нибудь совесть?

— Господин Печорин! — закричал драгунский капитан, — вы здесь не для того, чтоб исповедовать, позвольте вам заметить... Кончимте скорее; неравно кто-нибудь проедет по ущелью — и нас увидят.

— Хорошо, доктор, подойдите ко мне.

Доктор подошел. Бедный доктор! он был бледнее, чем Грушницкий десять минут тому назад.

Следующие слова я произнес нарочно с расстановкой, громко и внятно, как произносят смертный приговор:

— Доктор, эти господа, вероятно, второпях, забыли положить пулю в мой пистолет: прошу вас зарядить его снова, — и хорошенько!

— Не может быть! — кричал капитан, — не может быть! я зарядил оба пистолета; разве что из вашего пуля выкатилась... это не моя вина! — А вы не имеете права перезаряжать...

никакого права... это совершенно против правил; я не позволю...

— Хорошо! — сказал я капитану, — если так, то мы будем с вами стреляться на тех же условиях... — Он замялся.

Грушницкий стоял, опустив голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь их! — сказал он наконец капитану, который хотел вырвать пистолет мой из рук доктора... — Ведь ты сам знаешь, что они правы.

Напрасно капитан делал ему разные знаки, — Грушницкий не хотел и смотреть.

Между тем доктор зарядил пистолет и подал мне. Увидев это, капитан плюнул и топнул ногой.

— Дурак же ты, братец, — сказал он, — пошлый дурак!.. Уж положился на меня, так слушайся во всем... Поделом же тебе! околевай себе, как муха... — Он отвернулся и, отходя, пробормотал: — А все-таки это совершенно против правил.

— Грушницкий! — сказал я, — еще есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прощу все. Тебе не удалось меня подурочить,

и мое самолюбие удовлетворено; — вспомни — мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

— Стреляйте! — отвечал он, — я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...

Я выстрелил...

Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва.

Все в один голос вскрикнули.

— *Finita la comedia!*[56] — сказал я доктору.

Он не отвечал и с ужасом отвернулся.

Я пожал плечами и раскланялся с секундантами Грушницкого.

Спускаясь по тропинке вниз, я заметил между расселинами скал окровавленный труп Грушницкого. Я невольно закрыл глаза... Отвязав лошадь, я шагом пустился домой. У меня на сердце был камень. Солнце казалось мне тускло, лучи его меня не грели.

Не доезжая слободки, я повернул направо по ущелью. Вид человека был бы мне тягостен: я хотел быть один. Бросив поводья и

опустив голову на грудь, я ехал долго, наконец очутился в месте, мне вовсе не знакомом; я повернул коня назад и стал отыскивать дорогу; уж солнце садилось, когда я подъехал к Кисловодску, измученный, на измученной лошади.

Лакей мой сказал мне, что заходил Вернер, и подал мне две записки: одну от него, другую... от Веры.

Я распечатал первую, она была следующего содержания:

«Все устроено как можно лучше: тело привезено обезображенное, пуля из груди вынута. Все уверены, что причиной его смерти несчастный случай; только комендант, которому, вероятно, известна ваша ссора, покачал головой, но ничего не сказал. Доказательств против вас нет никаких, и вы можете спать спокойно... если можете... Прощайте...»

Я долго не решался открыть вторую записку... Что могла она мне писать?.. Тяжелое предчувствие волновало мою душу.

Вот оно, это письмо, которого каждое сло-

во неизгладимо врезалось в моей памяти:

«Я пишу к тебе в полной уверенности, что мы никогда больше не увидимся. Несколько лет тому назад, расставаясь с тобой, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично; я не вынесла этого испытания, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это, не правда ли? Это письмо будет вместе прощаньем и исповедью: я обязана сказать тебе все, что накопилось на моем сердце с тех пор, как оно тебя любит. Я не стану обвинять тебя — ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий. Прошло с тех пор много времени: я проникла во все тайны души твоей... и

убедилась, что то была надежда напрасная. Горько мне было! Но моя любовь срослась с душой моей: она потемнела, но не угасла.

Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно, ничей взор не обещает столько блаженства, никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном.

Теперь я должна тебе объяснить причину моего поспешного отъезда; она

тебе покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

Нынче поутру мой муж вошел ко мне и рассказал про твою ссору с Грушницким. Видно, я очень переменялась в лице, потому что он долго и пристально смотрел мне в глаза; я едва не упала без памяти при мысли, что ты нынче должен драться и что я этому причинной; мне казалось, что я сойду с ума... но теперь, когда я могу рассуждать, я уверена, что ты останешься жив: невозможно, чтоб ты умер без меня, невозможно! Мой муж долго ходил по комнате; я не знаю, что он мне говорил, не помню, что я ему отвечала... верно, я ему сказала, что я тебя люблю... Помню только, что под конец нашего разговора он оскорбил меня ужасным словом и вышел. Я слышала, как он велел закладывать карету... Вот уж три часа, как я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты жив, ты не можешь умереть!.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла, — но что за нужда?.. Если б я могла быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить, — не говорю уж лю-

бить, — нет, только помнить... Прощай; идут... я должна спрятать письмо...

Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? Послушай, ты должен мне принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свете...»

Я как безумный выскочил на крыльцо, прыгнул на своего Черкеса, которого водили по двору, и пустился во весь дух по дороге в Пятигорск. Я беспощадно погонял измученного коня, который, хрипя и весь в пене, мчал меня по каменистой дороге.

Солнце уже спряталось в черной туче, отдохавшей на гребне западных гор; в ущелье стало темно и сыро. Подкумок, пробираясь по камням, ревел глухо и однообразно. Я скакал, задыхаясь от нетерпенья. Мысль не застать уже ее в Пятигорске молотком ударяла мне в сердце! — одну минуту, еще одну минуту видеть ее, проститься, пожать ей руку... Я молился, проклинал плакал, смеялся... нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!.. При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете —

дороже жизни, чести, счастья! бог знает, какие странные, какие бешеные замыслы роились в голове моей... И между тем я все скакал, погоняя беспощадно. И вот я стал замечать, что конь мой тяжелее дышит; он раза два уж спотыкнулся на ровном месте... Осталось пять верст до Эссентуков — казачьей станицы, где я мог пересесть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если б у моего коня достало сил еще на десять минут! Но вдруг поднимаясь из небольшого оврага, при выезде из гор, на крутом повороте, он грянулся о землю. Я проворно соскочил, хочу поднять его, дергаю за повод — напрасно: едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы; через несколько минут он издох; я остался в степи один, потеряв последнюю надежду; попробовал идти пешком — ноги мои подкосились; изнуренный тревогами дня и бессонницей, я упал на мокрую траву и как ребенок заплакал.

И долго я лежал неподвижно и плакал горько, не стараясь удерживать слез и рыданий; я думал, грудь моя разорвется; вся моя

твердость, все мое хладнокровие — исчезли как дым. Душа обессилела, рассудок замолк, и если б в эту минуту кто-нибудь меня увидел, он бы с презрением отвернулся.

Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно. Чего мне еще надобно? — ее видеть? — зачем? не все ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться.

Мне, однако, приятно, что я могу плакать! Впрочем, может быть, этому причиной расстроенные нервы, ночь, проведенная без сна, две минуты против дула пистолета и пустой желудок.

Все к лучшему! это новое страдание, говоря военным слогом, сделало во мне счастливую диверсию. Плакать здорово; и потом, вероятно, если б я не проехался верхом и не был принужден на обратном пути пройти пятнадцать верст, то и эту ночь сон не сомкнул бы глаз моих.

Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился на постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворе уж было темно. Я сел у отворенного окна, расстегнул архалук — и горный ветер освежил грудь мою, еще не успокоенную тяжелым сном усталости. Вдали за рекою, сквозь верхи густых лип, ее осеняющих, мелькали огне в строеньях крепости и слободки. На дворе у нас все было тихо, в доме княгини было темно.

Взошел доктор: лоб у него был нахмурен; и он, против обыкновения, не протянул мне руки.

— Откуда вы, доктор?

— От княгини Лиговской; дочь ее больна — расслабление нервов... Да не в этом дело, а вот что: начальство догадывается, и хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вам советую быть осторожнее. Княгиня мне говорила нынче, что она знает, что вы стрелялись за ее дочь. Ей все этот старичок рассказал... как бишь его? Он был свидетелем вашей стычки с Грушницким в ресторации. Я пришел вас предупредить. Прощайте. Может

быть, мы больше не увидимся, вас ушлют куда-нибудь.

Он на пороге остановился: ему хотелось пожать мне руку... и если б я показал ему малейшее на это желание, то он бросился бы мне на шею; но я остался холоден, как камень — и он вышел.

Вот люди! все они таковы: знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют, даже одобряют его, видя невозможность другого средства, — а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тягость ответственности. Все они таковы, даже самые добрые, самые умные!..

На другой день утром, получив приказание от высшего начальства отправиться в крепость Н., я зашел к княгине проститься.

Она была удивлена, когда на вопрос ее: имею ли я ей сказать что-нибудь особенно важное? — я отвечал, что желаю ей быть счастливой и прочее.

— А мне нужно с вами поговорить очень серьезно.

Я сел молча.

Явно было, что она не знала, с чего начать; лицо ее побагровело, пухлые ее пальцы стучали по столу; наконец она начала так, прерывистым голосом:

— Послушайте, мсье Печорин! я думаю, что вы благородный человек.

Я поклонился.

— Я даже в этом уверена, — продолжала она, — хотя ваше поведение несколько сомнительно; но у вас могут быть причины, которых я не знаю, и их-то вы должны теперь мне поверить. Вы защитили дочь мою от клеветы, стрелялись за нее, — следственно, рисковали жизнью... Не отвечайте, я знаю, что вы в этом не признаетесь, потому что Грушницкий убит (она перекрестилась). бог ему простит — и, надеюсь, вам также!.. Это до меня не касается, я не смею осуждать вас, потому что дочь моя хотя невинно, но была этому причиною. Она мне все сказала... я думаю, все: вы изъяснились ей в любви... она вам призналась в своей (тут княгиня тяжело вздохнула). Но она больна, и я уверена, что это не простая болезнь! Печаль тайная ее убивает; она не признается, но я уверена, что вы

этому причиной... Послушайте: вы, может быть, думаете, что я ищу чинов, огромного богатства, — разуверьтесь! я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положение незавидно, но оно может поправиться: вы имеете состояние; вас любит дочь моя, она воспитана так, что составит счастье мужа, — я богата, она у меня одна... Говорите, что вас удерживает?.. Видите, я не должна бы была вам всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь; вспомните, у меня одна дочь... одна...

Она заплакала.

— Княгиня, — сказал я, — мне невозможно отвечать вам; позвольте мне поговорить с вашей дочерью наедине...

— Никогда! — воскликнула она, встав со стула в сильном волнении.

— Как хотите, — отвечал я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сделала мне знак рукою, чтоб я подождал, и вышла.

Прошло минут пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; как я ни искал в груди моей хоть искры

любви к милой Мери, но старания мои были напрасны.

Вот двери отворились, и вошла она, Боже! как переменилась с тех пор, как я не видал ее, — а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочил, подал ей руку и довел ее до кресел.

Я стоял против нее. Мы долго молчали; ее большие глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду; ее бледные губы напрасно старались улыбнуться; ее нежные руки, сложенные на коленах, были так худы и прозрачны, что мне стало жаль ее.

— Княжна, — сказал я, — вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны презирать меня.

На ее щеках показался болезненный румянец.

Я продолжал:

— Следственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на стол, закрыла глаза рукою, и мне показалось, что в

них блеснули слезы.

— Боже мой! — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упал к ногам ее.

— Итак, вы сами видите, — сказал я сколько мог твердым голосом и с принужденной усмешкой, — вы сами видите, что я не могу на вас жениться, если б вы даже этого теперь хотели, то скоро бы раскаялись. Мой разговор с вашей матушкой принудил меня объясниться с вами так откровенно и так грубо; я надеюсь, что она в заблуждении: вам легко ее разуверить. Вы видите, я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль, и даже в этом признаюсь; вот все, что я могу для вас сделать. Какое бы вы дурное мнение обо мне ни имели, я ему покоряюсь... Видите ли, я перед вами низок. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то с этой минуты презираете?

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

— Я вас ненавижу... — сказала она.

Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел.

Через час курьерская тройка мчала меня из Кисловодска. За несколько верст до Ессентуков я узнал близ дороги труп моего лихого коня; седло было снято — вероятно, проезжим казаком, — и вместо седла на спине его сидели два ворона. Я вздохнул и отвернулся...

И теперь, здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига: его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом прибли-

жающийся к пустынной пристани...

III. Фаталист

{216}

Мне как-то раз случилось прожить две недели в казачьей станице на левом фланге; тут же стоял батальон пехоты; офицеры собирались друг у друга поочередно, по вечерам играли в карты.

Однажды, наскучив бостоном и бросив карты под стол, мы засиделись у майора С*** очень долго; разговор, против обыкновения, был занимателен. Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников; каждый рассказывал разные необыкновенные случаи *pro*[57] или *contra*[58].

— Все это, господа, ничего не доказывает, — сказал старый майор, — ведь никто из вас не был свидетелем тех странных случаев, которыми подтверждаете свои мнения?

— Конечно, никто, — сказали многие, — но мы слышали от верных людей...

— Все это вздор! — сказал кто-то, — где эти верные люди, видевшие список, на котором

назначен час нашей смерти?.. И если точно есть предопределение, то зачем нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчет в наших поступках?

В это время один офицер, сидевший в углу комнаты, встал, и медленно подойдя к столу, окинул всех спокойным взглядом. Он был родом серб, как видно было из его имени.

Наружность поручика Вулича отвечала вполне его характеру. Высокий рост и смуглый цвет лица, черные волосы, черные пронизательные глаза, большой, но правильный нос, принадлежность его нации, печальная и холодная улыбка, вечно блуждавшая на губах его, — все это будто согласовалось для того, чтоб придать ему вид существа особенного, не способного делиться мыслями и страстями с теми, которых судьба дала ему в товарищи.

Он был храбр, говорил мало, но резко; никому не поверял своих душевных и семейных тайн; вина почти вовсе не пил, за молодыми казачками, — которых прелесть трудно достигнуть, не выдав их, он никогда не волочил. Говорили, однако, что жена полковника была равнодушна к его выразительным

глазам; но он не шутя сердился, когда об этом намекали.

Была только одна страсть, которой он не таил: страсть к игре. За зеленым столом он забывал все, и обыкновенно проигрывал; но постоянные неудачи только раздражали его упрямство. Рассказывали, что раз, во время экспедиции, ночью, он на подушке метал банк, ему ужасно везло. Вдруг раздались выстрелы, ударили тревогу, все вскочили и бросились к оружию. «Поставь ва-банк!» — кричал Вулич, не подымаясь, одному из самых горячих понтеров. «Идет семерка», — отвечал тот, убегая. Несмотря на всеобщую суматоху, Вулич докинул талью, карта была дана.

Когда он явился в цепь, там была уж сильная перестрелка. Вулич не заботился ни о пулях, ни о шашках чеченских: он отыскивал своего счастливого понтера.

— Семерка дана! — закричал он, увидав его наконец в цепи застрельщиков, которые начинали вытеснять из лесу неприятеля, и, подойдя ближе, он вынул свой кошелек и бумажник и отдал их счастливцу, несмотря на возражения о неуместности платежа. Испол-

нив этот неприятный долг, он бросился вперед, увлек за собою солдат и до самого конца дела прехладнокровно перестреливался с чеченцами.

Когда поручик Вулич подошел к столу, то все замолчали, ожидая от него какой-нибудь оригинальной выходки.

— Господа! — сказал он (голос его был спокоен, хотя тоном ниже обыкновенного), — господа! к чему пустые споры? Вы хотите доказательств: я вам предлагаю испробовать на себе, может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мне, не мне! — раздалось со всех сторон, — вот чудак! придет же в голову!..

— Предлагаю пари! — сказал я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нет предопределения, — сказал я, высыпая на стол десятка два червонцев — все, что было у меня в кармане.

— Держу, — отвечал Вулич глухим голосом. — Майор, вы будете судьей; вот пятнадцать червонцев, остальные пять вы мне

должны, и сделайте мне дружбу прибавить их к этим.

— Хорошо, — сказал майор, — только не понимаю, право, в чем дело и как вы решите спор?..

Вулич вышел молча в спальню майора; мы за ним последовали. Он подошел к стене, на которой висело оружие, и наудачу снял с гвоздя один из разнокалиберных пистолетов; мы еще его не понимали; но когда он взвел курок и насыпал на полку пороху, то многие, невольно вскрикнув, схватили его за руки.

— Что ты хочешь делать? Послушай, это сумасшествие! — закричали ему.

— Господа! — сказал он медленно, освобождая свои руки, — кому угодно заплатить за меня двадцать червонцев?

Все замолчали и отошли.

Вулич вышел в другую комнату и сел у стола; все последовали за ним: он знаком пригласил нас сесть кругом. Молча повиновались ему: в эту минуту он приобрел над нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрел ему в глаза; но он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытыва-

ющий взгляд, и бледные губы его улынулись; но, несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его. Я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете! — сказал я ему.

Он быстро ко мне обернулся, но отвечал медленно и спокойно:

— Может быть, да, может быть, нет... Потом, обратясь к майору, спросил: заряжен ли пистолет? Майор в замешательстве не помнил хорошенько.

— Да полно, Вулич! — закричал кто-то, — уж, верно, заряжен, коли в головах висел, что за охота шутить!..

— Глупая шутка! — подхватил другой.

— Держу пятьдесят рублей против пяти, что пистолет не заряжен! — закричал третий.

Составились новые пари.

Мне надоела эта длинная церемония.

— Послушайте, — сказал я, — или застре-

литесь, или повесьте пистолет на прежнее место, и пойдете спать.

— Разумеется, — воскликнули многие, — пойдете спать.

— Господа, я вас прошу не трогаться с места! — сказал Вулич, приставя дуло пистолета ко лбу. Все будто окаменели.

— Господин Печорин, прибавил он, — возьмите карту и бросьте вверх.

Я взял со стола, как теперь помню, червонного туза и бросил кверху: дыхание у всех остановилось; все глаза, выражая страх и какое-то неопределенное любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно; в ту минуту, как он коснулся стола, Вулич спустил курок... осечка!

— Слава богу! — вскрикнули многие, — не заряжен...

— Посмотрим, однако ж, — сказал Вулич. Он взвел опять курок, прицелился в фуражку, висевшую над окном; выстрел раздался — дым наполнил комнату. Когда он рассеялся, сняли фуражку: она была пробита в самой середине и пуля глубоко засела в стене.

Минуты три никто не мог слова вымолвить. Вулич пересыпал в свой кошелек мои червонцы.

Пошли толки о том, отчего пистолет в первый раз не выстрелил; иные утверждали, что, вероятно, полка была засорена, другие говорили шепотом, что прежде порох был сырой и что после Вулич присыпал свежего; но я утверждал, что последнее предположение несправедливо, потому что я во все время не спускал глаз с пистолета.

— Вы счастливы в игре, — сказал я Вуличу...

— В первый раз от роду, — отвечал он, самодовольно улыбаясь, — это лучше банка и штосса.

— Зато немножко опаснее.

— А что? вы начали верить предопределению?

— Верю; только не понимаю теперь, отчего мне казалось, будто вы непременно должны нынче умереть...

Этот же человек, который так недавно метил себе преспокойно в лоб, теперь вдруг вспыхнул и смутился.

— Однако же довольно! — сказал он, вставая, пари наше кончилось, и теперь ваши замечания, мне кажется, неуместны... — Он взял шапку и ушел. Это мне показалось странным — и недаром!..

Скоро все разошлись по домам, различно толкуя о причудах Вулича и, вероятно, в один голос называя меня эгоистом, потому что я держал пари против человека, который хотел застрелиться; как будто он без меня не мог найти удобного случая!..

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; месяц, полный и красный, как зарево пожара, начинал показываться из-за зубчатого горизонта домов; звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!.. И что ж? эти лампы, зажженные, по их мнению, только для того, чтобы освещать их битвы и торжества, горят с прежним блеском, а их страсти и надежды давно угасли вместе с ни-

ми, как огонек, зажженный на краю леса беспечным странником! Но зато какую силу воли придавала им уверенность, что целое небо со своими бесчисленными жителями на них смотрит с участием, хотя немым, но неизменным!.. А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного счастья, потому знаем его невозможность и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя и истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или судьбою...

И много других подобных дум проходило в уме моем; я их не удерживал, потому что не люблю останавливаться на какой-нибудь отвлеченной мысли. И к чему это ведет?.. В первой молодости моей я был мечтателем, я любил ласкать попеременно то мрачные, то ра-

дужные образы, которые рисовало мне беспокойное и жадное воображение. Но что от этого мне осталось? одна усталость, как после ночной битвы с привидением, и смутное воспоминание, исполненное сожалений. В этой напрасной борьбе я истощил и жар души, и постоянство воли, необходимое для действительной жизни; я вступил в эту жизнь, пережив ее уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание давно ему известной книге.

Происшествие этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатление и раздражило мои нервы; не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил: доказательство было разительно, и я, несмотря на то, что посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, попал неволью в их колею, но я остановил себя вовремя на этом опасном пути и, имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не верить слепо, отбросил метафизику в сторону и стал смотреть под ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упал, на-

ткнувшись на что-то толстое и мягкое, но, по-видимому, неживое. Наклоняюсь — месяц уж светил прямо на дорогу — и что же? предо мною лежала свинья, разрубленная пополам шашкой... Едва я успел ее осмотреть, как услышал шум шагов: два казака бежали из переулка, один подошел ко мне и спросил, не видал ли я пьяного казака, который гнался за свиньей. Я объявил им, что не встречал казака, и указал на несчастную жертву его неистовой храбрости.

— Экой разбойник! — сказал второй казак, — как напьется чихиря, так и пошел крошить все, что ни попало. Пойдем за ним, Еремеич, надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжал свой путь с большей осторожностью и наконец счастливо добрался до своей квартиры.

Я жил у одного старого урядника, которого любил за добрый его нрав, а особенно за хорошенькую дочку Настю.

Она, по обыкновению, дожидалась меня у калитки, завернувшись в шубку; луна освещала ее милые губки, посиневшие от ночного холода. Узнав меня, она улыбнулась, но мне

было не до нее. «Прощай, Настя», — сказал я, проходя мимо. Она хотела что-то ответить, но только вздохнула.

Я затворил за собою дверь моей комнаты, засветил свечку и бросился на постель; только сон на этот раз заставил себя ждать более обыкновенного. Уж восток начинал бледнеть, когда я заснул, но — видно, было написано на небесах, что в эту ночь я не высплюсь. В четыре часа утра два кулака застучали ко мне в окно. Я вскочил: что такое?.. «Вставай, одевайся!» — кричало мне несколько голосов. Я наскоро оделся и вышел. «Знаешь, что случилось?» — сказали мне в один голос три офицера, пришедшие за мною; они были бледны как смерть.

— Что?

— Вулич убит.

Я остолбенел.

— Да, убит — продолжали они, — пойдём скорее.

— Да куда же?

— Дорогой узнаешь.

Мы пошли. Они рассказали мне все, что случилось, с примесью разных замечаний на-

счет странного предопределения, которое спасло его от неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вулич шел один по темной улице: на него наскочил пьяный казак, изрубивший свинью и, может быть, прошел бы мимо, не заметив его, если б Вулич, вдруг остановясь, не сказал: «Кого ты, братец, ищешь?» — «Тебя!» — отвечал казак, ударив его шашкой, и разрубил его от плеча почти до сердца... Два казака, встретившие меня и следившие за убийцей, подоспели, подняли раненого, но он был уже при последнем издыхании и сказал только два слова: «Он прав!» Я один понимал темное значение этих слов: они относились ко мне; я предсказал невольно бедному его судьбу; мой инстинкт не обманул меня: я точно прочел на его изменившемся лице печать близкой кончины.

Убийца заперся в пустой хате, на конце станицы. Мы шли туда. Множество женщин бежало с плачем в ту же сторону; по временам опоздавший казак выскакивал на улицу, второпях пристегивая кинжал, и бегом опережал нас. Суматоха была страшная.

Вот наконец мы пришли; смотрим: вокруг

хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоит толпа. Офицеры и казаки толкуют горячо между собою: женщины воют, приговаривая и причитывая. Среди их бросилось мне в глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяние. Она сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками: то была мать убийцы. Ее губы по временам шевелились: молитву они шептали или проклятие?

Между тем надо было на что-нибудь решиться и схватить преступника. Никто, однако, не отважился броситься первым.

Я подошел к окну и посмотрел в щель ставня: бледный, он лежал на полу, держа в правой руке пистолет; окровавленная шашка лежала возле него. Выразительные глаза его страшно вращались кругом; порою он вздрагивал и хватал себя за голову, как будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочел большой решимости в этом беспокойном взгляде и сказал майору, что напрасно он не велит выломать дверь и броситься туда казакам, потому что лучше это сделать теперь, нежели после, когда он совсем опомнится.

В это время старый есаул подошел к двери и назвал его по имени; тот откликнулся.

— Согрешил, брат Ефимыч, — сказал есаул, — так уж нечего делать, покорись!

— Не покорюсь! — отвечал казак.

— Побойся бога. Ведь ты не чеченец окаянный, а честный христианин; ну, уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь! — закричал казак грозно, и слышно было, как щелкнул взведенный курок.

— Эй, тетка! — сказал есаул старухе, — поговори сыну, авось тебя послушает... Ведь это только бога гневить. Да посмотри, вот и господа уж два часа дожидаются.

Старуха посмотрела на него пристально и покачала головой.

— Василий Петрович, — сказал есаул, подойдя к майору, — он не сдастся — я его знаю. А если дверь разломать, то много наших перебьет. Не прикажете ли лучше его пристрелить? в ставне щель широкая.

В эту минуту у меня в голове промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я взду-

мал испытать судьбу.

— Погодите, — сказал я майору, — я его возьму живого.

Велев есаулу завести с ним разговор и поставив у дверей трех казаков, готовых ее выбить, и броситься мне на помощь при данном знаке, я обошел хату и приблизился к роковому окну. Сердце мое сильно билось.

— Ах ты окаянный! — кричал есаул. — что ты, над нами смеешься, что ли? али думаешь, что мы с тобой не совладаем? — Он стал стучать в дверь изо всей силы, я, приложив глаз к щели, следил за движениями казака, не ожидавшего с этой стороны нападения, — и вдруг оторвал ставень и бросился в окно головой вниз. Выстрел раздался у меня над самым ухом, пуля сорвала эполет. Но дым, наполнивший комнату, помешал моему противнику найти шашку, лежавшую возле него. Я схватил его за руки; казаки ворвались, и не прошло трех минут, как преступник был уж связан и отведен под конвоем. Народ разошелся. Офицеры меня поздравляли — точно, было с чем!

После всего этого как бы, кажется, не сде-

латься фаталистом? Но кто знает наверное, убежден ли он в чем или нет?.. и как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!..

Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив, что до меня касается, то я всегда смелее иду вперед, когда не знаю, что меня ожидает. Ведь хуже смерти ничего не случится — а смерти не минуешь!

Возвратясь в крепость, я рассказал Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему был я свидетель, и пожелал узнать его мнение насчет предопределения. Он сначала не понимал этого слова, но я объяснил его как мог, и тогда он сказал, значительно покачав головою:

— Да-с! конечно-с! Это штука довольно мудреная!.. Впрочем, эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны или не довольно крепко прижмешь пальцем; признаюсь, не люблю я также винтовок черкесских; они как-то нашему брату неприличны: приклад маленький, того и гляди, нос обожжет... Зато уж шашки у них — просто мое почтение!

Потом он примолвил, несколько подумав:
— Да, жаль беднягу... Черт же его дернул
ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем,
видно, уж так у него на роду было написано...

Больше я от него ничего не мог добиться:
он вообще не любит метафизических прений.

Конец

1838–1840

К иллюстрациям

Эта книга снабжена репродукциями с картин и рисунков самого М. Ю. Лермонтова.

Поэтический дар его не был единственным. Природа одарила его талантами музыканта, живописца, актера. Он играл на скрипке, на фортепиано, на флейте, пел, сочинял музыку. Известно, например, что существовала музыка, написанная им на текст собственной «Казачьей колыбельной песни». К сожалению, ноты до нас не дошли и судить о композиторском даровании Лермонтова нам не дано. Недавно обнаружены сведения, что Лермонтов принимал участие в любительских спектаклях, где играл комедийные роли. В детстве любил лепить.

Но наиболее известны читателям работы Лермонтова-художника. Рисовать он учился еще в пансионе. Впоследствии брал уроки у известного живописца П. Е. Заболотского.

Лермонтов рисовал постоянно, покрывал рукописи множеством перовых рисунков. Это — лица, фигуры, изображения скачущих лошадей; часто встречаются одни и те же, на-

стойчиво повторяющиеся образы, композиции. Художников особенно привлекает страница из рукописи романа «Вадим» (см. суперобложку тома), сплошь покрытая сложной мозаикой повторяющихся изображений.

Известны акварельные рисунки Лермонтова — пейзажи, сцены, группы, портреты, в том числе знаменитый автопортрет в бурке, воспроизведенный на фронтисписе этого тома, и портрет женщины, которую поэт любил, — Варвары Александровны Лопухиной-Бахметьевой, в образе испанской монахини. Дошли до нас лермонтовские рисунки, сделанные углем, сепией. Но более всего — карандашных.

Отличительная особенность Лермонтова-художника — необыкновенная экспрессия в изображении скачек, сражений, преследований. Именно это побуждало Г. Г. Гагарина — великолепного рисовальщика, выступать в соавторстве с Лермонтовым в таких работах, как акварельное «Сражение при Валерике», использовать лермонтовскую компоновку фигур в своем полотне «Лагерь при Ахатли».

Особое место в художественном наследии Лермонтова занимают его живописные полотна. Известна целая серия его пейзажей, исполненных маслом, вдохновленных путешествиями 1837 года — знакомством с Военно-Грузинской дорогой, Тифлисом, Кахетией. Однако почти несомненно, что Лермонтов писал все эти холсты не с натуры, а позже, уже в Петербурге, пользуясь своими карандашными зарисовками. В 30-х годах прошлого века пейзажей с натуры маслом художники еще не писали, а делали только «кроки» для последующих работ. Кроме того, имеются сведения, что виды Кавказа Лермонтов создавал уже в Петербурге, по возвращении из ссылки, в 1838 году. И, наконец, самым убедительным подтверждением этого служит полотно «Пятигорск». Его композиция совпадает с дошедшим до нас лермонтовским карандашным наброском.

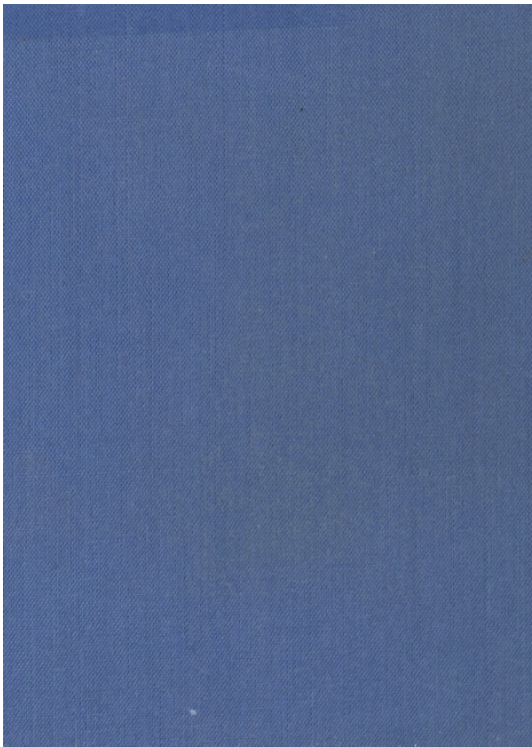
Исследования последнего времени доказали, что многие художественные работы Лермонтова связаны с его поэтическими замыслами. Таковы домик на крутом берегу в Тамани, как бы иллюстрирующий повесть «Та-

мань», «Развалины на берегу Арагвы», описанные как развалины замка Гудала в эпилоге поэмы «Демон», полотно «Тифлис», отвечающее пейзажу в стихотворении «Свиданье», храм над слиянием Куры и Арагвы, в котором, по воле поэта, томится его возлюбленный Мцыри. И другие, подобные. Многие воспринимаются как автоиллюстрации Лермонтова к его поэтическим сочинениям, хотя возникли они раньше этих произведений и являются собой род записных книжек поэта, раскрывающих связь его многообразных талантов и возникновение словесного и живописного образа.

Ираклий Андроников

На суперобложке:

Рисунки М. Ю. Лермонтова на рукописи повести «Валим». 1834. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Ленинград.

Примечания

1

Это слишком банально! (*франц.*) — *Ред.*

[^^^]

Я вижу пред собой лежащего гладиатора...
Байрон (англ.) — Ред.

[^^^]

Какое нам, в конце концов, дело до грубого крика всех этих горланящих шарлатанов, торговцев пафосом, мастеров напыщенности и всех плясунов, танцующих на фразе? *О. Барбье (франц.). — Ред.*

[^^^]

Поэты похожи на медведей, которые кормятся тем, что сосут свою лапу. *Неизданное (франц.)*. — *Ред.*

[^^^]

Шат — Элбрус.

[^^^]

6

Горцы называют шапкою облака, постоянно лежащие на вершине Казбека.

[^^^]

Они любили друг друга, но ни один не желал признаться в этом другому. *Гейне (нем.)*. — *Ред.*

[^^^]

8

Когда такой герой родится снова?
«Гяур». Байрон (англ.). — Ред.

[^^^]

*Сказание седых времен!..
Деянья прежних лет и дней!..* (ан-
гл.). — Ред.

[^^^]

*Так шествовала по земле дочь
Черкесии,
Прелестнейшая птица Франги-
стана.*

«Гяур». Байрон. (англ.) — Ред.

[^^^]

Машук и Бешту — Две главные горы.

[^^^]

12

Железная и Змеиная — Две горы, находящиеся рядом с Бешту.

[^^^]

*Высокие души, по природной гор-
дости и силе,
Глубже всех чувствуют твои
угрызения, Совесть!
Страх, словно бич, повелевает
низкой чернью,
Ты же — истязатель смелого!*

«Мармион». Сэр Вальтер Скотт.(англ.). —
Ред.

[^^^]

*Она не сказала, ни откуда она, ни
почему она оставила
Все для того, кто не был, каза-
лось, даже ласков с нею.
За что она любила его? Пытли-
вый глупец! Молчи:
Разве по воле человека рождается
человеческая любовь?..*

«Лара». Лорд Байрон. (англ.). — Ред.

[^^^]

Наездники.

[^^^]

Маркиз де Тесс. *(франц.)*. — *Ред.*

[^^^]

Сударь, это мое дело. *(франц.)*. — *Ред.*

[^^^]

«Ну, сударь, что я вижу?» — «Ах, это вы!»

«Что это за шум? Что вы делаете?» — «Я
<...>!» (франц.). — *Ред.*

[^^^]

Покрывало.

[^^^]

Вроде волынки.

[^^^]

Верхняя одежда с откидными рукавами.

[^^^]

Стремена у грузин, вродѣ башмаков из звонкого металла.

[^^^]

Шапка, вроді ериванки.

[^^^]

Чингар, род гитары.

[^^^]

Мицри — на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника».

[^^^]

прелестно?.. (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

МОЯ ЛЮБОВЬ (франц.). — Ред.

[^^^]

Мысль превосходная, как и всегда у вас.
(франц.). — *Ред.*

[^^^]

Прощай, дорогая (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

мой ангел (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Острота (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

В бумажной версии пропущено — *верстальщик*.

[^^^]

мой друг! (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Тетушка! (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Ермолове.

[^^^]

ΠΛΟΧΟ (*тюрк.*). — *Ред.*

[^^^]

Хороша, очень хороша! (*тюрк.*). — *Ред.*

[^^^]

Нет (*тюрк.*). — *Ред.*

[^^^]

Я прошу прощения у читателей в том, что переложил в стихи песню Казбича, переданную мне, разумеется, прозой; но привычка — вторая натура.

[^^^]

Кунак значит — *приятель*.

[^^^]

овраги.

[^^^]

серо-жемчужного цвета (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

красновато-бурого цвета (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

по-мужицки (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Милый мой, я ненавижу людей, чтобы их не презирать, потому что иначе жизнь была бы слишком отвратительным фарсом (*франц.*). —
Ред.

[^^^]

Милый мой, я презираю женщин, чтобы не любить их, потому что иначе жизнь была бы слишком нелепой мелодрамой (франц.). —
Ред.

[^^^]

на пикник (франц.). — Ред.

[^^^]

Боже мой, черкес!.. (франц.). — Ред.

[^^^]

Не бойтесь, сударыня, — я не более опасен, чем ваш кавалер (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Это презабавно!.. (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Благодарю вас, сударь (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Позвольте... (*от франц. remettre.*) — *Ред.*

[^^^]

на мазурку... (франц.). — Ред.

[^^^]

Очаровательно! прелестно! (*франц.*) — *Ред.*

[^^^]

руку и сердце (*франц.*). — *Ред.*

[^^^]

Комедия окончена! (*итал.*). — *Ред.*

[^^^]

за (лат.). — Ред.

[^^^]

против (*лат.*). — *Ред.*

[^^^]

Комментарии

В настоящий том включены стихотворения и поэмы М. Ю. Лермонтова, драма в стихах «Маскарад» и роман «Герой нашего времени». Юношеские сочинения (1828–1835 годов) представлены здесь не полностью.

Тексты произведений М. Ю. Лермонтова печатаются по изданию: М. Ю. Лермонтов, Собрание сочинений в четырех томах, «Художественная литература», М. 1964–1965.

[^^^]

СТИХОТВОРЕНИЯ

Поэт («Когда Рафаэль вдохновенный...») (стр. 13). — Тема стихотворения предложена поэтом С. Е. Раичем, руководившим пансионским литературным кружком. В альманахе «Цефей» (1829), составленном из сочинений участников пансионского «литературного общества», напечатано стихотворение «Видение Рафаэля», принадлежащее другому воспитаннику (подписано «К»).

[^^^]

К Д...ву («Я пробежал страны России...») (стр. 14). — Дмитрий Дурнов — одноклассник Лермонтова, самый близкий из его пансионских друзей. В этом стихотворении поэт подражает Рылееву — посвящению к поэме «Войнаровский», обращенному к поэту-декабристу А. А. Бестужеву.

[^^^]

Веселый час (стр. 14). — Написано, видимо, в связи с известием о заключении в тюрьму французского поэта Пьера Жана Беранже, привлеченного за свободолюбивые песни к судебной ответственности. Приговор был вынесен в конце 1828 года. Об этом широко писалось в иностранных и русских газетах.

[^^^]

Романс («Коварной жизнью недовольный...») (стр. 16). — Написано по случаю отъезда в Италию поэта и критика С. П. Шевырева, принимавшего близкое участие в издании журнала «Московский вестник».

В 1829 году в редакции «Московского вестника» произошел раскол, причиной которого послужила полемика Шевырева с Ф. Булгариным. Шевыреву пришлось оставить работу в журнале и уехать в Италию. Подробности этой истории Лермонтов мог знать от С. Е. Раича, который был близок к редакции «Московского вестника».

[^^^]

Гельвеция — Швейцария.

[^^^]

Портреты (стр. 17) В автографе возле первого портрета имеется позднейшая приписка Лермонтова: «(Этот портрет был доставлен одной девушке: она в нем думала узнать меня: вот за какого эгоиста принимают обыкновенно поэта)».

Второй портрет, как можно судить, относится к кому-то из участников пансионского «общества любителей отечественной словесности» («Он добр, член нашего Парнаса»). Очевидно, и остальные портреты представляют собою эпиграммы на пансионских товарищей поэта.

[^^^]

Русская мелодия (стр. 19). — В автографе — позднейшая (зачеркнутая) приписка Лермонтова: «(Эту пьесу подавал за свою Раичу Дурнов — друг, — которого поныне люблю и уважаю за его открытую и добрую душу — он мой первый и последний)».

Приписка в автографе означает, что Лермонтов сочинил это стихотворение по просьбе Дурнова, который представил его Раичу как свое.

[^^^]

Романс («Невинный нежною душою...») (стр. 19). — В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(Дурнову)», означающая, что стихотворение обращено к Дмитрию Дурнову.

[^^^]

Наполеон («Где бьет волна о брег высокой...») (стр. 20). — В стихотворениях «Поле Бородинна», «Два великана», «Бородино», в VII строфе поэмы «Сашка» Лермонтов трактует Наполеона как узурпатора, посягнувшего на честь и свободу России; в стихотворениях «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокой...»), «Наполеон (Дума)», «Эпитафия Наполеона», «Св. Елена», «Воздушный корабль», «Последнее новоселье» поэт изображает величие и падение французского императора, образ которого олицетворяет, в его представлении, и романтического героя, и наследника французской свободы, завоеванной в 1789 году.

[^^^]

Жалобы турка (стр. 22). — В стихотворении иносказательно говорится о политической жизни России после разгрома декабристского движения. Условное изображение деспотических порядков в царской России под видом Турции было в литературе первой трети XIX столетия широко распространенным явлением.

[^^^]

Черкешенка (стр. 22). — В основу стихотворения легли воспоминания о поездке на Кавказ в 1825 году и о пребывании в имении «Шелковое» на Тереке.

[^^^]

Мой демон (стр. 23). — Написано в связи с началом работы над поэмой «Демон», задуманной в 1829 году. Образ демона возник у Лермонтова под влиянием пушкинского стихотворения «Демон» (1823):

*Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.*

В 1824 году стихотворение Пушкина было напечатано в «Мнемозине», где озаглавлено «Мой демон».

[^^^]

К другу («Взлелеянный на лоне вдохновения...») (стр. 24). — Первоначально было озаглавлено «Эпилог (к Д...ву)».

[^^^]

Молитва («Не обвиняй меня, всеильный...») (стр. 26). — В основу этой иронической молитвы положена мысль, что вера в бога, «тесный путь спасенья», и свободное творчество — несовместимы.

[^^^]

«Один среди людского шум а...» (стр. 26) Стихотворение впервые обнаружено в 1962 году среди бумаг из архива А. М. Верещагиной, хранившихся у профессора М. Винклера (ФРГ). Рядом с текстом стихотворения в автографе имеется позднейшая помета Лермонтова: «1830 года в начале».

[^^^]

Кавказ (стр. 27). — Летом 1825 года Лермонтов познакомился на кавказских водах с десятилетней девочкой. «Кто мне поверит, — записал он 8 июля 1830 года, — что я знал уже любовь, имея 10 лет от роду? Мы были большим семейством на водах Кавказских...» и т. д.

Об этой привязанности он и вспоминает в третьей строфе. Стихотворение написано весной 1830 года, пять лет спустя после встречи («Пять лет пронеслось: все тоскую по вас...»).

[^^^]

Н. Ф. И....вой (стр. 28). — Обращено к Наталье Федоровне Ивановой, с которой Лермонтов познакомился в 1830 году. История отношений с ней отразилась в драме «Странный человек» (1831) и в обширном цикле стихотворений 1830–1832 годов, объединенных темой любви и измены.

Н. Ф. Иванова (род. в 1813 г.) — была дочерью московского поэта и драматурга Ф. Ф. Иванова (1777–1816).

[^^^]

Весна (стр. 29). — Это — первое стихотворение Лермонтова, появившееся в печати (с подписью «L») («Атеней», 1830, ч. IV).

[^^^]

В альбом («Нет! — я не требую вниманья...») (стр. 30). — Попытка передать стихотворение Байрона «Lines written in an Album at Malta» («Строки, написанные в альбом на Мальте»).

В 1836 году Лермонтов сделал новый перевод, приблизив его к оригиналу: «В альбом» («Как одинокая гробница...»).

[^^^]

Наполеон («В неверный час, меж днем и темнотой...») (стр. 32). — В строках: «Сей острый взгляд с возвышенным челом // И две руки, сложенные крестом», «Под шляпою, с нахмуренным челом, // И две руки, сложенные крестом» перефразированы стихи из VII главы «Евгения Онегина» Пушкина, появившейся в свет в марте 1830 года.

[^^^]

Эпитафия («Простосердечный сын свободы...») (стр. 38). — «Эпитафия», как устанавливает Э. Э. Найдич, посвящена памяти поэта Д. В. Веневитинова, погибшего в 1827 году в 22-летнем возрасте; в строчках: «Он верил темным предсказаниям, и талисманам, и любви» — подразумевается цикл стихотворений Веневитинова, адресованных к Зинаиде Волконской и обращенных к подаренному ею перстню-талисману. Это предположение подкрепляется тем, что вторая строка лермонтовского стихотворения представляет собою цитату из предсмертного стихотворения Веневитинова «Поэт и друг»: «Кто жизни не щадил для чувства».

[^^^]

Посвящение (стр. 38). — На одном листе с этим стихотворением в тетради лермонтовских автографов находится список действующих лиц трагедии «Испанцы». К ней, очевидно, и относится «Посвящение».

[^^^]

К*** («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...») (стр. 39). — В автографе — позднейшая приписка Лермонтова: «(Прочитав жизнь Байрона <написанную> Муром)». Под текстом дата: «1830».

В 1830 году в Лондоне вышла книга «Письма и дневники Дж.-Г. Байрона, составленная его другом — поэтом Томасом Муром» («Letters and journals of Byron, with notices on his life»). Сравнивая себя с Байроном («У нас одна душа, одни и те же муки»), шестнадцатилетний Лермонтов завидует «уделу» британского поэта, который погиб в Греции, куда приехал, чтобы сражаться за свободу и независимость греческого народа (1824).

[^^^]

Предсказание (стр. 39). — В автографе заглавие заключено в скобки. Рядом с заглавием сделана приписка (позднейшая): «(Это мечта)».

Написано под впечатлением крестьянских восстаний, участвовавших в 1830 году в связи с эпидемией холеры.

В русской литературе и в бытовой речи привилегированных классов выражение «черный год» было общепринятым обозначением пугачевщины.

[^^^]

10 июля (1830) (стр. 42). — Конец стихотворения неизвестен: следующий лист тетради, на котором было написано продолжение, — вырван. По поводу уцелевшей части высказывались четыре гипотезы:

1. Что стихотворение представляет собою отклик на известие об июльской революции в Париже;

2. Что оно написано в связи с польским восстанием 1830 года;

3. Что это — обращение к кавказским горцам — и, наконец;

4. Что в стихотворении идет речь о восстании албанских патриотов.

Однако дата «10 июля», приписанная поэме в виде заглавия, мешает отнести стихотворение к французским или польским событиям: революция во Франции началась 27 июля 1830 года (15 июля по старому стилю, принятому в то время в России), а восстание в Польше — только в ноябре. Не объясняет даты Лермонтова ни «кавказская», ни «албанская» гипотезы (последняя, кроме того, находится в

резком противоречии с текстом стихотворения). Поэтому, к какому народу обращены эти строки Лермонтова, решить пока что не удастся. Следует отметить, однако, что дата «10 июля» не означает дня создания стихотворения. В лермонтовской тетради оно написано после стихотворения, озаглавленного: «1830 год. Июля 15-го. (Москва)», и еще двух других — следовательно, во второй половине июля.

[^^^]

Нищий (стр. 42). — В своих «Записках» Е. А. Сушкова рассказывает, как в августе 1830 года большая компания молодежи отправилась пешком из Середникова в Троице-Сергиеву лавру. На паперти Лавры стоял слепой нищий. Услыхав звон монет, брошенных в его чашечку, он стал благодарить за подаяние: «Пошли вам бог счастье, добрые господа; а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков».

В тот же день Лермонтов написал стихотворение, в последней строфе которого обращается к Сушковой, посмеявшейся над его чувством.

[^^^]

30 июля. — (Париж) 1830 года (стр. 42). — Написано при известии о том, что во Франции произошла революция и король Карл X отрекся от престола.

[^^^]

Стансы («Взгляни, как мой спокоен взор...») (стр. 43). — В автографе под заглавием — пометы Лермонтова: «(1830 года)» и «(26 августа)», а рядом с текстом — рисунок поэта, изображающий девушку в профиль: считается, что это — Е. А. Сушкова. Но следует иметь в виду, что 26 августа — дата написания стихотворения — это Натальин день, и возможно, что стихотворение обращено к Наталье Ивановой.

[^^^]

Ночь («Один я в тишине ночной...») (стр. 44). — В автографе рядом с заглавием — дата: «(1830 года ночью. Августа 28)».

[^^^]

Новгород (стр. 46). — Обращено, очевидно, к сосланным декабристам. В таком случае под словом «тиран» Лермонтов подразумевает Николая I. В представлении декабристов и людей после декабрьского поколения, к которому принадлежал Лермонтов, общественный строй Новгорода был символом национально-русского общественного и политического строя.

[^^^]

Могила бойца (стр. 47). — В автографе под стихотворением — дата: «1830 год — 5 октября. Во время холеры-morbus».

[^^^]

Смерть («Закат горит огнистой полосой...») (стр. 48). — В копии обозначена дата: «1830. Октября 9». Стихотворение написано в связи с холерой.

[^^^]

Пир Асмодея (стр. 48). — Стихотворение представляет собою острую политическую сатиру. Во второй строфе упоминается «приезжий», имя которого Лермонтов даже в своей тетради заменил звездочками. Так как оно должно рифмоваться со словом «правил», то было высказано предположение (И. И. Власовым), что поэт имел в виду императора Павла I. Это вполне убедительно: в русской революционной поэзии Павел I был символом тирана-злодея. Пушкин проклинал его в оде «Вольность», Рылеев и Бестужев высмеивали в сатирической песне «Ты скажи-говори». Тем самым Лермонтов продолжал традиции революционной поэзии.

Вино свободы — намек на французскую революцию 1830 года и на революционное движение в Европе (народы «начали в куски короны бить»).

Последняя строфа — отклик на холерную эпидемию, разразившуюся в России осенью 1830 года.

[^^^]

На картину Рембрандта (стр. 50) В этом стихотворении Лермонтов говорит о картине Рембрандта «Портрет молодого человека в одежде францисканца», которая в 30-х годах прошлого века хранилась в Москве, в художественной галерее Строгановых.

[^^^]

К*** («О, полно извинять разврат!..») (стр. 51). — В мае 1830 года в «Литературной газете» появилось послание Пушкина «К вельможе», в котором поэт обращался к князю Н. Б. Юсупову — сановнику екатерининского времени, доживавшему свой век в своем подмосковном имении Архангельском. Будучи смолоду дипломатом, Юсупов побывал во многих странах, встречался с Вольтером, Дидро, Бомарше, в 1789 году находился в Париже и был свидетелем французской революции. Именно этим и привлекла Пушкина фигура Юсупова.

Между тем многими современниками послание к нему было воспринято как измена традициям гражданской поэзии, клеймившей тиранов и вельмож. Летом 1830 года в «Московском телеграфе» появилась пародия Н. Полевого, который обвинял Пушкина в том, что тот позволил себе обратиться с почтительными стихами к известному всей Москве бездушному, развратному вельможе. Еще раньше некоторые читатели восприняли

стихотворения «Стансы» («В надежде славы и добра...»), «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...»), «Чернь» («Поэт по лире вдохновенной...») как попытку Пушкина помириться с правительством Николая I

Слухи о «смирении» Пушкина, об отказе его от прежних взглядов побудили шестнадцатилетнего Лермонтова обратиться к великому поэту с призывом оставаться певцом вольности и гражданского мужеству гордиться судьбою изгнанника. Под «изгнанием из страны родной» Лермонтов понимает, конечно, бессарабскую ссылку Пушкина.

Словарь лермонтовского стихотворения — «злодеи», «глупцы», «щит», «порфира» — восходит к стихотворениям Пушкина «Деревня» («Не завидовать судьбе злодея иль глупца...»), к оде «Вольность» («твердый щит», «злодейская порфира») и помогает уяснить, что в последней строфе речь идет о вольнолюбивых стихах Пушкина. Возможно, что Лермонтов имеет в виду стихотворения «Арион», «Андрей Шенье», отрывок из которого после декабрьских событий 1825 года распространялся в списках под заглавием «На 14 декабря».

Лермонтов глубоко воспринял эти призы-вы Пушкина к вольности: «В этом есть краю // Один, кто понял песнь твою» («Один» употреблено здесь не в смысле «единственный», а как «один человек».).

Предположение, что в этом стихотворении Лермонтов обращается к Пушкину, впервые было высказано Алексеем Максимовичем Горьким («История русской литературы», М. 1939, стр. 162).

[^^^]

Звуки (стр. 53). — Стихотворение навеяно игрой известного гитариста, сочинителя музыки для семиструнной гитары, М. Т. Высоцкого (1791–1837). В студенческие годы Лермонтов бывал у Высоцкого, который играл ему переделки русских народных песен.

[^^^]

Поле Бородина (стр. 54). — Это первое у Лермонтова обращение к теме Отечественной войны и к Бородинскому сражению. Хотя образ рассказчика и описание боя еще лишены исторической конкретности, в этом стихотворении уже появились афористические строки («И клятву верности сдержали // Мы в бородинский бой», «И ядрам пролетать мешала // Гора кровавых тел»), которые в 1837 году Лермонтов использовал в стихотворении «Бородино».

[^^^]

К*** («Не ты, но судьба виновата была...») (стр. 59). — Обращено, очевидно, к Н. Ф. Ивановой. См. прим. к стихотворению «Н. Ф. И...вой» (стр. 695).

[^^^]

Ночь («В чугу́н печальный сторож бьет...») (стр. 59). — Стихотворение связано с лирическим циклом, обращенным к Н. Ф. Ивановой. Написано, по всем признакам, весной или летом 1831 года. В строках 1–9 угадывается пейзаж Середникова.

[^^^]

Из Андрея Шенье (стр. 64). — Судя по заглавию, это перевод из Андре Шенье. Однако такого стихотворения у Шенье обнаружить не удалось. Лермонтов приписал его французскому поэту, видимо, для того, чтобы зашифровать его откровенный политический смысл. В то время в списках распространялся отрывок из стихотворения Пушкина «Андрей Шенье» под заглавием «На 14 декабря». Многие воспринимали его как отклик на декабрьские события 1825 года. Очевидно, Лермонтов выставил имя Шенье, следуя пушкинской традиции.

Интересно при этом, что в первой строке использован распространенный в декабристских кругах термин «дело общее» (по-латыни «дело общее» звучит как «res publica»).

Тему изгнания и гибели Лермонтов развивает в целом ряде стихотворений 1830–1837 годов. Это характерно для настроений передовой молодежи его поколения. «Почти все наши грезы, — вспоминал Герцен, — оканчивались Сибирью или казнью и почти никогда —

торжеством» («Былое и думы», ч. 1, гл. IV).

[^^^]

Стансы («Не могу на родине томиться...») (стр. 65). — Обращено к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

Мой демон (стр. 66). — В 1829 году, одновременно с первым наброском поэмы «Демон», Лермонтов написал стихотворение «Мой демон». Работая над новыми редакциями поэмы, он вернулся к этому стихотворению и переработал его.

[^^^]

1831-го июня 11 дня (стр. 68). — В строфе 5-й поэт обращается к Н. Ф. Ивановой, которой посвящен обширный цикл стихотворений 1830–1832 годов.

[^^^]

Романс к И... (стр. 77). — Обращено к Наталье Федоровне Ивановой.

[^^^]

К*** («Всевышний произнес свой приговор...») (стр. 77), — Стихотворение обращено к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

Желание («Зачем я не птица, не ворон степной...») (стр. 78). — В автографе рядом с заглавием — приписки Лермонтова «(Средниково. Вечер на бельведере)», «(29 июля)».

В стихотворении использованы сведения из родословной, в которой говорится о шотландском происхождении родоначальника фамилии Лермонтовых — Джорджа (Георга) Лермонта.

[^^^]

Св. Елена (стр. 79). — Св. Елена — остров в Атлантическом океане, на котором сосланный Наполеон Бонапарт умер в 1821 году.

[^^^]

Атаман (стр. 79). — В стихотворении использованы мотивы народных песен о Степане Разине.

[^^^]

К Л. — (стр. 82). — Считается, что буква «Л» означает фамилию Варвары Александровны Лопухиной. Для этого нет достаточных оснований.

Стихотворение напоминает стихотворение Байрона, озаглавленное «Стансы к *****, написанные при отплытии из Англии» («Stanzas to *****, on leaving England»).

[^^^]

К Н. И..... (стр. 83). — Н. И. — Наталья Иванова.

[^^^]

Воля (стр. 84). — Написано в подражание народным песням.

[^^^]

Сентября 28 (стр. 85). — Относится к циклу лирических стихотворений, обращенных к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

*И мне былое, взятое могилой, напомнил го-
лос твой... — воспоминание о матери.*

[^^^]

«Зови надежду сновиденьем...» (стр. 86) По-
священо Е. А. Сушковой.

[^^^]

«Прекрасны вы, поля земли родной...» (стр. 86). — «Могильная гряда» и «позабытый прах», о которых говорится в заключительных строках, — могила отца, Ю. П. Лермонтова, умершего 1 октября 1831 года в своем селе Кропотовке, Ефремовского уезда, Тульской губернии. Памяти отца Лермонтов посвятил стихотворения «Ужасная судьба отца и сына...», «Эпитафия» и строфу стихотворения «Я видел тень блаженства...».

[^^^]

К кн. Л. Г — ой (стр. 87). — Высказывалось предположение, что стихотворение это обращено к княжне Л. Горчаковой, двоюродной сестре Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

Ангел (стр. 88). — В 1839 году это стихотворение появилось в «Одесском альманахе на 1840 год», который составлял возвратившийся из ссылки Н. И. Надеждин — профессор Московского университета, критик, историк искусства, редактор журнала «Телескоп», пострадавший за опубликование «Философического письма» Чаадаева. Желая принять участие в альманахе, Лермонтов отдал Надеждину, лекции которого он слушал в годы студенчества, юношеское стихотворение «Ангел». Это — единственное из юношеских произведений, которое он опубликовал при жизни с подписью своего имени. Однако, составляя в 1840 году сборник своих стихотворений, Лермонтов «Ангела» в него не включил. Вероятнее всего, что это решение созрело в связи с отзывом Белинского, который в рецензии на «Одесский альманах» дал «Ангелу» отрицательную оценку. Замысел стихотворения возник в связи с воспоминанием о песне, которую певала Лермонтову покойная мать.

[^^^]

«Ужасная судьба отца и сына...» (стр. 89)). — В этом стихотворении Лермонтов говорит о смерти отца. Биография Юрия Петровича Лермонтова не изучена из-за полного отсутствия материалов. Поэтому некоторые выражения здесь не поддаются истолкованию.

[^^^]

Свершил свой подвиг — торжественно-книжное архаическое выражение, означающее завершение жизненного пути.

[^^^]

«Пусть я кого-нибудь люблю...» (стр. 90). — В автографе имеются вычеркнутый заголовок «(Стансы)» и вычеркнутые строфы — 1-я и 3-я.

Строфа 1-я:

*Гляжу вперед сквозь сумрак лет,
Сквозь луч надежд, которым нет
Определенья, и они
Мне обещают годы, дни,
Подобные минувшим дням,
Ни мук, ни радостей, а там
Конец — ожидаемый конец:
Какая будущность, творец!*

Строфа 3-я:

*Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя по конец.
В слезах угасла мать моя:
От них остался только я,
Ненужный член в пиру людском,
Младая ветвь на пне сухом;
В ней соку нет, хоть зелена,—
Дочь смерти — смерть ей сужде-
на!*

Судьба родителей Лермонтова была

несчастной. Вскоре после брака они разъехались. Мать поэта — Мария Михайловна — умерла в 1817 году, в возрасте 21 года. Юрий Петрович Лермонтов пережил ее на 14 лет; умер в одиночестве, вдали от сына.

[^^^]

Из Паткуля (стр. 91). — Летом 1831 года вышел роман И. Лажечникова «Последний Новик» (части I–II), в котором большое внимание уделено личности Иоганна Рейнгольда Паткуля (1660–1707), лифляндского политического деятеля, возглавлявшего борьбу за освобождение Прибалтики от шведской оккупации. Рассчитывая, что борьба России со Швецией приведет к освобождению его родины, Паткуль в 1702 году перешел на службу к Петру I. Петр оценил Паткуля и назначил русским посланником в Польше. Польский король выдал его шведам. В 1707 году, по приговору короля Карла XII, Паткуль был колесован и четвертован. Лермонтов был знаком не только с романом Лажечникова, но и с книгой «Письма несчастного графа Иоганна Рейнгольда Паткуля, полководца и посланника российского императора Петра Великого» (М. 1806). Этим объясняется и заглавие стихотворения.

«Я не для ангелов и рая...» (стр. 91). — Стихотворение написано по окончании работы над второй редакцией «Демона» (это видно по расположению его в тетради) и представляет собою своего рода послесловие к поэме.

[^^^]

«Настанет день — и миром осужденный ...» (стр. 92). — В своих стихотворениях: «1831-го июня И дня» (строфы 30 и 31), «Романс к И...», «Из Андрея Шенье», «Не смейся над моей пророческой тоскою...», «Когда твой друг с пророческой тоскою...» — Лермонтов постоянно возвращается к мысли о том, что ему суждено совершить какой-то подвиг в борьбе за «дело общее», что его ожидает гибель на плахе или изгнание и смерть на чужбине.

[^^^]

К Д. (стр. 92). — К кому обращено стихотворение — не установлено.

[^^^]

Отрывок («Три ночи я провел без сна — в тоске...») (стр. 93). — К 1831 году относятся две записи, в которых намечен сюжет исторической поэмы или стиховой драмы о Мстиславе Черном. Действие ее должно было происходить в Киевской Руси во времена татарского нашествия. Сохранился план, в котором записано: «Мстислав три ночи молится на кургане, чтоб не погибло любезное имя России».

«Отрывок» представляет собою монолог Мстислава из этого неосуществленного сочинения. Первоначально так и был озаглавлен: «Монолог».

[^^^]

Баллада («В избушке позднею порою...») (стр. 94). — Как и «Отрывок» («Три ночи я провел без сна — в тоске...»), «Баллада» возникла в связи с замыслом исторической поэмы или драмы о Мстиславе. В сохранившемся плане сказано: «Мстислав проходит мимо деревни; одна женщина поет, баюкая ребенка (*Что за пыль... Злы татаровья*) — он радуется тому, что эта песня вдохнет ребенку ненависть против татар...» В другом наброске плана эта песня приурочена к смерти Мстислава: «Он израненный лежит в хижине, хозяйка крестьянка баюкает ребенка песнью: *Что за пыль пылит. Входит муж ее израненный*».

[^^^]

«Я не люблю тебя; страстей...» (стр. 95). — В 1837 году Лермонтов переработал это стихотворение и включил его в сборник, вышедший в свет в 1840 году (см. «Расстались мы, но твой портрет...»).

[^^^]

«Люблю я цепи синих гор...» (стр. 96). — Возможно, что это фрагмент поэмы «Измаил-Бей» — авторское отступление, не использованное в окончательной редакции.

[^^^]

Прощанье («Не уезжай, лезгинец молодой...») (стр. 97). — Этот отрывок возник в связи с работой Лермонтова над «Измаил-Беем» и представляет собою первоначальный вариант прощания Зары и Измаила (ср. строфу XXXIV 1-й главы поэмы).

[^^^]

К* («Я не унижусь пред тобою...») (стр. 99). —
Прощальное послание к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

<В альбом Н. Ф. Ивановой> (стр. 100). — Единственное стихотворение, в котором имя Н. Ф. Ивановой оказалось незашифрованным. Очевидно, здесь идет речь о кратком свидании, состоявшемся после того, как предыдущее стихотворение («...стих безумный, стих прощальный») в альбом Н. Ф. Ивановой было уже вписано. Этим определяется и место данного стихотворения среди лирики 1832 года.

[^^^]

<В альбом Д. Ф. Ивановой> (стр. 100). — Иванова Дарья Федоровна — сестра Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

«Как луч зари, как розы Леля...» (стр. 101). —
Лермонтов говорит здесь об Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

«Синие горы Кавказа, приветствую вас!..» (стр. 101). — Ритмическая проза, переходящая в стих (дактиль). Высказывалось предположение, что это черновая запись, заготовка, конспект для будущего стихотворного текста.

Действительно, многие образы этой записи почти дословно повторены во вступительных строфах поэмы «Измаил-Бей», над которой Лермонтов работал именно в это время.

Третий абзац в автографе вычеркнут.

[^^^]

Романс («Стояла серая скала на берегу морском...») (стр. 102). — Обращено к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

Прелестнице (стр. 102). — В 1841 году Лермонтов переделал это стихотворение и назвал его «Договор».

[^^^]

Эпитафия («Прости! увидимся ль мы снова?..») (стр. 103). — Обращено к отцу, умершему 1 октября 1831 года (ср. стихотворение «Ужасная судьба отца и сына...»).

[^^^]

«Измученный тоскою и недугом...» (стр. 103). — Обращено к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

«Нет, я не Байрон, я другой...» (стр. 104). — В узком кругу почитателей Лермонтова его поэзия пользовалась признанием уже в начале 1830-х годов. Видимо, кто-то из них сравнил его с Байроном. Первая строка — отрицание: «Нет, я не Байрон, я другой» — позволяет предполагать, что кто-то вел разговор с ним на эту тему.

[^^^]

Сонет («Я памятью живу с увядшими мечтами...») (стр. 105). — Обращено к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

К* («Мы случайно сведены судьбою...») (стр. 106). — Первое стихотворение, обращенное к Варваре Александровне Лопухиной (1814–1851).

[^^^]

К* («Оставь напрасные заботы...») (стр. 107). — Обращаясь в этом стихотворении к В. А. Лопухиной, Лермонтов говорит о своей недавней мучительной любви к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

«Я жить хочу! хочу печали...» (стр. 107). —
Дошло до нас в тексте письма Лермонтова к
С. А. Бахметевой, написанного в августе 1832
года.

[^^^]

«Приветствую тебя, воинственных славян...» (стр. 108)Новгород до конца XV века управлялся выборным вечем и являлся торговой республикой. Вечевой колокол и самое имя Новгорода в русской революционной поэзии XIX века служили символами свободы.

[^^^]

Желанье («Отворите мне темницу...») (стр. 109). — Это стихотворение дошло до нас и в иной редакции с дополнительными строками 5–8:

*Я пушусь по дикой степи,
И надменно сброшу я
Образованности цепи
И вериги бытия.*

Есть третья редакция, состоящая всего из восьми строк: 5–8 строки читаются так:

*Чтоб я с ней по синю полю
Ускакал на том коне,
Дайте волю — волю, волю,—
И не надо счастья мне!*

В 1837 году Лермонтов переделал это стихотворение и назвал его «Узник».

[^^^]

Два великана (стр. 109). — В образе двух великанов в сказочно-аллегорической форме изображена борьба русского народа с Наполеоном и изгнание его из России в 1812 году.

[^^^]

Неведомый гранит — остров Святой Елены в Атлантическом океане, на котором Наполеон находился в ссылке после окончательного своего поражения в 1815 году вплоть до смерти (в 1821 г.).

[^^^]

К* («Прости! — мы не встретимся боле...»)
(стр. 110). — Относится к Н. Ф. Ивановой.

[^^^]

«Безумец я! вы правы, правы!..» (стр. 111). — В автографе вычеркнуто заглавие: «Толпе». Под этим словом Лермонтов подразумевает светскую толпу, светскую чернь.

[^^^]

«Она не гордой красотою...» (стр. 112) Построено на сравнении В. А. Лопухиной с Н. Ф. Ивановой. Это предположение высказал профессор Н. Л. Бродский.

[^^^]

«Примите дивное посланье...» (стр. 112). — В этом стихотворении Лермонтов делится первыми впечатлениями от столицы. Отправлено из Петербурга в письме к С. А. Бахметевой (в августе 1832 г.). В строках 1–4 содержится каламбур: под «Павловым писаньем» Лермонтов разумеет послание апостола Павла (слова «посланье» и «Павлово» подчеркнуты). Павел, который должен доставить письмо, — Павел Евреинов, прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка, родственник Лермонтова.

[^^^]

Челнок (стр. 113). — «Если б я начал писать к вам за час прежде, — сообщал Лермонтов приятельнице по поводу этого стихотворения, — то, быть может, писал бы вовсе другое; каждый миг у меня новые фантазии».

[^^^]

«Для чего я не родился...» (стр. ИЗ). — Написано 27 августа 1832 года в Петербурге, после небольшого наводнения. Отсылая на следующий день письмо в Москву М. А. Лопухиной, Лермонтов писал ей: «Вода опускалась и подымалась. Ночь была лунная, я был у своего окна, которое выходит на канал. Вот, что я написал». Далее следует текст стихотворения.

[^^^]

Парус (стр. 115). — Написано на берегу Финского залива, вскоре после переезда в Петербург, в августе 1832 года. 2 сентября Лермонтов послал текст «Паруса» в Москву, в письме М. А. Лопухиной.

Первая строка — «Белеет парус одинокий» совпадает со стихом из анонимно изданной в 1828 году в Москве поэмы декабриста А. А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переяславский» (гл. 1, строфа 19).

Стихотворение было воспринято в русском обществе как выражение передовых гражданских идей того времени.

[^^^]

«Он был рожден для счастья, для надежд...»
(стр. 118). — Первая строфа почти без изменений вошла в стихотворение «Памяти А. И. Одоевского» (1839). Вторая использована в «Думе» (1838).

[^^^]

Русалка (стр. 119). — В сборнике стихотворений Лермонтова 1840 года «Русалка» напечатана с датой: «1836». Между тем, как выяснилось после находки так называемой «казанской тетради» автографов, она написана в 1832 году.

[^^^]

Гусар (стр. 120). — Красные доломаны и шитые золотом ментики — форма лейб-гвардии Гусарского полка, в который Лермонтов был зачислен по вступлении в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Кони в этом полку были серые («Когда ты, ментиком блистая, // Торопишь серого коня...»).

[^^^]

Юнкерская молитва (стр. 122). — Автограф неизвестен. Печатается по копии, которая принадлежала родственнику поэта А. П. Шан-Гирею. В этой копии выставлен год: «1833».

[^^^]

Алеха — преподаватель юнкерской школы
Алексей Степанович Стунеев.

[^^^]

«В рядах стояли безмолвной толпой...» (стр. 122). — Биограф Лермонтова М. Ф. Николева установила, что в этом стихотворении поэт говорит о похоронах Егора Сиверса — воспитанника школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Сивере числился юнкером лейб-гвардии Уланского полка, умер 5 декабря 1833 года. Написано в подражание известному стихотворению И. И. Козлова «На погребение английского генерала сира Джона Мура» («Не бил барабан перед смутным полком...»).

[^^^]

Умиравший гладиатор (стр. 124). — Эпиграф — из поэмы Байрона «Чайльд-Гарольд» (песнь IV, строфа CX): «Я вижу перед собою лежащего гладиатора».

Стихотворение представляет собою вольное переложение той же четвертой песни байроновской поэмы (СXXXIX–CXLI).

[^^^]

Еврейская мелодия («Душа моя мрачна. Скорей, певец, скорей!..») (стр. 125). — Вольный перевод стихотворения Байрона «My soul is dark» («Hebrew melodies»).

[^^^]

В альбом («Как одинокая гробница...») (стр. 125). — Перевод стихотворения Байрона «Lines written in an album at Malta» («Стихи, вписанные в альбом на Мальте»).

В 1830 году Лермонтов уже обращался к этому стихотворению и создал два варианта, далекие от оригинала. Перерабатывая перевод, он приблизил его к подлиннику, передав его с незначительными отступлениями.

[^^^]

«Великий муж! здесь нет награды...» (стр. 126). — Верхняя часть рукописи оторвана: первые строфы» в которых, может быть, заключалось имя «великого мужа», утрачены. Догадка о том, что это был П. Я. Чаадаев, подвергшийся преследованиям за «Философическое письмо», опубликованное в «Телескопе» осенью 1836 года, оспорена. Взамен ее высказано предположение, что «великий муж» — М. Б. Барклай де Толли, первый главнокомандующий русской армией в 1812 году, несправедливо обвиненный молвой в измене и уступивший место Кутузову. Называются и другие имена — А. Н. Радищева, К. Ф. Рылеева, П. И. Пестеля. Вопрос остается нерешенным.

[^^^]

Смерть Поэта (стр. 126). — Гибель Пушкина вызвала среди широчайших кругов петербургского населения огромное негодование по адресу Дантеса и его приемного отца Геккерена и выражение любви к поэту, небывалое в истории мировой культуры. Десятки тысяч людей перебивали возле дома на Мойке, где умирал Пушкин, нескончаемая вереница шла через квартиру мимо гроба убитого. В эти дни столичное общество резко разделилось на два лагеря: аристократия во всем обвиняла Пушкина и оправдывала Дантеса, демократические круги восприняли гибель поэта как национальное бедствие.

Мощное выражение общественного протеста заставило правительство Николая I принять чрезвычайные меры: дом поэта в час выноса был оцеплен жандармами, панихида в Исаакиевской церкви отменена и отслужена в церкви придворной, куда пускали по специальным билетам, гроб с телом Пушкина отправлен в псковскую деревню ночью, тайно и под конвоем. Друзья Пушкина обвинены в на-

мерении устроить из погребения поэта политическую манифестацию.

В этих условиях стихотворение Лермонтова было воспринято в русском обществе как выдающееся по смелости выражение политического протеста. Лермонтов единственный в то время сказал о причинах гибели Пушкина правду, о которой молчали даже пушкинские друзья.

Излагая впоследствии обстоятельства, при которых стихотворение было написано, арестованный Лермонтов показал, что по болезни не выходил из дому в эти дни. Однако имеются основания считать, что показание сделано было с тем, чтобы отклонить нежелательные вопросы о том, где он бывал и с кем в это время встречался. П. П. Семенов-Тянь-Шанский, знаменитый впоследствии географ и путешественник, а в ту пору десятилетний мальчик, приезжал к дому Пушкина вместе с дядей своим, цензором В. Н. Семеновым, чтобы справиться о состоянии здоровья поэта, и там, на Мойке, возле дома, где умирал Пушкин, они видели Лермонтова.

Есть сведения, что стихотворение распро-

странялось в списках уже 30 января — на другой день после смерти поэта. К «Делу о непозволительных стихах...» приложена копия, под которой выставлена дата: «28 Генваря 1837 года» — тогда как Пушкин умер только 29-го. Однако следует иметь в виду, что слух о том, что Пушкин умер, распространялся несколько раз в продолжение двух с половиной дней, в частности, вечером 28-го. Видимо, в этот вечер Лермонтов и написал первую часть «элегии» после горячего спора с приятелями, навестившими его на квартире, где он жил вместе с другом своим Святославом Раевским. Раевский писал потом, что «элегия» (то есть первоначальный текст стихотворения, кончая словами: «И на устах его печать») была отражением мнений не одного Лермонтова, «но весьма многих». По словам другого очевидца — родственника поэта А. Шан-Гирея, — она была написана в продолжение «нескольких минут». С помощью друзей и сослуживцев Раевского — чиновников департамента государственных имуществ и департамента военных поселений этот текст был размножен и распространен по городу во мно-

жестве списков.

Через несколько дней (7 февраля) к Лермонтову приехал его родственник — камер-юнкер Николай Столыпин, один из ближайших сотрудников министра иностранных дел Нессельроде. Возник спор о Пушкине и о Дантесе, в котором Столыпин принял сторону убийцы поэта и, выражая враждебное отношение к Пушкину великосветских кругов и суждения, исходившие из салона злейшего врага Пушкина графини Нессельроде, стал утверждать, что Дантес не мог поступить иначе, чем поступил, что иностранцы не подлежат русскому суду и русским законам. Как бы в ответ на эти слова Лермонтов тут же приписал к стихотворению шестнадцать новых — заключительных — строк, начинающихся словами: «А вы, надменные потомки // Известной подлостью прославленных отцов». В этом добавлении были названы главные виновники гибели Пушкина — придворные Николая I.

До нас дошел список стихотворения, на котором неизвестный современник Лермонтова, чтобы пояснить, кого имел в виду автор,

говоря о «потомках известной подлостью прославленных отцов», выставил фамилии графов Орловых, Бобринских, Воронцовых, Заводовских, князей Барятинских и Васильчиковых, баронов Энгельгардтов и Фредериксов, отцы и деды которых добились положения при дворе путем искомательства, любовных связей, закулисных интриг, «поправ» при этом «обломки... обиженных родов» — то есть тех, чьи предки издревле отличались на полях брани или на государственном поприще, а затем — в 1762 году — при воцарении Екатерины II, подобно Пушкиным, впади в немилость.

Копии с текстом заключительных строк «Смерти Поэта» стали распространяться в тот же вечер, и стихотворение ходило по рукам с «прибавлением» и без «прибавления». Текст с прибавлением, в свою очередь, раздавался в двух вариантах — одном без эпиграфа, другом с эпиграфом, заимствованным из трагедии французского драматурга XVII столетия Жана Ротру «Венцеслав» (в переводе А. Жандра):

*Отмщенья, государь, отмщенья!
Паду к ногам твоим:*

*Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возве-
стила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.*

Во многих «полных» копиях эпиграф отсутствует. Из этого вытекает, что он предназначался отнюдь не для всех, а для определенного круга читателей, связанных с «двором». В копии, снятой родственниками поэта для А. М. Верещагиной и, следовательно, достаточно авторитетной, эпиграфа нет. Но снабженная эпиграфом копия фигурирует в следственном деле. Есть основания думать, что довести до III Отделения полный текст с эпиграфом стремился сам Лермонтов. Упоминание о троне, окруженном жадной толпой палачей свободы, напоминание о грядущей расплате касались не только придворных сановников, но и самого императора. Эпиграф должен был смягчить смысл последней строфы: ведь если поэт обращается к императору с просьбой о наказании убийцы, следовательно, Николаю незачем воспринимать стихотворение по своему адресу. В то же время сре-

ди широкой публики стихотворение ходило без эпиграфа.

На основании изложенных соображений в последних изданиях Лермонтова эпиграф перед текстом стихотворения не воспроизводится.

Но цели своей поэт не достиг: эпиграф был понят как способ ввести правительство в заблуждение, и это усугубило вину Лермонтова.

После того как Николай I получил по городской почте список стихотворения с надписью «Воззвание к революции» и заключительные строки были квалифицированы как «вольнодумство, более чем преступное», Лермонтов, а затем и Раевский подверглись аресту. Семидневное расследование дела о «непозволительных стихах» закончилось ссылкой — Лермонтова на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк, Раевского, виновного в распространении стихов, — в Олонецкую губернию.

Впервые (без эпиграфа) стихотворение было напечатано в 1856 году за границей: Герцен поместил его в своей «Полярной звезде».

[^^^]

Бородино (стр. 128). — Впервые появилось в 1837 году в шестой книжке журнала «Современник», который издавал А. С. Пушкин, а после его смерти продолжали В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, В. Ф. Одоевский, П. А. Плетнев и А. А. Краевский.

Есть основания думать, что стихотворение попало в редакцию «Современника» при жизни Пушкина.

«Бородино» — первое произведение Лермонтова, появившееся в печати с подписью его имени и с его ведома («Хаджи Абрек» напечатан в «Библиотеке для чтения» без разрешения автора). «Бородино» составляет начало литературно-журнальной известности Лермонтова.

Причем самая тема стихотворения и появление его на страницах пушкинского журнала сообщали этому выступлению программный характер.

Впервые в русской поэзии рассказывает о великом событии и дает ему историческую оценку солдат, рядовой участник сражения. В

стихотворении нет ни одного имени — ни царя, ни полководцев, только один безымянный «полковник-хват». Бородинская битва описана «изнутри», изображена самая гуща боя. Лермонтов описывает сражение очень конкретно и точно: солдат в стихотворении — артиллерист, место сражения — курганная батарея Раевского. Язык рассказчика полон метких изречений и простонародных словечек. В основу «Бородина» легли рассказы участников исторической битвы, в том числе родственников Лермонтова, отличившихся на Бородинском поле.

При Николае I солдатская служба продолжалась двадцать пять лет. В середине 30-х годов еще не окончили срока многие ветераны Отечественной войны. И Лермонтов воспроизводит характерную для того времени военно-бытовую сцену — разговор поколений о причинах поражения Наполеона. Однако смысл «Бородина» не сводится к точности описаний и верности исторической оценки сражения. Белинский в статье (1841) о стихотворениях Лермонтова отмечал, что вся основная идея «Бородина» выражена во втором

куплете, которым начинается ответ старого солдата:

*— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!*

«Эта мысль — жалоба на настоящее поколение, дремлющее в бездействии, зависть к великому прошедшему, столь полному славы и великих дел», — писал Белинский, указывая, что «тоска по жизни» связывает «Бородино» с целым рядом стихотворений Лермонтова, полных «энергии и благородного негодования». Великий критик раскрыл связь между «Бородином» и «Думой», показал, что, даже обращаясь к истории, Лермонтов откликался на самые животрепещущие вопросы современности.

Лев Толстой назвал «Бородино» — «зерном» своей «Войны и мира».

Замысел стихотворения относится к 1831 году (см. «Поле Бородина»).

[^^^]

Ветка Палестины (стр. 131) Знакомый Лермонтова, Андрей Николаевич Муравьев — видный сановник и литератор, утверждал, что «Ветка Палестины» была написана в его квартире, когда Лермонтов приезжал к нему с просьбой похлопотать по делу о стихах на смерть Пушкина. «Долго ожидая меня, — говорит Муравьев, — написал он... чудные свои стихи «Ветка Палестины», которые по внезапному вдохновению у него исторглись в моей образной, при виде палестинских пальм, принесенных мною с Востока».

В копии под заглавием вычеркнуто: «Посвящается А. М — ву», то есть А. Муравьеву.

[^^^]

Узник (стр. 132). — По словам родственника Лермонтова А. П. Шан-Гирея, стихотворение было написано в феврале 1837 года, когда Лермонтов сидел под арестом в здании Главного штаба за сочинение стихов на смерть Пушкина. В это время к нему пускали только его камердинера, приносившего обед. Поэт велел ему завертывать хлеб в серую бумагу и на этих клочках с помощью вина, печной сажи и спички написал несколько стихотворений: «Когда волнуется желтеющая нива...», «Я, мать божия, ныне с молитвою...», «Кто б ни был ты, печальный мой сосед...» И переделал старую пьесу «Отворите мне темницу...». Этот рассказ подтверждается дошедшим до нас автографом «Узника» («Отворите мне темницу...»), написанным с помощью спички и сажи.

[^^^]

«Когда волнуется желтеющая нива...» (стр. 133) А. П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях утверждал, что стихотворение написано в феврале 1837 года, когда Лермонтов находился под арестом в здании Главного штаба. Это утверждение не расходится с датой, которую Лермонтов выставил в сборнике стихотворений 1840 года: «1837».

[^^^]

Молитва («Я, мать божия, ныне с молитвою...») (стр. 134). — В письме к Марии Лопухиной от 15 февраля 1838 года озаглавлено «Молитва странника». Странником Лермонтов иносказательно называет себя в стихах, написанных в год ссылки. Посылая письмо из Петербурга в Москву, уже после возвращения из ссылки, Лермонтов пишет о том, что случайно нашел стихотворение это в дорожных бумагах и что оно ему «довольно-таки нравится именно потому, что я забыл его — впрочем, это ничего не доказывает». Стихотворение относится, очевидно, к Варваре Лопухиной.

[^^^]

«Расстались мы, но твой портрет...» (стр. 134). — Представляет собою переработку юношеского стихотворения «Я не люблю тебя; страстей // И мук умчался прежний сон...», написанного в 1831 году и обращенного к Е. А. Сушковой.

[^^^]

«Не смейся над моей пророческой тоскою...» (стр. 135). — Стихотворение не окончено. Написано, по некоторым признакам, в 1837 году, после того как Лермонтов был привлечен к «Делу о непозволительных стихах» на смерть Пушкина.

[^^^]

Терновый венец — символ страданий, мучений — связан у Лермонтова с представлением о судьбе поэта в тогдашних политических условиях. Терновый венец язвит славное чело Пушкина («Смерть Поэта»), «терниями клевет» окружено в свете имя Александра Одоевского («Памяти А. И. Одоевского»). «Венец певца, венец терновый» принадлежит самому Лермонтову.

[^^^]

«Спеша на север из далека» (стр. 136). — Написано в Тифлисе или на Военно-Грузинской дороге, при возвращении из ссылки «на север» — в Россию.

[^^^]

<Эпиграммы на Ф. Булгарина. I. II.> (стр. 137). — Булгарин Фаддей Венедиктович (1789–1859) — реакционный писатель, агент III Отделения, имя которого стало символом продажности и бесчестия, Под непосредственным контролем III Отделения редактировал (вместе с Н. И. Гречем) газету «Северная пчела», где печатал статьи, исполненные ненависти к Пушкину, Гоголю, Белинскому и другим прогрессивным писателям.

В 1837 году вышли в свет три части разрекламированного в «Северной пчеле» издания «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях, ручная книга для русских людей всех сословий, сочинение Фаддея Булгарина, в 8 частях». Эта безграмотная компиляция была составлена даже не Булгариным, а одним из его сотрудников. Несмотря на рекламу, книгу не покупали, хотя продавалась она по очень дешевой цене. Во время Отечественной войны 1812 года Булгарин служил в армии Наполеона. На сопоставлении этил фактов и построе-

ны эпиграммы Лермонтова.

[^^^]

Кинжал (стр. 137). — В автографе носит заглавие «Кинжал»; в копии, сохранившейся в одной из лермонтовских тетрадей, первоначально получило другое заглавие — «Подарок», снова замененное на «Кинжал».

В поэзии XVIII–XIX веков образ кинжала являлся символом борьбы за свободу. В лирике Лермонтова он связан с проявлением лучших человеческих качеств: чести, доблести, благородства, стремления к свободе и независимости в самом широком смысле.

Несомненно, Лермонтов знал распространявшееся нелегальным путем стихотворение Пушкина «Кинжал» (1821): «Лемносский бог тебя сковал // Для рук бессмертной Немезиды». Интимный тон Лермонтовского стихотворения выглядит как намеренный отказ от пафоса пушкинского «Кинжала».

[^^^]

«Она поет — и звуки тают...» (стр. 138). — Исследователь творчества Лермонтова Э. Э. Найдич высказал предположение, что поэт обращается к известной певице П. А. Бартеневой, с которой он был знаком еще по Москве, а в Петербурге постоянно встречался в салоне Карамзиных.

[^^^]

«Как небеса, твой взор блистает...» (стр. 139). — Как и следующее («Слышу ли голос твой...»), обращено, видимо, к тому же лицу, о котором идет речь в стихотворении «Она поет — и звуки тают...».

[^^^]

Вид гор из степей Козлова (стр. 140). — Это перевод одного из «Крымских сонетов» Адама Мицкевича. Как свидетельствует в своих записках один из сослуживцев Лермонтова, А. И. Арнольди, подстрочный перевод с польского был сделан для поэта его сослуживцем по лейб-гвардии Гродненскому гусарскому полку корнетом Н. А. Краснокутским.

Козлов (Гезлёв) — старинное название Евпатории.

[^^^]

<А. Г. Хомутовой> (стр. 140). — Анна Григорьевна Хомутова (1784–1856) — двоюродная сестра и друг молодости известного поэта Ивана Ивановича Козлова. Жизнь разлучила их, и свиделись они лишь в 1838 году, после двадцатилетней разлуки, когда слепой Козлов лежал, разбитый параличом. Встреча с Хомутовой вдохновила его на стихотворение «К другу весны моей после долгой, долгой разлуки».

С Козловым часто встречались родственники Лермонтова Столыпина, жившие в 1838 году в Петербурге. Сохранились свидетельства, что с ним был знаком и сам Лермонтов, а в доме своего полкового командира М. Г. Хомутова встречался с сестрой Козлова — Анной Григорьевной, которая показала ему однажды стихи Козлова. «Он попросил позволения взять их с собой и на другой день возвратил их со своими стихами на имя Хомутовой» («Русский архив», 1886, № 2).

Дума (стр. 141). — Связь этого стихотворения с «Думами» и «Гражданином» Рылеева несомненна. Лермонтов выступил с ним на страницах «Отечественных записок» (1839, № 2). Передовые люди 1830—1840-х годов увидели в «Думе» выражение собственных мыслей и чувств и приводили нередко лермонтовские строки в своих письмах и дневниках. «Эти стихи писаны кровью; они вышли из глубины оскорбленного духа, — писал Белинский, — это вопль, это стон человека, для которого отсутствие внутренней жизни есть зло, в тысячу раз ужаснейшее физической смерти!.. И кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собственного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?..»

Известный исследователь поэзии Лермонтова, Б. М. Эйхенбаум, отмечал, что ораторские обороты «Думы» подготовлены такими стихотворениями, как «Умиравший гладиатор» и «Смерть Поэта», и что «Дума» по жанру

и по отдельным мотивам — произведение итоговое, подготовленное всем развитием лермонтовской лирики. Личная трактовка темы обреченности заменена в ней трактовкой исторической: лирическое «я» обобщено и расширено до пределов поколения. С другой стороны, многие обороты, речения и темы «Думы» использованы в последовавших за нею произведениях Лермонтова, в том числе в «Герое нашего времени».

[^^^]

Поэт («Отделкой золотой блистает мой кинжал...») (стр. 142). — В стихотворении демонстративно воскрешается декабристская тема: Лермонтов, вслед за декабристами и Пушкиным, трактует поэта как неперемного участника политической борьбы. Недаром он сравнивает слово поэта с кинжалом и с вечевым колоколом — символами свободы, а в последней строфе искусно сводит воедино образ поэта и образ кинжала. Встречая слова: «кинжал», «вечевой колокол», «пророк», «клинок», «мщенье», читатель того времени без труда угадывал идеи и пафос стихотворения, в котором Лермонтов говорит о состоянии русской поэзии после гибели Пушкина. И в этом смысле «Поэт» представляет собой литературную декларацию.

[^^^]

Казачья колыбельная песня (стр. 144). — Сохранилось предание, что Лермонтов написал это стихотворение в станице Червленной, на Тереке. В хате, где ему отвели квартиру, молодая красавица казачка напевала песню над колыбелью сына своей сестры. И казак, переносивший в комнату вещи поэта, рассказывал потом, будто Лермонтов присел тут же к столу, набросал на клочке бумажки свою «Казачью колыбельную песню», а потом прочел ее вслух, чтобы узнать его мнение.

Восторженно отзывался об этом стихотворении Белинский. «Все, что есть святого, беззаветного в любви матери, — писал он, — весь трепет, вся нега, вся страсть, вся бесконечность кроткой нежности, безграничность бескорыстной преданности, какую дышит любовь матери, — все это воспроизведено поэтом во всей полноте».

«Ребенка милого рожденье...» (стр. 145). —
Написано при известии о рождении сына у
Алексея Александровича Лопухина — друга
университетской поры.

[^^^]

Не верь себе (стр. 146). — Эпиграф заимствован из «Пролога» к сборнику «Ямбы» французского поэта Огюста Барбье. В первом стихе эпиграфа Лермонтов изменил одно слово, поставив вместо «Que me font» («Какое мне дело») — «Que nous font» («Какое нам дело»).

Стихотворение направлено против поэтов, которые живут иллюзиями и ограничены собственным внутренним миром. По мысли Лермонтова, страсти и страдания поэта — не тема поэзии, если сам он стоит в стороне от общественной борьбы, не откликается на злободневные вопросы современности. Стихотворение направлено и против тех, кто профанирует высокое и вдохновенное искусство холодной и трескучей риторикой, избитой формой выражения, натянутостью, неестественностью, позой.

[^^^]

Три пальмы (стр. 147). — «Стихотворение Лермонтова чудесно, божественно, — писал Белинский Краевскому. — Боже мой! Какой роскошный талант! Право, в нем таится что-то великое...» Анализируя достоинства этого стихотворения, великий критик отмечал, что «пластицизм и рельефность форм и яркий блеск восточных красок сливаются в этой пьесе поэзию с живописью: это картина Брюллова, смотря на которую хочешь еще и осязать ее...».

Лермонтов, видевший цель жизни в непрерывном действии, в упорном творческом труде, в полезной общественной деятельности, сообщил трем пальмам ту жажду действия, то стремление приносить благо, которые томили его самого и лучших его современников. Но, по мысли Лермонтова, лежащей в основе стихотворения, осуществление этой мечты невозможно.

«Жаль этих прекрасных пальм, не правда ли? — писал Чернышевский, нашедший в этом стихотворении подтверждение новой

революционной морали. — Но что ж, ведь не век было расти и цвести им, — не ныне, так завтра, не завтра, так через год, умерли бы они, — ведь уж и листья их начинали вянуть: смерти не избежит никто. Так не лучше ли умереть для пользы людей, нежели бесполезно? Не надобно ли, жалея о прекрасных пальмах, с тем вместе признать, что смерть их была лучшею, прекраснейшею минутою всей их жизни, потому что они умерли для спасения людей от холода и хищных зверей?.. Когда хорошенько подумаешь обо всем этом, невольно скажешь: хороша жизнь, но самое лучшее счастье — не пожалеть, если надобно, и самой жизни своей для блага людей!» («Звенья», т. VIII, 1950, стр. 540–541).

Исследователи Лермонтова отмечали связь «Трех пальм» с «Подражаниями Корану» Пушкина. Однако, по справедливому замечанию Б. М. Эйхенбаума, «у Лермонтова ропщут на бога пальмы, а не путник, и стихотворение кончается не восстановленной гармонией («Минувшее в новой красе оживилось»), а полным диссонансом: пальмы наказаны жестоким богом. Коран отвергнут — и

стихотворение кажется возражением Пушкину» (Б. М. Эйхенбаум, Статьи о Лермонтове, М.—Л. 1961, стр. 112).

[^^^]

Фарис — всадник, витязь (*арабск.*).

[^^^]

Молитва («В минуту жизни трудную...») (стр. 149). — По словам А. О. Смирновой-Россет, Лермонтов написал «Молитву» для Марии Алексеевны Щербатовой. См. о ней прим. к стихотворению «<М. А. Щербатовой>» («На светские цепи..») (стр. 717).

[^^^]

Дары Терека (стр. 149). — В образах этой баллады отразился интерес Лермонтова к гребенским казачьим песням и сказам, в которых Терек и Каспий предстают в поэтических одушевлениях. Излюбленные образы этих песен — удалой казак, девица «с русою косою», вороной конь, упоминаются кабардинские уздени в кольчугах, с «позлащенными налокотниками».

В статье о стихотворениях Лермонтова Белинский назвал «Дары Терека» поэтической апофеозою Кавказа, а в письме к В. Боткину от 9 февраля 1840 года писал: «Итак, о Лермонтове. Каков его «Терек»? Черт знает — страшно сказать, а мне кажется, что в этом юноше готовится третий русский поэт и что Пушкин умер не без наследника!» Называя Лермонтова третьим, Белинский ставил его в один ряд с Пушкиным и Гоголем, употребляя слово «поэт» в смысле «вдохновенный художник».

Памяти А. И. Одоевского (стр. 151). — Поэт Александр Иванович Одоевский (1802–1839) — активный член Северного общества декабристов. За участие в восстании на Сенатской площади был приговорен к двенадцати годам каторги. Отбывал заключение в Читинском остроге и на Петровском заводе, после чего «обращен на поселение». От имени ссыльных декабристов ответил Пушкину на его «Послание в Сибирь»: «Струн вещей пламенные звуки...». В 1837 году последовал приказ перевести Одоевского в Грузию рядовым в Нижегородский драгунский полк, где в то время служил сосланный Лермонтов. Знакомство его с Одоевским было непродолжительным, но лица, знавшие Одоевского, единодушно свидетельствовали, что Лермонтов в своем стихотворении оставил самую верную и глубокую его характеристику. 15 августа 1839 года Одоевский умер от лихорадки на берегу Черного моря. Стихотворение написано вскоре после того, как известие о его смерти дошло до Петербурга. Оно появилось в «Оте-

чественных записках», 1839, № 12, под заглавием «Памяти А. И. О — го». Под тем же заглавием, вызванным условиями цензуры, напечатано и в книжке «Стихотворения М. Лермонтова».

[^^^]

«**Есть речи — значенье...**» (стр. 153). — Прочитав стихотворение Краевскому и Панаеву, Лермонтов поинтересовался их впечатлением. Похвалив стихи, Краевский отметил в них грамматический промах: «из пламя и света», тогда как правильно будет «из пламени». Подойдя к столу, поэт попытался переделать эту строку, но затем бросил перо, сказав: «Печатай так, как есть...»

[^^^]

«На буйном пиршестве задумчив он сидел...» (стр. 154). — В основу стихотворения положен рассказ о том, как французский писатель-монархист Ж. Казот (1719–1792) на обеде у одного вельможи задолго до французской буржуазной революции якобы совершенно точно предсказал и революцию, и судьбы всех присутствовавших, в том числе свою собственную. В 1792 году Казот был гильотинирован.

Источником этой легенды послужил вымышленный рассказ «Пророчество Казота», принадлежавший писателю Ж.-Ф. Лагарпу.

Стихотворение не окончено.

[^^^]

<Э. К. Мусиной — Пушкиной> (стр. 155). —
Графиня Эмилия Карловна Музина-Пушкина,
урожденная Шернваль (1810–1846) отлича-
лась необыкновенной красотой. По словам со-
временников, Лермонтов был увлечен ею.

[^^^]

«Как часто, пестрою толпою окружен...» (стр. 155). — В конце 1839 года в белоколонном зале Дворянского собрания на Михайловской площади в Петербурге был устроен первый новогодний бал-маскарад (до тех пор собрания происходили в доме Энгельгардта на Невском). На этом балу, среди множества гостей, присутствовал Лермонтов. «На бале Дворянского собрания, — вспоминал впоследствии И. С. Тургенев, — ему не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза, Мне тогда же почудилось, что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества».

В последней строке Лермонтов говорит о том, что хочет оскорбить великосветское общество горькой и злой эпиграммой («И дерзко бросить им в глаза железный стих, // Облитый горечью и злостью!»).

Биограф поэта. П. Висковатов, утверждал,

что Лермонтов намекает в своих стихах на встречу с дочерьми Николая I, и сообщал со слов А. Краевского, что многие выражения в этом стихотворении «показались непозволительными».

[^^^]

И скучно и грустно (стр. 156). — Душевное состояние, выраженное в стихотворении, — это господствующее настроение передовых, мыслящих людей эпохи 1830—1840-х годов, подавленных отсутствием общественной жизни, угнетенных невозможностью борьбы, жаждавших полезной деятельности. «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования, — писал в 1842 году в своем дневнике А. И. Герцен. — Поймут ли они, отчего мы лентяи, ищем всяких наслаждений... Отчего руки не поднимаются на большой труд? Отчего в минуту восторга не забываем тоски?..

Белинский назвал «И скучно и грустно» сатирой и ставил наравне с «Думой». Отмечая, что Лермонтов раскрыл в своем стихотворении трагические противоречия в мировоззрении своего современника, и не имея возможности прямо писать об этом, Белинский сопоставил «И скучно и грустно» с «Героем нашего времени». «Вспомните Печорина, — писал великий критик, — этого странного человека,

который, с одной стороны, томится жизнью, презирает и ее, и самого себя... носит в себе какую-то бездонную пропасть желаний и страстей, ничем не насытимых, а с другой — гонится за жизнью, жадно ловит ее впечатления, безумно упивается ее обаяниями; вспомните его любовь к Бэле, к Вере, к княжне Мери, и потом поймите эти стихи...»

[^^^]

Из Гете (стр. 157). — Вольный перевод второй части стихотворения Гете «Wanderers Nachtlied» («Ночная песнь странника») («Über allen Gipfeln // 1st Ruh...»), в текст которого Лермонтов вложил иной смысл. У Гете — картина постепенно засыпающей природы: последним так же мирно отходит ко сну человек. Лермонтов обещает вечный отдых от житейских невзгод.

[^^^]

<М. А. Щербатовой> (стр. 157). — Относится к Марии Алексеевне Щербатовой, о которой Лермонтов говорил: «...Такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать». Родственник поэта М. Н. Лонгинов назвал это стихотворение Лермонтова «вдохновенным портретом нежно любимой им женщины». Светская молва связывала имя Щербатовой с дуэлью Лермонтова и Баранта. А. И. Тургенев, встретивший М. А. Щербатову в Москве, где в это время находился Лермонтов, направлявшийся в кавказскую ссылку, записал в дневнике: «Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова».

М. А. Щербатова (урожденная Штерич) была украинкой. Лермонтов связал ее образ с природой и историей ее родины.

[^^^]

Воздушный корабль (стр. 158). — Написано около 15 марта 1840 года в ордонанс-гаузе — в петербургской офицерской тюрьме в связи со слухами о том, что французское правительство намерено перенести прах Наполеона с острова Св. Елены в Париж. Стихотворение представляет собою переделку баллады австрийского романтика И. Х. Цедлица (Лермонтов пишет: «Зейдлица») «Geisterschiff» («Корабль призраков»). Между тем, по-своему комбинируя строфы и сильно сжимая описания, Лермонтов опустил все упоминания о призраках, которые управляют кораблем. У Цедлица император не зовет маршалов, не кличет соратников и сына, нет у него и возвращения Наполеона. Описания Лермонтова, — замечает Б. М. Эйхенбаум, — настолько реальнее и материальнее, чем у Цедлица, что даже не вяжутся с заглавием, навеянным немецким оригиналом.

Соседка (стр. 160). — Написано в конце марта или в начале апреля 1840 года, когда арестованный за дуэль с Барантом, Лермонтов содержался в офицерской тюрьме — ордонанс-гаузе. А. П. Шан-Гирей, навещавший его в заключении, помнил, что «здесь написана была пьеса «Соседка», только с маленьким прибавлением. Она действительно была интересная соседка, я ее видел в окно, но решеток у окна не было, и она была вовсе не дочь тюремщика, а, вероятно, дочь какого-нибудь чиновника, служащего при ордонанс-гаузе, где и тюремщиков нет, а часовой с ружьем точно стоял у двери». В. А. Соллогуб, Навестивший Лермонтова во время ареста, рассказывал, будто бы видел даже портрет этой девушки, рисованный Лермонтовым, с надписью «la jolie fille de sous-officier» («хорошенькая унтер-офицерская дочка»).

Б. М. Эйхенбаум, анализируя стиль этого стихотворения, новый для Лермонтова, отмечает в «Соседке» переход от лирической напряженности к разговорной интонации, к ин-

ТИМНОМУ ТОНУ.

[^^^]

Журналист, читатель и писатель (стр. 161). — Написано в марте 1840 года в связи с обострившейся литературной борьбой между органом Белинского — «Отечественными записками» и «Сыном отечества», которым руководили реакционные журналисты — Греч, Булгарин и Полевой, на что в свое время указывал Н. И. Мордовченко («Литературное наследство», т. 43–44, 1941, стр. 745–796). Сейчас выясняются новые подробности этой журнальной борьбы. С начала 1840 года издатель «Отечественных записок» Краевский стал выпускать еще и «Литературную газету» — рупор «Отечественных записок». Газета напечатала пародийные очерки Ивана Панаева о журналистах враждебного лагеря, а «Сын отечества» ответил тем, что высмеял виньетку, украшавшую заголовок «Литературной газеты». Редакция «Литературной газеты» уличила журнал Греча в невежестве. Отвечая «Литературной газете», «Сын отечества» издевательски процитировал напечатанное ею стихотворение Лермонтова: «Поверить словам

вашим, — писал «Сын отечества», — и скучно и грустно, и некому, — как говорит какой-то поэт у вас на стр. 135». Вслед за тем стихотворения «Как часто, пестрою толпою окружен...», «И скучно и грустно» были подвергнуты «Сыном отечества» уничтожающей критике в статье А. Никитенки. Поэту было брошено обвинение в недовольстве существующим порядком вещей. «Литературная газета» ответила резкой пародией на Н. Полевого. Чем выше ставили Лермонтова «Литературная газета» и «Отечественные записки», тем отрицательнее отзывался о нем «Сын отечества».

Эпиграф — «Поэты похожи на медведей, которые кормятся тем, что сосут свою лапу» — представляет собою прозаический перевод двустихия Гете, из его «Изречений в стихах» («Sprüche in Reimen»). Уже выбор эпиграфа позволяет понять, что Лермонтов будет говорить о состоянии современной ему литературы, развивая мысли, положенные в основу стихотворения «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой...», и о той высокой миссии, которая в условиях деспотического режима ложилась на плечи писателя — гражданина и

патриота.

Связь между пушкинским «Разговором книгопродавца с поэтом» и лермонтовским «Журналистом, читателем и писателем» несомненна. Она выражается не только в построении стихотворения в виде драматической сцены, но в том прежде всего, что и Пушкин и Лермонтов говорят о долге и общественной позиции писателя, решающего животрепещущие вопросы современной им жизни. Эту традицию в новых условиях продолжил в своем «Разговоре с фининспектором» Маяковский.

В копии стихотворения — помета: «С.-Петербург, 20 марта 1840. Под арестом на Арсенальной гауптвахте».

[^^^]

<М. П. Соломирской> (стр. 167). — Зимой 1839–1840 года Лермонтов часто встречался с великосветской красавицей Марией Петровной Соломирской, которая была страстно увлечена его поэзией. Арестованный за дуэль с Барантом, поэт получил в тюрьме записку без подписи. Никогда прежде не видевший почерка Соломирской, он разобрал «чуждые» ему «черты» ее пера.

Очевидно, стихотворение было вписано в альбом М. П. Соломирской после освобождения из-под ареста.

[^^^]

Отчего (стр. 167). — Высказывалось предположение, что стихотворение обращено к М. А. Щербатовой.

[^^^]

Благодарность (стр. 167). — В основу стихотворения положена мысль, что бог является источником мирового зла. «Основной тон стихотворения, — пишет в своем исследовании Б. Бухштаб, — ирония над прославлением «благости господней»: все стихотворение как бы пародирует благодарственную молитву за премудрое и благое устройство мира» («Литературное наследство», т. 58, 1952, стр. 407). Слово «бог» и обращение к нему «ты» — писались с прописной буквы. Лермонтов написал со строчной. Цензор воспринял текст как обращение к другу и разрешил «Благодарность» к печати.

[^^^]

Ребенку (стр. 168). — К кому обращается Лермонтов в этом стихотворении, не установлено. Предположение П. А. Висковатова, что оно относится к дочери В. А. Лопухиной-Бахметевой, не убедительно, так как в тексте говорится о мальчике («ты на нее похож», «ты повторял за ней»). П. А. Ефремов считал, что стихотворение обращено к сыну генерала П. Х. Граббе — Николаю (род. в 1836 г.). Но подтверждений этому пока не имеется. Однако Э. Э. Найдич (Лермонтов, Собр. соч., т. 1, Гослитиздат, 1957, стр. 354) предположил, что «поэт не стремился к точному биографическому соответствию, тем более что данное стихотворение предназначалось для печати».

[^^^]

А. О. Смирновой (стр. 169). — Александра Осиповна Смирнова, урожденная Россет (1809–1882), фрейлина царского двора, находилась в дружеских отношениях с Пушкиным, Жуковским, Гоголем и тесно была связана со всем кругом писателей, встречавшихся в салоне Карамзиных и у нее. К числу ее хороших знакомых принадлежал Лермонтов. «Софи Карамзина мне раз сказала, — вспоминала Смирнова, — что Лермонтов был обижен тем, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся наверх, открыл альбом и написал эти стихи:

*В простосердечии невежды
 Короче знать вас я желал,
 Но эти сладкие надежды
 Теперь я вовсе потерял.
 Без вас — хочу сказать вам много,
 При вас — я слушать вас хочу:
 Но молча вы смотрите строго,
 И я, в смущении, молчу!*

*Что делать? — речью безыскус-
ной
Ваш ум занять мне не дано...
Все это было бы смешно.
Когда бы не было так грустно».*

Стихотворение появилось в «Отечественных записках» в октябре 1840 года, когда Лермонтов находился на Кавказе. Строфа первая, интимная по характеру, в этой публикации опущена. Не вызывает сомнения, что стихотворение было напечатано с ведома Лермонтова и Смирновой. Последнее подтверждается тем, что рядом со стихотворением Лермонтова Краевский напечатал стихотворение Пушкина, вписанное в тот же альбом.

[^^^]

К портрету (стр. 169). — В 1840 году известный французский художник А. Греведон литографировал портрет петербургской светской красавицы двадцатидвухлетней графини А. К. Воронцовой-Дашковой. В связи с этим дружески относившийся к ней Лермонтов и написал посвящение «К портрету». На белом автографе имеются пометы: «Писано собственною рукою Лермонтова. К<нязь> В. Одоевский». «Это портрет графини Воронцовой-Дашковой. К<нязь> Вяземский». Черновой автограф Лермонтов озаглавил: «Портрет. Светская женщина».

[^^^]

Тучи (стр. 169). — В. А. Соллогуб рассказывал П. А. Висковатову, что стихотворение было написано в день отъезда Лермонтова в кавказскую ссылку в доме Карамзиных, где собрались друзья, чтобы проститься с ним перед разлукой. Если верить этому свидетельству, поэт импровизировал текст, стоя у окна и глядя на тучи, плывшие над Фонтанкой и Летним садом.

В книжке «Стихотворения М. Лермонтова» датировано: «Апрель 1840». Эта дата и содержание стихотворения, замыкающего сборник, должны были восприниматься читателем как намек на судьбу поэта, отправленного «с милого севера в сторону южную», то есть в кавказскую армию.

[^^^]

<Валерик> (стр. 170). — Это стихотворение стало известно после гибели Лермонтова. Черновой автограф доставил с Кавказа в Москву родственник и друг поэта А. А. Столыпин. С Кавказа же была доставлена и копия, сохранившаяся в архиве Ю. Ф. Самарина: ее привез офицер И. Голицын. Хотя в стихотворении описаны события, происходившие в Чечне летом 1840 года, факт обнаружения копии и автографа после гибели Лермонтова и на Кавказе позволил исследовательнице (Э. Г. Герштейн) предположить, что Лермонтов писал это стихотворение не в 1840 году, как это считается до сих пор, а летом 1841 года, в Пятигорске. Впрочем, это еще нуждается в уточнении.

В послании описана экспедиция генерала Галафеева на левый фланг Кавказской линии и происшедшее 11 июля кровопролитное сражение на речке Валерик в Чечне. Сосланный в кавказскую армию, Лермонтов принимал участие в походе, отличился в сражении при Валерике и был представлен к награде. Пред-

ставляя его к ордену, Галафеев писал, что Лермонтову было поручено наблюдать за действиями передовой штурмовой колонны и уведомлять о ее продвижении, «что было сопряжено с величайшею для него опасностью». Несмотря на это, Лермонтов «исполнял возложенное на него поручение с отменным мужеством и хладнокровием и с первыми рядами храбрейших ворвался в неприятельские завалы».

Сохранился «Журнал военных действий» отряда Галафеева. В этом журнале день за днем описывается поход и подробно изложен ход валерикского сражения. Если сопоставить лермонтовское стихотворение с записями этого «Журнала», то видно, как точно изобразил поэт действительные события и в то же время как умело отобрал и обобщил самое главное. Лермонтов изображает войну с точки зрения ее рядового участника — конкретно, без всяких прикрас, с огромным уважением к доблести русских солдат и офицеров.

Белинский относил «Валерик» к числу «замечательнейших произведений» Лермонтова

и отмечал, что оно отличается «этою стальнойю прозаичностью выражения, которая составляет отличительный характер поэзии Лермонтова и которой причина заключалась в его мощной способности смотреть прямыми глазами на всякую истину, на всякое чувство, в его отвращении прикрашивать их».

По черновикам видно, что, добиваясь максимальной простоты в передаче своих впечатлений, Лермонтов отбрасывает торжественные слова «огонь батальный», «на месте сечи», которые ассоциируются с традиционными военными описаниями. Новый стиль Лермонтова, оставаясь высокопоэтичным, все больше сближается с обыденной повседневной речью.

[^^^]

Валерик, или *Валарик*, — речка в Чечне, приток Сунжи. Название это происходит от чеченского слова «валлариг» — мертвый. Поэтому Лермонтов и называет Валерик — «речкой смерти», вкладывая в это двойной смысл: носящая название «речки смерти» — она в день сражения действительно стала речкой смерти.

[^^^]

Завещание (стр. 176). — Написано в 1840 году под впечатлением походов отряда Галафеева в Большую и Малую Чечню. Белинский высоко оценил стихотворение, отметив, что в нем «голос не глухой и не громкий, а холодно спокойный; выражение не горит и не сверкает образами, но небрежно и прозаично...».

[^^^]

Родина (стр. 178). — Сохранился автограф, где стихотворение озаглавлено «Отчизна». В «Отечественных записках», 1841, № 4, — названо «Родина», Напечатано в то время, когда Лермонтов находился в Петербурге, отпущенный на короткое время из кавказской армии для свидания с родными. Белинский в письме от 13 марта 1841 года с восторгом пишет об этом стихотворении, как о новинке: «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина» — то, аллах-керим, — что за вещь — пушкинская, т. е. одна из лучших пушкинских».

«Родина» представляет собою ответ Лермонтова на какой-то политический спор о России. Его любовь не имеет общего ни с казенным монархизмом, ни со славой империи, купленной кровью «усмирённых»; ей чуждо «гордое доверие», основанное на убеждении в незыблемости крепостнических отношений, так же как и доктрина будущих славянофилов, которые видели грядущее величие отчизны в ее верности порядкам допетровской Ру-

си. Если при этом знать, что стихотворение возникло под впечатлением путешествия через Россию после неурожая 1839 года, когда в деревнях ели даже кровельную солому, заключительные строки лермонтовского стихотворения становятся особо значительными. «Полнейшего выражения чистой любви к народу, гуманнейшего взгляда на его жизнь нельзя и требовать от русского поэта», — писал в 1858 году об этом стихотворении Добролюбов, утверждавший, что поэт «понимает любовь к родине истинно, свято и разумно».

[^^^]

Любовь мертвеца (стр. 178). — Беловой автограф в альбоме обнаружен в Ленинграде в 1963 году. Под стихотворением рукою Лермонтова выставлена дата: «Марта 10-го 1841». Альбом принадлежал Марии Арсеньевне Бартеновой — фрейлине императорского двора и постоянной посетительнице литературного салона Карамзиных, сестре знаменитой певицы Прасковьи Арсеньевны Бартеновой, которой Лермонтов посвятил один из новогодних мадригалов 1831 года. На предшествующих страницах альбома М. А. Бартеновой рукою некоей графини Е. Барановой с пометой «14 сентября 1839 года» вписано стихотворение французского поэта и романиста Альфонса Карра «Le mort amoureux» («Влюбленный мертвец»).

Известно, что стихотворения Лермонтова, возникшие под впечатлением знакомства с лирикой Гете, Байрона, Гейне, представляют собою не подражание, а своеобразный ответ, а иногда творческую полемику. «Любовь мертвеца» находится в связи с указанным

стихотворением Карра, которое было известно в карамзинском кругу еще до появления в печати, видимо, по рукописи. Это вполне вероятно, если учесть тесные связи с французскими литераторами постоянных посетителей салона Карамзиных — С. А. Соболевского и А. И. Тургенева.

Сохранились также черновой автограф и авторизованная копия лермонтовского стихотворения. По ним видно, что поэт колебался, выбирая заглавие. Вначале стихотворение получило название «Живой мертвец», затем «Влюбленный мертвец». И, наконец, «Любовь мертвеца».

[^^^]

«На севере диком стоит одиноко...» (стр. 180). — П. П. Вяземский, видевший Лермонтова в последний раз за три месяца до его гибели, вспоминал: «Накануне отъезда своего на Кавказ Лермонтов по моей просьбе мне перевел шесть <?> стихов Гейне: «Сосна и пальма». Немецкого Гейне нам принесла С. Н. Карамзина. Он наскоро, в недоделанных стихах, набросал на клочке бумаги свой перевод. Я подарил его тогда же княгине Юсуповой. Вероятно, это первый набросок, который сделал Лермонтов, уезжая на Кавказ в 1841 году...»

Действительно, в альбоме З. И. Юсуповой-Шове (Пушкинский дом, в Ленинграде) вклеен листок с автографом Лермонтова. На листке помета, сделанная неизвестной рукой: «Писано в Санкт-Петербурге, перед отъездом на Кавказ, в 1841 году, М. Ю. Лермонтовым».

Это — первая редакция стихотворения, снабженная эпиграфом из стихотворения Гейне:

Ein Fiechtenbaum steht einsam

Im Norden auf kahler Höh.

Heine

*На хладной и голой вершине
Стоит одиноко сосна,
И дремлет... под снегом сыпучим,
Качаяся дремлет она.*

*Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.*

Другой белой автограф, совпадающий с автографом в альбоме Юсуповой, — в альбоме Лермонтова в Ленинградской публичной библиотеке. На том же листе альбома и черновой автограф стихотворения.

Первая редакция гораздо ближе к подлиннику, чем окончательная. Однако в обоих случаях Лермонтов отступил от оригинала, изменив грамматический род слова «ein Fichtenbaum». По-немецки сосна «он», а пальма «она». Поэтому у Гейне — стихотворение о судьбе двух влюбленных, которым не суждено встретиться; в основе лермонтовского стихотворения лежит мысль об одиночестве.

[^^^]

Последнее новоселье (стр. 180). — Написано в Петербурге в марте — апреле 1841 года в связи с состоявшимся 15 декабря 1840 года перенесением праха Наполеона с острова Святой Елены в Париж. Торжественную церемонию и шумиху, поднятую вокруг этого события французскими газетами, Лермонтов воспринял как оскорбление памяти Наполеона. Лермонтов считал его законным преемником французской революции 1789–1793 годов, спасителем ее завоеваний от диктатуры якобинцев и полагал, что, изменив Наполеону, французы тем самым изменили своему революционному прошлому и не имеют прав на останки своего императора.

В строке «Вы сына выдали врагам» говорится о единственном сыне Наполеона и Марии-Луизы — Наполеоне II (1811–1832). После падения Наполеона (в 1815 г.) сын его был отправлен в Австрию, где умер от чахотки в возрасте двадцати одного года.

<Из альбома С. Н. Карамзиной> (стр. 182). — В стихотворении отразились разговоры, которые Лермонтов часто вел в Петербурге в салоне Е. А. Карамзиной, вдовы известного историка Н. М. Карамзина. Душой этого салона, его настоящей хозяйкой была дочь Карамзина от первого брака Софья Николаевна Карамзина (1802–1856), высоко ценившая талант Лермонтова, который встречался в этом доме с Жуковским, Вяземским, В. Ф. Одоевским, Соболевским, А. И. Тургеневым, поэтессой Е. П. Ростопчиной, А. О. Смирновой, с И. П. Мятлевым и многими другими — литераторами, художниками, музыкантами.

В стихотворении, вписанном в альбом С. Н. Карамзиной, Лермонтов упоминает ее брата, Александра Николаевича Карамзина («Сашу»), Александру Осиповну Смирнову (см. стихотворение «А. О. Смирновой») и поэта Ивана Петровича Мятлева — «Ишку», как звали его в дружеском кругу.

Свои стихи Лермонтов вписал в альбом С. Н. Карамзиной в связи с каким-то спором о

романтическом направлении. Очевидно, Карамзина отстаивала достоинства романтической поэзии, потому Лермонтов и начал стихотворение словами: «Любил и я...». В шуточном альбомном посвящении поэт заявил о том, что от произведений, написанных в романтическом стиле, он решительно переходит к реалистическому изображению окружающей жизни.

[^^^]

<Графине Ростопчиной> (стр. 183) — Евдокия Петровна Ростопчина, урожденная Сушкова (1811–1858) — известная поэтесса. Лермонтов знал ее с юных лет: молодость Ростопчиной протекала в Москве. В то время она разделяла настроения передовой молодежи и восторгалась подвигом декабристов (она посвятила им свое послание «К страдальцам»). В 1840–1841 годах Лермонтов встречался с ней в Петербурге, особенно часто — в салоне Карамзиных. Около середины апреля 1841 года, уезжая в последний раз в кавказскую ссылку, откуда ему уже не суждено было вернуться, поэт подарил Ростопчиной альбом, в который вписал: «Я верю: под одной звездой..»

[^^^]

Договор (стр. 183) — В этом стихотворении Лермонтов использовал текст своего юношеского стихотворения «Прелестнице» (1832).

[^^^]

«Прощай, немытая Россия...» (стр. 184). — Это одно из самых сильных и смелых политических произведений Лермонтова. В нем отразилась его страстная ненависть к самодержавно помещичьей России.

Наименование пашей — турецких военных сановников — в России иронически переносилось на жандармов. Иносказания такого рода представляли собою широко распространенное явление (ср. стихотворение «Жалобы турка» и примечание к нему). Если при этом учесть, что офицеры корпуса жандармов носили голубые мундиры, то становится ясным — в тексте Лермонтова «голубые мундиры» и «паши» равнозначны: в обоих случаях поэт говорит о жандармах и выражает надежду сокрыться «от их всевидящего ока, от их всеслышающих ушей».

Академик В. В. Виноградов отмечал, что при восприятии текста стихотворения важно правильное осмысление значения слова «преданный» в четвертой строке. Лермонтов употребляет его не в смысле «беспредельно

верный кому-то» или «вероломно отданный в чью-то власть». Это слово включает в себе смысл «отданный», «переданный», как оно употреблялось в первой половине XIX столетия. Подтверждение этому находится в одном из стихотворений самого Лермонтова:

*И, новым преданный страстям,
Я разлюбить его не мог...—*

(«Расстались мы, но твой портрет...»)

где это слово в той же форме страдательного причастия выступает в значении, указанном В. В. Виноградовым: «отданный во власть, предоставленный в распоряжение кого-нибудь». Другими словами: «И ты, им отданный во власть, народ».

Первый биограф поэта П. А. Висковатов предполагал, что стихотворение написано в 1841 году, накануне последнего отъезда поэта в кавказскую ссылку, после того как дежурный генерал граф Клейнмихель вызвал его к себе и передал предписание Бенкендорфа покинуть столицу в сорок восемь часов.

Утес (стр. 184). — И черновой автограф и белой сохранились в альбоме, который подарил Лермонтову В. Ф. Одоевский накануне последнего отъезда поэта на Кавказ.

Белинский относил «Утес» к числу лучшие стихотворений Лермонтова.

[^^^]

Спор (стр. 185). — А. А. Краевский передавал слова Лермонтова, сказанные накануне его последнего отъезда на Кавказ: «Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского мирозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас еще мало понятны. Но, поверь мне, — обращался он к Краевскому, — там, на Востоке, тайник богатых откровений».

Под «Востоком» Лермонтов подразумевал Кавказ. Эти слова свидетельствуют о все возрастающем интересе Лермонтова к народам Кавказа, к их истории, быту, культуре. Не удовлетворяясь уже изображением событий кавказской войны, Лермонтов в последние годы жизни стремился постигнуть ее исторический смысл. С этим связаны его неосуществленные замыслы: роман из кавказской жизни «с Тифлисом при Ермолове, его диктатурой и кровавым усмирением Кавказа» и цикл стихов под общим названием «Восток». Слово «Восток», — на это обратил внимание Б. М. Эйхенбаум, — в альбоме Одоевского на-

писано отдельно, как название стихотворного цикла, на обороте чистого листа, предшествующего автографу «Спора». Очевидно, открывать этот цикл должно было стихотворение «Спор» — аллегорическое изображение Кавказа и кавказской войны, завершающееся картиной победоносного вступления русской армии, предводительствуемой генералом Ермоловым.

Замысел «Спора» возник у Лермонтова после свидания с Ермоловым в Москве, зимою 1841 года.

[^^^]

Сон (стр. 187). — Замысел «Сна» мог быть внушен Лермонтову песней гребенских казаков «Ох, не отстать-то тоске-кручинушке». В ней поется о добром молодце, который видит во сне, будто он лежит убитый, с простреленным сердцем «на дикой степе».

[^^^]

«Они любили друг друга так долго и нежно...» (стр. 188). — Вольный перевод стихотворения Гейне «Sie liebten sich beide, doch keiner...», первые две строки которого стали эпиграфом. Как это бывало всегда, когда Лермонтов брался за перевод, так и на этот раз стихотворение у него обрело совершенно самостоятельный смысл.

[^^^]

Тамара (стр. 188). — В основу этой баллады положена грузинская легенда о царице Дарье, жившей когда-то в старинной башне над Терреком. Легенда гласит, что царица волшебною силою завлекала к себе на ночь путников, а под утро обезглавливала их и трупы сбрасывала в Терек. Эта легенда пересказана во многих книгах, авторы которых путешествовали в XIX веке по Военно-Грузинской дороге. Одну из них, — ее написал французский консул на Кавказе Ж. Гамба, — Лермонтов знал и упоминает ее в «Герое нашего времени» («Бэла»): «Переезд через Крестовую Гору (или, как называет ее ученый Гамба, le Mont St. Christophe) достоин вашего любопытства». Гамба пересказывает легенду о Дарье. Но существует другой вариант легенды, в котором мифическая Дарья носит имя исторической царицы Тамары. Очевидно, этот вариант точно так же был известен поэту.

Свиданье (стр. 190). — В работе над этим стихотворением Лермонтов использовал свои прежние впечатления, вынесенные из пребывания в Тифлисе и путешествия по Военно-Грузинской дороге в 1837 году.

[^^^]

Листок (стр. 192). — Образ листка, гонимого бурей, в русской и европейской литературе конца XVIII — первой половины XIX столетия был широко распространенным символом судьбы политического изгнанника.

[^^^]

«Нет, не тебя так пылко я люблю...» (стр. 193). — Судя по расположению автографа в альбоме В. Ф. Одоевского, стихотворение написано на Кавказе летом 1841 года. Высказано предположение, что Лермонтов обращается в нем к своей дальней родственнице, Екатерине Быховец, молодой девушке, проводившей лето в Пятигорске. Быховец говорила потом, что поэт любил ее за то, что она напоминала ему Варвару Александровну Лопухину, на которую была очень похожа: «об ней его любимый разговор был». В последней строфе поэт говорит о В. А. Лопухиной, которая состояла в браке с нелюбимым человеком.

[^^^]

«Выхожу один я на дорогу...» (стр. 194). — Автограф — в записной книжке, подаренной Лермонтову В. Ф. Одоевским. Из расположения стихотворения среди других стихов в этой книжке следует, что оно написано летом 1841 года.

[^^^]

Морская царевна (стр. 195) — Автограф — в записной книжке Лермонтова, подаренной В. Ф. Одоевским. Написано вслед за стихотворением «Выхожу один я на дорогу...». Некоторые детали «Морской царевны» напоминают стихотворение «Яныш-королевич» из цикла «Песни западных славян» Пушкина.

[^^^]

Пророк (стр 196). — Последнее произведение Лермонтова. Следующие листы в альбоме, подаренном поэту В. Ф. Одоевским, не заполнены.

В этом стихотворении Лермонтов продолжает тему пушкинского «Пророка». Недаром он демонстративно начинает с того, на чем кончил Пушкин: «С тех пор, как вечный судия // Мне дал всеведенье пророка...»

Пушкин написал свое стихотворение в начале 1826 года. Он утверждает в нем великое значение поэзии и великую роль поэта. В своем стихотворении, написанном через пятнадцать лет, Лермонтов исходит из такого же понимания роли поэта — проповедника высоких идей — и рассказывает о тех гонениях, которым подвергается поэт, посмеявшийся «глаголом жечь сердца людей» и выступить с критикой общественных порядков.

[^^^]

СТИХОТВОРЕНИЯ НЕИЗВЕСТНЫХ ЛЕТ

Крест на скале (стр. 197). — Автограф неизвестен. В копии Хохрякова под стихотворением написано посвящение: «M-lle Souchkoff» («Г-же Сушковой»). П. А. Висковатов, опубликовавший стихотворение, датировал его 1830 годом и считал, что оно обращено к Евдокии Петровне Сушковой, впоследствии Ростопчиной.

[^^^]

«Никто моим словам не внемлет... я один...» (стр. 197). — Н. П. Пахомов, опубликовавший это стихотворение («Литературное наследство», т. 19–21, 1935), считает, что оно написано до 1837 года, так как вряд ли после гибели Пушкина и ссылки своей на Кавказ Лермонтов мог сказать: «...тщетно я ищу смущенными очами // Меж них хоть день один, отмеченный судьбой».

Автограф принадлежал Святославу Раевскому, с которым Лермонтов жил в одной квартире в 1835–1836 годах. Это тоже говорит в пользу того, что стихотворение написано до 1837 года.

[^^^]

«Мое грядущее в тумане...» (стр. 198). — В этом незавершенном отрывке Лермонтов развивает тему «Пророка», которую уже разрабатывал в стихотворении «Когда надежде недоступный...» (1835). Автограф находится на одном листке со стихотворением «Никто моим словам не внемлет... я один...».

[^^^]

<К Н. И. Бухарову> (стр. 199). — Николай Иванович Бухаров (1799–1862) — сослуживец поэта по лейб-гвардии Гусарскому полку, офицер, любимый всеми товарищами. Поэт призывает Бухарова на пирушку в Петербург (из Царского Села, где квартировали лейб-гусары). Очевидно, это записка, составленная в стихах.

Лермонтов служил в лейб-гвардейском полку с конца 1834 до февраля 1837 года (когда был переведен на Кавказ за стихи на смерть Пушкина) и снова — с апреля 1838 по март 1840 года. В котором году написано стихотворение к Бухарову — не установлено.

[^^^]

«Ты помнишь ли, как мы с тобою...» (стр. 200). — Стихотворение «Ты помнишь ли, как мы с тобою...» — довольно точный перевод «Вечернего выстрела» Томаса Мура.

[^^^]

Н. С. Шеншин, которому посвящена поэма, — Николай Семенович Шеншин (1813–1835), один из участников «лермонтовской пятерки», близкий друг Лермонтова в студенческую пору.

[^^^]

ПОЭМЫ

Последний сын вольности (стр. 203). — Единственное известие о Вадиме Храбром содер­жится в Никоновской летописи: повествуя о событиях 864 года, летописец сообщает: «То­го же лета оскорбишася Новгородци, глаголю­ще: «яко быти нам рабом, и много зла всяче­ски пострадати от Рюрика и от рода его». Того же лета уби Рюрик Вадима храброго, и иных многих изби Новгородцев, советников его» (Полное собрание русских летописей, СПб. 1862, т. IX, стр. 9).

Эти скудные строки летописного предания получили различное толкование.

Историк XVIII века В. Татищев утверждал, что Вадим был внуком последнего новгородского князя Гостомысла и, выступая против Рюрика — своего двоюродного брата, — тем самым боролся за престол. Следуя татищевской версии, Екатерина II в своем «Историческом представлении» (1786) изобразила Вадима честолюбивым князем.

В противовес этой реакционной тенден-

ции передовые русские писатели конца XVIII — начала XIX века создали образ героя-республиканца, поднявшего восстание против поработителя славян варяжского князя Рюрика и павшего в неравной борьбе.

Ненавистником тиранов, защитником прав вольного Новгорода выступает Вадим в трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский», которая в 1793 году по распоряжению Екатерины II была конфискована и сожжена.

Судьба древнего Новгорода и подвиг Вадима были излюбленной темой поэтов-декабристов. Имя Вадима упоминал В. Кюхельбекер. Владимир Раевский славил его в стихотворении «Певец в темнице». Рылеев посвятил Вадиму оставшуюся незаконченной «Думу». Пушкин в 1822 году под влиянием бесед с Вл. Раевским задумал трагедию о Вадиме и начал писать поэму о нем. Но наиболее полное и последовательное воплощение этой темы в духе декабристской поэзии осуществлено в поэме шестнадцатилетнего Лермонтова.

В поэме «Последний сын вольности» Вадим вступает в единоборство с Рюриком один, без надежды одержать победу над пора-

ботителями, единственно для того, чтобы по-
жертвовать собою во имя свободы родины:

*Новгородцы! обо мне
Не плачьте... я родной стране
И жизнь и счастье принес...
Не требует свобода слез!*

Вадим обречен. Он предчувствует свою гибель, как рылеевский Наливайко.

Стремясь усилить и подчеркнуть злободневный политический смысл произведения и отождествить деспотизм Рюрика с тиранией Николая I, Лермонтов в самом начале поэмы напоминает о подвиге декабристов. Впрочем, современники, которым довелось читать рукопись «Последнего сына вольности», и без этого должны были воспринимать республиканизм Вадима как напоминание о героях четырнадцатого декабря. Недаром в конце 1820-х— начале 1830-х годов в кружках прогрессивной молодежи декабристы именовались «сынами славян» и «благороднейшими славянами». Поэт говорит здесь от имени этой молодежи: пережив разгром декабристского движения, она в пору жестокой реакции осталась верной политическим идеям декабристов.

Лермонтов отверг реакционную легенду о том, будто новгородцы пригласили Рюрика княжить над ними. В соответствии с новейшими историческими работами того времени он изобразил появление варягов на Руси как наглое и вероломное вторжение.

*Рурик, Трувор и Синав клялись
Не вести дружины за собой;
Но с зарей блеснуло множество
Острых копий, белых парусов...*

Прогрессивность исторических взглядов Лермонтова становится особенно ясной при сопоставлении текста поэмы с «Историей Государства Российского» Н. М. Карамзина, который сомневается в том, что варяги могли «утеснить» новгородцев.

Из Карамзина Лермонтов заимствовал имена Ингелота и Леды и ряд исторических сведений о жизни древних славян: о Чернобоге, о празднествах в честь Диди-Лада, от которого, по языческим представлениям, зависели веселье, любовь и согласие. Знал Лермонтов и «Марфу Посадницу» — повесть Карамзина и «Марфу Посадницу» — трагедию Ф. Ф. Иванова (хотя в них и произносятся па-

тетические тирады в адрес Вадима, в целом по своей направленности эти произведения отнюдь не революционны).

Решающее влияние на стиль «Последнего сына вольности» оказали романтические поэмы Пушкина, «Думы» и «Войнаровский» Рылеева.

Заключительное двустишие заимствовано из поэмы «Картон», сочиненной шотландским поэтом Дж. Макферсоном (1736–1796) и приписанной им в числе прочих подделок древнему шотландскому барду Оссиану. Эту же самую цитату использовал Пушкин в тексте «Руслана и Людмилы»:

*Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.*

[^^^]

Измаил-Бей (стр. 226). — В основу «Измаил-Бея» положены действительные исторические события. Герой — реальное историческое лицо.

Как пишет С. А. Андреев-Кривич, в 1780-х годах русское командование на Кавказе отправило в Россию в качестве «аманата» (заложника) молодого кабардинского князя Измаил-Бея Атажукова. Он получил образование в России и, зачисленный в русскую армию, участвовал под знаменами Суворова в штурме турецкой крепости Измаил.

Вернувшись на родину, он принял участие в восстании 1794–1795 годов. Восстание было подавлено, а Измаил-Бей выслан в Россию.

В 1804 году, в связи с укреплением Кавказской линии и постройкой Кисловодской крепости, обитавшие в районе Пятигорья кабардинцы, ногайцы и абазины, возбуждаемые кабардинскими феодалами и мусульманским духовенством, покинули обжитые места, ушли в горы и подняли новое восстание.

Получив донесение об этом, правитель-

ство Александра I решило «простить» полковника Измаила Атажукова и отправить на родину с тем, чтобы использовать его способности и познания языка, нравов и обычаев для переговоров с восставшими. Возглавлял восстание князь Росламбек Мисостов, принадлежавший к роду Атажуковых и находившийся в родстве с Измаил-Беем.

Расчеты царского правительства не оправдались. Вернувшись в Кабарду, Измаил-Бей отказался подчиниться русскому командованию и принял участие в событиях, поддерживая тесные связи с восставшими и призывая их к неповиновению.

К этому времени и приурочил Лермонтов начало своей поэмы. Переселение кабардинцев из Пятигорья описано у него в VII и VIII строфах первой части; в начале второй повествуется о событиях 1805 года, связанных с экспедицией генерала Глазенапа в ущелье реки Баксан.

Однако события, происходившие в Кабарде, Лермонтов перенес в своей поэме в восточную часть Северного Кавказа, за Терек, в долину реки Аргун. В третьей части (строфа

XII) упоминается «Оссаевское поле». Так называлась в те времена равнина, по которой протекает Асса, или Оссая. Таким образом, можно уточнить топографию поэмы: это бассейн Ассы и Аргуна. В тексте поэмы имеется много других признаков, свидетельствующих о том, как подробно знал Лермонтов историю кавказской войны и с каким пониманием описывал быт горцев.

В своей поэме Лермонтов не только сохранил подлинные имена Измаил-Бея и Росламбека, но использовал подробности биографии Измаила Атажукова. Так мы узнаем, что герой поэмы служил в русской армии и получил образование в России (ч. II, строфа XXIII). «Белый крест на ленте полосатой», который черкесы находят на теле убитого Измаил-Бея и принимают за нательный крест христианина, — Георгиевский крест, полученный историческим Измаил-Беем за участие в штурме крепости Измаил. Как известно, этот крест носили на полосатой черно-оранжевой ленте.

Впервые поэт услышал об Измаил-Бее еще в детстве, когда бывал на Кавказских водах. Сохранились сведения, что знаток кабардин-

ского фольклора, просветитель кабардинского народа Шора Бекмурзин Ногмов рассказывал Лермонтову-ребенку горские легенды. Выяснено также, что Лермонтов знал широко распространенное в кабардинском фольклоре предание об Исмеле Хатокшоко (Измаиле Атажукове). Кроме того, об Измаил-Бее он мог многое слышать от живших на Кавказе родных — Хастатовых, Шан-Гиреев, Петровых.

В строфе IV первой части Лермонтов сам указывает на фольклорный источник поэмы:

*Старик чеченец,
Хребтов Кавказа бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал.*

[^^^]

Стр. 268. *Украсит Север Августом другим!* — Лермонтов в иронически возвышенном тоне говорит здесь о Николае I, сравнивая его с первым римским императором, Гаем Юлием Цезарем Октавианом (63 г. до н. э. — 14 г. н. э.), которому был присвоен титул Августа, то есть «священного».

[^^^]

Стр. 280. *Питомец смелый трамских табунов*
— конь прославленного грамского завода в
Пятигорье, из аула Трам, разрушенного в 1818
году.

[^^^]

Хаджи Абрек (стр. 291). — Первое произведение Лермонтова, появившееся в печати за его подписью («Библиотека для чтения», № 8, 1835, август). А. П. Шан-Гирей рассказывает, что Николай Юрьев, дальний родственник Лермонтова, учившийся вместе с ним в юнкерской школе, после тщетных стараний уговорить Лермонтова печатать свои стихи передал втайне от него поэму «Хаджи Абрек» редактору «Библиотеки для чтения» Сенковскому. «Лермонтов был взбешен, по счастью, поэму никто не разобрал, — пишет Шан-Гирей, — напротив, она имела некоторый успех, и он стал продолжать писать, но все еще не печатать».

Этот эпизод (раньше Шан-Гирея) рассказан А. М. Меринским, товарищем Лермонтова по школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. «В юнкерской школе, — сообщает Меринский в своем «Воспоминании о Лермонтове», — он написал стихотворную повесть (1833 г.) «Хаджи Абрек».

Таким образом, поэма датируется 1833 го-

дом.

В текст «Хаджи Абрека» внесены строфы из «Каллы», «Измаил-Бея» и «Аула Бастунджи».

Лермонтов использовал в поэме имена и названия, которые слышал на Кавказе еще в детстве. «Славный Бей-Булат, гроза Кавказа», — назвал Пушкин в «Путешествии в Арзрум» известного чеченского наездника Бей-Булата Таймазова. Бей-Булат убил отца кумыцкого князя Салат-Гирея и был его кровником. Через девять лет он пал от руки своего врага. Это было в 1831 году. От родственников, приезжавших с Кавказа, Лермонтов мог слышать об этом. Слышал он также название аула Джемаат.

Герой поэмы, Хаджи, стал абреком, сделавшись кровником князя. Он живет поглощенный мыслью о мщении.

[^^^]

Сашка (стр. 304). — Во всех дошедших до нас рукописных источниках вслед за первой главой «Сашки» следует глава вторая. Б. М. Эйхенбаум впервые выдвинул предположение, что эта якобы «вторая глава» представляет собою начало какого-то другого произведения, часто механически соединенного с рукописью завершённой поэмы. Мы также считаем «Сашку» произведением законченным.

В последней строфе «Сашки» Лермонтов обещает вернуться к своему герою в другой раз, когда, «в пределах тесных не заключен и не спеша вперед», расскажет о тех годах, которые пропускает в поэме. «Я не хочу, — признается он, — в один прием свою закончить повесть». Кто не доволен этой «выходкой», пускай печатает анафему: «Я кончил...» Аналогичный конец имеет, например, байроновская стихотворная повесть «Беппо» («Окончен лист, и я прощаюсь с вами»).

В поэме Лермонтова развиваются традиции «Домика в Коломне» и «Евгения Онегина», а также поэмы «Сашка» Полежаева. Бли-

зость лермонтовской «нравственной поэмы» с «Домиком в Коломне» (напечатанным впервые в 1833 г.) сказала даже в демонстративном выборе имен Параша и Мавруши. Свободная манера повествования, отступления, автобиографические признания, ироническая рекомендация героя роднят «Сашку» с «Евгением Онегиным». В VIII главе пушкинского романа содержится ключ к характеристике лермонтовского героя:

*Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,*

.....

*Иль просто будет добрый малый,
Как вы да я, как целый свет?*

Как «доброе малое» рекомендует своего героя и Лермонтов в первой строфе. Это характеристика ироническая: «Добрый малый — товарищ скучный, тягостный и вялый».

Связь с поэмой Полежаева обнаруживается не только в названии «Сашки» — она декларируется в строфе 33:

«Сашка» — старое названье!

*Но «Сашка» тот печати не видал,
И, недозревший, он угас в изгнание.*

Стихи в строфе 24: «Она звалась Варюшею. Но я // Желал бы ей другое дать названье...» — содержат намек на любовь поэта к Варваре Александровне Лопухиной (вышедшей в 1835 г. замуж за Н. Ф. Бахметева). Строфы 77–80 — краткое обозрение событий французской революции 1789 года, казней короля Людовика XVI («венчанного страдальца»), королевы Марии-Антуанетты и поэта Андре Шенье.

Предположение, что в строфах 3–4 и 137–138 Лермонтов говорит о смерти декабриста А. И. Одоевского, ни на чем, кроме частичного совпадения строк поэмы со стихотворением «Памяти А. И. Одоевского», не основывается. Т. П. Голованова высказала предположение, что речь идет о каком-то друге Лермонтова — молодом поэте, покончившем жизнь самоубийством:

*Ты не хотел насмешки выпить яд,
С улыбкою притворной, как Сократ;
И, не разгадан глупою толпою,*

*Ты умер чуждый жизни... Мир с
тобою!*

Такие строки, как: «Жди, авось придут, // Быть может, кто-нибудь из прежних братьий», — а также обращение к друзьям юности: «И вы, вы все, которым столько раз // Я подносил приятельскую чашу», — свидетельствуют о том, что речь здесь идет о каких-то друзьях и сверстниках Лермонтова.

Эти намеки, которые и тогда не могли быть понятны непосвященному читателю, подтверждают, что поэма писалась в ту пору, когда Лермонтов еще довольствовался поэтической известностью в дружеском кругу и писал вещи, не предназначенные для печати.

[^^^]

Стр. 308. *Хромой бес* — бес Асмодей из романа французского писателя А.-Р. Лесажа (1668–1747). В этом романе хромой бес летит над городом и, снимая крыши, посвящает своего спутника в домашние тайны людей.

[^^^]

Стр. 309. *Прага* — предместье Варшавы. Суворов осаждал Прагу в 1794 году.

[^^^]

Стр. 319 *Саул* — библейский царь. Мучимый лукавым духом, он приказывал играть ему на арфе. Музыка успокаивала его.

[^^^]

Стр. 321. *Демосфен* (384–322 гг. до н. э.) — знаменитый афинский оратор.

[^^^]

Стр. 333. *Фоблаз* — ветреный и влюбчивый герой романа французского писателя Луве де Кувре (1760–1797) «Похождения кавалера Фоблаза».

[^^^]

Стр. 335. *Ариадна* — дочь критского царя. По преданию, спасла афинского героя Тезея, который затем безжалостно покинул ее.

[^^^]

Аббадона — падший ангел из поэмы «Мессиада» немецкого писателя Ф. Г. Клопштока (1724–1803).

[^^^]

Стр. 338. *Гвидо Рени* (1575–1642) — итальянский живописец.

[^^^]

Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова (стр. 354). — В сборнике «Стихотворения М. Лермонтова» (СПб. 1840) «Песня» была напечатана с датой «1837». Принято считать, что она создана на Кавказе, во время первой ссылки поэта. «Покойный Краевский рассказывал нам, — писал в 1891 году редактор сочинений Лермонтова И. М. Болдаков, — что на его письмо относительно блестящего успеха «Песни» Лермонтов, с Кавказа, откуда она была им прислана, отвечал, что хотя ею и восторгаются, а и не знают, что он набросал ее от скуки, чтобы развлечься во время болезни, не позволявшей ему выходить из комнаты».

Очевидно, Краевский имел в виду блестящий успех, которым сопровождалось чтение «Песни» в рукописи. Ибо напечатана она была им, Краевским, в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» в конце апреля 1838 года, когда Лермонтов находился уже в Петербурге.

Следовательно, об успехе поэмы у читате-

лей «Литературных прибавлений» Краевский ему на Кавказ сообщать не мог. Впрочем, не исключено, что Лермонтов прислал ему поэму с Кавказа, но что написана она была еще в Петербурге, до ссылки, в ту пору? когда поэт, отпущенный из полка «по болезни», жил в столице на квартире своей бабки Арсеньевой.

Рассказ Краевского, переданный Болдаковым, не вполне согласуется и с тем, что в издании «Стихотворения М. Лермонтова» (СПб. 1842. В типографии Ильи Глазунова) тот же Краевский сопроводил «Песню про царя Ивана Васильевича...» датой: «1836».

Несмотря на то что в 1838 году Лермонтов уже возвратился с Кавказа, разрешение печататься последовало не сразу. Только с помощью В. А. Жуковского, который высоко оценил «Песню», Краевский добился позволения министра Уварова напечатать произведение опального поэта. Однако имени автора Уваров выставить не позволил, и «Песня» появилась в «Литературных прибавлениях», подписанная буквами «—вЪ».

Колорит эпохи, образы Грозного и опричника Лермонтов воссоздал в своей поэме на

основе песенных образов — в духе и стиле народных исторических и «разбойничьих» песен. Народные песни помогли ему создать фигуру и человека из народа — удалого купца Калашникова.

Одним из несомненных источников поэмы можно считать «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (М. 1818), в частности, песню про царского шурина Матрьюка Темрюковича:

*А и гой еси, Царь Государь, Царь
Иван Васильевич!
Все Князи, Бояра, могучие богаты-
ри
Пьют, едят, потешаются
На великих на радостях;
Один не пьет, не ест твой Цар-
ской гость дорогой,
Матрьюк Темрюкович, молодой
Черкашенин.*

В сборнике «Песни, собранные П. В. Киреевским» выходят «побороться» с Матрьюком «два брата родимые». По одним вариантам, «два калашничка», по другим — «два брата, дети-то Кулашниковы» (П. Владимиров, Исто-

рические и народно-бытовые сюжеты в поэзии М. Ю. Лермонтова. — «Чтения в Историческом обществе Нестора Летописца», кн. VI. Киев, 1892, стр. 204–205).

Кроме фольклора, источниками в этой работе могли послужить Лермонтову и труды по истории России XVI–XVII веков. Так, в «Сказании» Авраамия Палицына повествуется о подвиге Федора Колачника и дворянина Петра Тургенева, всенародно обличивших первого самозванца и казненных на Лобном месте «среди царствующего града Москвы».

Таким образом, фамилия купца Калашникова может быть обоснована целым рядом источников — исторических и фольклорных, — не говоря о том, что эту фамилию носили и известные в XIX веке пензенские купцы.

Поэма Лермонтова сразу же обратила на себя внимание Белинского. «Не знаем имени автора этой песни... — писал он в «Московском наблюдателе», — но если это первый опыт молодого поэта, то не боимся попасть в лживые предсказатели, сказавши, что наша литература приобретает сильное и самобытное дарование».

Хотя Лермонтов обратился к эпохе Грозного, произведение прозвучало как глубоко современное. Только что на дуэли с царским «опричником» погиб Пушкин, который вышел на поединок, чтобы защитить честь жены и свое благородное имя.

Поэма заставляла задумываться над вопросами о судьбе и правах человеческой личности.

В статье «Стихотворения М. Лермонтова» Белинский указал на причину, побудившую Лермонтова обратиться в своей поэме к далекой исторической эпохе. «Здесь поэт от настоящего мира не удовлетворяющей его русской жизни перенесся в ее историческое прошлое, подслушал биение его пульса, проник в сокровеннейшие и глубочайшие тайники его духа, сроднился и слился с ним всем существом своим, обвеялся его звуками, усвоил себе склад его старинной речи, простодушную суровость его нравов, богатырскую силу и широкий размах его чувства и, как будто современник этой эпохи, принял условия ее грубой и дикой общественности, со всеми их оттенками, как будто бы никогда и не знал

о других, — и вынес из нее вымышленную быль, которая достовернее всякой действительности, несомненнее всякой истории».

«Самый выбор этого предмета, — писал Белинский, — свидетельствует о состоянии духа поэта, недовольного современною действительностью и перенесшегося от нее в далекое прошедшее, чтоб там искать жизни, которой он не видит в настоящем».

Могучие образы богатыря Калашникова, опричника, «колоссальный образ» Грозного, который, по словам Белинского, является в поэме «изваянным из меди или мрамора», Лермонтов противопоставлял своим современникам, неспособным к свершению подвигов, чуждым больших страстей. Великий критик раскрыл глубокую внутреннюю связь «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» с «Думой», в которой Лермонтов высказал беспощадную правду о «состоянии совести и духа» своих современников, вступивших в жизнь после поражения декабристов.

Тамбовская казначейша (стр. 368). — Поэма появилась в XI томе «Современника» (1838).

Совершенно естественно, что Жуковский и Вяземский, принявшие на себя вместе с В. Одоевским, Плетневым и Краевским продолжение пушкинского журнала, пожелали поместить в нем произведение поэта, пострадавшего за стихи на смерть Пушкина. «Я был у Жуковского, — сообщал Лермонтов приятельнице в Москву, — и отнес ему, по его просьбе, Тамбовскую казначейшу; он понес ее к Вяземскому, чтобы прочесть вместе; им очень понравилось, напечатано будет в ближайшем номере «Современника».

Поэт подчеркнул свою верность поэтическим традициям Пушкина. «Тамбовская казначейша», продолжающая жанр пушкинских поэм «Граф Нулин» и «Домик в Коломне», написана, кроме того, «онегинской строфой» (изобретенной Пушкиным). С этого Лермонтов и начинает свое «Посвящение»:

*Пускай слыву я старовером,
Мне все равно — я даже рад:*

*Пишу Онегина размером;
Пою, друзья, на старый лад.*

«Тамбовская казначейша» заключает в себе полемику с литературными врагами Пушкина, которые начиная с 1830 года настойчиво повторяли в печати, что Пушкин исписался и устарел, что в его произведениях нет более ни действия, ни страстей, ни драматического интереса в событиях. Ф. Булгарин со страниц «Северной пчелы» уверял читателей, что VII глава «Евгения Онегина» означает «полное падение» Пушкина.

Выпуская в свет последние главы «Онегина», Пушкин предупреждал: «Те, которые стали бы искать в них занимательности происшествий, могут быть уверены, что в них еще менее действия, чем во всех предшествовавших».

Таким образом, заключительные строки «Тамбовской казначейши» выглядят как издевка над критиками Пушкина и его злопыхателями:

*Вы ждали действия? страстей?
Повсюду нынче ищут драмы,
Все просят крови — даже дамы.*

Из всего этого видно, что появление лермонтовской поэмы на страницах «Современника» имело принципиальный характер.

Однако этот замысел Лермонтова не дошел до читателя. Выставить фамилию автора не разрешила цензура, подвергшая текст поэмы сильнейшим искажениям и удалившая из нее двадцать шесть строк. Без ведома автора производилась и редакционная правка. Слово «Тамбовская» из заглавия было удалено, слово «Тамбов» заменено в тексте буквою «Т» и точками. Так как рукопись поэмы до нас не дошла, восстановить эти строки нельзя.

П. А. Висковатов, издавая поэму, десять строк восстановил со слов А. П. Шан-Гирея:

В строфах

I: Там зданье лучшее острог.

XII: У них! — о том причины скрыты;

*Но есть в Тамбове две кумы,
У них, пожалуй, спросим мы.*

*XVI: И не смущен бы был и раем,
Когда б попался и туда.*

*XXXIII: Увы, молясь иной святыне,
За злато совесть и закон*

XLIV: Готов продать охотно он.

Стих 12 в XVI строфе Висковатов предлагал читать:

Чтоб от кнута избавить вора.

Ефремов, не ссылаясь на источник, печатал этот стих иначе:

Иль стал душою заговора;

Чья поправка соответствует лермонтовскому тексту, установить невозможно. Поэтому в основной текст поправки Висковатова и Ефремова мы не вводим.

Сокращения и поправки, не согласованные с автором, привели Лермонтова в негодование. В дальнейшем он в «Современнике» уже не печатался.

[^^^]

Стр. 368. *Он прежде город был опальный.* — По словам историка Тамбовского края И. Дубасова, Тамбов «в прежнее время был ссылочным местом, своего рода Сибирью».

[^^^]

Стр. 370. *Музыканты, // Дремля на лошадях своих, // Играли марш из «Двух слепых».* — «Двое слепых из Толедо» — опера французского композитора Этьена Мегюля (1763–1817).

[^^^]

Беглец (стр. 391). — Связь «Беглеца» с поэмой Пушкина «Тазит» несомненна. «Тазит» (под названием «Галуб») был напечатан в VII томе «Современника», вышедшем в свет в самом конце 1837 года. А. П. Шан-Гирей заверял Висковатова, что «Беглец» писан «не позднее 1838 года».

«Горской легендой» поэма названа не случайно. Исследователь творчества Лермонтова, С. А. Андреев-Кривич, приводит рассказ путешественника Тетбу де Мариньи, который в своем «Путешествии в Черкесию» (Брюссель, 1821) вспоминает содержание черкесской песни. Она заключает в себе «жалобу юноши, которого хотели изгнать из страны, потому что он вернулся один из экспедиции против русских, где все его товарищи погибли» (С. А. Андреев-Кривич, Лермонтов. Вопросы творчества и биографии, изд. АН СССР, М. 1954). Очевидно, эта или подобная песня была положена Лермонтовым в основу «Беглеца».

Песня «Месяц плывет», которую слышит Гарун, перенесена в «Беглеца» из «Изма-

ил-Бея». Две поправки, внесенные Лермонтовым в прежний текст, подчеркивают его патриотический смысл: строку «*Любви* будь вернее» поэт переделал: «Будь *славе* вернее». Вместо «*Любви* изменивший» Лермонтов исправил: «*Своим* изменивший», — любовный романс превратился в песню патриотическую.

[^^^]

Демон (стр. 395). — Поэму «Демон» Лермонтов начал писать в четырнадцатилетнем возрасте и возвращался к ней на протяжении всей жизни. Это итог упорной поэтической работы и многолетних философских раздумий. Первая строка — «Печальный демон, дух изгнанья», — написанная в 1829 году, сохранилась до конца, несмотря на многочисленные переделки поэмы.

Сначала Лермонтов задумал поэму о Демоне, который влюбляется в монахиню и губит ее из ненависти к ее ангелу. Этот замысел видоизменялся на протяжении нескольких лет. При этом действие поэмы продолжало развиваться вне времени и пространства, в нереальной, условной обстановке. В 1832 году поэт собирался приурочить действие «ко времени пленения евреев в Вавилоне». Этот библейский вариант поэмы остался ненаписанным. Действие в пятой редакции (1833–1834) происходит на берегу моря, «Между прибрежных диких скал», «...южный теплый день // Играет яркими лучами». Здесь мы встречаем уже

многие стихи, которые потом без перемен вошли в поздние редакции «Демона», однако общий характер поэмы еще не меняется.

Существенный сдвиг в работе произошел по возвращении Лермонтова из Грузии в 1838 году. Горы Кавказа, «излучистый Дарьял», Казбек, который кажется пролетающему над ним Демону «гранью алмаза», Койшаурская долина, берега Арагвы — все это помогло Лермонтову наполнить поэму конкретными описаниями, связать отвлеченный замысел с жизнью. Безликая монахиня превратилась в красавицу Тамару. В поэме появились сцены грузинского феодального быта, картины грузинской природы. Усложнился сюжет поэмы: соперником Демона становится жених Тамары — «властитель Синодала», «удалой князь». Здесь сказалось влияние фольклора: Лермонтов использовал легенду о любви горного духа к девушке-грузинке и о его ревности к ее жениху.

В начале второй части поэмы (строфа V) всаднику, до слуха которого доносится рыданье Тамары, кажется, что это «...горный дух, // Прикованный в пещере, стонет», Горный дух,

прикованный в пещере, — Амирани, Прометей грузинских и осетинских легенд. В некоторых вариантах этих легенд он выступает как богоборец, затеявший борьбу с небом за справедливость на земле. Таким образом, народные грузинские легенды помогали Лермонтову связать прежний материал с новой почвой.

Вернувшись в Петербург, Лермонтов снова переработал поэму. К 1838 году относятся три новых редакции. Шестая, которую поэт собирался опубликовать и которая разошлась в рукописных копиях в огромном числе, датирована 8 сентября 1838 года. В декабре того же года, собираясь печатать поэму, Лермонтов подверг ее новой переработке (дата окончания последней редакции — 4 декабря). Мятежный характер Тамары в этой редакции сильно смягчен: Лермонтов придал ей черты существа, не созданного для мира, и вычеркнул текст, следовавший за строфой XIII второй части поэмы, с описанием Тамары в гробу. Как раз в этой исключенной строфе был стих «Иль с небом гордая вражда...», который так восхищал Белинского и в котором он ви-

дел воплощение одной из основных идей поэмы. Кроме того, Лермонтов дополнил поэму клятвой Демона («Хочу я с небом примириться, // Хочу любить, хочу молиться, // Хочу я верить добру...»), исключил диалог «Зачем мне знать твои печали...» и сочинил новый конец, в котором ангел спасает душу Тамары. Приблизив к условиям цензуры образ Тамары, Лермонтов стремился тем самым уберечь от искажений образ Демона: Демон побежден, но не раскаивается.

В 1839 году Краевский собирался опубликовать в «Отечественных записках» отрывки из «Демона». Этому помешала новая ссылка Лермонтова.

В 1842 году цензура окончательно запретила поэму; Краевскому удалось опубликовать только отрывки.

Впервые «Демон» был опубликован в 1856 году за границей (в Карлсруэ). Выпустил это издание родственник Лермонтова генерал А. И. Философов. В следующем году там же, в Карлсруэ, появилось новое издание поэмы, но с разночтениями. Датировалась поэма 1841 годом. Все это на долгие годы запутало вопрос

о творческой истории поэмы, ее окончательном тексте и ее датировке. Только недавно споры решила находка Э. Э. Найдича, обнаружившего письмо генерала А. И. Философова к директору императорской Публичной библиотеки барону М. А. Корфу. В этом письме уточнена история создания и публикации «Демона».

Лермонтов завершил работу над поэмой в декабре 1838 года, В начале 1839-го потребовалось представление ее «ко двору» для чтения императрицы. В связи с этим Лермонтов пересмотрел текст и сделал для этого случая указание переписчику насчет необходимой купюры. На основании расхождений между протографом и «придворной» копией и возникли недоумения, ибо карлсруйские издания восходят к этим двум разным источникам.

Теперь уже окончательно ясно: 1841 год — год, которым датировалась последняя редакция «Демона», — отпадает. Поэма завершена в декабре 1838 года. Это сильно проясняет творческую эволюцию Лермонтова. Но не снимает, однако, вопроса о различиях последней ре-

дакции поэмы и предшествующей, так называемой шестой.

Стремясь напечатать поэму, Лермонтов внес в текст шестой редакции серьезные изменения. В процессе этой работы — над седьмой редакцией «Демона» — он изменил сюжет, заново пересоздал части текста, обогатив характеристики, описания и отступления множеством новых великолепных стихов, и отшлифовал произведение в целом. Достаточно сказать, что только при переделке поэмы возник монолог Демона: «Клянусь я первым днем творенья...» Поэтому возвратиться к шестой редакции поэмы, отвергнув работу Лермонтова над позднейшими редакциями, как предлагают некоторые исследователи, невозможно. Тем не менее для понимания идейного замысла «Демона» шестая редакция имеет решающее значение. (Она опубликована полностью в академическом издании и четырехтомном собрании сочинений М. Ю. Лермонтова, «Художественная литература», т. 2, М. 1964.)

Мцыри (стр. 428). — В черновом автографе поэма носила название «Бэри». К этому названию Лермонтов сделал сноску: «Бэри, по-грузински: монах». Но герой поэмы не монах — его только готовят в монахи. Слову «послушник» в грузинском языке соответствует слово «мцыри». Под этим заглавием поэма и была напечатана в сборнике 1840 года.

В окончательной редакции поэма заключает в себе двадцать шесть глав. Кроме двух вступительных, они представляют собою исповедь молодого монаха — тема, которую Лермонтов уже разрабатывал в «Исповеди» (1830). К 1831 году относится его намерение писать «записки молодого монаха 17-ти лет. С детства он в монастыре; кроме священных, книг не читал. Страстная душа томится. Идеалы...» Замысел этот отчасти был осуществлен в поэме «Боярин Орша» (1835–1836), герой которой с детских лет воспитывается в монастыре, бежит на волю и, застигнутый в светлице боярышни, предан суду монахов.

Возвратившись из кавказской ссылки, Лер-

монтов обратился к прежнему замыслу. Но, в отличие от первых опытов, новый материал — кавказский — стал неотъемлемым, органическим элементом в поэме. Действие ее развивается в Грузии. Герой — молодой горец, взятый в шестилетнем возрасте в плен русским генералом (по свидетельству родственников поэта, он подразумевал при этом генерала А. П. Ермолова). «Мцыри» — поэма о свободолюбивом горце, исповедующем мусульманскую веру и погибающем вдали от родины в христианском монастыре. В поэме выразилось отношение Лермонтова к кавказской войне и к судьбам молодых людей своего поколения.

В первой строфе Лермонтов описал древний мцхетский собор Светицховели, где находятся могилы последних грузинских царей — Ираклия II и Георгия XII, при котором состоялось присоединение Грузии к Русскому царству. Монастырь, который «из-за горы // И ныне видит пешеход», — «Джварис-сакдари» («Храм креста»), выстроенный в VII веке.

Сцена битвы с барсом подсказана Лермонтову распространенной в Грузии старинной

народной песней о тигре и юноше. В главе 10-й имеется отголосок грузинской легенды о богатыре Амирани, поверженном с небес и провалившемся в подземную бездну.

В качестве эпиграфа Лермонтов выбрал библейское изречение, которое означает: «Вкушая, я вкусил мало меду, и вот я умираю». Этот эпиграф подчеркивает вольнолюбие Мцыри. Вначале поэт предполагал использовать для эпиграфа французское изречение: «On n'a qu'une seule patrie» («Родина бывает только одна»).

В мае 1840 года Лермонтов читал отрывок из «Мцыри» — бой с барсом — на именинах у Гоголя в Москве. «И читал, говорят, прекрасно», — передавал С. Т. Аксаков со слов гостей, присутствовавших в тот день на именинном обеде.

Белинский, разбирая поэму Лермонтова, писал: «Этот четырехстопный ямб с одними мужескими окончаниями, как в «Шильонском узнике», звучит и отрывисто падает, как удар меча, поражающего свою жертву. Упругость, энергия и звучное, однообразное падение его удивительно гармонируют с сосредото-

точным чувством, несокрушимую силою могучей природы и трагическим положением героя поэмы. А между тем какое разнообразие картин, образов и чувств!»

И. С. Тургенев в предисловии к французскому переводу «Мцыри» сравнил стих поэмы с «трудом заключенного, который неустанно стучит усиленным стуком в стену своей темницы».

[^^^]

Сказка для детей (стр. 449) — В «Отечественных записках» 1842 года (т. XX) «Сказка для детей» появилась с датой: «1841». Поэтому некоторые редакторы помещали эту поэму среди произведений 1841 года. Б. М. Эйхенбаум датировал ее 1839 годом на том основании, что в черновых вариантах «Сказки для детей» имеются строки:

*Меж тем о благе мира чуждых
стран
Заботимся, хлопочем мы не в ме-
ру,
С Египтом новый сладил ли сул-
тан?
Что Тьер сказал — и что сказали
Тьеру?*

Действительно, вступление на турецкий престол султана Абдула-Меджида и война Турции с Египтом относятся к 1839 году. Но французский министр Адольф Тьер, поддерживавший Абдула-Меджида, возглавил новый кабинет только 1 марта 1840 года. Казалось бы, что поэма не могла быть написана до

этого времени. Однако надо иметь в виду, что слухи о приходе Тьера к власти распространились задолго до его назначения. Поэтому следует считать, что поэма была написана в начале 1840 года. Что же касается 1841 года, то к этому времени турецко-египетский конфликт был уже окончательно ликвидирован, а политика Тьера в восточном вопросе потерпела крах; интерес к этим событиям в то время должен был потерять остроту.

В третьей строфе «Сказки» Лермонтов замечает: «Герой известен, и не нов предмет». Высказывалось предположение, не имеет ли Лермонтов в виду героя поэмы «Сашка» и не являются ли «Сашка» и «Сказка для детей» фрагментами одного, неосуществленного, замысла? Но совершенно очевидно, что слова «герой известен» относятся к другому персонажу: это Мефистофель — «великий сатана», названный Лермонтовым в следующей строфе. Персонажа, в литературе уже известного, — Мефистофеля, — поэт противопоставляет своему демону:

*Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный,*

*детский бред...
Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ...*

«Но я, расставшись с прочими мечтами, — иронически замечает поэт по своему адресу, — и от него отделался стихами».

Начиная с восьмой строфы «Сказка для детей» превращается в монолог Мефистофеля, обращенный к спящей красавице. В двадцать седьмой строфе речь Мефистофеля обрывается. Следуют точки. Принято считать, что «Сказка для детей» не закончена. Однако наличие в копии поэмы этого заключительного отточия и самое изготовление копии, которую Лермонтов авторизовал, скорее говорят о том, что он и не предполагал продолжать повествование, что фрагментарность поэмы определяется самим жанром «сказки для детей». Белинский считал, что «Сказка для детей» Лермонтова — «лучшее, самое зрелое из всех его произведений». Может ли такая характеристика относиться к первым строфам задуманной и неосуществленной вещи?

Исследователи уже отмечали, что «Сказка для детей» продолжает традиции пушкинско-

го «Домика в Коломне» с его ироническим отношением к героям и сюжету, с шутливыми автобиографическими отступлениями. Заявление Лермонтова, что он «без ума от троекственных созвучий // И влажных рифм — как, например, на ю», восходит к первой строфе «Домика в Коломне» и подтверждается поэтической практикой самого Лермонтова («Песня рыбки» в «Мцыри» с рифмами: «Не утаю», «люблю», «струю», «мою»).

В стихах строфы 11-й:

*Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые —*

подразумевается восстание декабристов.

Говоря об особенностях лермонтовского стиха, Белинский отметил, что в «Сказке для детей» «этот стих возвышается до удивительной художественности»..

[^^^]

Стр. 455. *Перуджино* — Пьетро Перуджино (1446–1523), знаменитый итальянский художник, учитель Рафаэля.

[^^^]

МАСКАРАД

С. А. Раевский, принимавший участие в проведении драмы Лермонтова через цензуру, говорил исследователю жизни и творчества Лермонтова В. Х. Хохрякову, что «Маскарад» написан в 1834 году (Институт русской литературы АН СССР, лермонтовский фонд). Однако следует иметь в виду, что Лермонтов окончил юнкерскую школу и вышел в полк в декабре 1834 года и только с этого времени получил возможность наблюдать жизнь петербургской аристократии, в частности, бывать на балах в доме богача Энгельгардта, изображенных во второй сцене «Маскарада». С другой стороны, известно, что 8 ноября 1835 года цензор уже возвратил Лермонтову рукопись драмы «для нужных перемен». Следовательно, окончена она была никак не позднее сентября 1835 года. Поэтому надо считать, что писалась драма в 1835 году. Но возможно, что замысел ее относится к более раннему времени.

Среди материалов Хохрякова сохранился

список действующих лиц «Маскарада», не вполне совпадающий с тем, который предположен известной четырехактной редакцией:

Евгений Арбенин.

Нина, его жена.

Барон.

Баронесса.

Князь Звездич.

Пехотный полковник.

Шприх.

Казарин.

Хозяйка.

Игроки.

Слуга князя.

Слуга и служанка Арбенина.

Оказалось, что это список действующих лиц чернового варианта первой редакции пьесы, совершенно случайно обнаруженного в начале 1930-х годов среди бумаг семьи Якушкиных. Рукопись из якушкинского архива представляет собою копию с многочисленными поправками Лермонтова. Начало ее — две сцены первого акта и начало второго —

утрачены. Уцелевший текст начинается со слов Арбенина: «А думаешь: глупец?..», соответствующих 419 стиху дошедшей до нас полностью второй, четырехактной, редакции. Это продолжение диалога Арбенина и Нины, возвратившихся из маскарада. Всего в этой рукописи было девять сцен, разделенных на четыре действия (по ошибке переписчика в якушкинской копии вместо «IV акт» написано «V акт»).

Продолжая работу над пьесой, Лермонтов подверг текст дальнейшей переработке, в особенности сцену, в которой Арбенин мстит князю Звездичу. Так же как и якушкинская копия, первая завершенная редакция «Маскарада» кончалась смертью Нины.

Беловой вариант первой редакции, заключавшей в себе три акта, Лермонтов представил осенью 1835 года в драматическую цензуру III Отделения, чтобы получить разрешение на постановку пьесы на сцене «императорского санкт-петербургского театра». Этот текст до нас не дошел. Содержание его известно только из пересказа цензора Е. Ольдекопа, запретившего ставить пьесу на сцене и по-

требовавшего от Лермонтова решительных переделок. «Не знаю, — писал Ольдекоп в своем отзыве, — может ли пройти пьеса даже с изменениями; в особенности сцена, когда Арбенин кидает карты в лицо князю, должна быть совершенно изменена. Я не могу понять, как мог автор бросить следующий вызов костюмированным балам в доме Энгельгардтов:

*Я объявить вам, князь, должна,
Что эта клевета нимало не
смешна.
Как женщине порядочной ре-
шиться
Отправиться туда, где всякий
сброд,
Где всякий ветреник обидит,
осмеет,
Рискнуть быть узнанной... вам
надобно стыдиться,
Отречься от подобных слов».*

(ЦГИА СССР, ф. № 780, оп. 26, № 11).

Выражая мнение главного начальника III Отделения генерала Бенкендорфа, Ольдекоп требовал от Лермонтова переделок такого характера, чтобы пьеса «кончилась примирени-

ем между господином и госпожою Арбениными». Главный недостаток пьесы, по словам цензора, состоял в том, что порок оставался в ней ненаказанным.

Желая избежать коренной переработки драмы, Лермонтов дополнил ее четвертым актом и, полагая, что возмездие, олицетворенное в образе Неизвестного, будет достаточным «наказанием порока», решил представить новую редакцию на вторичное рассмотрение цензуры. Уезжая в отпуск в Тарханы (около 20 декабря 1835 г.), Лермонтов поручил С. А. Раевскому передать экземпляры пьесы в цензуру и директору императорских театров А. М. Гедеонову.

Находясь в Тарханах, Лермонтов продолжал беспокоиться о судьбе «Маскарада». «Я опасаясь, — писал он Раевскому 16 января 1836 года, — что моего «Арбенина» снова не пропустили, и этой мысли подало повод твое молчание». Действительно, в январе 1836 года драма Лермонтова была снова отклонена. Во вторичном своем докладе Ольдекоп указывал, что «автор не подумал вовремя воспользоваться» указаниями, сделанными ему цен-

зурой. «В новом издании, — писал он, — мы находим те же неприличные нападки на костюмированные балы в доме Энгельгардтов (ст. 16–46), те же дерзости против знатных дам высшего общества (18). Автор захотел прибавить другой конец, не тот, который был ему назначен (т. е. не воспользовался советом Бенкендорфа примирить Арбенина с Ниной. — И. А.). ...Драматические ужасы прекратились во Франции, — с негодованием заключал цензор, — нужно ли вводить их у нас, нужно ли вводить их отраву в семьях? Дамские моды, употребляемые в Париже, переняты у нас; это невинно, но перенимать драматические уродства, от которых отвернулся даже Париж, это более чем ужасно, это не имеет имени» (Оригинал по-французски; ЦГИА СССР, ф. № 780, оп. 26, № 11).

Возвратившись в Петербург, Лермонтов приступил к работе над третьей редакцией «Маскарада». Настойчивое стремление видеть свою драму на сцене побудило его на этот раз учесть требования цензуры. Поэт коренным образом переработал сюжет, действительное отравление Нины превратил в

мнимое, сумасшествие Арбенина заменил отъездом его в деревню, ввел в пьесу новое лицо — олицетворение добродетели, — Оленьку. Перерабатывая драму, Лермонтов старался сохранить хотя бы характер Арбенина. Устранив из пьесы почти все, что разоблачало маскарад великосветской жизни, Лермонтов вынужден был переменить и название. Новую пятиактную драму он озаглавил «Арбенин». Все эти перемены, разрушившие первоначальный замысел, были закончены Лермонтовым 28 октября 1836 года. Однако поставить драму III Отделение не разрешило даже и в этой редакции.

В своих показаниях по делу о стихах на смерть Пушкина Лермонтов писал: «Драма «Маскарад» в стихах, отданная мною на театр, не могла быть представлена по причине (как мне сказали) слишком резких страстей и характеров и также потому, что в ней добродетель недостаточно награждена».

Однако истинная причина заключалась в том, что политическая и сатирическая пьеса Лермонтова, продолжавшая традиции «Горя от ума», воспринималась как дерзкий вызов

придворной аристократии. «Пришло ему на мысль, — писал в своих воспоминаниях о Лермонтове А. Муравьев, хорошо знавший обстоятельства этого дела, — написать комедию вроде «Горя от ума», резкую критику на современные нравы... Лермонтову хотелось видеть ее на сцене, но строгая цензура III Отделения не могла ее пропустить... даже цензура получила неблагоприятное мнение о заносчивом писателе, что ему вскоре отозвалось неприятным образом».

Следует отметить, что Лермонтов и в тексте и в заглавии писал не «Маскарад», а «Маскерад». Но напечатана пьеса была под названием «Маскарад» (СПб. 1842), под этим названием вошла в репертуар русского театра, и написание «Маскерад» в заглавии не сохраняется.

Открытые балы-маскарады в доме В. В. Энгельгардта (на углу Невского проспекта и Екатерининского канала, ныне д. № 30) — балы, на которых бывали члены царской семьи и сам Николай I, пользовались в петербургском светском обществе первой половины 30-х годов огромным успехом. «Там женщины есть...

чудо... — сообщает князь Звездич Арбенину. — И даже там бывают, говорят...» Этот намек на самых знатных посетительниц маскарадов Арбенин прерывает словами: «Под маской все чины равны. У маски ни души, ни званья нет, есть тело...» Понятно, почему III Отделение вознегодовало и настоятельно требовало изменения именно этих строк.

Фамилию Арбенина Лермонтов перенес в «Маскарад» из юношеской драмы «Странный человек». Эта же фамилия повторяется в прозаическом наброске «Я хочу рассказать вам...». Фамилии двух других действующих лиц Лермонтов заимствовал из повести А. Марлинского «Испытание» (1830), в которой фигурируют графиня Звездич и ротмистр фон Штраль. Однако у Марлинского Лермонтов заимствовал только фамилии. В основу же драмы, возможно, положил действительное происшествие. Указание на это находится в отзыве цензора. Очевидно, Лермонтов изобразил действительный случай или случай настолько жизненный, что цензор «узнал» его.

Высказывалось предположение, что в лице Шприха описан третьесортный литератор,

агент III Отделения А. Элькан, изображенный под той же самой фамилией Шприх в повести О. Сенковского «Предубеждение» (1834). Надо думать, что фамилия, использованная Сенковским, понадобилась Лермонтову для того, чтобы подтвердить портретное сходство с оригиналом и заклеить одного из припешников Бенкендорфа.

Карточная игра в 30-е годы представляла собою настолько широкое явление и вызывала столь многочисленные разорения дворян, что правительство Николая I пыталось вести с ней борьбу. Упоминание об этом вычеркнуто в монологе Казарина (в якушкинской копии):

*За то, что прежде, как нелепость,
Сходило с рук не в счет бедам,
Теперь Сибирь грозитя нам
И Петропавловская крепость.*

Игрока, готового ради достижения цели на преступление, годом раньше Лермонтова описал Пушкин («Пиковая дама»). Жизнь и характеры игроков занимали Гоголя («Игроки», Ноздрев в «Мертвых душах»). Вообще эта

тема широко бытовала в русской прозе и драматургии 20—30-х годов.

Кроме страсти, долгие годы державшей Арбенина возле зеленого стола, Лермонтов наделил своего героя мятежной силой, огромной волей, благородным презрением к великосветскому обществу, тонкой иронией и глубокой грустью. Известно, что первоначальная, трехактная, редакция «Маскарада» завершилась смертью Нины. Судя по этому, идея возмездия за преступление не занимала Лермонтова, ибо «Маскарад» написан, чтобы выразить мысль о невозможности счастья для того, кто несет в себе разрушительное начало и отрицание существующего миропорядка. Как и для Демона, «рай» для Арбенина закрыт навсегда. Приобщение к «добру» для него невозможно. Попытка забыть прошлое кончается полным крушением.

*Да, ты умрешь, — и я останусь
тут
Один, один... года пройдут.
Умру — и буду все один! Ужасно!*

—

говорит Арбенин Нине. Не приемлющий

общества Звездичей и Казариных Арбенин обречен на вечное одиночество.

Высказывалось предположение (К. Н. Ломуновым), что четвертым актом Лермонтов пополнил пьесу по совету актеров Александринского театра, стремившихся сыграть «Маскарад». Уже после смерти Лермонтова тщетно добивался сыграть роль Арбенина великий Мочалов. Он умер, не исполнив этой роли в лучшей русской романтической драме, словно для него предназначенной. Только через двадцать с лишним лет после смерти Лермонтова, в 1862 году. «Маскарад» был разрешен к постановке без купюр во второй, четырехактной, редакции на сцене Малого театра в Москве, а два года спустя — на сцене Александринского театра в Петербурге, для которой драма была предназначена самим Лермонтовым. В феврале 1917 года драма была заново поставлена на этой же сцене В. Э. Мейерхольдом в декорациях А. Я. Головина, с музыкой А. К. Глазунова, с 10. М. Юрьевым в заглавной роли. Спектакль имел огромный успех и положил начало нынешней исполнительской традиции. В советском театре

«Маскарад» стал излюбленной репертуарной пьесой.

[^^^]

Стр. 461. Семпель — ординарная ставка, без увеличения назначенной суммы.

[^^^]

Гнуть — увеличивать ставку вдвое.

[^^^]

Стр. 529. *Транспорт* — ставка, увеличенная втрое.

[^^^]

Стр. 539. *Настасья Павловна* поет нам что-нибудь. — Принято считать, что настоящее имя героини заменялось в домашнем кругу ласкательным «Нина».

[^^^]

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Материалом для романа послужили Лермонтову впечатления от жизни в 1837 году на Кавказских водах, от поездки на Терек в казачью станицу Шелковскую в гости к А. А. Хастатову, от путешествия по Военно-Грузинской дороге. В. Г. Белинский, лечившийся в 1837 году в Пятигорске, удивлялся, когда вышел роман, «непостижимой верности, с какою обрисованы у г. Лермонтова даже малейшие подробности» жизни курортного общества. Сохранилось свидетельство, что в основу «Бэлы» Лермонтов положил происшествие, рассказанное ему Хастатовым, «у которого действительно жила татарка этого имени». Имеется указание, что в «Фаталисте» Лермонтов использовал другой случай из жизни Хастатова, когда тот в станице Червленной ворвался безоружный в хату, где с пистолетом и шашкой заперся пьяный казак. Упоминания в мемуарной литературе о том, что случай, описанный в «Тамани», произошел в Тамани с самим Лермонтовым, подтвержда-

ется рассказом М. Цейдлера. В 1838 году Цейдлер был командирован на Кавказ и останавливался в Тамани. Описывая в своем очерке («На Кавказе в 1830-х годах») красоту своей соседки и внешность слепого мальчика, которых изобразил Лермонтов, Цейдлер поясняет, что ему суждено было жить в том же домике, где жил поэт, и тот же слепой мальчик и загадочный татарин послужили сюжетом к его повести. «Мне даже помнится, — пишет Цейдлер, — что, когда я, возвратись, рассказывал в кругу товарищей о моем увлечении соседкою, то Лермонтов пером начертил на клочке бумаги скалистый берег и домик, о котором я вел речь».

В облике доктора Вернера современники обнаружили портретное сходство с Н. В. Майером — медиком штаба кавказских войск в Ставрополе; летние месяцы он проводил на Водах. Указывали также на сходство Грушницкого с офицером Н. П. Колюбакиным. Герой «Фаталиста» Вулич имеет черты сходства с конногвардейцем И. В. Вуичем. В образе княжны Мери современники узнали не одну, а нескольких светских девушек, проводив-

ших лето 1837 года в Пятигорске, — лишнее доказательство, что персонажи «Героя нашего времени» заключают в себе не только портретные, но и типические черты.

Писать роман Лермонтов начал не раньше второй половины 1838 года; еще в июне он жаловался С. А. Раевскому: «писать не пишу», — и сообщал, что работа над «Княгиней Лиговской» затянулась и вряд ли кончится. Очевидно, к этому времени относится запись «Я в Тифлисе...», представляющая собою первоначальный сюжет «Тамани». Но уже в марте 1839 года в «Отечественных записках» была помещена «Бэла (Из записок офицера о Кавказе)», в ноябре — «Фаталист». «С особенным удовольствием пользуемся случаем известить, — сообщала в примечании редакция, — что М. Ю. Лермонтов в непродолжительном времени издаст собрание своих повестей, и напечатанных и не напечатанных. Это будет новый, прекрасный подарок русской литературе». В феврале 1840 года в том же журнале появилась «Тамань»; в это время работа над романом была уже закончена: 19 февраля цензор разрешил печатать отдель-

ное издание — «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова, часть I и часть II».

Главы этого сочинения — «Бэла», «Максим Максимыч», «Тамань», «Княжна Мери» и «Фаталист» — расположены так, что события, описанные во второй части, предшествуют тем, которые Лермонтов описал в первой. Если заняться расположением повестей в хронологической последовательности и восстановить порядок, в котором события происходили в жизни героя, то книга выглядела бы так:

1. Следуя на Кавказ, к месту назначения, Печорин остановился в Тамани («Тамань»).

2. После участия в военной экспедиции Печорин едет на Воды, живет в Пятигорске и Кисловодске, убивает на дуэли Грушницкого («Княжна Мери»).

3. За эту дуэль Печорина отправляют на «линию», в крепость на левом фланге, под начальство Максима Максимыча («Бэла»).

4. Из крепости Печорин отлучается на две недели в казачью станицу, где держит пари с Вуличем («Фаталист»).

5. Через пять лет после этого вышедший

в отставку Печорин по дороге в Персию встречается во Владикавказе с Максимом Максимычем («Максим Максимыч»).

6. На обратном пути из Персии Печорин умирает («Предисловие к «Журналу Печорина»»).

Однако Лермонтов предпочел иную постановку повестей и сначала описал Печорина «извне», а потом «изнутри», сперва таким, как воспринимает его человек иного социального круга — Максим Максимыч, затем — с точки зрения странствующего офицера, пересказывающего историю Бэлы. И только после этого читатель узнает о смерти Печорина и знакомится с его «Журналом», то есть с его собственными суждениями о самом себе. Так цикл повестей, связанных между собой образом героя, превратился в первый в русской литературе психологический роман.

Фрагментарность романа освобождала Лермонтова от необходимости рассказывать биографию героя, позволяла ограничиваться намеками. «Честолюбие мое подавлено обстоятельствами», — записывает Печорин. И читателю нетрудно угадать: это намек на ссыл-

ку. «Мы не способны более, — говорит он, — к великим жертвам... для блага человечества», подразумевая под «благом человечества» свободу. В борьбе с самим собой он истощил жар души и постоянство воли, «необходимые для действительной жизни», — для жизни — действия, для борьбы. «Я стал не способен к благородным порывам», — записывает он. Печорин презирает себя, сетует, что жизнь его «становится пустее — день ото дня». Потому-то он и разыгрывает «жалкую роль палача» княжны Мери и Грушницкого в «комедии», которую затеял, ибо не знает, чем утолить тоску по настоящей жизни, убить силы, достойные настоящего дела.

Суд Печорина над самим собой был воспринят как обвинение всему общественно-политическому строю николаевской России. Намеки Лермонтова угадывались. «Читая строки, — замечал Белинский, — читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное автором, понимаешь еще и то, чего он не хотел говорить, опасаясь быть многоречивым».

Николай I и реакционная критика утвер-

ждали, что Печорин выглядит как клевета на современность. Редактор журнала «Маяк» С. Бурачок писал: «Весь роман — эпиграмма, составленная из непрерывных софизмов, так что философии, религиозности, русской народности и следов нет». При этом Бурачок утверждал, что Печорин — сам Лермонтов, и тем самым относил к Лермонтову политическую характеристику его героя.

В ответ на попытки журналистов реакционного лагеря опорочить автора и умалить значение лермонтовского романа Белинский, разбирая характер Печорина, писал: «Эгоист, злодей, изверг, безнравственный человек!..» — хором закричат, может быть, строгие моралисты. Ваша правда, господа; но выто из чего хлопчете? за что сердитесь?.. Вы предаете его анафеме не за пороки, — в вас их больше и в вас они чернее и позорнее, — но за ту смелую свободу, за ту желчную откровенность, с которой он говорит о них... Да, в этом человеке есть сила духа и могущество воли, которых в вас нет; в самых пороках его проблескивает что-то великое... Ему другое назначение, другой путь, чем вам. Его стра-

сти — бури, очищающие сферу духа; его заблуждения, как ни страшны они, острые болезни в молодом теле, укрепляющие его на долгую и здоровую жизнь...»

Печорин вступил в жизнь после восстания декабристов, а умер в конце 30-х годов, еще до того, как на историческую сцену выступили новые общественные силы. Он герой промежуточной эпохи. Об этом и говорил Белинский, когда указывал на «переходное состояние духа, в котором для человека все старое разрушено, а нового еще нет, я в котором человек есть только возможность чего-то действительно в будущем и совершенный призрак в настоящем».

Печорин стремился к личной свободе. Он понимал ее как разрыв с аристократическим обществом. Он замкнулся в себе и погиб в одиночестве.

[^^^]

Стр. 579. *Гурда* — название лучших клинков на Кавказе, по имени оружейного мастера Гурда.

[^^^]

Стр. 589. *Ученый Гамба* — Жан Франсуа Гамба, французский консул в Тифлисе, много путешествовавший по Кавказу. Гамба оставил записки, в которых по ошибке назвал Крестовую гору горой святого Кристофа. Слова «ученый Гамба» Лермонтов употребляет иронически.

[^^^]

Стр. 614. *Гетева Миньона* — героиня романа Гете «Ученические годы Вильгельма Майстера» (1821–1829).

[^^^]

Стр. 618. «*Последняя туча рассеянной бури*» — первая строчка из стихотворения Пушкина «Туча».

[^^^]

Стр. 626. *Римские авгуры* — жрецы-гадатели.

[^^^]

Стр. 651. Повторяя любимую поговорку одного из самых ловких повес... воспетого некогда Пушкиным. — Лермонтов приводит поговорку Петра Павловича Каверина, которого Пушкин помянул в первой главе «Евгения Онегина»:

*К Talon помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.*

В дни юности Пушкина Каверин служил в том самом лейб-гусарском полку, в который потом вступил Лермонтов, услышавший там о Каверине множество полковых преданий.

[^^^]

Стр. 656. *Но смешивать два эти ремесла //
Есть тьма охотников — я не из их числа — не
вполне точная цитата из «Горя от ума» Грибо-
едова.*

[^^^]

Стр. 658. *Ума холодных наблюдений // И сердца горестных замет* — строки из посвящения к «Евгению Онегину».

[^^^]

Стр. 659. *Есть минуты, когда я понимаю Вампира.* — Вампир — герой одноименной английской повести, записанной со слов Байрона его доктором Полидори. В 1828 году повесть вышла в Москве в русском переводе.

[^^^]

Стр. 673. *Берегитесь!* — закричал я ему, — *не падайте заранее; это дурная примета. Помните Юлия Цезаря!* — Легенда утверждает, что Юлий Цезарь был убит заговорщиками в сенате потому, что не обратил внимания на дурную примету: он остутился на пороге курии Помпея.

[^^^]

Стр. 682. *Фаталист* — человек, верящий в фатум — судьбу.

[^^^]